

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет»
БАЙКАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕСА
И МЕЖДУНАРОДНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Ю. А. Зуляр

ПОЛИТОЛОГИЯ

Том I

Учебное пособие

Иркутск
2008

УДК 32(075.8)
ББК Ф2я73

Печатается по решению научно-методического совета
Иркутского государственного университета

Печатается по решению ученого совета Байкальского института бизнеса
и международного менеджмента ИГУ

Руководитель проекта:

В. Н. Саунин, директор Байкальского института бизнеса и международного
менеджмента ИГУ, канд. ист. наук, доц.

Рецензенты:

Ю. Ф. Абрамов, заведующий отделением политологии и религиоведения ИГУ,
д-р филос. наук, проф.;

А. В. Шалак, заведующий кафедрой экономической истории
Байкальского университета экономики и права, д-р ист. наук, проф.

Зуляр Ю. А.

Политология: Базовый курс : учеб. пособие : в 2 т. Т. 1 / Ю. А. Зуляр ; Иркут.
гос. ун-т. — Иркутск : ГУ НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2008. — 592 с.

ISBN 978-5-98277-058-5

Книга знакомит читателя с историей и современными научными представлениями отечественной и зарубежной политической науки о развитии политического процесса. В пособии освещен процесс формирования политологии как науки и как учебной дисциплины, раскрыты предмет, методы и функции политической науки. В нем рассмотрены структура политической системы общества, формы правления и политические режимы, избирательные системы, исторические этапы становления развития политической теории.

Пособие по политологии подготовлено в соответствии с государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования Российской Федерации по одноименному курсу.

Для преподавателей высших учебных заведений, студентов, аспирантов, бакалавров, специалистов и слушателей отделений политологии университетов, получающих второе высшее образование, для всех интересующихся политикой.

УДК 32(075.8)
ББК Ф2я73

ISBN 978-5-98277-058-5
(ГУ НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН)

© Зуляр Ю. А., 2008
© ГОУ ВПО «Иркутский
государственный университет, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
----------------	---

Часть первая Введение в учебную дисциплину

Раздел 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Глава 1. Политика как социальный феномен.....	10
§ 1. Объект и предмет политической науки	10
§ 2. Структура, функции и границы политики	19
§ 3. Свойства политики	29
Вопросы для самоконтроля	40
Глава 2. Возникновение и становление политологии	42
§ 1. Период накопления политических знаний	42
§ 2. Время «первой институционализации» политической науки	51
§ 3. Этап «второй институционализации» политической науки...	64
Вопросы для самоконтроля	71
Глава 3. Политология как наука и учебная дисциплина	72
§ 1. Структура политологии и ее место в системе наук	72
§ 2. Методология политической науки	80
§ 3. Итоги развития методологии современной политической науки	92
§ 4. Политология как учебная дисциплина	100
Вопросы для самоконтроля	105
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК К РАЗДЕЛУ 1	105

Часть вторая Форма политики

Раздел 2 ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Глава 4. Сущность, структура и функции политической системы ...	114
§ 1. Понятие и структура политической системы	114
§ 2. Функции и типы политических систем	125
§ 3. Политические режимы и тенденции развития политических систем	132
Вопросы для самоконтроля	142
Глава 5. Авторитарные и тоталитарные политические системы	144
§ 1. Авторитаризм	144
§ 2. Понятие тоталитарных систем	154
§ 3. Неототалитарные тенденции в современном обществе	169
Вопросы для самоконтроля	177
Глава 6. Демократия: история и современность	178
§ 1. Понятие и измерение демократии	178
§ 2. Современная демократия	194
§ 3. Плюрастическая демократия и способы перехода к ней	209
Вопросы для самоконтроля	229
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК К РАЗДЕЛУ 2	230

Раздел 3 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Глава 7. Государство	236
§ 1. Сущность государства	237
§ 2. Правовое и социальное государство	247
§ 3. Устройство современного государства	282
Вопросы для самоконтроля	314
Глава 8. Группы интересов, политические движения и партии	316
§ 1. Группы интересов и политические движения	316
§ 2. Политические партии	330
§ 3. Типы партий и партийных систем	359
Вопросы для самоконтроля	389

Глава 9. Тенденции развития политических институтов	390
§ 1. Тенденции развития государства	390
§ 2. Основные тенденции в развитии партий	396
§ 3. Международные межправительственные политические и общественно-политические объединения и движения	402
Вопросы для самоконтроля.....	426
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК К РАЗДЕЛУ 3	427

Раздел 4

АГЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Глава 10. Социальные группы как субъекты политики	432
§ 1. Понятие агента политических отношений	432
§ 2. Социальная стратификация	440
§ 3. Место и роль классов и социальных групп в политике.....	453
§ 4. Функции социальной структуры и ее динамика в современном мире	468
Вопросы для самоконтроля	478
Глава 11. Политические элиты	479
§ 1. Возникновение понятия и теории элит	479
§ 2. Основные направления современной элитарной теории ..	488
§ 3. Типология, социальная результативность и рекрутирование политической элиты	497
Вопросы для самоконтроля	523
Глава 12. Первичные субъекты политики	524
§ 1. Индивид как субъект политики	525
§ 2. Понятие лидерства	531
§ 3. Природа политического лидерства	541
§ 4. Классификация, функции и тенденции развития лидерства	551
Вопросы для самоконтроля	577
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК К РАЗДЕЛУ 4	578
Путеводитель по пособию	584

ВВЕДЕНИЕ

Преподавание политологии в вузах нашей страны началось в начале 1990-х гг. До этого само изучение этой науки властью не приветствовалось, она считалась вредной для советских людей. Наиболее опасными для идеологов режима являлись исследования природы тоталитаризма и признание западных демократических моделей эталонными, а прав человека — приоритетными.

Прошедшие 15 лет стали периодом бурного развития политологии на российской почве. Проявилось это прежде всего в осмыслении и обслуживании динамично развивающегося политического процесса. Наряду с этим ежегодно издавались учебники для вузов, в которых обобщался мировой опыт политической науки и делались попытки осмысления отечественной практики последних лет. Пока не произошло объединения этих двух потоков отечественной политической мысли, и они развиваются по большей части автономно, что, безусловно, обедняет каждый из них. Все это свидетельствует о том, что российская политическая наука находится в самом начале своего развития, на этапе поиска перспективных организационно-научных форм.

Особенностью современного этапа и в определенной мере известной трудностью в решении данной задачи в свете российской научной традиции является отсутствие авторитетного в этой отрасли института Российской академии наук. А практикующие политологи (политтехнологи) основные усилия направляют на обслуживание субъектов политического процесса и не имеют возможности сосредоточиться на решении научных проблем политологии. Следовательно, реально занимаются научным анализом современной политической ситуации политологи-преподаватели высшей школы, в большинстве своем непосредственно не вовлеченные в повседневную политическую деятельность или работу по ее обслуживанию и поэтому могущие изучать ее в некоторой отстраненности, необходимой для обеспечения научной объективности, но вынужденные при этом постоянно ориентироваться на потребности учебного процесса.

Мы являемся свидетелями появления большого количества учебных пособий, выходящих как в столицах, так и региональных центрах высшего образования в разных частях страны. Среди авторов учебников и маститые ученые, известные еще по советским временам, и новые, уже зарекомендовавшие себя как знающие и оригинальные исследователи, и совсем еще не известные, но интересные в подходах и обобщениях авторы. Это показывает, с одной стороны, значительный интерес, который вызывает у обществоведов политическое развитие современной России, и все возрастающую потребность общества в комплексных обобщающих работах, посвященных феномену политики в целом и российской политической истории и традиции, с другой стороны.

Политология как учебная дисциплина сегодня преподается на большинстве факультетов российских вузов. Это потребовало большого количества преподавателей политологии, которых в советский период не готовили. Поэтому к преподаванию этого предмета были привлечены преподаватели, представляющие все направления общественных наук. Стихийность этого процесса привела к интересным результатам — многодисциплинарности преподавания политологии как учебной

дисциплины. В реальной преподавательской практике студенты имеют дело с философским, историческим, юридическим и т. п. осмыслением политологии и очень редко с политологией в «чистом» виде. Явление это временное: с появлением достаточного количества выпускников политологических факультетов и отделений преподавательский корпус политологов станет достаточно профессиональным. Однако для этого потребуются еще несколько десятилетий.

Представители социальных наук, вовлеченные в процесс преподавания политологии для студентов различных специальностей, с середины 1990-х гг. стали активно издавать учебные пособия по преподаваемому предмету. Делалось это по разным причинам: вначале учебников по политологии вообще не было, затем возникло желание обобщить и систематизировать свои авторские курсы. По мере накопления опыта преподавания и необходимости осмысления российской политической реальности все больше материала и идей оставалось за рамками небольшого по объему вузовского курса. Это вызвало потребность в более просторном и глубоком изложении проблем политической науки с точки зрения отечественного общественнознания. Потребность эта реализуется сейчас в появлении объемных, в научном плане более добротных учебников, претендующих на изложение основной совокупности политологических проблем современности. Третья по специфике волна научно-методических пособий представлена работами, ориентированными на студентов определенных общественных специальностей: политологов, историков, философов, юристов, социологов и других. Эти пособия характеризуются наличием специальной терминологии, соответствующего подбора примеров, перераспределением часов по темам внутри курса и тому подобное.

Приведенный анализ, казалось бы, свидетельствует о решенности проблемы научно-методического обеспечения учебного процесса преподавания политологии в российских вузах. Это не совсем так. Несмотря на большой выбор учебных пособий по политологии ощущение дефицита подходящих учебников не исчезает. Причин тому несколько. Прежде всего, в настоящее время курс политологии преподается на 1, или 2, или 3, или 4-х курсах. Соответственно подготовка учащихся различна, а ведь политология, по мнению автора, самая сложная социальная дисциплина, с еще не определившейся теорией и не оформившимся (на русском языке) понятийным аппаратом. Как показывает практика, авторы учебников рассчитывают на старшекурсников, изучивших другие социально-экономические дисциплины. Однако сейчас политология чаще всего преподается на 1-м или 2-м курсах, то есть для неподготовленной студенческой аудитории. А авторы апеллируют к продвинутому студенту, способному быстро привлекать дополнительную литературу и легко оперировать сложными политическими абстракциями и моделями.

Все это свидетельствует о том, что процесс поиска приемлемого по форме и содержанию научно-методического пособия для преподавания политологии далек от завершения. Поэтому ученым, работающим в сфере политических наук и политической практики, следует и дальше с наименьшей энергичностью продолжать работу по подготовке учебника, удовлетворяющего потребностям конкретного учебного процесса сегодняшнего дня и учитывающего господствующие тенденции политического развития.

Данное пособие состоит из 2 частей, включающих в себя 4 раздела, освещающих основные проблемы современной политической науки. Автор не претендует

на создание принципиально нового, качественно отличного от других аналогичных пособия для преподавания в вузе основ политической науки. С целью создания эффективной научно-методической работы он в максимальной степени использовал достижения своих коллег-преподавателей, политтехнологов и ученых-политологов. Авторы учебного пособия, не будучи глубокими специалистами по всем проблемам, которые они обязаны осветить в учебнике, часто оказываются перед сложной дилеммой. Что лучше: использовать удачное определение, данное твоим коллегой, или конструировать свое, часто уступающее ему по качеству. Автор в таких случаях приводит несколько определений либо одно чужое (с указанием автора), не настаивая на своем. Список использованных трудов приводится в конце каждого раздела.

Для повышения уровня усвоения учебного материала текст внутри разделов разделен на главы, параграфы, части и блоки. Каждая глава заканчивается списком вопросов для самоконтроля обучающегося. Оглавление, помещенное в начале пособия, дополнено подробным путеводителем, позволяющим легко найти ответ на возникший у читателя вопрос и помещенным в конце книги. В конце каждого раздела приведена подробная библиография по рассмотренным в нем проблемам.

Учитывая сложность познания механизма политических процессов, действующих в обществе, следует понимать, что это пособие не претендует на роль самоучителя по данной учебной дисциплине. Предполагается, что изучение курса политологии будет происходить под руководством опытного преподавателя, способного обеспечить квалифицированную консультацию обучающегося по всем возникшим у него вопросам. Кроме этого высокий темп современной политической жизни приводит к быстрому устареванию иллюстративных примеров и требует постоянного «осовременивания» курса. Для устранения этих сложностей автор старался минимизировать использование в тексте примеров, давая тем самым простор для творческой деятельности преподавателя, ведущего предмет.

Представленное пособие организовано по модульному принципу. Исходя из продолжительности курса и его структуры, преподаватель без принципиального снижения качества курса может сократить объем предлагаемого студентам материала. Вместе с тем, если обстоятельства позволяют предложить обучающимся более глубокое изучение основных проблем, в пособии представлено подробное освещение ряда учебных вопросов.

Цель настоящего пособия — познакомить всех интересующихся современной общественной жизнью, политикой государства и мирового сообщества, а также изучающих политическую науку в высшей школе с основами политологии и демократической парадигмы. Изложение материала и подходы автора направлены на формирование у читателя собственной позиции по основным политическим проблемам современности. Многие вопросы, рассмотренные в книге, вызывают споры у политологов не только нашей страны, но и западных демократий, поэтому материал организован таким образом, чтобы у читателя сложилось представление о позициях и аргументах разных сторон.

Часть 1

ВВЕДЕНИЕ В УЧЕБНУЮ ДИСЦИПЛИНУ

Раздел 1

ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Глава 1

ПОЛИТИКА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

§ 1. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Важнейшим элементом обоснования научного статуса политологии является определение ее объекта и предмета. Объект познания — это все то, на что направлена деятельность представителей данной науки, что противостоит им в качестве объективной реальности и имеет отношение к сфере их научных изысканий. Когда же речь идет о предмете исследования данной научной дисциплины и конкретного исследователя, то эта часть объективной реальности (например, власть или свойства политики) рассматривается не целиком, а лишь с той ее стороны, которая определяется спецификой данного исследования. Другие стороны в этом случае рассматриваются как второстепенные. Поэтому отличие наук и исследователей друг от друга состоит в том, что они, имея один объект изучения, исследуют различные предметы.

Объектом политологии является политическая реальность. Ее рассматривают также философия, социология, политическая психология и т. д. Предмет политического познания не может быть тождественен объекту, именно это и позволяет выделить политологию в самостоятельную научную дисциплину. Но вопрос определения предмета политологии все еще остается дискуссионным.

Политология, как вытекает из буквального перевода этого термина, означает *науку о политике*. Следовательно, предметом ее изучения является политика. Политика как важнейший элемент социального существования является объектом для теоретических и практических исследований всех социальных наук, но только для политологии — он единственный.

1.1.1. Политика как планетарное явление

Политика — одно из наиболее употребительных слов в общественном лексиконе. Еще древнегреческий политический деятель Перикл утверждал, что лишь немногие могут творить политику, но судить о ней могут все. Повседневно говорится о политике государства, о политике партий, о семейной политике и т. д. Означает ли это, что во всех перечисленных случаях имеется в виду одно и то же, или же существует разница в содержании понятия «политика» применительно к каждому из них? Что такое политика? Чем она отличается от других сфер жизни? Какие области человеческой деятельности связаны с политикой?

Термин «политика» получил распространение под влиянием трактата Аристотеля о государстве, его сущности, формах устройства, формах правления, названного им «Политика». Он утверждал, что «государственное устройство (*politeia*) — это распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти» [8, 112]. Политика (от греческого слова *politika* — государственное или общественное дело, *polis* — город-государство) — понятие, обозначающее отношения, взгляды (концепции) и действия в связи с определенным государственным устройством; сфера деятельности, возникающая в социально-дифференцированном обществе при наличии государства. Политика — сложное многоаспектное понятие. Как вид социальной деятельности по принятию решений, распределению благ, выдвижению целей, социальному руководству, соисканию власти, осуществлению конкуренции интересов и оказанию влияния политика осуществляется внутри любой общественной группы.

Анализ различных подходов к теоретической интерпретации политической сферы позволяет сделать вывод о ее многомерном характере. Политика выступает в единстве трех взаимосвязанных аспектов: как сфера общественной жизни, как один из видов активности социальных субъектов и как тип социальных отношений (между индивидами, малыми группами и т. д.).

В первом аспекте политика предстает элементом структуры общества, за которым закреплены функции согласования общих и частных интересов, осуществления господства и поддержания порядка, реализации общезначимых целей и руководства людьми, регулирования ресурсов и управления общественными делами.

Второй аспект связан с интерпретацией политики как способа совокупной и индивидуальной активности социальных субъектов, вида человеческой деятельности и социального поведения. Именно в этом ракурсе М. Вебер анализирует политику как предприятие и профессиональную деятельность ее субъектов, занимающихся политической деятельностью «по случаю», «по совместительству» и «профессионально» [26, 652].

Что же касается третьего аспекта, то уже Аристотель определил политику как высший вид человеческого общения [8, 113].

Рассматривая политику как уникальное и универсальное явление, следует выяснить ее универсальность и вневременность. Является ли политика уделом только человеческого общества или же она присуща любому проявлению жизни? Для этого необходимо рассмотреть ее проявления в жизнедеятельности различных существ.

Проявления любой жизни подчиняются определенным правилам, их совокупность представляет жестко организованное русло, в котором развивается любой вид живых существ. Эта конфигурация правил, регулирующая существование любого вида существ, обуславливающая их взаимодействие внутри своего сообщества с другими видами и формами жизни и с природой, и является политикой в широком смысле этого слова (протополитикой).

Не пытаясь детализировать общие проявления протополитики, выделим ее важнейшую компоненту — увеличение численности своего вида (продолжение рода). Действие этого закона очевидно и при анализе животных сообществ и человеческих обществ, особенно в неблагоприятных обстоятельствах. Отступление от этого правила приводит к исчезновению вида или его разновидности. Яркой иллюстрацией

люстрацией этого является сложная демографическая ситуация в развитых странах, в т. ч. в России.

Другим не менее важным правилом протополитики является сохранение своего рода в совокупности глобального сообщества. Действие процессов ассимиляции, продолжавшихся многие тысячелетия, оказалось бессильным свести население планеты, в том числе и людское, к нескольким этносам или нациям. Соглашаясь со своей принадлежностью к более крупным сообществам, этносы и нации упорно оберегают свою индивидуальность через сохранение своей культурной уникальности.

Иерархичность живых сообществ — наиболее заметное их качество. Оно реализуется как сообществами, так и отдельными особями (индивидами). Чем выше организация живого сообщества, тем контрастнее проявление этого закона. Иерархичность обеспечивает управляемость сообщества, а следовательно, и его выживаемость в сравнении с другими видами и подвидами.

Коллективность жизни — обязательное условие ее сохранения. Единичный представитель, как на уровне микроорганизмов, так и высших животных, включая человека, не вовлеченный в определенную популяцию или социальную группу, обречен на исчезновение.

Главный аргумент сторонников уникальности человеческой политики — способность людей к коллективному труду, феномен, достаточно распространенный у животных и насекомых.

Следовательно, протополитика в ее широком толковании есть условие существования жизни.

Характеризуя протополитику, следует иметь в виду ее человеческую разновидность как высшую и наиболее сложную форму. Однако следует прежде всего признать соответствие человеческой разновидности протополитики общебиологическим законам (протополитике) как общему и предшествующему явлению.

Направленность протополитики обуславливает выделение вида животных, обладающих способностью к организации, иерархичности и, благодаря высокой продолжительности жизни, способных эффективнее других собирать, использовать и передавать накопленную информацию потомству.

Протополитика обусловила превращение человека в доминирующий на планете вид живых существ, обладающих самой высокой скоростью эволюции. По отношению к человечеству протополитика является внешним воздействием, направленность которого остается непознанной. Следовательно, протополитика по отношению к человечеству является объективным явлением, игнорирование которой или недооценка чревата серьезными последствиями. Свидетельством этого является советский период в истории России, когда попытка добиться полной социальной однородности и идентичности стоила миллионов жизней, но не принесла ожидаемого результата.

Политический процесс воздействует на все государства и социальные группы. При этом одни исчезают, но на их место обязательно приходят другие организационно-правовые формы. Главным вопросом воздействующей на человечество политики является ее направленность и обусловленность и вытекающая из этого миссия человечества. Эволюция человеческого общества сопровождается трансформацией политики. Образование рода, моногамной семьи и племени нашло

свое выражение в формировании традиционной политики, которая реализуется на конкретной территории на основе традиций рода и племени и представляет собой неписанный свод запретов и обрядов. Традиционная политика — разнообразное воплощение политики, обуславливающее сохранение этнических групп и процесс самоидентификации личности.

Дальнейшее развитие догосударственного социума и совершенствование его структуры привело к созданию мультиплеменных образований, т. е. к формированию союзов племен — относительно устойчивых образований, создаваемых чаще всего для совместного ведения военных действий против третьей стороны. Это обусловило принципиальное усложнение традиционной политики, и ее переход в предгосударственную фазу. Эта политика характеризуется доминированием интересов социальных групп, а не родовых сообществ, хотя и выражается в деятельности последних.

Эволюция догосударственного социума, выражавшаяся в усложнении жизни родовых, племенных и межплеменных сообществ, привела к появлению первых государственных образований и формированию государственной политики. Создание государств является величайшим социальным изобретением. Самостоятельно дойти до этой стадии удалось незначительному числу этносов. Об этом свидетельствует тот факт, что число государств измеряется сотнями, а народов — тысячами.

Переход человечества в государственную стадию не остановил процесса трансформации политики. Первая стадия государственной политики — национальная — дополнилась межнациональной. Межгосударственная (региональная) стадия фактически наследовала задачи межплеменной политики и имела преимущественно военно-стратегический характер. Начиная с XX в. все большую роль в формировании межгосударственных союзов начинают играть идеологические, религиозные и экономические интересы.

Техническая и научно-техническая революции дали возможность быстрого перемещения грузов и людей по планете, а развитие систем массовой коммуникации позволило передавать информацию на любые расстояния и получать ее в режиме реального времени. Это обусловило превращение Земли в единый театр мировой (глобальной) политики. В настоящее время ни одна страна мира не остается вне ее руслу, более того, любое значимое событие, произошедшее в любом государстве, тут же становится достоянием мировой общественности. Для управления глобальными политическими процессами после ряда попыток был создан специальный орган — Организация Объединенных Наций (ООН).

Конец XX — начало XXI вв. ознаменовался появлением новой разновидности политики — наднациональной. Наглядным свидетельством этих процессов является объединенная Европа, в которой законодательство Европейского Союза и Европейский суд имеют приоритет над национальными институтами. Возможность создания таких сообществ обсуждается элитами Латинской Америки и Африки. На этом фоне политика, проводимая рядом лидеров СНГ, представляется недалеконovidной.

Политические процессы, развивающиеся после окончания Холодной войны, демонстрируют тенденцию к формированию многополярного мира. Классический биполярный мир остался в прошлом. Следовательно, мировая политика ста-

новится более сложной. В качестве центров мировой политики выступают США, Объединенная Европа, Россия и Китай. В настоящее время можно говорить о нарастании роли глобально ориентированной политики — геополитике.

Эволюционные изменения, происходящие в структуре политики государственного периода, не исчерпывают объективных обстоятельств, определяющих развитие как мировой, так и национальной политики. Важнейшими факторами, определяющими состояние современного мира, также являются экономический, географический, религиозный, этнический и в значительной степени идеологический.

Задача социального выживания человечества является главным фактором и даже современным императивом, поскольку глобальный социум входит в судьбоносный период противоречий как внутри мирового сообщества, так и между ним и природной средой.

Говоря о политике как объекте политологии, следует учитывать невозможность ее познания в рамках одной, даже специализированной научной дисциплины. Именно поэтому при разработке политического курса в целом и отдельных мероприятий привлекается широкий круг специалистов, представляющих разные научные дисциплины.

1.1.2. Предмет политической науки

Анализ политики как сложного феномена показывает невозможность для политологии ее полного изучения и 100 % прогнозирования. Следовательно, предмет изучения политической науки значительно уже, поэтому его определение является принципиальным.

Прежде всего необходимо выделить в мировом политическом процессе основные периоды: один, заверченный, — догосударственный, второй, текущий, — государственный, и третий, прогнозный, — постнационально-государственный. Пока нет никаких свидетельств скорого наступления третьего периода, но можно предположить, что если был период, когда национальное государство еще отсутствовало, то может наступить другой — когда оно в основном уже станет историей.

Политология преимущественно изучает политику государственного периода. В нем, как в целостном социуме, выделяются следующие взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы: производственная, или экономико-хозяйственная, социальная, духовная и политическая. Производственная подсистема обеспечивает материальную инфраструктуру, а политическая — механизм реализации общей воли и общего интереса всех основных составных элементов системы в целом. Социальная и духовная сферы составляют гражданское общество. В нем формируются социально-экономические, социально-культурные, этнические, религиозные, образовательные и иные тенденции политики.

Производственную подсистему изучает совокупность экономических научных дисциплин. Однако исходя из того, что экономическое развитие в настоящее время в значительной степени является основанием и результатом государственной деятельности, естественно, что политологи интересуются экономической составляющей политических процессов.

Общество во всех его организационно-правовых формах является преимущественно предметом исследования социологии. Однако политолог должен иметь хотя бы общие представления об основных факторах и исторических этапах формирования и эволюции общества, его сущностных характеристиках, основных институтах, ценностях, отношениях и так далее.

Т. Парсонс утверждал, что всякое явление можно рассматривать как политическое, если оно затрагивает организацию и реализацию ресурсов, необходимых для осуществления целей данного коллектива [124].

Совокупность проблем, которыми занимается политология, можно разделить на три крупных раздела:

- 1) социально-философские и идейно-теоретические обоснования политики, системообразующие признаки и характеристики подсистемы политического, политические парадигмы, соответствующие тому или иному конкретному историческому периоду;
- 2) политические системы и политическая культура; отличия и сходство между различными политическими системами, их преимущества и недостатки; политические режимы, условия их изменения и смены и т. д.;
- 3) политические институты, политический процесс, политическое поведение и т. д.

В данной классификации речь не идет о какой бы то ни было иерархической соподчиненности этих трех блоков, о большей или меньшей значимости того или иного из них. Они равнозначны, поскольку идейно-теоретические обоснования политики невозможно понять в отрыве от конкретной политической системы, а ее, в свою очередь, — без знания конкретных политических институтов.

Все эти политические феномены представляют интерес, прежде всего, в их современном проявлении и состоянии. И оперативная задача заключается в том, чтобы выяснить их структуру, составные элементы, функции, соотношение и взаимодействие между этими составляющими. Но анализ будет односторонним и, стало быть, не раскрывающим адекватно их сущности без использования исторического, идейно-теоретического и социально-философского методов. Поэтому политологическое исследование включает три важнейших аспекта: исторический, конкретно-эмпирический и теоретический. В таком контексте политическая наука изучает историю политических учений и традиций, политических систем и идейно-политических парадигм и течений, теорию политики, механизмы принятия решений и реализации властных функций.

Основополагающими предметами исследования политологии являются государство, власть и властные отношения, составляющие как бы осевой стержень политического феномена. Но изучение этих явлений невозможно без комплексного подхода к анализу экономического, социально-культурного, философского, социально-психологического аспектов жизни общества. Каждый аспект обладает своими функциональными и структурными особенностями. Поэтому задача политической науки гораздо шире проблем государственно-правовых дисциплин. Политическая наука относится к исследованию государств и властных отношений, прежде всего как к социальным феноменам, как институтам политической организации общества, которые определяют своей главной целью реализацию составляющей всеобщего интереса.

Проблемы мирового сообщества как комплекса международных отношений составляют предмет исследования ряда научных дисциплин, таких как международное право, история, история дипломатии, социология и отчасти философия. Естественно, значительное внимание этому направлению традиционно уделяется и в политологии. Государство является субъектом политики не только как носитель власти и властных отношений в рамках отдельного государства, но и как выразитель государственного суверенитета и интереса в международных отношениях. Это особенно актуально на фоне усиливающейся тенденции к интеграции в экономической, политической, культурной жизни разных государств и народов, регионов и континентов.

Для политологии важен анализ параметров и критериев определения международных отношений как единой системы глобального масштаба, осуществляемый на основе собственных дисциплинарных подходов. Важнейшим при изучении закономерностей, форм и особенностей взаимодействия государств и других субъектов международных отношений в современных условиях представляется выявление и исследование механизмов принятия решений, обеспечивающих прекращение международных конфликтов и достижения консенсуса между государствами. Актуализируется выяснение роли и функций важнейших международных институтов, а также региональных и всемирных организаций.

Следовательно, предметом изучения политологии являются такие феномены, как государство, политическая система, государственный строй, власть и властные отношения, политические партии, политическое поведение, политическая культура, история политических учений и т. д. Эти институты и проявления политических отношений и процессов изучаются не только политологией, но в некоторых аспектах также и философией, социологией, государственно-правовой наукой и т. д. Однако, интегрируя отдельные проблемы этих дисциплин и превращая их в единственный предмет своих исследований, политология оказывается в точке пересечения специфических научных исследований и поэтому является междисциплинарной наукой.

1.1.3. Понятие политики

Определение политики вытекает из понимания политологией предмета своего изучения. В связи с молодостью политологии как самостоятельной научной дисциплины и сложностью изучаемого предмета трудно назвать другое понятие, которое вызвало бы столько споров и недоразумений в политической науке, как понятие самой политики — объекта и предмета изучения политологии. Не будет преувеличением сказать, что вопрос о сущности политики является дискуссионным для многих политологов. И это неслучайно: не будучи в состоянии диалектически подойти к природе самих явлений, не учитывая того, что существуют понятия, охватывающие не одно-два, а комплекс органически переплетенных связей, отношений и качеств, многие политологи теряются перед этой многоплановостью. Одни говорят о политике как о реальных отношениях людей по поводу государственной власти, другие называют политикой взгляды и концепции о государственном устройстве и его совершенствовании, третьи видят в политике умение или искусство государственного управления, четвертые заявляют, что политика —

это концентрированное выражение экономики и т. д. Обилие разнообразных характеристик политики, которые при поверхностном взгляде кажутся оторванными друг от друга и не сводимыми к общему знаменателю, и является, на взгляд автора, первопричиной алармистских настроений при попытках дать определение политики.

Не отрицая сложности задачи, не следует поддаваться пессимистическим настроениям. Гораздо важнее в рассмотрении политики применить системный анализ, абстрагируя шаг за шагом ее конкретные аспекты и характеристики с тем, чтобы таким путем получить более полное представление о той системе органически переплетенных связей, отношений и качеств, которые во всей своей совокупности и выражаются понятием «политика».

Трудно оспорить, что наиболее общим является представление о политике как понятии, характеризующем всю сумму реальных отношений граждан данного общества и его социальных групп по поводу существующего в нем государственного устройства. Это прежде всего отношения господства и подчинения между государством и его гражданами, а также возникающая из-за этого конкуренция и прямая борьба граждан и социальных групп за возможность использования государственной власти в своих интересах. Вместе с тем это еще и взаимодействие и противоборство общественных сил в связи с целями, средствами и действиями государственных органов.

Если реальное отношение граждан и социальных групп к действиям государственной власти составляют первый, непосредственный слой политики, то ее второй слой включает совокупность взглядов, концепций, установок, отражающих, осмысливающих как реальные политические отношения, так и пути развития государства. Речь идет о том, что определяет политику как специфическую форму общественного сознания, отличающегося от правовой или религиозной форм мировоззрения.

Естественно, возникает вопрос: что составляет главное содержание политической формы сознания, да и самой политики, есть ли здесь какая-либо путеводная нить Ариадны, которая позволила бы во всем многообразии выражаемых в политике устремлений выбрать главные, ключевые? Да, есть! Это — экономические (насуточные) интересы граждан и социальных групп. Именно они лежат в основе политики, в силу чего сама политика в значительной мере и является концентрированным выражением экономики. Если не вульгаризировать эту мысль, то она позволяет спускать на землю самые абстрактные политические баталии, противоборства возвышенных целей и высоких идеалов, обнаруживать за ними вполне конкретные экономические интересы и материальные устремления социальных групп и отдельных индивидов.

Может показаться, что все основные стороны, аспекты политики как общественного явления уже охвачены перечисленными характеристиками, но это не так, ибо политика не есть нечто безличное, «ничейное». Конкретная политика — всегда результат сознательного выбора самих политиков, которые, учитывая общественные потребности и расстановку сил в обществе, из многих вариантов удовлетворения назревших потребностей стремятся выбрать наилучший. И здесь политика выступает как искусство возможного, как профессиональное умение правильно определить политические задачи, выбрать средства, принять необходи-

мые решения и обеспечить их выполнение. Сфера политики как искусства — широкая сфера, ибо она в ходе анализа охватывает все стороны политики, политических отношений, решений и действий. При этом политик рассматривает их под своим углом зрения, оценивая и сравнивая имеющиеся политические последствия сделанного им выбора. Он сопоставляет удачи и провалы в реализации принятых решений через соотнесение результатов с задуманным и обещанным.

По мнению Д. В. Ольшанского и В. Ф. Пенькова, «в современном понимании политика — это не только отношения доминирования-подчинения, а особый род деятельности специальных людей, политиков, заключающийся в координации чужих интересов. По мере развития и усложнения общества интересы образующих его людей, малых и больших групп, социальных слоев населения вступают в неизбежные противоречия. Для того чтобы эти противоречия не препятствовали, а напротив, способствовали общественному развитию, постепенно возникла политика» [114, 30].

Вся суть политики вовсе не исчерпывается данным перечнем разных сторон политики, характеристикой ее неодинаковых аспектов (остается, скажем, связь политики и идеологии; политической теории и государственной практики; проблема судеб государства и политики и т. д.). Но все же можно утверждать, что, взятая в совокупности, в единстве даже только названных сторон и аспектов, политика все же выступает как вполне определенное общественное явление, неразрывное в других социальных явлениях и не отождествляемое с ними. Само собой разумеется и то, что политология, если она действительно претендует на аккумуляцию знаний о политике, должна стремиться дать представление и обо всей совокупности аспектов самого этого феномена.

Ядром этой сферы человеческой жизнедеятельности являются отношения и действия, связанные с завоеванием, удержанием и использованием государственной власти, участием в формировании ее конфигурации, в определении форм, задач и содержания деятельности государства. Государственная власть — это совокупность социальных ресурсов, созданных усилиями множества людей многих поколений. В этой связи можно привести мнение А. А. Мирошниченко, утверждающего, что «политика — это такой ... вид деятельности, сущностью которого является использование «чужих» ресурсов для достижения «своих» целей. Речь идет об использовании принципиально «чужих» ресурсов, которые перед началом какого-либо политического акта политику не принадлежат. Единственный его собственный изначальный ресурс — харизма и умение управлять интересами других людей» [103, 10].

Вопреки вульгаризаторам от марксизма, выводящим политику только из наличия классов и их борьбы, в действительности политика возникает вместе с возникновением государства и существует вместе с ним, независимо от того, есть ли в обществе антагонистические классы и классовая борьба. Хотя, разумеется, там и тогда, где налицо антагонистические классы, государство является дополнительной политической силой экономически господствующего класса. В этом случае борьба между классами-антагонистами неизбежно обрекает состязание за государственную власть, за осуществление ею определенных действий на острую и непримиримую политическую борьбу.

Не менее бесплодными представляются и противоположные попытки — оторвать политику от государства и интересов социальных групп, изобразить в качестве политики любую форму управления людьми: при таком подходе политика непозволительно расширяется, ибо тогда любые управленческие действия (внутри семьи, на стройке, на охоте, в учреждении или армии) объявляются политикой (а в таких случаях речь идет о целенаправленной деятельности людей в неполитической сфере социума). Но даже если связать политику со всеми отношениями и действиями людей, социальных групп по удержанию, завоеванию и использованию государственной власти, то не следует думать, что тем самым преодолены все сложности с определением политики.

Обобщая различные дефиниции, можно определить **политику как целенаправленную деятельность социальных групп и представляющих их индивидов по осознанию и представлению своих противоречивых коллективных интересов, в процессе борьбы за право контроля и использования политической власти в рамках государственной системы и общественных институтов.**

§ 2. СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И ГРАНИЦЫ ПОЛИТИКИ

В определении политики выражена сложность, противоречивость и многовекторность ее как социального феномена. Роль этого феномена обусловлена универсальностью, всеохватывающим распространением, способностью воздействовать практически на любые события общественной жизни: от масштаба государства до проблем личности. Политика теснейшим образом связана с экономикой, правом, культурой, моралью. Она стержень и сущность социума.

Политическая сфера — важнейшая область функционирования общества, в которой коренятся истоки политической деятельности во всем ее многообразии и развитии, реализуются политические интересы классов, других социальных групп и слоев, наций, народностей, отдельных людей посредством политических отношений, действий, поведения. Политическая сфера общества представляет собой совокупность явлений, имеющих различную природу, но непосредственно связанных с властью. К ним относятся институты, организации, отношения, нормы, идеи, программы, интересы, мотивы, установки и т. п. Сфера обеспечивает инфраструктуру государственно-политической организации и интересы всего общества.

Отличие политической сферы общества от других сфер определяется тем, что она выполняет главенствующую роль по отношению к ним. Такое положение обусловлено обязательностью выполнения принятых в ее рамках законов, решений, указов, предписаний, инструкций всеми другими общественными сферами. Именно в силу неразрывной связи с властными детерминантами политическая сфера имеет (особенно в переходные и судьбоносные периоды развития общества) приоритеты по сравнению с другими его сферами. В то же время политика тесно связана со всеми другими сферами, зависит от них, подпитывается за их счет идеями, людьми и другими ресурсами. Политика выступает концентрированным выражением и экономики, и культуры, и поведения, и мировоззрения людей.

Политическая сфера общества — область социальной жизни, охватывающая политические отношения данного сообщества, деятельность его субъектов. Ее об-

разуют взаимоотношения больших социальных групп, слоев, наций и государств, общественно-политических организаций, движений и сил в процессе решения различных политических проблем как внутри страны, так и за ее пределами. К числу структурных компонентов политической сферы общества относятся: политические отношения, деятельность, поведение и функционирование субъектов политики, политическая система, включающая государство, политические партии, политические движения и общественные организации в той мере, в какой они вовлечены в политическую жизнь, политико-правовые нормы и традиции, политическое сознание, культуру и коммуникацию.

1.2.1. Форма, содержание и процесс политики

Политика существует в различных ипостасях (проявлениях) — в виде мышления, речи и поведения людей. Она имеет сложное строение. В научной литературе выделяются различные аспекты и составные части политики. Одно из наиболее широко распространенных делений политики — разграничение в ней формы, содержания и процесса. Этой схемы, в частности, придерживаются В. П. Пугачев и А. И. Соловьев [134, 16].

Форма политики — это ее организационная структура, институты (в т. ч. и система правовых и организационных норм), придающие ей устойчивость, стабильность и позволяющие регулировать политическое поведение социальных групп и отдельных людей. Форма политики реально воплощается в государстве, партиях и группах интересов (ассоциациях и движениях), а также в законах, политических и правовых нормах.

Содержание политики выражается в ее целях и ценностях, в проблемах, которые она решает, в мотивах и механизмах принятия политических решений и, прежде всего, в государственной идеологии и политическом интересе ведущих социальных групп.

В политическом **процессе** отражается сложный, многосубъектный и конфликтный характер политической деятельности, ее проявление в виде отношений различных социальных групп, организаций и индивидов [134, 17]. Политический процесс есть достижение формой поставленных целей. Его также определяют как совокупность действий институционализированных и неинституционализированных субъектов по осуществлению своих специфических функций в сфере власти, которые обуславливают формирование и функционирование политической системы общества.

1.2.2. Элементы политики

Выше указанная схема не исчерпывает строение политики. Кроме нее В. П. Пугачев выделяет относительно самостоятельные элементы:

- 1) политическое сознание, менталитет, ценностные ориентации и установки индивидов, а также политические взгляды и теории;
- 2) нормативные идеи: программы и избирательные платформы политических партий, целевые установки групп интересов, политико-правовые нормы;

- 3) институты власти и борьбы за нее;
- 4) отношение властвования — господства и подчинения, а также политической борьбы и сотрудничества.

Если попытаться перечислить конкретные составные части политики, то в качестве таковых можно назвать политические взгляды, идеи, теории, программы, ценностные ориентации, установки, стереотипы, обычаи и традиции, образцы поведения, общественное мнение, политическую терминологию, психологию людей, государство, партии, группы интересов и движения, законы, права человека и другие политические и политико-правовые нормы, отношения власти и по поводу власти, политических лидеров, элиты, группировки и т. д. [66, 18]. Крайне сложная и не до конца изученная структура политического процесса постоянно находится в центре внимания общества. Политики и политические институты, исходя из своих интересов, стараются акцентировать внимание общества на отдельных важных для них сторонах. Объективный анализ политики всегда опирается на изучение значимого комплекса составляющих ее элементов.

1.2.3. Первичные и основные действующие начала политики

Основными действующими началами политики являются ее субъекты, которые выступают в качестве источника политической активности. В основе политики лежат политические отношения между ее субъектами, их деятельность и функционирование. Субъект политики, по определению Ю. В. Ирхина, это «носитель предметно-практической политической деятельности, направленной на объект политики. Под субъектом подразумевается активно действующий и познающий, обладающий сознанием и волей индивид или социальная группа; под объектом — то, на что направлена познавательная и иная деятельность субъекта» [63, 19].

Политика предполагает определенное желание (намерение) со стороны одного субъекта воздействовать, влиять на другой субъект политического процесса (выступает в качестве объекта). В случае ожидаемого развития событий второй субъект воспринимает определенное воздействие или предлагаемые ему нормы поведения и превращается в объект политического взаимодействия. К субъектам политики относятся: индивиды, коллективы, этнические группы, конфессиональные общности, политические элиты, классы, массы, гражданское общество, народы, нации, цивилизации, политические институты (государство, политические партии), общественно-политические движения.

Субъект политики выступает как конкретно-исторический носитель многообразной политической деятельности, направленной на завоевание, защиту или использование власти с целью реализации своих коренных интересов. Подобный статус не всегда является постоянным, изначально присущим какому-либо физическому лицу или социальной общности. Рамки и формы политических отношений в обществе задаются не только государственными институтами, политико-правовыми нормами, но и политической традицией и культурой. Важную роль в политике играют политические интересы, мотивы и идеалы ее субъектов. Необходимо иметь в виду, что каждый субъект политики, оказывая воздействие на соци-

альные группы, общество, сам в то же время выступает объектом воздействия со стороны других субъектов.

В роли субъектов политики выступают носители целенаправленной политической активности:

- индивиды;
- социальные группы и общности, которые осуществляют действия, направленные на достижение политических целей посредством сознательной деятельности;
- социально-политические институты как непосредственные носители властных функций в обществе.

Первичным субъектом политики, ее первоосновой является индивид. Любой индивид является потенциальным субъектом политики, но не каждый им становится. Прежде всего человек должен осознать себя в качестве субъекта политического действия, выработать свою позицию в политическом процессе и сознательно действовать в этом направлении. Индивиды в процессе политической деятельности взаимодействуют друг с другом. Политические отношения — это взаимодействие субъектов политики по поводу приобретения, использования и перераспределения политической власти.

Основными совокупными субъектами политики являются большие социальные общности — классы и слои, этносы, нации, цивилизации и их политические организации — государства, партии, общественно-политические движения, политические организации международного характера. Существенные совокупные субъекты политики — это средние и малые группы, объединяющие людей по демографическому, этническому, половому, территориальному, образовательному, производственному, профессиональному или корпоративному признаку. Общность становится совокупным субъектом политики в процессе самоорганизации и осознания своих политических интересов.

Социально-политические институты исследователи также включают в категорию совокупных субъектов политики. Это учреждения или их системы, организующие и обслуживающие процесс осуществления политической власти либо обеспечивающие ее установление и поддержание, а также передачу политической информации и обмен деятельностью между властью и другими сферами политической жизни. К ним относятся государство, политические партии и политизированные общественные движения. Каждый такой институт реализует политическую активность через деятельность своих лидеров, функционеров и рядовых членов в процессе взаимодействия с общественно-политической средой.

1.2.4. Уровни политики

Помимо составных частей и элементов в политике выделяют **четыре уровня ее существования:**

- 1) мегауровень политики, относящийся к деятельности международных организаций: ООН, НАТО, ЕЭС и т. п. (взаимодействуют только субъекты международного права или объекты, претендующие на этот статус);
- 2) макроуровень, основной, национальный, характеризующий государство как целое, публичную принудительную власть, ее устройство и функционирование

- в центре и на местах (занимает центральное место и характеризует суть политики; остальные уровни имеют подчиненное, но не второстепенное значение);
- 3) микроуровень, охватывающий отдельные организации: партии, профсоюзы, корпорации, фирмы и т. п. (обнаруживаются внутренние явления и процессы, свойственные большой политике: выдвижение и реализация коллективных целей, принятие решений, распределение должностей и благ, применение санкций, соперничество индивидов и групп за власть, конфликты интересов и т. д., как и в государстве в целом [134, 18]);
  - 4) мезоуровень, отражающий политические процессы, которые происходят в частях государства — в регионах (непосредственно реализуется процесс взаимодействия государства (власти) с обществом через конкуренцию и взаимодействие макро- и микроуровня; мезоуровень — это сфера столкновения макро- и микроуровней, государства и гражданского общества).

1.2.5. Виды политики

Политика как сфера организации и управления общественными процессами касается различных областей деятельности человека. В зависимости от того, в какой общественной сфере осуществляет политика свою регулятивную функцию, выделяют ее виды и разновидности. В частности, Р. Т. Мухаев различает экономическую, социальную, демографическую, аграрную, культурную, техническую, военную, национальную политику. По обращенности политики на решение внутренних или внешних задач он выделяет внутреннюю и внешнюю политику. Если субъектами политики выступают народы, государства, общественные движения и организации разных стран, а предметом их взаимоотношений являются вопросы экономического, социального, политического, правового, военного, гуманитарного и т. д. сотрудничества, то, по его мнению, речь идет о международной политике [109, 18]. Специфика основных видов политики рассмотрена в последующих разделах книги.

1.2.6. Функции политики

Значение и роль политики как социального института обусловлены функциями, которые она выполняет в обществе. Количество функций может быть различным. Чем многочисленнее функции политики в конкретном обществе, тем менее развиты общество и сама политическая сфера, подминающая под себя другие сферы и в первую очередь социум.

Мнения политологов о предназначении и основных функциях политики расходятся. Одни ученые считают, что предназначением политики является интеграция общества в единое целое, воплощение правил совместного проживания и принципов справедливости, поддержание общественного порядка (Аристотель, Т. Гоббс, Г. Гегель, Т. Парсонс) [8; 37; 30; 31; 124]. С помощью государственной власти осуществляется регулирование всех основных сфер общественной жизни, устанавливаются нормы поведения, реализуются наиболее общие интересы различных социальных групп и преодолеваются конфликты между ними. Тем самым в сфере политики осуществляется комплекс действий, направленных на достиже-

ние общего блага. Разумеется, порядок, общественный строй и выбор стратегии общественного общества не обеспечивают равных выгод различным группам населения. Но именно они являются необходимыми условиями существования общества и потому обуславливают главное предназначение политики.

Согласно другой точке зрения, политическая сфера — это прежде всего борьба, конфликт, стремление отдельных групп добиться реализации своих интересов путем навязывания своей воли и установления политического господства (К. Маркс [92; 93], К. Шмитт [189], Г. Лассуэлл [79], Р. Дарендорф [47; 48; 49]). Например, К. Шмитт определяет политику через понятия «враг» и «друг»: в политике «друзья» мобилизуются и борются против общих «врагов».

Стремление к власти является естественным и закономерным для любого субъекта политики, поскольку власть дает возможность воздействовать на решение общественных проблем наиболее выгодным для себя образом. Политическая борьба неизбежна в силу различия интересов социальных групп и недостатка экономических, социальных, культурных и других ресурсов для их удовлетворения. Она проявляется на выборах в органы власти, в парламентских дебатах, в соревновании политических партий, в политической полемике в СМИ, на митингах, забастовках и т. д.; крайние формы борьбы включают применение физической и военной силы (революция, гражданская война, терроризм). Характер политического процесса напрямую зависит от остроты политического конфликта и соотношения сил на политической арене.

Эти точки зрения на политику и ее социальное предназначение взаимно дополняют друг друга. Суть политики, как считает М. Дюверже, всегда неопределенна; политика, как бог Янус, имеет два разных лица [53, 655]. Во все времена она была средством господства одних групп над другими и одновременно обеспечивала интеграцию общества и достижение общего блага. Соотношение этих функций политики находится в процессе постоянного изменения, однако обе в той или иной степени присутствуют во всех политических системах. Они выражают единство и взаимосвязь объединяющего и разъединяющего начал в политике. Политика возможна только в условиях конфликта интересов; если бы было полное согласие между людьми, то не было бы и необходимости в создании политических институтов, обеспечивающих разрешение социальных конфликтов в цивилизованной форме и регулирование отношений между людьми. С другой стороны, реализация интересов отдельных групп и сохранение их господства невозможны без наличия минимума согласия между субъектами политики. Политики нет в так называемом «естественном состоянии», где, по Т. Гоббсу, идет «война всех против всех» [37, 112].

По мнению В. Г. Ледяева, основными функциями политики являются поддержание и укрепление целостности общества, обеспечение общественного порядка; реализация индивидуальных и групповых интересов в процессе борьбы за власть и ее осуществление. Другими важнейшими функциями политики, тесно связанными с предыдущими, являются:

- руководящая функция (выработка целей и задач развития общества и мобилизация ресурсов для их реализации);
- регулятивная функция (регулирование других сфер общественной жизни, контроль за их деятельностью);

- коммуникационная функция (обеспечение взаимодействия между различными социальными группами и правил общения).

Кроме перечисленных в политической сфере реализуются и более специфические социальные функции, набор которых зависит от характера социальной системы (расширение территории проживания, правовое закрепление привилегий отдельных групп, защита прав человека, привлечение граждан к участию в принятии решений и др.) [81, 69].

С общегосударственным уровнем (макроуровнем) политики обычно связывают ее основные функции в обществе. Эти функции характеризуют важнейшие направления воздействия на общество. В. П. Пугачев относит к ним:

- поддержание и укрепление целостности общества как сложно дифференцированной социальной системы, обеспечение общественного порядка и организованности;
- разработка целей всего общества и составляющих его коллективных субъектов, организация масс и мобилизация ресурсов на их осуществление;
- авторитарное, обязательное для всех распределение дефицитных ценностей и благ;
- предотвращение и регулирование групповых конфликтов;
- конституирование сложных социальных субъектов (коммуникационная функция) [134, 19].

Кроме этих, присущих в большей или меньшей степени любому обществу задач политика выполняет и ряд функций, специфических для определенных типов социальных систем. Это поддержание классового или социального господства; защита основополагающих прав человека; привлечение граждан к управлению государственными и общественными делами; обеспечение социальной справедливости и общего блага и др.

Иной подход положен в основу классификации Р. Т. Мухаева, выявившего шесть функций политики:

- функция обеспечения целостности и стабильности общества;
- функция мобилизации и обеспечения эффективности общей деятельности;
- управленческая и регулятивная функция;
- функция рационализации конфликтов и противоречий;
- функция политической социализации;
- гуманитарная функция, выражающаяся в создании гарантий прав и свобод личности.

Успешное выполнение политикой всех перечисленных функций гарантирует, по его мнению, преэминентность и поступательность в развитии общества [109, 20].

Многообразие функций политики свидетельствует о ее глубоком проникновении в общество и распространении на различные социальные явления в обществе.

1.2.7. Подвижность границ политики

Несмотря на разные подходы к вопросу о роли, месте и функциях политики в обществе, политической наукой выявлены общие элементы. Эти характеристики

отражают статику политического процесса. В то же время политика достаточно динамична, изменчива и подвижна. Она распространяется на многие экономические, культурные и другие общественные явления, казалось бы, чуждые любой политике.

Практически любая общественная проблема может стать политической в том случае, если, по мнению политических лидеров, она затрагивает интересы всего общества и требует обязательных для всех граждан решений. Иногда политическое содержание явления проявляется стихийно, неожиданно для лидеров и элиты. **Политика — это инструмент саморегулирования общества.** Поэтому она может распространяться на самые различные общественные явления — как на требующие постоянного властного регулирования (например, охрана безопасности граждан, общественного порядка, развитие международных связей и т. д.), так и на те, которые временно приобретают политическую значимость (например, государственная помощь населению в случае стихийных бедствий).

Охватывая многие экономические, культурные, религиозные и другие явления, политика не подменяет их, а придает им особый статус — делает их объектом воздействия публичной власти. Одна и та же общественная ассоциация нередко имеет и политический, и экономический, и культурный, и религиозный аспекты деятельности. Например, промышленная корпорация, занимающаяся экономической деятельностью, создающая материальные ценности, в то же время может оказывать финансовую и иную поддержку определенной политической партии и субсидировать культурный или научный фонд. Ее выход на международные рынки может восприниматься как национальное достижение. Или, напротив, успешный предприниматель национального масштаба автоматически приобретает политический статус, который может радикальным образом оказать воздействие на его жизнь.

Многогранность воздействия, оказываемого различными общественными объединениями, объясняется многообразием качеств и социальных ролей человека, который есть одновременно существо и экономическое (производитель и потребитель материальных ценностей), и политическое (гражданин государства, член партии или другой ассоциации), и социальное (представитель социальной группы), и культурное (носитель определенных идей, ценностных ориентаций и традиций), и религиозное (приверженец определенных религиозных верований или атеист).

Широкое проникновение политики в общество не означает, что она не имеет границ, пределов. В мировой социально-политической мысли по этому вопросу существуют различные точки зрения. Наиболее типичные из них, по определению В. П. Пугачева, — тоталитарные, авторитарные, либеральные, социал-демократические и анархистские воззрения [134, 22].

1.2.7.1. Тоталитарная трактовка политики

Тоталитарная концепция отрицает всякие ограничения политического воздействия, исходя из всеобъемлющей, тотальной политизации общества, политического командования экономикой, культурой, наукой и т. д. В тоталитарных моделях политика непосредственно управляет всеми другими сферами, фактически упраздняя гражданское общество, автономию частной жизни. При этом сценарии

власть оставляет за индивидом лишь биологические права, а остальные она предоставляет лишь из соображений политической целесообразности. Например, в СССР все без исключения средства производства принадлежали государству, поэтому, будучи заинтересованной в максимальном их использовании, власть вовлекала в процесс все трудоспособное население. Индустриальная революция, развернувшаяся в стране, требовала наличия квалифицированной рабочей силы, а через это — всеобщей грамотности. В тоталитарной трактовке общественный интерес подменяется интересами государства, что не всегда одно и то же.

1.2.7.2. Авторитарная трактовка политики

Авторитарная модель государства расширяет права личности и повышает ответственность, а следовательно, самостоятельность общества. Индивид получает наряду с биологическими и экономические права, т. е. теоретически неконтролируемую государством частную хозяйственную, культурную, семейную, религиозную жизнь. Свобода экономической деятельности предполагает и свободу передвижения. Основой этой модели является признание права частной собственности.

1.2.7.3. Либеральная и неолиберальная трактовки политики

Либеральные и неолиберальные концепции через демократическую модель государства предоставляют индивиду-гражданину полный пакет прав, в т. ч. и политические права. Общество в данном случае становится гражданским и делит с государством всю ответственность за внешнюю и внутреннюю политику. Политика является частным делом граждан, обычной разновидностью профессиональной деятельности, она теряет свою сакральную природу. В такой модели гражданское общество максимально свободно от политической, государственной власти. Высшей ценностью объявлена свобода, вернее автономия личности от государства и общества.

1.2.7.4. Социал-демократическая трактовка политики

Социал-демократическая модель политики является развитием либеральной концепции, трансформированной под потребности правового социального государства. Она исходит из принципа социального партнерства и симбиоза гражданского общества и правового социального государства. Взаимная ответственность сторон обуславливает заинтересованность государства в стабильном обществе равных возможностей и общества в государстве, способном обеспечить равноправие. Получая гарантированные государством блага, граждане поступаются частью своих свобод, допуская ограниченное вмешательство государства в общественную, экономическую и частную жизнь.

1.2.7.5. Анархистская трактовка политики

Анархистские концепции являются противоположностью тоталитаризма. Они отождествляют политику, всякую организованную власть с насилием, подавлением личности и стремятся заменить ее самоуправлением, добровольным объединением снизу доверху свободных суверенных людей, сохраняющих свободу выхода

из ассоциации. Получив значительное распространение в XIX в., анархизм впоследствии утратил существенное влияние на интеллектуальную и политическую жизнь, не сумев доказать практическую реализуемость своих идей. Анархистские периоды в истории государства имеют место во времена революционных кризисов, когда власть дезорганизована, а общество деморализовано. В этот период власть нередко переходит в руки или попадает под влияние деклассированных элементов, которые ожесточенно разрушают культурную основу предшествовавшей социально-политической модели государства. О целенаправленной эффективной политике государства говорить не приходится. Обычно анархистские периоды непродолжительны.

В целом же важнейшая роль политики по отношению к обществу не подвергается сомнению. Во всех индустриально развитых демократических странах мира она является объектом широких научных исследований и массового изучения.

1.2.8. Ценности и интересы в политике

Политика реализуется через людей. Она объективно отражает их качества, ценности, интересы. Содержание политики выражается в целях и задачах, которые она решает, в мотивах, способах и средствах, которыми руководствуются и которые используют участники политических процессов. Политика выявляет смысл существования общности людей и определяет общие интересы всех субъектов политики. Она вырабатывает приемлемые для них правила поведения, распределяет между ними функции и роли, наконец, политика создает общепонятный для всех субъектов язык. Наличие национальной политической терминологии способно обеспечить эффективное взаимодействие и взаимопонимание между всеми участниками данного сообщества.

Картина мира политики, по мнению Ю. В. Ирхина, «никогда не приобретет смыслового содержания и художественного исполнения, если в ней не будут выписаны люди с их интересами и потребностями, с политическими ценностями, которые они разделяют или, напротив, не признают» [63, 25].

Политические ценности — это явления и институты, признаваемые субъектами и закрепленные их социальным опытом. Они мотивируют, направляют и обосновывают действия субъектов политики, отражают состояние, потребности и перспективы развития общества, его основных социальных групп. Учитывая это, известный американский политолог Д. Истон определял политику как «властное распределение ценностей внутри общества» [64, 632].

К основным политическим ценностям относятся права человека; характер, принципы и формы политического устройства и развития общества, его политических институтов, идей; участие людей в политике, выражение и реализация их интересов; культура политики и другие. Политические ценности могут быть общенациональными и классовыми, групповыми и индивидуальными. В последнем случае они именуется убеждениями, а следование им — жизнью по совести. Так, например, ценности и подходы к пониманию существа власти, форм государственного устройства существенно отличаются у представителей тех или иных классов и этносов, имеющих разные представления о характере политического устройства общества с точки зрения их интересов. Политические ценности могут

быть демократическими, основанными на гуманистических принципах; конформистскими, основанными на безыдейном приспособленчестве к групповым формам реализации гражданских прав и свобод; радикальными (экстремистскими) и другими.

Активность субъектов определяется их политическим интересом. Интерес определяют как обобщенное выражение потребностей, идеальных стремлений и деятельного начала в политическом сознании социальных групп и индивидов. Политический интерес отражает объективное положение этих групп и индивидов в социально-экономической и политической структуре общества, а также субъективные особенности его политико-культурных норм и традиций. Политический интерес является важнейшим мотиватором связи человека с миром политических явлений. Он также определяет направленность политической активности социальных групп и отдельных индивидов. В политическом интересе выражается отношение социальной группы или индивида к политическим явлениям, событиям, процессам, политической деятельности, основанное на их мировоззренческих принципах, убеждениях, установках. Это внутренний интуитивный или осознанный источник политического поведения, побуждающий к постановке политических целей и осуществлению политических действий.

Политический интерес является первопричиной или главным мотивом политической деятельности, определяющим непосредственные побуждения участвующих в политике людей, социальных групп, классов, наций. Он выражает отношение субъектов политики к материальной, духовной, социальной и политической жизни. Политические интересы, по определению Ю. В. Ирхина, могут быть типологизированы по различным основаниям. Он выделяет политический интерес социальных субъектов политики: цивилизационной общности, народа (нации), социального слоя, группы, индивида, а также такие важные политические интересы, как общегосударственные, региональные, ведомственные, местные, личные [63, 26].

§ 3. СВОЙСТВА ПОЛИТИКИ

1.3.1. Структура свойств политики

Политика — это деятельность индивида в социальной среде на природном фоне. Поэтому оценка деятельности политика и проводимой им или под его руководством работы имеет по преимуществу субъективный характер. Естественно, что исследователи, общественность и сами политики пытаются сформулировать объективные параметры политического процесса. Для этого осуществляется активный поиск наиболее существенных свойств политики. Сегодня имеется немало суждений на этот счет, однако особых достижений в названном направлении пока не зафиксировано. Представляются интересными подходы известного российского политолога А. И. Соловьева. Он выделяет **онтологические, морфологические и процессуальные** свойства политики [144, 41].

К онтологическим (раскрывающим сущностные черты активности) он относит свойство **конкурентности**, демонстрирующее, что политическое взаимодействие является результатом столкновения групповых интересов и сопутствующих им норм и правил, ценностей и традиций. Благодаря этому свойству политика яв-

ляется важным средством противодействия энтропии социума. Подавляющее число членов социума тяготеет к стабилизации внутренней жизни их социальной среды. Этим в значительной степени определялась низкая скорость эволюции традиционного (догосударственного) общества. В условиях постоянной опасности извне институт старейшин все свои усилия направлял на стабилизацию внутриродовой и племенной жизни. Возмутители спокойствия либо изгонялись, либо уничтожались. Тщательная детализация жизни минимизировала конкуренцию и тормозила социальный прогресс. Иные свойства присущи государственной политике, являющейся противоречивым и конфликтным действием конкурирующих субъектов. Поэтому в ряде случаев методы политического урегулирования направлены не на примирение, а на разжигание конфликтов, не на диалог между группами, а на противодействие ему.

К важным свойствам политики он также отнес ее **асимметричность**, которая выражает не столько временный характер достигнутого между участниками политической игры баланса сил, сколько невозможность постоянного поддержания равновесия.

Действительно, в политике нет ничего постоянного. Все схемы и договоренности действуют лишь в условиях определенного баланса сил. Продолжительность существования этого равновесия может быть достаточно длительной, но не бывает постоянной. При наступлении нестабильности политической ситуации, процесса, системы в действие незамедлительно вступают силы, стремящиеся нарушить существовавший политический баланс. Каждое новое социальное поколение переосмысливает политические реалии и исторические прецеденты. Оно старается изменить ситуацию в благоприятную для себя сторону. Учитывая сложность задач, оно действует асимметрично, затрачивая меньше средств для достижения поставленной задачи. Поэтому гармония в политике недостижима, баланс сил кратковременен и лишь асимметрия постоянна. В силу этого политика предстает как внутренне обратимое, принципиально неравновесное явление, в котором переплетены сознательные и стихийные действия, организация и дезорганизация, порядок и хаос, баланс и дисбаланс, стабильность и нестабильность, устойчивость и неустойчивость. Целенаправленные действия по руководству обществом подрываются стихийными протестами некоторой части населения, неудовлетворенного этой линией; законы и нормы стабилизации политической жизни сталкиваются с противоречащими им обычаями и привычками; упорядоченность и рационализм политических отношений опрокидываются иррациональной, непредсказуемой реакцией населения и т. д.

По мнению А. И. Соловьева, разделяемого далеко не всеми исследователями, политика формируется и осуществляет свои функции по преимуществу в **рациональной** форме.

Сиюминутный и оперативный анализ политических процессов, происходящих непрерывно и повсеместно, действительно провоцирует мнение об иррационализме политики. Однако если использовать исторические методы исследования и рассматривать процессы в длительной ретроспективе, можно прийти к другому суждению. Несмотря на практически неизменные формы организации политического процесса, его глобальное содержание меняется. Накопленный человечеством политический опыт не остается втуне, он постоянно переосмысливается.

Человечество стремится не повторять старых ошибок, а пытается рационализировать процесс принятия политических решений. К нему все в большей степени привлекаются ученые-консультанты, бывшие руководители государств, а главное — начинает доминировать установка на недопущение конфликтов и их быструю ликвидацию. Политические лидеры, не имеющие соответственного образования и значительного политического опыта, становятся редкостью в международной практике. Отдельно взятое государство, даже самое мощное, не часто решается выступать против мирового общественного мнения, осуждающего в принципе агрессию и насилие. Но, отмечая эти позитивные тенденции, история свидетельствует, что политика, создавая механизмы рационального выстраивания институтов, вырабатывая способы согласования частных и общих позиций, не утрачивает при этом и своего иррационального компонента.

Острое соперничество в зоне публичной власти, чреватое самыми непредсказуемыми последствиями, по признанию А. И. Соловьева, превращает политику в крайне **рисковый** (венчурный) вид социальной деятельности.

Обладание политической властью дает возможность использования совокупности социальных ресурсов и направление их как на решение общественных проблем, так и на свое личное обогащение. Поэтому политик постоянно находится перед искушением неблагоприятных и корыстных действий, способных вызвать негативную реакцию общества. Ситуация усугублена постоянным контролем деятельности политика со стороны СМИ, надзорных органов и конкурентов, которые тот же час сделают достоянием гласности должностные нарушения и даже неоднозначные намерения. К тому же политика — это коллективное действие, и ошибка любого члена команды может обернуться общим поражением. В политике, как ни в какой другой сфере общества, вложение сил, капиталов, человеческой энергии могут не дать никакой компенсации затраченных усилий. Неожиданный проигрыш на выборах, внезапная отставка до того благополучного министра, падение правительства и кризис, вызвавший всеобщую дестабилизацию социальных и экономических порядков, и прочие хорошо известные и постоянно встречающиеся факты подтверждают этот тезис.

1.3.2. Свойство проникновения

Свойство политики проникать во все слои общества и изменять очертания и восприятие известных явлений дали возможность А. И. Соловьеву говорить об **инклюзивности** политики или о непостоянстве и подвижности круга тех проблем, которые рассматриваются государственной властью в качестве политически значимых [144, 42].

Действительно, как писал Ф. Брауд, «ничто по своей природе не является политическим и все им может стать». По этой причине, полагает Н. Фразер, «политизация социального» — неотъемлемый процесс в сложноорганизованных обществах. Достаточно широкий круг проблем, требующих государственного (политического) вмешательства, постоянно пополняется новыми обстоятельствами, требующими незамедлительного рассмотрения. Вместе с тем уже известные проблемы зачастую стремительно меняют свою конфигурацию, объем и значение. Изменчивость политического ландшафта — обязательная черта реальности, а также

принадлежность политической деятельности на любом уровне. Способность быстро реагировать на изменение политической ситуации относится к необходимым профессиональным качествам политика. Но, в свою очередь, эти свойства политиков, их мобильность в сочетании с непредсказуемостью повышают нестабильность политической ситуации. Поэтому политика в принципе способна изменять свой объем, вследствие чего ее границы имеют в определенной степени условный характер и зависят от исторического контекста, а также от умения государства увидеть те групповые конфликты, которые требуют его неоправданного вмешательства.

В придании событиям политического значения заложена принципиальная возможность произвола субъекта в оценке характера групповых интересов и конфликтов. По мнению Р. Даля, политика представляет собой обширное поле для ошибок, для преувеличения одних интересов и преуменьшения других, для принятия одних решений и непринятия других. В произвольном выборе объектов политического регулирования либо в использовании неадекватных средств и методов регулирования кроется огромный потенциал напряженности [93]. Как заметил французский ученый Г. Эрме, «лучший правитель — это тот, кто наилучшим образом защищает интересы граждан от поползновений государства, которое хотело бы против воли граждан осуществлять то, что оно неоправданно считает интересами общества» [192, 202].

В связи с этим в общественном мнении и среди исследователей постоянно возникают идеи и предложения об организации жесткого контроля за деятельностью политиков. Эти предложения не остались на бумаге, а стали практикой в ряде развитых демократических стран. Весьма эффективным средством общественного контроля являются независимые от государства СМИ. Именно поэтому зарубежные политологи и политики так болезненно реагируют на ограничение свободы СМИ в России. Вместе с тем следует учитывать, что СМИ в состоянии эффективно реализовывать функции контроля лишь в странах с развитым гражданским обществом. Ибо они должны быть не только независимыми, но и ответственными; иначе СМИ превращаются в средство политической борьбы, «шельмуя» невинных и оправдывая преступников.

1.3.3. Пространственные свойства политики

Обязательным элементом характеристики любого политического события является его географическая привязка. Один и тот же тип политических процессов, произошедший на разных континентах или на одном, но в разных странах, вызывает различный резонанс. Поэтому, как справедливо отмечает А. И. Соловьев, «неотъемлемым онтологическим свойством политики является ее **пространственность** (топологичность). Эта черта характеризует политику как объемно-пространственную среду, в которой деятельность борющихся за власть сил локализована в определенных точках, местах, участках территории» [144, 44].

Точка на карте означает не столько чисто географические данные, сколько социально-политическую, психологическую и глобально-экономическую характеристики. Политическая неоднородность планеты, заставляющая по-разному оценивать произошедшие политические события, в значительной степени дополняя

ется критерием близости или отдаленности (территориальной, политической, этнической, религиозной и др.) для анализирующего субъекта. Причем в каждом центре политических событий существуют собственные возможности для публичного участия и волеизъявления населения и складывается своя практика, свои конкретные политические институты и структуры, способы их функционирования и другие условия организации политической жизни. Реальное взаимодействие территориально разделенных очагов политической жизни в значительной мере составляет политическую сферу.

Территориальный фактор важен не только с точки зрения международной политики, но также может быть более принципиальным для организации национальной государственной жизни. Федеративное устройство России превращает отечественный политический процесс в непрерывное взаимодействие центральных и региональных органов власти, в постоянную конкуренцию столичной и местных элит. Уровень политической жизни и политическая культура в разных частях Российской Федерации неодинаковы. Протяженность страны и ее размеры, этнические и конфессиональные различия по-разному раскрашивают карту политических пристрастий россиян.

Географическая неоднородность политического пространства страны создает благоприятные условия для конкуренции между политическими организациями и политиками. Все это делает политический процесс пространственно рассредоточенным, разнородным, неопределенным и нестабильным. Это происходит в силу того, что политика обладает такими характеристиками, как глубина, ширина и длина, которые фиксируют географические пределы и параметры политического пространства, предоставляющего людям возможность бороться за власть. В рамках такой географически протяженной территории и возникают реальные конкурентные процессы, центры влияния и оппонирования. Таким образом, точки реального политического напряжения могут не совпадать с официальными центрами власти, могут находиться на разном удалении по отношению к ним, они могут обладать влиянием на государственные решения. Как представляется автору, размеры страны являются реальным фактором, определяющим продолжительность президентского срока.

В том случае, если центры политической активности будут удалены от официальной столицы государственной власти и при этом не будут иметь достаточной информационной связи, предупреждает А. И. Соловьев, политическое пространство такой страны может стать «рыхлым», подверженным воздействию других государств и центров политического влияния. Поэтому чтобы снизить возможности сепаратизма и развала страны, государства с большой территорией при всех прочих равных условиях должны уделять особое внимание проблемам демпфирования (сдерживания, смягчения) территориальной разобщенности политики за счет развития разнообразных систем коммуникации.

Пространственная характеристика политики, по мнению А. И. Соловьева, определяет ситуацию, когда люди, находясь в отдалении или вблизи от центра власти, как правило, имеют и вполне определенный угол зрения на власть. Иначе говоря, в зависимости от определенной территориальной диспозиции люди приобретают и соответствующую политическую оптику. Скажем, человек, следящий из провинции за существующей в столице властью, и человек, наблюдающий данные

процессы в точке их совершения, чаще всего имеют несовпадающие представления и оценки о дееспособности и эффективности правления. Как правило, чем шире такая территориальная разобщенность политических взглядов, тем больше возможностей для роста взаимонепонимания и политической напряженности.

1.3.4. Темпоральные свойства политики

Следующим важным для понимания сущности политических процессов параметром являются **временные** (темпоральные) характеристики явления. Политические события редко реализуются в виде акта, в основном это происходит в виде процесса. Учет временного фактора важен при организации политического процесса на всех его этапах. Исходя из этого, А. И. Соловьев объяснил способность политики разворачивать свои процессы во времени ее свойством **темпоральности** [144, 45].

Продолжительность политических событий зависит от ряда причин: внешних и внутренних обстоятельств, радикальности изменений, масштабы происходящего, географического расположения и др. Вместе с тем любые политические процессы имеют темпоральную компоненту. Следует различать две основные временные составляющие политических процессов. Во-первых, это развитие событий в соответствии с календарным временем, но развитие, обусловленное непредсказуемыми обстоятельствами и политической инерцией общества. Во-вторых, это календарные сроки, определяемые законодательством страны, регулирующим организацию политической жизни (например, продолжительность президентского срока, организация выборов и др.).

Важно понимать, что политическое время качественно отличается от физического, астрономического времени. С одной стороны, политики, находясь в эпицентре власти, существуют в более жестком, регламентированном режиме жизнедеятельности. Помимо своей функциональной «жесткости» политическое время обладает способностью внезапно заканчиваться, «умирать моментальной смертью». Крах правящего режима, внезапная отставка министра, политическое убийство лидера — эти и подобные им факты говорят о чрезвычайной непредсказуемости временного завершения политических событий. Иначе говоря, у каждого субъекта существует собственный срок и ритм жизни в политике. А это ставит акторов перед необходимостью точнее соразмерять свои цели с предоставленными на время условиями, мобилизовывать и концентрировать для этого ресурсы, усилия и энергию.

С другой стороны, время в политике многолико. Реальные политические процессы, по определению А. И. Соловьева, осуществляются сразу в трех временных диапазонах:

- в рамках **реального** времени (политические события воспринимаются непосредственно с точки зрения их актуальной завершенности);
- в рамках **исторического** времени (предполагается укрупненная оценка происходящего в его взаимосвязи с прошлыми событиями, т. е. требуется обобщение фактов, определенная логика истолкования эволюции группы политических фактов);

- в рамках **эпохального** времени (значительно более масштабные критерии оценки событий, приспособленные для оценки больших этапов политической истории не только отдельных государств, но и континентов).

Таким образом, одно и то же политическое событие может иметь различные временные координаты, если его измерять то мгновениями, то состояниями целых политических систем, эволюционирующих в истории человечества. Это свидетельствует о том, что политическая реальность существует одновременно в разных временных, т. е. хрональных (от греч. *chronos* — время) полях, различающихся собственными диапазонами, а следовательно, и специфическими критериями оценки событий, фазами и циклами внутреннего развития. Реальная политика, по мнению А. И. Соловьева, есть пересечение временных полей, предполагающих разную степень интенсивности изменений [144, 46].

Следует учитывать феномен событийного ускорения политических процессов во время радикальных социально-политических кризисов. В это время количество политических событий на единицу календарного времени увеличивается на порядок, а то и на несколько. Если в обычных условиях для совершения такой совокупности политических событий ушли бы годы и десятилетия, то в кризисную эпоху — лишь дни и месяцы.

В массовом и индивидуальном сознании разных поколений восприятие политических событий зачастую принципиально отличается. Участники и современники Октября, принадлежавшие к победившему лагерю, а также их дети и внуки оценивали его роль как выдающуюся и прогрессивную для страны и мира. Постсоветское поколение в большинстве своем так не считает.

1.3.5. Морфологические свойства политики

Политика — это процесс непрерывного взаимодействия социальных групп. Взаимодействие это имеет иерархическую организацию, сохраняющуюся при любых формах государственного устройства и в рамках всех политических систем. Морфологические свойства отражают базовые особенности **строения** и источники формообразования политики. По мнению А. И. Соловьева, наиболее важным свойством является **наличие элитарных и неэлитарных кругов** как основных субъектов политики, чьи акции (поступки) и интеракции (взаимодействия) в сфере публичной власти и формируют сферу политической жизни [144, 46].

Каждая из указанных групп населения выполняет специализированные функции: элиты — по представлению интересов населения и осуществлению управления государством и обществом, по обеспечению политической преемственности; ординарные слои — по влиянию на отбор элит, контролю за их деятельностью, по воздействию на проводимый государством курс.

Разделение общества в политической интерпретации на элиту и остальную часть не есть нечто особенное и неизвестное. Более того, элита существует в каждом направлении социальной и профессиональной специализации. Определения типа «научная элита», «творческая элита», «спортивная элита» являются широко распространенными. Термин «политическая элита» относится в науке к разряду дискуссионных, хотя журналисты пользуются им широко и регулярно. Проблемой является отсутствие в большинстве случаев объективных критериев для определе-

ния термина «политическая элита». С другой стороны, на этот термин зачастую переносится негативное общественное мнение, относящееся к политической деятельности как к чему-то нечестному, лицемерному и корыстному.

На самом деле политика, как и любой вид профессиональной деятельности, предполагает существование определенной группы лиц, посвятивших себя этому занятию, владеющих профессиональными навыками и добившихся общественного признания. Эти лица и формируют политическую элиту, присваивая себе право на политическое управление обществом и использование в этих целях государственных механизмов. В силу этого политика формируется как результат взаимодействия властвующих и подвластных, как плод соучастия управляющих и управляемых, итог коммуникации профессионалов и непрофессионалов, элитарных и ординарных слоев.

Двухэлементная структура политики является минимальной по количеству составляющих и, следовательно, наиболее устойчивой. Действительно, тысячелетия человеческой истории подтвердили ее достаточность и эффективность. Дискуссионной является роль в организации политического процесса этих элементов. Широко распространенные попытки свести всю сущность политического процесса к деятельности элиты представляются автору научно и практически несостоятельными. Успех любого политического действия зависит от поддержки его широкими массами населения. Причем неприятие решений и курса в целом не обязательно демонстрируется обществом оперативно и масштабно. Гораздо чаще используется неорганизованный саботаж, когда граждане, руководствуясь внутренними соображениями, уклоняются от исполнения решения властей. В отличие от действующего политика или политической партии общество не ограничено во времени, и такое сопротивление может продолжаться годами, пока новая политическая команда не отменит непопулярный закон или курс. Оппоненты элитаристов — эгалитаристы полагают, что массы способны самостоятельно формировать поле политики, не прибегая к услугам групп, осуществляющих специальные функции управления обществом. Однако практика дает более чем убедительные аргументы в пользу необходимости деятельности и элитарных, и ординарных слоев для осуществления политики.

Взаимообусловленность и взаимосвязь этих двух составных частей политического процесса реализуется в современном обществе через систему представительства социальных интересов. Политическая элита не может быть самодостаточной, ибо любой политик, в первую очередь, выразитель политических интересов как минимум одной социальной группы. Поэтому для каждого представителя политической элиты регулярно наступает «час истины», когда он в процессе выборов или организации массовых акций проверяет уровень своей социальной поддержки.

Демократическая система, несмотря на критику ее слабых мест и низкой эффективности, включает в себя механизм не только социального представительства, но и систему регулярной проверки общественного рейтинга действующих политиков и политических организаций. Принципиальным моментом для успешного взаимодействия политической элиты и общественности страны является наличие механизма всеобщего голосования на основе взаимоприемлемых избирательных технологий.

Политической деятельностью при всей ее социальной значимости и престижности не может заниматься большинство населения страны. Обусловлено это управленческой природой данного вида деятельности. Поэтому в данной сфере социальной деятельности концентрируется определенный круг лиц, профессионально занимающихся политикой. Профессиональный политик характеризуется сознательным выбором вида деятельности и желанием заниматься ей на профессиональной основе, но кроме этого должен иметь соответствующий уровень социальной поддержки. В этом случае он признается обществом и элитой выразителем политических интересов определенной части общества и получает возможность участвовать в организации политического процесса в качестве его субъекта.

Следовательно, деление политики на две неравночисленные, но равнозначные группы: политическую элиту и ординарную общественность, — объективно существующая реальность, присущая современному этапу развития общества.

1.3.6. Процессуальные свойства политики

Принципиальной особенностью политики является низкий уровень ее предсказуемости. На всех этапах человеческой истории тратилось немало усилий на предсказание грядущих политических процессов, на выявление тенденций развития глобальной политики. Справедливо это и для сегодняшнего дня. С появлением ЭВМ, а особенно после создания на их основе искусственного интеллекта, в среде политиков и ученых возникли иллюзии о возможности корректного предсказания социального будущего. На работы в данном направлении истрачены значительные средства, интеллектуальные и темпоральные ресурсы, однако существенных успехов в этом направлении добиться не удалось.

Сложность, а временами и неясность взаимоотношений элиты и ординарных слоев, непредсказуемость последствий даже рационально предпринимаемых действий, наличие разнонаправленных движений и многие другие аналогичные явления, свидетельствующие об остроте и интенсивности конкуренции за государственную власть, — все эти факторы придают политике характер динамичного явления, обуславливают исключительную быстроту политических перемен, делают политику исключительно изменчивой. Политика представляет собой наиболее интенсивно меняющуюся, внутренне подвижную область общественной жизни, где постоянно сталкиваются энтузиазм и апатия, подъем и упадок, возбуждение и депрессия. Подобные переломы создают возможность исключительно быстрого, а иногда и внезапного крушения статусов субъектов, изменения норм и правил политической игры, сужения или расширения объемов политических явлений, изменений субъектно-объектных статусных отношений.

Экстраполяция в будущее форм и тенденций существующей политической реальности имеет примерно ту же вероятность реализации, как и нереализации. Рецепты решения политических проблем, поддержанные на самом высоком уровне и одобренные ООН, зачастую не дают ожидаемого результата. Можно привести немало примеров того, как неожиданно рушились казавшиеся вечными империи и режимы, как круто менялись судьбы отдельных стран и политиков. Наиболее красноречивым примером являются ожидания, связанные с окончанием «холодной войны». После распада СССР и социалистического лагеря, называвшихся со-

ветологами «империей зла», мир не только не стал лучше и безопаснее, но напротив — опаснее и агрессивнее.

Каждое принципиальное изменение политической ситуации можно задним числом объяснить и обосновать. Любые повороты и метаморфозы мировой политики поддаются рациональному объяснению. Но эти процедуры эффективны только при анализе уже произошедших событий и процессов. Использование данных технологий для предвидения будущего невозможно из-за бесконечной совокупности одновременно действующих процессов. Эти процессы опираются на ряд неопределенностей, присущих индивиду, коллективу, социуму и природе. Если для описания всех вариантов развития событий на шахматной доске человечеству пришлось 50 лет совершенствовать вычислительные технологии, то для аналогичного расчета комбинаций социально-политического свойства потребовалось бы бесконечно другое время. При этом задача могла быть теоретически решена лишь при условии неизменности обстоятельств (правил игры) и субъектов политического процесса. Однако это противоречит всей предшествовавшей практике цивилизации, обязательным условием существования которой является постоянное развитие и усложнение всех ее элементов, связей и процессов.

Однако констатация принципиальной непредсказуемости политики не отменяет необходимости и практической значимости постоянного и тщательного исследования происходящих процессов и осуществляемого на этой основе научного прогнозирования. Причиной этого так называемого кажущегося противоречия является потребность в создании условий для максимально полного предвидения предстоящих политических катаклизмов, потребность, обеспечивающая более высокую степень готовности человеческого сообщества к адекватному ответу. Чем ниже степень неопределенности, тем выше уровень безопасности и вероятность минимизации потерь. Общественное обсуждение вероятных политических катаклизмов повышает иммунитет общества к политическому авантюризму и разрушает расчеты и надежды безответственных политиков на безнаказанность за совершение ими преступлений против человечества.

1.3.7. Стихийные и сознательные начала в политической деятельности

Способ существования человека в жизни проявляется в деятельной активности людей, в том числе в сфере политической реальности.

Деятельные аспекты политики служат объектом внимания ученых, которые много сделали в изучении данного феномена (с точки зрения его мотивации, вытекающих потребностей и ценностей, форм деятельности субъектов, основания и т. д.).

Проблематика политической деятельности, по мнению ученых, играет роль объяснительного принципа и методологического основания в понимании сущности человеческой жизни в мире политики.

Ряду современных ученых политика видится видом рискованной деятельности, становящейся таковой в силу непознаваемого, открытого характера исторического процесса, нелинейности прогресса и непредсказуемого будущего [64].

Еще Г. Гегель подчеркивал, что благодаря действиям людей получают несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достига-

ют, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают. Люди добиваются соблюдения своих интересов, но благодаря этому осуществляется и нечто дальнее, нечто такое, что скрыто, содержится в них, но не осознавалось ими и не входило в их намерения [31, 115].

Более полному пониманию природы политической деятельности способствует исследование ее стихийных и сознательных сторон.

Соотношение стихийности и сознательности в развитии человеческого общества с давних пор интересует ученых. Понятие стихийности и сознательности часто связывается с понятием необходимости. По мере утверждения рационального освоения действительности в исследовании диалектики стихийного и сознательного большое значение стало придаваться познавательным моментам как наиболее важным, отличающим человеческую деятельность от поведения других живых существ.

Сознательную деятельность отличает способность ставить цели, что придает деятельности целесообразный характер. Именно цель приводит деятельность в движение. Большое внимание уделено было таким детерминирующим факторам, как потребности и интересы, которые позволяют понять, во имя чего совершается деятельность. Сознательная деятельность позволяет изменять объективную реальность в соответствии с заданной системой целей.

Наращение человеческой субъективности, свободы в историческом творчестве, увеличение влияния человека, его разума на ход истории привели к тому, что стихийности стало придаваться сугубо негативное значение. Стихийность стала восприниматься в качестве антипода сознательной деятельности.

Но противопоставление стихийности и сознательности было не совсем правильным. Категория стихийности имеет смысл при ее соотнесении с понятием сознательности, она означает не более чем отсутствие осмысленного плана действий, непредсказуемость их последствий.

Политическая жизнь сложна, она состоит из огромной массы целенаправленных действий, в которых невозможно учесть все их последствия, поэтому стихийность в деятельности неизбежна. Кроме того, существуют и гносеологические причины стихийности (невозможность полного и адекватного отражения бытия в общественном сознании).

Безусловно, политическая деятельность не обходится без регулирующей силы сознательных начал: разума и политического управления, нацеленного через целеполагание на результат. Но действия механизмов управления могут быть не только сознательными, но и стихийными.

Стихийное управление выражает такое взаимодействие политических сил, в котором неустранимо действие случайного. Появление случайного неизбежно, т. к. учесть все последствия действий невозможно. Но в то же время деятельность отличается продуманностью. После появления цели в политической практике принято анализировать ситуацию, намечать последовательность действий на пути к поставленной цели. Осознанность деятельности предполагает выбор возможных средств достижения цели, учет объективных условий, в которых осуществляется деятельность. Немаловажным является и предвидение результата деятельности. Но завершающий деятельность результат может не совпасть с первоначальной целевой заданностью. На этот момент часто не обращается внимание. При опреде-

лении деятельности как целесообразной активности она воспринимается как непосредственно приводящая к цели. Но деятельность может приводить к непредвиденным результатам. Поэтому, по мнению исследователей, под деятельностью лучше понимать целенаправленную активность: она направлена к достижению цели, но не всегда к ней приводит.

Диалектика стихийности и сознательности признает, что законы жизни общества, в том числе в сфере политики, не всегда осознаются людьми. Чертой стихийной деятельности является то, что она, осуществляясь даже на сознательном уровне, преследует ближайшие цели, в ходе реализации цели недостаточно учитывает средства их достижения, наличные условия и тенденции общественного развития, содержащиеся в качестве возможностей в этих наличных условиях.

Следовательно, стихийность и сознательность не являются противоположностями. Стихийность может быть урегулирована, в то же время возможности рационального освоения реальности не беспредельны [132, 215].

Учитывая, что мир непознанных явлений достаточно широк, неизбежно будет происходить дальнейшее обогащение теоретического содержания категорий стихийности и сознательности, расширение спектра их познавательных возможностей. Рассмотрение данных категорий в отрыве друг от друга непродуктивно. Это приводит к переоценке одного из факторов данной пары и недооценке другого, что искажает понимание политической реальности в целом.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Политика как общественное явление.
2. Что входит в число субъектов политики?
3. Когда и при каких обстоятельствах событие приобретает политический характер?
4. Каковы причины возникновения политики как самостоятельной сферы жизнедеятельности человека и общества?
5. Чем политика отличается от экономики, культуры и других сфер жизнедеятельности человека?
6. Какова структура политики? Насколько равноценны ее элементы?
7. Назовите виды (разновидности) политики. Что лежит в основе их выделения?
8. Какие функции выполняет политика в обществе?
9. Какую проблему можно считать политической, а какую — нет?
10. Что является объектом исследования политической науки?
11. Каков предмет политической науки?
12. Что изучает политическая наука?
13. Назовите элементы политики.
14. Что относится к первичным действующим началам политики?
15. Что относится к основным действующим началам политики?
16. В чем заключается подвижность границ политики?
17. Назовите основные свойства политики.
18. Как соотносятся стихийные и сознательные начала в политике?
19. В чем заключаются особенности социал-демократической модели политики?
20. Чем определяются процессуальные свойства политики?
21. Охарактеризуйте анархические концепции политики.
22. Как проявляются темпоральные свойства политики?
23. Объясните, в чем сила и слабость либеральной трактовки политики.

24. Охарактеризуйте структуру свойств политики.
25. Как вы понимаете диалектику ценностей и интересов в политике?
26. Что означает свойство проникновения политики?
27. Как рассматривают границы политики сторонники тоталитарного исследовательского подхода?
28. В чем значение пространственных свойств политики?
29. Как трактуются границы политики сторонниками авторитарного подхода?
30. Что относится к категории морфологических свойств политики?
31. В чем заключаются процессуальные свойства политики?
32. Обоснуйте принцип взаимоотношения стихийных и сознательных начал в политической деятельности.

Г л а в а 2

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТОЛОГИИ

Политология как специфическая отрасль знания зародилась еще в древности (в государствах на территории Китая и Индии, Египта и Междуречья, в Афинах и Риме). Поэтому может показаться странным утверждение о том, что политическая наука — молодая дисциплина. Здесь нет противоречия, так как политология на сегодня — самая сложная социальная наука, и человечеству потребовались тысячелетия для превращения разрозненных знаний о политике в целостную научную дисциплину. Проблема в том, чтобы не путать историю политических учений и идей, накопление политического знания с политической наукой в собственном смысле слова. Если первые в той или иной форме возникли с появлением государства, то политическая наука формировалась по мере осознания и вычленения политики как важнейшего вида человеческой деятельности, обеспечивающей выживание социума.

В истории политологии выделяют четыре периода, принципиально отличающихся друг от друга, но являющихся продолжением друг друга и неразрывно связанных научной традицией накопления и передачи от поколения к поколению политического знания:

- период накопления политических знаний, завершившийся в начале эпохи буржуазных революций в Европе и Северной Америке;
- период завоевания буржуазией политической власти в развитых странах Запада, сопровождавшийся его оперативным осмыслением и формированием теорий, становящихся программой революционных преобразований;
- период внутреннего формирования самостоятельной политической науки, определение ее представителями объекта и предмета исследований, главных целей и способов решения возникающих при этом задач;
- период современной политологии, когда она, получив общественное признание, превратилась в эффективный инструмент познания и трансформации социума.

§ 1. ПЕРИОД НАКОПЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

2.1.1. Предыстория политической науки

На протяжении длительного исторического периода политическая наука была органично вплетена в единую ткань обыденных политических представлений, ре-

лигиозных и философско-этических взглядов. Исторически первой формой осмысления политики была ее *религиозно-мифологическая* трактовка. Судя по сохранившимся источникам, во II—I тыс. до н.э. у всех народов господствовали представления о божественном происхождении власти и общественно-политического строя, а суждения о последнем передавались в форме мифов.

Примерно с середины I тыс. до н. э. наметилась тенденция рационализации политических взглядов, появились первые политические категории и дефиниции, а затем и целые концепции, носящие философско-этическую форму. Тем самым была заложена основа собственно теоретических исследований политики. Этот процесс связан прежде всего с трудами Конфуция [40, 52] (551—479 гг. до н. э.), Платона [129] (427—347 до н. э.), Аристотеля [8] (384—322 до н. э.), М. Т. Цицерона [178] (106—43 до н.э.) и других выдающихся мыслителей древности.

2.1.2. Политические учения Востока

Первоначально политические феномены в рамках господствовавших общественно-политических и социокультурных парадигм изучались в связи со всем комплексом общественных явлений. В этом плане характерен своеобразный универсальный подход, при котором политическое содержание не выделялось из общей суммы всех общественных явлений. Соответственно все знания о социальном были едины и неразделимы.

Из мыслителей Древнего Востока (Египет, Иран, Китай, Вавилон, Ассирия) мы знаем имена Хаммурапи, Заратуштры (Заратустры), Конфуция, Мо-цзы, Шан Яна, Шэнь Бу-хая. Как уже отмечалось, в этот период политическая мысль выражалась в мифологической форме, так как господствовало представление о божественном происхождении власти. Наиболее значительным в систему политических знаний оказался вклад Конфуция. Характерной чертой его учения является антропоцентризм. Конфуция почти не интересовали проблемы космогонии, он уделял мало внимания духам и потустороннему миру. Исходной для него можно считать концепцию «судьбы». Центральное место в учении Конфуция занимает принцип «человечности» — закон идеальных отношений между людьми в семье, в обществе и государстве в соответствии с принципом «Чего не желаешь себе, того не делай другим». На базе этих этических теорий Конфуций развивал свои политические концепции, выступая за строгое, четкое, иерархическое разделение обязанностей между членами общества. Выражая интересы наследственной аристократии, Конфуций объявлял власть государя священной, дарованной небом, а разделение людей на высших и низших — всеобщим законом справедливости [73].

2.1.3. Европейская античная традиция

В последующий период основными центрами политической мысли стали Древняя Греция, Ближний Восток и Древний Рим. В сокровищницу мировой культуры вошли имена Гомера, Соломона, Пифагора, Гераклита, Демокрита, Протагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Лукреция и Цицерона. В их высказываниях и рукописях прослеживается постепенное освобождение политических взглядов от мифологической формы — обособление их в относительно самостоятель-

ную часть философии. Мыслители анализировали устройство государства, классифицировали его формы, искали наилучшую, идеальную форму правления.

Политическая мысль античной Греции и Рима развивалась в принципиально иных условиях, чем на Востоке. В Древней Греции *политические идеи обрели форму теорий* с присущими им признаками целостности, системности. Этому способствовал ряд обстоятельств:

- 1) общественное разделение труда дало возможность определенному слою людей, освободившихся от хозяйственной деятельности, заниматься исключительно умственным трудом, созданием теорий общественного устройства;
- 2) активное развитие политических теорий было востребовано самим способом организации общественной жизни (такой уникальной формой выступил полис — город-государство с немногочисленным населением и прилегающей к городу сельской местностью; в полисе занятие политикой было правом и обязанностью всех свободных граждан, которые в форме голосования в народном собрании участвовали в решении государственных дел; в полисах шла бесконечная борьба, поэтому поиски средств и методов цивилизованного совместного проживания групп с различными интересами были весьма актуальны).

Платон в ряде работ («Государство», «Политик», «Законы», «Апология» и др.) изложил свое представление о государстве. Для него этика и политика неразрывно связаны: индивидуальная добродетель и общественная справедливость — два полюса его мысли, между которыми он ищет если не примирения, то согласования. К концу жизни мыслитель пришел к выводу о невозможности создания справедливого государства. Выход из тупика он видел в строжайшей регламентации индивидуальной и социальной жизни, призванной восстановить утраченное в прошлые времена согласие или, по крайней мере, воспрепятствовать дальнейшему разладу между отдельной волей и мировым законом [129]. Некоторые исследователи считают Платона предтечей тоталитарной теории.

Социальными науками сегодня охотно признается, что Платон является одним из главных предшественников элитологии — науки, изучающей рекрутирование лидеров, раскрывающей процесс социально-политического управления в обществе, описывающей тот социальный слой, который непосредственно осуществляет управление. Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют рассматривать его философию именно как учение об избранности. Можно даже с известной натяжкой утверждать, что именно он и является ее создателем. Платон писал «элитарным стилем», писал об элите и исключительно для элиты. Поэтому он самый «элитарный» писатель всех времен и народов.

Автор диалогов «Государство», «Политик» и «Законы» одним из первых систематически изложил политические идеи, суть которых в следующем:

- 1) признаки государства — наиболее важная и непосредственная форма существования общества (философ стремился нарисовать картину идеальных отношений общества и государства);
- 2) подлинная добродетель (истинное знание) возможна только в *идеальном государстве* (таким государством Платон считал совершенную *аристократию* — правление лучших и благородных философов-мудрецов. Другие четыре формы государства — *тимократию* (правление военных), *олигархию*, *демократию* и *тиранию* он называл несовершенными);

- 3) взаимосвязь политики и государства с социальными изменениями (разделение труда, появление классов, неравенства; Платон первым указал на это);
- 4) идеальное общество состоит из трех сословий:
  - правителей-философов,
  - воинов-стражей,
  - ремесленников.

Аристотель — ученик Платона. Его учение более объективно, поскольку он обобщил опыт существования 158 греческих полисов. Свои выводы философ изложил в работе «Политика», в которой он:

- 1) отрицал возможность существования идеального государства, утверждая, что *государство является результатом естественного развития*, а не божественного промысла;
- 2) утверждал, что город-государство — это высшая форма общения людей, отражение сущности человека как «политического животного»;
- 3) считал главной целью государства достижение «лучшей жизни», общего блага для всех граждан (государство является воплощением справедливости, закона, сферой выражения общего интереса; в нем есть место частной собственности и семье);
- 4) классифицировал формы государства по двум критериям: а) количеству правящих и б) цели правления (*монархию, аристократию и политию* он называл правильными формами, поскольку в них правители преследуют общее благо *всех граждан; тиранию, олигархию, демократию*, которые служат корыстным интересам правителей, — неправильными);
- 5) полагал лучшей формой государства *политию* — правление большинства, обладающего имущественным и образовательным цензом (полития объединяет в себе все лучшие черты аристократии (добродетель правителей), олигархии (богатство), демократии (свобода); переводя эту мысль Аристотеля на современный язык, можно сказать, что это — правление в интересах среднего класса).

Аристотель трактовал политическую науку как высшую из всех наук, поскольку она учит людей жить по законам справедливости и права и имеет своей целью общее благо. В работе «Политика», полной житейской и политической мудрости, он писал: «Желанно, разумеется, и [благо] одного человека, но прекраснее и божественней благо народа и государства» [8, 118].

Учитывая огромные заслуги Аристотеля в развитии политической мысли, его нередко называют родоначальником, отцом политической науки. Но в становлении науки участвовали многие мыслители (Аристотель, хотя и был выдающимся, но одним из многих). И так же, как многие, Аристотель мог заблуждаться, в частности см. его утверждение о неполитичности рабов.

В течение почти двух тысячелетий от античности до XVIII в. каждый ученый рассматривал себя не как специалиста в какой-либо области знания, а как искателя знаний и мудрости вообще во всех сферах и проявлениях человеческой жизни. У Аристотеля, например, вся общественная жизнь укладывалась в рамки политической и ставилась на службу государству. Вводя понятие «человек политический», он понимал под ним «человек общественный» вообще. Поэтому, придавая науке о государстве самоудовлетворяющее значение, Аристотель утверждал: «Она ведь

устанавливает, какие науки и в каком объеме должен изучать каждый... А поскольку наука о государстве пользуется остальными науками как средством и, кроме того, законодательно определяет, какие поступки следует совершать или от каких воздерживаться, то ее цель включает, видимо, цели других наук, а, следовательно, эта цель и будет высшим благом для людей».

Политические исследования Аристотеля, как и его предшественников, не выделились в самостоятельную дисциплину и были неразрывно переплетены с философскими и этическими идеями. Впоследствии политическая мысль постепенно освобождается не только от религиозного влияния, но и от философско-этической формы. Произведения Цицерона «О республике» и «О законах» уже не содержат общеполитических или религиозных рассуждений [178].

2.1.4. Средневековый этап

В Средние века (V—XV века н.э.) в Европе господствовало *религиозное* мировоззрение, носителем которого была христианская церковь. Оно исходило из того, что все сущее возникло по воле Бога; изменения в обществе вызываются Богом для того, чтобы покарать или вознаградить людей.

В условиях жестокого религиозного диктата, поддерживаемого государственной властью, философия превратилась в «служанку религии», в рамках которой все философские вопросы решались с позиции теоцентризма (источник всего сущего — Бог), креационизма (Бог из ничего сотворил живую и неживую природу), провиденциализма (Бог — управленец всех мировых событий).

Времена Средневековья — это наименее продуктивный этап в развитии политической теории, однако и тогда существовали мыслители, изменявшие господствовавшие взгляды на государственную теорию и принципы взаимоотношения власти и общества. В связи с тогдашней религиозной парадигмой развитие социально-политической мысли осуществлялось в основном усилиями религиозных деятелей. Они активно обосновывали теологические теории политической власти, роль религии и государства в политике. Наиболее известны такие мыслители, как Аврелий Августин (Блаженный) и Фома Аквинский.

Проблема мистически осмысленной диалектики истории поставлена в трактате мыслителя Средневековья Августина (354—430) «О граде Божьем», написанном под впечатлением взятия Рима ордами Алариха в 410 году. Священный город пал потому, что стал градом дьявола. Он рассматривал два противоположных вида политической общности: «град земной», т. е. государственность, основанная «на любви к себе, доведенной до презрения к Богу, и «град Божий» — духовную общность, основанную «на любви к Богу, доведенную до презрения к себе». Вся история человечества представлялась Августину борьбой между «градом Божьим» и «градом земным». «Град Божий», высшим выражением которого является Церковь, населяют, по мысли Августина, праведники и ангелы, «град земной» — грешники и дьяволы. Единственное спасение человека — в приобщении к Богу, христианской добродетели. «Град Божий» не тождественен идеалу теократии. Августин являлся сторонником идей Платона. Он жестко критиковал потребительски организованные позднеантичные цивилизации, но признавал необходимость государственной власти [1, 2].

Средневековый мыслитель-богослов Фома Аквинский (1225—1274) в трактате «О правлении государей» соединил восходящие к Аристотелю представление о человеке как общественном существе, об общем благе как цели государственной власти, о моральном добре как середине между порочными крайностями и т. д. с христианскими догматами и доктриной о верховном авторитете римского папы. Он полагал, что государственная власть происходит от Бога и потому должна быть подчинена духовной. Это положение было связано со стремлением средневековых теологов обосновать верховенство духовной (церковной) власти над светской. Несмотря на божественную природу государственной власти, ее приобретение и использование, как считал Фома Аквинский, зависит от людей. Следовательно, сущность власти божественна, но формы ее реализации определяются самими людьми. Возмущение народа против власти монарха признавалось смертным грехом, поскольку было равносильно выступлению против Бога. Однако сама светская власть должна следовать христианским заповедям и не угнетать свой народ. В противном случае Фома Аквинский признавал правомерным свержение тирана [3].

2.1.5. Политические учения эпохи Возрождения и Просвещения

Оживление культурной и общественной жизни в Европе во времена Возрождения и Просвещения вызвало подъем интереса к политическим явлениям и осмыслению государственного устройства современного мира. В политической теории происходило развитие гуманистических начал, освобождение ее от теологии. Исследователи занялись анализом проблем прав и свобод человека, закона и государства, демократического устройства общественной жизни. Политические исследования проводились Н. Макиавелли [90], М. Лютером [86, 87, 88, 89], Т. Мором [106], Т. Кампанеллой [67], Г. Гроцием [39], Дж. Локком [85] и другими. В этот период созданы фундаментальные трактаты и более мелкие сочинения под красноречивыми названиями: «Государство», «Законы», «Республика», «Государь» и т. д.

Родоначальником политической науки считается Н. Макиавелли, который в работе «Государь» (1513) и «Размышления о первой декаде Тита Ливия» (1520) сформулировал предмет и метод политологии [90]. Макиавелли в течение четырнадцати лет работал секретарем правительства Итальянской республики и наблюдал политику изнутри. Непосредственное участие в политической жизни укрепило его во мнении, что политическая наука — это наука практическая, служащая решению жизненно важных задач.

Вклад Н. Макиавелли в политическую науку состоит из:

- 1) *обоснования самостоятельности политической сферы*, ее относительной автономности от других областей жизни общества (экономики, культуры и т. д.), поскольку политика имеет собственную логику, содержание которой определяет политическая власть (именно власть во всех ее проявлениях и является предметом политической науки);
- 2) *восприятия политики как социальной реальности*, а не воображаемого, идеального мира (он перенес политику из сферы воображаемого и желаемого в плоскость объективного и реального; политическая наука, по Н. Макиавелли,

- должна постигать истинное положение вещей, непосредственно наблюдая за поведением политических лидеров, масс, их взаимодействием; метод политического реализма, который Н. Макиавелли ввел в политологию, окончательно освободил политику от религии);
- 3) *рассмотрения государства как политической формы организации общества* (он различал понятия «общество» и «государство»; формы государства, по его мнению, сменяют друг друга, отражая тем самым состояние общества; Н. Макиавелли сформулировал *концепцию циклического развития государственных форм*, в основе которой лежит идея кругооборота добра и зла; выделив шесть форм государства, он характеризовал три из них как «дурное во всех отношениях» (тирания, олигархия и охлократия), а относительно трех других писал, что они «хороши сами по себе» (монархия, аристократия, демократия). Согласно Н. Макиавелли, форма государства, достигнув предела совершенства, клонится к упадку, переходя в свою противоположность; это происходит потому, что природа не позволяет вещам пребывать в состоянии покоя: монархия сменяется тиранией, тирания — аристократией, аристократия уступает место олигархии, на смену последней приходит демократия, которая, в свою очередь, перерастает в охлократию (власть толпы). Наилучшей формой государства Н. Макиавелли считал *смешанную*, воплощением которой была для него *умеренная республика*, сочетающая достоинства монархии (сильное объединяющее начало), аристократии (мудрость и добродетельное правление) и демократии (свобода и участие народа в управлении);
  - 4) *отделение политики от морали* (политика, по мнению Н. Макиавелли, должна исходить из целесообразности, соответствовать опыту, практике, конкретной ситуации, политика подчинена достижению определенных целей выбор цели зависит от обстоятельств, а не от морали, поэтому цель следует соотносить со средствами, а средства — с обстоятельствами и результатами. «Государь, — отмечал мыслитель, — если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости». Н. Макиавелли большое внимание уделял личности самого государя, анализировал его черты и качества.

Таким образом, Н. Макиавелли в XVI в. однозначно размежевал политическую науку, философию и этику. Он выделил политические исследования в самостоятельное научное направление, уподобил политические процессы природным явлениям, поставил в центр анализа проблемы государства и власти, разработал целый комплекс методов борьбы за власть; его творчество не только ознаменовало крупный шаг на пути превращения политологии в самостоятельную науку, но и способствовало сближению теории и практики, подчинению политических исследований решению реальных задач борьбы за власть и ее удержание.

Большой вклад в освобождение политики и политической мысли от теологии и церковной морали внесли Ж. Воден, Т. Гоббс, Б. Спиноза и др. Этапными считаются такие работы, как «О свободе слова» Дж. Мильтона [102] и «Левиафан» Т. Гоббса [37], в них выделялась проблема политического как особой сферы жизнедеятельности людей.

Лежащий в основе их подхода рационализм, в том виде, в каком его первоначально сформулировал Р. Декарт [50] (1596—1650), признавал за действительное только мыслимое содержание. Обратив оружие рационализма против средневеко-

вых суеверий, Т. Гоббс (1588—1679) ценил только эмпирический материал. Веруя в познаваемость политических феноменов с помощью математических методов, он определял смысл государства в его полезности и способности обеспечить безопасность и мир для своих граждан. Под воздействием новых естественнонаучных идей Т. Гоббс рассматривал государство в виде грандиозного искусственного человека — Левиафана, в котором разыгрывались исключительно механические процессы и взаимоотношения. Тем самым у Т. Гоббса рационализм и абсолютизм слились в великом синтезе. Философ говорил о необходимости создания науки о политике, которая бы заняла свое место рядом с научными достижениями Коперника, Кеплера и Галилея. Такой наукой он считал политическую философию.

По мнению Т. Гоббса, появлению государства предшествовало так называемое естественное состояние («война всех против всех»), т. е. состояние абсолютной, ничем не ограниченной свободы людей, равных в своих правах и способностях. Для того чтобы обуздать природные страсти человека, гарантировать общественный порядок и права граждан, люди и заключили общественный договор между собой, взаимно ограничив свою свободу, чтобы существовать в состоянии общественного мира. Согласно этому договору, они вручили свои права, судьбу и власть главе государства, который в договоре не участвовал и, следовательно, ответственности перед договаривавшимися индивидами не нес. Так возникло государство, власть которого суверенна, т. е. независима ни от каких внешних или внутренних сил [37]. Идеалом государства для Т. Гоббса была абсолютная монархия, обладающая неограниченной властью по отношению к обществу.

2.1.6. Период буржуазных революций

Со второй половины XVII в. в Европе, а затем и в Северной Америке резко ускоряется течение исторического времени. Наступила эпоха буржуазных революций. Это изменило природу и целенаправленность процесса становления политической науки. У нее выявилась вторая сущность — кроме теоретического осмысления политической природы социального мира, исследователи стали осмысливать и моделировать пути и средства его изменения.

Родоначальник либеральной идеологии и сторонник идеи общественного договора Дж. Локк (1632—1704) трактовал ее иначе. Поскольку главной ценностью либерализм признает свободную личность, постольку Дж. Локк считал, что реализация идеала свободной личности требует ограничения власти государства. С этой целью свободные индивиды заключают общественный договор, основным принципом которого является положение о народном суверенитете. В соответствии с этой формулой, лишь народ — источник власти, и он заключает договор с правящей властью. Согласно договору, главная и единственная функция государства состоит в защите естественных и неотчуждаемых прав человека. Для того чтобы государство оставалось «ночным сторожем» и не посягало на права и свободы личности, Дж. Локк выдвинул идею *разделения властей* на законодательную и исполнительную. Законодательная власть, по его мнению, должна иметь более высокий статус, чем исполнительная, т. к. именно она определяет политику государства. Дж. Локк был сторонником ограниченной монархии [85].

Активно развивал идею о разделении властей и Ш.-Л. Монтескье (1689—1755). Она в его интерпретации стала очередным шагом в поисках конкретных форм баланса власти. Потребность в разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную вытекает, по Ш.-Л. Монтескье, из природы человека, из его склонности к злоупотреблению властью. Власть должна иметь свой предел и не угрожать правам и свободам граждан (механизм сдержек и противовесов). В известной работе «Дух законов» философ выделил три типа правления: *республику, монархию и деспотию*. По его мнению, идеальный тип правления — это *демократическая республика* [105].

В XVIII в. политические процессы исследовали кроме уже названных многие представители общественной мысли, в том числе Ж.-Ж. Руссо [138] (1712—1778), Ж. Кондорсе [71] (1743—1794), А. Фергюсон, Т. Пейн [125], А. Гамильтон [163], Дж. Медисон [163], Дж. Джей [163] и др. В середине века право, теология и медицина как самостоятельные дисциплины преподавались в университетах, но философия продолжала занимать ведущее положение в изучении человека и общества. Однако по мере расширения и углубления знаний о социальном мире ускорилась сегментация научных дисциплин. К середине XVIII в. стало очевидным, что естественная философия отличается от моральной философии. С развитием химии, физики, биологии и других дисциплин появились соответственно и новые названия: «естественные науки» и «моральные науки». В рамках последних изучались и анализировались почти все общественные и политические явления, процессы, институты. В частности, основатель политэкономии А. Смит был профессором моральной философии.

Значительная часть других исследователей этого периода способствовала развитию теории естественного права. Представителями данного направления политической и правовой мысли анализировались такие ключевые проблемы, как происхождение, сущность и предназначение государства; теория общественного договора; отношения между государством и церковью; народный суверенитет, права и свободы человека; формы правления и т. д.

Руководствуясь подобными установками, Д. Юм (1711—1766) наряду со многими другими мыслителями Нового времени стремился к тому, чтобы свести политику к науке создания механизма разрешения или смягчения политических конфликтов. Считалось, что наука о политике, раскрывая причинно-следственные закономерности и связи в конкретных формах и сферах, определяет те константы и переменные величины, действуя на которые можно достичь желаемых результатов [193].

Существенный вклад в развитие политической теории, идей конституционного строя, республиканской и либерально-демократической форм правления был сделан в эпоху Просвещения. Затем эти идеи внедрялись в политическую практику Великой французской революцией, Войной за независимость США и серией революций в XIX в. Это отчетливо проявилось в английской, американской и французской политических традициях, где республиканская и демократическая системы рассматривались как наилучшие формы правления, оптимально соответствующие природе человека.

Следует отметить, что хотя экономика начала XIX в. характеризовалась бурными темпами развития, общественно-политическая мысль этого периода отмечена

печатью Реставрации, проявившейся в появлении так называемых теократических политических учений, в возрождении теорий божественного происхождения государственной власти вообще и королевской власти в частности. К этому периоду относится также формирование концепций «историзма», «исторического мирозерцания». Наряду с верой в силу человеческого разума снова получает популярность мысль о неразрывной связи человека с прошлым, с вековыми традициями и обычаями, происходит «историзация» человеческого мышления. К этому же периоду относится дальнейшая интенсивная разработка органической теории государства, в которой государство отождествлялось с феноменом, имеющим самостоятельное от отдельных личностей существование и стоящим над ними, обладающим внутренней жизненной силой и способностью к самосохранению.

§ 2. ВРЕМЯ «ПЕРВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

2.2.1. Естественно-научный фундамент политической науки

Во второй половине XVIII — начале XIX вв. были сформулированы важнейшие подходы, ставшие основой для разработки политических теорий и концепций современности. А это создало предпосылки для формирования самостоятельной научной дисциплины, призванной объективно исследовать и анализировать политический мир.

Процесс вычленения политологии с ее собственным понятийно-категориальным аппаратом, методологическими принципами и системой аргументации протекал в общем контексте развития науки Нового времени. Определяющее воздействие на этот процесс оказали, с одной стороны, утверждение атомистических и механистических представлений о мире и обществе, с другой, — ньютоновская картина мира с четко очерченными законами и закономерностями, причинно-следственными детерминациями и т. д. Согласно этим представлениям, социальный мир, подобно природной Вселенной, изображался в виде жестко детерминированного часового механизма, действия которого до тонкостей может понять любой человек, обладающий способностью объять и проанализировать все его элементы и отношения между ними.

Постепенно объяснение политических феноменов и процессов в терминах рационализма стало общепринятым в западном общественном сознании. Господствовало убеждение о том, что в социальных и политических реальностях будут обнаружены законы и закономерности, которые по своей точности и определенности не будут уступать, например, законам физики. Утверждалась методология анализа общественно-политических явлений, разрабатывались новые специальные методы исследования, неуклонно возрастал интерес к методам формально-правового анализа, к юридической логике и сравнительно-правовому анализу и т. д. Исследовательские методы, приемы и понятия, выработанные в естественных науках, становились достоянием социальных и гуманитарных наук. Показательно, что определенные аспекты социальной и политической действительности стали анали-

зироваться с помощью таких заимствованных из естественной науки понятий, как «прогресс», «эволюция», «организм», «порядок» и др. Уже к началу XIX в. утвердилось убеждение в необходимости систематического эмпирического изучения политических феноменов, исследования политики с помощью конкретных методов.

2.2.2. Концепции первой половины XIX века

В дальнейшем, особенно в работах А. К. Сен-Симона [140] (1760—1825) и О. Конта (1798—1857), акцентировалось внимание на отношениях между людьми в обществе, человеком и обществом, а так называемые моральные науки получили окончательное название «социальные науки», объектом изучения которых стали общество и мир политического в их взаимосвязи и взаимозависимости. Позитивизм О. Конта (1798—1857) и социализм А. К. Сен-Симона, по сути дела, являлись реакцией на идеи социальной атомистики возрожденческо-просветительского индивидуализма и результатов Великой французской революции, стремлением их духовного преодоления. В русле этой традиции О. Конт обосновывал мысль о том, что политическую науку можно возвести в ранг «опытных наук» [72]. Анализируя эти тенденции, А. де Токвиль (1805—1859) пришел к выводу, что одним из средств социальных и политических изменений должна стать «новая политическая наука для нового мира» [154, 73].

В своих поисках органических начал в организации общества они были весьма близки к основателям континентальной консервативной традиции Ж. де Местру [98, 99] (1753—1821) и Л. де Бональду [136]. Объясняя власть и общество волей Божьей, Л. де Бональд рассматривал власть как «живое существо», призванное сохранить общество. «Воля этого существа, — говорил он, — называется законом, а его действия — правительством». Общество — это также живое существо, имеющее свое детство, юность, зрелость. Возражая Ж.-Ж. Руссо и И. Канту, считавшим, что общество создано человеком для человека, Л. де Бональд утверждал: «Человек существует только для общества; общество создается только для самого себя». Критикуя индивидуализм, Л. де Бональд говорил, что в отличие от философов Нового времени, которые создали философию «Я», он хотел создать философию социального человека, философию «Мы». Как считал Л. де Бональд, «в обществе нет прав, а есть только обязанности». Он рассматривал государство как «большую семью», которой и телом и душой принадлежат все составляющие ее «обездоленные индивидуумы». При этом он обосновывал идею вмешательства государства в материальную и моральную жизнь своих членов. Эти и ряд других идей стали основой многих последующих консервативных теорий и концепций государства, политики и политических явлений [136, 249].

2.2.3. Теории середины XIX в.

Несмотря на наличие достаточно широких политических исследований, вплоть до второй половины XIX в. политология не была дисциплинарно оформлена. С этим связаны трудности в определении времени завершения процесса ее формирования. Некоторые ученые считают формальным началом политологии как самостоятельной науки образование в первой половине XIX в. правовой шко-

лы в Германии, другие же — преимущественно американские авторы — датируют ее возникновение второй половиной XIX в. и связывают прежде всего с именем Ф. Либера, который в 1857 г. начал читать в Колумбийском университете курс лекций по политической теории и создал необходимые условия для открытия там же в 1880 г. высшей школы политической науки.

XIX в. стал в некотором роде веком не только исторической, но и государство-ведческо-правовой, юридической науки, поскольку он ознаменовался развитием истории и теории права, отделением государственного права от административного, уголовно-процессуального — от гражданско-процессуального, формированием различных школ права, таких как историческая, позитивистская, реалистическая и т. д. Наметилась тенденция к политизации и социологизации проблематики государства и права и, соответственно, к пересмотру юридического формализма. Немаловажную роль сыграли Р. Иеринг [59, 60], С. А. Муромцев [108] (1850—1910), Э. Дюркгейм [55, 56] (1858—1917), М. Вебер [25, 26] (1864—1920) и др. Сложилась такая направленность политической и правовой мысли, как теория политического представительства, юридический позитивизм и социологическая юриспруденция, теория правового государства и сравнительное правоведение.

При всех выявленных позже недостатках заслуга исторической школы права (Савиньи и др.) состояла в том, что ее представители подчеркивали необходимость изучения правовых установлений в их связи с общим контекстом исторического развития общества. Представители социологической юриспруденции (И. Бентам [18] (1748—1832), Р. Иеринг, С. А. Муромцев и др.), указывая на несостоятельность юридического формализма, обращали внимание на социальные и политические последствия игнорирования законодательства [65].

В 1862 г. Г. Гельмгольц в своей ставшей известной речи практически уравнивал в правах гуманитарные и естественные науки, хотя и признавал, что индуктивный метод применительно к историческому познанию находится в иных условиях, нежели при естественнонаучных исследованиях [143, 86].

Политическая наука обосновывалась на юридических факультетах, но быстро уступила место публичному праву, ее не принимали и на филологических факультетах, где стремилась к своему утверждению дюркгеймовская социология. «Sciences Po», как фамильярно называют Свободную школу политических наук, оставалась до Второй мировой войны средоточием изучения политических дисциплин. В то же самое время происходило интеллектуальное продвижение в электоральных исследованиях, в изучении государства и функционирования парламентских учреждений и т. д.

2.2.4. Становление политической науки (конец XIX — начало XX вв.)

Последние десятилетия XIX — начало XX вв. стали периодом, в рамках которого произошло окончательное вычленение сферы политического как самостоятельной подсистемы человеческого социума. Именно к этому периоду относится формирование и утверждение в большинстве промышленно развитых стран важнейших государственных и политических институтов, которые в совокупности составили современную государственно-политическую систему.

Процесс формирования и выделения политологии из общей системы социальных и гуманитарных наук занял несколько десятилетий (конец XIX — начало XX в.). В это время термин «политическая наука» получил признание и распространение и в Европе. Среди пионеров современной профессиональной политологии преваляровала тенденция рассматривать свою дисциплину как науку. В 1896 г. один из виднейших европейских политологов и социологов итальянец Г. Моска назвал свой ставший позднее классическим труд «Элементы политической науки». Английский исследователь Ф. Поллак создал «Историю науки о политике» (1890), а преподаватель Кембриджского университета Р. Сили — «Введение в политическую науку» (1896). При этом «наука» и «научность» понимались по-разному. Как считал, например, Р. Сили, политическая наука призвана быть комплексом пропозиций, сформулированных на основе исторического знания. По его мнению, политическая наука — это культивирование умения «обосновать, обобщить, сформулировать и различать... так же как и собирать, точно идентифицировать и исследовать факты». Эти процессы, по его мнению, и составляют политическую науку. Симптоматично, что известный немецкий исследователь В. Дильтей (1833—1911), решительно отстаивая и защищая теоретико-познавательную самостоятельность гуманитарных наук, соглашался с тем, что для последних образцом являются естественные науки [51].

Представители новой науки, уже осознавшей себя таковой, но еще не признанной в этом качестве обществом и государством, главное внимание сосредоточили на исследовании проблем политической власти и ее социальных основ. Речь шла о четком разделении властей, утверждении парламента, исполнительной и судебной ветвей как самостоятельных институтов власти, партиях и партийных системах, избирательной системе, государственной службе и т. д. Не случайно к этому же периоду относится возникновение разного рода научных ассоциаций (экономических, социологических, исторических и т. д.), образовавшихся наряду с ранее начавшей формироваться социологией, экономической наукой и научной историей. В рамках первых десятилетий XX в. политология воспринималась как «новая наука», но одновременно продолжались споры и дискуссии относительно ее права на существование. Разумеется, в каждой стране эти споры и дискуссии несли на себе печать национально-культурных и идейно-политических традиций.

2.2.5. Создание национальных политологических школ

2.2.5.1. Германская школа

В Германии о начале собственно политической науки можно говорить лишь с возникновением в первой половине XIX в. правовой школы, поставившей своей целью изучение государства в различных его аспектах и проявлениях. Основы этой школы были заложены работами И. Канта [68] и Г. Гегеля, особенно «Философией права» последнего [31, 92]. Немаловажную роль здесь сыграли известные немецкие правоведы и государствоведы. Главная особенность этой школы состояла в том, что она сводила политическое исследование к идее государства, интерпретируемого как комплекс формальных конституционных норм. Политическая наука, таким образом, превращалась в науку догматическую, лишенную возможности изучения социальной реальности.

В Германии были заложены основы современной политической социологии. Следует упомянуть политологические работы М. Вебера (1864—1920). Первоначально политическая наука оформилась во многом как социология политических институтов. Но поскольку основным объектом ее изучения было государство, политическая наука возникла как социология государства [25, 26]. Определилось разделение на государствоведение и политическую науку. Политические процессы внутри страны, в т. ч. и государственное управление в целом, рассматривались в рамках государствоведения. В дальнейшем эта линия проводилась не столь четко, и философия государства, которая входила в государствоведение, стала рассматриваться как часть политической науки.

Это объяснимо, если учесть, что германская политическая наука развивалась в русле немецкой классической философской традиции, и можно сказать, что основы ее теоретико-познавательных и институциональных рамок были заложены традиционными дисциплинами — философией и историей. Значительное влияние на характер германской политологии, особенно политической философии оказало то, что она развивалась в контексте характерного для германского обществознания историзма. Германская политическая философия не была теорией, которая просто объясняла сущность происходящего, не ставя перед собой каких-либо иных целей. Напротив, она являлась выражением и обоснованием политической воли, располагающей своими принципами и ставившей определенные цели. Она разрабатывала программы и выдвигала предложения по изменению политической реальности.

В такой трактовке в глазах некоторых тогдашних германских исследователей политология не являлась наукой в строгом смысле этого слова. По их мнению, политическая наука как практическая дисциплина призвана определять цели и нормы политической деятельности. В этом плане в ее задачу входило философское осмысление социальной действительности и ориентации политической деятельности на те или иные социальные и моральные ценности. Наиболее четко эту позицию изложил А. Шван, который призывал вновь и вновь возвращаться к нормам, вытекающим из религиозного и философского самосознания, на которые следует ориентироваться как на высшую ценность политического мышления.

Особым направлением немецкой политической мысли стал марксизм, который в лице своих создателей К. Маркса, Ф. Энгельса и их последователей не только нарисовал элементарную политическую картину мира, но и дал в руки радикальных элементов средство, ставшее основным катализатором политического процесса в XX в. [92, 93, 191].

2.2.5.2. Французская школа

Формирование политической науки во Франции, по мнению П. Фавра [162], заняло примерно полвека между двумя символическими датами: 1871 г., когда Э. Бутли основал «Свободную школу политических наук», и 1913 г., когда была опубликована книга А. Зигфрида «Политическая карта западной Франции при Третьей республике». Между этими датами было опубликовано множество работ, составивших основы французской политической науки. Это «История политической науки в ее связи с моралью» П. Жане (1851), «Принципы политической нау-

ки» Э. де Парье (1870), «Элементы политической науки» Э. Шеврьера (1871), «Философия политической науки» Э. Акола (1877). За ними последовали ставшие классическими труды А. Эрсана, А. Мишле: «Идея государства» (1896), «Политическая доктрина демократии» (1901). Наиболее яркими фигурами этого периода являются О. Конт [72] и Э. Дюркгейм [55, 56].

2.2.5.3. Американская школа

Несколько десятилетий длился процесс формирования политической науки в США. Основателем систематического исследования политики в Америке считается Ф. Либер. В 1857 г. он был принят профессором истории и политической экономики в Колумбийский колледж. Ф. Либер читал лекции по политической философии, в которых центральными были вопросы теории государства и политической этики. Сменивший его Дж. Берджес основал в том же колледже (позже переименованном в Колумбийский университет) в 1880 г. школу политической науки. Политическая наука была введена в систему подготовки научных кадров с защитой диссертации. В 1886 г. школа начала издавать журнал «Политикл сайенс куортерли». Примеру Колумбии последовали университет Джонса Гопкинса и другие ведущие учебные заведения США. Немаловажную роль в становлении американской политической науки сыграла книга одного из ее основателей Дж. Берджесса «Политическая наука и сравнительное конституционное право» (1890). В 1903 г. была создана Американская ассоциация политических наук, положившая начало множеству подобных ассоциаций в США и в других странах. В том же году начал издаваться журнал «Анналы американской академии политических и социальных наук», а с 1906 г. — «Обозрение американской политической науки» и с 1939 г. — «Журнал политических исследований». В последующие годы в США была создана сеть политологических учебных и научных институтов.

Большой вклад в развитие политической социологии внес американский политический ученый А. Бентли, опубликовавший в начале XX в. ряд работ, в которых разрабатывалась теория групп. А. Бентли рассматривал группу как фундаментальную единицу (или «частицу») политики, действующую под институциональным контролем административных учреждений, судов, законодательных органов и политических партий. Во многом теория групп являлась реакцией против правового формализма, поскольку утверждалось, что групповое взаимодействие конституирует реальность политической жизни, действующей за юридически правовой ширмой общества и государства. Придавая этому основополагающее значение, А. Бентли и его последователи оценивали группу как важнейший предмет исследования политической науки [143].

В дальнейшем на основе разработок А. Бентли была сформулирована концепция заинтересованных групп. Вследствие этого социальные группы наряду с политическими партиями заняли важное место в политологических исследованиях. Начало первой волны изучения социальных групп пришлось на 1920-е гг. в трудах П. Оедгарда и Э. Херрига, за которыми последовали работы Ф. Поллака, Э. Шатшнайдера, Э. Лейзерсона и др. Но теоретическую и аналитическую завершенность исследование этой проблемы получило после Второй мировой войны.

2.2.5.4. Английская школа

Политическая наука Великобритании как самостоятельное научное направление оформилась в конце XIX в. с момента основания Лондонской школы экономики и политических наук при Лондонском университете. До Второй мировой войны сначала в этой школе, а затем в Оксфордском, Кембриджском, Манчестерском, Ливерпульском и других университетах велось изучение и преподавание дисциплины о политических явлениях. При этом особое внимание профессорско-политологи уделяли проблемам государственного управления, политическим институтам, конституционному и административному праву Англии, политической философии и теории, международным отношениям и колониальной администрации. В тот период тон в политологических исследованиях задавали Э. Баркер, Дж. Коул, Г. Ласки, Ч. Мэннинг, У. Робсон, Г. Файнер и другие [143].

2.2.5.5. Итальянская школа

Итальянская политологическая школа характеризуется существенным вкладом в разработку теории элит. Вслед за К. Марксом и М. Вебером целая плеяда таких ученых, как В. Парето (1848—1923), Р. Михельс (1876—1936), Г. Моска (1855—1941) и др. выдвинула собственные теории политического развития. Ученые пришли к выводу, что любая система политического правления, независимо от ее формально-юридического или идеологического характера, является по существу олигархической или элитической. Здесь особо следует отметить теорию элит, сформулированную Г. Моской [107] в работах «Теория правления и парламентское правление» (1884) и «Основы политической науки» (1923). Последователями этой теории были В. Парето [118, 119, 120, 121, 122] Р. Михельс [104], которые разработали теории циркуляции элит и «железного закона» олигархии. Согласно этим теориям политические реальности во всех политических системах определяются соперничеством и конкуренцией и, соответственно, сменой у власти различных группировок элит. Исходя из такой постановки вопроса, ученые считали основной задачей политической науки изучение элит, особенностей их функционирования и закономерностей их периодической смены у власти. Р. Михельс стал одним из основателей современной политической социологии, опубликовав книгу «Социология политических партий».

2.2.5.6. Российская школа

Легитимизация социологии и политологии в России шла с некоторым запозданием по сравнению с западноевропейскими странами. Однако XIX в. оказался очень напряженным для страны в плане развития политической жизни. Политическая мысль сконцентрировалась на борьбе с феодализмом и поиске лучших (чем реальный капитализм) путей исторического развития России. Ряд исследователей, среди которых М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов, Н. М. Карамзин, П. И. Пестель, Н. М. Муравьев, П. Я. Чаадаев, К. С. Аксаков, И. В. и П. В. Киреевские, А. С. Хомяков, П. В. Анненков, И. В. Вернадский, Б. Н. Чичерин, разрабатывали идеи, волновавшие общество. Они обосновали революционные планы коренного преобразования государственного строя России. В связи с этим критика деспотиз-

ма в организации государственной власти велась из разных политических лагерей. Оппозиция сгруппировалась вокруг двух взаимоисключающих сценариев политического развития. Произошло ее принципиальное и долговременное деление на «западников» и «самобытников». Первые требовали установления конституционной монархии, разделения властей и создания правового государства. Вторые обосновывали особый русский путь развития, идеализируя элементы государственного устройства допетровской Руси.

В середине XIX в. К. Д. Кавелин [66] написал работу «Записка об освобождении крестьян в России», а Б. Н. Чичерин [181, 182] статью «О крепостном состоянии». В своих работах исследователи обосновывали тезис о пагубности крепостничества для формирования основ гражданского общества и правового государства в России.

Отмена крепостного права, реформы в различных сферах общественной жизни, в частности судебная реформа, земская реформа, реформа армии и другие преобразования второй половины XIX в., которые должны были, в конечном счете, привести к утверждению начал гражданского общества и правового государства, в огромной степени стимулировали интерес русских обществоведов к проблемам права, конституционализма, истории государственного строительства и т. д. В этот период властителями дум Российской империи стали А. И. Герцен [32], В. Г. Белинский [14], Н. Г. Чернышевский [180], М. А. Бакунин [13], П. А. Кропоткин [74, 75, 76, 77], П. Л. Лавров [78], П. Н. Ткачев [153], Г. В. Плеханов [130].

Развитие политической мысли характеризовалось возникновением революционного демократизма, его слиянием с утопическим социализмом и распространением утопических идей. Странники революционного преобразования общества ожесточенно критиковали практику не только феодального, но и буржуазного государства, отрицая необходимость всякого эксплуататорского строя. В их работах превалировала ненависть ко всем видам социального и политического угнетения, неравноправию, глубокая вера в светлое будущее народа. Огромное внимание, обусловленное многонациональным составом Российской империи, уделялось национальному вопросу, обоснованию его решения с позиции признания права наций на самоопределение.

Некоторые русские представители социальных наук разделяли увлечение западных коллег позитивизмом. В 1869 г. вышла книга А. И. Стронина «История и метод», в которой обосновывалась задача использования естественнонаучных методов для изучения общественных явлений и процессов. Работа была неоднозначно воспринята научной общественностью и подверглась ожесточенной критике [91]. В 1872 г. была опубликована работа П. Лилиенфельда «Мысли о социальной науке будущего». В ней автор, следуя в русле изысканий Г. Спенсера (1820—1903), предпринял попытку сформулировать свой вариант теории органичного общества. Книга, изданная в 1873 г. в Германии на немецком языке, пользовалась в Западной Европе немалой популярностью. Будучи приверженцем позитивизма, П. Лилиенфельд выступил за освобождение социальных наук от этических, морально-психологических и иных метафизических наслоений. Исходя из постулата единства естественного и социального миров, философ утверждал, что экономическая жизнь — это физиология общества, система правовых институтов — морфология; правительство — нервная система и т. д.

Немаловажная заслуга в разработке названных проблем принадлежит Б. Н. Чичерину, написавшему несколько фундаментальных работ, в том числе пятитомную «Историю политических учений» (1877), «Очерки философии права» (1901), «О народном представительстве и другие» [92]. Дальнейшую разработку этой проблематики получила в работах И. В. Михайловского, Л. И. Петражицкого и других. Глава московской школы философии права П. И. Новгородцев [110, 111] принял активное участие в основании конституционно-демократической партии. Его учениками и последователями были И. А. Ильин [61, 62], Б. П. Вышеславцев [27, 112], Н. Н. Алексеев [4] и др., внесшие существенный вклад в разработку важнейших проблем политической науки. Некоторые идеи П. И. Новгородцева были плодотворно развиты С. Л. Франком [164, 165, 166, 167], С. И. Гессеном [33, 34, 35, 36] и др. В область философии права значительный вклад внесли Е. Н. Трубецкой [157, 158, 159], Н. А. Бердяев [19, 20, 21, 22], В. С. Соловьев [145] и др. Не случайно П. И. Новгородцев называл В. С. Соловьева «блестящим и выдающимся представителем философии права» и причислял его к «наиболее видным защитникам правовой идеи среди философов истекшего века». Нельзя не отметить роль М. М. Ковалевского [70] в разработке проблем политической философии, обоснование им принципов конституционализма и сравнительно-исторический анализ представительных учреждений и форм демократии.

В этот же период заложены основы современной политической социологии. В 1898 г. русский ученый М. Я. Острогорский опубликовал фундаментальный двухтомный труд «Демократия и политические партии» (на французском языке) [65]. Лишь в конце 1920-х гг. он был издан на русском языке. Показательно, что, хотя в нашей стране книга М. Я. Острогорского не получила популярности, соответствующей ее значимости, на Западе ее автор наряду с такими признанными учеными того времени, как М. Вебер, Р. Михельс и др., считался одним из основателей политической социологии.

В конце XIX — начале XX вв. были заложены основы русского конституционализма. В таком контексте большое значение имело возрождение интереса к теории естественного права, которая использовалась для обоснования правового государства. В трактовке естественного права выделились два направления: старое, метафизическое, представленное Б. Н. Чичериным, К. Д. Кавелиным, А. Д. Градовским [38] и др. и новое, социологическое, представленное С. А. Муромцевым, В. И. Сергеевичем [141], М. М. Ковалевским и др.

Сторонники социологического направления видели недостаток старого подхода в том, что его приверженцы, концентрируя внимание на субъективных факторах, исходили из постулата об абсолютности, вечности и неизменности права. Отвергая такой подход, Н. М. Коркунов [137], например, обосновывал тезис об относительности права как «особой группы явлений общественности», изменяющейся в ходе исторического развития.

В результате активного развития русской политической жизни в XIX — начале XX вв. к началу Великой русской революции 1917 г. в стране произошла идеологическая дифференциация, определившая характер последующих событий. В XIX в. определилось четыре основных идейно-политических течения: либерализм (идеология западничества) в лице М. М. Сперанского [149, 150], П. Я. Чаадаева [179], Н. В. Станкевича [151], П. В. Анненкова [7]; консервативная идеология в форме

славянофильства представлена реакционным (С. С. Уваров [160, 161], К. П. Победоносцев [131]) и реформаторским крылом (А. С. Хомяков [177], Н. Я. Данилевский [46], В. С. Соловьев [145]); российский радикализм основывался на идеях А. Н. Радищева [135], П. И. Пестеля [127], Н. П. Огарева [113], А. И. Герцена [32], В. Г. Белинского [14], Д. И. Писарева [128], Н. Г. Чернышевского [180]; социал-реформизм (меньшевизм) не представлял мощного идейно-политического течения и обосновывался Ю. О. Мартовым и Г. В. Плехановым.

В годы революции основная борьба развернулась между либерализмом и радикализмом. Первый в своей классической форме был представлен Б. Н. Чичериным [181, 182], А. И. Гучковым, М. В. Родзянко, а в социализированной форме — П. И. Новгородцевым [110, 111], П. Н. Милуковым, А. А. Мануиловым. В радикализме возобладали идеи большевиков (В. И. Ленин [82, 83], Л. Д. Троцкий [156]), левых социал-революционеров (В. Д. Камков, П. П. Прошьян, М. А. Спиридонова), и анархистов (П. А. Кропоткин [74, 75, 76, 77], Н. А. Кабанов, В. М. Волин, Г. П. Максимов).

Однако и два других направления оказались в гуще революционных катаклизмов. Социал-реформизм был представлен эсеровским (А. Ф. Керенский, Н. Д. Авксентьев, В. М. Чернов) и меньшевистским крылом (И. Г. Церетели, Ф. И. Дан, Ю. О. Мартов). Консерваторы-монархисты (В. М. Пуришкевич, И. Восторгов, П. Н. Балашов) в идейном плане ничего не смогли противопоставить республиканской идее, овладевшей умами россиян.

Эти и другие факты позволяют сделать вывод, что развитие политической мысли в России шло в том же направлении, что и на Западе. Но в отличие от западных стран в России процесс формирования и институционализации политической науки оказался насильственно прерванным в результате череды кровавых катаклизмов, захлестнувших страну, и установления тоталитаризма.

2.2.6. Две тенденции в развитии политической науки

Национальные политологические школы позволили создать теоретическую базу, достаточную для осмысления и конструирования глобальных политических концепций. В политологии стран континентальной Европы утвердилась тенденция к синтезу эмпирического и теоретического начал, в то время как политология англосаксонских стран, особенно США, развиваясь в русле позитивизма, во все более растущей степени претендовала на статус «точной науки» наравне с естественными науками. Такое разделение политологической теории и практики на два взаимодополняющих потока было нарушено установлением в России и ряде стран Европы тоталитарных режимов.

Вместе с тем и до 2-й половины 1930-х гг. в континентальной Европе, и особенно в англосаксонских странах политическая наука сделала крен в сторону позитивизма, выразившийся в приравнивании науки о политике к естественным наукам. Эта тенденция уходила своими корнями к основателям европейского рационализма XVII—XVIII вв. Над умами основоположников социальных и гуманитарных наук XIX в., мысливших в русле рационалистической традиции, довели модели универсальной рациональности и ньютоновского механистически-научного видения мира. Рационалисты усматривали в науке ключ, которому под силу

открыть все двери как от тайн природы, так и от тайн социального мира. Они проводили прямую связь между наукой как подлинным и высшим воплощением разума, с одной стороны, и рационально мыслящими индивидами в обществе, в том числе и в политической сфере, с другой.

В соответствии с этой тенденцией были разработаны так называемые «научные законы» политики. К ним, в частности, относятся положения, сформулированные в вышеупомянутых работах М. Я. Острогорского [116] и Р. Михельса [104]. На основе сравнения английской и американской партийных систем М. Я. Острогорский пришел к выводу о несовместимости массовой бюрократической политической партии и демократической системы управления. Р. Михельс, проанализировав историю и деятельность социал-демократической партии Германии, вывел свой «железный закон» олигархии, согласно которому для крупных бюрократий характерна тенденция к сосредоточению власти в руках олигархии.

Понимаемая таким образом политология концентрировала внимание на формальных институтах политической системы: парламенте, исполнительной власти, административных учреждениях, судах и т. д. Однако вскоре обнаружилось, что эти институты невозможно адекватно понять, рассматривая их в собственных терминах, без надлежащего изучения неформальных организаций и поведения людей, вносящих существенные коррективы в деятельность формальных структур и политических сил, опирающихся на них.

Еще в 1908 г. известный в то время социопсихолог Дж. Уоллес сетовал на кризис в английской политической науке, порожденный, по его мнению, тем, что рационализм пренебрегает установлением связей между политическим поведением и человеческой природой, определяемой культурными, социальными и расовыми факторами. Он первым поставил вопрос о значении неосознанных и подсознательных мотивов в политической деятельности. Эту традицию, которая в английской политологии была преобладающей до 1950-х гг., продолжили Г. Ласки, Э. Баркер, Дж. Коул. Ведущие представители политической науки США Ч. Мерриам [94], Г. Лассуэлл [79] и др. в 1920—1930 гг. попытались применить в политологических исследованиях методы, заимствованные из экспериментальной психологии и психоанализа, а также из эмпирической социологии.

В 1923 г. Комитет по политическому исследованию Американской ассоциации политической науки определил методологию социальных наук как «современную историю политического мышления». Глава Ассоциации Ч. Мерриам подчеркивал необходимость широкого использования в политическом исследовании методов экономической науки, статистики, истории, антропологии, географии, психологии для «наблюдения и описания реального процесса управления». Обосновывалась необходимость отказа от старых «априорных спекуляций», юридических и историко-сравнительных методов. При этом Ч. Мерриам выдвинул свою историческую типологию политического исследования, в которой выделялись три стадии развития: априорно-дедуктивная стадия до 1850 г.; историко-сравнительная стадия, охватывающая период между 1850 и 1900 гг.; переход к наблюдению, обзору и измерению с 1900 г. по начало 20-х гг.

Будущее политической науки Ч. Мерриам видел в развитии «психологической обработки политики». В «Докладе национальной конференции по политической науке» 1924 г. Ч. Мерриам подчеркнул, что «настоятельной необходимостью вре-

мени для политической науки является разработка научной техники и методологии». Он был убежден в том, что техника поиска фактов создает «адекватный базис для надежного обобщения» и переводит «политическое исследование на объективную научную основу».

Дж. Кэтлин в книге «Наука и метод политики» (1927) выступил с претензией на формулирование «чистой науки» о политике, свободной от каких бы то ни было оценок. Политические ученые в США вплоть до окончания Второй мировой войны специализировались в области американской публичной политики, американского публичного права, американских политических партий и групп давления, конгресса и исполнительной власти, штатного и местного управления. При этом у американских политологов политические феномены и процессы во все возрастающей степени становились объектом математизации и квантификации.

В результате этого в американской политологии неуклонно утверждался позитивизм в его сциентистских формах, что, по сути дела, вело к изгнанию из исследований теоретического, философского, мировоззренческого начала. Симптоматично, что до 1930 г. политическая теория неизменно была представлена отдельной секцией на ежегодных собраниях Американской ассоциации политической науки, а к концу 30-х гг. она уже в качестве таковой исчезла из ее программы. Интерес представляет и вывод, к которому пришли А. Соумит и Дж. Таненхауз, проанализировав материалы журнала «Обозрение американской политической науки». «Если с 1921 по 1932 гг., — писали они, — почти каждый том названного журнала содержал дискуссию pro и contra сциентизма, то в период с 1933 по 1940 гг. проблема эта почти полностью исчезла с его страниц». Это не могло не сказаться на характере и содержании политической науки.

Касаясь вопроса о восхождении сциентистской, позитивистской политологии США, не следует думать, что противостоящие ей течения перестали существовать. В тот период вышло немало работ, в которых аргументированной критике подвергался позитивистский подход, отстаиваемый Ч. Мерриамом, Дж. Кэтлином и др. Достаточно упомянуть, например, работы У. Эллиота «Прагматический мятеж в политике» (1928) и «Возможности науки о политике: с особым акцентом на методы, предложенные Уильямом Манро и Джорджем Кэтлином» (1931). У. Эллиот обосновал несостоятельность устремлений тех позитивистов, которые пытались превратить политологию в точную науку. Политическая наука, подчеркивал он, «не имеет никакого постоянного измерителя, которому поддаются измеряемые величины». Она имеет дело с уникальными по своей сущности явлениями, не поддающимися экспериментированию, не укладывающимися в рамки «жестких детерминистских законов». В подобном же духе рассуждал известный историк Ч. Бирд в президентском послании «Время, технология и творческий дух в политической науке», адресованном Американской ассоциации политической науки (1927). Он, в частности, отмечал, что сциентизм не способствует развитию творческого духа и ориентирует политологов на одностороннее накопление фактов «по частным проблемам со ссылкой на специфические практические цели».

Тем не менее в американской политической науке верх одержала позитивистская методология. Этот факт имел большое значение, так как в 1930—1940-е гг. американское влияние стало преобладающим в западной политологии. В этот период в США переместился центр развития социальных и гуманитарных наук,

превратив их в некотором роде в законодателя мод в этой области. В тоталитарных странах Европы исследования в этой области были либо свернуты, либо полностью поставлены на обеспечение идеологических и политико-пропагандистских запросов правящих режимов. Этому способствовала небывалая в истории «утечка мозгов» и переселение цвета интеллектуальной и творческой элиты континентальной Европы в Америку. В период нацизма германская политология как таковая по сути дела была уничтожена. С 1923 по 1938 г. Германию покинули более половины преподавателей высшей школы, а также множество видных представителей интеллектуальной и научной элиты, такие как З. Фрейд, К. Левин, Г. Маркузе, К. Мангейм, Э. Фромм, Т. Адорно и др. Аналогичная судьба постигла политическую науку в Италии и большинстве других европейских стран. Девальвация ценности знания, подчинение все и вся целям идеологии и пропаганды делали неместными социальные и гуманитарные дисциплины, в том числе и политологию.

Радикальные изменения в отношении к политической науке произошли и в России. После Октябрьской революции и особенно в условиях единовластия коммунистов произошел процесс свертывания политологии и постепенного запрещения любых политологических исследований, не выполняющих агитационно-пропагандистских, апологетических функций, нужных правящей партии большевиков. Шаг за шагом все обществоведение втискивалось в прокрустово ложе трех составных частей марксизма (ленинизма): марксистской философии, марксистской политической экономии и научного социализма.

После большевистского переворота по мере укрепления власти тоталитарной диктатуры часть российских философов, политологов, социологов и представителей других обществоведческих дисциплин была выслана за границу. В их числе находились такие блестящие умы, как Н. А. Бердяев [19, 20, 21, 22], О. Н. Лосский, С. Л. Франк [164, 165, 166, 167], П. Б. Струве [152], В. В. Зеньковский [58], П. Сорокин [112, 146, 147, 148] и многие другие, получившие мировую известность благодаря своим блестящим трудам по различным основополагающим проблемам современного обществознания. Их работы, составившие золотой фонд русского зарубежья, с поражением тоталитаризма вернулись в Россию и внесли свой неоценимый вклад в восстановление насильственно прерванной российской политологической традиции.

Другая часть обществоведов, не пожелавших или не успевших покинуть свою родину, но в то же время не примирившихся с тоталитарным господством и террором, навсегда исчезла в лагерях ГУЛАГа; третьи по тем или иным причинам вынуждены были принять новый режим и отдать свои знания и способности на его идеологическое оправдание. В итоге все обществоведческие науки, в том числе и политология, были превращены в «служанок политики компартии и советского государства», в своеобразные приатки марксистско-ленинской идеологии и научного социализма. Более того, политология как самостоятельная обществоведческая дисциплина была ликвидирована.

Все это позволяет сделать вывод, что в период между двумя мировыми войнами в политической науке верх взяла вторая тенденция. По сути дела, тон в ней задавали США, и в целом западная политическая наука функционировала под знаком позитивизма.

§ 3. ЭТАП «ВТОРОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

2.3.1. Оформление политики как самостоятельной научной дисциплины

Процесс выделения политологии в самостоятельную академическую дисциплину в основном завершился в первой трети XX в. После Второй мировой войны наступил новый этап ее развития. Особенностью этого этапа стало общественное признание политологии как самостоятельной науки, имеющей самостоятельный объект исследования и выполняющей особый социальный заказ. Причиной особого внимания к политологии стало овладение ядерным оружием. Выяснилось, что человечество смертно и его конец может стать результатом неправильных политических действий руководства ведущих стран мира. Общественность осознала, что ее знания о политике и политиках недостаточны и субъективны. Политологи получили социальный «карт-бланш» на исследование политических процессов с целью поиска средств предотвращения новой мировой войны, которая неизбежно станет последней в истории человечества из-за использования ядерного оружия. В данном контексте немаловажную роль сыграл международный colloquium по вопросам политической науки, организованный по инициативе ЮНЕСКО в Париже в 1948 г. На нем был сформулирован и принят специальный документ, в котором была предпринята попытка систематизировать и обнародовать составные элементы политической науки. Были выделены четыре блока этих элементов:

- 1) политическая теория: политическая теория и история идей;
- 2) политические институты: а) конституция; б) центральное управление; в) региональное и местное управление; г) публичная администрация; д) экономические и социальные функции управления; е) сравнительный анализ политических институтов;
- 3) партии, группы и общественное мнение: а) политические партии; б) группы и ассоциации; в) участие граждан в управлении и администрации; г) общественное мнение;
- 4) международные отношения: а) международная политика; б) политика и международные организации; в) международное право.

В 1949 г. в рамках ЮНЕСКО была создана Международная ассоциация политических наук, ежегодные конференции которой внесли существенный вклад в развитие политологических исследований. Первоначально, особенно в конце 1940 — начале 1950-х гг., тон в мировой политической науке задавали американцы. Именно в США развернулась так называемая бихевиористская революция в социальных науках, в т. ч. в политологии. Американским ученым принадлежит заслуга разработки системного и структурно-функционального анализа политических феноменов, политико-культурного подхода, сравнительной политологии и т. д. Показателем расцвета американской политической науки стало появление огромного потока литературы по разнообразным вопросам политики как в США, так и в других странах, создание новых научных и учебных центров, основание множества новых общенациональных и региональных политологических журналов и т. д.

Изменения в американской науке оказали влияние на развитие политической науки в большинстве европейских стран. Именно американские ученые сыграли большую роль в организации вышеупомянутой конференции ЮНЕСКО в Париже в 1948 г.

2.3.2. Развитие национальных политологических школ

2.3.2.1. Французская политологическая школа

Сразу после этой конференции во Франции были созданы Национальная административная школа, Институт политических исследований при Парижском университете, Национальный фонд политических наук, а также Французская ассоциация политических наук. Последняя совместно с Национальным фондом политических наук с 1951 г. приступила к изданию «Французского журнала политической науки». В 1956 г. во Франции введена ученая степень доктора политических наук. По декрету правительства в университетах страны введен новый курс «Конституционное право и политические институты», который способствовал пересмотру традиционных методов исследования политических феноменов и процессов. Впечатляющих успехов французская политическая наука добилась в области исследования конституционализма, государства и власти, политических систем и режимов, партий и партийных систем и т. д. (М. Дюверже [53, 54], Б. де Жувенеля, Ж. Бурдо, Ж. Веделя, М. Прело, П. Фавра [162] и др.).

Франция во многом определяет развитие политологии на Западе. Важное место в кругу интересов французских политологов занимает исследование политических процессов в рамках конституционного права. В 1960—1970 гг. появилась серия работ французских политологов (М. Прело, Баренса, Буррико, Ж. Бурдо, Арона [9, 10], М. Дюверже [53, 54] и др.), в которых широко обсуждался как предмет политической науки, так и ее проблематика. В эти годы четко обозначилась специфика исследований французской школы. Специфика выражается в акцентировании внимания в первую очередь:

- 1) на исследовании классов и социальных групп, включенных в политические отношения;
- 2) на изучении социальной сущности власти: взаимодействие субъектов и объектов, рекрутирование правящих элит, соотнесение рациональных и иррациональных элементов политики;
- 3) на исследовании стратегий политических партий и движений, политических кризисов, социализации различных групп, особенно молодежи;
- 4) на развитии в политике прикладных отраслей политического знания, направленных на оптимизацию политических отношений.

Крупным представителем французской политической науки был Морис Дюверже, который удачно сочетал в себе качества ученого и преподавателя, журналиста и писателя, а также видного общественно-политического деятеля. М. Дюверже опубликовал большое количество работ как научно-исследовательского, так и учебно-педагогического характера: «Политические партии» (1951), «Методы политической науки» (1959), «О диктатуре» (1961), «Социология политики» (1966), «Демократия без народа» (1967) и др. В числе наиболее важных черт, которые ха-

рактизируют М. Дюверже как крупного социолога и политолога, сами французы называют независимость мышления, логическую строгость и широту взглядов.

Круг основных проблем, которые разрабатывал М. Дюверже, можно объединить в следующие три группы.

Первая группа включает в себя проблемы теоретико-методологического характера. К ним относятся проблемы:

- разграничение различных областей политологического знания (М. Дюверже считал, что политическая социология представляет собой самую широкую область политологического знания, т. к. охватывает всю совокупность человеческих отношений, основанных на власти, управлении и авторитете);
- определение понятия предмета политической науки (М. Дюверже рассматривал политическую науку как науку о власти; но такая концепция, по его мнению, не раскрывает предмета политической науки во всей его полноте, так как оставляет в стороне такое понятие, как «влияние». «Власть» и «влияние» хотя и близкие, но отнюдь не тождественные понятия. Всякая власть, осуществляемая в обществе, предполагает влияние. Но не всякое влияние, оказываемое одним индивидом на других индивидов, рассматривается как власть в строгом смысле этого слова).

Вторую группу составляют проблемы демократии. Исследуя эти проблемы, М. Дюверже обращался прежде всего к осмыслению опыта демократического развития западных стран. Последние, по его мнению, живут в условиях *плутodemократии*, т. е. в условиях такого политического правления, когда властью обладают одновременно и народ, и богатство. Плутodemократия выступает в двух формах: *либеральной демократии* и *техноdemократии*. Но в каких бы формах она ни осуществлялась, это еще не подлинная демократия. Подлинная демократия, подчеркивал М. Дюверже, это нечто другое. Она определяется через «свободу для народа и для каждой части народа».

Третья группа — проблемы политических партий. Обращаясь к этим проблемам, М. Дюверже ставил два главных вопроса:

- насколько политические партии демократичны, т. е. насколько они реально выражают и воплощают интересы широких масс?
- какой режим более демократический: партийный или беспартийный?

Отвечая на первый вопрос, М. Дюверже подчеркивал, что организация современных политических партий во многом не соответствует демократическим принципам. Их внутренняя структура в существенных чертах автократична и олигархична. Что касается второго вопроса, то при всех своих недостатках партийный режим все-таки остается лучше режима беспартийного.

2.3.2.2. Германская политологическая школа

Немецкая школа политической науки занимает сегодня особое место в мире. Для нее характерен теоретико-философский характер, сочетающийся с политико-социальными исследованиями. Политико-правовая мысль немецкой политологической школы развивается в 3 основных направлениях:

- философия политики; использование категорий философии, методов психоанализа (видные представители Ю. Хабермас [172, 173, 174, 175, 176], Э. Фромм [168, 169, 170, 171]);

- изучение и анализ социальной природы тоталитаризма (Арендж, К. Р. Поппер [133]);
- исследование социальных конфликтов в обществе, специфики их проявления (Р. Дарендорф [47, 48, 49]).

2.3.2.3. Английская политологическая школа

Английская политическая наука, во многом тяготея к позитивистской методологии, в целом сохранила историко-философскую направленность. В 1950 г. по инициативе Г. Ласки, Д. Бродгана, Ч. Уильсона, М. Оукшота [117] и др. была учреждена Ассоциация политических исследований Соединенного Королевства (АПИСК), ставшая одним из филиалов Международной ассоциации политических наук. С того же года начал выходить печатный орган АПИСК «Политические исследования». Кроме него в настоящее время издается несколько других политологических журналов. Научно-исследовательская деятельность в области политики и преподавание политологии осуществляются примерно в 40 университетах страны.

Аналогичные процессы происходили и в других европейских странах. Результатом этого стало создание множества национальных и региональных ассоциаций и организаций политических наук. Широкое развитие получило преподавание политологии в университетах и вузах гуманитарного профиля, а также подготовка бакалавров, магистров и докторов по различным областям политологии. Существенно расширился круг политологических журналов.

2.3.2.4. Американская политологическая школа

Центральным для послевоенной политологической школы США явилось исследование традиций и проблем политической власти, изучение ее конституционных основ и принципов. Большое внимание уделялось рассмотрению деятельности административного аппарата и политических партий, развитию новой теории политического управления, политической модернизации. Среди светил политической науки можно выделить Г. Лассуэлла (1902—1979), профессора права и политической науки Йельского университета. Его основные работы: «Политика: кто получает, что, когда и как» (1936), «Демократия по средствам общественного мнения» (1941). Значение данных работ для американской политической науки очень велико.

Вклад Г. Лассуэлла можно условно сгруппировать в 4 блока:

- обоснование методологических проблем исследования политики (излагая их с использованием фрейдистского подхода, Г. Лассуэлл сформулировал теорию политического психоанализа; суть ее состоит в том, что психологический механизм личности — важнейший фактор, обуславливающий ее отношение к политике);
- формулирование теории политических личностей (он выделил три основных типа политиков: администратор, агитатор, теоретик; характеризуя их, отмечая позитивные и негативные качества, Г. Лассуэлл отдавал предпочтение «смешанному типу» с убеждением, что последний сочетает в себе все лучшее, что свойственно другим типам политической личности);

- проблема политической власти и ее распределения в обществе (Г. Лассуэлл рассматривал власть в качестве центральной категории политической науки; существенную роль в процессе властвования играют ценности, а также характер распределения их в обществе; чтобы понять политический процесс, политическая наука должна определить его цели и объекты; выявить основные тенденции в распределении ценностей; изучить условия, объясняющие эти тенденции; наметить всевозможные изменения в будущем; выбрать такие способы действий, которые должны привести к максимальному достижению ценностей);
- идеи Г. Лассуэлла о пропаганде, оказавшие значительное влияние на развитие теории СМИ (он был сторонником тезиса, согласно которому пропаганда представляет собой «продуманный отбор символов», распространяющихся с целью «оказать влияние на поведение масс»; основная цель этой теории — создать такую систему пропаганды, которая была бы «незаметной», «ненавязчивой» и в то же время обладала бы большей силой воздействия [79]; разработанная Г. Лассуэллом теория политической семантики в целом легла в основу символического мышления, сила которого состоит в том, что оно формирует рефлексы политического поведения и позволяет политическим лидерам искусно манипулировать этим поведением в собственных интересах).

В послевоенные десятилетия получили дальнейшее развитие теории, идеи, концепции, выдвинутые и сформулированные в довоенный период. Это прежде всего теория групп вообще и заинтересованных групп в частности и связанная с ней теория равновесия политических сил (Д. Трумен, Д. Истон [64], Р. Тейлор [142] и др.), теории демократии (Р. Даль [44, 45], Дж. Сартори [139] и др.), теории элит и элитизма (Г. Лассуэлл [79], Р. Миллс [100] и др.), концепции власти, ее контроля и влияния на нее (Дж. Кэтлин, Ч. Мерриам [94], Г. Моргентхау) и другие. Наряду с этим начались и широкомасштабно проводились исследования политических систем (Д. Истон [64], К. Фридрих, К. Дойч, Г. Шиле, Р. Арон [9, 10] и др.), партийно-политических систем (М. Дюверже [53, 54], У. Д. Бернхэм, Дж. Сандквист, К. Байме [11, 12] и др.), структурно-функциональный анализ мира политического (Т. Парсонс [124], Ч. Бернард, Р. Мертон [95, 96, 97] и др.), изучение идей конфликта и консенсуса в политике (С. М. Липсет [84], Л. Коузер и др.).

К этому же периоду относится формирование такого важного направления, как сравнительная политология. Следует отметить, что традиция политической теории уже сама по себе содержит элемент компаративизма, классификации и типологизации. Но этот элемент специально не выделялся как особая сфера исследования. Не случайно в «Энциклопедии социальных наук», опубликованной в 1930—1935 гг., отсутствует статья о сравнительной политике. Лишь в конце 1950 — начале 1960-х гг. сравнительная политология стала самостоятельным крупным разделом политической науки.

Сравнительная политология формировалась в русле веберовской политической социологии. Ее начало было заложено получившей широкую популярность и отклики статьей Г. Алмонда «Сравнительные политические системы», опубликованной в 1956 году. Последующие плодотворные изыскания самого Г. Алмонда, С. Вербы [5, 6], Р. Путнема, С. Пая, Р. Инглхарта и др. существенно расширили и углубили наши знания о структурах, условиях и последствиях политического по-

ведения и политической культуры различных слоев населения в индустриально развитых странах. Немаловажное значение имеют сравнительные исследования заинтересованных групп и неокорпоративистского механизма принятия решений (Ф. Шмиттер, Г. Лембрук, С. Бергер, Дж. Голдтроп и др.), сравнительные исследования политических партий (Дж. Сартори [139], А. Лийпхарт, Б. Поуэлл и др.).

В формировании сравнительной политологии немаловажную роль сыграл выход в 1960 г. коллективной монографии «Политика в развивающихся регионах». В ней была предпринята попытка разработать модели развития социально-политических и социально-экономических отношений в ходе модернизации. В контексте веберовской концепции типов господства С. Н. Айзенштадт в своей работе «Политические системы Империи» (1963) проанализировал так называемые бюрократические империи. Р. Бендикс в 1964 г. опубликовал монографическое исследование «Строительство наций и гражданство», в которой давался сопоставительный анализ процесса формирования наций в Западной Европе, России, Японии и Индии, с использованием веберовских концепций национализма, традиционализма, бюрократии, плебисцитарной демократии и т. д.

2.3.2.5. Политическая наука в России

Вплоть до «перестройки Горбачева» политология как наука не признавалась в Советском Союзе. Это объяснялось политическими причинами, т. к. политология была ненужной и опасной. Это определялось тремя основными обстоятельствами.

1. Политологии не было места в рамках «марксистской» общественной триады: философии, политической экономии и научного социализма, коммунизма (это свидетельствовало о том, что правящая партийно-государственная бюрократия, клявшаяся своей приверженностью науке, заявлявшая о научном характере своей политики, в действительности не желала иметь дело с научным подходом к политике, а потому ревностно оберегала застывшую обществоведческую триаду, длительное время не признавая ни политологии, ни политологических анализов и экспертиз; она уповала на общекоммунистические рассуждения о сущем и должном, рассуждения, способные увести внимание от повседневных событий и их научного анализа).
2. Политология была неприемлемой для власть имущих также и потому, что в рамках этой науки, как она развивалась за рубежом, были поставлены и получены разработку такие проблемы, как политические системы и политические режимы, побуждавшие к внимательному изучению механизмов борьбы за власть и ее осуществление (здесь уже обсуждались проблемы тоталитаризма и авторитаризма, популизма, цели и средства политики и многие другие, угрожавшие вскрыть механизмы власти в стране, методы и способы подчинения и закабаления граждан).
3. По самому своему существу политология была нацелена не на общие рассуждения, а на практический анализ происходящего, на экспертные оценки, анализы, выводы, совершенно неприемлемые для существовавшей организации власти; многочисленные попытки конституировать в стране социологию и политологию не привели к положительным результатам: власть предрержащие хорошо знали, чего они не хотят!

Произведенный анализ свидетельствует, что послевоенные десятилетия (до середины 1970-х гг.) можно рассматривать как новый и восстановительный этап в развитии политической науки. После войны развернулся широкомасштабный и бурный процесс сначала восстановления, а затем и дальнейшего развития политических наук во всех европейских странах, за исключением, разумеется, СССР и тех стран, которые попали в орбиту его господства.

Прежде всего, обращает на себя внимание неуклонное расширение диапазона политической науки. В круг ее интересов вошли:

- политические системы, политический процесс и политические партии;
- заинтересованные группы и политические движения;
- политическое поведение и политическая культура;
- общественное мнение и средства массовой информации в политическом процессе;
- политическое лидерство и элиты; корпоративизм и неокорпоративизм;
- политические идеологии, история политических учений, политическая философия и т. д.

Значительное внимание, особенно в европейской политической науке, уделяется методологическим проблемам.

В течение послевоенного 30-летия произошел поворот к исследованию проблем либерализации политической жизни, демократии, социальной политики государства. Результатом этого процесса стала выработка новой теории демократии (И. Шумпетер [190]), обоснование плюралистической теории демократии (Р. Даль [44, 45]) и теории партиципаторной демократии (К. Макферсон, Дж. Вольф, Б. Барбер [57]). В свете противостояния двух мировых систем была разработана концепция государства всеобщего благоденствия и общества потребления.

2.3.3. Поиск новой парадигмы в политологии

С середины 1970-х гг. в мире установилось относительное равновесие между основными мировыми системами — социалистической и капиталистической, базировавшееся на военно-стратегическом паритете между СССР и США. Западная политическая наука сосредоточилась на обосновании адекватных современному этапу развития демократического общества теоретических моделей и концепций власти. В сфере внимания политологов новой волны оказались перспективы реализации футурологической концепции единого мирового государства (У. Кларк, П. Сон), обоснование концепции постиндустриального общества (А. Белл [15, 16, 17], Р. Арон [9], Дж. Гэлбрейт [41, 42, 43], З. Бжезинский [23, 24]), формулирование концепции национального интереса (Г. Моргентау) и теории элитарной власти. Пересмотру подверглась силовая концепция власти. Наиболее перспективными оказались исследования концепции информационного общества (О. Тоффлер [155], Дж. Нейсбит [109а], Е. Масуда).

В России благодаря демократической революции с конца 1980-х гг. стало меняться положение в сфере социальных наук, в т. ч. в политологии. Политология была легализована и стала преподаваться в высших учебных заведениях страны. Сегодня, когда политология как наука все еще формируется в российском обществе

ве, ее официальных служителей здесь больше, чем где бы то ни было: сюда пришли служители других обществоведческих дисциплин, прекративших свое существование (история КПСС, научный коммунизм). В этом есть и свои трудности, и свои преимущества, связанные с наличием определенной культуры политического мышления, что облегчило становление если еще не науки, то учебной дисциплины.

В конце XX — начале XXI вв. в России был опубликован ряд работ по политологии в основном в форме учебных пособий. Это естественный процесс, так как отечественным исследователям необходимо осмыслить путь, который прошла мировая политическая наука после установления «железного занавеса». Наиболее интересные работы принадлежат В. П. Пугачеву [134], А. И. Соловьеву [144], Р. Т. Мухаеву [109], К. С. Гаджиеву [28, 29], М. М. Лебедевой [80], С. Кара-Мурзе [69], Д. В. Ольшанскому [114, 115] и др. Однако отечественная политология еще далека от выхода на широкие обобщения, от открытий, способных оказать радикальное воздействие на принципы и подходы к исследованию отечественного и мирового политического процесса.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Этапы развития политической науки.
2. Политическая мысль Древнего Китая. Конфуций.
3. Политические учения Древней Греции. Типология политических устройств Платона и Аристотеля.
4. Политические учения Средневековья. Господство теократизма.
5. Концепция политики и государства Н. Макиавелли. Политика и мораль.
6. Политические теории Т. Гоббса и Дж. Локка.
7. «Дух законов» Ш. Л. Монтескье. Теория разделения властей. Многофакторный подход к анализу политики.
8. Марксистская концепция политики.
9. Особенности развития политической мысли в России (этапы, персоналии, общая характеристика).
10. Проблемы политики, власти, управления в политической социологии М. Вебера.
11. Каковы особенности развития политической науки в европейских странах и США между двумя мировыми войнами?
12. Современная западная политология (основные персоналии и концепции).
13. Охарактеризуйте период накопления политических знаний.
14. Охарактеризуйте время первой институционализации политической науки.
15. Охарактеризуйте этап второй институционализации политической науки.
16. Как развивалась политическая наука в Период буржуазных революций (сер. XVII—XVIII вв.)?
17. Как вы понимаете естественнонаучный фундамент политической науки?
18. Какие политические концепции возникли в первой половине XIX в.?
19. Как происходило становление политической науки (конец XIX— начало XX вв.)?
20. Опишите процесс создания национальных политологических школ.
21. Расскажите о двух тенденциях в развитии политической науки в первой половине XX в.?
22. Как и когда происходило оформление политики как самостоятельной научной дисциплины?
23. Сделайте анализ развития национальных политологических школ во второй половине XX в.
24. Назовите основные этапы развития политической науки в России.
25. В чем заключался поиск «новой парадигмы» в политологии?

Глава 3

ПОЛИТОЛОГИЯ КАК НАУКА И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

§ 1. СТРУКТУРА ПОЛИТОЛОГИИ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ НАУК

3.1.1. Определение политологии

Политология — общая, интегральная наука о политике во всех ее проявлениях, включающая весь комплекс наук о политике и ее взаимоотношениях с человеком и обществом: политическую философию, политическую социологию, политическую психологию, теорию политических институтов (прежде всего государства и права) и т. д. Понимаемая в этом значении, политология аналогична экономической науке, социологии, философии и другим интегральным наукам, объединяющим соответствующие комплексы знаний о тех или иных сферах жизнедеятельности.

Достоинством широкой трактовки политической науки является не только простота понимания, прямое соответствие категории «политология» значению этого термина («общая наука о политике»), но и ориентация на интеграцию самых различных политических знаний и тем самым на получение целостной картины исследуемых объектов. Научная позиция, рассматривающая политологию как общую, единую и вместе с тем внутренне дифференцированную науку о политике, находит все более широкое мировое признание, что, в частности, получило отражение в употреблении термина «политическая наука» в единственном числе в названии всемирной организации политологов — «Международная ассоциация политической науки».

Итак, политология представляет собой *единую, интегральную науку о политике, ее взаимодействии с личностью и обществом*. Дать более конкретное определение этой науки, по мнению В. П. Пугачева, практически невозможно. Это вызвано, по его мнению, чрезвычайной многозначностью термина «политика», возможностью различных способов ее описания, а также дискуссионностью представлений о предмете политологии. Учитывая все это, некоторые авторы предлагают отказаться от попыток дать этой науке общепризнанное определение [134, 30].

Анализ истории формирования политологии показывает, что в начале третьего тысячелетия политология приобрела статус поистине системной и междисциплинарной науки. Можно утверждать, что *политология как наука — это разветвленная область знаний, которая включает в себя ряд разделов, дающих понимание пред-*

мета ее изучения и структуры, применяемых ею методов, раскрывающих историю политологических идей и становление политологии как целостной науки, излагающих проблемы теоретической и и сравнительной политологии, а также разъясняющих ее прикладные аспекты.

Вполне вероятно, что так называемое «широкое» и «узкое» понимание предмета политики в известном плане не противоречат друг другу, соотносясь скорее как два «концентрических круга» накопления политического знания, чем как оппозиционные стороны. В широком смысле *политология (как политическая наука) включает в себя все политическое знание, представляя собой комплекс дисциплин, изучающих политику. В более строгом (узком) значении политология (или общая теория политики) связана лишь со специфической группой закономерностей и отношений социальных субъектов в отношении власти и влияния; ибо политология исследует особый тип механизмов властеотношений и взаимодействий между властвующими и подвластными, управляемыми и управляющими.*

3.1.2. Структура наук и место политологии среди научного комплекса

3.1.2.1. Место политологии в системе наук

Анализируя процесс формирования политологии как науки, целесообразно определить ее место в комплексе научного знания. В конце XIX в. были сформулированы основные критерии разграничения естественных и общественных наук. Если в первых преобладал критерий общих закономерностей развития и строго очерченных причинно-следственных связей, то в общественных науках — критерий индивидуальных, неповторяющихся феноменов и событий. Тем не менее в политологии стран континентальной Европы утвердилась тенденция к синтезу эмпирического и теоретического начал, в то время как политология англосаксонских стран, особенно США, развиваясь в русле позитивизма, во все более возрастающей степени претендовала на статус «точной науки» наравне с естественными науками.

Наука — это способ и инструмент познания и изменения среды. Поэтому ее формирование происходит в соответствии с накоплением человечеством знаний и опыта. Если представить комплекс наук в виде пирамиды, то ее исторически первым и базовым слоем являются естественные и технические науки, составляющие фундамент знаний, накопленных человечеством; к ним относятся геологические, астрономические, биологические и другие дисциплины. Второй слой составляют методологические науки: философия, математика, статистика, информатика и другие. К третьему уровню относятся социально-гуманитарные науки, такие как исторические, экономические, юридические и другие дисциплины. С середины XX в. в пирамиде выделился четвертый уровень, на котором располагаются науки нового поколения (симбиозные) в числе которых политология, экология, социогенетика. Объект изучения этих дисциплин неоригинален, а научный инструментарий преимущественно заимствован у традиционных наук. Их создание обусловлено новыми *вызовами*, с которыми столкнулась цивилизация.

3.1.2.2. Место политологии в системе социальных наук

По объекту и предмету своего изучения политология относится к разряду социальных наук. Поэтому необходимо определить ее роль и место среди этого сегмента научных дисциплин. Понятие «политическая наука» долгое время имело широкое и неопределенное значение. Оно охватывало политическую философию, право, политическую историю, исследование государственно-правовых и политических институтов и даже политическую экономию. Долгое время государственные и политические институты изучались главным образом философами и социологами. Политология, равно как и социология, рассматривалась как дочерняя дисциплина классических наук — философии, юриспруденции, политэкономии.

Все обществоведческие дисциплины существуют не в изоляции друг от друга, а являются «науками-перекрестками», взаимодополняющими и обогащающими друг друга. В этом отношении политология как наука о мире политического тесно переплетается с историей, особенно историей политических учений, государствоведением и экономическими дисциплинами, социологией и др. Определяя место политологии в системе социальных наук, важно выяснить соотношение и возможность разграничения ее с *социологией*.

Разграничение с социологией

На рубеже XIX—XX вв. между новыми научными дисциплинами развернулось нечто вроде конкуренции по поводу распределения мест в статусной иерархии. В июне 1903 г. во французском философском обществе известный психолог Г. Тард сделал доклад, посвященный проблеме классификации наук О. Конта и А.-А. Курно. По Г. Тарду, О. Конт выделил пять фундаментальных наук в такой последовательности: математика, физика-химия, астрономия, биология, социология [72]. А.-А. Курно предложил свой перечень: математика, физические науки, биологические науки, науки о духе и политические науки. У одного философа, как видим, систему замыкала социология, а у другого — политические науки. От того, какая из этих систем одержит победу, зависело, какая из двух наук — социология или политология — займет место в иерархии фундаментальных наук наряду с естественными науками, а какая — место отдельной дисциплины в рамках другой. Г. Тард считал, что победила классификация О. Конта.

Но в процессе формирования и утверждения мира политического (в современном понимании термина) с его важнейшими институтами — политическими партиями, парламентаризмом, разделением властей, избирательной системой и т. д. — политическая наука все отчетливее отпочковывалась от социологии, политэкономии, истории, юриспруденции и т. д. В этом контексте немаловажное значение имела разработка обществоведами конца XIX — начала XX в. основополагающих политологических концепций и теорий, политики и мира политического. Здесь следует назвать М. Вебера [25, 26], который рассматривал политические явления как особые реальности, имеющие собственную логику развития и, соответственно, собственную историю. Он в частности полагал, что политика обусловлена не только разделением труда или производственными отношениями, но и в равной степени влиянием административных структур. Большое значение имели сформулированные М. Вебером концепции бюрократии и плебисцитарно-вождистской демократии.

Промежуточное пространство между обществом и миром политического входит в сферу политической социологии, представляющей область пересечения политической науки и социологии. В чем же главное отличие *политологии* от *политической социологии*? Политическая социология имеет дело с социальными причинами и отношениями распределения власти и властных структур в обществе; с факторами, определяющими политическое поведение людей, политические конфликты, политические установки, ориентацию и умонастроения широких масс населения; с механизмами отражения социального плюрализма в политической сфере и т. д. Она выделяется среди других наук о политике прежде всего социологическим подходом к исследованию своего предмета, требующим выяснения зависимости политики от общества, социальной детерминированности политических явлений. В отличие от политологии, которая исходит от государства и изучает влияние последнего на общество, политическая социология исходит от общества и исследует, как оно влияет на государство, т. е. на формальные институты, служащие разделению и осуществлению власти.

Политическая социология представляет собой синтез социологии и политологии. Первая в большей степени, чем политология, концентрирует внимание на борьбе за власть между различными слоями общества, на социальных конфликтах и социальных изменениях, скрытых функциях, неформальных и дисфункциональных аспектах политики. В широком смысле слова в центре внимания политической социологии находится социологическое измерение политических феноменов. Политическая социология занимается прежде всего социальной основой власти общества. В этом контексте политический социолог интересуется особенностями социальной стратификации и ее влиянием на политическую организацию. Здесь концентрируется внимание на организационном анализе политических группировок и политического руководства. Политическая социология изучает социальный контекст политических институтов и процессов на макросоциальном и микросоциальном уровнях. Главная задача политической социологии на макроуровне — исследование социальных основ власти и социальных конфликтов, их проявление в поведении людей и влияние на политические институты, а также обратное влияние последних на социальные реальности. В микросоциологическом подходе концентрируется внимание на конкретных политических институтах как социальных организациях, их структурах и отношениях с другими организациями, типах руководства, механизмах и способах разрешения конфликтов и т. д. Ключевую роль в утверждении социологического подхода к политике сыграли работы К. Маркса [92, 93] и М. Вебера [25, 26]. Если К. Маркс заложил основы социально-классового анализа политических феноменов, то М. Веберу принадлежит приоритет в изучении политических институтов как самостоятельных факторов социальных изменений.

В целом во всех рассмотренных здесь аспектах сердцевину политической социологии составляет анализ институтов, организаций, механизмов, процессов и т. д., действующих на стыке между гражданским обществом и миром политического. Строго говоря, гражданское общество является объектом исследования социологии, а мир политического — политологии.

Разграничение с историей

Еще на заре формирования политической науки английский историк К. Фример не без основания говорил: «История — это прошлая политика, и политика —

это теперешняя история». И неудивительно, что политическая наука формировалась и развивалась в тесной взаимосвязи с историей. Симптоматично, что в настоящее время в США почти в 200 колледжах история и политическая наука преподаются на объединенных кафедрах. На такой позиции находился и испанский исследователь А. Гарсия: «Историк имеет дело с прошедшим временем. Он может наблюдать начало, развитие и конец общественных формаций. Политолог, напротив, не смотрит на историю как на спектакль, он воспринимает ее как действие. Его политический анализ, в отличие от анализа историка, несет в себе сознательную заинтересованность с точки зрения политического проекта, который он хочет превратить в реальность. Объективный источник его затруднений состоит в том, что он должен оценивать реальное состояние политических ситуаций до того, как они примут историческую форму, т. е. превратятся в необратимые. Субъективный источник затруднений побуждает его в большинстве случаев смешивать свои собственные желания с реальностью».

Рассматривая проблему взаимоотношения политологии и истории, следует обратить внимание на возможности той или иной науки адекватно изучать свой объект. И действительно, более или менее исчерпывающие и соответствующие реальному положению вещей знания о том или ином общественно-политическом феномене можно получить лишь тогда, когда он уже свершился. Ученый-историк изучает общественное явление как бы со стороны, поэтому его положение облегчается тем, что он имеет дело с уже завершившимися и свершившимися историческими явлениями и фактами. Конечно, и его исследовательская объективность в определенной степени ограничена личными пристрастиями и симпатиями к участникам исторического процесса. Но определяющим является то, что он не может вмешаться в прошедшие события и знает об этом. Что касается политолога, то объект его изучения — реальность, затрагивающая интересы множества существующих и действующих в ней лиц. Политолог, будучи одним из них, не может и не хочет в полной мере отвлечься от субъективных, сиюминутных впечатлений, и его выводы могут быть подвержены влиянию изменяющихся общественных событий. Более того, он может вмешаться в текущие политические процессы. Поэтому четкой границей, разделяющей политологию и историю, является возможность/невозможность исследователя влиять на ход политических процессов.

Разграничение с философией

Одним из направлений философии является политическая философия, рассматривающая сферу политического. В отличие от философа, который познает природу явлений и вещей в целом, политический философ останавливает свое внимание на сущности природы политического мира: добро или зло, справедливость или несправедливость, совершенство или несовершенство, сохранение или изменение, одобрение или осуждение и т. д. в политике.

Предмет политической философии можно разделить на три группы явлений:

во-первых, это политические ценности, критерии оценки реальной политики с точки зрения морали, интересов крупных общественных групп или всего человечества (в этой области исследований создаются нормативные теории, даются этические оценки политическим институтам и процессам, разрабатываются идеалы и цели, а также важнейшие пути их достижения);

во-вторых, предметом политической философии являются наиболее глубокие основы политики (в отличие от эмпирических наук, опирающихся на частные наблюдаемые факты и верифицируемые гипотезы, политико-философские знания основываются на теоретических рациональных изысканиях, обобщениях глобального исторического опыта, логических рассуждениях, хотя и не исключают анализ конкретных фактов);

в-третьих, эта наука анализирует способы и средства познания политики, определяет смысл политических категорий, например таких из них, как власть, свобода, равенство, справедливость, государство, права человека, политическое поведение и т. д. (без опоры на такие категории, в конечном счете, невозможны и эмпирические политические исследования).

Вместе с тем философия в значительной степени является «наукой в себе», она не обладает инструментарием для сбора информации и методами воздействия на ход политических процессов. Являясь теоретической дисциплиной, она не способна решать задачи, ради которых и была создана политология.

Разграничение с другими обществоведческими дисциплинами

Роль установок, ориентации, убеждений, ожиданий, мотиваций, восприятий в политическом поведении людей рассматривает *политическая психология*. Особенно важны исследования такого рода при изучении общественного мнения, политической социализации, конфликтов и сотрудничества, электорального поведения, установок и т. д. Основателем политической психологии считается Г. Лассуэлл, опубликовавший в 1930 г. книгу «Психология и политика», а в 1950 г. в соавторстве с А. Капланом — «Власть и общество». В послевоенные годы политическая психология получила новый импульс.

Предметом *антропологии* являются институты управления и их функции у этнических сообществ, в особенности в развивающихся и примитивных обществах. В поле интереса этой науки — связи политического поведения с более широкой культурой группы, коллектива, сообщества. Политическая антропология занимается большей частью *незападными* обществами. Политико-антропо-логические исследования позволяют сравнить разнообразные политические системы и выявить этнические факторы в политическом поведении людей.

3.1.3. Структура политической науки

С точки зрения ряда современных исследователей *политическая наука в силу процессов дифференциации и интеграции имеет чрезвычайно разнородную структуру, в нее входят десятки частных дисциплин, или субдисциплин* (по разным оценкам и критериям, от 20 до 40), начиная от относительно традиционных (политическая история и политическая география) и заканчивая такими новейшими областями, как политическая статистика и информатика или политическая экология и био-политика.

3.1.3.1. Ядро политологического комплекса

Автору такой подход представляется не совсем оправданным. Политология имеет свою внутренне обусловленную пятиэлементную структуру — ядро. Если

представить ядро политологии в виде пирамиды, то в ее основе лежит политическая история, как механизм сбора и классификации политической информации за все периоды человеческой истории и из любой глубины веков. *Политическая история* изучает политические теории, взгляды, институты и события в их хронологической последовательности и связях друг с другом в течение всего цикла существования. Только история обладает инструментарием, позволяющим получать информацию из любой глубины человеческого прошлого. Без знания истории невозможно понять и предвидеть будущее. Поэтому любые значительные политические исследования так или иначе предполагают использование ресурсов и методов политической истории.

Выше расположен уровень *политической социологии*, обеспечивающей поступление оперативной информации о текущих событиях, протекающих в обществе, позволяющей выдавать рекомендации и принимать научно обоснованные решения. Политическая социология — наука о взаимодействии между политикой и обществом, между социальным строем и политическими институтами и процессами. Она выясняет влияние остальной, неполитической части общества и всей социальной системы на политику, а также ее обратное воздействие на ее среду. Использование социологического подхода позволяет политологии получать оперативную информацию о текущих политических процессах на уровне государства и общества.

Третий и центральный уровень занимает *политическая философия* (или политическая теория), вырабатывающая на основе полученной и обработанной политически значимой информации соответствующую парадигму и оформляющая групповую и государственную идеологию. Политическая философия — отрасль знаний, изучающая политику как целое (природу политики, значение для человека, взаимоотношения между личностью, обществом и государственной властью) и разрабатывающая идеалы и нормативные принципы политического устройства, а также общие критерии политики. Она стремится ответить на вопросы, *почему* и *зачем* существуют те или иные политические явления, какова их природа и какими они должны быть.

Политическая философия, по определению В. П. Пугачева, служит общей методологической базой политических исследований, определяет смысл различных концепций, выявляет универсальные принципы и законы во взаимоотношениях человека, общества и власти, соотношение рационального и иррационального в политике, ее нравственные критерии и мотивационную основу, определяет границы и принципы государственной власти и т. п. Политическая философия была исторически первой формой существования политической науки. Философские знания составляют ядро мировоззрения человека и политической культуры общества [134, 31].

Четвертый уровень — *учение о политических институтах*, позволяющее создавать мыслительные конструкты, обеспечивающие проведение внутренней политики. Учение о политических институтах представлено в первую очередь теориями политической организации общества, государства и права, политических партий и других институтов. В рамках этого учения имеется множество относительно самостоятельных дисциплин. Например, учение о государстве и праве помимо общей теории государства включает целый комплекс юридических дисциплин. Политические институты, традиционно стоявшие в центре политических исследований, и сегодня занимают в них одно из важнейших мест.

И наконец, верхний уровень пирамиды занят *теорией международной политики*, обеспечивающий процесс взаимодействия с другими государствами и участие в мировой политике. Теория международной политики — это область политических исследований, предмет международной политики — международные организации и объединения (ООН, НАТО, ОБСЕ, Социнтерн, «Международная амнистия» и т. п.), внешнеполитическая деятельность государств, партий и общественных движений, международные отношения. Среди важнейших направлений этого уровня выделяются геополитика и глобалистика. Здесь изучаются проблемы и решаются задачи войны и мира, предотвращения и урегулирования международных конфликтов, формирования нового мирового порядка.

3.1.3.2. Пограничные политологические дисциплины

Несмотря на сложную структуру, политология не в силах охватить весь предмет своего изучения, если будет использовать только ее. Поэтому политологи опираются на круг вспомогательных научных дисциплин: политическую антропологию, политическую психологию, политическую географию, политическую экономию, политическую экологию, политическую астрономию и т. п. Эту группу составляют дисциплины, занимающие промежуточное положение между политологией и другими социально-гуманитарными и естественными науками. Что же представляют собой важнейшие составляющие этого окружения?

Политическая география исследует взаимосвязь политических процессов с их пространственным положением (например, с точки зрения близости к океану, к сильным государствам и т. п.), территориальными, экономико-географическими, климатическими и другими природными факторами. Она обеспечивает географическую привязку политических событий и процессов, создавая тем самым условия для их сравнения и объективного анализа.

Политическая антропология изучает зависимость политики от родовых качеств человека: биологических, интеллектуальных, социальных, культурных, религиозных и др., рассматривает обратное влияние политического строя на личность. Эта наука уделяет большое внимание исследованию элементов политики в примитивных этнических сообществах с родоплеменным строем.

Политическая психология изучает субъективные механизмы политического поведения, влияние на него сознания и подсознания, эмоций и воли человека, его убеждений, ценностных ориентаций и установок. Эта наука рассматривает человеческое поведение как процесс и результат взаимодействия индивида со средой, при котором действия личности определяются как характером внешнего воздействия, так и особенностями их восприятия и осознания субъектом, который и является непосредственным предметом психологического анализа.

Политико-психологические исследования особенно широко применяются при изучении электорального и иного политического поведения, политического лидерства, политической социализации, политического конфликта и сотрудничества. Относительно самостоятельным направлением этой науки является политический психоанализ, представленный в трудах З. Фрейда, Б. Буллита, Г. Лассуэлла [79], Э. Фромма [168, 169, 170, 171] и других.

Политическая экономия анализирует состояние, особенности и тенденции экономической жизни страны, региона, планеты в целом. Она изучает основы обще-

ственного производства и законы его функционирования и развития, проблемы производства, распределения, обмена и потребления материальных благ на различных ступенях развития общества.

Политическая экология — дисциплина, постоянно повышающая свою роль в политологическом анализе и политическом процессе. Сейчас в программе любой значимой политической партии имеется экологический раздел. Образовались и активно и успешно участвуют в политическом процессе «зеленые» организации, в т. ч. политические. Экология стала ареной идеологической и политической борьбы.

Политическая коммуникативистика включает в себя круг понятий, определяющих информационное взаимодействие субъектов политического процесса. Учитывая вхождение человечества в информационное общество, можно предположить, что ее роль будет постоянно возрастать. Организация устойчивых информационных связей между политическими институтами и обществом, политиками и электоратом, организация межконфессиональных и межнациональных коммуникаций — непереносимое условие стабильной жизни государства.

Политическая астрономия занимается выяснением влияния космоса, расположения звездных светил, солнечной активности, фаз Луны и т. д. на политические события и политическое поведение. Хотя многие выводы этой дисциплины носят гипотетический или даже весьма сомнительный характер, отдельные ее положения, например, влияние солнечной активности на массовое политическое поведение, политическую активность заслуживают учета в практической политике, особенно в кризисных ситуациях.

Объективные политические исследования всегда полидисциплинарны, так как не укладываются в рамки одной научной дисциплины. Например, если мы хотим получить глубокие и разносторонние знания о политической партии, то должны изучить социальный и демографический состав партии и поддерживающего ее электората (предмет политической социологии), ее формальные организационные структуры, устройство и нормы функционирования (теория политических институтов), психологию политических лидеров и рядовых членов (политическая психология), историю возникновения и партийные традиции (политическая история) и некоторые другие аспекты.

Отдельные политические науки обычно различаются не только по предмету, характеризующему, какой аспект политики изучается, но и по парадигмам и особенно методам исследования.

§ 2. МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

3.2.1. Понятие методологии

В одной из своих работ молодой К. Маркс пришел к выводу, что в науке важен не только результат исследования, но и путь, к нему ведущий, то есть важные средства, методы и инструменты научного познания, а также сам процесс их применения, составляющие его процедуры и операции. Конечно, тогда К. Маркс и представить себе не мог те современные методологические возможности и инструментарий, которые были открыты с началом применения электронно-вычислительной техники. Это, например, компьютерное моделирование и многомерно-

статистический анализ, создание кибернетических экспертных систем и информационных баз политических данных, заменивших во многом «ручные» методы количественного, а порой и качественного анализа политических реалий.

В то же время качественный политический анализ, включающий применение абстрактно-теоретических концепций, логических моделей, и по сей день имеет непреходящее значение для осмысления результатов количественного анализа, что подтверждает опыт изучения политического процесса в России последних лет.

Первый шаг, который целесообразно сделать при рассмотрении методов политологических исследований, связан с рабочим определением того, что же мы вкладываем в категорию «научный метод». Существует множество дефиниций этого понятия. В самом широком и общем смысле слова метод — это *способ познания*, а научный метод представляет собой *теоретически обоснованное нормативное познавательное средство, признаваемое научным сообществом*.

В более узком и специальном смысле *метод науки* есть совокупность подходов и принципов, правил и норм, инструментов и процедур, обеспечивающих взаимодействие познающего субъекта (ученого), с познаваемым объектом для решения поставленной исследовательской задачи. Следовательно, *методология политической науки* представляет собой особую научную область, учение о применении различных методов и их комбинаций в политическом познании, связанное с правильной постановкой проблем и выбором адекватных подходов, с трансформацией методологических принципов и требований в совокупность конкретных операций и процедур, а также использование разнообразной техники и самых разных инструментов, обеспечивающих повышение качества и объективности научного исследования. За многие годы своего существования политическая мысль претерпела длительную эволюцию в области методологии и методов политологических исследований.

3.2.2. Парадигмы политической мысли

Для качественно обобщенной характеристики мировоззренческих подходов к анализу и объяснению политики зачастую используется термин «парадигма». *Парадигма — это исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, господствующая в течение определенного исторического периода в научном сообществе*. Это специфическая логическая, мыслительная модель, определяющая способы восприятия и интерпретации действительности. Смена парадигм представляет собой научную или идеологическую революцию.

В истории политической мысли использовались различные общие парадигмы. К важнейшим относятся следующие:

- *теологическая парадигма* (базируется на сверхъестественном объяснении государственной власти, видит ее истоки в Божественной воле и религиозных кодексах (святых писаниях, заветах пророков и т. п.);
- *натуралистическая парадигма* (ориентирует на рассмотрение человека как части природы и объяснение политики природной средой: географическими факторами, биологической конструкцией, врожденными психическими свойствами и т. д.);

- **социальная парадигма** (по существу совпадает с социологическим подходом и истолковывает политику через влияние на нее других сфер общества: экономики, социальной структуры, права, культуры и т. д.);
- **рационально-критическая парадигма** (ориентирует на раскрытие внутренней природы политики, ее важнейших элементов и их взаимодействие, на выявление лежащих в основе динамики политической жизни конфликтов и т. п.).

Понятие парадигмы отражает связь политической мысли с типами мирозерцания, с общими философскими картинами мира, господствовавшими в те или иные исторические эпохи. По мнению М. Вебера, не идеи непосредственно господствуют над поведением человека, но «картины мира», создаваемые «идеями» [25, 750]. Эти картины мира и выступают в качестве парадигм.

Воплощаемые в парадигмах различные картины мира на протяжении человеческой истории определяли общие параметры и границы развития политической мысли. Однако в отличие от методов политологии не все парадигмы политической мысли являются научными, некоторые из них ориентируют на ложный путь объяснения политических явлений.

3.2.3. Инструментарий политологического исследования

Методы, применяемые в политической науке, прошли эволюцию не менее длительную, чем сама политология, пережившая волны дифференциации и интеграции с другими общественными науками не только в проблематике, но и в методологии. Автор придерживается мнения, что политическая наука не имеет своих методов и техники и использует методы и технику других общественных наук, выбирая то, что в данном случае больше подходит объекту исследования. Здесь нет ничего уничижительного, следует заметить, что в настоящее время вообще существует немного наук, обладающих и применяющих только «свои» собственные методы, поскольку даже математики сегодня активно используют инструменты формальной логики и принципы философии, элементы общей теории систем и средства кибернетики. В то же время приведенное замечание в определенной степени справедливо с позиции генезиса применяющихся в политологических исследованиях различных методов, выполняющих различные функции.

Каждое «новое» применение «старого» метода уникально, поскольку каждый раз познающий субъект (ученый-политолог) постигает познаваемый объект через призму своего понимания исследовательской задачи и средств ее решения. В этом плане он волен выбрать любой метод или любую комбинацию каких угодно инструментов для своего исследования политической реальности.

3.2.3.1. Типологии методов

Целесообразно вначале в общей форме попытаться выделить основные методы исследования политики, применяемые в политологии, а также определить критерии их классификации. Первым основанием для подобного деления может послужить степень общности анализа объекта или диапазона реальности, изучаемого наукой. В соответствии с этим критерием необходимо выделить три группы мето-

дов, используемых в политическом познании: 1) *общенаучные*, 2) *социально-гуманитарные* и 3) *конкретно-эмпирические*.

3.2.3.2. Общенаучные, или общелогические методы

Структура первой группы обусловлена природой политологии как науки и включает методы, которые относятся не только к исследованию политических объектов, но и непосредственно к организации и процедуре познавательного процесса. Их называют *общенаучными методами*.

Эта группа методов, в свою очередь, состоит из двух основных подгрупп познавательных средств: *логико-эвристических* приемов и *философско-аксиологических* принципов изучения политической жизни. В *первом* случае речь идет о таких логических методах, как индукция и дедукция, анализ и синтез, диагноз и прогноз, определение и классификация, сравнение и аналогия, дескриптивно-конкретное описание и абстрактно-объяснительная интерпретация, наблюдение и эксперимент, статистический анализ и логико-математическое моделирование, верификация и фальсификация и т. д.

Вторая группа общенаучных способов познания связана с *философско-мировоззренческими* принципами и *оценочно-аксиологическими* критериями, из которых явно или неявно исходит каждый ученый в любой области научного знания. Например, политолог может быть методологически ориентирован на принципы диалектики или системного подхода, структурного функционализма или информационно-энтропийного анализа, которые служат для него определенной системой координат в виде оценочных критериев и общеметодологических принципов. То, что для сторонника системного подхода является верным ориентиром в политическом анализе, может вызвать огонь критики со стороны приверженца диалектического метода, который обвинит первого в метафизическом конструктивизме.

3.2.3.3. Социально-гуманитарные методы

Вторая группа — *общие методы исследования политики* (нередко их называют подходами). Они отличаются непосредственной направленностью на изучаемый объект. Особенность второй группы методов состоит в том, что инструменты этого рода используются в основном в социально-гуманитарных исследованиях. В отличие от методов естественных и технических наук они либо дают его специфическую интерпретацию (например, системный и деятельностный подходы), либо ориентируют на особый подход к нему (сравнительный и исторический методы). Рассмотрим важнейшие подходы этой группы.

С давних пор в политологии и других науках используется *исторический подход*. Он требует хронологической фиксации политических событий и фактов, их исследования во временном развитии, выявления связи настоящего, прошлого и планирования будущего. Этот метод хорошо известен и не нуждается в специальных комментариях.

Социологический подход по праву занимает одно из центральных мест в социологической науке, во многом определяет специфику политической социологии. Он предполагает выяснение зависимости политики от общества, социальной обусловленности политических явлений, в том числе влияния на политическую

систему экономических отношений, социальной структуры, идеологии и культуры. В своих крайних, жестко детерминистских формах социологический подход широко представлен в марксистских трактовках политики как надстройки над экономическим базисом, как отношений между классами, нациями и государствами (В. И. Ленин [82, 83]). Этот метод ярко выражен и в теории заинтересованных групп (А. Бентли), рассматривающей политику как сферу соперничества разнообразных общественных групп, преследующих собственные интересы. Одним из его широко распространенных, более частных проявлений выступает *культурологический подход*, ориентирующий на выявление зависимости политических процессов от политической культуры.

Традиционно с глубокой древности политическая мысль базировалась на *нормативном*, или *нормативно-ценностном*, подходе, который не утратил своей значимости и в наши дни. Он предполагает выяснение значения политических явлений для общества и личности, их оценку с точки зрения общего блага, справедливости, свободы, уважения человеческого достоинства и других ценностей. Этот подход ориентирует на разработку идеала политического устройства и путей его практического воплощения. Он требует исходить из должного и желаемого, из этических ценностей и норм и в соответствии с ними строить политическое поведение и институты. Нормативный подход подвергается критике за идеализацию политической действительности, оторванность от реальности, умозрительность многих построенных на его основе политических проектов и конструкций. Его определенная слабость проявляется в релятивности, относительности ценностных суждений, их зависимости от мировоззрения, социального положения и индивидуальных особенностей людей. И все же несмотря на некоторую ограниченность, этот подход, по мнению ряда исследователей, необходим для политической науки, поскольку он придает политике этическое, человеческое измерение, вносит в нее нравственное начало.

В отличие от нормативного, *функциональный* подход требует изучения зависимостей между политическими явлениями, обнаруживающимися в практике, например, взаимосвязей уровня экономического развития и политического строя, степени урбанизации населения и его политической активности, избирательной системы и количества партий и т. п. Этот метод предполагает абстрагирование от этической оценки политики и ориентацию лишь на факты и логику. Одним из первых функциональный метод в политологии широко использовал Н. Макиавелли, провозгласивший отказ от религиозных догм и этических ценностей при изучении политики и необходимость анализа реальной жизни во всей ее противоречивости. Специфическим развитием и качественным обогащением функционалистских установок выступает *бихевиористский подход*.

К функционалистски и позитивистски ориентированным методам примыкает *структурно-функциональный анализ*. Он предполагает рассмотрение политики как некоторой целостности, системы, обладающей сложной структурой, каждый элемент которой имеет определенное назначение и выполняет специфические функции (роли), направленные на удовлетворение соответствующих потребностей системы. Деятельность элементов системы как бы запрограммирована ее структурной организацией, непосредственно занимаемыми ими (людьми, институтами) позициями и выполняемыми ролями (президенты, министры, граждане и т. п.). Струк-

турно-функциональный метод широко использовали К. Маркс [92, 93], Т. Парсонс и многие другие известные социологи и политологи. Он выступает в качестве одного из принципов системного анализа.

Системный подход к политике впервые был детально разработан в 1950—1960-х гг. XX в. известными американскими учеными Т. Парсонсом [124] и особенно Д. Истоном [64]. По мнению последнего, верховная власть в обществе принадлежит политической системе. Она стремится к самосохранению и выполняет две важнейшие функции: 1) распределение ценностей и ресурсов, 2) обеспечение принятия гражданами распределительных решений в качестве обязательных. За сравнительно короткий срок системный подход к политике показал свою конструктивность, он представлен в разнообразных теориях политических систем.

Вплоть до начала XX в. в политической науке наряду с нормативным методом господствовал *институциональный подход*, и сегодня занимающий в ней приоритетные позиции. Он ориентирует на изучение институтов, с помощью которых осуществляется политическая деятельность государства, партий, других организаций и объединений, права, правительственных программ и других регуляторов политической деятельности.

Не менее древнюю, чем институциональный метод, историю имеет *антропологический подход*, проявившийся еще у Аристотеля в его видении истоков политики в коллективной сущности человека. Этот подход требует изучения обусловленности политики не социальными факторами, а природой рода человеческого, присущими каждому индивиду потребностями (пища, одежда, жилище, безопасность, свободное существование, общение, духовное развитие и др.). Сегодня он исходит, прежде всего, из следующих принципов:

- 1) постоянство, инвариантность фундаментальных родовых качеств человека как существа биологического, социального и разумного (духовного), изначально обладающего свободой;
- 2) универсальность человека, единство человеческого рода и, независимо от этнических, расовых, социальных, географических и иных различий, равноправие всех людей;
- 3) неотъемлемость естественных, основополагающих прав человека, их приоритета по отношению к принципам устройства, законам и деятельности государства.

Применительно к исследованию реальных политических действий антропологический подход требует не ограничиваться изучением влияния социальной среды или разумной, рациональной мотивации, но выявлять и иррациональные, инстинктивные, биологические и другие мотивы политического поведения, обусловленные человеческой природой и наиболее ярко проявлявшиеся еще в первобытных обществах.

Психологический подход имеет определенное сходство с антропологическим в требованиях исходить в политических исследованиях из сущности человека. Однако в отличие от антропологизма он имеет в виду не человека вообще как представителя рода, а конкретного индивидуума, что предполагает, конечно, и учет его родовых качеств, социального окружения и особенностей индивидуального развития. Психологический метод ориентирован на изучение субъективных механизмов политического поведения, индивидуальных качеств, черт характера, а также типичных механизмов психологических мотиваций. Этот подход зародился в глу-

бокой древности. Еще Конфуций рекомендовал правителям Китая учитывать в своем поведении психологическую реакцию подданных для обеспечения их доверия и послушания [52, 73]. Заметный вклад в разработку психологии властвования внес Н. Макиавелли, особенно в работе «Государь» [90].

Современный психологический подход многовариантен. Одно из центральных мест в нем занимает *психоанализ*, основы которого разработал З. Фрейд. Психоанализ ставит в центр психологических исследований бессознательные психические процессы и мотивации. Он исходит из того, что острые аффективные переживания человека не исчезают из психики, а вытесняются в сферу бессознательного и продолжают оказывать активное воздействие на политическое поведение. На основе психоанализа объясняются различные типы политического поведения, в частности поведения авторитарной личности, стремящейся с помощью приобретения власти к преодолению чувства собственной неполноценности, различного рода комплексов, внутреннего напряжения.

Психологический подход не претендует на исключительность и позволяет выявить один из важнейших аспектов политической жизни. Его специфическим развитием выступает *социально-психологический* метод, ориентирующий на изучение зависимости политического поведения индивидов от их включенности в социальные группы и различных параметров последних, а также на исследование психологических характеристик групп (малые группы, толпа, этнос, класс) и т. д.

Деятельностный подход дает динамическую картину политики. Он предполагает рассмотрение ее как специфического вида живой и овеществленной деятельности, как циклического процесса, имеющего последовательные стадии, этапы: определение целей деятельности, принятие решений; организация масс на деятельность и мобилизация ресурсов для ее осуществления; регулирование деятельности; учет и контроль за реализацией целей; анализ полученных результатов и постановка новых целей и задач. Деятельностный подход служит методологической базой теории политических решений. Рассмотренная под этим углом зрения политика выступает как процесс подготовки, принятия и реализации обязательных для всего общества решений. С использованием деятельностного подхода связана и трактовка политики как специфической формы управления обществом.

Критически-диалектический метод является своеобразным развитием и конкретизацией деятельностного метода. Он ориентирует на критический анализ политики, выявление ее внутренних противоречий, конфликтов как источника ее самодвижения, как движущей силы политических изменений. Критически-диалектический метод широко используется в марксистском анализе политики, в неомарксизме (И. Хабермас [172, 173, 174, 175, 176], Т. Адорно [2а] и др.), в леволиберальной и социал-демократической мысли, а также в целом ряде других идейно-политических течений. Плодотворность этого метода признается в целом всеми сторонниками плюралистической организации общества, ибо плюрализм основывается на принципе противоречий, конкурентного соперничества многообразных идей, ценностных ориентаций, политических, экономических и культурных институтов, индивидов и групп. Метод является ведущим в такой важной социологической и политологической дисциплине, как конфликтология.

Широкое распространение в современной политологии получил *сравнительный (компаративистский) подход*. Он использовался уже в античном мире Плато-

ном [129], Аристотелем [8] и другими мыслителями. Этот метод предполагает сопоставление однотипных политических явлений, к примеру, политических систем, партий, различных способов реализации одних и тех же политических функций и т. д. с целью выявления их общих черт и специфики, нахождения наиболее эффективных форм политической организации или оптимальных путей решения задач. Применение сравнительного метода расширяет кругозор исследователя, способствует плодотворному использованию опыта других стран и народов, позволяет учиться на чужих ошибках и избавляет от необходимости «изобретать велосипеды» в государственном строительстве. Творческое, с учетом специфики страны, использование этого метода особенно актуально для современной российской политологии в условиях реформирования общества и государства. На компаративистском методе базируется специальная отрасль политических знаний и исследований — сравнительная политология.

К числу традиционных и фундаментальных методов политической науки принадлежит *субстанциальный* (от слова «субстанция» — первооснова, материя), или *онтологический, подход*. Он требует выявления и исследования первоосновы, составляющей специфическую качественную определенность политики. Такой первоосновой обычно считают власть, отношения господства и подчинения в их многообразных проявлениях или деление общества на «друзей» и «врагов» (К. Шмитт [189]). Закономерно, что среди огромного количества определений политики доминируют ее характеристики через власть и господство.

3.2.3.4. Эмпирические методы

Особенности эмпирического инструментария

Совокупность методов, используемых современной политической наукой, разделяют еще на два основных уровня: *теоретический (качественный)* и *прикладной (количественный)*. Прикладной уровень представлен в рамках данного деления в группе *эмпирических методов*. Эта совокупность объединяет способы исследований, обеспечивающих получение первичной информации о политических фактах. Они не специфичны для политологии и в основном заимствованы ею из истории, конкретной социологии, кибернетики и некоторых других наук.

XX в. — время бурного внедрения и развития методологий и методик, связанных с использованием инструментария *эмпирических, количественных* подходов во всех социальных науках. Не стала исключением и политология. Наиболее широкое применение эмпирические методы нашли в прикладной политологии. Исследователи широко использовали следующие методы:

- электоральную статистику;
- анализ документов;
- анкетный опрос;
- лабораторные эксперименты;
- деловые игры, особенно ценные при принятии политических решений;
- наблюдение, осуществляемое исследователем, являющимся непосредственным участником политических событий, или наблюдение за поведением людей, находящихся в условиях экспериментальной ситуации, и др.

Качественные методы возникли гораздо раньше количественных. Разница между ними достаточно принципиальна: если первые опираются на изучение и определение качественных признаков и свойств политических объектов, то вторые — на прямое или косвенное измерение, предполагающее использование символично-математической формализации и квантификации этих параметров.

Из этой дифференциации вытекает ориентация методов этого уровня знаний на решение практических политических задач. Политические концепции, как правило, имеют некоторую практическую направленность. Даже политические воззрения древних были прямо связаны со стремлением усовершенствовать государственное правление, воспитать законопослушных граждан, повысить авторитет власть предержащих.

Этот уровень научного инструментария политологии характеризуется особым характером рассмотрения изучаемых проблем. Политическая теория относится к политике как к специфической сфере общественной жизни с присущими ей противоречиями, закономерностями и т. д. В свою очередь, прикладная политология представляет политику как реальное пересечение волевых устремлений государственных институтов, партий, движений, групп интересов, индивидов и иных субъектов.

Иными словами, главный предмет прикладной политологии — конкретная ситуация во всем богатстве ее связей и отношений. В силу этого область ее интересов значительно уже, чем у теоретической политологии. Она по преимуществу связана с различными аспектами деятельности определенных государств, партий, заинтересованных групп и граждан, рассматриваемых в конкретном временном контексте. Поэтому в прикладной политологии используются далеко не все теоретические выводы и положения политической науки. Например, философские вопросы о сущности власти, демократии, критериях политического развития и т. п., как правило, находятся за рамками ее предмета.

В то же время в прикладных исследованиях активно используются выводы и положения, снижающие уровень неопределенности теоретических данных. Они раскрывают отличительные особенности отдельных политических систем, свойств правящей и оппозиционной элит, характеризуют фазы и этапы решений и т. д. и тем самым помогают лучше разобраться в текущей политической ситуации. В политических событиях и ситуациях проявляется действие множества самых разнообразных факторов, поэтому в сфере прикладных исследований ярче проявляется *междисциплинарный* характер политологического знания, отражающий воздействие на реальные события психологических, экономических, культурных, религиозных, географических и других детерминант.

Классификация прикладных методов

Фактором, определившим лицо современной прикладной политологии, стало появление в начале 1960-х гг. больших ЭВМ, а затем персональных компьютеров и Интернета. В последующие годы предпринято немало попыток практически тотального описания всей без исключения совокупности сравниваемых объектов на основе математической обработки статистической и прочей достоверной информации. Время показало, что даже самая мощная вычислительная техника является лишь одним, пусть даже очень эффективным, из инструментов политологов.

Чаще всего математической обработке подвергаются данные, полученные другими методами прикладной политологии.

Исследователи (В. П. Пугачев, А. И. Соловьев) выделяют восемь основных методов [134, 45]. К ним относится, прежде всего, *наблюдение* событий. Оно может проводиться в форме «открытой» констатации фактов (отслеживание конкретных событий и долговременных последствий тех или иных решений) и в форме «включенного наблюдения» (исследователь в течение определенного времени либо находится внутри изучаемой группы, например, руководства партии, либо «погружается» в какую-нибудь конкретную ситуацию, например, в атмосферу проведения переговоров). При любом из этих вариантов получаемая информация должна быть достоверной, не зависящей от пристрастий наблюдателя, что на практике достижимо далеко не всегда, поскольку не только в политике, но и в науке о ней действуют живые люди со своими интересами, симпатиями и антипатиями.

Важный метод прикладной политологии — *контент-анализ*. Он предполагает целенаправленное изучение определенных документов (конституций, правовых актов, кодексов, программ, инструкций) или же других непосредственных носителей информации: книг, картин, кинофильмов, лозунгов и т. п. Метод опирается на широкое применение компьютерных технологий, что позволяет в результате индексирования ключевых слов подсчитать частоту их использования и выбрать информацию из весьма значительных по объему текстов.

Широко используется в прикладной политологии *метод опроса* прямых или косвенных участников политических событий, а также экспертов, способных дать профессиональный анализ ситуации. Выявление, обобщение и систематизация информации могут осуществляться через интервьюирование отдельных граждан или путем проведения массовых анкетных или других опросов. Возможность широкого использования при этом математических методов повышает достоверность данных, а значит, и научную обоснованность политических прогнозов и рекомендаций.

Игровые методы предполагают предварительное конструирование ситуации, имитацию того или иного варианта развития процесса, конфликта и т. д. Это позволяет разработать различные модели действий управленческих структур, распределить роли участников событий, уточнить характер их поведения и взаимоотношения между ними. Такого рода приемы дают возможность предсказать варианты изменения ситуации, подготовить управленческий персонал к принятию решений в неординарных ситуациях, находить качественно важные звенья и противоречия в соответствующих процессах.

В прикладной политологии применяются и частные методы исследований:

- *фактор-анализ*, сводящий множество эмпирических данных к основным;
- использование *когнитивных карт* — матриц, в которых фиксируются типичные реакции лидеров (или других лиц) на кризисные ситуации, образцы их действий в стабильных условиях, биографические данные и прочая информация, помогающая прогнозировать их будущее поведение;
- *конфигуративные* исследования, использующие сравнительный анализ для выявления специфических признаков политических объектов;
- *биографический* анализ и др.

Основные сферы применения прикладной политологии

Существенным отличием прикладных политологических исследований является то, что их конечным продуктом являются не абстрактные общие положения, в равной степени применимые для характеристики многих однотипных политических явлений. Они нацелены на:

- практические советы и рекомендации участникам политического процесса;
- доказательства преимуществ определенных способов и приемов действий;
- описания и параметры состояния и характера политических событий;
- краткосрочные прогнозы развития ситуации в определенных областях.

Рекомендательные по своему характеру выводы и обобщения обычно адресуются лицам, обладающим властными полномочиями в сфере управления и непосредственно определяющим политику.

Выводы прикладной политологии могут быть также направлены на подкрепление (или разрушение) господствующих установок общественного мнения в целях сохранения (или нарушения) политической стабильности или на придание тем или иным политическим процессам необходимой направленности. В политической практике нередко используются публикации результатов социологических опросов непосредственно перед выборами для того, чтобы склонить симпатии колеблющихся граждан в пользу определенной партии или кандидата. Рекомендации политтехнологов формулируются, как правило, в соответствии с законом, но иногда и без оглядки на него.

Субъектами, разработчиками прикладной политологии, являются не столько теоретики, сколько аналитики, эксперты, советники политических деятелей, работники партийных аппаратов, имиджмейкеры (специалисты по политической рекламе, налаживанию отношений с общественностью) и другие лица, которые чаще всего непосредственно связаны с выработкой политической линии лидеров или целых органов управления, с принятием властных решений.

В ряде стран действуют аналитические центры, экспертные советы и другие структуры, вырабатывающие рекомендации по принятию политических решений, подготавливающие материалы, справки, документы для институтов государственного управления, партий, групп давления и т. д. Аналогичные структуры работают сегодня и на международном уровне. Их деструктивная роль рельефно проявилась в период т. н. «цветных революций» конца XX — начала XXI вв.

Проверенные практикой выводы прикладной политологии зачастую служат основанием для соответствующих теоретических обобщений, для формулировки положений теоретической политологии. Например, моделирование последствий ядерных конфликтов сыграло существенную роль в обосновании тезиса о невозможности использования этого вида вооружений для достижения политических целей, в т. ч. геополитических.

Результаты сравнительных исследований в области прикладной политологии способствуют выработке определенных теоретических единиц анализа политической реальности, т. е. моделей изучения той или иной ситуации, конфликта или другого процесса. Такие модели, предусматривающие, например, действия правительства в условиях международного кризиса или комплекс мероприятий по организации предвыборной кампании, позволяют получать всесторонние характерис-

тики политических процессов, учитывать неизбежные фазы и этапы их развития, своевременно замечать наиболее опасные зоны и кризисные моменты.

Прикладные политологические исследования, как правило, связаны с анализом основных направлений социальной практики; они обладают постоянной практической значимостью для государственной политики. Возможности данных исследований используются для разработки программ деятельности правительства в области здравоохранения, социальной, аграрной, экологической, национальной и оборонной политики. Прикладные исследования уточняют, детализируют текущие и перспективные цели, распределение полномочий между различными государственными органами, прогнозируют качественные изменения политической ситуации.

Важная сфера использования прикладных исследований — определение путей предотвращения или разрешения социальных конфликтов и достижения необходимого обществу консенсуса. С помощью таких исследований разрабатывают технологии разрешения кризисов, позволяющие находить согласие между их участниками и обеспечивать управляемость конфликтными ситуациями.

Близки к кругу вопросов, связанных с управлением конфликтами, проблемы ведения переговоров. Переговорный процесс как сфера применения прикладных политологических исследований требует выработки «технологии торга», которая, со своей стороны, предполагает определение приемов и способов взаимодействия сторон. В рамках вырабатываемых здесь моделей формулируются рекомендации действующим лицам относительно стиля их поведения в отношениях с аутсайдером или, напротив, с заведомо более сильным оппонентом; определяются приемы, позволяющие добиваться большего взаимопонимания с оппонентом и снижать жесткость, однозначность его позиции; устанавливаются правила информирования участников переговоров и т. д.

Избирательная кампания является одной из самых разработанных и распространенных сфер применения прикладной политологии. Эта дисциплина формулирует рекомендации по характеру финансирования избирательных кампаний, выбору важнейших тем для ведения предвыборной борьбы, помогает определить время, оптимальное для начала развертывания агитационно-пропагандистской кампании, и т. д.

Еще одна значимая сфера применения прикладных исследований — выработка и принятие политических решений. Здесь прикладная политология разрабатывает критерии выделения политически важных общественных проблем, обеспечивает необходимую информацию, формулирует варианты принятия альтернативных решений, меры по нейтрализации действий оппонентов и т. д.

Функционально прикладная и теоретическая политология взаимно дополняют и обогащают друг друга, составляя единое целое. Развитость обеих этих отраслей политической науки — важная предпосылка цивилизованности и эффективности политики, гуманистической ориентации.

Классические и новые методы и методики стабильно применяются в чисто прикладных целях для анализа текущих политических ситуаций и выбора оптимальных решений по заказу как государственных, так и корпоративных структур. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. в США появились компьютерные информационные системы с аналитическими «надстройками» над обычными базами данных. Необ-

ходимая база данных для изучения политических проблем и выработки соответствующих рекомендаций формируется на основании применения определенных методов политологических исследований. Как составная часть политической науки, прикладная политология опирается на те же общенаучные подходы и принципы анализа, что и теоретические исследования. Однако доминирующую роль здесь играют средства микрополитического анализа, где господствуют индуктивные методы, основывающиеся на изучении частных, единичных явлений.

Таким образом, прикладная политология является составной частью и одновременно специфическим уровнем политической науки, непосредственно сфокусированным на решении практических задач. Основное назначение прикладной политологии состоит в формулировании конкретных рекомендаций и краткосрочных прогнозов определенным политическим субъектам в целях повышения эффективности их деятельности.

§ 3. ИТОГИ РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

3.3.1. Этапы эволюции методов изучения политики

Рассмотрение методологии политической науки будет неполным без ее периодизации. Основные типы методов и уровни методологии политологических исследований сложились постепенно в ходе исторического развития политической мысли, на каждом этапе которого доминировали разные методологические подходы (или их комбинации) и методические приемы. Рядом исследователей предложена следующая периодизация развития методологии политической науки, в основу которой положено изменение комбинаций и набора приоритетных средств политического познания:

- 1) *классический период* (до XIX в.), связанный в основном с дедуктивным, логико-философским и морально-аксиологическим подходами;
- 2) *институциональный период* (середина XIX — первая половина XX вв.) — на передний план выходит историко-сравнительный и нормативно-институциональный методы;
- 3) *бихевиористский период* (1950—1970-е гг.) — стали активно применяться количественные методы;
- 4) *постбихевиористский период* (с последней четверти XX в.), характеризующийся сочетанием «традиционных» и «новых» методов и активным использованием информационных технологий.

Важную роль в *классический период* играли ценностные критерии и оценки шагов политиков и форм государственной жизни, опирающиеся на господствующие представления о нормах нравственности, как это можно видеть в классификации, данной Аристотелем, трех «правильных» (монархия, аристократия и полития) и трех «неправильных» (тирания, олигархия, демократия) форм государства. Уже в то время им использовались индуктивные принципы *сравнительного подхода*. Выявляя общие и отличные черты известных ему политических устройств, опираясь

на синхронный (одновременно) и диахронный (последовательно) методы, Аристотель анализировал фактический материал обширной серии (158 исторических описаний), созданной при его непосредственном участии. Исторические описания содержали в себе очерки развития и состояния современного Аристотелю строя разных государств [8]. При построении теоретических проектов идеального полиса Аристотель наряду с Платоном [129] и другими античными философами использовал некоторые простейшие элементы *логического моделирования*.

Позднее *компаративный* (сравнительно-исторический) анализ использовали для сравнения политических режимов Англии и Франции в XV в. англичанин Дж. Фортезкью, а в XVII в. француз Ш. Л. Монтескье (Ш. Л. Монтескье отмечал при этом некоторые архаические черты французской королевской власти [105]). Но, пожалуй, наиболее эмпирически ориентированным мыслителем своего времени можно назвать Н. Макиавелли, блестяще соединившего традиционное морализирование и философскую дедукцию при построении модели государства, составленной на основе наблюдения и историко-сравнительного анализа материалов по политическому развитию Италии [90].

Качественный сравнительный анализ вышел на передний план в XIX в., когда появились работы А. де Токвиля [154] и Дж. Милля [101], К. Маркса и Ф. Энгельса [92, 93, 191], в которых проведены параллели и сравнения между основными европейскими государствами, а также формами правления в Старом и Новом Свете. Во второй половине XIX в. основным методом зарождавшейся в США университетской политической науки стал *сравнительно-исторический и правовой анализ* политических институтов (Г. Адамс, Дж. Бэрджесс). Подобное состояние методологии можно наблюдать в Европе (С. Гирке) и России (М. Ковалевский [70]). Классики современной политологии М. Вебер [25, 26] и М. Острогорский [116], Г. Моска [107] и В. Парето [118, 119, 120, 121, 122] опирались на сбор политических данных при помощи, историко-сравнительных методов. По способу обоснования методологических положений работы классиков носят скорее эмпирический характер, поскольку их теоретические выводы строились на интерпретации фактического материала, хотя при этом и не проводилось специальных исследований по сбору новых, ранее неизвестных фактов.

Следующий, *бихевиористский этап* в XX в. вызвал революцию в методологии политической науки, связанную с применением новых эмпирических и количественных методов, заимствованных из арсеналов как психологии, социологии, экономической науки, так и из математики, кибернетики, географии и даже медицины. В 1928 г. в США вышла одна из первых работ по применению математических, в частности статистических инструментов (корреляционный и факторный анализ) в изучении политики (книга С. Раиса «Количественные методы в политике»). Место традиционных приемов логической дедукции политических философов и описательно-исторической индукции институционалистов начали занимать методы бихевиористов: сбор и анализ «достоверных» данных об «эмпирически наблюдаемом» политическом поведении, которые активно применяются и по сей день.

Из психологии и медицины в политическую науку проникли тесты и лабораторные эксперименты, из социологии — анкетные опросы, интервью, наблюдения, а из математики и статистики — регрессионный, корреляционный, факторный и другие виды анализа, а также математическое моделирование и методы

теории игр. Особое место в методологии стали занимать методы изучения избирательного процесса и электорального поведения. Интересно, что уже в самом начале XX в. российские ученые (В. Гори, А. Саликовский и др.) при помощи статистических приемов анализировали выборы в состав Государственной Думы России. В то же самое время во Франции географ А. Зигфрид разрабатывал т. н. «политическую карту (или картину)» Франции, создавая тем самым новую методологию «избирательной географии». В 1930—1950-е гг. в США в обиход методов политологии и социологии политики вошли (благодаря эмпирическим исследованиям Д. Гэллага и П. Лазарсфельда) методы предвыборного опроса общественного мнения и техника панельных (повторяющихся) опросов избирателей. В 1960—1970-е гг. американцами начали активно создаваться информационные базы политических данных и экспертные системы «искусственного интеллекта» на основе электронно-вычислительной техники, при этом в центр этих методик ставились принципы квантификации и процедуры измерения.

Но в конце 1960-х — начале 1970-х гг. в западной политологии наступил кризис бихевиористской методологии, отстаивавшей сциентистские (абсолютизирующие естественные науки и математику) принципы и точные методы, измерение и квантификацию. Ряд американских политологов, например, Д. Истон [64], выступили за возврат к традиционным подходам, качественным методам и моральным нормам, к тем принципам политической науки, которые легли в основу *постбихевиористской методологии*. И даже сегодня в начале XXI в. не утихли споры о приоритетных подходах, а в мире политологов продолжают сохраняться два основных течения в рамках методологии политической науки: «традиционалистское» (исповедующее качественные методы классической и институциональной политологии) и «эмпирическое» (выступающее за приоритет «точных» и количественных методов).

Исследователи нередко пытаются предсказать развитие политологии и ее основные направления в XXI в. Они рассматривают действие тенденций и контртенденций гуманизации и дегуманизации политической науки, усиление ее сциентистского и ценностного начал, интернационализацию знания и рост национальных школ и т. д. Не подлежит сомнению, по мнению автора, лишь то, что предмет современной политологии далек от полного определения. Проблематика политической науки будет и далее развиваться и меняться:

- вместе с изменением политической реальности;
- со сменой общественно-политических парадигм;
- с развитием методологического инструментария и др.

Современный уровень требований общества и государства, предъявляемый к политологии, не позволяет ей ограничиваться использованием какой-то одной группы методов. Сегодня политологи в процессе работы применяют все доступные им методы исследований политической реальности и приемы моделирования, обеспечивающие выработку практических рекомендаций.

3.3.2. Проблема законов в политологии

По вопросу о существовании собственно закономерностей политики, а также рефлексивно соответствующих им и отраженных в теоретической форме законов

политологии мнения ученых существенно разделились. В среде специалистов по методологии политической науки имеются две полярные точки зрения на эту проблему. Одна позиция, весьма широко представленная в марксистской и в том числе в отечественной литературе, исходит из принципов объективности и детерминизма в анализе политической сферы. Ее сторонники предполагают функционирование необходимых, устойчивых и повторяющихся связей в политических отношениях, т. е. объективных законов политического процесса и развития, формулируемых в рамках теории политики, например, действие закона классовой борьбы для всех «классово-антагонистических обществ».

Вторая позиция отстаивает противоположный тезис, отрицая при этом и наличие «объективных», «железных» законов политики, и саму возможность построения «универсальной» общей теории политики, иногда все же признавая при этом существование неких «генерализаций» в виде функциональных (или корреляционных) зависимостей или же «нежестких» причинных связей. Вопрос о природе политологического знания действительно является одним из сложнейших в методологии политической науки, и вероятно, было бы слишком большим упрощением либо «признать», либо «отрицать» существование и возможность познания закономерностей развития политики. Здесь можно лишь отметить, что абсолютное отрицание познаваемости механизмов политики, наличия связей и зависимостей в политическом мире вообще снимает как таковой вопрос о «политической науке» и ее «предмете», а политология в таком случае становится лишь «грудой» собранных политических данных и фактов, хотя, может быть, и весьма умело систематизированных.

Другое дело, что здесь встает проблема самого характера и формы познаваемых в политике причинно-следственных связей. Эти «генерализации» или «универсалии» в политике нередко выступают и проявляются:

- в виде «правил» эффективного политического поведения (например, «золотые правила» успешной политики и поведения мудрого руководителя в «Государе» Н. Макиавелли [90]);
- в форме «принципов» оптимального (или аномального) устройства, организации и функционирования политических институтов («правильные» и «неправильные» формы государственного правления у Аристотеля [8]);
- как зависимость формы правления от размера территории государства (у Ш. Л. Монтескье [105]);
- как «закон» аномальной (антидемократической) олигархизации массовых партий Р. Михельса [104];
- как «законы» бюрократизации С. Паркинсона [123];
- как «теоремы» взаимообусловленности партийной и избирательной систем М. Дюверже [53, 54];
- как взаимосвязь институциональной организации политической системы с доминирующим типом политической культуры страны у Г. Алмонда [5, 6];
- как циркуляция элит у В. Парето [118, 119, 120, 121, 122];
- в виде «законов» политического развития и борьбы (к примеру, сформулированный в концепции К. Маркса [92, 93, 93а, 93б] «закон классовой борьбы» или же зависимость форм и темпов политических изменений и модернизации

от уровня индустриально-технологического и экономического развития, выведенная Д. Литером, С. Ханггинтоном, С. Липсетом [84] и др.).

Разработки, проведенные политологами в рамках во многом еще нормативной и традиционной политической мысли (вплоть до XIX в.), а также эмпирические исследования в XX в. продемонстрировали некоторые возможности постижения глубинных тенденций и причинных зависимостей. Следует учитывать, что многие обнаруженные связи часто описывались не в форме «чистых законов», а в виде прагматических «правил» и «принципов», работающих при определенных условиях, в частности, политические правила заключения компромиссов и союзов, необходимость маневрирования и смены тактических форм и методов борьбы в соответствующих ситуациях и т. д. Знание закономерностей политики как неких «универсалий» нередко формулируется в виде высказывания, содержащего импликацию типа «если будут определенные условия и совместные интересы, то с потенциальным союзником необходимо сформировать коалицию». Это явно будет отличаться от распространенного представления о законах как об абстрактно «всеобщих» и «абсолютных», «железных» и абсолютно «объективных» связях. Именно в этом духе К. Поппер [133] ставит вопрос о верификации и фальсификации научных теорий и знаний о законах, представляющих соединение универсального (абстрактного) и отдельного (конкретного) начал, описываемых символическими формулами или знаковыми системами. «Дать причинное объяснение некоторого события, — отмечает К. Поппер, — значит, дедуцировать описывающее его высказывание, используя в качестве посылок один или несколько универсальных законов вместе с определенными сингулярными высказываниями — начальными условиями».

Следует также иметь в виду, что вплоть до начала XX в. выводы и результаты разработок в области политической мысли формулировались преимущественно в нормативном виде и, как уже отмечалось выше, зачастую как политические максимы или принципы наилучшего устройства. Тем самым они включали в себя сильные компоненты морального должностования и нравственного оценивания, к тому же порой априорного и в основном неверифицированного характера.

С этой позиции, то есть с точки зрения природы составляющих политологическое знание элементов, выводы и результаты разработок включают в себя как нормативные компоненты (принципы и правила, нормы и максимы), так и научные результаты изучения причинных связей и зависимостей. О политической мысли вплоть до конца XIX в. можно говорить, как о некоем нормативном «политическом знании», тогда как политологическое знание XX в., связанное уже в основном с изучением причинных связей, все больше приближается к общеметодологическим критериям «политической науки», хотя при этом полностью не может отказаться и от нормативно-ценностных подходов.

Такой характер политологического знания определяет социальную роль и статус политологии, ее функции в обществе, которые можно свести к трем основным:

1) познавательно-оценочной (связанной с процессом исследования и проникновения в механизм и закономерности политической жизни, а также описания, объяснения и оценки тех или иных ее событий и явлений);

2) инструментально-праксеологической (использование научных выводов в политической практике, государственном управлении, партийной стратегии и тактике, в процессах принятия решений и технологиях их реализации);

3) воспитательно-социализационной (связанной с влиянием политического знания на механизм политической социализации и ресоциализации личности, с воспитанием индивида как гражданина своей страны и как «политического человека», включенного во взаимозависимую мировую цивилизацию и в определенной степени ответственного за ее судьбы).

3.3.3. Особенности современного периода

В современных методиках политологических исследований весьма сложно провести разграничение между качественными и количественными подходами. Характерным случаем подобного затруднения являются современные, охватывающие десятки, а то и сотни сравниваемых объектов компаративные политические исследования, которые проводятся с использованием как качественных подходов, так и новейших математических и кибернетических средств сбора и обработки информации. Подавляющее число подобных исследований связано с микрообъектами политики (партии, феномены участия, лидерство и т. д.), но сегодня уже существует немало проектов, в которых объектами для сравнения выступают макросистемы — государства, которые практически невозможно анализировать вручную, без привлечения математического аппарата и обобщения десятков национальных статистик при помощи ЭВМ.

В основу разработки системы индикаторов для измерения количественных величин легли именно качественные подходы. Например, в Йельском проекте все 75 измеряемых параметров внутреннего и внешнего политического поведения 133 государств (их институтов и общностей) конца 1950-х — начала 1960-х гг. отображены на основе качественных моделей, структур и концептов, разработанных крупнейшими американскими политологами-теоретиками Р. Далем [44, 45], Г. Ласуэллом [79], К. Дойчем, Д. Лапаламбарой и др. Разработчики баз политических данных постоянно отмечали при этом, что главной исследовательской задачей является создание вовсе не «мертвого архива фактов», а «действующей лаборатории». В России также появились базы данных (БД) по политике (например, в Институте США и Канады РАН проводилась работа по созданию БД «Аэлиты» (по политической элите США) и «Политические партии» (по партиям России), но, по сравнению с состоянием разработки информационных политологических систем на Западе, отечественные исследования пока находятся на начальном этапе.

Методы политологических исследований становятся все более сложными и многоэлементными, использующими все три методологических уровня. В качестве примера можно привести *имитационное моделирование* политических ситуаций с использованием элементов теории игр или рейтинговые экспертные оценки популярности политических лидеров со шкалированием. Аналогичен многомерно-статистический, сравнительный анализ государств и партий, который осуществим лишь с использованием компьютерной техники. Подобная классификация наводит на мысль, что данные группы методов составляют не только разновидности, но и *определенные уровни методологии политической науки*. Напрашивается вопрос: в чем же тогда собственно смысл выделения этих уровней, если все их можно сократить и свести к элементарным логическим процедурам? Если же идти последовательно по этому пути, тогда вообще нет других научных приемов, кроме правил

силлогистики, поскольку еще Г. Гегель писал о том, что всякая наука есть «прикладная логика». Но известно, что экспериментальные естественные и технические науки используют в основном лабораторные и прочие опыты, тогда как в социальных науках место эксперимента нередко приходится замещать теоретическими моделями и «силой научной абстракции» (К. Маркс).

Моделирование политических процессов началось уже в первой четверти XX в., когда Л. Ричардсоном в «Математической психологии войны» (1919) были приняты первые попытки разработать модель гонки вооружений между двумя национальными государствами. Особенно активно математические модели в политологии стали применяться в эпоху «бихевиористского подъема» 1950—1960-х гг. Сегодня в связи с совершенствованием ЭВМ и программных средств моделирование макро- и микрополитических процессов стало одним из перспективных направлений в развитии методологии политической науки, которое, в свою очередь, имеет массу собственных разветвлений. В частности *системное моделирование политики* охватывает и динамические, и стохастические (случайные) модели политической жизни, активно применяемые для анализа и диагноза циклически повторяющихся избирательных процессов и кампаний, а также для прогнозирования результатов президентских и парламентских выборов.

В прикладном анализе политического развития постперестроечной России, пожалуй, самым распространенным методом является качественная экспертная оценка. Совокупность этих оценок осмысливается в аналитическом сопоставлении, осуществляемом научным сообществом. А в США еще в 1969 г. по заказу Госдепартамента и Агентства по контролю над вооружением и разоружением были созданы «экспертные системы» (ЭС) политического анализа WEIS (рук. Ч. Маклелланд) и CASCON (рук. Л. Блумфилд), использовавшие системный принцип взаимодействия «человек-машина». В отличие от баз данных эти две прикладные системы включили в себя и блок сбора, и блок анализа политической информации. При помощи «ивент-анализа» (описание событий) каждое внешнеполитическое событие характеризовалось через четыре параметра, выявляющих:

- 1) субъекта (инициатора) воздействия;
- 2) объект воздействия;
- 3) тип взаимодействия;
- 4) время и место события.

Политический эксперт, помимо исчерпывающей информации о политических взаимодействиях и событиях, получал программный пакет процедур машинной обработки и компьютерного структурирования первичных данных, включавший регрессионный и корреляционный анализ поступающей на «вход» социально-политической статистики, использование семантического дифференциала Ч. Осгуда, средств энтропийного анализа и теории графов и т. д.

Наиболее современными являются разработки многоуровневых компьютерных политических игр (программы, опирающиеся на принципы математической теории игр), а также т. н. «искусственного политического интеллекта», опирающегося на методы когнитивной психологии и ориентированного, к примеру, на имитацию процессов принятия решений в условиях дефицита информации, множественности задач и повышенного риска от ожидаемых политических последствий

(современная экспертно-аналитическая система ЦРУ «Factions», функционирующая с середины 1980-х гг. в условиях режима «эксперт—компьютер—эксперт»). В целом же все или почти все новейшие методы и методики политологии начала XXI в. стоят перед той же самой проблемой оптимального сочетания адекватных качественных и усиленных современными ЭВМ количественных приемов анализа все более усложняющихся отношений между людьми по поводу политической власти и влияния.

Аналогичная ситуация складывается при разработке концепции государственного управления, партийной стратегии и тактики, теории принятия решений и ситуационного политического анализа, когда фундаментальные разделы политической науки связываются с теориями власти и политической системы, компаративным (сравнительно-историческим) исследованием политических институтов и культуры и т. д. Прикладное исследование политики, как правило, является *междисциплинарным*, поскольку в фундамент подобного анализа наряду с моделями политической системы попадает изучение действия факторов ее «внешней» среды (экономических, психологических, социокультурных и прочих), требующее систематического привлечения выводов других фундаментальных наук.

Поэтому прикладное политологическое знание в подобном ракурсе выступает вовсе не как эклектичное соединение конкретно-эмпирических выводов различных дисциплин, а скорее как технологический синтез разных абстрактных моделей. Этот синтез дает возможность теоретической интерпретации пестрой мозаики конкретной политической ситуации; он обладает возможностью «встроить» в нее сам социальный субъект, сочетая таким способом в себе определенные черты теоретического, эмпирического и практически ориентированного отношения к действительности.

С точки зрения взаимосвязи теоретической политологии с практической политикой прикладные исследования могут порой доводить свой анализ лишь до оценки расстановки политических сил и прогнозирования вероятных путей развития политических событий, а иногда даже и до разработки практических технологий воздействия на текущую ситуацию, включающих пакет рекомендаций к принятию решений, выбору оптимальных позиций и выработке средств достижения целей.

Вместе с тем весьма важным является вопрос о магистральных направлениях развития методологии современной политической науки в начале III тысячелетия. Его решение в свою очередь предполагает определение наиболее перспективных направлений *фундаментальных и прикладных, теоретических и эмпирических* исследований в свете последних достижений политологии и вычислительной техники.

Информационные технологии и массово-индивидуальные коммуникации не только расширяют возможности и корректность политологических исследований, но и усиливают эффект «корректирующей отдачи». Он заключается в том, что выводы политологов, полученные на основании исследований и «вброшенные» в глобальное политическое пространство, превращаются в программу политических действий, трансформируя прогноз в пророчество, известное, а значит, ожидаемое миллиардами людей.

§ 4. ПОЛИТОЛОГИЯ КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Необходимо рассмотреть, хотя бы схематически, особенности политологии как учебной дисциплины. Учебный курс имеет свою идеологию и методологию, вполне естественно его стремление к логической упорядоченности и организованности накопленного политологического знания, так же как естественным является предположение о существовании неких общих звеньев и логических шагов в изложении выводов, полученных политической наукой.

Оговоримся, что в рамках «политической материи» целесообразно выделить три существующих логических уровня.

Во-первых, это имманентная (внутренняя) логика политики как фрагмента объективной действительности.

Во-вторых, это логика проникновения в политическую действительность, логика познавательного процесса и политологических исследований.

В-третьих, логики изложения материала в дидактических рамках учебного курса политологии. На последнем моменте — оптимальной логике построения учебного курса политологии — мы остановимся отдельно.

Существуют два полярных мнения по вопросу о методике преподавания политической науки в вузе. Первое из них связано с попыткой загнать все многообразие политической жизни в прокрустово ложе системы законов и категорий политологии, логически стройной системы политологических спекуляций. Следствием такой методики является зубрежка политологических схем, понятий и определений. Другая же позиция отдаст студента безбрежному релятивизму отношений политолога со своим объектом и логикой анализа, когда политическая теория становится свободным размышлением над тем, «что и как делают политики». Вероятно, надо стремиться к аристотелевой «золотой середине», избегая и первой, и второй крайности.

Логика построения учебного курса тесно связана и с логикой развертывания политологии как научной дисциплины, и с логикой развития самой политики как объективного предмета. В то же время в ряде случаев логика учебного изложения может отличаться от логики научного познания политики, поскольку последняя движется нередко от поверхности к сущности, а в учебной дисциплине часто начинают с сущностных характеристик, например, с политической субстанции — феномена власти. В этом движении присутствуют закономерные моменты истинного отражения и закономерные «перевертывания» в сознании тех или иных сторон, отношений познаваемого.

В чем же ценность политической науки для специалиста в области менеджмента? Роль этой дисциплины велика, а значение ее трудно переоценить. Политическая наука исследует государство и облегчает адаптацию молодого человека в современном ему социуме. Общеизвестно, что человек в своей жизни играет много социальных ролей; менее повторяемо, что он и живет одновременно и/или последовательно в разных социумах и в разных государственных статусах.

Социумы эти размещены иерархически. Получение высшего образования везде рассматривается как важнейшее условие для претензий на существование в верхних социумах. Но чем выше социум, тем сложнее он устроен и тем меньше надежд на его интуитивное постижение. Существует всеобщее понимание, что для

преуспеяния в политике, бизнесе, научном мире необходимо соответствующее профессиональное образование. Но такого единодушия нет в вопросе потребности в качественном политическом образовании.

Истории о том, насколько преуспели те или иные политически необразованные личности на каком-либо поприще, ничего не доказывают, ибо эти успехи достигнуты не «благодаря», а «вопреки». Счастливые исключения и в этом случае лишь свидетельствуют о существовании врожденных талантов.

За последние тысячелетия мир в базовых социальных ценностях не слишком изменился. Принципы отношений между людьми в коллективе, в профессиональной деятельности и досуге немногим отличаются от библейских. Человечество не в состоянии фундаментально изменить их, зато каждое поколение осваивает их заново. Чтобы хоть немного изменить отношения между людьми, обществу в лице государства приходится прилагать невероятные усилия, постоянно осознавая непрочность достигнутого и ежеминутно сталкиваясь с ренессансом варварства и дикости.

Другое дело — достижения в области естественных и технических наук, инженеринге, маркетинге и менеджменте. Впрочем, если говорить о последних, то эти достижения скорее из разряда сиюминутных, предусматривающих непосредственное развитие и изменение всей системы при возникновении непредсказуемых обстоятельств. Наблюдается парадоксальная ситуация: чем стремительнее развивается технический прогресс, тем скорее устаревают знания, получаемые в этих отраслях. Более того, прогресс техники все более демонстрирует собой ограниченность потенциала человека и человечества. Безграничные возможности первого упираются в ограниченные возможности второго.

Техника помогла облегчить жизнь, но не смогла решить ни одной принципиальной проблемы, зато создала множество новых, ранее неведомых. Решение многих проблем человечества лежит на пути развития социальных наук. Возможно, сегодня у многих это утверждение вызовет скептическую улыбку, но это факт, что научно-технический прогресс не сделал человечество и человека счастливее. А если нет счастья, то все остальное вторично.

Следовательно, изучение социальных наук на вузовской скамье необходимо. Но ему следует придать системный порядок. Системный — это значит, что разрозненные сегодня курсы социальных наук должны преодолеть разобщенность и гармонично объединиться в симфонию. Учебные дисциплины должны быть взаимосвязаны, взаимообусловлены, логично вытекать одна из другой. Информация, полученная в одном курсе, не может противоречить данным, приводимым при изучении другой дисциплины. Естественно, это не касается подходов, которые иллюстрируют многообразие и диалектику научного процесса.

Второе: процесс преподавания и изучения социальных дисциплин есть или, вернее, должен быть процессом изучения социума человеком через человека. Последние столетия учебный процесс развивался по двум основным направлениям: общение с человеком-преподавателем и работа с литературой и оборудованием. Успехи в сфере информационных технологий сформировали у руководства отраслью, да и в обществе в целом, убеждение об устарелости и вторичности живого общения преподавателя и студента в первую очередь в сфере социальных наук, но именно здесь все обстоит с точностью «до наоборот».

Человеку — особенно в молодом возрасте — свойственно познавать мир через человека. А книжно-компьютерная мудрость конструирует специалиста как придаток книги или машины. Ибо тот, кто учит, учит «с себя» и «под себя». Приученные к общению с машиной, специалисты новой генерации все сложнее входят в производственные коллективы, испытывают постоянные стрессы от общения с большим количеством людей, а поэтому проявляется все больше психических расстройств особенно у молодых сотрудников.

Невозможно познать общество, найти себя в нем и занять достойное место, используя только книги и информационные технологии. Требуется знать и ощущать этот мир через динамичную совокупность окружающих нас людей. Учить людей познанию в процессе непосредственной социальной коммуникации — вот задача социальных наук, и нет им в этом эффективной альтернативы.

Анализ глобальной ситуации свидетельствует, что мы присутствуем при становлении процесса саморазрушения социума на основе внутреннего отчуждения его членов. Причем это происходит не за счет уставших от жизни поколений, а через молодых, только входящих в этот мир. Жизнеспособность общества обеспечивается благодаря прямому позитивному взаимодействию его членов. Способность к этому взаимодействию всю предыдущую историю человечества являлась необходимым условием социального успеха и карьерного роста.

Однако сегодня в результате повсеместного распространения технологий это качество индивида начинает отходить на второй план, а магистральной становится способность к опосредованному общению — через компьютер. А это не просто машина, это искусственный интеллект, уже не являющийся только инструментом познания и взаимодействия субъектов коммуникации, но становящийся значимым ее участником, способным придать ей определенную направленность. Причем не факт, что эта заданность соответствует интересам собеседников и они соотносят ее с машинной логикой, а не с представлениями партнера по общению.

В свете происходящих процессов представляется логичным, как минимум, не сокращать объем преподавания социальных дисциплин и не спешить с его информатизацией. В основе изучения социальных наук, по мнению автора, должен остаться принцип «лицом к лицу». Другое дело, что следует стремиться к индивидуализации учебного процесса и избегать организации лекционных курсов в аудиториях, превышающих 100 человек (в этом случае, особенно на младших курсах, преподаватель значительную часть усилий и времени тратит на поддержание порядка и сохранения внимания аудитории; естественно, это отрицательно сказывается на качестве преподавания).

В образовательном процессе, по мнению И. А. Калиниченко, необходимо создание условий для проявления личностью своих неотъемлемых атрибутов: поиска смысла, рефлексии свободы, включающей выбор и ответственность, т. е. создание личностно-развивающей ситуации. Это может быть достигнуто за счет построения нескольких самостоятельных пространств:

- пространство студента в содержании предмета;
- пространство предмета в субъективном пространстве его смыслов студента;
- совместное пространство преподавателя и студента.

Пространство — это позиция, которую занимает студент. Позиция не просто отношение, а обязательно отношение к чему-либо. Тем самым позиция выступает

как место, в котором в результате разрешения противоречия между субъектом и объектом порождается предметное содержание. Объективное пространство содержания изучаемого предмета есть фактически нормативное пространство. Это означает, что студент не может изменить его, а может только овладеть им как культурной профессиональной нормой [66а, 87].

Ситуации, актуализирующие личностные функции студентов и преподавателя, могут быть как реальными, так и «имитационными» в смысле воспроизведения в них нравственных коллизий, связанных с человеческими ценностями и смыслами в отношении содержания той области науки, которую они изучают.

Новый формат личностного подхода к преподаванию социальных дисциплин предполагает активизацию и самоактивизацию двух личностей, преподавателя и студента, и трансформацию среды их взаимодействия (учебная группа и вуз) в сторону признания личностного фактора в качестве принципиально значимого. Это дает возможность реализовать стратегии актуализации личностного потенциала учебных предметов и предполагает преобразование способов познания, общения и сотрудничества. В соответствии с этим осуществляется перекодировка учебного материала — его перевод в коммуникативно-деятельностную (диалоговую, задачу, игровую и т. п.) форму.

Серьезной проблемой преподавания социальных дисциплин, по мнению автора, является использование тестовой формы окончательного контроля знаний. Задачей социальных наук является не тренировка памяти, но овладение навыками самостоятельного анализа и способностью логического изложения своих представлений. Вопреки этому мы, организуя итоговое испытание в виде теста, проверяем ресурсы памяти студента по данной дисциплине и ориентируем его на это в течение всего курса преподавания дисциплины; тем самым низводим изучение социальных дисциплин до простого заучивания терминов, имен, отдельных фактов в их хронологической привязке. В такой схоластической форме социальные дисциплины действительно не нужны.

Роль и задачи изучения социально-экономических дисциплин должны определять форму и методы их изучения, но не наоборот. Механический, бездумный перенос методики преподавания естественных и технических дисциплин на социальные недопустим и порочен. Это самостоятельное направление учебного процесса, во-первых, *необходимо*; во-вторых, *специфично* по форме и методам работы с материалом, условиями его преподавания и организации контроля, полученных студентами знаний.

В настоящее время в силу распространения «всемирной паутины» проблема навигации и сетевого принципа устройства мира знаний и в целом мира культуры становится не просто актуальной. Она ставится во главу угла всей философии образования. Гуманитарно образованный специалист — это универсал и сетевик-навигатор. Он обучается не просто добывать знания. Он определяет свой путь, выстраивает траекторию своего образовательного алгоритма.

Несмотря на проблемы с материально-техническим обеспечением учебного процесса, сегодня акцент необходимо делать уже не на техническое оснащение вузов, а на методологическую и гуманитарную концептуальную проработку вопроса о месте Интернета в образовании. Важно осознать его роль в постановке самоопределения и развития студентов, в формировании у них проектного методологи-

ческого мышления в ситуации все большего расширения и раздвижения границ образовательного пространства.

Мировая практика показывает, что именно медиаобразование как раз и нацелено на развитие «сетевых» или «поисковых» моделей обучения особенно в синтезе с дистанционным и интернет-образованием. Современная система образования в качестве приоритетных целей, по определению А. В. Федорова, рассматривает использование средств массовой коммуникации и медиапедагогики как путь формирования умений ориентироваться в информационном поле, противостояния манипуляциям общественным сознанием, адаптации людей к новым социальным условиям жизни, позитивного саморазвития личности [163а, 137].

А. П. Короченский понимает медиаобразование как долговременную общественно-просветительскую деятельность, направленную не только на школьников и студентов, но и на взрослую аудиторию. В этом случае можно говорить о непрерывном развитии в обществе культуры адекватного восприятия медийных сообщений (статей, радио— и телепередач, фильмов, интернетсайтов и т. д.) и самостоятельной оценки работы средств массовой информации с учетом демократических и гуманных идеалов и ценностей [73а, 164].

Медиаобразование обеспечивает развитие критического мышления аудитории. По мнению М. И. Махмутова, критическое мышление — это способность

- видеть несоответствие высказывания или поведения человека общепринятому мнению или нормам поведения или собственному представлению о них;
- сознавать истинность или ложность теории, положения, алогичность высказывания и реагировать на них;
- уметь отделять ложное, неверное от правильного, верного;
- анализировать, доказывать или опровергать, оценивать предмет, задачу, показывать образец высказывания, поведения и т. д. [93в, 94].

Иными словами, критическое мышление позволяет быть субъектом, а не объектом политического процесса.

Итак, развитие российского высшего образования осуществляется в условиях общего кризиса традиционной образовательной модели. Субъекты образовательного процесса находятся в постоянном поиске новых форм, средств и методов, обеспечивающих вывод образования на уровень, соответствующий формирующемуся информационному обществу. Особенно сложные задачи сегодня встали перед вузовским сообществом в деле подготовки специалистов высшей квалификации в сфере маркетинга и менеджмента.

Одним из действенных средств решения этой проблемы является гуманитаризация учебного процесса. Ее осуществление возможно в двух основных направлениях: социализация преподавания специальных дисциплин и принципиальная трансформация процесса преподавания социальных наук. Коренное изменение процесса преподавания социально-гуманитарных дисциплин является важным средством и условием перехода к новой парадигме и модели высшего образования в России.

Трансформация процесса преподавания социальных наук, а особенно политологии, должна осуществляться за счет повышения роли личностной компоненты

взаимодействия студента и преподавателя. Усиление личностной коммуникации, осуществляемое в процессе преподавания, позволит повысить эффективность процесса подготовки кадров высшей квалификации для маркетинга и менеджмента.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Дайте определение политологии.
2. Охарактеризуйте структуру наук и место политологии среди научного комплекса.
3. Определите место политологии в системе наук.
4. Назовите место политологии в системе социальных наук.
5. Назовите ядро политологического комплекса.
6. Назовите пограничные политологические дисциплины.
7. Дайте определение понятия «методология».
8. Дайте определение термина «парадигма».
9. Назовите известные вам парадигмы политической мысли.
10. Какие вы знаете типологии методов политической науки?
11. Какие общенаучные методы политологии вам известны?
12. Что понимается под социально-гуманитарными методами, используемыми политической наукой?
13. Какие эмпирические методы применяются в политологии?
14. Охарактеризуйте соотношение теоретической и прикладной политологии.
15. Назовите этапы эволюции методов изучения политики.
16. Какие дисциплины входят в комплекс политической науки?
17. Чем отличаются друг от друга социология, политическая социология и политическая наука?
18. Роль политологии в политической социализации молодежи.
19. Каким образом можно истолковать распространенные выражения: «политика как наука и искусство» и «политика — это искусство возможного»?
20. В чем проблема законов в политологии?
21. Назовите особенности современного периода развития политической науки.
22. Что изучает политическая география?
23. Что изучает политическая антропология?
24. Что изучает политическая психология?
25. Что изучает политическая экономия?
26. Что изучает политическая экология?
27. Что изучает политическая коммуникативистика?
28. Что изучает политическая астрономия?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК К РАЗДЕЛУ 1

1. Августин А. Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского / А. Августин. — М. : АСТ, 2006.
2. Августин А. О бессмертии души / А. Августин. — М. : АСТ, 2004.
- 2а. Адорно Т. Исследование тоталитарной личности / Т. Адорно. — М., 2001.
3. Аквинский Ф. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе. — М., 1990.
4. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство / Н. Н. Алексеев. — М., 1998.

5. Алмонд Г. Политическая наука : история дисциплины // Политическая наука : новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. – М., 1999. – С. 69–106.
6. Алмонд Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Полис. – 1992. – № 4.
7. Анненков П. В. Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография / П. В. Анненков. – М., 1957.
8. Аристотель. Политика // Антология мировой политической мысли : в 5 т. – М., 1997. – Т. 1: Зарубежная политическая мысль: Истоки и эволюция.
9. Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Р. Арон. – М., 1993. – С. 46–58, 273–287.
10. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Р. Арон. – М., 1993.
11. Байме К. Партии // Политология вчера и сегодня : вып. 4. – М., 1992.
12. Байме К. Сравнение в политической науке // Социально-политические науки. – 1991. – № 2.
13. Бакунин М. А. Государственность и анархия // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 4. – С. 29.
14. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. Г. Белинский. – М., 1953–1959.
15. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., 1999.
16. Белл Д. Постиндустриальное общество // Американская модель: с будущим в конфликте. – М., 1984.
17. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.
18. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М., 1998.
19. Бердяев Н. А. Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. – М., 1994.
20. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. – М., 1990.
21. Бердяев Н. А. Судьба России : сочинения / Н. А. Бердяев. – М. ; Харьков, 2000.
22. Бердяев Н. А. Новое средневековье : Размышления о судьбе России и Европы / Н. А. Бердяев. – М., 1991.
23. Бжезинский З. Большой провал. Агония коммунизма // Квинтэссенция : философский альманах. – М., 1990.
24. Бжезинский З. Вне контроля. Глобальный беспорядок накануне XXI века // США : Экономика. Политика. Идеология. – 1994. – № 3, 4.
25. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического знания / М. Вебер. – М., 1990.
26. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990.
27. Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. – М., 1994.
28. Гаджиев К. С. Введение в геополитику : учебник / К. С. Гаджиев. – М. : Логос, 2000.
29. Гаджиев К. С. Политология (основной курс) : учебник / К. С. Гаджиев. – М. : Высшее образование, 2005.
30. Гегель Г. В. Ф. Политические произведения / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1978.
31. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1993.
32. Герцен А. И. О социализме : Избранное / А. И. Герцен. – М., 1974.

33. Гессен В. М. Возрождение естественного права / В. М. Гессен. – СПб., 1902.
34. Гессен В. М. Вопросы местного самоуправления / В. М. Гессен. – СПб., 1904.
35. Гессен В. М. Основы конституционного права / В. М. Гессен. – Пг., 1917.
36. Гессен В. М. Теория конституционного государства / В. М. Гессен. – СПб., 1908.
37. Гоббс Т. Левиафан : соч. : в 2 т. / Т. Гоббс. – М., 1990.
38. Градовский А. Д. Сочинения / А. Д. Градовский. – СПб., 2001.
39. Гроций Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. – М., 1994.
40. Гусейнов А. А. Великие моралисты (О Конфуции) / А. А. Гусейнов. – М., 1995.
41. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. – М., 1969.
42. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества / Дж. Гэлбрейт. – М., 1976.
43. Гэлбрейт Дж. Капитализм, социализм, сосуществование / Дж. Гэлбрейт, С. М. Меньшиков. – М., 1988.
44. Даль Р. О демократии / Р. О. Даль. – М., 2000. – С. 83–98.
45. Даль Р. Современный политический анализ : Политология (70–80-е гг.) / Р. Даль. – М., 1993.
46. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому / Н. Я. Данилевский. – СПб., 1995.
47. Дарендорф Р. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением // Полис. – 1997. – № 6.
48. Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному сообществу // Полис. – 1993. – № 5.
49. Дарендорф Р. Тропы из утопии / Р. Дарендорф. – М., 2002.
50. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках : пер. с лат. и фр. // Соч. : в 2 т. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 250–296.
51. Дильтей В. Сущность философии / В. Дильтей. – М., 2001.
52. Древнекитайская философия : собр. текстов (Слова Конфуция) : в 2 т. – М., 1972. – Т. 1. – С. 142–143.
53. Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексева. – М., 1997. – Т. 2.
54. Дюверже М. Политические партии : пер. с фр. / М. Дюверже. – М. : Академический Проект, 2002. – 558 с.
55. Дюркгейм Э. Социология / Э. Дюркгейм. – М., 1995.
56. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М., 1996.
57. Зарубежная политология в XX столетии : сб. науч. тр. / под ред. М. В. Ильина. – М., 2001.
58. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Л., 1991.
59. Иеринг Р. Борьба за право / Р. Иеринг. – М., 1991.
60. Иеринг Р. Цель в праве / Р. Иеринг. – СПб., 1881.
61. Ильин И. А. Кое-что об основных законах будущей России // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Б. Н. Бессонов. – М., 1997. – Т. 4.
62. Ильин И. А. О грядущей России / И. А. Ильин. – М., 1993.
63. Ирхин Ю. В. Политология : учебник / Ю. В. Ирхин. – М., 2006.
64. Истон Д. Категории системного анализа политики / Д. Истон // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексева. – М., 1997. – Т. 2.
65. История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсисянца. – М., 1997.
66. Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / К. Д. Кавелин. – М., 1989.

- 66а. Калининченко И. А. Создание позиционной модели обучения студентов дисциплинам социально-гуманитарного цикла в контексте личностно-ориентированного образования // Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе : сб. науч. тр. Вып. 7. – Волгоград, 2004. – С. 85–90.
67. Кампанелла Т. Город Солнца / Т. Кампанелла. – М., 1954.
68. Кант И. Метафизические начала учения о праве // Соч. : в 6 т. – М., 1976. – Т. 4.
69. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием / С. Кара-Мурза. – М. : Эксмо-Пресс, 2003.
70. Ковалевский М. М. Сочинения : в 2 т. / М. М. Ковалевский. – СПб., 1997.
71. Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж. А. Кондорсе. – М., 1936.
72. Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении) / О. Конт ; пер. с фр. И. А. Шапиро. – Ростов н/Д : Феникс, 2003.
73. Конфуций. Уроки мудрости : соч. : пер. с древнекит. / сост., вступ. ст. и коммент. М. А. Блюменкранца. – М. : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 2000.
- 73а. Короченский А. П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка / А. П. Короченский. – Ростов : МИЖФ, 2002.
74. Кропоткин П. А. Современная наука и анархизм // Антология мировой политической мысли / отв. ред. В. И. Бессонов. – М., 1997. – Т. 4.
75. Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия / П. А. Кропоткин. – М., 1990. – С. 247.
76. Кропоткин П. А. Анархия, ее философия, ее идеал : соч. / П. А. Кропоткин. – М., 1999.
77. Кропоткин П. А. Этика : Избранные труды / П. А. Кропоткин. – М., 1991.
78. Лавров П. Л. Избранные сочинения на социально-политические темы : в 8 т. / П. Л. Лавров. – М., 1934–1935.
79. Лассуэлл Г. Д. Принцип тройного воздействия: ключ к анализу социальных процессов // Социс. – 1994. – № 1.
80. Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов : Подходы, решения, технологии / М. М. Лебедева. – М., 1997.
81. Ледяев В. Г. Политика и власть как общественные явления // Политология : учебник / под ред. В. И. Буренко, В. В. Журавлева. – М., 2005.
82. Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М., 1958. – Т. 33.
83. Ленин В. И. Последние письма и статьи // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М., 1958. – Т. 45.
84. Липсет С. Американская демократия в сравнительной перспективе // Сравнительная социология / ред. И. Орлова. – М., 1995.
85. Локк Дж. Два трактата о правлении : соч. : в 3 т. / Дж Локк. – М., 1988. – Т. 3.
86. Лютер М. Время молчания прошло : избр. произв. 1520–1526 гг. / М. Лютер ; пер. с нем., ист.-биогр. очерк и коммент. Ю. А. Голубкина. – Харьков, 1992.
87. Лютер М. Избранные произведения / М. Лютер. – СПб., 1994.
88. Лютер М. Лекции по «Посланию к Галатам» : пер. с англ. / М. Лютер. – Минск, 1997.
89. Лютер М. Лекции по «Посланию к римлянам» : пер. с англ. / М. Лютер. – Минск, 1996.
90. Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Макиавелли ; предисл. Е. И. Темнова. – М., 1996.
91. Маркова А. В. Философия политики А. И. Стронина / А. В. Маркова. – М., 1995.

92. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Соч. – Изд. 2-е.– М. : Политиздат, 1968. – Т. 1.
93. Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 3.
- 93а. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Соч. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 42.
- 93б. Маркс К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Энгельс Ф. // Соч. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 4.
- 93в. Махмутов М. И. Интеллектуальный потенциал россиян: причины ослабления // Педагогика. – 2001. – № 10. – С. 91–100.
94. Мерриам Ч. Новые аспекты политики // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2. – С. 176–184.
95. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. – 1992. – № 2/4.
96. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. – 1992. – № 2/3.
97. Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. – М., 1994.
98. Местр Ж. М. Рассуждения о Франции / Ж. М. Местр. – М., 1997.
99. Местр Ж. М. Санкт-Петербургские вечера / Ж. М. Местр. – М., 1998.
100. Миллс Р. Властвующая элита / Р. Миллс. – М., 1959.
101. Милль Д. О свободе // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 1. Зарубежная политическая мысль: Истоки и эволюция.
102. Мильтон Дж. Ареопагитика // История печати : антология. – М., 2001.
103. Мирошниченко А. А. Выборы: от замысла до победы (Предвыборная кампания в российском регионе) / А. А. Мирошниченко. – М. : Центр, 2003.
104. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 2. – С. 186–197.
105. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения (О духе законов) / Ш. Л. Монтескье. – М., 1956.
106. Мор Т. Утопия / Т. Мор.– М.,1978.
107. Моска Г. Правящий класс // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2. – С. 118–134.
108. Муромцев С. Право и справедливость // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Социально-политические исследования. – 1993. – № 4. – С. 75–81.
109. Мухаев Р. Т. Политология : учеб. для студентов вузов / Р. Т. Мухаев. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М., 2005.
- 109а. Нейсбит Дж. Высокая технология, глубокая гуманность технологии и наши поиски смысла / Дж. Нейсбит при участии Наны Нейсбит и Дугласа Филдипса ; пер. с англ. А. Н. Анвасра. – М. : АСТ ; Транзиткнига, 2005.
110. Новгородцев П. И. Об общественном идеале / П. И. Новгородцев. – М., 1991.
111. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П. И. Новгородцев. – М., 1996.
112. О России и русской философской культуре. Философы русского зарубежья: Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский, П. А. Сорокин, Г. П. Федоров, Г. В. Флоровский. – М., 1990.
113. Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения : в 2 т. / Н. П. Огарев. – М., 1952–1956.

114. Ольшанский Д. В. Политический консалтинг / Д. В. Ольшанский, В. Ф. Пеньков. – СПб., 2005.
115. Ольшанский Д. Политический PR / Д. Ольшанский. – СПб. : Питер, 2003.
116. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии / М. Я. Острогорский. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.
117. Оукшот М. Рационализм в политике / М. Оукшот. – М., 2002.
118. Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2. – С. 59–78.
119. Парето В. О применении социологических теорий: (Из наследия итальянского социолога) // Социологические исследования. – 1995. – № 10; 1996. – № 1, 2, 7, 10.
120. Парето В. Социалистическая опасность // Социологические исследования. – 2001. – № 5.
121. Парето В. Социалистические системы // Теоретическая социология: Антология : в 2 ч. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. – М. : Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 1.
122. Парето В. Трансформация демократии // Тексты по истории социологии XIX–XX вв. : хрестоматия / сост. и отв. ред. В. И. Добренков, Л. П. Беленкова. – М., 1994. – С. 169–177.
123. Паркинсон С. Н. Полный свод Законов Паркинсона и миссис Паркинсон / С. Н. Паркинсон. – М. : ЭКСМО, 2005.
124. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М. : Аспект-Пресс, 1997.
125. Пейн Т. Избр. соч. / Т. Пейн. – М., 1959.
126. Пенто Р. Методы социальных наук / Р. Пенто, М. Гравитц. – М., 1972.
127. Пестель П. «Русская Правда» // Восстание декабристов. Документы. – М., 1958.
128. Писарев Д. И. Сочинения : в 4 т. / Д. И. Писарев. – М., 1955–1956.
129. Платон. Государство. Законы. Политика / предисл. Е. И. Темнова. – М., 1998.
130. Плеханов Г. В. Философско-литературное наследие. История русской общественной мысли : в 3 т. / Г. В. Плеханов. – М., 1973–1974.
131. Победоносцев К. П. Сочинения / К. П. Победоносцев. – СПб., 1996.
132. Политология : курс лекций : учеб. пособие для вузов / А. Д. Бырышев, О. Г. Овчинников, Е. Ю. Титов, А. С. Торгашев, Н. К. Стрельцов. – М., 2005.
133. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер. – М. : Ника-Центр, 2005.
134. Пугачев В. П. Введение в политологию : учебник для студентов вузов / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М., 2003.
135. Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения / А. Н. Радищев. – М., 1952.
136. Ростиславлев Д. А. Теория конституционного общества Л. де Бональда // Право и права человека. Кн. 7. – М. : Логос, 2004. – С. 244–259.
137. Русская философия права : философия веры и нравственности : антология / сост. А. П. Альбов [и др.]. – СПб., 1997.
138. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре / Ж. Ж. Руссо. – М., 1998.
139. Сартори Д. Пересматривая теорию демократии // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2. – С. 713–729.
140. Сен-Симон А. Избранные сочинения : в 2 т. / А. Сен-Симон. – М. ; Л., 1958.

141. Сергеевич В. И. Задача и методы государственных наук. Очерки современной политической литературы / В. И. Сергеевич. – М., 1871.
142. Современный либерализм : Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. – М., 1998.
143. Согрин В. В. Либерализм Запада XVII–XX веков / В. В. Согрин, А. И. Патрушев, Е. С. Токарева, Г. М. Фадеева. – М., 1995.
144. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии : учеб. для студ. вузов / А. И. Соловьев. – М., 2003.
145. Соловьев В. С. Избранное / В. С. Соловьев. – М., 1990.
146. Сорокин П. А. Современное состояние России // Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии : статьи разных лет. – М., 1994.
147. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М., 1992.
148. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – СПб., 2000.
149. Сперанский М. М. Проекты и записки / М. М. Сперанский. – М. ; Л., 1961.
150. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов / М. М. Сперанский ; отв. ред. И. Д. Осипов. – СПб., 2002.
151. Станкевич Н. В. Избранное / Н. В. Станкевич. – М., 1982.
152. Струве П. Б. Избранные сочинения / П. Б. Струве. – М., 1999.
153. Ткачев П. Н. Сочинения : в 2 т. / П. Н. Ткачев. – М. : Мысль, 1975.
154. Токвиль А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль. – М., 1992.
155. Тофлер О. Метаморфозы власти / О. Тофлер. – М., 2001.
156. Троцкий Л. Д. К истории русской революции / Л. Д. Троцкий. – М., 1990.
157. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права / Е. Н. Трубецкой. – СПб., 2000.
158. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой. – М., 1994.
159. Трубецкой Е. Н. Мирозозерцание Вл. Соловьева : в 2 т. / Е. Н. Трубецкой. – М., 1913.
160. Уваров С. С. Меморандум Николаю I / публ. А. Зорина // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 26.
161. Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения // Река времен : Книга истории и культуры. Кн. 1. – М., 1995.
162. Фавр П. Политическая наука во Франции // Полис. – 1996. – № 6.
163. Федералист : полит. эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея : пер. с англ. / под общ. ред. и с пред. Н. Н. Яковлева. – М., 2000.
- 163а. Федоров А. В. Медиаобразование, медиаграмотность, медиакритика и медиакультура // Высшее образование в России. – 2005. – № 6. – С. 134–138.
164. Франк С. Л. Ересь утопизма // Квинтэссенция : философский альманах. – М., 1991.
165. Франк С. Л. Русское мировоззрение / С. Л. Франк. – СПб., 1996.
166. Франк С. Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Начала. – 1991. – № 3.
167. Франк С. Л. Этика нигилизма. Вехи / С. Л. Франк. – М., 1991.
168. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М., 1990.
169. Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм. – М., 1992.
170. Фромм Э. Пути из большого общества / Э. Фромм // Проблема человека в западной философии. – М., 1988.
171. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М., 1990.

172. Хабермас Ю. Вовлечение другого : Очерки полит. теории / Ю. Хабермас. – СПб., 2001.
173. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М., 1995.
174. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. – 1992. – № 4.
175. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб., 2000.
176. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. – 1993. – Т. 1, вып. 2.
177. Хомяков А. С. Сочинения : в 2 т. / А. С. Хомяков. – М., 1994.
178. Цицерон М. Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях : Речи. Письма / М. Т. Цицерон. – М., 1999. – С. 316.
179. Чаадаев П. Я. Избранные сочинения и письма / П. Я. Чаадаев. – М., 1991.
180. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 16 т. / Н. Г. Чернышевский. – М., 1939–1953.
181. Чичерин Б. Н. О народном представительстве // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Б. И. Бессонов. – М., 1997. – Т. 4.
182. Чичерин Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. – СПб., 1998.
189. Шмитт К. Понятие политического // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2. – С. 291–309.
190. Шумпетер Й. А. Капитализм. Социализм. Демократия / Й. А. Шумпетер. – М., 1995.
191. Энгельс Ф. Об авторитете // Соч. – М., 1968. – Т. 18.
192. Эрме Г. Авторитаризм // Политология вчера и сегодня. Вып. 3. – М., 1991. – С. 198–205.
193. Юм Д. Трактат о человеческой природе : в 2 т. / Д. Юм. – М., 1995.

Часть 2

ФОРМА ПОЛИТИКИ

Раздел 2

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Глава 4

СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Человеческое общество не представляет собой механической совокупности людей. Это очень сложная саморегулирующаяся система. Общество может быть понято как большое упорядоченное объединение, в рамках которого происходит постоянное и устойчивое взаимодействие людей. В результате этого возникают связи, на базе которых формируются социальные отношения. Отсюда вытекает, что общество есть совокупность разнообразных взаимодействий, связей и отношений социальных субъектов.

Функционально общество выступает как способ существования человека, только в рамках общества человек становится личностью, т. е. осуществляется его социализация. Общество как системная целостность может быть условно расчленено на подсистемы, представляющие собой части общества, организационно и содержательно оформленные. Это экономическая, социальная, политическая и культурная подсистемы.

§ 1. ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

4.1.1. Понятие политической системы

4.1.1.1. Появление термина

Понятие «политическая система», порожденное логикой развития политической науки, приведшей к необходимости описания политической жизни с системных позиций, глубокое обоснование и широкое распространение получило лишь в середине XX в. Появление этой категории непосредственно связано с развитием системного анализа общества, предложенного Т. Парсонсом [62]. Впервые теория политических систем была детально разработана крупным американским политологом Д. Истоном [33] в 1950—1960-х гг. Затем она получила развитие в трудах Г. Алмонда [3, 4, 5], У. Митчела, К. Дойча [25], А. Этциони [90], Д. Дивайна [24] и многих других ученых.

4.1.1.2. Характеристика

Общественная жизнь представляет собой сложную систему экономических, социальных, национальных, идеологических и др. отношений, среди которых особое место занимают политические отношения — отношения к политической (го-

сударственной) власти. Политические отношения сложны и многообразны. В каждом суверенном государстве существует политическая система, с присущими только ему особенностями, через которую проходит нерв всей социально-экономической и духовной жизни общества. Здесь происходит столкновение и согласование интересов различных общественно-политических сил, принимаются властные решения, способы осуществления которых зависят от сущности политического режима, функционирующего в данном обществе.

Политическая система — продукт эволюционного и революционного развития страны, имеющий место там и тогда, где и когда в обществе есть государство, а следовательно, политическая жизнь и политические отношения.

Для политической системы характерно совместное реагирование всех элементов на внешнее воздействие. Именно из взаимодействия, кооперации рождается способность политической системы к быстрой мобилизации необходимых ресурсов для решения той или иной проблемы. В этом случае усилия государственных органов опираются на участие граждан, пользуются поддержкой разнообразных политических и общественных организаций, партий, находят одобрение в общественном мнении.

Политическая система общества отражает многообразные интересы социальных групп, которые непосредственно или через свои организации и движения оказывают определенное влияние на политическую власть. В случае соответствующего признания эти интересы реализуются при помощи политически управляемых структур через политический процесс, т. е. путем принятия и осуществления политических решений. Политическая система представляет собой необходимый механизм, посредством которого осуществляется полновластие, суверенитет народа.

Политическую систему составляют подсистемы, структуры и процессы, она взаимодействует с другими подсистемами: социальной, экономической, идеологической, культурной, правовой. Пределы политической системы определяются границами, в рамках которых политические решения данной системы обязательны и реально исполняются.

Понятие политической системы выражает единство двух сторон политики: организации и деятельности, структуры и действия.

Политическая система отличается от других систем общества четырьмя характеристиками:

- она является *универсальной* по охвату данного общества своим воздействием, распространяющимся на всех его членов;
- она претендует на итоговый контроль над применением физического *принуждения*; ее право выносить обязывающие решения принимается в качестве легитимного;
- ее решения являются *авторитетно-властными*, несущими в себе силу легитимности и существенную вероятность того, что им подчиняются.

Формирование политической системы связано с постепенным приобретением политическими отношениями ряда существенных признаков:

во-первых, это устойчивая взаимозависимость различных элементов политической жизни. Если такой взаимозависимости нет, возникает состояние, противоположное целостности, системности, — распад, дезинтеграция общества;

во-вторых, упорядоченность политических отношений, наличие оптимального сочетания их стабильности и развития. Значение упорядоченности в обществе определяется тем, что она служит важнейшим условием продуктивного и целенаправленного изменения социальных отношений. Политическая жизнь — чрезвычайно динамичное явление, элементы неупорядоченности, нарушения сложившихся связей и способов их регуляции в ней постоянно присутствуют, т. к. любое развитие связано с тем или иным нарушением стабильности. Но уровень неупорядоченности политических и социальных процессов не должен понижаться до такой степени, когда возникает очевидная и реальная угроза безопасности людей. Если это все-таки происходит и государство не выполняет своей важнейшей функции, оно теряет поддержку граждан, начинается интенсивный поиск альтернатив, и они, как правило, находятся. Причем, поскольку отбор происходит в критических условиях, новый вариант порядка оказывается далеко не лучшим, а зачастую и просто более опасным;

в-третьих, у политической системы есть культурное основание. Это общность ценностей, совокупность политических символов, убеждений, принятых членами политической общности. Единство, интеграция в сфере политики возможны только при наличии определенной духовной связи, благодаря которой люди могут хотя бы понять друг друга. Исторический опыт показывает, что политические системы, способные к длительному, стабильному существованию, такие ценности обязательно имеют. Они разделяются большинством членов общества, закладываются в системы воспитания. Например, в политической культуре США такими ценностями служат:

- 1) «американская мечта» — уверенность в зависимости личного успеха от собственных усилий и способностей;
- 2) отношение к своей стране как богоизбранной, предоставляющей человеку уникальные возможности для самореализации;
- 3) известный тезис «Мы верим в Бога», связывающий веру в Бога и политику, который можно прочесть на гербе страны.

Политическая система любого общества характеризуется наличием определенных механизмов, которые гарантируют ему устойчивость и жизнеспособность. При помощи этих механизмов разрешаются социальные противоречия и конфликты, координируются усилия разных общественных групп, организаций и движений, гарантируются общественные отношения, достигается консенсус относительно основных ценностей, целей и направлений общественного развития. Благодаря этим механизмам общество в целом или правящая элита оказывают сопротивление деструктивным социальным силам, отражают посягательства на принципы и устои общественного строя.

Политическая система общества характеризуется рядом *особенностей*:

- 1) верховенством над другими системами;
- 2) обусловленностью социально-экономической структурой обществ;
- 3) относительной самостоятельностью.

Эти особенности, а также большая емкость основных категорий «политологии как власти и политики», породили множество подходов к понятию «политическая система общества»:

- **институциональный** — исследованию подвергаются элементы политической системы (государство, партии, общественно-политические объединения, а также нормы, регулирующие деятельность и взаимодействие этих институтов) и взаимодействие политических институтов;
- **функциональный** предполагает рассмотрение политической системы по функциям ее отдельных институтов;
- **регулятивный** предназначен для изучения политической системы как регулятора внутренней жизни;
- **коммуникативный** основан на анализе связей и отношений между элементами политической системы.

Различаются два основных аспекта рассмотрения понятия «политическая система общества» — общий и системный. В первом случае понятие политической системы включает в себя то, что принимают во внимание отдельные авторы, исходя из конкретного случая. В зависимости от времени и места оно будет иметь различное содержание, так как значительные компоненты политической системы варьируются соответственно типу политического режима (авторитаризм, демократия, диктатура) и общественной системы (капитализм, социализм). Системно-теоретический подход (второй аспект) позволяет дать более точное определение, так как его представители исходят из определенных функций политических систем и прежде всего разрабатывают аналитическую схему изучения всего многообразия политических систем.

Первый подход, характеризующийся расплывчатым пониманием политической системы, противопоставляет политическую систему другим феноменам и абстрактным категориям, например, государству, конституции и правительственной системе.

Политологи разработали ряд моделей, позволяющих наглядно представить и понять функционирование политических систем. Рассмотрим две из них, составляющие основу теории политических систем — модели американских политологов Д. Истона [33] и Г. Алмонда [3, 4, 5].

Д. Истон в работах «Политическая система» (1953), «Предел политического анализа» (1965), «Системный анализ политической жизни» (1965) изложил основу анализа любой политической системы какой-либо страны, а также составляющих эту систему подсистем: парламента, правительства, местного самоуправления, политической партии, общественной ассоциации. По Д. Истону, политическая система — это саморегулирующийся и развивающийся организм, реагирующий на поступающие извне импульсы.

У системы есть вход, на который извне поступают импульсы в форме требований (конструктивных и деструктивных) и поддержки (или протеста). Требования могут возникать и формулироваться как в окружающей среде, так и внутри самой системы. Поддержка может выражаться в выплате налогов, военной службе, соблюдении законов, участии в голосовании, лояльном отношении к государственной власти и ее символам. Независимо от места своего происхождения требования и поддержка становятся частью политической системы и должны учитываться ею в соответствующих структурах и при соблюдении определенных процедур. Например, в ходе коллективных переговоров учитывается требование индексировать заработную плату учителей.

Выход информации — результат функционирования политической системы — осуществляется в виде решений и политических действий. Эти решения и действия оказывают влияние на окружающую социальную среду. Поддержка, оказываемая системе, усиливается, если данные решения и действия соответствуют ожиданиям и требованиям многочисленных слоев и групп населения. В результате в системе усилятся стабилизационные процессы. В случае полного или частичного несоответствия ожиданиям политические решения могут иметь негативные последствия, породить новые требования, что может привести к частичному или полному кризису политической системы. В этом случае в обществе множатся дестабилизирующие процессы.

Требования занимают важное место в разнообразной информации, поступающей в систему и свидетельствующей об ожиданиях, мотивах и интересах людей. Д. Истон разделил эти требования на распределительные (о зарплате и рабочем времени, об условиях получения образования, услугах), регулировочные (об обеспечении общественной безопасности, контроле над рынком и т. п.), коммуникативные (о предоставлении политической информации, о демонстрации политической силы и др.).

Политическая система является открытой: она подвержена многочисленным воздействиям, идущим из окружающей среды. Такое воздействие может быть слабым, тогда политическая система не имеет достаточной информации для принятия стабилизирующих общество решений. Такое воздействие может быть сильным, но односторонним, и тогда система принимает решение в интересах какого-либо одного слоя, а это также может дестабилизировать ситуацию. Наконец, воздействие может быть настолько сильным, что происходит перенасыщение информацией, и это может привести к ошибочным решениям.

Выходные действия политической системы, по Д. Истону, обусловлены ее главным предназначением, самой природой политической власти. Она состоит в обязательном представлении политических решений, авторитарном распределении обеспечении принятия их населением. Политическое решение и является формой авторитарного распределения ценностей.

В отличие от Д. Истона, Г. Алмонд рассматривает политическую систему как множество взаимодействий, поведений, как государственных, так и негосударственных, которые необходимо исследовать. Он отмечает, что любая политическая система имеет свою собственную структуру, является многофункциональной; все политические системы осуществляют одни и те же функции и смешаны в культурном смысле. Многофункциональность системы, подчеркнем это, является важной особенностью. В частности, несмотря на провозглашенный принцип разделения властей, многие функции (в каждой системе свои) неразделимы. Например, вмешательство парламента в текущую политику, в законотворческую деятельность правительства и президента происходит во многих странах мира. Смешанность политических систем в культурном смысле означает, что нет, например, «чистого» президентского или «чистого» парламентского правления.

Модель Г. Алмонда преодолевает некоторые недостатки модели Д. Истона. Она учитывает психологические, личностные аспекты политических взаимодействий, импульсы, поступающие не только извне, от народа, но и поступающие от правящей элиты. Правительство, к примеру, решает множество вопросов, имею-

щих мало общего с интересами и желаниями граждан (применение насилия в отношении отдельных социальных групп, начало войны).

Вход информации, по Г. Алмонду, складывается из политической социализации и мобилизации населения, анализа существующих интересов, высказанных и невысказанных, укрупнения (обобщения и интеграции) интересов, политических коммуникаций (связей и взаимосвязей различных политических сил).

Функции выхода информации состоят из установления правил (законодательная деятельность), применения правил (исполнительная деятельность правительства), формализации правил (придание им юридического оформления), непосредственного выхода информации (практическая деятельность правительства по осуществлению внутренней и внешней политики). Таким образом, к важнейшим функциям политической системы относится изучение ситуации и учет ее особенностей, а также политическое решение выявленных проблем.

В данной модели основное внимание уделено множественности различных интересов внутри системы, их столкновению и объединению, учету этих интересов системой.

4.1.1.3. Сравнение политической системы с политическим режимом

В ходе исследований политической системы обнаружилось и ошибочные пути, и неоднозначные представления. Наиболее сложным является вопрос о соотношении понятий «*политическая система*» и «*политический режим*». *Политический режим* — это способ функционирования политической системы общества, определяющий характер политической жизни, отражающий уровень политической свободы в стране и отношение органов власти к правовым основам их деятельности.

Существуют концепции, объединяющие политическую систему с государством. По сравнению с политической системой государство является гораздо более абстрактной, не так легко дефинируемой категорией, имеющей иные, конституирующие его черты (территория, население, монополия на применение силы и т. п.). Государство более долговечно. Понятие политической системы более узкое, ограниченное, в частности, формами господства, типами режима (демократия, диктатура), типами политической системы (президентская, парламентская), отношениями власти (партии, правительство) и формами общественной и политической репрезентации (плюрализм, корпоративизм).

Правительственная система от политической системы отличается тем, что в расчет берутся не только политические институты, но и реалии и изменения общественной среды, исследуется взаимодействие между институтами и обществом. Представление о том, что в политической системе существует взаимозависимость между системой институтов и общественно-политическими процессами, приводит к необходимости уточнения понятия «политическая система», предложенного в системной теории.

В случае законодательной системы речь идет о действии закона на определенной территории, в случае муниципалитета — его акты ограничены его территорией, в случае политической партии — учитываются пределы действия устава, программы, партийных решений.

4.1.1.4. Два значения термина

В современной науке понятие политической системы, по мнению В. П. Пугачева, имеет два взаимосвязанных значения. В первом из них *политическая система представляет собой искусственно созданный, теоретический, мыслительный конструкт, инструмент, позволяющий выявлять и описывать системные свойства различных политических явлений*. Эта категория отражает не саму политическую реальность, а является средством системного анализа политики. Она применима к любому целостному политическому образованию: партии, государству, профсоюзу, политической культуре и т. д. Каждое из этих образований является специфической политической системой.

Использование термина «политическая система» в его втором, методологическом значении применительно ко всей политической сфере предполагает ее рассмотрение *как целостного организма, находящегося в сложном взаимодействии с окружающей средой — всем остальным обществом через «вход» — каналы влияния среды на политическую систему и «выход» — обратное воздействие системы на среду*. Политическая система выполняет по отношению к среде ряд функций. Это определение целей и задач общества, программы его деятельности; мобилизация ресурсов на достижение поставленных целей; интеграция всех элементов общества с помощью пропаганды общих целей и ценностей, использования власти и т. д.; обязательное для всех распределение дефицитных ценностей [71, 171].

Практическая значимость теории политической системы состоит, что она

- 1) позволяет выработать рекомендации по совершенствованию структуры реальной политической системы и улучшению деятельности всех ее структурных элементов;
- 2) способствует укреплению экономических, социальных и политических основ существующего общества;
- 3) служит для определения стрессовых ситуаций и уровня политической стабильности в той или иной стране и способствует выработке мер по устранению стрессовых ситуаций и повышению уровня стабильности.

4.1.1.5. Определения политической системы

Разнообразные политические явления неразрывно связаны между собой и составляют определенную целостность, социальный организм, выделяющийся из остального общества. Это их свойство и отражает понятие политической системы.

Современные интерпретации политических систем отличаются разнообразием концепций. Существует до двух десятков определений данного понятия, в основе которых различные критерии.

Большинство западных политологов под *политической системой понимают совокупность политических взаимосвязей и отношений, существующих в каждом политическом сообществе*. Например, по мнению Д. Истона, «можно идентифицировать политические взаимодействия в обществе как его политическую систему, нежели как правительство, государство, власть или комплекс процессов принятия решений». Как считает Д. Истон, «мы можем охарактеризовать политическую систему как поведение или комплекс взаимодействий, с помощью которых достига-

ется и осуществляется для общества властное размещение ресурсов (или обязывающие решения)» [33, 632].

Ряд отечественных исследователей, в частности, К. С. Гаджиев считает, что «политическая система представляет собой комплекс институтов и организаций, в совокупности составляющих политическую самоорганизацию общества. Это, прежде всего, институты и органы управления, руководства и координации политической жизни. Центральным, или осевым, институтом политической системы, вокруг которого группируются остальные институты, является государство» [18, 97].

При таком понимании политическая система практически совпадает с понятием политика и в значительной степени затрудняет политологический анализ. Автор в значительной степени разделяет трактовку В. П. Пугачева, понимающего политическую систему как *«реальный сложный механизм формирования и функционирования власти в обществе»* [71, 172]. По его мнению, этот механизм включает государство, а также партии, политические ассоциации и объединения различных политических субъектов и их взаимоотношения, политическое сознание и культуру, политические нормы.

Вместе с тем дополнение к определению фактически приводит его к точке зрения К. С. Гаджиева и делает формулировку мало функциональной. Выполняя всюду одну и ту же роль — осуществление господства властных функций правящей общественно-политической силы — сами политические системы не остаются одними и теми же на разных этапах истории и в разных географических и социально-экономических условиях.

Поэтому автор предлагает определять *политическую систему как властно-идеологический субстрат, являющийся организующей и определяющей сферой, в которой осуществляется непрерывное и непосредственное политическое взаимодействие государственных структур, социальных групп и индивидов.*

Эта формулировка позволяет рассматривать все многообразие политической жизни как конкретную политическую систему, отличающуюся от иной даже при сходстве институциональных подсистем.

4.1.2. Структура политической системы

Политическая система общества представляет собой определенную структуру, элементы которой взаимосвязаны и образуют устойчивое единство. В структуре политической системы учеными выделяются подсистемы:

- 1) институциональная (организации, учреждения);
- 2) нормативная (нормы правовые и моральные, политические традиции);
- 3) функциональная (формы и направления политической деятельности, различные политические процессы, способ и методы осуществления власти);
- 4) коммуникативная (объединяющие связи, формы взаимодействия, например, между партиями и государством, между политической и экономической подсистемами);
- 5) идеологическая (взгляды).

В научной литературе нередко выделяют пять главных групп элементов политической системы:

- политическая организация;
- политические отношения;
- политические и правовые нормы;
- политическое сознание;
- политическая культура.

Центральным элементом, стержнем политической системы является политическая власть, подобно тому, как в экономической системе таким элементом служит собственность. Выделение политической власти как основополагающего элемента политической системы помогает установить компоненты этой системы, т. е. определить ее структуру, границы.

Главные элементы политической системы общества и механизм их функционирования отражаются в конституции государства, в законодательстве, которые регулируют принципы формирования и деятельность органов государственной власти, права и обязанности государственных, партийных, хозяйственных и общественных организаций.

Наиболее активной и динамичной частью политической системы общества является его *политическая организация*. Любой вид политической деятельности осуществляется в организованных формах — через совместные действия, подчиненные единой цели и регулирующиеся определенными правилами, нормами, принятыми в данной общности. Именно благодаря организации осуществляется перевод идеологической, или моральной, силы в материальную, идеи становятся правилами поведения. Организация вследствие этого выступает важнейшим средством формирования единой воли.

В тех случаях, когда народ той или иной страны вступает в политические отношения, не имея даже в какой-то степени развитой политической организации, ее функции берут на себя другие силы: армия, племенные структуры, религиозные сообщества.

Процесс воплощения идей в нормы, правила поведения, а затем в принципы существования политической организации называется *институционализацией*. В ходе нее происходит формирование политической организации общества. Отношение разрыва, антагонизма идеи и организации порождает обратный процесс — деинституционализацию, разрушение политической организации, нарастание разрыва между поведением людей и регулирующей его нормой. Очевидна органическая связь политики и институционализации, все многообразие политической деятельности осуществляется в организованных формах, а их распад негативно влияет на политику.

Политическая организация общества — это совокупность конкретных организаций и учреждений, выполняющих определенные функции. В результате их взаимодействия и осуществляется политическая власть в обществе.

Политическая организация, или институциональная подсистема, представляет собой совокупность социальных институтов и организаций, связанных с функционированием политической власти. Они могут быть собственно политическими, несобственно-политическими, неполитическими.

Собственно политические организации и институты прямо и непосредственно осуществляют политическую власть в полном объеме либо, по крайней мере, к этому стремятся. Осуществление власти либо борьба за власть — главное в их дея-

тельности. Собственно политическими организациями являются государство и политические партии.

Государство — концентрированное воплощение идеи политического. Именно вокруг государства группируются остальные политические институты, борьба между различными социально-политическими силами разворачивается за завоевание государственной власти и рычагов государственного управления. Государство по своему существу призвано обеспечить целостность и единство институтов и структур, выполняющих разнообразные функции управления. Например, политические партии, избирательная система, система представительства и т. д. немислимы сами по себе вне их связи с государством. Оно реализует отношения власти и контроля в обществе. В этом контексте государство представляет собой базисную структуру правления и порядка в обществе.

Если партии и другие институты представляют интересы и позиции тех или иных категорий и группировок граждан в политической системе, то государство представляет всеобщий интерес, оно есть главный инструмент реализации власти, главный субъект суверенитета. Государство представляет все общество в совокупности, им и от его имени принимаются все без исключения властные решения, касающиеся всех членов общества и обязательные для выполнения всеми ими. Это, собственно говоря, основная форма политической интеграции общества на строго ограниченной географической территории. В самом государстве центральное место занимает парламент, правительство, административный аппарат, суд, прокуратура и т. д.

К несобственно-политическим относятся институты и организации, деятельность которых хотя и связана с осуществлением политической власти, но это лишь одна из сторон их функционирования. В качестве примера можно назвать государственный банк, средства массовой информации (СМИ), профсоюзы и союзы предпринимателей.

Организации неполитические (добровольные спортивные общества, различные движения и ассоциации) почти не участвуют в осуществлении политической власти. Процесс их политизации происходит на определенных этапах жизни страны (выдвижение депутатов в Государственную Думу от общественных организаций).

Функционирование политических организаций предполагает их систематическую деятельность через принадлежащие им средства массовой информации, активное участие в политической жизни общества, подзаконность, выражающуюся в регистрации всех политических организаций и возможности государственных органов осуществлять необходимый контроль за их деятельностью.

Такие элементы политической организации общества, как государство, партии, общественные организации, СМИ, будут рассмотрены в последующих темах.

Совокупность отношений и форм взаимодействий, складывающихся между классами, социальными слоями, этносами, индивидами по поводу их участия в организации и осуществлении политической власти в связи с выработкой и проведением в жизнь политики, именуется *политическими отношениями* и является *коммуникативной* подсистемой.

В зависимости от субъектного состава их можно разделить на три группы.

Первая группа — отношения между крупными социальными группами, классами, нациями и государствами. Межклассовые, межгрупповые, внутриклассовые

и межнациональные отношения составляют основу политической системы и отражаются в функционировании соответствующих политических организаций и их взаимоотношениях.

Вторую группу составляют так называемые вертикальные отношения, которые складываются в процессе осуществления политической власти, воздействия высших и местных органов руководства и управления на социально-экономические, политические и культурные процессы.

В третью группу политических отношений можно включить отношения, которые складываются между политическими организациями и учреждениями.

Существенным элементом политической системы является *нормативная база*, существующая и действующая в виде конституций, уставов и программ партий, политических традиций и процедур регуляции политических процессов. Насколько отличаются друг от друга политические режимы (например, тоталитаризм и политический плюрализм), настолько же различаются принципы и нормы, лежащие в основе функционирования соответствующих политических систем.

Политические и правовые нормы регулируют политические отношения, придавая им упорядоченность, определяя желательное и нежелательное, дозволенное и недозволенное с точки зрения укрепления политической системы. Правда, в каждом обществе могут быть и социальные силы, придерживающиеся иных, нежели господствующие, политических принципов и норм, которые в случае их реализации дестабилизировали бы существующую систему.

Через политические и правовые нормы получают официальное признание и закрепление определенные политические устои. В свою очередь при помощи этих норм политико-властные структуры доводят до сведения общества, социальных групп, отдельных индивидов свои цели, обоснование принимаемых политических решений и определяют своеобразную модель поведения, которой будут руководствоваться все участники политической жизни.

Закрепляя в нормах запреты и ограничения, согласование интересов и поощрение инициативы, силы, доминирующие при данной политической системе, оказывают регулирующее воздействие на политические отношения. Так происходит формирование политического сознания и поведения субъектов в политической деятельности, выработка у них установок, соответствующих целям и принципам политической системы.

В качестве интегрирующего фактора политической системы выступает *культурная и идеологическая* подсистемы, представляющие собой комплекс типичных для данного общества укоренившихся образцов политических представлений, ценностных ориентаций и политического поведения, определяемые исследователями как *политическое сознание и политическая культура*.

Особое место в политической системе занимают политические идеи, взгляды, представления и чувства участников политической жизни общества. *Идеологическая подсистема* — это совокупность различных по своему содержанию политических идей, представлений субъектов политики. Условно они могут быть систематизированы на двух уровнях: теоретическом — непосредственно сама идеология (взгляды, идеи, идеалы, принципы, теории) и эмпирическом — политическая психология (чувства, настроения, предрассудки).

Являясь отражением и формируясь под влиянием конкретной социальной и политической практики, ценностные ориентации и установки участников политической жизни, их эмоции и предрассудки оказывают сильнейшее влияние на их поведение и всю политическую динамику.

Велико значение политической идеологии, которая занимает в политическом сознании ведущее место и является определяющим фактором изменения и развития политической технологии. Политическая идеология в наиболее сконцентрированном виде выражает коренные интересы социальных общностей, обосновывает их место и роль в общественном развитии, в политической системе общества в частности. Она служит концептуальной основой программы социально-экономических и политических преобразований, с которой выступают соответствующие социальные силы. Оказывая влияние на выбор стратегического курса, разработку и принятие политических решений, на политические взгляды и поведение индивидов и социальных общностей, идеология выполняет в политической системе либо консолидирующую, стабилизирующую роль, либо дестабилизирующую, деструктивную.

Значимость политической культуры состоит в том, что она способствует обеспечению стабильности политической системы. В этом смысле доминирующая *политическая культура* играет охранную роль. *Культурная подсистема* — комплекс типичных для конкретного общества политических ориентаций, установок, ценностей и моделей политического поведения. Политическая культура обеспечивает стабильность политической системы общества и воспроизводство политической жизни на основе преемственности. В социально разнородном обществе неизбежно существование и контркультуры, которая направлена против существующей системы публичной власти и играет дестабилизирующую разрушительную роль. Крайне важно учитывать политическое настроение масс в процессе руководства и управления обществом. Игнорирование политической технологии учета интересов масс чревато негативными последствиями для жизнеспособности и стабильности политической системы. Состояние общественного, в том числе политического сознания, его направленность, степень зрелости и динамики выражается в общественном мнении.

§ 2. ФУНКЦИИ И ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

4.2.1. Функции политических систем

Среда воздействует на политическую систему через предъявляемые к ней требования и поддержку, выражаемую в форме одобрения политики, политического участия, налогов и т. п., или же протеста — неодобрения, борьбы и т. д. Политическая система «перерабатывает» требования в решения и организует соответствующие действия. Главная цель политической системы — самосохранение путем приспособления к изменяющимся требованиям социальной и международной среды и активного воздействия на нее.

Основное условие сохранения политической системы — это эффективное выполнение ею главных функций. Функции политической системы многообразны, что вызвано сложностью и многослойностью политической жизни. Под функци-

ями понимается любое действие, которое способствует сохранению и развитию достигнутого состояния взаимодействия со средой. Некоторые авторы выделяют более детальный перечень функций политической системы. Г. Алмонд описывает ее четыре функции «входа»:

- политическая социализация;
- привлечение граждан к участию;
- артикуляция их интересов;
- агрегирование интересов.

И три функции «выхода»:

- разработка норм (законов);
- их применение;
- контроль за их соблюдением.

Отечественные исследователи выделяют пять основных функций политической системы:

- определение целей и задач общества;
- выработка программ его жизнедеятельности в соответствии с интересами правящих слоев общества;
- мобилизация ресурсов общества в соответствии с данными интересами;
- контроль за распределением ценностей. Именно в этой сфере сталкиваются интересы, как социальных групп, так и социальной целостности. Потеря контроля над этим узлом, определяющим жизнеспособность социальной системы, грозит ее кризисом;
- интеграция общества вокруг общих социально-политических целей и ценностей.

Реализация этой функции предполагает наличие развитой способности политической системы различными путями снимать, сглаживать неизбежно возникающие в обществе противоречия, преодолевать конфликты, снимать социальную напряженность. Эффективно и на постоянной основе это можно делать, только осуществляя контроль за сферой распределения социальных ценностей, включающей и материальные ресурсы, и политические привилегии, и культурные приоритеты и достижения, и доступность различных форм образования и досуга. Безусловно, контроль не должен быть всеобщим, опускаться до мелочей, он ничего общего не имеет с уравнительным распределением, предполагает возможность дифференциации в степени доступности социальных благ для различных категорий граждан и социальных групп.

4.2.2. Типология политических систем

В современном мире существуют многообразные политические системы. На процесс их формирования и функционирования оказывает влияние множество факторов: исторические традиции, культура, экономическое развитие, зрелость гражданского общества, геополитические условия и т. д.

Политическая система характеризуется интегрированностью, что, в свою очередь, предполагает вертикальную и горизонтальную согласованность ее структурных элементов. Ее жизнеспособность определяется тем, насколько в ней преоблада-

дает согласие и сотрудничество между отдельными элементами. Политическая система самодостаточна в том смысле, что в силу своей внутренней организации и ресурсов, а также ее доступа к необходимым ресурсам в окружающей среде она обладает способностью функционировать автономно, реализуя свои ценности, нормы и коллективные цели, приспосабливаясь к условиям среды. Политическая система, равно как и любая другая система, открыта влиянию окружающей среды, с которой она вовлечена в процессы взаимодействия и из которой получает важнейшие стимулы для своей деятельности. Открытость уже сама по себе предполагает, что политическая система является частью, или подсистемой, другой, всеохватывающей системы, а именно человеческого социума в целом. Среду политической системы, в свою очередь, можно условно разделить на ближнюю и дальнюю. Ближняя среда — это собственно подсистема политического.

Разумеется, политическая система располагает определенной совокупностью правил игры, реализуемых в процессе взаимодействия и функционирования ее (системы) институтов. Но эти правила и отношения формируются и действуют в более широком контексте подсистемы политического. То же самое можно сказать о политическом поведении, политической культуре, политической этике и других составных элементах и атрибутах подсистемы политического. Что касается дальней среды, то это общество, взятое в целом, влияние на политическую систему которого осуществляется во многом опосредованно, опять же в общем контексте подсистемы политического. При этом важно учесть, что политическая система, при всей подверженности влиянию среды, обладает значительной долей самостоятельности и, в свою очередь, способна оказывать на среду значительное влияние.

Деятельность и функционирование политической системы предполагают определенные правила игры. Различаются правила, призванные регулировать пути, способы и методы, с помощью которых члены общества могут воздействовать на политическую власть, и правила, определяющие способы реализации политической власти. Первые охватывают отношения подчинения и участия, а вторые — управления и регулирования. Поэтому естественно, что важная структурно-функциональная составляющая политического мира — это политические отношения, и, прежде всего, между субъектами и объектами политической системы.

К. Маркс [48, 49, 51] считал субъектами политики и политических отношений классы, А. Парето [61] и Г. Моска [55] — элиты, А. Бентли, Д. Трумен и др. — заинтересованные группы. Однако очевидно, что политические отношения могут реализовываться как между различными политическими институтами, так и социально-политическими силами. Иначе говоря, и те и другие могут выступать в качестве субъектов политических отношений. Б. И. Коваль и И. В. Ильин [32, 200] выделяют следующие группы субъектов политики:

- субъекты социального уровня: класс, этнос, масса, группа, отдельный индивид, электорат в целом, мафия, военно-промышленный комплекс;
- институциональные субъекты: государство, партия, профсоюз, парламент, президент, университет;
- функциональные субъекты: армия, церковь, оппозиция, лобби, средства массовой информации и т. д.

С рассматриваемой точки зрения, одним из основных для всех теорий политического является поставленный некогда Платоном [64] вопрос: «Кто должен гос-

подствовать?». В зависимости от ответа на этот и подобные ему вопросы формулируются и конструируются основополагающие параметры политической системы. Поэтому естественно, что классификация, или типологизация, политических систем составляет одну из важнейших задач политологии.

Платон разделил древнегреческие города-государства на следующие типы:

- 1) монархия (правление одного хорошего человека) и ее искаженная форма — тирания;
- 2) аристократия (правление нескольких хороших людей) и ее искаженная форма — олигархия;
- 3) демократия — правление многих или всего народа (показательно, что Платон не приводит искаженную форму демократии, считая, что сама демократия — наихудшая форма правления).

Продолжая традицию Платона, Аристотель [7] выделил два основных критерия для различения государств, или «конституции»: «Природа цели, ради которой государство существует» и «Различные формы власти, которой люди и их ассоциации подчиняются». В соответствии с первым критерием Аристотель проводил различие между системами, в которых «правители управляют» «в общих интересах» (для достижения «хорошей жизни» не только лично для себя, а для всех членов системы), и системами, в которых правители преследуют скорее собственный корыстный интерес, нежели «общий интерес». В соответствии со вторым критерием системы характеризовались на основании относительного количества граждан, наделенных «правом править». Соответственно были выделены формы правления одного, немногих и многих. На этом основании Аристотель предложил знаменитую шестичленную классификацию форм правления: монархия, аристократия, полиция, тирания, олигархия, демократия.

Интерес представляет классификация систем правления, которая была предложена М. Вебером. Он, в частности, полагал, что руководители политических систем могут претендовать на легитимность своего правления, а члены системы могут принять их претензии на следующих трех основаниях.

Во-первых, *традиция*. Здесь легитимность основывается на утвердившемся убеждении в святости традиций и необходимости подчинения правителям, осуществляющим власть согласно традициям. М. Вебер рассматривал это как самый универсальный и самый примитивный вариант власти. Однако и современные системы в значительной мере черпают свою легитимность из своих традиций. Так, многие аспекты политической системы Великобритании, например, монархия, принимаются ее гражданами в силу их традиционности.

Во-вторых, исключительные *личные качества правителей*, например, героизм, принципиальность, смелость, решительность и т. д., объединяемые понятием «харизмы».

В-третьих, *легализм*. Здесь власть базируется на правовых основах: конституционные правила, законы и власть официальных лиц принимаются в силу того, что они правомочны; то, что делается на законных основаниях, рассматривается как легитимное. Отсюда следует традиционная власть, «харизматическая» власть и правовая власть.

Одна из достаточно простых и наиболее распространенных классификаций политических систем — деление на *тоталитарные, авторитарные и демократические* системы.

Критерием их разграничения служит политический режим — характер и события взаимоотношений власти, общества (народа) и личности (граждан). В самом общем виде для тоталитарной политической системы характерно полное подчинение общества и личности власти, всеобъемлющий контроль за гражданами, их сознанием и поведением со стороны государства. Авторитаризм отличается неограниченной властью одного лица или группы лиц над гражданами при сохранении автономии личности и общества во внеполитических сферах. И, наконец, демократия характеризуется контролем общества (большинства) над властью.

При этом если личность имеет автономию, права и свободы, признается важнейшим источником власти, то имеет место либеральная демократия. Если же власть большинства ничем не ограничена и стремится контролировать общественную и личную жизнь граждан, то демократия становится тоталитарной.

Не только демократические, но и авторитарные и тоталитарные политические системы также неоднородны. Так, в зависимости от того, один человек или группа лиц являются источником власти, авторитарные и тоталитарные режимы могут быть *автократическими* (у власти одно лицо) или *группократическими* (аристократическими, олигархическими, этнократическими и т. п.).

Классификация политических систем отличается большим многообразием, основана на значительном числе различных критериев. Рассмотрим основные черты общепризнанных политических систем.

Г. Алмонд выделяет четыре типа политических систем, существующих в современном мире. Это англо-американская, континентально-европейская, доиндустриальная, частично индустриальная и тоталитарная системы. Данная типология опирается на различные политические культуры.

1. Англо-американская система характеризуется гомогенной политической культурой. Она гомогенная в том смысле, что политические цели и средства их достижения разделяют практически все. Для данной политической культуры свойственна специализация политических отношений (партий, групп интересов и др.) на выполнении особых функций. Власть и влияние внутри политической системы разделены, структура ролей в этой группе политических систем глубоко дифференцирована, четко выражена, организована и бюрократизирована.
2. Континентально-европейские системы отличаются фрагментарностью политической культуры, имеющей в целом общие корни и общее наследие. Для них характерно сосуществование старых и новых культур. Политические системы такого типа существуют во Франции, Германии, Италии. Страны Скандинавии и Бенилюкса занимают промежуточные позиции между континентально-европейской и англо-американской системами.
3. Доиндустриальные и частично индустриальные политические системы имеют смешанную политическую культуру. Трудности коммуникации и координации, резко расходящиеся политические ориентации, слабая степень диверсификации ролей всех звеньев системы порождают необходимость в применении насилия.
4. Политические системы тоталитарного типа. Тоталитарная политическая культура создает принудительный тип политической активности. В ней отсутствуют добровольные объединения, а политическая коммуникация контролируется монолитной партией.

Ж. Блондель [9] делит политические системы мира на пять категорий:

- 1) либеральные демократии с опорой на либерализм в принятии решений;
- 2) коммунистические системы с приоритетом равенства социальных благ и пренебрежением к либеральным средствам его достижения;
- 3) традиционное государство, обычно управляемое олигархией и консервативное по своему характеру, поскольку распределение социальных и экономических благ, как правило, весьма неравномерно;
- 4) популистские системы, сложившиеся в развивающихся странах в послевоенные годы и стремящиеся к большому равенству в области экономических и социальных благ. Они в известной степени авторитарны, так как для достижения большего равенства порой требуются авторитарные средства;
- 5) авторитарно-консервативная система, характерной чертой которой является проведение активной политики по сохранению сложившегося неравенства, противостоящая углублению равенства и политического участия.

Существует целый ряд других типологизаций. Они в целом развивают и конкретизируют только что приведенные и в то же время повторяют, дополняют и перекрывают друг друга. Например, Дж. Коулмен [36] писал о конкурентной, полуконкурентной и авторитарной системах, а Д. Эптер [89] — о диктаторской, олигархической, косвенно-представительной и прямой представительной системах. Классификация С. Н. Айзенштадта [1] включает примитивные (или первобытные) системы, патримониальные империи, кочевые или завоевательные империи, города-государства, феодальные системы, централизованные бюрократические империи и современные системы, которые, в свою очередь, подразделяются на демократические, автократические, тоталитарные категории.

Кроме того, современные политические системы на основе характеристики деятельности их политических структур делятся на западные и незападные. В первой существуют несколько дифференцированных структур со специализированными функциями, например, группы интересов, политические партии, законодательные, исполнительные, судебные и иные структуры.

Политическая система, в которой структурами, формирующими господствующие интересы, являются политические партии, более дифференцирована, чем та политическая система, где эти интересы не расчленяются никакой единой социализированной структурой. Иными словами, западные политические системы наиболее современны. Обычно в их число включаются парламентская и президентская форма демократии, а также смешанная швейцарская политическая система. Все авторитарные, или диктаторские, формы государственного управления с одной политической партией и наличием всех прочих традиционных форм власти могут быть отнесены к незападным политическим системам.

В зависимости от ориентации на стабильность или перемены политические системы подразделяются на:

- а) консервативные; главная цель — сохранять и поддерживать традиционные структуры, положение, сложившееся в политической, экономической и культурной сферах, и особенно — форму политической власти;
- б) трансформирующиеся, проводящие общественные преобразования.

Однако среди последних различают два типа систем:

- 1) реакционные режимы, цель которых вернуть общество (в целом или частично) назад, к прежнему типу политической и экономической системы;
- 2) прогрессивные системы, стремящиеся сформировать общество нового типа или изменить культуру, образ жизни, социальную структуру и т. д.

Существуют и другие, менее распространенные классификации. Многообразие этих типологий свидетельствует о многомерности политического мира. Сложность политических систем такова, что ни один взятый в отдельности подход или метод недостаточен, чтобы дать нам более или менее полную картину. Для анализа многомерных политических систем требуется многомерный подход.

Многообразие типологии политических систем объясняется разнообразием используемых признаков (оснований). Выделяется четыре основных критерия, используемых при классификации политических систем:

1. По *характеру взаимоотношения с внешней средой* политические системы подразделяются на:
  - *Закрытые* — имеют ограниченные связи с внешней средой, невосприимчивы к ценностям иных систем и самодостаточны, т. е. ресурсы развития находятся внутри таких систем. Примеры — бывшие страны социализма (СССР, Венгрия, Болгария).
  - *Открытые* — активно обмениваются ресурсами, успешно усваивают передовые ценности иных систем, подвижны и динамичны. Пример — развитые демократические государства Запада.
2. По *политическому режиму*, т. е. на основе характера и способов взаимодействия власти, личности и общества выделяются:
  - *Тоталитарные* — характерно полное подчинение личности и общества власти, регламентация и контроль над всеми сферами жизни людей со стороны государства.
  - *Авторитарные* — характерна неограниченная власть меньшинства при сохранении некоторых экономических, гражданских, духовных свобод для большинства.
  - *Демократические* — предполагает приоритет прав личности, контроль общества над властью.
3. По *содержанию и формам управления* французский политолог Ж. Блондель делит политические системы на:
  - *либеральные демократии*, в которых принятие политических решений ориентировано на ценности индивидуализма, свободы, собственности;
  - *коммунистические системы*, ориентирующиеся на ценности равенства, социальной справедливости;
  - *традиционные политические системы*, опирающиеся на олигархические формы правления и ориентирующиеся на неравномерное распределение экономических ресурсов и социальных статусов;
  - *популистские политические системы*, преобладающие в развивающихся странах; они используют стремление к большему равенству в *распределении благ*;

- *авторитарно-консервативные политические системы*, преследующие цели сохранения социального и экономического неравенства, ограничения политического участия населения.
4. По *классовому принципу*, т. е. интересы какого класса выражает политическая система. Подобная типология характерна для марксизма, который рассматривал политическую систему в качестве инструмента в руках экономически господствующего класса. По этому признаку выделяются:
- *рабовладельческая;*
  - *феодальная;*
  - *капиталистическая;*
  - *коммунистическая (социалистическая) политические системы.*

Кроме критериев исследователи обосновывают свои типологизации институциональными параметрами. В классификации речь может в одном случае идти о типах политической системы, во втором — о типах политических режимов, а в третьем — о формах государственно-административного устройства.

Кроме этого, рассмотренные классификации отражают идеальные типы политических систем, значительно отличающиеся от реальной жизни. Наиболее распространенной в современной политологии является типология политических систем по шкале «демократия — автократия», на основе которой выделяются три основных типа: *демократический, авторитарный и тоталитарный.*

§ 3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

4.3.1. Понятие и особенности политического режима

В связи с наличием реального многообразия политических систем как в историческом, так и в географическом плане в разных течениях общественно-политической мысли и в разных политологических школах приняты разные логические основы классификации политических систем.

В частности, сторонники марксизма исходили из формационного подхода в классификации политических систем, согласно которому каждая общественно-экономическая формация имеет свой господствующий класс, свой тип государства, а значит, и свою политическую систему (рабовладельческую, феодальную, буржуазную и социалистическую). Такой подход давал самую общую зарисовку, или схему, смены политических систем и позволял наметить связь между экономикой и политикой, но не позволял уловить многие более конкретные отличия, связанные с тем, что в рамках одного и того же типа политической системы возникали весьма разные политические режимы.

Функциональная характеристика политической системы кристаллизуется в понятие «политический режим». В науке конкурируют в основном два подхода в трактовке режима: *юридический*, делающий акцент на формальные нормы и правила отправления власти институтами государства, и *социологический*, опирающийся на анализ тех средств и способов, с помощью которых осуществляется реальная

публичная власть и которые в той или иной мере обусловлены социокультурными традициями, системой разделения труда, характером коммуникаций и т. д.

По мнению А. И. Соловьева [77, 165], наиболее адекватным способом отображения политического режима является второй подход, дающий возможность сопоставлять официальные и реальные нормы поведения субъектов в сфере власти, отражать реальное состояние дел в области прав и свобод, выяснять, какие группы контролируют процесс принятия решений, и т. д. При социологическом подходе в качестве агентов власти рассматриваются не только правительство или официальные структуры, но и те, подчас не обладающие формальным статусом группировки, которые реально влияют на принятие решений. В качестве определенной характеристики правления при этом может рассматриваться и деятельность оппозиции, а также другие, в том числе *антисистемные*, компоненты политики.

В современной политологии понятию «режим» дается неодинаковая трактовка. Так, например, Е. Хамауи (Франция) связывал это понятие с конституционными взаимоотношениями органов государства; Д. Истон (США) понимал режим как стиль правления и совокупность процедур и урегулирований; Н. Ботана (Аргентина) — как функциональный процесс концентрации и перераспределения власти.

Как подчеркивают Г. Доннел [58] и Ф. Шмиттер [87], режим — это совокупность явных или скрытых структур, «которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, а также характеристики [конкретных] деятелей, ... используемые ими ресурсы и стратегии...». В этом смысле, когда говорят о политическом режиме, то имеют в виду не нормативные, задаваемые, к примеру, идеальными целями того или иного класса, а реальные средства и методы осуществления публичной политики в конкретном обществе.

М. А. Василик, М. С. Вершинин [12, 68] характеризуют политический режим как *тип, формы и методы осуществления политической власти, принципы организации ветвей и конкретных институтов власти*. Ориентируясь именно на реальное отражение процесса отправления политической и государственной власти, политический режим, по мнению А. И. Соловьева, можно охарактеризовать как *совокупность наиболее типичных методов функционирования основных институтов власти, используемых ими ресурсов и способов принуждения, которые оформляют и структурируют реальный процесс взаимодействия государства и общества* [77, 169].

Такое понимание политического режима показывает, что он формируется и развивается под влиянием значительно более широкого круга факторов, нежели политическая система. Причем облик правящего режима зачастую определяется не только и даже не столько макрофакторами, социальной структурой общества, его нравственно-этическими традициями и т. п., но и значительно более частными параметрами и обстоятельствами, а именно: межгрупповыми отношениями внутри правящей элиты, внутри— или внешнеполитической ситуацией, характером международной поддержки власти, личностными качествами политических деятелей, внешним воздействием и т. д.

Политический режим — это совокупность методов и способов осуществления власти, а потому он характеризует не только государственное устройство, но и всю политическую систему в целом.

Для демократических политических систем особенно характерны: разделение властей (законодательной, исполнительной, судебной и др.), конституционность

и законность (правовое государство), наличие выборных органов государственной власти в центре и на местах; здесь, как правило, наряду с существующей правительственной (правлящей) партией имеют место и оппозиционные партии. Так провозглашается и реализуется равенство прав и свобод всех граждан, причем не только равенство перед законом, но также и равное право всех граждан на участие в управлении делами государства и общества.

Однако демократический режим и демократическая политическая система — не единственно возможные из существовавших и существующих. Достаточно часто политические режимы бывают авторитарными, автократическими и тоталитарными. Каждый имеет свои отличительные особенности и черты, возникновение каждого обусловлено определенными обстоятельствами и имеет своих служителей и поклонников.

Поскольку демократия представляет собой наиболее эффективный способ решения проблем отдельной общности и общества в целом, то и демократические политические системы и демократические режимы при прочих равных условиях оказываются наиболее устойчивыми, стабильными и результативными. Главная причина этого преимущества демократических политических систем заключается в механизмах связи между политическими партиями и государством, между объектами и субъектами политической системы. Ведь наличие многопартийности, борьбы правящих и оппозиционных партий, характерное для демократической политической системы в отличие от всех других политических систем, позволяет плюрализм интересов и борьбу партий, групп, сил направлять не на разрушение существующих порядков, а на разрешение возникших противоречий, на поиск наилучшего выхода из создавшейся ситуации.

Было бы неверно абсолютизировать преимущества демократической политической системы, не видеть ее определенных недостатков: многословие при обсуждении необходимых законов и решений, сильно затрудняющее быстрое их принятие; как правило, неэффективный контроль за исполнением принятых решений; подверженность различным влияниям, а зачастую и неспособность противостоять чуждым силам (приход Гитлера к власти с использованием демократизма Веймарской республики). Однако как бы существенны ни были эти недостатки демократической политической системы, ничего лучшего человечество пока не изобрело.

Как показал опыт стран Центральной и Юго-Восточной Европы, где в рамках так называемого реального социализма был налицо целый веер авторитарно-тоталитарных послесталинских политических режимов (достаточно сравнить Венгрию Яноша Кадара с Албанией Энвера Ходжи, чтобы убедиться, сколь ощутимой была эта разница), переход этих стран к посттоталитарному обществу был далеко не одинаковым, и эта неодинаковость во многом была связана с различиями существовавших здесь политических режимов.

В тех странах, где были налицо многопартийные системы (даже если это были декоративные многопартийные системы) в лице некоммунистических партий, существовала легальная политическая база для перегруппировки общественно-политических сил, а тем самым и для мирной трансформации общества. Там же, где подобной легальной основы не было, перегруппировка общественно-политических сил протекала более болезненно, что не в последнюю очередь стало причиной немирного развития здесь (скажем, в Румынии) революционных перемен. Разное

качество исходных политических режимов в этих странах обнаруживает себя и в характере демократических политических режимов посттоталитарного общества.

Представляется целесообразным подчеркнуть, что политический режим и государственный режим — понятия нетождественные. Политический режим — это совокупность форм жизнедеятельности институтов и организаций политической системы, методов господства и основных направлений политической активности в рамках данной системы.

Политический режим — более подвижное и динамичное явление, чем система власти. В этом смысле эволюция одной политической системы может осуществляться по мере смены нескольких политических режимов. Политический режим складывается в той или иной стране как равнодействующая многих факторов, не только деятельности государственных органов, но и политических партий, массовых движений, других объединений, преследующих политические цели, а иногда в результате непосредственно политической деятельности различных слоев населения, их массовых выступлений. Например, установившаяся в XX в. в СССР система советской власти трансформировалась в сталинский режим, затем — в режим, сформировавшийся в годы так называемой хрущевской «оттепели» (в 60-х гг.), а впоследствии — в режим коллективного руководства при Л. И. Брежневе.

Именно режимы проводят и одновременно олицетворяют собой определенную государственную политику, вырабатывают и осуществляют тот или иной политический курс, целенаправленно проводят конкретную линию поведения государства во внутри— и внешнеполитической сферах. Как показывает исторический опыт наиболее развитых индустриальных государств, с точки зрения самосохранения наиболее выгодной и предпочтительной для правящих режимов является политика *центризма*. Независимо от ее идеологической нагрузки именно такая политика способствует минимизации конфликтов в сложноорганизованных обществах, помогает наиболее конструктивно использовать политический потенциал всего общества, поддерживает взаимоуважительные отношения между элитарными и неэлитарными слоями.

В то же время большинство режимов в качестве одного из наиболее распространенных средств укрепления собственных позиций выбирает *популизм*. Так называется тот тип политики, который основывается на постоянном выдвигении властями необоснованных обещаний гражданам, на использовании демагогических лозунгов, методов заигрывания с обществом ради роста популярности лидеров.

Не возражая в принципе против определений, предлагаемых исследователями, автор понимает *политический режим как преимущественный принцип использования правящей элитой государственной власти*.

Однако независимо от того, режим какого типа складывается в той или иной стране или какой политический курс предлагается какой-либо стране, вся деятельность властей, в конечном счете, подчиняется целям сохранения стабильности контролируемых ими политических порядков в стране.

4.3.2. Типология политических режимов

Существуют различные классификации и типологизации политических режимов. В частности, М. А. Василик и М. С. Вершинин придерживаются подразделения режимов на диктатуры и демократии [12].

Термином «диктатура» (неограниченная власть) характеризуются режимы, в которых власть одного лица или небольшой группы практически не ограничена. К историческим формам диктатуры можно отнести тиранию, олигархию и деспотизм.

Тирании чаще всего возникали в «смутные времена», когда власть захватывал удачливый и жестокий военачальник. Провозглашаемое им правление опиралось на прямое насилие и подавление народа. Власть тирана по существу оказывалась неограниченной.

Под олигархией в Древней Греции понимали власть небольшой группы наиболее богатых и привилегированных людей.

В отличие от тирании деспотизм, наиболее распространенный на Древнем Востоке, опирался на существующие общинные и религиозные традиции. Власть деспота, подчиняющегося ему государственного аппарата и чиновничества, была ограничена этими традициями.

В более поздние периоды к диктатурам стали относить возникающие теократические государства, в которых власть сосредоточивалась в руках одной религиозной группы; абсолютистские монархии, характеризующиеся соединением законодательной и исполнительной власти в руках монарха.

Диктатуры подразделяются на тоталитарные и авторитарные.

Демократические режимы возникли несколько позже диктатур, хотя и существовали уже в Древней Греции. Наивысшего расцвета античная демократия достигла в V в. до н. э. в Афинах в период правления Перикла. Эта демократия существовала в рамках полиса — города-государства, общины. Она сводилась к участию свободных граждан в общих собраниях, на которых решались наиболее важные вопросы, и выборах. Зачастую власть большинства оборачивалась против выдающихся и знатных людей. Античная демократия не знала прав и свобод личности, поэтому нередко ее называли деспотизмом большинства.

Современная демократия значительно отличается от античной. Ее главными признаками являются:

- 1) наличие представительных органов власти, формируемых на основе всеобщих выборов;
- 2) признание политических прав и свобод граждан в таком объеме, который позволяет легально действовать не только партиям и организациям, поддерживающим политику правительства, но и партиям и организациям оппозиционным;
- 3) построение государственного аппарата по принципу «разделения властей» (причем единственным законодательным органом считается парламент);
- 4) политический плюрализм;
- 5) публичность власти.

Авторский коллектив под руководством В. Н. Власова [66] придерживается мнения, что рассмотрение политического режима предусматривает анализ следующих аспектов:

- 1) группировок, находящихся у руководства государством;
- 2) методов господства и управления, которым отдается предпочтение — прямым, насильственным или косвенным, демократическим;

- 3) партий или партийных коалиций, выступающих в качестве руководящей силы;
- 4) допускается ли и в каких пределах деятельность институтов социальной борьбы и давления, в частности оппозиционных, революционных партии, профсоюзов и других форм объединений трудящихся;
- 5) каково положение личности в государстве и т. п.

Они предлагают выделять типы политических режимов по мере убывания демократии:

- демократический;
- либеральный (полудемократический);
- авторитарный;
- тоталитарный;
- полуфеодално-теократический.

Демократические режимы обычно присущи индустриально развитым странам с рыночной экономикой, где существует значительный «средний класс», оказывающий через выборы, прессу, другие виды общественного мнения существенное влияние на государственную власть. Для этого типа режима характерна высокая степень политической свободы человека, реальное существование правовых институтов, их обеспечивающих. Политическая элита обычно довольно узка, но она опирается на широкую социальную базу. Органы публичной власти прибегают к силовым методам лишь в исключительных случаях.

Либеральные (полудемократические) режимы были характерны для развитых стран в XIX в. В XX в. они сложились в ряде развивающихся стран, приблизившихся к развитым, а также в результате ликвидации командно-административной системы в постсоциалистических странах Восточной Европы, в некоторых государствах СНГ, образовавшихся на территории прежнего СССР.

Эти режимы отличаются высокой степенью политической свободы, однако вследствие целого ряда обстоятельств реально пользоваться демократическими политическими институтами могут сравнительно немногие. Государству чаще, чем в условиях демократического режима, приходится прибегать к различным формам принудительного воздействия, ибо социальная база правящей элиты довольно узка. Низкий уровень жизни многочисленных слоев общества порождает маргинальность и склонность к насильственным действиям для достижения своих социальных целей. Поэтому демократические институты, включая легальную оппозицию, функционируют как бы на поверхности общественной жизни, пуская лишь отростки в толщу общества.

Авторитарные режимы существуют в форме конституционно-авторитарных. Имеются конституции, процедура принятия и содержание которых в целом соответствует общедемократическим стандартам, общечеловеческим ценностям. Внешне управление осуществляется на конституционных началах, существует весь набор законодательных, исполнительных, судебных, иных органов государства, но на практике разделения властей нет.

В условиях авторитарного режима при осуществлении государственной власти акцент делается на методы пристрастной, открытой поддержки близких режиму социальных слоев и организаций, на методы насилия, замаскированные нередко показным дозволением. Оппозиция может быть разрешена только в определенных

пределах, не затрагивающих существование данного правительства. Выборы и референдумы используются, но не имеют решающего значения для смены партий и должностных лиц у власти, их результаты в пользу существующего правительства предопределены политической и идеологической ситуацией. Местное самоуправление может провозглашаться, но его полномочия ограничены. К компромиссу и консенсусу государственная власть не прибегает, упор она делает на силовые методы. В конституциях обычно упоминаются демократические права и свободы, но на практике доминирует заявительный или даже разрешительный порядок их использования.

Авторитарные режимы могут существовать в самых разных по уровню развития странах, с различной идеологической ориентацией (на капитализм, на социализм, на возрождение исламского халифата).

Предел авторитаризма образуют тоталитарные режимы (сам термин «тоталитарный» образован от лат. *totus* — весь, целый). Они отличаются крайне централизованным характером, какая-либо автономия различных органов государства отрицается: провозглашается руководящая и направляющая роль правящей партии. Естественные права граждан отрицаются, признаются только дарованные государством, но и те не соблюдаются.

Если обычный авторитарный режим довольствуется контролем за поведением граждан, то тоталитаризм претендует на контроль за мыслями, стремится воспитать население как биороботов, послушно выполняющих указания властей и верящих, что власть — их собственная, только им на благо действующая. Для всеохватывающего овладения обществом используется такой политический институт, как государственная партия, проникающая во все ячейки общества, включая семью, и подчиняющая их изнутри политике режима. Главный метод управления — насилие. Причем это насилие может быть и идеологическим, но и идеологические расправы могут принимать государственные формы. Свое законченное выражение тоталитаризм получил в виде фашистского (нацистского) и коммунистического («социалистического») государства.

В небольшом количестве стран сохранились полуфеодално-теократические режимы, которые можно разделить на две группы: «нефтяные монархии» (Оман, Саудовская Аравия, ОАЭ и др.) и аграрные королевства (Бутан и др.). Там остаются значительные пережитки феодализма, существует абсолютная монархия. Политическая власть находится в руках близких к монарху привилегированных слоев, промышленность не развита, рабочий и «средний» классы невлиятельны или даже еще не сложились. Среди методов осуществления власти активно используется градация населения по разным категориям с различным объемом прав.

К числу важнейших методов данного режима относится использование религии как инструмента государства. Речь идет не только об идеологическом воздействии, но и о том, что нарушение религиозных догм рассматривается как правонарушение и может повлечь наказание со стороны государства. Важную роль среди методов играет харизма (особая власть монарха, являющегося в ряде стран одновременно религиозным главой), а также использование исламских и иных традиций. В условиях этих режимов насилие в основном осуществляется скрытно. Это духовное, племенное, в известной степени коллективистское принуждение, как бы от общины. Разумеется, имеет место и явное принуждение, и не только по от-

ношению к иностранным рабочим или забастовщикам, но и по отношению к состоятельным «правоверным», примером чего являются действия полиции нравов.

Полуфеодально-теократические режимы неодинаковы в «нефтяных» монархиях и аграрных королевствах. В последних религия используется в методах осуществления государственной власти в гораздо меньшей степени, а в связи с этим слабее харизма монарха.

Следует отметить определенную зависимость между уровнем социально-экономического развития общества и политическим режимом. Как правило, чем выше этот уровень, тем демократичнее режим.

Типологизация политических режимов не будет научно обоснованной, если будет решать задачу всевременного охвата. Политический режим, по мнению автора, явление конкретно историческое. Античная форма режима не может быть адекватной средневековой, а тем более — современной. Ошибочен путь исследования, приводящий типологию политических режимов к аналогу классификации политических систем. Следовательно, исходя из современной политической реальности целесообразно выделить три типа политрежимов:

Первый — *консенсусный*, опирающийся на поддержку и нейтралитет большинства социальных групп общества и избегающий использования силовых методов при решении политических конфликтов.

Второй — *силовой*, проводящий политику в интересах меньшинства населения и в связи с этим опирающийся на силовые ресурсы и государственное манипулирование общественным сознанием.

Третий — *идеологический*, использующий все ресурсы общества и государства для достижения утопических целей любыми средствами.

Как и любая типология, это деление теоретично и относительно, а в реальности существуют только комбинированные политические режимы, прежде всего решающие задачу сохранения своего господства.

4.3.3. Тенденции развития современных политических систем

Развитие политических систем во времени характеризуется как процесс зарождения, развития и деградации или трансформации политических институтов и отношений. В разные эпохи и в разных обществах конкретные пути эволюции политических систем имеют свою специфику. В целом жизнь политических систем — это смена равновесных состояний и кризисов разного рода: от кризисов отдельных подсистем до кризисов общих, связанных со сменой вида политической системы.

В каждый конкретный период своей истории та или иная политическая система предстает как конкретный политический феномен, относительно стабильный и протяженный во времени и в пространстве. Она напрямую зависит от состояния общественных отношений и уровня развития общества и хода исторического времени. В частности, политические процессы древности и средневековья порождали статичные системы. Подобные системы, особенно азиатского деспотического типа, существовали относительно долго и разрушались главным образом в результате нашествий извне и гибели государства. В новое и новейшее время срок

жизни таких систем стал ограничиваться общественными и политическими кризисами, революциями и глубокими реформами. Возник новый вид, с более свободными отношениями и элементами политической системы, с развитым социальным контролем политической жизни и регулярно действующими правовыми, политическими и культурными механизмами общественных преобразований. Принципиально ускорились темпы смены форм конфигураций систем и политических режимов.

Анализ процесса эволюции политических систем позволяет выделить ряд основных тенденций их развития:

- тенденция концентрации и децентрализации власти;
- борьба этих двух тенденций;
- формализация системы, т. е. ее юридическое оформление;
- расширение участия членов общества в политической жизни;
- более полное сочетание гражданских и политических отношений;
- реорганизация отношений власти и народа (переход от командно-административных, деспотических и конфликтных к договорным, конституционным отношениям).

Данные тенденции могут быть проиллюстрированы типологией политических систем. В основе любой политической системы лежит определенный тип социальной среды. По характеру социальной среды выделяются традиционные и либерально-демократические, тоталитарные и переходные виды политической системы.

Социальная среда традиционного, корпоративного общества азиатского, или феодального, типа формирует традиционные политические системы. Таковы на сегодняшний день системы Саудовской Аравии, Омана, Бутана и ряда других абсолютных монархий, представляющих собой реликты прошлого.

Ближайшей родственницей традиционной политической системы общества азиатского типа является тоталитарная идеологизированная политическая система, формируемая социальной средой, в которой результаты труда сознательно распределяются особым слоем государственно-организованных людей — чиновников. Собственность существует в основном в государственной форме. Частная собственность либо ограничивается и ставится под жесткий контроль государства, либо искореняется.

В недрах тоталитарной системы постепенно усиливается социальное напряжение, чреватое ожесточенными конфликтами, в итоге деформирующее общество распределительного типа. В своей финальной стадии данная система характеризуется чудовищными формами бюрократической власти, произволом, коррупцией, нравственным вырождением.

В самой политической системе происходит гипертрофированный рост роли государственного аппарата. Инакомыслие подавляется. Господствующими социальными слоями здесь становятся партийная элита и государственная бюрократия. Нравственным содержанием таких обществ является социальное иждивенчество.

Это закрытые системы, преследующие цель стабилизировать, законсервировать общественную жизнь. Для них характерен культ вождя, харизматического ли-

дера. В целях поддержания нужного порядка широко используется насилие, принуждение, политический сыск, террор. Типичные примеры таких систем — СССР, КНДР, Иран.

Социальная среда, базирующаяся на рыночной товарно-денежной основе экономической жизни общества, на практике и идеологии свободного предпринимательства, формирует новый вид политической системы, являющийся гораздо более многочисленным.

Данная среда является более эффективной и более устойчивой, чем распределительная.

Государство в рамках политической системы этой среды играет роль организатора условий для рыночной социально ориентированной экономики.

Права и свободы индивида, его законные интересы имеют в такой системе приоритет над правами коллектива.

Важнейшей характеристикой системы выступает плюрализм — идеологический и политический.

Политическая система, основанная на рыночной товарно-денежной среде, — это, по существу, либерально-демократическая модель общественного развития, получившая распространение в последней трети XX века.

Либерально-демократические политические системы — открытые системы, предусматривающие обмен информацией, товарами, инвестициями. Они реализуют не столько классовые интересы, сколько интересы политически значимых социальных групп. Вариантами данного вида политических систем являются представительская и модернизационная системы, берущие начало в двух великих революциях XVIII в. — Великой французской (1789—1799) и Северо-Американской (1775—1783).

В США революция развернулась как процесс освобождения гражданского общества от опеки государства. Представительский вариант — это нормативная модель, которая, однако, отражает реальные тенденции и установки обществ западноевропейского типа. В данной модели общество выступает в качестве первичного «базиса», складывающегося независимо от государства и задающего ему «программу». В центре представительской системы стоит суверенный индивид — автономный и разумный. Политическая система выступает при этом как нейтральная среда, в которой естественные индивидуальные и групповые интересы находят свое представительство и защиту.

Представительская парадигма имеет высший нормативный смысл, обязывающий государственную власть, вместо того чтобы «вести и воспитывать» граждан, выражать их суверенную волю и уважать их неприкосновенные права.

Великая французская революция выработала несколько иную модель, которая может быть обозначена как модернизационный вид либерально-демократической системы. Революция совершалась в столице передовым «революционным авангардом», которому надо было завоевать «косное» большинство страны, а затем перевоспитать его на новый лад.

В этих условиях законодатели стремились не защитить общество от чрезмерного натиска власти и ее злоупотреблений, а ослабить возможный защитный механизм «косного» общества перед лицом модернизаторского усердия просвещенной власти.

Политическая система превратилась в центр априорных решений, инициированных не гражданским обществом, а «авангардом», преобразующим общество по заранее принятому плану. И в этом кроется главная опасность модернизационной парадигмы. Ее история — это история все более глубоких проникновений и изобличений, касающихся того, что служит полезной модернизации. Причем ее мишенью становятся не только публичные институты, но и такие структуры, как семья, система воспитания, досуг и т. д.

В конечном итоге, если модернизационная система решается быть последовательной, она превращается в тоталитарную политическую систему.

В XX веке появилась смешанная социальная среда, получившая название конвергенционной. Эта среда также породила своеобразные политические системы. Конвергенционные политические системы обладают серьезным недостатком — они нестабильны, противоречивы и эволюционируют, как правило, в иные системы. Возникновение этих систем происходит в момент перехода от одной социальной среды к другой. Так переход от распределительной среды к рыночной в 80-х гг. XX в. в Центральной Европе и России привел к появлению конвергенционных политических систем, постепенно эволюционирующих к разным модификациям либерально-демократической модели.

Конвергенционная система может быть и представительской (как в Чехии) и модернизационной (как в России). Следует учитывать, что новый модернизм конца XX — начала XXI вв. существенно отличается от старого, начала XX века. Старый модернизм исходил либо из формационной доктрины (ленинизм), либо из расистской идеологии (нацизм). Современный модернизм не исповедует ни расовое превосходство, ни формационный код.

Новейшие модернизаторы (в целом знакомые с концепцией плюрализма цивилизаций) достаточно искушены и теоретически и практически, чтобы предполагать, что общество массового потребления является специфическим порождением западноевропейской цивилизации. В конечном итоге это оборачивается появлением постмодернизационной парадигмы.

В свою очередь постмодернизм видит свою задачу в том, чтобы не задушить в зародыше ни одной возможности, таящейся в неистребимой человеческой свободе. То есть возникла новая ситуация, означающая, что классическая презумпция, заставляющая рассматривать власть как превращенную форму той или иной «высшей необходимости», больше никого не убеждает, ни самих властвующих, ни подвластных.

В итоге можно сделать следующий вывод: в целом в мире утвердилась модель либерально-демократической политической системы в представительском варианте. Традиционные и тоталитарные системы вытеснены на обочину политической жизни мира. Основная масса смешанных систем развивается в направлении либерально-демократической системы. При этом модернизационный вариант развития уступает место постмодернистскому.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Когда появился термин «политическая система»?
2. Дайте характеристику политической системы.
3. Назовите подходы к определению «политическая система».

4. Охарактеризуйте структуру политической системы.
5. Назовите функции политической системы.
6. Приведите основные типологии политических систем.
7. Сформулируйте понятие и особенности политического режима.
8. Приведите основные типологии политических режимов.
9. Обозначьте основные тенденции развития современных политических систем.
10. Какие существенные признаки свойственны политической системе?
11. Какие вы знаете подходы к понятию «политическая система»?
12. В чем смысл моделей политической системы Д. Истона и Г. Алмонда?
13. В чем разница между понятиями «политическая система» и «политический режим»?
14. Дайте два значения термина «политическая система».
15. Назовите определение «политической системы», наиболее удачное на ваш взгляд.
16. Перечислите пять главных групп элементов политической системы.
17. Назовите основные субъекты политики.
18. Назовите несколько классификаций форм правления.
19. Назовите классификацию политических систем по Г. Алмонду.
20. Назовите классификацию политических систем по Ж. Блонделю.
21. Выделите четыре основных критерия, используемых при классификации политических систем.
22. Назовите два основных подхода, конкурирующих в политической науке в трактовке политического режима.
23. Тождественны ли понятия: политический режим и государственный режим?
24. Какие политические режимы советского периода вы знаете?
25. Какие аспекты следует учитывать в первую очередь при анализе политических режимов?

Глава 5

АВТОРИТАРНЫЕ И ТОТАЛИТАРНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

§ 1. АВТОРИТАРИЗМ

Одним из наиболее распространенных в истории типов политической системы является авторитаризм. По своим характерным чертам он занимает промежуточное положение между тоталитаризмом и демократией. С тоталитаризмом его роднит обычно автократический, не ограниченный законами характер власти, с демократией — наличие автономных, не регулируемых государством общественных сфер, особенно экономики и частной жизни, сохранение элементов гражданского общества.

Учитывая признаки авторитаризма, В. П. Пугачев определяет его как *неограниченную власть одного лица или группы лиц, не допускающую политическую оппозицию, но сохраняющую автономию личности и общества во внеполитических сферах* [71, 195].

М. А. Василик и М. С. Вершинин характеризуют *авторитаризм как политический режим, характеризующийся монополией на власть одного лица, группировки или партии* [12].

Майкл Дж. Роскин определяет *авторитарную власть как систему правления, при которой власть осуществляется конкретным лицом при минимальном участии народа* [73].

5.1.1. Исторический аспект

Авторитаризм имеет богатую историю, которая включает в себя древние тирании, деспотии и олигархии, абсолютные монархии периода Средневековья и Нового времени, фашистские диктатуры и др. В современном мире авторитарные режимы наиболее распространены в странах Азии, Африки, Ближнего и Среднего Востока, Латинской Америки.

Субъектом, осуществляющим власть, может быть и семья — в этом случае авторитарный режим называется абсолютной монархией. Также это может быть какой-нибудь социальный класс, как в странах с либеральной монархией, где страной правит король, опирающийся на дворянство; или же элитная демократия, при которой у власти находятся несколько выдающихся личностей. В качестве такого «лица» (субъекта) может выступать и сильная политическая партия, основная задача которой состоит в том, чтобы в случае необходимости обеспечить национальную солидарность.

Подобная однопартийная система распространена в развивающихся странах Африки, Азии и большей части Латинской Америки. Но устанавливается авторитарная система правления с помощью армии.

Авторитарное правительство не пытается контролировать все сферы человеческой деятельности, оно обычно не вмешивается в экономические, социальные, культурные, религиозные и семейные вопросы. Философию авторитаризма резюмировал король Генрих V в одной из шекспировских пьес, сказав: «Обязанности каждого подданного — это собственность короля, но душа каждого подданного — это его личная собственность».

Однако это отнюдь не означает, что при авторитарных режимах возможна личная свобода. Авторитарная власть представляет общество в виде некоей иерархической структуры с особым звеном управления, которым руководит один правитель либо определенная группа. Власть, подчинение и порядок ценятся при авторитарной системе правления больше, чем свобода, согласие и участие народа. Поэтому граждане повинуются законам и платят налоги, не принимая участия в их обсуждении. Даже если в авторитарном государстве и существуют демократические институты, реальной силы в обществе они не имеют. Законодательные учреждения в таких государствах не более, чем «печать», которую ставят на документы, принятые правящей верхушкой. Теория и практика авторитарного правления были выражены Людовиком XIV, который заявил «Государство — это я!»

Франкистская Испания 1939—1975 гг. являлась «традиционным авторитарным государством», а не тоталитарным государством, так как каудильо (руководитель) был заинтересован больше в политической пассивности и подчинении, чем в активном участии народа в осуществлении своих планов. У Франко и его сторонников не было четкой идеологической теории, пресса и экономика в были некоторой степени свободными. Ж. Киркпатрик, политолог и постоянный представитель США при ООН во время президентства Р. Рейгана, считала, что между тоталитарными и авторитарными режимами правления существуют четкие различия. Авторитарный режим (как, например, в Аргентине или Бразилии) допускает некоторые изменения, но как только в стране укореняется тоталитарный режим (например, коммунизм), никакие изменения уже невозможны.

И Аргентина, и Бразилия в итоге вернулись в 1980-х гг. к демократической системе правления.

5.1.2. Отличительные черты авторитаризма

В целом авторитарной политической системе присущи следующие черты:

1. Автократизм (самовластие) или небольшое число носителей власти. Ими могут быть один человек (монарх, тиран) или группа лиц (военная хунта, олигархическая группа и т. д.). Наиболее влиятельная политическая сила общества — правящая группировка (доминирующая), в ее руках прежде всего исполнительная власть, чьи полномочия при авторитаризме превосходят законодательную и судебную власть.
2. Свойственны унитарные формы государства с жесткой централизацией власти: рекрутирование политической элиты путем наследования и кооптации, назначения сверху, а не конкурентной электоральной борьбы.

3. Неограниченность власти, ее неподконтрольность гражданам, то есть субъект власти фактически никем не ограничен. При этом власть может править с помощью законов, но их она принимает по своему усмотрению. Полномочия парламента, при его наличии, напротив, ограничены. Отсутствие возможности ненасильственной смены власти.
4. Опора (реальная или потенциальная) на силу. Авторитарный режим может не прибегать к массовым репрессиям и пользоваться популярностью среди широких слоев населения. Однако он обладает достаточной силой, чтобы в случае необходимости по своему усмотрению использовать силу и принудить граждан к повиновению. Полиция, армия, спецслужбы выполняют функции не только обеспечения правопорядка, но и функции карательных органов государства. Они на страже правящего режима и часто используются на подавление общественных сил, выступающих против властей. Но эти силы не проводят массовых репрессий.
5. Монополизация власти и политики, недопущение реальной политической оппозиции и конкуренции. Сохранение ограниченного плюрализма, наличие дифференцированных отношений между обществом и государством. Присущее этому режиму определенное политико-институциональное однообразие не всегда результат законодательных запретов и противодействия со стороны властей. Нередко оно объясняется неготовностью общества к созданию политических организаций, отсутствием у населения потребности к этому, как это было, например, в течение многих веков в монархических государствах. При авторитаризме возможно существование ограниченного числа партий, профсоюзов и других организаций, но лишь при условии их подконтрольности властям.
6. В обществе доминирует официальная идеология, но допускаются и другие идейные течения, представители которых более или менее лояльно относятся к правящему режиму, но занимают ряд самостоятельных позиций. Церковь формально отделена от государства, но фактически находится под контролем государства и в целом поддерживает правящие классы.
7. Политические права и свободы граждан в значительной степени ограничены. Законы преимущественно на стороне государства, а не личности. Действует принцип: «все, что не разрешено, — запрещено». Существует цензура над всеми средствами массовой информации, которым разрешено критиковать отдельные недостатки государственной политики, но в целом сохраняется лояльность по отношению к правящей системе.
8. Отказ от тотального контроля над обществом, невмешательство или ограниченное вмешательство во внеполитические сферы, и прежде всего в экономику. Власть занимается главным образом вопросами обеспечения собственной безопасности, общественного порядка, обороны, внешней политикой, хотя она может влиять и на стратегию экономического развития, проводить достаточно активную социальную политику, не разрушая при этом механизмы рыночного саморегулирования. Гражданское общество может существовать, но во многом зависит от государства.
9. Устойчивая поддержка власти в обществе, которая основана не только на насилии, но и на разделяемой многими официальной идеологии. Большинство в

обществе настроено к стране патриотично и в целом поддерживает правление. Меньшинство же выступает против авторитаризма и борется за переход к демократии.

10. Обширный государственный сектор достаточно жестко регулируется государством. Многие авторитарные режимы вполне уживаются со свободным частным предпринимательством и рыночной экономикой, при этом экономика может быть как высокоэффективна, так и малоэффективна.
11. При полной регламентации всех сфер общественной жизни в обществе может процветать бесхозяйственность, коррупция, кумовство при разделе официальных должностей. Нормы морали носят преимущественно консервативный характер. Права национальных меньшинств существенно урезаются, ограничиваются.

В целом авторитарной политической системе запрещаются лишь определенные, главным образом политические формы деятельности, в остальном же граждане, как правило, свободны. Авторитаризм вполне совместим с уважением всех других, кроме политических, прав личности. В то же время в условиях авторитаризма граждане не имеют каких-либо институциональных гарантий своей безопасности и автономии (независимый суд, оппозиционные партии и т. д.).

5.1.3. Отличие авторитарных политсистем от тоталитарных

При значительной схожести отдельных авторитарных политических систем с тоталитарными, между ними существуют принципиальные отличия. Основные отличия авторитарных режимов от тоталитарных:

- авторитаризм не имеет единой и обязательной для всех идеологии, допускает ограниченный плюрализм, если он не наносит вреда системе; гражданин не подвергается репрессиям, если он не является активным противником режима: не обязательно поддерживать режим, достаточно его терпеть (ритуальное подтверждение лояльности и отсутствие прямого вызова); при авторитаризме центральную роль играет не мировоззрение, а сохранение власти;
- неодинаковая степень регламентации различных аспектов общественной жизни: при тоталитаризме контролируются все сферы общественной жизни, для авторитаризма характерна намеренная деполитизация масс, их довольно слабая политическая информированность;
- при тоталитаризме центром власти является одна партия (партийные органы пронизывают весь государственный аппарат, общественные организации и производственные структуры); при авторитаризме высшей ценностью является государство как средоточие властных функций (идея государства как надклассового верховного арбитра);
- авторитарные диктатуры предпочитают сохранять традиционные классовые, сословные или племенные перегородки, которые чужды тоталитаризму (в период становления тоталитаризм разрушает прежнюю социальную структуру, разрывает традиционные социальные связи, «превращает классы в массы»);
- при тоталитаризме систематический террор проводится легально и организованно, при авторитаризме используется тактика избирательного террора.

5.1.4. Причины сохранения и воспроизводства авторитаризма

Широкая распространенность и устойчивость авторитарного режима в большинстве современных стран порождает вопрос об истоках и причинах сохранения и воспроизводства авторитаризма. К ним относятся:

- сохранение традиционного типа общества с ориентацией на привычные и устойчивые формы социальной жизни и авторитеты;
- воспроизводство клиентальных отношений в социальной структуре развивающихся обществ;
- сохранение патриархального и подданнического типов политической культуры в качестве преобладающих, что равнозначно отсутствию ориентации населения на активное воздействие на политическую систему;
- существенное влияние религиозных норм (прежде всего ислама, буддизма, конфуцианства) на политические ориентации населения;
- экономическая отсталость;
- неразвитость гражданского общества;
- высокая степень конфликтности в развивающихся обществах.

5.1.5. Типология авторитарных систем

Выявление общих черт авторитаризма в силу его многообразия неизбежно влечет за собой определенные упрощения, а значит, и искажения. Для того чтобы получить более полное представление об авторитаризме, необходимо познакомиться с его основными типами. Авторитарные политические системы очень разнообразны. Это монархии, деспотические, диктаторские режимы, военные хунты, популистские системы правления и др. Авторитарные правительства могут добиваться признания населения не только силой, с помощью массового истребления и запугивания противников, но и более гуманными средствами. На протяжении тысячелетий они опирались главным образом на традиционный и харизматический способы легитимации. В XX в. в целях легитимации широко используется националистическая идеология и формальные, контролируемые властью выборы. Большинство авторитарных режимов в Азии, Африке и Латинской Америке оправдывали свое существование необходимостью национального освобождения и возрождения.

В последние десятилетия авторитарные политические системы очень часто используют некоторые демократические институты (выборы, плебисциты и т. п.) для придания себе респектабельности в глазах международного сообщества и собственных граждан, уклонения от международных санкций. Так, например, неконкурентные или полуконкурентные выборы использовались авторитарными или полуавторитарными режимами в Мексике, Бразилии, Южной Корее, Белоруссии, Казахстане и многих других государствах. Отличительными чертами таких выборов является ограниченная или лишь видимая (когда все кандидаты угодны властям) конкурентность, полная или частичная контролируемость властями их официальных итогов. При этом у властей существует много способов обеспечить

себе формальную победу: монополия на СМИ, отсеивание неугодных лиц еще на стадии выдвижения кандидатов, прямая фальсификация бюллетеней или результатов голосования и т. п.

В период после Второй мировой войны, и особенно в последние десятилетия, авторитарный политический строй чаще всего носит переходный характер и ориентируется, хотя бы формально, на постепенный переход к демократии.

Н. А. Дегтярев выделяет две разновидности авторитарного политического режима: авторитарно-либерализированный и радикально-авторитарный [23]. Авторитарно-либеральный политический режим характеризуется стремлением к преобладанию ненасильственных методов управления (хотя это не значит, что от насилия совершенно отказываются, в случае угрозы правящей группировке насилие применяется самым решительным образом), к учету мнения различных слоев гражданского общества, предоставлению гражданам определенных прав и свобод. Но авторитаризм тем и отличается от демократии, что сроки предоставления и дозировку прав и свобод, степень их гарантированности определяет само государство, а не общество, причем государство считает себя вправе ликвидировать предоставленные права и свободы в том случае, когда это покажется ему необходимым. Авторитарно-либерализированный политический режим существовал, например, в России после реформ 1860—70-х гг. до революции 1917 г.

Радикально-авторитарный режим стремится опираться прежде всего на силу. И если авторитарно-либерализированный режим в какой-то мере стимулирует развитие гражданского общества, хотя государство стремится делать это дозированно и под своим неусыпным контролем, то радикально-авторитарный режим терпит гражданское общество как необходимость, с которой государство справиться не может, хотя и старается поставить его под свой жесткий контроль. Примерами радикально-авторитарного политического режима служат военные режимы, существовавшие в Бразилии с 1964 по 1979 г., в Испании в период диктатуры Франко и другие.

При реакционно-авторитарном, или военно-диктаторском, режиме гражданское общество сохраняет свою самостоятельность и даже активность, правящая группировка оказывает на него серьезное воздействие, налагает определенные ограничения, но полностью под свой контроль авторитарными методами поставить не может.

Исходя из структуры правящего блока и целей проводимой политики, М. А. Василик и М. С. Вершинин [12] различают *военные, олигархические, популистские и бюрократические режимы*.

Военные, или «преторианские», режимы возникают чаще всего в результате государственных переворотов. Причинами захвата власти военными являются: кризис политических структур, политическая нестабильность, чреватая острыми социальными конфликтами. Социальной предпосылкой военных переворотов выступает «преторианское общество», специфическими чертами которого являются: отсутствие консенсуса среди наиболее влиятельных группировок относительно «правил игры»; острый конфликт по поводу перераспределения власти и ресурсов между основными политическими силами; резкая социальная поляризация общества; низкий уровень легитимности и институционализации власти.

Установление военных диктатур, как правило, сопровождается отменой прежней конституции, роспуском парламента, полным запретом любых оппозиционных сил, концентрацией законодательной и исполнительной власти в руках воен-

ного совета. Отличительной чертой военных диктатур является широкий размах террористической деятельности, которая осуществляется армией, полицией и спецслужбами. Как правило, военные режимы оказываются не в состоянии обеспечить экономическую эффективность. Им не удается мобилизовать массы на решение социальных проблем, обеспечить себе поддержку, решить проблемы, связанные с институционализацией власти. Подобные режимы существовали во многих странах Африки, Востока, Латинской Америки.

Олигархические режимы основываются на гегемонии блока бюрократии и компрадорской буржуазии (Камерун, Тунис, Филиппины при Маркосе (1972—1985) и др.). Зачастую олигархии скрываются за фасадом представительных органов власти, функции которых достаточно формальны, реальная же власть находится в руках бюрократии, выражающей собственные и корпоративные интересы компрадорской буржуазии. При этом законодательные органы, созданные «сверху», не имеют массовой поддержки и нелегитимны в глазах народа. Экономическая эффективность таких режимов весьма ограничена. Ориентируясь на экспорт сырьевых ресурсов и развивая сырьедобывающие отрасли, буржуазия практически не проявляет интереса к развитию национального производства. Социальным результатом политики олигархического блока становится резкая поляризация населения — дифференциация общества на нищающее большинство и стремительно богатеее меньшинство. Глубокое недовольство, охватывающее широкие слои населения, служит хорошей почвой для укрепления антисистемной оппозиции и массовых антиправительственных действий под руководством военно-политических и повстанческих организаций. Парадоксальность таких движений состоит в том, что направленные против «демократии меньшинства», они одновременно выступают против тех институтов, которые на Западе являются неотъемлемой частью демократии (прежде всего против парламентов). Следствием нестабильности олигархических режимов являются военные перевороты или гражданские войны.

Популистские режимы отличаются вождизмом одного лица, горячо одобряемого и любимого народом. Для этого режима характерна идеологическая мобилизация масс, направленная на поддержание общенационального лидера. Одними из главных средств легитимизации власти, используемых режимом, являются: манипулирование плебисцитом; приобщение народа к политике с использованием массовых манифестаций, демонстраций, митингов поддержки; возвеличивание «маленьких людей»; сплочение общества перед лицом «международного империализма» и космополитического капитализма. Власть склонна искать поддержку в среднем классе, не испытывающем симпатии к олигархии.

Специфическая черта популистского режима — усиление этатистских начал в экономической, социальной и духовной жизни — отражает патерналистские ожидания самых широких народных масс. Основу социального блока правящих сил составляют этатистски ориентированные круги и крупная промышленная буржуазия, политическими конкурентами которых являются, с одной стороны, олигархия, а с другой — либерально-демократические силы. Этатистская политика правящей элиты рано или поздно оборачивается высокой инфляцией и глубоким кризисом экономики. Яркими примерами популизма могут служить режимы Варгаса в Бразилии, Насера в Египте, Каддафи в Ливии.

При бюрократических режимах главную роль в принятии важнейших решений играет высшее государственное чиновничество. Процедуры избрания главы исполнительной власти практически не существует. Такие режимы чаще всего устанавливаются после переворотов; от военных режимов их отличает главенствующая роль бюрократии. В силу того, что процедура избрания главы исполнительной власти отсутствует, не существует и механизма легитимизации исполнительной власти. Поэтому бюрократия вынуждена опираться на армию, а также на сеть создаваемых ею корпораций, которые в обход партий и профсоюзов связывают государство и общество.

После прихода бюрократии к власти внутри нее образуется несколько соперничающих группировок. В случае, когда ни одна из них не может провести своего лидера на пост главы исполнительной власти, может быть выдвинута фигура «формального лидера», устраивающая своей незначительностью большинство группировок. В случае победы одной из фракций ее лидер становится фактическим главой исполнительной власти. Возможно, конечно, и появление лидера, способного примирить враждующие фракции и назначить на ключевые посты своих людей.

5.1.6. Авторитарная система правления и развивающиеся страны

Пожалуй, наиболее значительным политическим событием с конца Второй мировой войны стал распад бывшей колониальной системы на независимые государства. Большой частью идеология борьбы за национальную независимость была основана на принципах, провозглашенных Декларацией независимости США и французской Декларацией прав человека и гражданина.

Однако после завоевания независимости этими государствами демократия в них долго не продержалась. Политическая культура народов, которые не знали самоуправления и самоопределения, плохо сочетается с политической демократией. Демократия западного образца характеризуется индивидуализмом, который в большей степени обусловлен рыночной системой экономики при капитализме, основанной на личной конкуренции. Развивающиеся страны имеют доиндустриальную, традиционно аграрную экономику, в которой семейные и племенные связи значат гораздо больше, чем личная конкуренция и самообогащение. Практически во всех этих странах уровень образования и национального дохода низок и большинство населения ведет борьбу за выживание.

Большинство развивающихся стран отвергли и демократию западного образца, и тоталитарно-коммунистический путь развития, выбрав свой собственный путь развития, который заключается в господстве в обществе какой-то одной партии. В Зимбабве в 1980 г. было две партии, но вскоре оказалось, что это приводит к вражде племен и к партизанской войне. Р. Мугабе, лидер наиболее многочисленной партии, при помощи воинов одного из основных племен совершил переворот и установил однопартийную систему правления, заявив, что не видит другого пути к национальному единству и что Зимбабве останется демократическим государством и при однопартийной системе правления. Используя такие же доводы,

многие страны третьего мира и сами не заметили, как превратились в авторитарные государства.

Они сохраняют относительную стабильность, но достигается это путем ущемления политических свобод и свободы прессы, а также с помощью единовластного правления.

5.1.7. Реформаторские возможности авторитаризма

В конце 1980-х — начале 90-х гг. значительно возрос научный и политический интерес к авторитаризму в связи с крахом преимущественно тоталитарных политических систем в большинстве коммунистических государств мира. Попытки многих из них, в том числе России, быстро, в духе большевистских «кавалерийских атак», ввести демократию без наличия необходимых для нее общественных предпосылок не увенчались успехом и повлекли за собой многочисленные разрушительные последствия.

В то же время целый ряд авторитарных государств (Южная Корея, Чили, Китай, Вьетнам и др.) практически продемонстрировали свою экономическую и социальную эффективность, доказали способность сочетать экономическое процветание с политической стабильностью, сильную власть — со свободной экономикой, личной безопасностью и сравнительно развитым социальным плюрализмом.

Авторитаризм иногда определяют как способ правления с ограниченным плюрализмом. Он вполне совместим с экономическим, социальным, культурным, религиозным, а частично и с идеологическим плюрализмом. Его воздействие на общественное развитие имеет как слабые, так и сильные стороны. К числу слабых относится полная зависимость политики от позиции главы государства или группы высших руководителей, отсутствие у граждан возможностей предотвращения политических авантур или произвола, ограниченность институтов артикуляции, политического выражения общественных интересов.

В то же время авторитарная политическая система имеет и свои достоинства, которые особенно ощутимы в экстремальных ситуациях. Авторитарная власть обладает сравнительно высокой способностью обеспечивать политическую стабильность и общественный порядок, мобилизовывать общественные ресурсы на решение определенных задач, преодолевать сопротивление политических противников. Все это делает ее достаточно эффективным средством проведения радикальных общественных реформ.

Многие политологи в последнее время стали выделять в качестве отдельной разновидности «авторитаризм развития», главными чертами которого являются, в отличие от «традиционного», не консервация существующих социальных отношений, а содействие и стимулирование социальной и экономической модернизации. Степень авторитарности определяется потребностью в сохранении единства и целостности общества при росте конфликтов, обусловленных модернизацией. Государство становится инициатором перемен в экономической и социальной жизни, происходящих под его контролем. Примером такого рода режима может быть современный Китай, Южная Корея 1970—1980-х гг., Таиланд и др.

Некоторые политологи выделяют переходные (гибридные) режимы, сочетающие в себе черты авторитаризма и демократии. К их разновидностям относятся

диктокрания и демократура. Диктокрания возникает в случаях проведения либерализации без демократизации. Это означает, что правящая элита, не будучи подотчетной обществу, однако соглашается на некоторые индивидуальные и гражданские права. Диктокрания отдает предпочтение политическому меньшинству, контролирующему значительную часть ресурсов, в ущерб политическому большинству. Такой режим сложился, например, в Кении, Кот-д'Ивуаре и других африканских государствах.

Демократура же предполагает демократизацию без либерализации. Это означает, что выборы (если они вообще проводятся), многопартийность и политическая конкуренция допускаются только в той мере, в какой они не угрожают власти правящей элиты. Фактически политическое участие большинства рассматривается как прямая демонстрация поддержки правящей элите. Примерами этих режимов могут служить Сальвадор и Гватемала, где с середины 1980-х гг. выборы проводились с нарушением политических и гражданских прав.

Гибридным можно назвать и режим делегативной демократии, описанный аргентинским политологом Г. О'Доннеллом [58]. Этот режим сочетает признаки демократии и авторитаризма. Его отличительными чертами являются:

- регулярные выборы главы исполнительной власти, который на несколько лет становится высшим толкователем интересов нации;
- низкий уровень институализации власти;
- отсутствие каких-либо ограничений исполнительной власти, кроме неформальных отношений и сроков переизбрания ее главы; наличие гражданских прав и свобод; формальный характер законодательной власти;
- радикальный характер политики, проводимой общенациональным лидером;
- отсутствие механизмов согласования интересов.

Делегативная демократия отличается от представительной отсутствием горизонтальной подотчетности исполнительной власти. В представительной демократии существует как вертикальная подотчетность власти (выборы), так и горизонтальная (система разделения власти, принцип «сдержек и противовесов»). Отсутствие горизонтальной подотчетности при делегативной демократии обусловлено низкой степенью институализации власти.

В современных условиях постсоциалистических стран «чистый» авторитаризм, не опирающийся на активную массовую поддержку и некоторые демократические институты, едва ли может быть инструментом прогрессивного реформирования общества и способен превратиться в криминальный диктаторский режим личной власти, не менее разрушительный для страны, чем тоталитаризм. Поэтому сочетание авторитарных и демократических элементов, сильной власти и ее подконтрольности гражданам — важнейшая практическая задача на пути конструктивного реформирования общества.

Поскольку делегативная демократия является промежуточным типом политического режима, а демократически ориентирующиеся авторитарные режимы недолговечны, существуют две альтернативы ее развития. Одна из них сводится к регрессии и возврату к авторитаризму; другая — к постепенной институализации режима и переходу к более устойчивому в современных условиях типу политической системы — представительной демократии.

§ 2. ПОНЯТИЕ ТОТАЛИТАРНЫХ СИСТЕМ

5.2.1. Истоки и сущность тоталитаризма

5.2.1.1. Определение тоталитаризма

Термин «тоталитаризм» происходит от позднелатинских слов *totalitas* — полнота, цельность — и *totalis* — весь, полный, целый. С эти согласны все ученые, но определения, даваемые термину, в значительной степени отличаются друг от друга.

Хотя теория тоталитаризма складывается лишь в середине XX в., идейные истоки этого явления уходят в глубокую древность. Тоталитарные взгляды и прежде всего идеи необходимости полного подчинения части целому, индивида государству, а также тотальной управляемости обществом существуют свыше двух тысячелетий. Еще в V в. до н.э. Гераклит [63] считал, что, обладая мудростью, совершенным знанием, «можно управлять решительно всеми вещами». Достаточно детальное обоснование тоталитарные модели государства получают у Платона [64], Мора [10], Кампанеллы [34], Бабефа, Сен-Симона [76], Руссо [74]. Позже они развиваются в трудах Фихте [82], Гегеля [18а], Маркса [46, 47, 48, 49], Ницше [56], Ленина [40], Сореля, Зомбарта и других мыслителей. Пожалуй, не меньший по сравнению с научными работами вклад в арсенал тоталитарной мысли, и в том числе в ее критику, внесли такие писатели, как Ф. Достоевский [26], Е. Замятин [29], О. Хаксли [29], Дж. Оруэлл [59] и др.

Как полагал М. Симон, использование самого термина «тоталитаризм» вообще имеет смысл только в том случае, если не подгонять под него все разновидности политических диктатур. Поэтому перед учеными и стоит задача вскрыть базовые, системные черты данного типа организации власти, уяснить те исторические условия, при которых возможно возникновение данных политических порядков.

Слово «тоталитарный» (*totalitario*) впервые было употреблено в Италии в начале 1920-х гг. XX в. Дж. Амендолой и П. Гобетти при критике Муссолини, утверждавшего однопартийную фашистскую систему. Перехватывая инициативу, Б. Муссолини сам провозгласил тогда своей целью создание «тоталитарного государства» в 1925 г. В конце 1920-х гг. английская газета «Таймс» писала о тоталитаризме как о негативном политическом явлении, характеризующем не только фашизм в Италии, но и политический строй в СССР.

А. П. Бутенко, А. В. Миронов [11] определяют тоталитаризм как *антигуманную общественно-политическую систему, которая ради определенных целей своих создателей стремится к полному (тотальному) контролю над всей жизнью общества и всеми сторонами жизни каждого индивида.*

П. В. Григорьев [20] под тоталитаризмом понимает *политический режим, основанный на стремлении руководства страны установить полный контроль над личностью и подчинить уклад ее жизни одной, безраздельно господствующей идее.*

Применительно к обществу, по мнению В. П. Пугачева, термин означает *управление социальной системой как целым и всеми ее элементами, в том числе людьми, их сознанием.* [71] Сходную, но отличающуюся формулировку дает А. И. Соловьев [77]. Он считает, что тоталитаризм представляет собой *весьма специфическую систему организации политической власти, соответствующую определенным социально-экономическим связям и отношениям.*

Автору представляется, что *тоталитарная политическая система — это специфическая форма политического господства меньшинства, основанная на идеологической монополии.*

5.2.1.2. Предпосылки возникновения тоталитаризма

Отдельные элементы тоталитарной системы исторически обнаруживают во многих типах диктатур. Так, в восточных деспотиях можно было видеть жесткость правления и абсолютный авторитет владыки, в средневековых государствах Европы — требование церкви придерживаться, одних и тех же верований от рождения до смерти и т. д. Однако в целостном виде все то, что органично присуще этому политическому порядку, проявилось только в определенный исторический период.

Как самостоятельные и качественно целостные тоталитарные политические системы исторически сформировались из соответствующих диктаторских режимов, которые *искусственно* выстроили однотипные юридические, социальные и экономические отношения. В целом тоталитаризм явился одной из тех альтернатив, которые были у стран, оказавшихся в условиях системного (модернизационного) кризиса. Общими отличительными чертами такого рода кризисов являются: депрессия и утрата населением социальных ориентиров, экономический упадок, резкое социальное расслоение, распространение нищеты, преступности и т. п. В сочетании с наличием мощных пластов патриархальной психологии, культом сильного государства, деятельностью хорошо организованных религиозных и политических партий с их железной дисциплиной и крайне амбициозными лидерами, а также распространением остро конфронтационных идеологических доктрин и некоторых других факторов указанные характерные особенности кризисов способствовали тому, что эти общества и встали на путь создания тоталитарных систем.

В качестве основных социальных источников формирования тоталитарной системы власти выступали широкие слои маргиналов, численность которых в кризисное время была крайне высокой, а зависимость от политики властей исключительно сильной; и громадный управленческий аппарат государства, бюрократия, чиновничество, служившее своеобразным «приводным ремнем» политики правящих кругов. При этом именно маргинальные и люмпенизированные слои были главным источником массового распространения уравнилельно-распределительных отношений, настроений пренебрежения к богатству, разжигания социальной ненависти к зажиточным, более удачливым слоям населения. Свою роль в распространении подобных социальных стандартов и предрассудков сыграли и определенные слои интеллектуалов (интеллигенции), которые систематизировали эти народные чаяния, превратив их в морально-этическую систему, оправдывающую эти ментальные традиции и придававшую им дополнительный общественный резонанс и значение.

Особым фактором, способствовавшим ориентации обществ на построение тоталитарных порядков и обладавшим существенным значением именно в России, были традиции подпольной деятельности террористических организаций, революционизировавших политическую активность населения и легитимизировавших в общественном мнении идеи насильственного передела власти и богатства, избавления от лиц, мешавших и прогрессу и установлению справедливости. Эти традиции, утверждавшие презрение к ценности человеческой жизни и авторитету за-

кона, впоследствии послужили одним из самых мощных источников распространения повседневногo «стукачества», бытового доноительства, оправдывавшего предательство людьми своих родных и близких во имя «идеалов», из страха и уважения к власти.

Установление тоталитарных политических порядков не является непосредственным продолжением деятельности предшествующего легитимного режима власти и связанных с ним общественных традиций. Тоталитарные режимы, а впоследствии и системы рождались как воплощение определенных политических проектов, предусматривавших построение властью «нового» общества и отменявших при этом все то, что не соответствовало или мешало реализации таких замыслов. Главный акцент в этой политике делался на отрицание старого порядка и утверждение «нового» общества и человека. Например, советский режим последовательно пытался полностью уничтожить во всех сферах общественной жизни любые проявления буржуазных отношений, образцы складывавшейся в обществе предпринимательской культуры, либерально-демократические идеи, не регламентированную властью гражданскую активность населения.

5.2.1.3. Сущность тоталитаризма

Определяемый в самой общей форме *тоталитаризм означает подчинение части — индивида целому — государству, всеобъемлющий контроль со стороны власти над личностью, ее сознанием с целью формирования удобного типа человека, управление обществом на основе определенной идеологической доктрины.*

Спецификой тоталитаризма как социально политического явления не является диктаторский характер власти, ее «суверенитет» по отношению к народу (в этом он не отличается от авторитаризма), и даже не полнота регламентации поведения и контроля за деятельностью индивидов-членов организации, как это имеет место в некоторых армиях, а претензия на управление сознанием людей, контролирование *или программирование их ценностных ориентаций и образа мыслей.*

Представляя собой один из способов организации власти, тоталитаризм, равно как и однопорядковые с ним понятия демократии и авторитаризма, характеризует различные, в т. ч. и более низкие по сравнению с государством уровни общественной организации. Возможна, например, тоталитарная политическая партия или же религиозная секта. Конечно, свое наиболее полное выражение тоталитаризм находит на уровне всего государства, обладающего суверенной властью.

Тоталитаризм, как и демократия, — это преимущественно нормативное понятие, обосновывающее и отражающее социальный идеал, который нигде и никогда в полной мере не был реализован. В более или менее полном, завершенном виде тоталитаризм как определенная социальная система представлен в основном лишь в литературных тоталитарных антиутопиях. В реальности же, даже в считавшихся классическими примерами тоталитаризма сталинистском и национал-социалистическом государствах, власти не удалось обеспечить полный контроль за гражданами и целиком устранить индивидуальную свободу.

Поэтому тоталитаризм как понятие, по мнению В. П. Пугачева, *отражает прежде всего хотя и различную, но весьма высокую степень контроля государства (и стоящих за ним групп и организаций) над гражданами, их политическим сознанием и поведением.* Причем в том случае, когда власти удается осуществлять такой инсти-

туционально закрепленный контроль над большинством населения, есть основания говорить о тоталитарном государстве (хотя степень тоталитарности даже таких государств может быть различна). Если же основная часть граждан все же сохраняет определенную автономию и свободомыслие, то речь может идти о «предтоталитаризме» — тоталитарных тенденциях или устремлениях властей, но не о тоталитаризме как государственном строе. Очевидно, что грани между тоталитаризмом и предтоталитаризмом подвижны и часто трудно уловимы, однако они существуют и могут быть определены эмпирически [71, 178].

5.2.2. Типология тоталитаризма

Тоталитарные идеи и тоталитарные устремления и тенденции в действиях властей не новы и существуют свыше двух тысячелетий. Исторически первой формой тоталитаризма является его *религиозная разновидность*, или *теократия*. В истории человечества тоталитарные тенденции реально проявлялись в первую очередь в религиозных формах в теократических (основанных на власти духовенства) государствах и отдельных религиозных организациях. Ярким примером такого рода тоталитарных организаций является существующий уже многие века орден иезуитов, уделяющий первостепенное внимание контролю за мыслями и поведением своих членов. В 1610—1768 гг. в Парагвае существовало даже основанное этим орденом «Иезуитское государство».

В Европе сосредоточением тоталитаризма на протяжении столетий были церковные общины, бдительно следящие за образом мыслей и поведением верующих и имеющие достаточно эффективные средства контроля и наказания, апогеем которых было публичное сожжение выявленных по доносам граждан еретиков и ведьм (по некоторым подсчетам за несколько веков средневековой инквизицией сожжено около 9 млн «ведьм»). В современных условиях примером религиозного тоталитаризма является Исламская Республика Иран и государство талибов в Афганистане. В этих странах духовенство с помощью государства осуществляет контроль за мыслями и поведением граждан. В современном мире существует также множество тоталитарных сект, например секта Муна.

Религиозная форма тоталитаризма возможна лишь в тех странах, в которых господствует религиозное мировоззрение и сама религиозная идеология приспособлена для детальной регламентации поведения людей. Примером такой идеологии является ислам, содержащий целый комплекс норм повседневного поведения людей. В тех же странах, где влияние религии относительно невелико и сама она плохо совместима с идеями всеобъемлющего контроля над личностью, возможны иные формы тоталитаризма, наиболее известной из которых выступает политический тоталитаризм.

Классическая модель тоталитаризма, отождествляющая его с политическим тоталитаризмом, базируется на тех признаках, которые в большей или меньшей степени были присущи сталинистскому режиму в СССР, национал-социалистическому — в Германии и фашистскому (Муссолини) — в Италии. Эти черты она рассматривает как общие признаки тоталитаризма.

В первом случае главной опорой, носителем тоталитарного порядка выступает церковь, религиозные институты в целом, использующие для управления сознанием масс религиозную идеологию. Во втором случае таким носителем является политическая власть и, прежде всего, партия-государство, осуществляющая свое господство на базе политической идеологии (официальный марксизм, национал-социализм и т. п.). В третьем случае главной опорой и двигателем тоталитаризма служат транснациональные информационные корпорации, которые через СМИ внедряют в общественное сознание специфическую нерелигиозную и во многом деполитизированную идеологию, представляющую собой конгломерат идей и ценностей потребительства, индивидуализма, абстрактной, негативной свободы (отсутствие ограничений для экспансии сильного) и успеха как возвышения над другими. Ядром, системообразующим фактором идеологии информационного тоталитаризма выступают ценности сохранения социального статус-кво и политической стабильности. Используя в качестве критерия классификации ведущие формы социального контроля, применяемого тоталитарным режимом, В. П. Пугачев, выделяет *три главных типа тоталитаризма: религиозный, политический и информационный (информационно-финансовый)* [71, 178].

5.2.3. Характерные черты политического тоталитаризма

Первоначально системная характеристика тоталитарных политических порядков шла по пути выделения наиболее важных и принципиальных черт тоталитаризма. В частности, К. Фридрих и З. Бжезинский [83] выделили шесть его основных признаков:

- наличие «тоталистской» идеологии;
- существование единственной партии, возглавляемой сильным лидером;
- всеилие секретной полиции;
- монополию государства над массовыми коммуникациями и над средствами вооружения;
- монополию государства над всеми организациями общества, включая экономические.

Известный теоретик К. Поппер [69] усматривал черты тоталитарной организации власти и общества

- в строгом классовом делении общества;
- в отождествлении судьбы государства с судьбой человека;
- в стремлении государства к автаркии, навязывании государством обществу ценностей и образа жизни господствующего класса;
- в присвоении государством права на конструирование идеального будущего для всего общества и т. д.

Как можно заметить, в этих первоначальных описаниях тоталитарных порядков главный упор делался на определенных характеристиках государства. Однако само по себе государство не может стать системой тотального контроля, поскольку в основе своей ориентировано на закон и установленную им систему регламен-

тации поведения граждан. Тоталитаризм же делает ставку на власть, рождаемую волей «центра» как специфической структуры и института власти. При данном политическом устройстве в обществе формируется система власти, стремящаяся к *абсолютному* контролю над обществом и человеком и не связанная ни законом, ни традициями, ни верой. Диктатура становится здесь формой тотального господства над обществом этого «центра» власти, его всепоглощающего контроля за социальными отношениями и систематического применения насилия.

5.2.3.1. Сфера сознания

Тоталитарные системы возникают не стихийно, а на основе определенного идеологического образа. Тоталитаризм — порождение человеческого разума, его попытка поставить под непосредственный рациональный контроль всю общественную и личную жизнь, подчинить ее определенным целям. Поэтому при выявлении общих черт этого типа политической системы отправным пунктом является анализ лежащей в ее основе идеологии и общественного сознания. В идеологии тоталитарная система черпает свои жизненные силы. Именно идеология определяла социальные горизонты развития общества на пути утверждения того или иного политического идеала, формировала соответствующие институты и нормы, закладывала новые традиции, создавала пантеоны своих героев, ставила цели и задавала сроки их реализации. Только идеология оправдывала реальность, привносила смысл в действия властей, в социальные отношения, культуру. Все, что отрицалось идеологическим проектом, подлежало уничтожению, все, что предписывалось им, — непременно воплощению. Занимая центральное место в политических механизмах, идеология превращалась из *инструмента* власти в *саму власть*. В силу этого и тоталитарный политический режим, и тоталитарная система политической власти становились разновидностью *идеократии*, или, с учетом священного для властей характера этой доктрины, «обратной теократией» (Н. Бердяев [8а]).

При этом в первую очередь решались задачи *рационализации и идеологизации общественного сознания*.

Идеологизация всей общественной жизни, стремление подчинить единственно верной теории с помощью планирования все экономические и социальные процессы — важнейшая черта политического тоталитаризма. Законодательная, исполнительная и судебная системы контролируются из одного центра — политического и идеологического института — партии. Различным формам тоталитарной идеологии присущи некоторые общие свойства. Прежде всего это заимствованная у религиозных идеологий телеологическая (целевая) ориентация во взглядах на общественное развитие. Тоталитарная идеология заимствует *хилиастические* идеи о счастливом завершении истории, достижении конечного смысла существования человека, которым может выступать коммунизм, тысячелетний Рейх и т. п. Привлекательная утопия, рисующая манящий образ будущего строя, используется для оправдания повседневных трудностей и жертв народа.

Идеология политического тоталитаризма проникнута *патерналистским* духом, покровительским отношением вождей, постигших социальную истину, к недостаточно просвещенным массам. Идеология как единственно верное учение носит обязательный для всех характер. В нацистской Германии даже был издан специальный закон, предусматривающий единую, обязательную для всех немцев идео-

логию. Тоталитарное общество создает мощную систему идеологической обработки населения, манипулирования массовым сознанием.

Для политического тоталитаризма характерна монополия власти на информацию, полный контроль за СМИ, нетерпимость ко всякому инакомыслию, рассмотрение идейных оппонентов как политических противников. Этот строй устраняет общественное мнение, заменяя его официальными политическими оценками. Отрицаются общечеловеческие основы морали, а сама она подчиняется политической целесообразности и по существу разрушается.

Подавляется индивидуальность, оригинальность в мыслях, поведении и т. п. Проводится унификация и регламентация политической, общественной и духовной жизни. Культивируются стадные чувства: стремление не выделяться, быть как все, а также низменные инстинкты: классовая или национальная ненависть, зависть, подозрительность, доноительство и т. п. В сознании людей создается образ врага, с которым не может быть примирения.

Несмотря на различия социальных целей, формулируемых в различных тоталитарных режимах, их идейные основания были по сути идентичными. Все тоталитарные идеологии предлагали обществу свой собственный вариант установления социального счастья, справедливости и общественного благополучия. Однако установление такого идеального строя жестко увязывалось и основывалось на утверждении *социальных привилегий* определенных групп, что оправдывало любое насилие по отношению к другим общностям граждан. Например, советские коммунисты связывали установление общества «светлого будущего» с определяющей ролью пролетариата, рабочего класса. В то же время немецкие нацисты вместо класса ставили в центр созидания нового общества нацию, германскую расу, которая должна была занимать центральное место в построении «рейха». Идеология «чучхе» ставит вопрос об исключительности корейцев как особой национальной группы, находящейся под руководством «великого вождя» Ким Чен Ира — наследника Ким Ир Сена. Таким образом, независимо от занимаемого этими идеологиями места в идейно-политическом спектре все они становились орудием обеспечения интересов социальных лидеров и, следовательно, средством оправдания репрессий и насилия над их противниками.

Тоталитарные идеологии относятся к типу *мифологических* идейных образований, поскольку делают акцент не на отображение реальности, а на популяризацию искусственно созданной картины мира, повествующей не столько о настоящем, сколько о будущем, о том, что необходимо построить и во что требуется свято верить. Конструируя образ будущей светлой жизни, идеологи тоталитаризма действуют по принципу «упрощения» реальности, т. е. схематизации живых социальных и политических связей и отношений и подгонки действительности под заранее созданные образы и цели.

Такие идеологемы оказываются чрезвычайно далекими от действительности, но одновременно и крайне привлекательными для нетребовательного или дезориентированного сознания масс. Учитывая, что тоталитарные идеологии выходят на политический рынок в годы тяжелейших общественных кризисов, их влияние, переориентирующее общественное мнение с реальных противоречий на будущие и потому легко решаемые чисто умозрительным путем, как правило, усиливается.

Непременным фактором роста влияния тоталитарных идеологов на общественное мнение является и их неразрывная связь с *авторитетом* сильного лидера, партии, который «знает», что говорит, и уже успел продемонстрировать обществу свою решительность в достижении намеченных целей, особенно в борьбе с врагами «народного счастья».

Мифологические идеологии чрезвычайно *конфронтационны*. Они безапелляционно настаивают на своей правоте и бескомпромиссно настроены против идейных противников. В обществе функционирует только официальная идеология, жестокому преследованию подвергаются все иные идейные течения. Одна из главных задач носителей мифологических идеологий — развенчание идей противников и вытеснение конкурентов из политической жизни. Именно с этой интенцией, как правило, связываются идеи внешней экспансии соответствующих сил, их стремление «осчастливить» жизнь не только своему, но и другим народам. Исходя из понимания непримиримости тоталитарной идеологии с ее оппонентами и стремления сохранить идейную чистоту общества власть видит в качестве своей основной задачи искоренение инакомыслия и уничтожение всех идейных конкурентов. Главный лозунг, которым она пользуется в этом случае, — «кто не с нами, тот против нас». Поэтому все тоталитарные режимы формировались как яростные борцы за чистоту идей, направляя острие политических репрессий прежде всего против идеологических противников.

Характерно, что интенсивность репрессий не менялась из-за признания «внешнего» или «внутреннего» врага. Так, для советских коммунистов политическими противниками была не только «мировая буржуазия», но и представители целого ряда социальных кругов: сторонники царского режима (белогвардейцы), служители культа (священники), представители либеральной гуманитарной интеллигенции («прислужники буржуазии»), предприниматели, кулачество (воплощавшие непереносимый коммунистами дух частной собственности). Германские нацисты внутренними врагами объявляли евреев и других представителей «низших рас», которые якобы несли угрозу рейху. Делалась ставка на свою расу (может быть, в скрытом и закамуфлированном виде; например, в нашей стране — идея «единого советского народа»).

Характерно, что, несмотря на различие в идеологических целях режимов, методы, применявшиеся ими для борьбы с идейными противниками, были практически одними и теми же: изгнание из страны, помещение в концентрационные лагеря, физическое уничтожение. Непрерывность идеологической борьбы за чистоту помыслов выражалась в систематическом применении репрессий против целых социальных и национальных слоев. В СССР с 1920—30-х гг. постоянно проводились массовые процессы над «шпионами», «врагами народа», «предателями», отдельными национальностями, «вступившими в сговор с врагами», «врачами-вредителями», «диссидентами», «внутренними иммигрантами» и т. д. Уничтожив или подавив на время конкурентов в обществе, правящие партии неизменно переносили острие «очистительной идейной борьбы» внутрь своих рядов, преследуя недостаточно лояльных членов, добиваясь более полного соответствия их поведения и личной жизни провозглашаемым идеалам. Такая важнейшая для сохранения режимов политика сопровождалась кампаниями «по промыванию мозгов», поощрению доноительства, контролю над лояльностью.

В угоду укоренению новой системы ценностей тоталитарные режимы использовали собственную *семантику*, изобретали символы, создавали традиции и ритуалы, предполагавшие сохранение и упрочение непрременной лояльности к власти, умножение уважения и даже страха перед нею. На основе идеологий не только проектировалось будущее, но и переосмысливалось, а точнее, переписывалось прошлое и даже настоящее. Как метко писал В. Гроссман [16], «...государственная мощь создавала новое прошлое, по-своему двигала конницу, наново назначала героев уже свершившихся событий, увольняла подлинных героев. Государство обладало достаточной мощью, чтобы наново переиграть то, что уже было однажды и на веки веков совершенно, преобразовать и перевоплотить гранит, бронзу, отзвучавшие речи, изменить расположение фигур на документальных фотографиях. Это была поистине новая история. Даже живые люди, сохранившиеся от тех времен, по-новому переживали свою уже прожитую жизнь, превращали самих себя из храбрецов в трусов, из революционеров в агентов заграницы».

Однако, не имея возможности подкрепить пропагандируемые цели и идеалы устойчивым ростом народного благосостояния, раскрепостить гражданскую активность, утвердить атмосферу безопасности и доверительности к власти, тоталитаризм неизбежно «вымывал» собственно идейное, смысловое содержание своих высоких целей, стимулировал поверхностное и формальное восприятие этих идеалов, превращал идейные конструкции в разновидность некритически воспринимаемых вероучений. Таким образом создаваемая солидарность государства и общества поощряла не сознательную заинтересованность населения в укреплении и поддержке режима, а бездумный фанатизм отдельных индивидов. И ни жесткая фильтрация, ни контроль за информацией не приносили успеха. «Железный занавес» не спасал людей от их привычки к свободному мышлению.

Идеократия в условиях тоталитаризма органически связана с монопольным использованием властью имущими средств массовой информации, что позволяет не только господствовать над мыслями граждан, но и обращаться через пропаганду к чувствам граждан, насаждая угодные власти мифы и мифологию, культы и «культики», воспитывая население в духе обожествления своих вождей, окружая их ореолом всемогущества и непогрешимости. Широко используемый в этих целях популизм призван внушить гражданам не только то, что поставленная перед обществом цель наилучшим образом отвечает интересам каждого человека, но и то, что стоящие у власти лидеры — наилучшие выразители устремлений и чаяний народа. При тоталитаризме не идеология является инструментом государства, а государство используется в качестве средства создания и сохранения этой идеологизированной политической системы.

5.2.3.2. Политические черты

В соответствии с логикой тоталитарной системы всеобщая идеологизация общества дополняется его тотальной *политизацией*, т. е. гипертрофированным развитием аппарата власти, ее проникновением во все поры социального организма. Всесильная власть выступает главным гарантом идеологического контроля над населением. Тоталитаризм стремится к полному устранению гражданского общества, частной жизни. Политическая система, а точнее партийно-государственная

организация общества, служит стержнем, фундаментом всей социальной и экономической организации, которая отличается жесткой иерархической структурой.

Ядром тоталитарной политической системы выступает предельно централизованное политическое движение за новый порядок во главе с партией нового, тоталитарного типа. Эта партия срастается с государством и концентрирует в себе реальную власть в обществе. Запрещается всякая политическая оппозиция и создание без санкций властей любых организаций.

В то же время тоталитарная политическая система претендует на выражение народной воли, воплощение высшей народности или демократии высшего типа. Она использует безальтернативные, преимущественно акламационные формы демократии, создающие видимость всенародной поддержки, но не позволяющие оказывать реальное влияние на процесс принятия решений. С помощью псевдодемократических институтов власти обеспечивается высокая формальная мобилизация и участие в выборах. В стране признается право на существование только одной правящей партии. Подавляются всякие попытки создания альтернативных политических и общественных объединений. Легальная политическая оппозиция отсутствует. Оппозиционные взгляды проявляются преимущественно в форме диссидентства. Существует строгая цензура над всеми средствами массовой информации, запрещено критиковать представителей власти. Религия и церковь формально отделены от государства, но находятся под его жестким контролем.

К собственно политическим чертам тоталитарного общества относится также наличие мощного аппарата социального контроля и принуждения (службы безопасности, армия, милиция и т. п.), массовый террор или запугивание населения. Полиция, армия, спецслужбы наряду с функциями обеспечения правопорядка выполняют функции карательных органов государства и выступают в качестве инструмента массовых репрессий. Слепая вера и страх — главные ресурсы тоталитарного управления. Осуществляется сакрализация верховной власти и ее носителей, создается культ вождей.

5.2.3.3. Институциональные и нормативные свойства тоталитаризма

Необходимость сохранения идейной чистоты и целеустремленности в построении «нового» общества предполагала и совершенно особое построение институциональной и нормативной сферы тоталитарной системы.

Потребность в жесткой идейной ориентации государственной политики, поддержании постоянного идеологического контроля над деятельностью всех органов власти предопределяет *срастание* государства и правящей партии и образование того «центра» власти, который невозможно было идентифицировать ни с государством, ни с партией. Такой симбиоз государственных и партийных органов не давал возможности «развести» их функции, определить самостоятельные функции и ответственность за их исполнение. СССР дал значительно более богатый исторический опыт тоталитарного правления, чем другие страны, показав образцы тех социальных и политических отношений, к которым вела логика развития тоталитаризма.

Именно на примере СССР хорошо видно, как партийные комитеты направляли деятельность практически всех государственных структур и органов власти. Руководящая роль коммунистической партии, закрепленная в конституции страны,

означала полный приоритет идеологических подходов при решении любых общезначимых (государственных) экономических, хозяйственных, региональных, международных и прочих проблем.

Монолитность политической власти предполагала не разделение, а практическое *срастание всех ветвей власти* — исполнительной, законодательной и судебной. Политическая оппозиция как публичный институт полностью отсутствовала. Механизмы самоуправления и самоорганизации утратили присущие им автономность и самостоятельность. Власть делала акцент только на коллективные формы и способы социальной и политической активности. Выборы целиком и полностью подвергались беззастенчивому режиссированию, выполняя таким образом сугубо декоративную функцию. Так, в течение долгих лет число участвовавших в голосовании постоянно превышало 99 %, различаясь лишь сотыми долями процентов. При этом результаты выборов нередко утверждались на заседаниях Политбюро ЦК КПСС еще до их окончания.

Для контроля над монопольным политическим порядком власти создавалась мощная секретная *политическая полиция* (в Германии — отряды СС, в СССР — ВЧК, НКВД, КГБ). Это был механизм жесткого всепроникающего контроля и управления, не имевшего исключений и зачастую использовавшийся для решения конфликтов внутри правящего слоя. Одновременно это была и наиболее привилегированная область госслужбы, работники которой наиболее высоко оплачивались, а инфраструктура интенсивно развивалась, усваивая и воплощая самые передовые мировые технологии. В сочетании с усилением механизмов административного контроля потребность в постоянном контроле общества обусловила тенденцию к возрастанию и усилению массовости аппарата власти. Таким образом, в обществе все время присутствовала потребность в увеличении численности служащих. На этой основе в СССР сложился мощный слой номенклатуры, служебно-профессиональной касты, обладавшей колоссальными социальными привилегиями и возможностями.

В силу этих базисных свойств тоталитаризм функционировал как система, наиболее ярко противостоявшая плюрализму, множественности агентов и структур политической жизни, разнообразию их мнений и позиций. Самый страшный враг тоталитаризма — *конкуренция*, ориентированная на свободный выбор людьми своих идейных и политических позиций. Боязнь не только политического протеста, но и социального разнообразия, стремление к унификации всех социальных форм поведения не ограничивали только формы выражения поддержки властей, где, напротив, поощряли разнообразие и инициативу.

Универсальная и по сути единственная политико-идеологическая форма регулирования всех социальных процессов *стерла* при тоталитаризме *границу* и между государством и обществом. Власть получила неограниченный доступ во все сферы общественных отношений, вплоть до личной жизни человека, активно используя для этого методы террора, агрессии, геноцида против собственного народа. Причем контроль не только со стороны официальных структур за социальной активностью человека, но и со стороны непосредственного социального окружения (друзей, родственников, сослуживцев) оставлял человека один на один с громадой репрессивной власти. Как писала Х. Арендт [6], «главная черта человека массы (при тоталитаризме) — не жесткость и отсталость, а его изоляция и нехватка нор-

мальных социальных взаимоотношений». Создание захватившей все общество системы осведомительства, нравственно-этическое оправдание доноительства как высшего выражения гражданского долга атомизировало общество, разрушало скрепляющие социум связи и отношения.

Несмотря на постоянно провозглашаемый «народный» характер власти, система принятия решений в тоталитарных системах оказалась абсолютно *закрытой* для общественного мнения. Формально провозглашенные законы, нормы, конституционные положения не имели никакого значения по сравнению с целями и намерениями властей. Конституция 1936 г. была одной из самых демократических в мире. Но именно она прикрывала массовые репрессии коммунистов против собственного народа. Политические свободы и права граждан зафиксированы формально, но реально отсутствуют. Законы защищают только интересы государства. Действует принцип «запрещено все, что не приказано». Наиболее же типичным и распространенным основанием реального регулирования общественных отношений служила ориентация институтов власти на мнение вождя и сакрализация позиций последних.

Безусловным приоритетом в регулировании общественных отношений обладали *силовые* и *принудительные* методы и технологии. Но на достаточно высоком уровне зрелости это всепроникающее силовое регулирование социальных связей предопределило утрату тоталитарными системами их собственно *политического* характера, вырождение в систему власти, построенную на принципах административного принуждения и диктата.

Абсолютное (тотальное) господство над обществом и человеком рассматриваемой системы обеспечивается, как правило, сочетанием политического господства с идеологическим порабощением, что проявляется не только в том, что в тоталитарных системах налицо господство определенных идей (идеократия), обосновывающих право подобных режимов на существование, стремящихся цель режима и его организацию сделать единственно возможными для всех. Особенно важно то, что в силу этого в тоталитарных системах всегда господствуют не государственные, а партийные структуры (партия-государство). Соответственно, вся власть сосредоточивается в руках политического лидера харизматического типа, вождя, присоединяющего к своим политическим атрибутам властвования еще суеверное поклонение граждан, что достигается путем сознательного насаждения культа вождя.

Одно из центральных мест в тоталитарных системах отводится системе насилия, механизму репрессий, призванных обеспечивать и поддерживать контроль власть имущих над всем обществом и его гражданами. Это обеспечивает поддержку власти со стороны абсолютного большинства населения. Конечно, репрессивные органы, обеспечивающие существование и функционирование тоталитаризма как антигуманной общественно-политической системы, возникают и складываются не в один день и, естественно, отличаются друг от друга не только по своей структуре, но и по своей жестокости. Весьма существенны также различия на разных ступенях истории той или другой системы тоталитаризма. Однако неизменно то, что, где бы ни имел место тоталитарный режим, террор — неотъемлемое средство его внутренней политики, а страх граждан перед произволом, необоснованными репрессиями — один из важнейших гарантов стабильности тоталитарных систем.

5.2.3.4. Социальные и экономические признаки

Тоталитаризм пытается создать адекватную себе социальную структуру. Стремясь найти массовую опору, он провозглашает *превосходство* определенного класса, нации или расы, дихотомически делит всех людей на своих и чужих. При этом обязательно находится внутренний или внешний враг — буржуазия, империализм, евреи, коммунисты и т. п. Формально права национальных меньшинств провозглашены, на деле существенно ограничены.

Тотальное подчинение общества и граждан власть имущим закономерно связано с проникновением идейно-политического контроля во все сферы жизнедеятельности человека и общества, что неизбежно ведет к стиранию грани между политическим и социальным, к отрицанию водораздела между государственной властью и обществом, к уничтожению всякой автономии индивида и его жизни, что приводит к поглощению гражданского общества государством.

Личность утрачивает автономию и права, становится полностью беззащитной перед всемогущей властью, попадает под ее тотальный контроль. Делается попытка сформировать «нового человека», определяющими чертами которого является беззаветная преданность идеологии и вождям, исполнительность, скромность в потреблении, готовность на любые жертвы ради «общего дела».

Одновременно с ломкой прежней социальной структуры формируется новая. Общество дифференцируется главным образом в зависимости от распределения власти. Обладание властью или влияние на нее становится основой социальной стратификации, экономических и социальных привилегий. Формируется новый, номенклатурный господствующий класс — главная опора тоталитарного строя. Хотя тоталитаризм, особенно в его наиболее последовательном, сталинском варианте, осуществляя уравниловку в распределении для большинства граждан, претендует на формирование социально однородного общества, в действительности же порождает социальное неравенство. Несмотря на жесткий контроль государством всех сфер общественной жизни в обществе развито взяточничество и коррупция. Люди живут по нормам двойной морали: «говорим одно, думаем другое».

В тоталитарном обществе человек нигде и никогда не находится «у себя», а общество почти никогда и ни в каком аспекте не выступает как гражданское общество, отделенное от государства и существующее отдельно и независимо от него, ибо для существующей в тоталитарном обществе власти нет никаких законодательных или правовых ограничений, закрывающих ей доступ в те или иные сферы общественной или личной жизни: все подконтрольно, а сам контроль тотален.

Господство идеологии и политики проявляется не только в социальной сфере, но и в *экономике*. Здесь отличительными чертами политического тоталитаризма являются этатизация, огосударствление хозяйственной жизни, сильное ограничение, а в идеале полное устранение частной собственности, рыночных отношений, конкуренции, планирование и командно-административные методы управления. Полное господство крупных предприятий, недопущение частной собственности ставило государство в положение единственного работодателя, самостоятельно определявшего и условия труда, и критерии оценки его результатов, и потребности населения. Устанавливается монополия государства на распоряжение всеми важнейшими общественными ресурсами и самим человеком. Хозяйственная ини-

циатива отдельных работников признавалась лишь в рамках укрепления этих отношений, а все виды индивидуального предпринимательства («спекуляции») причислялись к криминально наказуемым.

5.2.3.5. Разновидности политического тоталитаризма

Наряду с общностью основополагающих институциональных черт государства политического тоталитаризма имеют и существенные особенности, что позволяет выделить несколько их важнейших разновидностей. В зависимости от господствующей идеологии, влияющей на содержание политической деятельности, их обычно подразделяют на *коммунизм, фашизм и национал-социализм*.

При всем относительном разнообразии тоталитарных порядков в фашистской Германии, сталинском СССР, Албании, ряде африканских стран, постреволюционном Иране времен А. Хомейни, на Кубе, в Северной Корее и других странах мира история дала образцы двух основных типов тоталитаризма: *фашистского* (национал-социалистского, нацистского) и *коммунистического* (советского). Каждый из них отличается своеобразием институтов, степенью элитаризма, идейными постулатами, характером и масштабами репрессий и т. п. Причем самой исторически длительной явилась коммунистическая форма тоталитаризма, продемонстрировавшая этапы и фазы развития этих политических порядков.

Исторически первой и классической формой политического тоталитаризма стал *коммунизм* (социализм) советского типа, начало которому положила военнo-коммунистическая система, сформировавшаяся в общих чертах в 1918 г. Коммунистический тоталитаризм в большей степени, чем другие разновидности, выражает основные черты этого строя, поскольку предполагает полное устранение частной собственности и, следовательно, всякой автономии личности, абсолютную власть государства.

И все же характеристика социализма советского типа как тоталитаризма односторонняя и не раскрывает содержание и цели политики в этом типе общества. Несмотря на многие тоталитарные формы политической организации, социалистической системе присущи и гуманные политические цели. Так, например, в СССР эта система смогла резко повысить уровень образования народа, сделать доступным для него достижения науки и культуры, обеспечить социальную защищенность населения, развитие экономики, космической и военной промышленности и т. д., резко сократить преступность, к тому же в послесталинский период власть не прибегала к массовым репрессиям.

Вторая разновидность тоталитаризма — право-экстремистское политическое движение, *фашизм*. Возник в обстановке революционных процессов, охвативших страны Западной Европы после первой мировой войны и победы революции в России. Впервые фашистский режим был установлен в Италии в 1922 г. Здесь тоталитарные черты были выражены не в полной мере. Итальянский фашизм тяготел не столько к радикальному строительству нового общества, сколько к возрождению величия Римской империи, установлению порядка, твердой государственной власти. Фашизм претендует на восстановление или очищение «народной души», обеспечение коллективной идентичности на культурной или этнической почве, ликвидацию массовой преступности. Он выражал интересы наиболее реакционных кругов капиталистического общества, оказывавших фашистским движе-

ниям финансовую и политическую поддержку, стремившихся использовать их для подавления революционных выступлений трудящихся масс, сохранения существующего строя и осуществления своих имперских амбиций на международной арене. В Италии границы фашистского тоталитаризма устанавливались за счет позиции наиболее влиятельных в государстве кругов: короля, аристократии, офицерского корпуса и церкви. Когда обреченность режима стала очевидной, эти круги сами смогли отстранить Муссолини от власти.

Третья разновидность политического тоталитаризма — *национал-социализм*. Как реальный политический и общественный строи он возник в Германии в 1933 г. Цель — мировое господство арийской расы. Национал-социализм имеет родство с фашизмом, хотя многое заимствует у советского коммунизма, и прежде всего революционные и социалистические компоненты, формы организации тоталитарной партии и государства и даже обращение «товарищ». В то же время место класса здесь занимает нация, место классовой ненависти — ненависть национальная и расовая. Главные различия основных разновидностей тоталитаризма отчетливо выражены в их целях (соответственно: коммунизм, возрождение империи, мировое господство арийской расы) и социальных предпочтениях (рабочий класс, потомки римлян, германская нация). Если в коммунистических системах агрессивность направлена прежде всего вовнутрь — против собственных граждан (классового врага), то в национал-социализме — вовне, против других народов.

Любые государства политического тоталитаризма так или иначе примыкают к трем основным разновидностям тоталитаризма, хотя внутри каждой из этих групп имеются существенные различия, например между сталинизмом в СССР и диктаторским режимом Пол-Пота в Кампучии.

Политический тоталитаризм в его коммунистической форме оказался наиболее живуч. В отдельных странах (например, в Северной Корее) он существует и сегодня. История показала, что тоталитарная система обладает достаточно высокой способностью мобилизации ресурсов и концентрации средств для достижения ограниченных целей, например победы в войне, оборонного строительства, индустриализации общества и т. д. Некоторые авторы рассматривают тоталитаризм как одну из политических форм модернизации слаборазвитых стран.

Нетрудно заметить, что изложенная выше классическая модель тоталитаризма соответствует политическим реалиям лишь узкого круга государств: сталинскому СССР, гитлеровской Германии и т. д., к тому же не отражает глубокие различия между ними. Хотя в той или иной степени некоторые из рассмотренных черт политического тоталитаризма, особенно отражающие командно-административный тип управления, были присущи целому ряду социалистических и других государств.

Как уже отмечалось, тоталитаризм не сводится лишь к диктаторским политическим системам, противостоящим западным демократиям. Тоталитарные тенденции проявляются в стремлении заорганизовать жизнь общества, ограничить личную свободу, сформировать лояльный существующему строю тип личности и подчинить индивида, включая образ его мыслей и поведения, государственному и иному социальному контролю.

В последние десятилетия в современном мире не только значительно возросло количество демократических государств, усилилась популярность демократичес-

кой формы правления в целом, но стала заметной и другая тенденция — попытки осуществлять систематический контроль над сознанием и поведением людей и в первую очередь их электоральным выбором с помощью СМИ и экономических ресурсов. Учитывая приоритетную роль в управлении массовым сознанием масс-медиа и методов информационного манипулирования, а также денег, эту тенденцию можно охарактеризовать как информационный или информационно-финансовый, тоталитаризм.

§ 3. НЕОТОТАЛИТАРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

5.3.1. Основные тенденции современного тоталитаризма

Применительно к XXI в. имеется достаточно оснований утверждать, что тоталитаризм как общественная реальность и отображающие и предвосхищающие ее идеи и концепции не утрачивают своей актуальности. Более того, в ходе развертывающейся информационной революции и устранения в результате перехода к монополярному миру механизма сдержек антигуманной политики существовавшего в эпоху противоборства двух противоположных идеолого-политических блоков, новые, современные тоталитарные тенденции представляют все большую угрозу для свободы и демократии. Это обусловлено тем, что соревнование социализма и капитализма оценивалось в основном на шкале гуманных ценностей: свободы и социальной защищенности личности, уважения прав человека, высоты жизненного стандарта и т. п.

Тоталитаризм как крайняя форма социального контроля, предполагающая контроль за сознанием людей, — это не только явление прошлого, но и одна из возможных альтернатив грядущего развития человечества. Не случайно большинство авторов тоталитарных антиутопий связывали тоталитаризм с будущим развитием современного им общества.

В упомянутой выше работе К. Фридриха и З. Бжезинского [83] высказана мысль о том, что с течением времени тоталитаризм будет эволюционировать в сторону большей рациональности, сохранив свои основополагающие конструкции для воспроизводства власти и общественных порядков. Иными словами, источник опасности для тоталитаризма они видели вне системы. Жизнь в основном подтвердила эту мысль, хотя продемонстрировала и внутренние факторы дестабилизации этого порядка.

Как показала история, система власти, построенная на главенстве единственной идеологии и соответствующей ей структуре политических институтов и норм, не способна гибко приспосабливаться к интенсивной динамике сложносоставных обществ, с выявлением гаммы их разнообразных интересов. Это — внутренне закрытая система, построенная на принципах гомеостаза, борющаяся с внутренним вакуумом, которая движется по законам самоизоляции. Поэтому в современном мире тоталитаризм не может обеспечить политические предпосылки ни развития

рыночных отношений, ни органичного сочетания форм собственности, ни поддержку предпринимательства и экономической инициативы граждан.

Тем не менее и у тоталитаризма есть некоторые шансы на локальное возрождение. Ведь многие десятилетия террора сформировали у населения стран с тоталитарным режимом определенный тип культурных ориентации, который способен воспроизводить соответствующие нормы и стереотипы, независимо от сложившихся политических условий. Не удивительно, что на постсоветском пространстве сегодня нередко складываются своеобразные протототалитарные режимы, при которых не действуют оппозиционные СМИ, руководители оппозиции подвергаются репрессиям и даже физическому уничтожению, безраздельно властвует патриархальщина и откровенный страх перед властью. Поэтому окончательное уничтожение призрака тоталитаризма органически связано не только с наличием демократических институтов и вовлечением стран и народов в новые информационные отношения. Колоссальное значение имеет и понимание людьми ценностей демократии и самоуважение, осознание ими как гражданами своей чести и достоинства, рост их социальной ответственности и инициативы.

После краха большинства коммунистических государств не все страны оказались готовы к демократии и переходу к ней. В некоторых молодых государствах установились националистические режимы, общественный строй которых с известными оговорками можно отнести к типу политического тоталитаризма. В наши дни оживилась, казалось бы, ушедшая в прошлое религиозная форма тоталитаризма. Это проявляется в активизации исламского фундаментализма, расширении количества и усилении влияния религиозных тоталитарных сект и т. д.

Что же касается информационно-финансового тоталитаризма, то эта разновидность еще не проявилась в завершенной форме, и потому сегодня ее можно обрисовать лишь в самом общем виде *как одну из тенденций развития информационного общества*, в которое вступает человечество. Усиление роли средств массовой коммуникации в обществе, появление новых информационных технологий, создание глобальных коммуникационных сетей и прежде всего Интернета может быть использовано как в интересах укрепления демократии, расширения политической информированности и компетентности граждан, их прямого участия в обсуждении и принятии политических решений, так и в целях укрепления привилегированного положения или даже социального господства определенных общественных групп или отдельных государств. С последней из этих тенденций и связан информационно-финансовый тоталитаризм.

Эта его разновидность, как и тоталитаризм в целом, несовместима с ценностями гуманизма, реальной свободы и демократии, провозглашенными Мировым Сообществом.

Понять истоки и особенности информационного тоталитаризма можно, лишь зная ту социальную среду, которая делает возможным и порождает тоталитаризм. Анализ *предпосылок и причин тоталитаризма*, констатация их наличия или отсутствия, их усиления или ослабления в XXI в. дают основания судить о тенденциях в эволюции тоталитаризма в наши дни.

5.3.2. Рост рационализма и организованности в общественном сознании и организации

Одна из исходных, важнейших предпосылок тоталитаризма — *нарастание рационализма* в общественном сознании и организации. Тоталитаризм на основном, общегосударственном уровне, как неоднократно отмечали его теоретики, вырос на почве успехов рационализма из веры в возможность разумно (с точки зрения определенной группы лиц) организовать всю жизнь общества.

Ослабла ли в современных условиях вера в неограниченные возможности разума по управлению обществом и реальные возможности такого управления? Конечно, нет. Резкое увеличение объема знаний, создание глобальных, общемировых информационных систем, новые крупные достижения в области поведенческих и управленческих наук, в том числе управления сознанием и поведением людей, однозначно свидетельствуют *о нарастании рационализма и реальных возможностей по управлению различными общественными процессами*.

Следующая важнейшая, прямо связанная с усилением влияния рационализма на общественную мысль и политику предпосылка тоталитаризма — *рост общественной организации*. Тоталитаризм XX в. вырастает из стремления к глобальной, всеобъемлющей организации общества на научных основах. Организация рассматривается теоретиками тоталитаризма как средство эффективного управления. Современные, претендующие на научность тоталитарные идеи и концепции не случайно зародились и распространились в стране с наиболее развитыми традициями организованности — Германии (немецкие идеи прямо повлияли и на тоталитарную модель в СССР). «Германия, — писал один из идейных вдохновителей национал-социализма В. Освальд, — стремится организовать Европу, которой до сих пор не хватает организованности: мы или, может быть, германская раса, первыми поняли важность организации... Мы уже достигли полной организованности».

Сегодня развитые страны далеко обошли Германию начала XX столетия по уровню организованности различных сфер общественной жизни. Причем традиционные политические, прежде всего государственные организации пополнились такими новыми, всепроникающими институтами, как, например, налоговые службы. Появились многообразные, часто сросшиеся с властью группы интересов. Всеобъемлющая по своему охвату организация общества при определенных условиях может быть использована для ограничения свободы личности, тотального контроля над гражданами, программирования их сознания и поведения. Вывод в пользу такого рода использования роста общественной организованности сделал еще «отец» итальянского фашизма Б. Муссолини: «Мы первыми заявили, что чем сложнее становится цивилизация, тем более ограничивается свобода личности».

5.3.3. Средства контроля

Научно-технический прогресс и прежде всего начавшаяся в конце нынешнего века информационная революция качественно изменили и резко усилили такую важнейшую предпосылку тоталитаризма, как *средства контроля за личностью*. На протяжении многих веков и даже тысячелетий отсутствие эффективных средств контроля ограничивало возможности власти в надзоре за подданными, не позво-

ляло росткам тоталитаризма пробиться за границы сравнительно небольших уровней общественной организации — общин, сект, орденов и т. п.

Уже первые модели тоталитаризма на уровне крупных государств стали возможны лишь в результате научно-технического прогресса и прежде всего распространения средств массовых коммуникаций: прессы, телеграфа, радио, а затем и телевидения. Невиданные доныне, широчайшие возможности для контроля за сознанием и поведением граждан дают происходящие в современном мире глобальная информатизация и компьютеризация общества. Они делают технически возможными не только систематическую идеологическую индоктринацию (внедрение идеологии), тотальное «промывание мозгов», но и управление индивидуальным и групповым сознанием и поведением. Как отмечает О. Тоффлер, в конце XX — начале XXI вв. именно знания и информация становятся ключевым ресурсом власти. Они позволяют «достичь искомым целей, минимально расходуя ресурсы власти; убедить людей в их личной заинтересованности в этих целях; превратить противников в союзников» [79, 16].

Коммуникационная революция, проявившаяся в создании спутниковой связи, кабельного радио и телевидения, компьютерных текстовых коммуникационных систем (видео-, экранных и кабельных текстов и др.), а также в массовом распространении компьютеров, создала возможность электронного контроля за жизнью, образом мыслей, планами и настроениями как отдельных граждан, так и любых общественных организаций. Современные компьютерные сети позволяют накапливать и использовать обширнейшую информацию о здоровье, общественной активности, политических установках, личных связях, финансовых делах, встречах и поездках граждан и т. д. Собирать же информацию с различных электронных досье можно сравнительно легко и быстро, к тому же незаметно для общества.

Быстрый доступ к имеющейся обширной информации практически о любом конкретном человеке или организации, ее централизованная обработка и обобщение дают властям мощное оружие по предотвращению или пресечению нежелательных действий, *косвенному, внешне не бросающемуся в глаза управлению поведением людей*. Не случайно один из ранних крупных теоретиков информационного общества Дж. Мартин, озабоченный распространением компьютерных досье и других негативных последствий информатизации, уже задался вопросом: «Не приведет ли это к «информационному фашизму»?»

5.3.4. Методы контроля

Влияние НТП на возможности тоталитарного контроля не ограничивается своими техническими средствами, а проявляется и в *методах*. При этом используются методы не только индивидуального, но и статистического воздействия. Последние предполагают *преимущественно косвенное, без прямых указаний и запретов, влияние на человека*. Они ориентированы на большие группы людей, допускают некоторую степень индивидуальной свободы и значительные индивидуальные отклонения в поведении. Однако в целом они гораздо более эффективны, чем используемые традиционным тоталитаризмом методы прямого тотального управления сознанием с помощью прямой идеологической индоктринации и запретов. На

фоне нынешних, опирающихся на новейшие достижения науки технологий управления массовым сознанием и поведением методы тоталитарного контроля, использовавшиеся сталинистским и национал-социалистическим режимами, выглядят примитивными, топорными.

В теории и практике современного управления массовым поведением широко используются не только *информационные*, но и традиционные *экономические* методы, по-прежнему опирающиеся на власть денег, богатство, однако в современных условиях ставшие более искусными и утонченными. Концентрация огромных богатств в руках немногих лиц, особенно когда они с помощью угодных правительств в той или иной степени контролируют и государство, создает опасность использования *финансово-политической олигархией* экономических методов влияния в качестве эффективного инструмента тоталитарного контроля.

Арсенал более конкретных методов управления массовым сознанием и поведением достаточно разнообразен, и многие из них держатся в секрете. Один из таких методов — заимствованный из кибернетики *триггерный способ управления* населением. Суть метода состоит в управлении системой через контроль лишь за ее ключевыми точками, которыми применительно к современному обществу являются прежде всего финансовые ресурсы, электронные СМИ, наиболее влиятельные элиты и организованные группы. Триггерный способ социального управления широко использовался в политике правящего посткоммунистического режима в России [70].

Современные методы управления сознанием охватывают также различные способы и целые технологии воздействия на разум, подсознание, чувства и волю людей, внушения им идей и оценок, не соответствующих действительности или их собственным интересам. Наличие столь мощных технических средств и эффективных методов управления индивидуальным и массовым сознанием и поведением может быть реализовано в целях утверждения тоталитаризма тогда, когда существует такая важнейшая его предпосылка, как *наличие в обществе острых конфликтов, а также влиятельных общественных групп, заинтересованных в установлении и использовании тоталитарного режима*.

Тоталитаризм представляет собой особый способ подавления социальных конфликтов. Будучи радикальной, крайней формой проявления социального контроля, он, как свидетельствует опыт истории, обычно используется различными общественными силами в таких остроконфликтных ситуациях, *когда другие, более умеренные формы социального, в том числе политического контроля являются или кажутся недостаточно эффективными* (или неприемлемыми по культурно-идеологическим причинам).

Сопоставление с нынешними реальностями вышеназванной предпосылки тоталитаризма — конфликтность ситуации и наличие заинтересованных в тоталитарном контроле групп в целях обеспечения своего привилегированного положения в обществе и на этой базе общественной стабильности, позволяет констатировать наличие следующей тенденции: *глубокие социальные конфликты и общественные силы, стремящиеся решить, а точнее подавить их проявление с помощью новейших методов социального контроля — это реальность многих стран мира* и в первую очередь государств с высоким уровнем социального неравенства, к которым принадлежит и современная Россия.

5.3.5. Программирование сознания

Важнейшей особенностью современных форм тоталитаризма является его *«информационный»* или *«коммуникационный»* характер. Свойства информации, процесса ее распространения и использования в целях управления массовым сознанием и поведением предопределяют многие другие особенности информационного тоталитаризма.

Приоритетная роль СМИ в современном обществе связана не только с появлением высокоэффективных технических средств и научных методов воздействия на людей, программирования их поведения, но и с разрушением преимущественно стихийных и не контролируемых властями или организованными группами традиционных общинных, церковных, семейных, родственных, соседских и тому подобных коммуникаций, ограничивающих возможности манипулятивного влияния СМИ.

На протяжении многих веков такого рода общение людей служило важным источником информации, ее оценки и выработки коллективного мнения. Индустриализация общества, а также сознательное культивирование в ряде стран политики индивидуализма привели к разрушению традиционных коммуникаций и атомизации граждан, подавляющее большинство из которых сегодня получает политическую и социальную информацию почти исключительно от электронных СМИ, и главным образом телевидения. Известно, что современный человек, в отличие от своих отцов и дедов, очень редко находит возможность для обычного и тем более политического общения с окружающими и часто даже не знает соседей по лестничной клетке.

СМИ и другие институты социализации влияют на сознание и поведение людей не только через информацию об окружающем мире, но и посредством изменения самого человека: его менталитета, ценностных ориентации, потребностей и интересов, а также формирования общественного мнения, нравов и морали. СМИ, а также другие институты социализации создают те ценностные полюса, которые структурируют политическое поведение граждан. Такими благоприятными для развития неототалитарной тенденции ценностными полюсами являются гипертрофированное потребительство, высокий социальный статус (богатство и власть — его главные критерии), успех как повышение социального ранга и обладание престижными вещами, презрение к неудачникам. Людями, у которых эти идеалы вытесняют духовно-нравственные ценности, легко управлять с помощью денег и престижных должностей.

Система идей и ценностей, основанная на потребительстве, вещизме, статичности и индивидуализме и изо дня в день внушаемая с помощью рекламы и других средств, выступает своего рода «политической религией» информационного тоталитаризма, божествами которой являются «золотой телец» и престижное место в социальной иерархии. Культ этого рода божеств, заменяющий характерный для политического тоталитаризма культ личности вождя, ярко демонстрировало российское телевидение последних лет.

Социально-политической проекцией неототалитарных ценностных ориентиров является голый материализм, бездуховность, индивидуализм и эгоизм, блокирующие формирование коллективных форм сознания и массовый организован-

ный протест. Потребительское индивидуалистическое мировоззрение в сложно организованном и регулируемом обществе с развитыми неототалитарными тенденциями формируется отнюдь не стихийно, а с помощью искусных методов психологического и иного воздействия, а также многократных повторений. Как заметил герой уже упомянутой тоталитарной антиутопии О. Хаксли Бернارد, «по сотне повторений три раза в неделю в течение четырех лет... — готова истина» [29, 194]. Современные СМИ в России последних лет по количеству рекламных и иных повторений образцовых потребительских стандартов и индивидуалистических ценностей далеко обогнали «гипнопедов» (специалистов по внушению идей и ценностей) в тоталитарной модели Хаксли.

Информационный тоталитаризм предполагает прямую ориентацию СМИ на управление политическим поведением граждан, и особенно их электоральным выбором. Это возможно там, где правящая элита обладает фактической монополией на наиболее популярные печатные, электронные СМИ и информационные агентства. Руководство масс-медиа позволяет правящей элите эффективно влиять на формирование массовых настроений и программировать политическое поведение граждан, а порою осуществлять настоящий телевизионный террор, буквально вдалбливая угодные ей ценности в сознание людей, особенно молодежи, посредством непрерывной навязчивой рекламы.

Информационный тоталитаризм, как и его другие виды, формирует *определенный массовый тип личности*. Это «одномерный» «человек-волк» (Г. Маркузе [53]), примитивный в своих потребностях и суждениях индивидуалист, трудолюбивый, лояльный к начальству и правительству, готовый к дарвинистской борьбе за существование и не утруждающий себя размышлениями о высоких материях.

5.3.6. Экономическая и политическая власть

Приоритетная роль СМИ в механизме информационного тоталитаризма не отрицает широкого использования и других, более традиционных способов социального управления с помощью экономической, политической и административной властей. Влияние экономической власти на сознание и поведение общества хорошо известно. Там, где господствуют рыночные ценности, деньги позволяют покупать не только СМИ и другие средства воздействия на сознание людей, но и подкупать политических лидеров, журналистов и целые слои населения.

В условиях информационного тоталитаризма экономическая власть с успехом может выполнять характерную для политического тоталитаризма функцию *культивирования массового страха*. Однако в этом случае на первое место выступает прежде всего страх потерять работу или быть неудачником, социальным аутсайдером. Страх как психологическое состояние обладает свойством трансляции — расширения своего объекта и перехода на другие области. К примеру, страх перед потерей рабочего места проявляется и в боязни проявления политического протеста.

Информационный тоталитаризм не пренебрегает и традиционным средством социального контроля — *физическим насилием*, а больше — его угрозой. Он базируется на мощном аппарате государственного принуждения, хотя и старается держать его в тени. Огромный репрессивный аппарат превращает демократию в полицейское государство; он гарантирует стабильность существующего строя. Это

достигается принуждением оппозиции к отказу от наиболее опасных для правящего слоя форм политического протеста. И оппозиция вынуждается соглашаться на принятие заведомо проигрышных для нее правил политической игры, предполагающих отсутствие прямого доступа политических оппонентов к электронным СМИ, лишение их значительных денежных ресурсов и, в конечном счете, приводит к блокированию ее связей с массами.

5.3.7. Иллюзорная демократия

Приоритетная роль информационного и экономического контроля в неототалитарной системе проявляется в доминировании в ней *методов косвенного, скрытого воздействия на массы, статистического программирования их сознания и поведения*. Это позволяет широко использовать в целях манипулирования массами и камуфлирования системы тоталитарного господства демократические институты. Урезанная до превращения в красивую оболочку тоталитарных структур власти демократия становится вовсе не опасна и даже полезна для сохранения этого типа господства. Она легитимирует господство правящей элиты, поддерживает массовые иллюзии свободы выбора и выступает в роли выхлопного клапана, позволяющего (особенно в период избирательных кампаний) спускать пар массового недовольства и предохранять систему от политического «перегрева». При этом в угоду политическим реальностям подменяется традиционное и популярное в массах понятие демократии как народовластия. Она трактуется как способ формирования правительства, основанный на конкуренции претендентов на властные позиции, как власть меньшинства, элиты, легитимированная с помощью выборов. Что же касается последних, то они бывают весьма редко. К тому же в условиях эффективного управления сознанием и электоральным поведением граждан они превращаются в развлекательное шоу и лишь способствуют укреплению иллюзий свободы и демократии.

Ярким примером эффективного управления массовым сознанием служат президентские выборы 1996 г. в России. Несмотря на, казалось бы, безнадежное положение президента за полгода до выборов (в январе его поддерживали лишь около 5 % опрошенных избирателей), с помощью СМИ организаторы его избирательной кампании и имиджмейкеры смогли обеспечить его переизбрание. Причем после первого тура президент, получив инфаркт, не появлялся даже на телеэкране, уподобляясь «Старшему Брату» из известного тоталитарного романа Дж. Оруэлла «1984» [59], о котором нельзя было определенно сказать, жив ли он.

В отличие от других разновидностей тоталитаризма информационно-финансовый тоталитаризм — сравнительно новое и малоизученное явление. Этот тип политической системы и общества достаточно динамичен, подвижен в смысле степени тоталитарности. В качестве однозначно неототалитарного невозможно квалифицировать какое-нибудь из существующих государств мира.

Блокировать развитие тенденции неототалитаризма и предотвратить его массовое распространение в мире XXI в. можно лишь общими усилиями всех гуманистических сил, рассматривающих демократию не как удобную форму утонченного господства привилегированного меньшинства, а как реальное движение на пути осуществления идеалов народовластия, свободы личности и социальной

справедливости. Развитие информационной демократии, устранение всевластия крупного, и прежде всего олигархического капитала, сохранение и развитие социальной государственности, расширение реального участия масс в управлении, борьба против глобального информационного гегемонизма — вот лишь некоторые пути защиты демократии перед лицом новой тоталитарной угрозы.

В современном мире характерные для информационного тоталитаризма методы социального управления широко используют и авторитарные (особенно полуавторитарные, имеющие некоторые демократические институты) политические режимы, что часто делает грани между этими типами политических систем весьма размытыми.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Расскажите об историческом прошлом авторитаризма.
2. Охарактеризуйте отличительные черты авторитаризма.
3. Опишите модели российского авторитаризма.
4. Назовите отличие авторитарных политических систем от тоталитарных.
5. Определите причины сохранения и воспроизводства авторитаризма.
6. Объясните типологию авторитарных систем.
7. Какие формы приобретает авторитарная система правления в развивающихся странах?
8. Назовите реформаторские возможности авторитаризма.
9. В чем отличие «авторитаризма развития» от «традиционного авторитаризма»?
10. Что представляют из себя переходные (гибридные) авторитарные режимы?
11. Дайте определение тоталитаризма.
12. Назовите предпосылки тоталитаризма.
13. Охарактеризуйте сущность тоталитаризма.
14. Определите типологию тоталитаризма.
15. Назовите характерные черты политического тоталитаризма в сфере сознания.
16. Назовите характерные политические черты тоталитаризма.
17. Назовите институциональные и нормативные свойства тоталитаризма.
18. Назовите социальные и экономические признаки тоталитаризма.
19. Назовите разновидности политического тоталитаризма.
20. Что понимается под неототалитарными тенденциями в современном обществе?
21. Назовите основные тенденции современного тоталитаризма.
22. В чем проявляется рост рационализма и организованности современных политических систем?
23. Охарактеризуйте средства контроля над личностью, используемые в развитых государствах.
24. Какие вы знаете методы контроля над поведением граждан?
25. Как вы понимаете термин «программирование сознания» и применяется ли он в современной государственной практике?
26. Как использует информационный тоталитаризм экономическую и политическую власть?
27. Дайте определение иллюзорной демократии.
28. Перечислите основные отличия авторитаризма от тоталитаризма.
29. Какие социально-политические причины обусловили возникновение тоталитарных диктатур в XX в.?

Глава 6

ДЕМОКРАТИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

§ 1. ПОНЯТИЕ И ИЗМЕРЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

Модное слово «демократия» используется в самых разнообразных контекстах. Но о политических процессах и их результатах нельзя судить по тому красивому названию (или самоназванию) или по тому плохому ярлыку, которым их наделяют участники событий. Одно и то же слово может иметь несколько значений. Тем, кто отталкивается от внутренней формы слова, его этимологии, сущность демократии может представиться самоочевидной — народовластие, или правление народа. Сразу же возникают вопросы: Какая власть имеется в виду? Что понимается под народом? Кто и кем управляет при народовластии? Может ли народ целиком выступать в роли правителя? Так что же, разве демократия — не народовластие? Действительно, народовластие. Однако слова «народ» и «власть» были настолько же многозначны для античных эллинов, насколько и для нас.

Едва ли в рамках учебника возможно описать все современные теоретические модели демократии. Концептуализация демократии породила огромное множество вариантов: по некоторым данным, можно говорить о существовании 550 «подтипов» демократии [68, 182]. Фактически современная теория демократии распадается на множество внутренне связанных между собой концепций, обобщений, классификаций, моделей демократических процессов, институтов, поведения и отношений. Суммируя различные подходы, можно, однако, выделить ряд моделей, которые чаще всего попадают в поле зрения исследователей. Ибо все многообразие теоретических моделей современной демократии, если говорить об их мировоззренческих основах, так или иначе тяготеет к двум основным теоретическим парадигмам, сформированным классиками политической мысли XV—XX вв. Речь идет о либерально-демократической и радикально-демократической теориях. Сегодня появляются новые концепции демократии, критически относящиеся к мировоззренческим истокам современности, — дискурсивная демократия, теледемократия, кибердемократия, — но пока они находятся на периферии, занимают маргинальное положение в современной демократической теории и практике.

Но вначале целесообразно вспомнить о специфике античной модели демократии.

6.1.1. Различия между древнегреческим и современным типами демократии

Древнегреческая демократия, как утверждает К. С. Гаджиев, в основополагающих своих аспектах существенно отличается от демократии наших дней. Она

представляла собой прежде всего систему прямого правления, при которой весь народ, а точнее совокупность свободных граждан, выполнял функции коллективного законодателя и в которой не была известна система представительства. Такое положение было возможным в результате ограниченных размеров древнегреческого государства, которое охватывало, как правило, город и прилегающую к нему сельскую территорию, с населением крайне редко превышающим 10 тыс. граждан [18, 105].

В древних демократических городах-государствах каждый гражданин был наделен правом участвовать в принятии решений, касающихся их жизни и деятельности. Значительная часть граждан в дееспособном возрасте так или иначе занимала один из множества существовавших в городе-государстве выборных постов. Не было разделения между законодательной и исполнительной властями: обе эти ветви были сосредоточены в руках активных граждан, Политическая жизнь характеризовалась значительной активностью граждан, которые живо интересовались всеми сторонами и аспектами процесса управления. Прямая демократия такого рода рассматривалась в качестве идеальной формы многими мыслителями Нового времени. Референдум и гражданская инициатива, сохранившиеся в конституциях ряда стран (например, Швейцарии), можно рассматривать как элементы прямой демократии, унаследованные от прошлого представительной демократией.

Другое важное отличие античной демократии от современной состоит в трактовке равенства. Античная демократия была не только совместима с рабством, но и предполагала его в качестве условия освобождения от физической работы свободных граждан, которые посвящали себя разработке и решению общественных проблем. Более того, Аристотель отказывал в гражданстве лицам, живущим на свой заработок. «Ремесленники, — писал он, — не имеют права гражданства, как и вообще всякий другой класс населения, деятельность которого не направлена на служение добродетели» [7]. Современные же демократии не признают в политической сфере какие бы то ни было различия и привилегии, основанные на социальном происхождении, классе, расе и поле.

Качественное отличие античной демократии от современной, по мнению К. С. Гаджиева, состоит также в том, что ей было чуждо представление о конституции и конституционных ограничениях, налагаемых на государственную власть, а также чужда идея права, стоящего над государством.

6.1.2. Этимологические определения демократии

Древние греки и их выдающиеся политики, риторы (ораторы) и философы расходились в истолковании содержания демократии не меньше, чем наши современники. Это понятие могло обозначать и «торжество бунтующей черни», и «господство низших слоев населения», и «участие всех граждан в делах полиса», т. е. в политике, и «решающую роль народного собрания», и «систему правления лицами, уполномоченными на это с помощью формальных процедур представления демов».

Термин «демократия» происходит от греческого слова *demokratia*, состоящего в свою очередь из двух слов; *demos* — народ и *kratos* — власть, правление. Обращает

на себя внимание многозначность и неопределенность самого понятия «демократия». Как утверждал П. И. Новгородцев [57] в 1923 г., понятие демократии «принадлежит к числу наиболее многочисленных и неясных понятий современной политической теории». Нельзя сказать, что этот вопрос окончательно решен в наши дни, когда демократия стала велением времени.

В современном языке слово «демократия» имеет несколько значений. Его первое, основополагающее значение связано с этимологией, происхождением этого термина. «Демократия» переводится с древнегреческого как «народовластие», или, используя расшифровку этого определения американским президентом Линкольном, *«правление народа, избранное народом и для народа»*. Это форма правления, где граждане осуществляют свое право не лично, а через своих представителей, избранных ими и ответственных перед ними. Ее, как правило, называют представительной, или плюралистической, демократией.

Производным от этимологического понимания демократии является ее более широкая вторая трактовка, определяющаяся в интерпретации В. П. Пугачева как *«формы устройства любой организации, основанной на равноправном участии ее членов в управлении и принятии в ней решений по большинству»* [71, 198]. Указанный смысл применим к партийной, профсоюзной, производственной и даже семейной демократии. Понимаемая в широком значении, демократия может существовать всюду, где есть организация, власть и управление. Эта форма известна под названием «прямой демократии», или «демократии участия». Ее можно обнаружить в примитивных обществах периода родового строя и в греко-римском мире.

С этимологическим пониманием демократии связаны и другие (третье и четвертое) значения этого термина. В третьем значении демократия рассматривается как *«основанный на определенной системе ценностей идеал общественного устройства и соответствующее ему мировоззрение»*. К числу составляющих этот идеал ценностей относятся свобода, равенство, права человека, народный суверенитет и некоторые другие. Это форма правления, где власть большинства реализуется в рамках конституционных ограничений, имеющих целью гарантировать меньшинству условия для осуществления определенных индивидуальных или коллективных прав, таких, например, как свобода слова, вероисповедания и т. д. Это либеральная, или конституционная, демократия.

В четвертом значении демократия рассматривается как *«социальное и политическое движение за народовластие, осуществление демократических целей и идеалов»*. Это движение возникло в Европе под флагом борьбы с абсолютизмом за освобождение и равноправие третьего сословия и в ходе истории постепенно расширило диапазон своих целей и участников. Современные демократические движения чрезвычайно разнообразны. Это социал-демократы, христианские демократы, либералы, новые социальные и другие движения.

6.1.3. Ценностный подход к демократии

Понятие демократии как народовластия (и другие производные от него трактовки демократии) является нормативным, поскольку базируется на нормативном подходе к этому феномену, предполагающем построение категории исходя из человеческих идеалов, ценностей и пожеланий. Демократия характеризуется в этом

случае как идеал, основанный на таких основополагающих ценностях, как свобода, равенство, уважение человеческого достоинства, солидарность. В первую очередь именно своему ценностному содержанию демократия обязана такой популярностью в современном мире.

Сторонники «*ценностного*» подхода, по мнению А. И. Соловьева, при всех их идеологических разногласиях, рассматривают демократию как политическую конструкцию, призванную воплотить во власти совокупность определенных идеалов и принципов, т. е. тех высших ценностей, которые и выражают ее социальный смысл и предназначение. К этой группе прежде всего относятся авторы трактовки демократии как системы народовластия. Исходя из идеи народного суверенитета, приверженцы такого подхода расценивают демократию как форму власти народа над самими собой, т. е. по сути дела сближают ее с понятием общественного самоуправления [77, 184].

Еще в Древней Греции в качестве ценностных предустановок, обуславливающих понимание демократии, выступали идеи, отождествлявшие государство с обществом, отрицавшие понятие свободного индивида и признававшие равенство по отношению к власти только за частью общества («гражданами»). Иначе говоря, демократия рассматривалась в то время как форма правления неимущего большинства ради собственного блага. Такое понимание вызывало резко критическое отношение к демократической форме правления, проявившееся, впрочем, и на более поздних этапах истории политической мысли.

К сторонникам ценностного подхода относятся и приверженцы философии Ж.-Ж. Руссо [74] понимал демократию как форму выражения всевластия суверенного народа, при которой народ как политическое целое отрицает значение индивидуальных прав личности и предполагает исключительно прямые формы народного волеизъявления, так как любое представительство интересов и граждан уничтожает народный суверенитет. Марксисты также исповедовали ценности коллективистской демократии; они опирались на идею отчуждения прав индивида в пользу коллектива, но при этом делали упор на классовых ценностях пролетариата, которые, по их мнению, выражали интересы всех трудящихся и обуславливали построение «социалистической» демократии.

Характерно, что такого рода идеи, приведшие на практике к установлению коллективистских диктатур, по своей природе не отличаются от образцов либеральной мысли, для которой главным условием формирования здания демократии также являются определенные ценности, но ценности, отражающие приоритет не народа (коллектива), а человека. Так, Д. Локк [45], Т. Гоббс [19], Т. Джеферсон и другие основоположники либерального учения, исходя из способности народа к рационально-нравственному «самоопределению и волеобразованию» (Кант [34a]), положили в основу интерпретации демократии идею индивида, обладающего внутренним миром, изначальным правом на свободу и защищенность своих прав. Таким образом, равенство на участие во власти они распространяли на всех людей без исключения. Государство же при таком понимании демократии рассматривалось как нейтральный институт, основные функции и полномочия которого определяются совместными решениями граждан и направлены на защиту индивидуальных прав и свобод.

Ценностное понятие демократии имеет как сильную, так и слабую стороны. Его сила состоит в привлекательности содержащихся в нем ценностей, способнос-

ти увлечь многих людей на практические действия по осуществлению демократического идеала. Слабость же такого определения демократии — в отрыве от действительности, ее идеализации. Реальная демократия, как пишет В. П. Пугачев, нигде и никогда не была властью народа, что означало бы негосударственное, общественное самоуправление. С момента возникновения этого понятия демократия связана с государством, а значит и с принуждением, и в лучшем случае является властью большинства над меньшинством, а чаще всего формой правления хорошо организованного привилегированного меньшинства, в большей или меньшей степени подконтрольного народу [71, 199]. Реальная демократия, как это еще будет более подробно рассмотрено, во многом далека и от демократических ценностей: свободы, равенства и т. д.

6.1.4. Эмпирический подход к демократии

Выявление элемента утопизма, несоответствия между нормативным понятием демократии и реальностью, между идеалом и жизнью является следствием эмпирического подхода к анализу демократии. Такой подход абстрагируется от идеалов и априорных оценочных суждений и требует исследовать демократию таковой, какая она есть на деле. В соответствии с выявленными в эмпирических исследованиях свойствами уточняется и даже пересматривается понятие демократии и ее теория. Категория демократии в этом случае строится исходя из реальности, безотносительно к провозглашаемым государством ценностям. Демократия трактуется, например, как форма правления, основанная на конкуренции потенциальных руководителей в борьбе за доверие избирателей, выражаемое на выборах (И. Шумпетер [87, 14]).

Учитывая большое расхождение ценностного и эмпирического понятий демократии и вытекающие отсюда неудобства при использовании этой категории в науке и повседневном языке, Р. Даль и некоторые другие политологи предложили ввести для обозначения реально существующих государств, называемых демократиями, специальный термин «*полиархия*».

Р. Даль следует общей направленности либеральной демократической теории, но в ней более подробно анализирует набор условий, определяющих действительную, а не формальную демократию. Термин «полиархия» первоначально был предложен Р. Далем и Линдбломом в их книге «Политика, экономика и благосостояние» (1953), но наиболее полно представлен в работе Р. Даля «Полиархия: Участие и оппозиция» (1971). Что касается термина «полиархическая демократия», то он разработан Р. Далем в работе «Введение в теорию демократии» (1956).

Для более строгой концептуализации Р. Даль избирает два основных измерения политических систем: степень оппозиционности или конкурентности политических элит в системе и уровень политического участия населения в выборе элит. Публичная конкуренция политических элит и включенность населения в политический процесс делают понятие полиархии близким к понятию демократии. Но полиархия у Даля не тождественна демократии.

Во-первых, если демократия является идеальным типом политических систем, то полиархия характеризует реальный тип, т. е. представляет собой отражение некоторого уровня реализации идеального типа.

Во-вторых, полиархия является (подобно демократии) качественным признаком политических систем и вместе с тем (в отличие от демократии) их измерением, т. е. можно говорить о степени полиархичности системы: полная полиархия или гегемония.

В-третьих, поскольку полиархия не совпадает с демократией (т. е. идеалом), то ее характеристика как демократического режима ограничивается лишь наиболее общими институциональными требованиями демократии (или гарантиями, по Далю).

В-четвертых, полиархия как термин применяется для характеристики всей национальной системы, а не отдельных ее уровней.

Полиархическая политическая система должна характеризоваться высокой степенью управленческой отзывчивости к политическим предпочтениям равноправных граждан. Для того чтобы система характеризовалась высоким и достаточно устойчивым уровнем отзывчивости, в ней должны быть обеспечены следующие неотъемлемые права граждан:

- 1) формулировать свои предпочтения;
- 2) передавать свои предпочтения согражданам и правительству посредством индивидуальных или коллективных действий;
- 3) влиять своими предпочтениями на выработку управленческих решений.

Гарантиями действенности процедуры формулирования, передачи и влияния предпочтений выступают:

- свобода формировать организации и объединяться в них;
- свобода выражения предпочтений; право голоса;
- относительно неограниченное право на работу в государственных органах;
- право политических лидеров соревноваться за голоса избирателей;
- альтернативные источники информации;
- свободные и справедливые выборы; институты выработки государственной политики, которые зависят от избирателей и других форм выражения предпочтений.

Первые пять гарантий обеспечивают функцию формулирования предпочтений, семь — относятся к передаче предпочтений и коммуникации, а все восемь обеспечивают весомость предпочтений для выработки государственных решений.

В книге «Введение в теорию демократии» Р. Даль подробно анализирует условия принятия политических решений, необходимые для обеспечения демократического выражения предпочтений. При этом он ведет поиск механизма демократии, обеспечивающего гарантии того, что высказанные на выборах предпочтения действительно являются реальными и соблюдается демократическое равенство избирателей. Именно этот механизм и является полиархической процедурой выражения предпочтений.

Следует заметить, что речь идет не о нормативной теории демократии, а о теории, построенной на основе анализа национальных государств и социальных организаций, относимых политологами к демократическим. На основании характеристики, присутствовавшей уже в популистской модели демократии (народный суверенитет и политическое равенство) Р. Даль формулирует правило, гласящее, что из существующих вариантов политических курсов выбирают тот, которому от-

дано предпочтение большинства членов общества. Полиархическая процедура принятия решения, основанная на данном правиле, регламентируется следующими условиями:

- 1) каждый член данной организации совершает действие, которое расценивается как выражение предпочтения по отношению к имеющимся альтернативам, т. е. голосует;
- 2) при подведении итогов волеизъявления (подсчете голосов) сделанный каждым выбор имеет одинаковый вес;
- 3) побеждает вариант, получивший наибольшее число голосов;
- 4) каждый участник голосования, имеющий перед собой некий набор вариантов, из которых, по крайней мере, один он считает предпочтительным по сравнению с любым другим из имеющихся на данный момент, может включать предпочитаемый им вариант (варианты) в число выносимых на голосование;
- 5) каждый участник голосования располагает идентичной информацией об имеющихся вариантах;
- 6) варианты (лидеры или политические курсы), получившие большее количество голосов, заменяют любые варианты (лидеров или политические курсы), получившие меньшее количество голосов;
- 7) распоряжения выборных официальных лиц выполняются;
- 8) все принимаемые в период между выборами действия исходят из решений, принятых на стадии выборов (т. е. выборам придается определенная контролирующая функция);
- 9) новые решения, принятые в период между выборами, определялись бы первыми семью условиями, которые действовали бы в значительной степени в иной институциональной среде;
- 9) либо соблюдалось бы и то и другое.

Данные условия определяют выбор решения перед выборами, в процессе выборов и в период между выборами. К тому же логика условий строится таким образом, чтобы последующие условия выполняли функцию коррекции недостаточности ограничивающих признаков предыдущих условий.

Несмотря на свою достаточную обоснованность, предложение о четком терминологическом разграничении демократии как идеала народовластия, который, возможно, так никогда и не будет реализован, и полиархии как реально существующих государств, называемых демократиями, не получило преобладающего признания среди ученых и политиков. По мнению В. П. Пугачева, это объясняется наличием у ценностного и эмпирического понятий демократии как различных, так и общих свойств. Демократия как народовластие не только является результатом абстрактных философских рассуждений и благих пожеланий для человечества, но и отражает, хотя и в идеализированном виде, реальные политические процессы [71, 200].

Не только ценностное понятие демократии отражает действительность, но и ее эмпирическое определение учитывает демократические ценностные ориентации и цели людей, приводящие в движение весь реальный механизм реальной демократии. Поэтому при эмпирическом подходе к демократии, хотя и опосредованно, но все же отражается ее нормативный, ценностный аспект.

6.1.5. Конституирующие признаки демократии

Характеризуя демократию как форму правления, обычно принято выделять следующие ее черты:

1. Юридическое признание и институциональное выражение суверенитета, верховной власти народа. Народ, а не монарх, аристократия, бюрократия или духовенство выступают официальным источником власти. Суверенитет народа выражается в том, что именно ему принадлежит учредительная, конституционная власть в государстве, что он выбирает своих представителей и может периодически сменять их, а во многих странах непосредственно участвует в разработке и принятии законов с помощью инициатив и референдумов.
2. Периодическая выборность основных органов государства. Демократией может считаться лишь то государство, в котором лица, осуществляющие верховную власть, избираются, причем избираются на определенный, ограниченный срок. В древности многие народы нередко выбирали себе царей, которые затем имели право на пожизненное правление и даже передачу этого права по наследству. Однако в этом случае демократии еще не было. Более того, демократия подразумевает, что все лица, контролирующие политические властные структуры, должны периодически через строго установленные периоды переизбираться и быть ответственными перед своими избирателями. Избирателям должна быть предоставлена возможность объединяться в партии для реализации своих целей. основополагающее значение для теории демократии имели формирование и утверждение современной идеи народного представительства, в соответствии с которой представительные органы власти избираются не пожизненно, а на определенный, строго фиксированный конституцией срок. Периодическая подотчетность выборного представителя перед избирателями стала существенным элементом демократической теории.
3. Одним из определяющих черт демократии является политическое равенство всех без исключения граждан перед законом с его принципом «один человек — один голос». Этот принцип требует как минимум равенства избирательных прав. Равенство прав граждан на участие в управлении государством. А в современной, сложно организованной политической системе он предполагает также свободу создавать политические партии и другие объединения для выражения воли граждан, свободу мнений, право на информацию и на участие в конкурентной борьбе за занятие руководящих должностей в государстве.
4. Принятие решений по большинству и подчинение меньшинства большинству при их осуществлении. Само собой предполагается соблюдение и правительством, и оппозицией, партиями и заинтересованными группами «правил игры», суть которых состоит в общепринятом согласии на мирную передачу власти от одной (побежденной) партии другой (победившей) в ходе избирательного процесса, ротации власти на всех уровнях власти, других нормах и принципах парламентаризма и плюрализма.
5. Подконтрольность и ответственность органов государства перед выборными учреждениями. Речь идет прежде всего об идее, согласно которой правительство должно действовать в соответствии с четко фиксированными и общепри-

- нятыми процедурами, позволяющими без каких-либо препятствий выражать и обнародовать позиции, устремления всех заинтересованных лиц и групп.
6. Построение государственного аппарата по принципу разделения властей.
  7. Равенство всех граждан перед законом. Особо важное значение имеет то, что в отличие от тоталитарной и авторитарной моделей, где сила выполняет роль главного аргумента, призванного решать возникающие в обществе конфликты путем нанесения противной стороне поражения, в демократической модели сила отодвинута на задний план и оставлена про запас в качестве последнего аргумента, для использования в случае необходимости, т. к. конфликты решаются путем соглашений, компромиссов, судебных разбирательств и т. д.
  8. Без принципа неприкосновенности личности, без свободы слова и прессы, а также доступа к информации, касающейся общественных дел, право голоса теряет смысл. Без свободы от произвольных арестов партия, находящаяся у власти, может терроризировать своих противников и серьезно ослабить оппозицию. Для обеспечения всего этого основополагающее значение имеет система политически независимых судов. Необходимым условием демократии в любых ее формах является политическая свобода. Но она не может быть соответствующим образом реализована там, где нет реального выбора в социальной и экономической сферах, где велико социальное неравенство.

Эти требования являются минимальными условиями, позволяющими говорить о наличии в стране демократической формы правления. Однако реальные политические системы, основанные на общих принципах демократии, весьма существенно отличаются друг от друга, например античная и современная демократии, американская и швейцарская политические системы и т. д.

Названные общие принципы демократии дают возможность выделить основные критерии, позволяющие различать и классифицировать многочисленные теории и практические демократические модели и таким образом «измерять» их.

6.1.6. Всеобщая и социально ограниченная демократия

В значительной мере демократию характеризует доля населения страны, участвующего в политической деятельности. По степени участия граждан в управлении ученые выделяют две крайние формы: полиархию, понимаемую как правление меньшинства, избираемого народом, и охлократию, понимаемую как власть толпы.

По форме осуществления власти и в зависимости от степени участия народа в управлении демократию подразделяют на прямую, плебисцитарную и представительную. В прямых формах народовластия граждане сами непосредственно участвуют в подготовке, обсуждении, принятии решений. Но такая форма демократии встречается главным образом на уровне местного самоуправления. Плебисцитарная форма демократии также включает волеизъявление народа, но в этом случае возможности влияния граждан ограничены — им предоставляется право посредством голосования на референдуме (плебисците) одобрить или опровергнуть политические решения.

Представительная форма демократии — наиболее распространенная, но это форма опосредованного участия граждан в принятии решений. В этом случае

граждане делегируют эти функции своим представителям, призванным выражать их интересы, принимать законы и отдавать распоряжения.

При оценке в соответствии с ее первым, важнейшим принципом — суверенитетом народа — демократия классифицируется в зависимости от того, **как понимается народ и как осуществляется им суверенитет**. Такое, казалось бы, очевидное и простое понятие, как «народ», трактовалось в истории политической мысли далеко не одинаково. В отличие от современного понимания как всего (применительно к демократии — взрослого) населения страны примерно до середины XIX в. демос (народ) отождествлялся либо со свободными взрослыми мужчинами (как это было в античной демократии), либо с собственниками, обладающими недвижимостью или другими немалыми ценностями, либо лишь с мужчинами.

Ограничение народа определенными классовыми или демографическими рамками дает основание характеризовать государства, подвергающие политической дискриминации определенные группы населения и, в частности, не предоставляющие им избирательных прав, как **социально ограниченные демократии** и отличать их от **всеобщих демократий** — государств с равными политическими правами для всего взрослого населения.

Вплоть до начала XX в. ни одна из ранее существовавших демократий не предоставляла всему взрослому населению страны равных политических прав. Это были преимущественно классовые и патриархальные (только для мужчин) демократии. В истории политической мысли преобладала трактовка народа **как простого люда, неимущих нижних слоев, черни**, составляющих большинство населения. Такое понимание демоса встречается еще у Аристотеля, который считал демократию неправильной формой государства, трактовал ее как власть демоса, черни, не способной к управлению, взвешенным, рациональным решениям, учитывающим общее благо. В современной политической теории такой тип правления отражает понятие **«охлократия»**, что в переводе с греческого означает «власть черни, толпы».

Итак, в зависимости от понимания состава народа его власть может выступать всеобщей демократией, социально (классово, этнически, демографически и т. п.) ограниченной демократией, а также охлократией.

6.1.7. Индивидуалистическая, плюралистическая и коллективистская демократии

Народ, будучи сложной общностью людей, имеет определенную структуру, состоит из конкретных личностей. В зависимости от того, рассматривается ли он как совокупность самостоятельных, свободных **индивидов**, как взаимодействие различных **групп**, преследующих в политике свои собственные, специфические интересы, или же как единое, гомогенное **целое**, субъект, у которого доминируют общие интересы и воля, концепции и реальные модели демократии делятся соответственно на **индивидуалистические, плюралистические (групповые) и коллективистские**.

В первом случае непосредственным источником власти считается личность, во втором — группа, в третьем — весь народ (нация, класс). Расхождения в понимании народовластия имеют фундаментальное значение при построении реальных

политических систем. Они определяют, например, глубокие, принципиальные различия между классической либеральной, современной западной и социалистической демократиями. При характеристике современной демократии обычно выделяют и такие типы демократии, как *либеральная, коллективистская, плюралистическая*.

Многие исследователи подчеркивают, что современные демократические режимы сформировались под прямым влиянием либерализма, выступавшего под знаменем свободы личности, ограждения ее от государственной тирании.

Впервые в истории социальной мысли либерализм отделил индивида от общества и государства, разграничил две автономные сферы — государство и гражданское общество, провозгласил политическое равенство всех граждан, наделил личность неотъемлемыми правами и утвердил ее в качестве главного элемента политической системы.

Либеральная демократия продвинулась вперед на пути освобождения человека, уважения его достоинства и основополагающих прав. В то же время эта модель демократии весьма далека от идеала народовластия и обоснованно подвергается критике. В качестве недостатков либеральной демократии обычно отмечают:

- социально-классовая ограниченность;
- формальность (социальная дифференциация населения, стимулируемая этой формой власти, обесценивает для неимущих слоев населения права и свободы личности, что ставит под сомнение демократичность данной формы правления);
- ограниченность политического участия личности в политическом процессе;
- чрезмерный ценностный индивидуализм;
- игнорирование коллективной природы человека.

Современная демократия часто называется плюралистической, т. к. подразумевает не выражение гомогенной воли народа, а равновесие политических сил, которые в конкурентной борьбе, свободно выражая свои интересы, пытаются найти компромиссные решения.

Плюралистическая концепция также не бесспорна и подвергается критике. К числу ее недостатков относят невозможность на практике в ее рамках обеспечить широкое согласие всех групп, а также признание всеобщих интересов.

Концепции коллективистских демократий пытаются преодолеть недостатки либерального государства и осуществить полное народовластие. Этот тип демократии теоретически достаточно детально разработан. Но попытки его практического применения, сделанные прежде всего в странах социализма, не увенчались успехом. Коллективистскую демократию часто называют идентитарной. Это название отражает тот факт, что она исходит из целостности народа, наличия у него единой воли. Виднейшими представителями теории коллективистской демократии являются Ж.-Ж. Руссо [74], К. Маркс [49, 50, 51, 52], В. И. Ленин [40, 40а].

Коллективистские демократии имеют ряд общих черт:

- коллективизм;
- признание народа единым целым, с общими интересами и волей;
- отсутствие противоречий внутри народа;
- неприятие политической оппозиции до насильственного ее устранения;

- декларирование социальной демократии;
- абсолютный характер власти;
- тоталитарная направленность.

Нереализуемость демократии как народовластия заставляет многих понимать под ней процесс согласования действий, который обеспечивается с помощью демократических процедур.

Утверждение демократии — довольно сложный и противоречивый процесс. Реальная демократия далека от идеала, но именно в ней многие видят «прорыв» в цивилизацию, способ дальнейшего развития людей в политическом пространстве. Хотя достоинства демократии сомнительны, но пороки диктатуры очевидны. Поэтому демократический выбор для большинства людей является вполне осознанной позицией.

6.1.8. Прямая, плебисцитарная и представительная демократии

Суверенитет народа — важнейший конституирующий Признак демократии, служащий основанием ее оценки не только с точки зрения понимания самого этого субъекта, но также по форме *осуществления им власти*. В зависимости от того, как народ участвует в управлении, кто *и как* непосредственно выполняет властные функции, демократия делится на *прямую, плебисцитарную и представительную (репрезентативную)*.

Прямая демократия предполагает непосредственное участие граждан в процессах подготовки, обсуждения, принятия и реализации решений. В основном такие формы участия используются тогда, когда от граждан не требуется специальной подготовки. Например, такие формы участия во власти широко распространены при решении вопросов местного значения, проблем, возникающих в рамках самоуправления, урегулирования локальных конфликтов.

К прямой демократии обычно относят так называемый императивный мандат, предполагающий обязанность выборных представителей голосовать строго в соответствии с наказом избирателей, их волей. Так, характер императивного мандата имеет коллегия выборщиков президента США, обязанных отдать свой голос за кандидата, победившего в соответствующих штатах. Императивный мандат как бы консервирует волю избирателей, не позволяя его носителям участвовать в обсуждении и принятии компромиссных вариантов решений.

Важным (вторым) каналом участия граждан в осуществлении власти является *плебисцитарная демократия*. Она также предполагает открытое волеизъявление населения, но связана только с определенной фазой подготовки решений, например, одобрением (поддержкой) или отрицанием вынесенного руководителями государства или группой граждан проекта закона или какого-то конкретного решения. При этом результаты голосования не всегда имеют обязательные, правовые последствия для структур, принимающих решения, т. е. могут только учитываться правящими кругами, но отнюдь не предопределять их действия. Возможности участия основной массы населения в подготовке таких проектов очень невелики даже в тех случаях, когда непосредственно самим гражданам предоставляется пра-

во подготавливать и выносить их на рассмотрение законодательных органов или на всенародное голосование.

Говоря о плебисцитарной демократии, М. Вебер в своей работе «Политика как призвание и профессия» подчеркивал отличия плебисцитарной демократии от парламентарной: «Такому идиллическому состоянию господства кругов уважаемых людей, и прежде всего парламентариев, противостоят ныне сильно от него отличающиеся самые современные формы партийной организации. Это детища демократии, избирательного права для масс, необходимости массовой вербовки сторонников и массовой организации, развития полнейшего единства руководства и строжайшей дисциплины. Господству уважаемых людей и управлению посредством парламентариев приходит конец. Предприятия берут в свои руки политики «по основной профессии», находящиеся вне парламентов. Либо это «предприниматели» (например, американский босс и английский «electon agent» были, по существу, предпринимателями), либо чиновник с постоянным окладом. Формально имеет место широкая демократизация... Вождем становится лишь тот, в том числе и через голову парламента, кому подчиняется эта машина. Иными словами, создание таких машин означает наступление *плебисцитарной демократии*» [13, 674].

Плебисцитарные институты нередко используются в целях манипулирования волей граждан, достигаемого, в частности, с помощью двусмысленных формулировок вопросов, выносимых на голосование. Они, особенно референдумы и опросы, достаточно широко применяются на различных уровнях управления: в общинах, городах, областях, в масштабах всего государства.

Третьей, ведущей формой участия граждан в политической жизни современных государств является *представительная демократия*. Ее суть — в опосредованном участии граждан в принятии решений, в выборе ими в органы власти своих представителей, призванных выражать их интересы, принимать законы и отдавать распоряжения. Представительная демократия необходима особенно тогда, когда из-за больших территорий или вследствие других причин затруднено регулярное непосредственное участие граждан в голосованиях, а также когда принимаются сложные решения, труднодоступные для понимания неспециалистов.

Представительная демократия является более сложной формой политического участия граждан. Эти механизмы в основном и составляют структуру демократического правления. Однако главная проблема представительной демократии связана с обеспечением репрезентативности политического выбора, т. е. с созданием условий, при которых выбор тех или иных лиц соответствовал бы настроениям и интересам населения. Так, при мажоритарных системах голосования могут создаваться значительные преимущества партиям, которые победили своих соперников с незначительным отрывом. Например, в России на думских выборах 1996 г. голоса около 40 % избирателей, которые в совокупности были отданы объединениям, не преодолевшим 5%-ный барьер, были перераспределены в пользу партий, прошедших в парламент и получивших тем самым дополнительные голоса (в т. ч. за счет партий, придерживавшихся прямо противоположных позиций). Это и породило известную нерепрезентативность политического состава Госдумы, сказавшуюся в итоге на политическом характере парламента и, как следствие, на выработке государственной политики.

6.1.9. Формы демократического государства

Демократия как политический процесс получает свое наивысшее выражение в организации государственной деятельности. По-настоящему демократическое общество — это гражданское общество. Это социум, состоящий из граждан, чьи интересы обслуживает государство как его институт. Демократическая идеология гражданского общества требует соответствующего политического режима и адекватной формы (структуры) государственного устройства. Не только суверенитет народа — основополагающий признак демократии, но и другие ее общие принципы, имеющие более конкретные показатели (индикаторы), позволяют выявлять и описывать ее особенности. Так, в зависимости от строения и порядка формирования органов, институтов власти (второй признак демократии) демократические государства делятся на парламентские, президентские, смешанные (или полупрезидентские) республики, суперпрезидентские республики, парламентские монархии и т. д.

Важные характеристики демократии вытекают из ее третьего признака — равенства прав граждан на участие в управлении государством. Такое равенство может быть *формальным*, чисто юридическим, и *фактическим*, предполагающим создание примерно одинаковых социальных возможностей для реализации людьми своих политических прав (материальный достаток, образование, свободное время, доступ к информации и др.).

В зависимости от характера равенства, обеспечиваемого государством, демократия делится на *политическую*, предполагающую лишь формальное равенство, равенство прав, и *социальную*, основывающуюся на равенстве фактических возможностей участия граждан в управлении государством. Термин «социальная демократия» нашел, в частности, свое выражение в названии одного из самых влиятельных политических движений XX в. — социал-демократии.

Следовательно, действительная демократия национального (государственно оформленного) социума обеспечивает демократическую форму, воплощаемую в демократической структуре государства; демократическое содержание, подчиненное интересам всех граждан страны; и демократический процесс, предусматривающий свободное участие в нем всех граждан.

6.1.10. Деспотическая, тоталитарная и конституционная демократии

Анализ четвертого общего признака демократии (подчинение меньшинства большинству при принятии и осуществлении решений) позволяет выявить важные отличительные качества различных демократических систем. Такое подчинение может не иметь границ и распространяться на любые стороны жизнедеятельности человека. В этом случае имеет место *деспотическая* демократия. Она представляет собой абсолютную, ничем и никем не ограниченную власть большинства, связанную с преходящими настроениями масс и произволом в отношении как отдельных граждан, так и целых народов.

Если же власть большинства требует полного подчинения личности и стремится к установлению над ней постоянного всеобъемлющего контроля, то демократия

становится *тоталитарной*. Под контролем и силовым ограничением находится не только поведение гражданина и его личная жизнь, но и идейные искания и духовные ориентации.

Антиподом таких форм правления является *конституционная* демократия. Демократический характер политической системы в основном определяется тем или иным основополагающим документом, прежде всего конституцией. Она фиксирует гражданские свободы и права человека, плюрализм, договорную систему и принцип представительства. Большое значение для развития демократической теории имело осмысление и утверждение идеи о необходимости ограничений на политическую власть, требуемых для того, чтобы правительство реализовало свои основные функции обеспечения общего блага.

Принцип конституционного правления, который прошел сложный и длительный путь формирования и эволюции, стал в некотором роде материальным воплощением идеи ограничения правительства в рамках народного согласия. Говоря о «конституции государства», Аристотель [7] имел в виду ее сущностное содержание, или структуру. В аналогичном духе говорилось о «конституции человека». В таком широком смысле любое государство имеет свою конституцию. У древних греков конституция (*Politeia*) означала форму правления, следовательно, считалось, что все шесть форм правления, которые выделял Аристотель, имели конституции. Причем конституция, по представлениям античных мыслителей, включала не только абстрактный остов системы управления, но и некий этос (или дух), скрепляющий этот остов и наделяющий его живой плотью.

Конституция, независимо от формы, включает принципы организации, законы, правила, нормы, регулирующие деятельность государства. В узком смысле, когда говорят, например, о конституционном режиме, то имеется в виду, что этот режим или правительство подлежит определенным ограничениям и действует в соответствии с установленными правилами и нормами, а не произвольно, по своему усмотрению.

Под «конституционализмом», как пишет К. С. Гаджиев, понимается также комплекс теорий или идей, характеризующих и обосновывающих конституционные принципы. С самого начала конституция была призвана поставить закон выше личности правителя, кем бы он ни был. Главная идея конституции — это разделение и ограничение власти для оптимального обеспечения свободы. Заслугу основателей американской конституции лорд Эктон видел в том, что американцам удалось решить проблему, которая веками волновала многих политических философов и мыслителей. Суть данной проблемы состояла в следующем: как наделить государство достаточными властными полномочиями, чтобы оно было способно обеспечить общественный порядок и эффективность управления, и в то же время ограничить эти полномочия, чтобы исключить незаконное ущемление гражданских свобод [18, 106].

Конституция обеспечивает необходимый уровень и основу легитимизации государственного правового порядка. Любая конституция, заслуживающая это название, включает в себя следующие основополагающие положения: правление закона, конституционные права, реализация которых обеспечивается механизмом разделения властей, сдержек и противовесов. Конституция должна четко очертить формы и рамки политической борьбы.

Демократическая конституция выполняет три основополагающие функции:

- выражение согласия народа, в силу чего устанавливается само государство, его размеры, структура и т. п.;
- фиксация определенной формы правления;
- предоставление и одновременно ограничение властных полномочий правительства.

Конституция фиксирует фундаментальные принципы политического устройства, а не постоянно меняющиеся законы. Этим принципам подчиняются все законы государства и действия правительства, которые должны согласовываться с конституционными нормами. В этом смысле конституцию можно рассматривать как своеобразную узду на политическую власть, призванную не допустить неограниченного господства последней над обществом и людьми. Иначе говоря, ограничения составляют краеугольный камень конституционализма, и поэтому та или иная система ограничений занимает центральное место в любой конституции, заслуживающей это название. Утверждение тех или иных специфических путей и средств реализации правительственных действий уже по самому своему факту запрещает другие пути и средства. Но конституции, как правило, идут дальше и ограничивают власть, устанавливая пределы прерогатив правительства и фиксированные процедуры, по которым оно действует.

Рассмотренные выше и некоторые другие параметры демократии образуют своеобразную систему координат, позволяющую выявлять ее наиболее существенные черты и различать ее специфические модели, типы.

Вместе с тем ряд исследователей (в частности К. С. Гаджиев) считает, что мнение о том, что демократия может быть тоталитарной или авторитарной, явное недоразумение, основывающееся на подмене понятий. По мнению ученого, если рассматривать проблему с точки зрения форм власти, то очевидно, что *при всей внешней схожести* отдельных атрибутов (например, принцип избрания путем всеобщего голосования, который в тоталитарной системе был формальным и чисто ритуальным процессом, результаты которого заранее были предопределены), тоталитаризм (или авторитаризм) и демократия по подавляющему большинству системообразующих принципов *представляют собой прямо противоположные формы* организации и реализации власти [18, 104].

Автор в значительной степени присоединяется к этой точке зрения и считает, что реальные демократии — это государства, где форма, содержание и процесс имеют демократическую природу. Исключение даже одного элемента из этой триады делает разговор о реальной демократии неуместным.

6.1.11. Принцип разделения властей

Одним из важнейших принципов современной демократии является система разделения властей, обеспечивающая сдерживание и противовесы в отношении друг друга. Такая структура обусловлена осознанием того факта, что в любом государстве существуют фундаментальные функции, которые в силу коренных различий в самой их природе нужно реализовывать раздельно.

В соответствии с этой установкой современная политическая демократия строится на принципе разделения власти на три самостоятельные, но взаимосвязанные ветви — законодательную, исполнительную и судебную. Каждая из них об-

ладает собственными специфическими функциями. При этом фиксируется, как формируются эти ветви, как они взаимодействуют друг с другом, какими правилами, нормами и процедурами в своих действиях руководствуется глава государства, парламент, правительство и судебная власть.

Главенствующая роль в этой системе отведена *парламенту* как законодательному и представительному органу, избираемому на основе всеобщего и равного избирательного права путем тайного голосования. Именно парламенту принадлежит право определения границ распространения прерогатив и направлений деятельности исполнительной власти. Однако в современных условиях исполнительная власть принимает активное участие в разработке законодательных актов. Более того, нередко инициатива в выдвижении тех или иных законопроектов принадлежит правительству. Но фактом остается то, что любой законопроект приобретает силу закона только после его принятия парламентом.

Главная цель *исполнительной* власти — исполнение законов, устанавливаемых законодательной властью

Судебная власть является главным гарантом соблюдения конституции и законности двумя другими ветвями власти, а также обеспечения бесперебойного функционирования системы сдерживания и противовесов. Она выступает в качестве арбитра при возникновении сложных и трудноразрешимых споров и противоречий между этими двумя ветвями, затрагивающих конституционные основы власти. Для этого создается специальный судебный орган.

Общепринятый принцип состоит в том, что законодательная власть контролирует исполнительную, и обе они строго придерживаются закона, за выполнением которого наблюдает судебная власть. Не допускается чрезмерное усиление одной ветви власти за счет другой. Этот «баланс» в сочетании с независимостью суда, выборностью органов власти призван служить в качестве действенного механизма защиты прав и свобод человека. В то же время законодательная, исполнительная и судебная ветви отнюдь не есть некие самодовлеющие образования, они представляют собой проявления, или разные ипостаси, единой суверенной власти.

Тем самым конституция определяет рамки и формы коллективной политической борьбы, смены правительства, взаимодействия правительства и оппозиции, принятия политических решений и т. д. Глава государства, парламент, правительство, судебная власть наделяются строго очерченными властными прерогативами и полномочиями. Условием обеспечения политической свободы служит установление оптимальных взаимоотношений между различными ветвями и органами власти.

§ 2. СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Демократии, существовавшие в XIX—XX вв. в северном полушарии, представляли собой противоположное религиозному социально-политическое воплощение христианских идей о равенстве людей перед высшим смыслом жизни. Здесь за основу было взято не божественное начало, определяющее признание неизбежности существующего порядка вещей (фатализм) и определяющего Бога как субъекта политики, а земное, воплощенное в человеке, способное создать на земле мир, подчиняющийся законам разума (рационализм). Несмотря на разнообразие

организационно-правовых форм и внутренних структур, можно выделить две основных модели современной демократии: *либеральную и социалистическую*.

Обе модели возникли как попытки разрешить так называемую «проблему Гоббса» [19], суть которой кратко можно определить следующим образом: человек, переходя от состояния «войны всех против всех» (естественное состояние) к договору о государственно-общественной жизни (общественное состояние), вверяет самого себя власти государства, так как только оно может гарантировать соблюдение договора. Как сохранить свободу человека в общественном состоянии? В этом вопросе узел «проблемы Гоббса». Следовательно, теоретическая задача заключается в обосновании границ деятельности государства, обеспечивающих сохранность свободы человека.

6.2.1. Демократия классического либерализма

6.2.1.1. Либерализм

как идейная основа государственного устройства

Существующие в наши дни демократические системы ведут свое начало от форм правления, возникших в конце XVIII—XIX вв. под влиянием либерализма. Заслуги либерализма в развитии политической и демократической мысли чрезвычайно велики. Это идейное и политическое течение выступило под знаменем свободы личности, ограждения ее от государственной тирании.

Либерализм впервые в истории социальной мысли отделил индивида от общества и государства; разграничил две автономные сферы — государство и гражданское общество; ограничил конституционно и институционально сферу действия и полномочия государства в его взаимодействии с гражданским обществом и личностью; защитил автономию и права меньшинства по отношению к большинству; провозгласил политическое равенство всех граждан; наделил личность фундаментальными, неотъемлемыми правами и утвердил ее в качестве главного элемента политической системы.

Родиной либеральных идей и первым местом практического применения многих из них является Англия. Еще в эпоху средневековья, когда в континентальной Европе усиливался абсолютизм, англичане сумели ограничить власть монарха. Исходным пунктом многовекового процесса постепенной либерализации английского государства явилось принятие в 1215 г. первого прообраза современных конституций — Великой Хартии Вольностей. Эта Хартия была еще далека от демократии и ограничивала права монарха в пользу аристократии. Однако в ней провозглашалось и право гражданина на личную свободу и безопасность: «ни один свободный человек не должен быть арестован, заключен под стражу, лишен собственности, унижен, изгнан или наказан каким-либо другим способом иначе, как по закону» [71, 213].

Уже с XIV в. в Англии существовал парламент, который в 1689 г. с принятием «Билля о правах» окончательно получил законодательные права. (С этого момента ведет начало законодательный парламентаризм.) Однако этой стране потребовалось еще более двух столетий для демократизации парламента, первоначально больше походившего на средневековое собрание высших сословий, чем на современный законодательный орган.

Идеи и практика либерализма долгое время не совпадали с демократией как теорией и движением. Идеологи раннего либерализма (Д. Локк [45], Ш. Л. Монтескье [53а] и другие) были озабочены не обеспечением для граждан равных политических прав и привлечением их к управлению государством, но стремились оградить класс собственников, а часто и аристократию от произвола со стороны монарха, устранить феодальные ограничения, препятствующие частнопредпринимательской деятельности.

6.2.1.2. Отличительные черты либеральной демократии

В *либерально-демократических концепциях* свобода человека означала его моральную автономию рационально определять свою жизнь и правила общения с другими людьми, которые не должны нарушать его индивидуальных прав. Государство, возникающее на основе договора между людьми как морально автономными индивидами, ограничивается правом, т. е. равной внешней мерой свободы для каждого индивида. Таким образом, данная демократическая парадигма основывалась на предпосылке автономного индивида; общество при этом трактовалось как сумма свободных индивидов, а общественный интерес — как интерес всех.

Частная жизнь, согласно концепции, ценится больше, чем жизнь общественная, а право выше, чем общественное благо. Плюрализм индивидуальных интересов и интересов возникающих ассоциаций индивидов (гражданское общество) сопровождался конфликтом между ними, разрешение которого было возможно на пути компромисса. В принципе, государство не могло и не должно было вмешиваться в процесс общения автономных индивидов и их добровольных ассоциаций. Оно задействовалось лишь тогда, когда требовалось вмешательство третьей стороны. Концепции либерально-демократического толка допускают лишь «ограниченное государство», государство «ночного сторожа». Такое государство невозможно без договора между людьми, а представители государства избираются населением.

Следовательно, большое значение придается электоральному процессу репрезентативной демократии, при которой избранные представители связаны лишь своей совестью и конституцией. Свобода в таком государстве ограничена только законом, а само государство (для того чтобы не было узурпации государственной власти отдельными органами или лицами) должно строиться по принципу разделения властей. Правомерный при голосовании принцип решения по большинству голосов дополняется принципом защиты прав меньшинства [68, 190].

Настороженное отношение либерализма к массам, по определению В. П. Пугачева, повлияло на либеральную демократию, которая явилась как бы сплавом либеральной идеи ограничения произвола власти с помощью индивидуальных прав и демократического принципа народного суверенитета [71, 213]. В целом же этой модели демократии в ее классическом варианте (XIX — начало XX вв.) присущи следующие характерные черты:

1. Отождествление народа как субъекта власти с собственниками-мужчинами, исключение низших слоев, прежде всего наемных рабочих, а также женщин из числа обладающих избирательным правом граждан. В большинстве западных демократий вплоть до середины XX в. сохранялись имущественные и другие цензы — обязательные условия, без наличия которых человек не имел права участвовать в голосовании.

2. Индивидуалистичность, признание личности первичным и главным источником власти, приоритет прав индивида над законами государства. Права личности в целях защиты закрепляются в конституции, неукоснительное выполнение которой контролирует независимый суд.
3. Узкополитический, формальный характер демократии, вытекающий из узкого, негативного понимания свободы как отсутствия принуждения, ограничений. В отличие от античной демократии свобода здесь трактуется не как возможность активного равноправного участия в политике, а как пассивное индивидуальное право быть огражденным от вмешательства со стороны государства и других людей. «Целью древних, — писал в этой связи Б. Констан, — было разделение общественной власти между всеми гражданами страны. Это то они и называли свободой. Цель наших современников — безопасность частной сферы; и они называют свободой гарантии, создаваемые общественными институтами в этих целях» [35, 101].
4. Парламентаризм, преобладание представительных форм политического влияния. Как писал Д. Актон, урок афинской демократии «учит, что правление всего народа, будучи правлением самого многочисленного и могущественного класса, есть зло такого же порядка, что и неограниченная монархия, и нуждается, почти по тем же самым причинам, в институтах, которые бы защищали его от самого себя и утверждали бы постоянную власть закона, ограждая его от произвольных переворотов во мнениях» [2, 112].
5. Ограничение компетенции и сферы деятельности государства преимущественно охраной общественного порядка, безопасности и прав граждан, социального мира и т. п., его невмешательство в дела гражданского общества, экономические, социальные и духовно-нравственные процессы.
6. Разделение властей, создание сдерживающих рычагов и противовесов как условия эффективного контроля граждан над государством, предотвращения злоупотреблений властью. Как отмечал еще в XVIII в. Монтескье [53а], общество в состоянии проконтролировать лишь ту власть, которая раздроблена и отдельные части которой противопоставлены друг другу.
7. Ограничение власти большинства над меньшинством, обеспечение индивидуальной и групповой автономии и свободы. Меньшинство обязано подчиняться большинству лишь в строго определенных вопросах, за пределами которых меньшинство полностью свободно. Оно вправе иметь свое мнение и отстаивать его в рамках закона, невзирая на принятые большинством решения.

Концепция либеральной демократии, основанная на правах человека, по мнению исследователей [68, 192], обогатила демократическую мысль и практику следующим:

- 1) в дополнение к регулярной, свободной и честной электоральной конкуренции и всеобщему избирательному праву данная модель требует предусмотреть отсутствие у военных и иных социальных и политических сил, которые прямо не ответственны перед электоратом, права изменять политический режим и заменять конституционную власть;
- 2) помимо «вертикальной» ответственности представителей перед управляемыми должна быть «горизонтальная» ответственность держателей власти друг перед

другом; ограничителями исполнительной власти здесь служат конституционализм, правление закона и процесс обсуждения решений;

- 3) либеральная модель требует обеспечения политического и гражданского плюрализма, равно как индивидуальных и групповых свобод.

Согласно демократической модели «прав человека»

- реальная власть принадлежит — фактически и по конституции — избранным должностным лицам и лицам, ими назначенным, а не неотвечественным силам внутри страны (т. е. военным) или зарубежным силам;
- исполнительная власть конституционно ограничена и ответственна перед другими государственными институтами (такими, как независимый суд, парламент, институт уполномоченного по правам человека — омбудсмен, главный ревизор);
- результаты выборов не predeterminedены, значительная оппозиция со временем может сформировать правительство, любая группа, приверженная конституционным принципам, имеет право создать партию и конкурировать на выборах (даже если электоральный «порог» и правила не допускают маленькие партии к представительству в парламенте);
- культурные, этнические, религиозные и иные меньшинства, равно как и традиционно находящееся в невыгодном положении большинство, не ограничены (легально или практически) в выражении своих интересов в политическом процессе и в использовании своего языка и культуры;
- граждане имеют множество постоянных каналов и средств выражения и представления своих интересов и ценностей, включая разнообразные автономные ассоциации, движения и группы, которые они могут создавать;
- граждане имеют свободный доступ к альтернативным источникам информации, в том числе и независимым средствам массовой информации;
- индивиды обладают основными свободами: веры, мнения, дискуссии, речи, публикаций, собраний, демонстраций и петиций;
- граждане политически равны перед законом (даже если они очевидно не равны по политическим ресурсам), индивидуальные и групповые свободы эффективно защищены независимой и справедливой судебной системой, чьи решения поддерживаются и уважаются другими центрами власти;
- правление закона защищает граждан от несправедливого ареста, ссылки, террора, пыток и чрезмерного вмешательства в их личную жизнь не только со стороны государства, но и организованной негосударственной силы.

Эти и другие черты либеральной демократии свидетельствуют, что она стала крупным шагом вперед на пути освобождения человека, уважения его достоинства и основополагающих прав. Представленная модель демократии широко используется исследователями для анализа уровня развития прав человека, свободы и демократии. В то же время эта модель демократии, представленная в своем классическом варианте, весьма далека от идеала народовластия и обоснованно подвергается критике.

6.2.1.3. Слабости либеральной демократии

Многие мыслители прошлого, будучи не всегда противниками демократии, как пишет К. С. Гаджиев, предупреждали о ее недостатках и таящихся в ней угрозах [18, 110]. Примечательно, что Платон [64] считал демократию самой коррумпированной после тирании формой правления. Аристотель [8] называл демократию самой низшей из всех законных форм правления, в наибольшей степени склонной перерождаться в тиранию. Продолжая данную тенденцию, И. Б. Гете писал: «Ничто так не отталкивает, как большинство, ибо оно состоит из кучки сильных лидеров, из плутов, которые приспосабливаются, из слабых, которые ассимилируются, и из массы, которая движется за ними, не имея ни малейшего представления о том, чего она хочет».

Подобных, не совсем лестных оценок деятельности демократии, сделанных выдающимися мыслителями прошлого, множество. Но достаточно отметить, что опыт XX в. в целом подтвердил правоту известного французского историка и политика XIX в. А. де Токвиля [78], предупреждавшего о таящихся в демократии опасностях для свободы, возможностях «тирании большинства», которая может быть не менее, если не более, жестокой, чем тирания немногих или одного. А. де Токвиль был одним из тех, кто рассматривал развитие государственно-политических систем по пути демократии как неизбежную закономерность. Комментируя эту мысль, П. И. Новгородцев писал в 1923 г.: «В странах, испытавших эту форму (демократию) на практике, она давно уже перестала быть предметом страха, но она перестала быть и предметом поклонения. Те, кто ее опровергает, видят, что в ней все же можно жить и действовать; те, кто ее ценит, знают, что, как всякое земное установление, она имеет слишком много недостатков для того, чтобы ее можно было безмерно превозносить» [57].

Разумеется, нет и не может быть совершенной демократии, но, несмотря на все недостатки, она лучшая и самая гуманная форма правления из всех до сих пор известных. У. Черчилль говорил, что «демократия — ужасная форма правления, если не считать всех остальных». Демократическая форма правления действительно характеризуется многими недостатками и связана с целым рядом издержек. Но при всем том человечество еще не придумало более эффективную и вместе с тем более соответствующую воле большинства членов общества и одновременно духу свободы личности форму правления.

Очевидна относительность, временная и пространственная ограниченность парламентаризма, системы представительства, всеобщего избирательного права и других атрибутов демократии, которые не способны раз и навсегда разрешить все стоящие перед обществом проблемы. Решение одних проблем чревато возникновением новых, порой еще более серьезных, но это не может служить достаточным основанием для потери веры в саму демократию.

Демократия есть прежде всего фундаментальная установка, своего рода шкала ценностей, определенная концепция человека и его места в обществе. «Если демократия открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе, — писал П. И. Новгородцев, — то необходимо, чтобы эти силы подчинялись некоторому высшему обязывающему их началу. Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общения, приходит к самоуничтожению и разрушению основ государственной жизни» [57].

В качестве недостатков либеральной демократии обычно отмечают:

1. социально-классовая ограниченность (подобно античной демократии, она не распространяется на большинство населения: пролетариев, другие низшие слои, женщин — и поэтому не является властью народа в полном смысле этого слова);
2. формальность и, как следствие, декларативность демократии для бедных, социально не обеспеченных слоев населения, ее превращение из народовластия в соревнование денежных мешков (нераспространение демократии на экономические и социальные процессы ведет к углублению общественного неравенства и обострению социальных конфликтов, не удовлетворяет интересов большинства граждан; стимулируемая этой формой власти имущественная поляризация населения обесценивает для низших слоев фундаментальные права и свободы личности, делает их трудноосуществимыми практически и в конечном счете ставит под сомнение демократичность этой формы правления);
3. ограниченность сферы демократии и политического участия личности (ставка на представительные органы и лишь эпизодическую, преимущественно электоральную политическую активность граждан фактически выводит органы власти из-под контроля масс и превращает демократию в форму господства политической элиты; следствием крайне ограниченного политического участия является массовая политическая апатия, отчуждение граждан от власти, ее слабая легитимность);
4. принижение роли государства в управлении обществом и укреплении социальной справедливости (потребности экономического и социального развития требуют расширения государственного регулирования, проведения активной инвестиционной, налоговой и иной политики; демократическое государство не может ограничиваться ролью «ночного сторожа» и должно иметь право регулировать экономические и социальные процессы, укреплять в обществе справедливость и предотвращать конфликты);
5. чрезмерный ценностный индивидуализм, игнорирование коллективной природы человека, его принадлежности к различным социальным группам (это препятствует общественной самореализации личности, ее развитию, стимулирует эгоизм и эгоцентризм, подрывающие основы государства и общества).

Практическим ответом на недостатки классической либеральной демократии, по мнению В. П. Пугачева, явились рабочее, социалистическое, коммунистическое и другие движения, а также новые, во многом противоположные либерализму демократические концепции и попытки воплотить их в жизнь [71, 216].

6.2.2. Коллективистская демократия

Концепции и реальные воплощения коллективистской демократии пытаются преодолеть недостатки либеральной модели и осуществить подлинное народовластие. Этот тип демократии теоретически достаточно детально разработан. Попытки же его практического осуществления, сделанные прежде всего в странах государственного социализма, не увенчались успехом. И все же они значительно обогатили теорию и практику демократии (хотя в большей степени негативным

опытом), оказали значительное влияние на современные политические системы Запада.

Коллективистскую демократию нередко называют *идентитарной*. В этом названии отражается тот факт, что она исходит из целостности народа (нации, класса), наличия у него единой воли еще до акта ее публичного выражения и *идентичности* этой воли и действий представителей власти. В своей исторически первой, античной форме демократия явно тяготела к коллективистской модели.

В соответствии с *радикально-демократическими концепциями* разумный человек мог существовать автономно только в естественном состоянии, в общественном же состоянии — он становится существом социальным, т. е. рационально принимающим ценности общества. Государство, которое возникает на основе договора, руководствуется ценностями общества, носителем которых выступает, народ, оно ограничено «*суверенитетом народа*». Свобода человека в общественном состоянии может быть обеспечена лишь тогда, когда свободен народ, имеющий волю давать законы государству. Деспотизм государства определяется тем, что оно руководствуется не частными, а общими интересами народа, которые не являются простой суммой частных интересов, а обладают органическим единством. Следовательно, радикально-демократическая теория приветствует публичного человека, обосновывает приоритет общего блага над правом. Свобода такого человека осознана как гражданская свобода и возможна в общественном состоянии при наличии законов, освященных волей народа. Единство народа выступает важнейшим принципом организации политической жизни, а формой демократического участия выступает прямая демократия. Лица, осуществляющие управление в государстве, наделены народным мандатом и ответственны перед ним (императивный мандат). Единство власти обеспечивается суверенитетом народа, а потому принцип разделения властей не является существенным; здесь скорее можно говорить о разделении функций, а не властей. Подчинение меньшинства большинству является внешним выражением единой воли, принципиально требующей общего согласия.

Виднейшими представителями теории идентитарной демократии являются Ж.-Ж. Руссо [74], К. Маркс [48, 49, 50], В. И. Ленин [40], К. Шмитт [86a].

6.2.2.1. Концепция демократии Руссо

Ценностный подход лежит в основе философии Ж.-Ж. Руссо (1712—1778), который понимал демократию как форму выражения всевластия суверенного народа. Он наиболее последовательно разработал теорию коллективистской демократии и ее основные принципы. Ж.-Ж. Руссо считал подлинной только непосредственную (прямую) демократию. Его теория исходит из идеи суверенитета народа. Под народом понимается добровольное объединение людей в «единое целое». Он подверг критике либеральное разделение общества на «публичное» и «частное». По его мнению, утверждаемые либеральными мыслителями индивидуализм и эгоизм разрушительны для гражданских добродетелей и самого общества. Идеал гражданина демократической республики Ж.-Ж. Руссо — это не ушедший в частную жизнь индивидуалист, а активный член общества, являющийся источником жизни единого «общественного тела».

Народный суверенитет, согласно учению Ж.-Ж. Руссо, — это осуществление общей воли. Общая воля не есть «лишь сумма изъявлений воли частных лиц», отражающая частные интересы граждан (воля всех). Формирование народа означает полное отчуждение «каждого из членов ассоциации со всеми правами в пользу своей общины» [74, 161]. С этого момента личность утрачивает свои права. Они становятся ей не нужны, так как целое — государство — подобно любому другому живому организму, заботится о своих членах, которые в свою очередь обязаны думать о благе государства.

Организмический подход Ж.-Ж. Руссо исключает противоречия, конфликты в отношениях между индивидами и государством, устраняет почву для протеста граждан против власти, для политической оппозиции в целом, а также появления частных интересов. Если все же частный интерес возникает, то он представляет собой патологию и поэтому подавляется. Предпосылкой общности интересов и воли народа является имущественное равенство. Ж.-Ж. Руссо выступает не за полную ликвидацию частной собственности, а за ее ограничение и выравнивание ее размеров.

Сам народ неделим. Он обладает единой, общей волей и неотчуждаемым суверенитетом. Внутри него не существует устойчивого большинства и меньшинства, а потому и нет необходимости в защите последнего. Власть народа как целого ничем не ограничена. «Если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем организмом, а это означает не что иное, как то, что его силой принудят быть свободным» [74, 164]. (Почти буквально эти слова повторял лозунг, украшавший Соловецкий лагерь в 20-е гг.: «Железной рукой загоним все человечество к счастью».)

Народ как коллективное существо может быть представлен только самим собой, а не избранными представителями. Его общая воля выражается непосредственно на собраниях и определяет законы и деятельность правительства, функции которого сводятся лишь к исполнению и техническому обслуживанию решений народа.

Многие идеи Ж.-Ж. Руссо (принцип народного суверенитета, прямого голосования и др.) возымели особенную силу в период Великой французской революции и нашли свое выражение в конституции Франции 1791 г. В то же время они послужили и оправданию якобинского террора. Не случайно его вдохновитель Робеспьер называл Ж.-Ж. Руссо «провозвестником нашей революции». По конституции 1793 г., в соответствии с идеей Ж.-Ж. Руссо о единстве и непротиворечивости воли народа, принцип равноправия распространялся лишь на единомышленников якобинцев.

6.2.2.2. Социалистическая демократия

Основные принципы коллективной теории демократии Ж.-Ж. Руссо получили в дальнейшем развитие в социалистической (марксистско-ленинской) концепции демократии. Эта концепция развивалась в контексте общего учения о социализме и коммунизме. Однако, в отличие от теории Ж.-Ж. Руссо, в концепции социалистической демократии отрицалась частная собственность (Ж.-Ж. Руссо был сторонником имущественного равенства людей, но при сохранении мелкой частной собственности).

Сохраняя важнейшие принципы идентитарной концепции Ж.-Ж. Руссо, теория *социалистической демократии* существенно изменяет их социальный и политический контекст, дает им специфическую интерпретацию. Социалистическая концепция демократии носит полностью коллективистский характер при отсутствии всякой автономии личности. Она исходит из однородности и целостности вначале рабочего класса, а после построения социализма и всего народа, из наличия у этих суверенов власти классового, а затем общенародного интереса. Этот интерес существует объективно и первоначально осознается марксистско-ленинской партией, которая вносит выражающее его учение в сознание масс. После чего через механизм социалистической демократии, прежде всего Советы, оформляется и выражается общая воля народа.

При этом теория социалистической демократии предусматривает сочетание принципов прямой и формально представительной демократии (избрание депутатов в качестве делегатов, проводников общей воли, наказов избирателей, особая роль руководящего авангарда — коммунистической партии, призванного аккумулировать и предвосхищать волю народа).

В Советах реализуются такие принципы коллективистской демократии, как полновластие, распространенность на все области жизнедеятельности людей, прямая демократия (общие собрания, наказания избирателей, право отзыва депутатов, демократический централизм, предполагающий жесткое подчинение общим решениям), идеологическое единство, недопустимость идеологического и политического инакомыслия и оппозиции и др.

Отличие теории социалистической демократии от концепции Ж.-Ж. Руссо в полном отрицании автономии личности, в подмене народа рабочим классом, трудящимися, а также в идее ведущей роли авангарда рабочего класса и всего народа — коммунистической партии, призванной руководить процессом перехода к полной демократии, общественному самоуправлению.

Реализованное на практике *«социалистическое народовластие»* с его институтами, рассчитанными преимущественно лишь на внешнее выражение одобрения принятых верхами решений, использовалось в качестве ширмы для прикрытия тоталитарных структур общества и сосредоточения всей фактической власти у высшего партийного руководства.

6.2.2.3. Плебисцитарная партийная демократия

Некоторые важнейшие идеи коллективистской, идентитарной демократии нашли свое прямое выражение в современных западных теориях. Наиболее значимой из них является *плебисцитарная мандатная теория партийной демократии*. Она развивает идею Руссо о том, что каждый гражданин должен иметь возможность по меньшей мере одобрять или отвергать влияющие на его жизнь законы, которые он обязан уважать. Согласно партийной теории демократии в современных государствах, с большой численностью населения и огромными по сравнению с древнегреческими полисами территориями, античная модель народовластия наиболее полно реализуется в «партийном государстве».

Различные партийные программы дают гражданам возможность с помощью выборов прямо влиять на государственную политику. Эти программы являются полученными от граждан своего рода мандатами, наказаниями, которые призваны ис-

полнять и депутаты, и правительство. Связанность депутатов партийными программами и структурами делает их прямыми выразителями народной воли. Тем самым достигается идентичность народа и правительства.

Отражая новые явления в политических системах, эта концепция демократии, по мнению ее критиков, во многом расходится с реальностью. Современные массовые «народные партии» не имеют определенной социальной базы и стремятся привлечь голоса самых различных слоев населения. Поэтому формулировки их предвыборных платформ носят очень общий и расплывчатый характер и мало отличаются друг от друга. Если даже партийные платформы предусматривают достаточно определенные действия, граждане все же вынуждены выбирать программы в целом, в едином пакете, не имея возможности влиять на их конкретное, часто противоречивое содержание.

К тому же, как показывают эмпирические исследования, большая часть избирателей вообще не знакома с партийными программами и строит свой политический выбор в первую очередь на основе существующих традиций, привлекательности партийных лидеров и символики. В силу всего перечисленного «партийная демократия» весьма далека от народовластия.

6.2.2.4. Отличительные черты коллективистской демократии

Несмотря на существенные различия, разнообразные коллективистские теории демократии имеют ряд общих черт. К ним относятся:

- коллективизм в трактовке народа, признание народа единым однородным целым, имеющим объективные, существующие еще до своего осознания общий интерес и волю; личность не имеет самостоятельного политического значения; **индивид** занимает подчиненное положение по отношению к народу, классу и т. д., по отношению к единому политическому организму;
- отсутствие противоречий внутри народа, рассмотрение политической оппозиции как патологии или врага, подлежащего насильственному устранению; стремление сгладить противоречия общественного развития, добиться монолитности народа; характерным является устранение возможности столкновения личности с государством путем ее полного подчинения в политическом и экономическом плане;
- коллективистское (близкое к античному) понимание свободы как активного равноправного участия гражданина в делах всего государства и общества; народ — это, прежде всего, большинство; все решения могут быть приняты только большинством; возможность существования инакомыслящего меньшинства признается аномалией;
- тоталитарность, всепроникающий абсолютный характер власти, на деле осуществляемой вождями, отождествляемыми с народом (классом, нацией), полная беззащитность меньшинства, в том числе отдельной личности;
- устранение самой проблемы прав человека, поскольку целое, государство, и без того заинтересовано в благополучии своих составных частей;
- всеобщая политическая мобилизация, преимущественно прямое участие граждан в управлении, рассмотрение представительных органов и должност-

ных лиц не как самостоятельных и ответственных за принятые решения руководителей, а лишь как проводников воли народа, его слуг;

- декларирование социальной демократии, перенесение главного акцента с юридического провозглашения политических прав на обеспечение социальных условий для участия граждан в управлении; первичность народа в принятии решений (народ, трудящиеся или же другая социальная общность, призванная выразить общую волю, обладают неоспоримым преимуществом в политической жизни общества).

Рассмотренные коллективистские теории демократии в настоящее время подвергаются интенсивной критике. В качестве их основных недостатков выделяется недооценка роли практического осуществления прав и свобод личности, защиты прав меньшинства по выражению своих политических интересов, что приводит к формированию тоталитарного политического режима.

Поэтому в современной политической науке наибольшее распространение получили репрезентативные (представительные) концепции демократии, которые, несмотря на их различия, в противоположность коллективистским концепциям можно охарактеризовать как конкурентные.

6.2.2.5. Уроки коллективистских экспериментов

Модель демократии Ж.-Ж. Руссо в политической практике никогда не была полностью реализована. Попытки ее осуществить неизбежно приводили к подавлению свободы личности, массовому террору. Оказалось, что власть народа не может быть реальной без гарантированной личной свободы и других основополагающих прав человека. Попытки осуществления коллективистской демократии неизбежно приводили к появлению нового господствующего класса — номенклатуры, к тоталитаризму, подавлению всякой индивидуальной свободы, террору против инакомыслящих.

Так называемая общая воля, «классовый», «национальный» или «общенародный» интересы представляют собой вымысел, миф, оправдывающие политическое господство одного лица или группы в том случае, если они определяются кем-то априори, без равноправного участия отдельных свободных личностей и рассматриваются как неоспоримые, надындивидуальные, внутренне непротиворечивые сущности, устанавливающие рамки дозволенного для политической активности граждан, границы демократии.

И все же, несмотря на неудачность практических попыток, идейное и политическое движение за коллективистскую демократию оказало огромное, в том числе и позитивное влияние на современную цивилизацию. Критикой классовой ограниченности либерального государства, постановкой ряда важнейших политических проблем (например, вопроса о социальном равенстве как условии демократии, о социальных правах личности) и практическим опытом грандиозного по своим масштабам и замыслам социального эксперимента коллективистская демократия заставила теоретиков и практиков политического процесса искать новые и вносить коррективы в существующие формы народовластия.

6.2.3. Место и роль элиты и лидера в политической демократии

Сегодня демократия является одной из основных форм политической самоорганизации общества. Комплекс институтов и организаций, структура и функционирование которых основывается на либерально-демократических мировоззренческих и ценностных постулатах, нормах, установках, составляет политическую систему демократии. В настоящее время существует несколько теорий демократии. Основными из них считаются плюралистическая, партиципаторная (или демократия участия), рыночная, плебисцитарная, консоциативная, представительная, народная, социалистическая; наиболее распространенной является плюралистическая.

Следует при этом отметить, что во всех демократиях, за исключением коллективистской, присутствуют основные элементы плюрализма. Нахождение у власти элиты (что дает основание говорить об элитической модели демократии) не обязательно устраняет различия между демократией и авторитаризмом и тоталитарными режимами. Еще Ш. Л. Монтескье [53а] говорил: «Хотя все пригодны для того, чтобы выбирать, не каждый пригоден быть избранным». В. Парето [60, 60а], Г. Моска [54, 55] и другие ученые считали, что ведущие позиции в структурах власти, особенно в ее верхних эшелонах, любого политического режима занимают представители элиты. И действительно, в любом режиме имеются относительно компактные и более или менее организованные группы лидеров, из среды которых выдвигаются руководители государства, политических партий и движений. В совокупности они составляют так называемый политический класс. Но при этом необходимо отметить, что институциональные, социокультурные, идейно-политические и иные факторы, и особенно сам тип политической системы, оказывают глубокое влияние на роль элиты в различных политических режимах. Правящая, или политическая, элита по-разному осуществляет властные функции при демократических, авторитарных и тоталитарных режимах.

В целом демократическая форма правления характеризуется не отсутствием элиты, а наличием множества элит, конкурирующих друг с другом за голоса избирателей. Поэтому, по мнению К. С. Гаджиева, при анализе основных принципов и установок демократии в качестве исходной основы берется плюралистическая модель. Хотя институты и формы демократии в разных странах могут варьироваться, существует некоторый комплекс принципов, норм и ценностей, составляющих условия, без которых любой режим нельзя расценивать как демократический в собственном смысле слова [18, 109].

Философская база «рационально-процедурного» подхода основана на том, что демократия возможна лишь в условиях, когда распространение ресурсов власти в обществе приобретает столь широкий характер, что ни одна общественная группа не в состоянии подавить своих соперников или сохранить властную гегемонию. В таком случае, как пишет А. И. Соловьев, наиболее рациональным выходом из ситуации является достижение компромисса и взаимное разделение функций и полномочий, обуславливающих чередование групп у власти. Эти-то процедуры и технологии установления подобного порядка и выражают существо демократической организации политики [77, 186].

Одним из первых такое понимание демократии закрепил М. Вебер [13] в своей плебисцитарно-вождистской теории демократии. По его мнению, демократия представляет собой «средство» властвования, полностью обесценивающее все понятия «народного суверенитета», общей «воли народа» и т. п. Немецкий ученый полагал, что характерные для нее прямые формы политического волеизъявления возможны только в строго ограниченных пределах (например, в древнегреческих городах-государствах). Любая же организация представительства интересов граждан в сложных, больших обществах неразрывно связана с их вытеснением из политики и установлением контроля над властью со стороны бюрократии. Для защиты своих интересов граждане должны передать свое право контроля за властью и аппаратом управления всенародно избранному (харизматическому) лидеру. Имея такой независимый от бюрократии источник легитимной власти, люди и будут иметь возможность реализовывать свои интересы. Поэтому демократия, по Веберу, есть совокупность процедур и соглашений, «когда народ выбирает лидера, которому он доверяет».

Акцентируя процедурные и процессуальные аспекты демократии, М. Вебер практически полностью снимает идею участия масс в управлении [13]. По сути дела, подобное устройство власти невольно оправдывало ослабление контроля за лидером со стороны общественности, его дистанцированность от населения и их интересов, предполагало утверждение цезаристского стиля управления, установление режима личной власти лидера. Однако М. Вебер считал такое развитие событий либо необязательным, либо являющимся сравнительно небольшой платой за подчинение обществу и власти пагубному влиянию бюрократии.

Концепция плебисцитарной демократии, легитимности и государства М. Вебера была дополнена теорией конкурентной демократии Й. Шумпетера [88]. Й. Шумпетер дал классическую формулировку демократии как конкуренции между двумя или более группами элит за власть на более или менее регулярных и открытых выборах. Она стала одной из основных при выборе переменных в сравнительном исследовании демократических систем. Конечно, на формирование модели конкурентной элитистской демократии оказали влияние и другие исследователи: Д. Дьюи [27], Г. Моска [], В. Парето [54, 55], М. Острогорский [60].

Й. Шумпетер проводил различие между классической доктриной демократии, основанной на общем благе и воле народа, при которой избиратель наделен властью принимать политические решения, и теорией демократии, где решение проблем избирателями является вторичным по отношению к избранию тех, кто будет принимать решения. Классическая доктрина демократии, считал он, находится в кризисе, и с ней нельзя сегодня согласиться. На первый план выходит концепция демократии, при которой роль народа состоит в создании правительства или посреднического органа, который в свою очередь формирует исполнительный национальный орган или правительство. Й. Шумпетер определял новую концепцию демократии следующим образом: «Демократический метод — это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» [88, 355].

Обосновывая данную концепцию, он видел ее преимущества в том, что она касается эмпирически легко проверяемых вещей — наличия или отсутствия демок-

ратической *процедуры*. Классическая теория демократии не содержала такого критерия, так как воле и благу народа могли служить и недемократические режимы и правительства. Например, критерий демократии выполняется при парламентской демократии (типа английской), а «конституционная» монархия не является демократической, поскольку электорат и парламент обладают всеми правами, которые у них есть при парламентской демократии, но с одним решающим исключением: у них нет власти назначать правительство.

Новая теория уделила значительное внимание феномену *лидерства*. Классическая теория, считал Й. Шумпетер, этого не делает. Именно понятие лидерства позволяет объяснить, как и откуда возникает общая воля, как она подменяется или фальсифицируется. В этом смысле лидерство является доминирующим механизмом почти любого коллективного действия, а новая концепция демократии становится более реалистичной, чем классическая. Новая концепция не отрицает существования *воли группы*, но рассматривает ее как *скрытую* до определенного времени, пока какой-нибудь политический лидер не вызовет ее к жизни и не превратит ее в фактор политической жизни. «Взаимодействия между групповыми интересами и общественным мнением и способом, которым они создают то, что мы называем политической ситуацией, под таким углом зрения видны в новом, более ясном свете», — писал Й. Шумпетер [88, 356].

Как важное качество новой концепции следует отметить также включение проблемы политической конкуренции в виде *борьбы за лидерство*. Демократия в этой связи использует всегда некий признанный метод ведения конкурентной борьбы, а система выборов есть практически единственно возможный способ борьбы за лидерство для общества любого размера.

Новая концепция демократии анализирует отношение между демократией и *индивидуальной свободой*. Важно отметить, что Й. Шумпетер не считал демократию режимом, гарантирующим больший по сравнению с другими режимами объем индивидуальной свободы, но утверждал, что если каждый волен бороться за политическое лидерство, выставляя свою кандидатуру перед избирателями, то в большинстве случаев, хотя и не всегда, это означает значительную долю свободы дискуссий для всех.

Существенной характеристикой демократического метода является не только функция избирателя формировать правительство (прямо или через посреднический орган), но и функция *роспуска правительства*. При этом контроль над правительством со стороны избирателя ограничен именно этой функцией — возможностью отказаться переизбирать правительство или парламентское большинство, его поддерживающее.

Наконец, в противовес классической концепции демократии с акцентом на воле народа, новая концепция делает акцент на *воле большинства*. «Принцип демократии в таком случае, — писал Й. Шумпетер, — означает просто, что бразды правления должны быть переданы тем, кто имеет поддержку большую, чем другие конкурирующие индивиды или группы».

По мнению ряда исследователей, эмпиричность и реалистичность новой концепции демократии обеспечили ей в дальнейшем широкую поддержку исследователей, которые использовали ее при создании гипотез, индексов и индикаторов демократии [68, 193].

Обобщенная характеристика конкурентной элитистской концепции демократии была дана Д. Хелдом [65] в его книге «Модели демократии». Хелд специально выделяет эту модель демократии, объединяя центральные элементы концепций М. Вебера и Й. Шумпетера. Данная модель выражает особенности политической системы индустриального общества с фрагментированной структурой социального и политического конфликта, недостаточной информированностью электората, толерантностью политической культуры и развитой стратой технически натренированных экспертов и менеджеров. Ключевыми признаками данной модели выступают парламентарное управление с сильной исполнительной властью, конкуренция между жизнеспособными политическими элитами и партиями, преобладание парламента над партийной политикой (хотя это и противоречит веберовской концепции «плебисцитарной демократии»), главенство политического лидерства, наличие бюрократии — независимой и хорошо натренированной администрации, конституционные и практические ограничения на сферу принятия политических решений.

Данные идеи хоть и подчеркивают выдающуюся роль правящих кругов, но одновременно признают необходимость участия масс в процессе формирования демократического строя. В этом смысле они коренным образом отличаются от широко распространенных в XX столетии элитистских теорий, связывающих сущность демократии только с деятельностью управляющих. Так, П. Барах, Дж. Сартори [75], Х. Кене и ряд других ученых полагали, что самоуправляющийся демос — это миф, а его склонность к политическому насилию представляет угрозу общественным интересам. Поэтому, оценивая неуклонное возрастание роли элит в качестве предпосылки демократии, они расценивали расширение дистанции между управляющими и управляемыми как залог стабильности, а не порок этой системы власти.

§ 3. ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И СПОСОБЫ ПЕРЕХОДА К НЕЙ

Под влиянием научно-технической и информационной революций, рабочего, социал-демократического, коммунистического и других движений, а также действия на мировой арене стран государственно-бюрократического социализма и других факторов во второй половине XX в. либеральная демократия приобрела качественно новые черты.

6.3.1. Современная модель демократии

6.3.1.1. Особенности современной демократии

Демократия западного образца выросла из либеральной политической системы и наследовала ее основополагающие организационные принципы: конституционализм, разделение властей и др., а также такие ценности, как индивидуальная свобода, права человека, автономия меньшинства и т. п. Оценки и названия современной демократии неоднозначны. Ее часто называют *плюралистической*, поскольку она базируется на не существовавшем ранее многообразии общественных

интересов (экономических, социальных, культурных, религиозных, групповых, территориальных и др.) и форм их выражения (политических партий, ассоциаций и объединений, общественных движений, гражданских инициатив и т. д.).

Вместе с тем концепция плюралистической демократии отличается от либеральной. Основное ее отличие состоит в том, что в качестве центрального элемента демократической политической системы рассматривается не личность и тем более не народ, а социальная группа, которая представляет собой главный субъект политики. Индивид без группы — безжизненная абстракция. Именно в группе, в межгрупповых отношениях формируется личность, определяются ее интересы, ценностные ориентации и мотивы политической деятельности. С помощью группы индивид получает возможность выражать и защищать свои интересы. Народ, согласно плюралистической концепции демократии, не может выступать основным субъектом политики, поскольку представляет собой сложное, внутренне противоречивое образование, состоящее из разнообразных групп, соперничающих в борьбе за власть.

6.3.1.2. Плюралистическая теория демократии

Хотя впервые термин *плюралистическая демократия* был введен в научный оборот еще Х. Вольфоном (1679—1754), но для выработки демократической теории его стали использовать лишь в первой половине XX века. Теоретики данного направления (А. Бентли, Г. Уоллес, Дж. Мэдисон [81], Г. Ласки, Р. Даль [22]) считали, что именно принадлежность к определенной социальной группе позволяет человеку осознавать себя реально действующим субъектом властных отношений, вырабатывать достаточно четкие ценностные ориентации, позволяющие приобрести мотивацию своего поведения в политической жизни.

В данной концепции демократия рассматривается как тип организации власти, формирующейся в условиях ее распыления (диффузии) между различными социальными силами. Свободная игра, соревнование различных групп являются движущей силой политики. Следовательно, демократия как система поддержания динамического равновесия конкурирующих сил представляет собой власть постоянно изменяющего свои очертания большинства, формирующегося из различных групп с совпадающими позициями по тем или иным вопросам.

Демократия — это не власть стабильного большинства, поскольку само оно изменчиво и не монолитно, обычно складывается на основе компромиссов из разнообразных индивидов, групп и объединений. Ни одна из групп современного западного общества не способна монополизировать власть и принимать решения, не опираясь на поддержку других общественных ассоциаций. Объединившись, недовольные группы могут блокировать неудобные решения, выступая важнейшим социальным противовесом, сдерживающим тенденции к монополизации власти. Ущемление в политических решениях интересов тех или иных групп обычно увеличивает вовлеченность в политику их членов и тем самым усиливает их влияние на последующую политику. В результате сложного конкурентного взаимодействия на основе политических блоков и компромиссов в государственных решениях устанавливается динамический баланс, равновесие групповых интересов.

Демократический режим рассматривается сторонниками данной концепции в качестве средства для свободной идентификации индивидом себя с определенной

социальной общностью, группой, объединением в целях сохранения многообразия таких общностей, равновесия между ними, недопущения захвата власти лишь одной из них. Это означает, что *демократия является таким политическим режимом, который основан на сочетании различных групповых интересов и выделении некой средней составляющей этих интересов как основы для политического развития общества*. Данная концепция демократии выражает и принципы социального государства, с его стремлением осуществлять в большей или меньшей степени социальную справедливость в обществе.

6.3.1.3. Общие черты плюралистических теорий демократии

Представители плюралистических теорий демократии демонстрируют разные подходы при общем основании. Перенос центра тяжести мира политического с индивида или народа на группу представляет собой иную парадигму развития политического процесса. Поэтому представляется возможным обобщить разнообразные концепции плюралистической демократии. В частности В. П. Пугачев [71, 223] выделяет в них следующие общие основополагающие идеи:

- заинтересованная группа — центральный элемент демократической политической системы, гарантирующей реализацию интересов, прав и свобод личности; индивид при этом отступает на второй план, сохраняя статус первичного субъекта власти;
- общая воля как результат конкурентного и конфликтного взаимодействия различных групп и их компромиссов; эта воля не существует априори, до соревнования различных политических акторов, а формируется в процессе «примирения», уравнивания многообразных интересов;
- соперничество и баланс групповых интересов — социальная основа демократической власти, ее динамики;
- рычаги сдерживания и противовесы распространяются не только на институциональную сферу (либерализм), но и на социальную область, где ими выступают группы-соперники;
- «разумный эгоизм», личные и, особенно, групповые интересы как генераторы политики, при условии признания права других социальных групп иметь интересы, противоположные своим;
- государство — не «ночной сторож» (либерализм), а орган, ответственный за нормальное функционирование всех секторов общественной системы и поддерживающий в обществе социальную справедливость; государство — это арбитр, гарантирующий соблюдение законов, правил игры в соревновании многообразных групп и не допускающий монополизации власти;
- диффузия, распыление власти между разнообразными центрами политического влияния: государственными институтами, партиями, группами интересов и т. д.;
- наличие в обществе ценностного консенсуса, предполагающего признание и уважение всеми участниками политического соревнования основ существующего государственного строя, демократических правил игры, прав личности, закона;
- демократическая организация самих базисных групп как условие адекватного представительства интересов составляющих их граждан; без этого демократия превращается в плюрализм элит.

6.3.1.4. Слабости теории и практики плюралистической демократии

Плюралистическая теория демократии нашла признание и применение во многих странах мира. Однако ее идеи не бесспорны и подвергаются критике. В основном они сводятся к следующему:

- исходным недостатком этой теории нередко считают идеализацию действительности, преувеличение групповой идентификации населения, участия граждан в группах интересов. В странах Запада не более одной трети взрослого населения реально представлены в группах интересов, поэтому построенная по плюралистическим рецептам модель демократии не является властью большинства;
- игнорирование или недостаточный учет неравенства политического влияния различных общественных групп и прежде всего воздействия на власть бизнеса, бюрократии, профсоюзов, военно-промышленного комплекса;
- сохраняющееся в современных демократиях социальное неравенство, которое проявляется в неодинаковой способности различных групп к осознанию, формулировке и представлению в органах власти своих интересов и к их отстаиванию в конкурентной борьбе, в значительной мере противоречит представлениям теории плюралистической демократии о гармоническом равновесии интересов различных общественных групп;
- подвергается сомнению соответствие плюралистической теории реальной жизни, и критикуется сама модель такой демократии. Утверждается, что плюралистическая демократия консервативна, поскольку для принятия решений требует широкого согласия всех заинтересованных групп, что трудно обеспечить на деле, особенно в периоды политического реформирования. Такая демократия сводит общую волю к низшему порогу достижимого в обществе согласия. Кроме того, в плюралистической системе с большим трудом пробивают себе дорогу и получают признание всеобщие, глобальные, долгосрочные и новые интересы;
- применение данной модели власти возможно только за счет распространения в обществе единых, базовых для всех групп идеалов и ценностей, отсутствие которых превращает межгрупповые различия в непреодолимое препятствие для принятия государственных решений;
- слабый учет степени и характера влияния индивида на политический процесс.

6.3.2. Современные теории демократии

В последние десятилетия появился ряд новых теорий, развивающих научные представления о демократии с учетом изменившихся реалий.

6.3.2.1. Теория партиципаторной демократии

В рамках ценностного подхода сформировались идеи *партиципаторной* (англ. *participation* — участие) *демократии*, которая сегодня приобрела довольно широкую известность. Демократия участия (партиципаторная концепция) выступает в качестве альтернативы к элитарной теории демократии.

Под «участием» в западной политологии понимаются все виды деятельности граждан в политической жизни для воздействия на принятие политических решений. Теоретики партиципаторной демократии (Дж. Вольф [17], Ф. Грин [20, 21], Б. Барбер) верны центральной идее классической теории демократии о способности простых людей управлять собой. В отличие от плюралистов и элитистов они полагают, что демократическая система политической власти еще не существует в полном объеме, что не следует сохранять статус-кво, нужно добиваться всеобщего вовлечения масс в процесс принятия политических решений.

В отличие от элитистов они считают, что антидемократическая позиция масс — это не имманентно присущая им черта, а результат недостаточного воспитания, экономического неравенства, отсутствия эффективно воздействовать на политический процесс. Сторонники партиципаторной демократии полагают, что можно избежать «парадокса свободы», когда большинство может выбрать тирана или же самому стать новым тираном. Чтобы бороться с тиранией элиты, необходима хорошо информированная общественность, которая могла бы осуществлять демократический контроль через всеобщие выборы и представительные учреждения. Сторонники концепции демократии участия выступают за расширение роли прямой, непосредственной демократии в политической жизни общества, не отрицая при этом необходимости сохранения институтов представительной демократии.

Согласно этой концепции особое значение в процессе реализации демократии имеет обязательное исполнение всеми гражданами тех или иных функций по управлению делами общества и государства. Данная теория обосновывает участие граждан в демократических процедурах как на уровне выборов представительных органов власти, проведения референдумов, так и на уровне выборов в отдельных рабочих коллективах, учебных заведениях, местного самоуправления и т. д. Эти меры обеспечивают развитие процесса демократизации общества, создают условия для политического развития индивида, который все более осознанно и целенаправленно участвует в политической жизни [28, 523].

Теория партиципаторной демократии широко используется в идеологии социал-демократических партий, которые стремятся к созданию нового социалистического общества при помощи внедрения демократических процедур в политическую, социальную и экономическую сферы общественной жизни.

6.3.2.2. Модель демократии Липсета – Лернера

Основанием для данной модели послужили исследования различных социально-экономических условий демократии, проведенные во второй половине 1950-х гг. Д. Лернером и С. Липсетом [41]. Эту модель демократии иногда определяют как «политико-модернизационную теорию».

Демократия в этой модели выступает прежде всего результатом развития ряда социальных и экономических условий (урбанизации, индустриализации, образования, коммуникаций), которые приводят к формированию определенной дифференциации общества и активности различных групп интересов и представляющую их элиту в сфере борьбы за государственную власть. Если Д. Лернер делал акцент на деятельности различных элитных групп, на наличии развитых средств массовой коммуникации, то С. Липсет — на конкуренции элит, поддержке насе-

лением существующих правил политической игры и эффективности действия демократий как условия стабильности и поддержки режима.

Собственно концептуализация демократии в данной модели отражает следующие ее основные характеристики:

- *политико-культурные* (система верований в демократические нормы поведения и в эффективность режимов);
- *политико-структурные* (наличие властвующих и оппозиционных элитных групп, отношение конкуренции между ними);
- *политико-институциональные* (избирательная система, нормы смены политических элит);
- *политико-партиципаторские* (участие населения в выборах).

В частности С. Липсет определяет демократию (в сложном обществе) как политическую систему, которая имеет постоянные конституционные возможности для замены правящих лиц. Ученый выделяет необходимые условия, которые не только определяют демократичность политической системы, но и ее стабильность или нестабильность:

- система верований, легитимизирующих демократическую систему и отдельные ее институты, которые принимаются всеми в качестве своих;
- некоторый набор политических лидеров, осуществляющих управление;
- одна или больше групп лидеров вне правительства, которые действуют как легитимная оппозиция, пытаясь завоевать правительственные посты.

В этом смысле политическая система демократии считается стабильной, если в ней существует ценностная система верований, позволяющих мирно осуществлять «игру» власти: правящая группа признает права оппозиции, оппозиционная группа подчиняется решениям правящей; если результатом политической игры выступает смена группировок, осуществляющих управление государством; если есть условия для эффективной оппозиции и для народного влияния на политику, и при этом власть чиновников не является максимальной.

6.3.2.3. Теория корпоративной демократии

Корпоративизм рассматривает демократический режим в качестве механизма нахождения компромиссного решения через взаимодействие руководящего звена крупных объединений (корпораций), включающих большое количество наемных работников, менеджеров, а также представителей партий и государства как верховных арбитров. Такие корпорации несут ряд обязанностей перед своими членами и представляют их интересы. Взаимодействие корпораций и обеспечивает ход политического процесса на основе принятия компромиссного решения. А это, как не трудно видеть, отрицает роль конкуренции элит как основного двигателя политического процесса. Подобное понимание демократии нашло применение при решении различных производственных и социальных противоречий: вопросов об оплате труда, охране труда, социальном обеспечении и др.

При известной привлекательности указанных теорий (их иногда называют теориями репрезентативной демократии), они не лишены недостатков:

- достаточно высокая степень отчуждения большинства населения от власти (в свою очередь это создает предпосылки для увеличения отрыва органов управления от народа, его основной массы граждан);
- ослабление связи органов управления с населением страны может вести к снижению степени легитимности власти;
- облегчение возможности политического манипулирования сознанием людей и создания предпосылок для принятия решений, никак не связанных с волей большинства.

6.3.2.4. Модель консоциальной демократии

Существенный вклад в развитие теории демократии внес А. Лейпхарт [37, 38, 39], предложивший идею *консоциальной* демократии. Придавая первостепенное значение процедурным моментам демократии, он предложил модель «разделения власти», предусматривающую обеспечение представительства интересов меньшинства, не получающего доступ к рычагам государственного управления. В связи с этим А. Лейпхарт выделил четыре важнейших механизма, которые позволили бы меньшинству получить доступ к власти.

Модель консоциальной демократии предполагает:

- создание коалиционного правительства с участием в нем представителей всех партий, представляющих все основные слои общества;
- формирование правительства на пропорциональной основе с таким расчетом, чтобы в нем были представлены разные социальные группы;
- предоставление максимальной автономии для социальных групп в решении своих внутренних вопросов (например, в форме федерализма или культурной автономии);
- предоставление группам при выработке политических решений права вето, преодоление которого могло бы быть осуществлено на основе решения квалифицированного большинства (две трети или три четверти голосов избранных).

Однако на практике такая модель демократического соучастия во власти, направленная против оттеснения меньшинств на политическую периферию и в оппозицию, применима лишь в том случае, когда группы имеют свою политическую организацию и проводят относительно самостоятельную политику. При этом характерно, что решающая роль здесь также признается за элитами, которые должны получить большую свободу и независимость от давления рядовых членов для заключения соглашений и компромиссов, которые могут не вполне одобрять их приверженцы. Это дает возможность избежать обострения противоречий, даже если на низовом уровне существуют непонимание между людьми, разногласия, и нередко враждебность.

Вместе с тем и при данном подходе предполагается наличие минимального консенсуса относительно основных общественных ценностей (например, недопущение насилия или процветание государства). Потому-то особую важность такой автономный элитизм приобретает в глубоко разделенных обществах. В то же время особое положение элит провоцирует их эгоизм, ведет к неподотчетности руководителей членам группы. Вследствие этого консолидация как практическая

модель демократии может применяться в основном в тех странах, в которых действует высоко ответственная элита.

6.3.2.5. Экономическая модель демократии Э. Даунса

В последние годы довольно широкое распространение получили теории *рыночной демократии*, рассматривающие систему власти как аналог экономической системы, в которой происходит постоянный обмен «товарами»; при такой системе продавцы, носители власти, ведут обмен своей выгоды, статуса, привилегии на «поддержку» избирателей. Данная модель демократии сформировалась в политической науке и активно используется сегодня в сравнительной политологии. Она явилась результатом экспансии экономического метода на различные отрасли социального исследования в 1950-е гг.

Э. Даунс вошел в историю политической науки и сравнительной политологии в качестве пионера использования теории рационального выбора в условиях концептуализации демократии. Его книга «Экономическая теория демократии», опубликованная в конце 1950-х гг., до сих пор является одной из самых популярных. Политологи активно используют переменные модели Э. Даунса: электоральное поведение, партийное поведение, максимизация результата политического действия, обмен в политике, информация о выгодности действия, распределение общественного мнения в системе и др. В своей модели демократии он акцентировал внимание на деятельности правительства (или победившей партии) в связи с электоральным поведением и общественным мнением.

Цель, которую Э. Даунс поставил перед собой, состояла в том, чтобы «дать правило поведения в демократической системе управления и обнаружить его смысл». Пытаясь сконструировать модель рационального политического поведения, учитывающего цену или выгодность тех или иных альтернативных возможностей, Э. Даунс и построил свою экономическую теорию демократии.

Экономическая модель демократии базируется на идее рациональности политического поведения: каждое действующее лицо (избиратель, партийный функционер, член правительства и даже организация в целом) стремится максимизировать результат своей деятельности в экономическом смысле, т. е. получить больший результат при меньших затратах. Рациональное поведение является предсказуемым, включает упорядочение имеющихся предпочтений и их взвешивание в процессе политического обмена. При таком подходе политика рассматривается в виде рынка. В этой связи являются важными две основные посылки экономической теории демократии:

- 1) каждое правительство пытается максимизировать политическую поддержку;
- 2) каждый гражданин пытается рационально максимизировать полезность результата своего действия.

Эти посылки определяют понимание особенностей демократической системы, в которой и те, кто правит, и те, кем правят, действуют, руководствуясь не идеалами, а собственными реальными интересами. Попытки любого правительства (соответственно — любой политической силы в виде партии) максимизировать поддержку преследуют прагматическую цель — сохранить свое господство или завоевать господствующие позиции. Идеологии, социальное благосостояние, пред-

почтения населения не являются непосредственными и основными мотивами поведения. Хотя эти факторы и включены в процесс поведения, но косвенным образом. Если партии и правительства считают идеологию или программу важнее электорального успеха, они действуют не столько рационально, сколько иррационально. Аксиома собственной заинтересованности предполагает, что этические проблемы в политике выступают «просто как фактуальные параметры, а не нормативные».

Это относится к поведению избирателя на выборах. Он руководствуется ожиданием, что избранные им политики удовлетворят его интересы лучше, чем другие, т. е. правительство будет эффективным. По мнению Э. Даунса, полезность, которой руководствуется гражданин, не является эгоистической в узком смысле слова. В этом отношении гражданин может действовать альтруистически; задача состоит лишь в том, чтобы понять, в чем индивидуальная выгода альтруистического поведения. Э. Даунс отмечал: «Самоограничивающаяся благотворительность является часто великим источником собственной выгоды. Таким образом, наша модель допускает альтруизм, несмотря на базисную установку личной заинтересованности». Необходимо при этом сказать, что так или иначе избиратель ориентируется на то, как будут голосовать другие.

Рациональный выбор осуществляется на основе информированности действующего лица относительно стратегий и предпочтений других людей. В этой связи Э. Даунс говорит о двух возможных моделях политического поведения: 1) основанной на определенной и полной информации и 2) основанной на неточной, неполной информации. Правительство руководствуется в своей деятельности информацией относительно стратегии оппозиции, ожидаемого поведения избирателей (соотношение решения и пользы его для избирателей), числа поддерживающих голосов. Голосующий же ориентируется на информацию о возможной индивидуальной полезности и о стратегии других избирателей. Модель поведения избирателя меняется в зависимости от ясности и полноты информации.

По Э. Даунсу, демократический процесс управления предполагает:

- периодические выборы;
- соперничество между двумя или более партиями (электоральными коалициями);
- борьбу партий за голоса избирателей;
- управление правительством без посредства парламента (победившая на выборах партия управляет правительством без посредства парламента до следующих выборов);
- невмешательство в право оппозиции выражать себя и организовывать кампании и запрет на изменение периодичности выборов.

Работа Э. Даунса оказала большое влияние на развитие сравнительной политологии. Исследователи находят в ней противоречия, но никто не отрицает ее пионерский характер, связанный с применением теории рационального выбора в политической науке.

6.3.2.6. Концепции теледемократии

Современное видение процедурных основ демократии не может игнорировать техническое развитие современного общества. Появление и нарастание роли

электронных систем в структуре массовых коммуникаций неизбежно вызвало к жизни идеи *теледемократии* («киберократии»). В данном случае наличие традиционных для демократии процедур неразрывно связывается с уровнем технической оснащённости власти и гражданских структур системами интерактивного взаимодействия (ТВ, Интернет) во время выборов, референдумов, плебисцитов и т. д. Эта виртуализация политики ставит новые проблемы в области обеспечения интеграции общества, налаживания отношений с новыми общностями граждан (имеющих или не имеющих такие технические средства), изменения форм контроля власти над общественностью и, наоборот, снятие ряда ограничений на политическое участие, оценки квалифицированности массового мнения, способов его учета и т. д. Это открывает возможности для диалогового режима власти с рядом категорий граждан, прежде не очень активных участников политики.

6.3.2.7. Теория рефлексирующей (размышляющей) демократии

Признание того факта, что в политическую жизнь вовлекаются широкие слои населения, подтолкнуло ряд ученых в рамках процедурного подхода значительно усилить роль рядовых граждан. Так, А. Этциони [90] предложил концепцию *«восприимчивой»* общественной системы, при которой власть чутко реагирует на импульсы и табу, поступающие из недр общества. Именно такая восприимчивость, готовность к диалогу с гражданами и соответствует, по его мнению, демократической политике. Идеи А. Этциони, высоко оценивающего роль общественности, нашли отражение и в концепции *рефлексирующей (размышляющей) демократии*. Основной упор в ней делается на процедуры, обеспечивающие не выполнение своих функций властью, а включенность в политическое управление общественного мнения и полную подотчетность ему властных структур. Идущая в обществе дискуссия об устройстве общественной и частной жизни включается в процесс принятия решений. И, следовательно, возникающие при этом размышления, неформальные рефлексии, оценки, убеждения, в которых риторика соединяется с разумом, формирует, по мысли сторонников данной идеи, те механизмы «народной автономии», которые и составляют суть демократии в политической сфере.

6.3.2.8. Демократические модели «прав человека»

6.3.2.8.1. Концепция Л. Даймонда

Начиная с 1970-х гг. так называемые электоральные модели демократии стали подвергаться резкой критике за электоральное упрощение, за акцент на институциональных условиях демократии, за минимализм в отношении идеи прав человека. Возник значительный интерес к правам человека как основной переменной сравнительного изучения демократий и в целом политических систем. Вначале речь шла о необходимости привлечения внимания к теме и необходимости выбора демократических концепций, отражающих место прав человека в современных демократиях.

Постепенно сформировалась самостоятельная отрасль сравнительной политологии с базовой концепцией демократии, основанной на идее прав человека. Наиболее полно эта концептуальная установка выражена у Л. Даймонда в работах

«Политическая культура и демократия в развивающихся странах» (1993) и «Экономическое развитие и пересмотр демократической теории» (1992). Л. Даймонд настаивает на том, что недоучет прав человека не только обедняет концепцию демократии, но и позволяет неточно интерпретировать результаты сравнительного анализа политических систем, когда фактически в ряде случаев следует говорить (если использовать критерий прав человека) о псевдодемократиях, а не о настоящих демократических обществах.

6.3.2.8.2. Институциональная модель «интегративной демократии»

Интерес к роли институтов в политическом процессе выразился не только в переосмыслении места институционального фактора, но и самого понятия института. Несмотря на то, что зачастую институциональный подход к исследованию демократии базируется на прежних легалистских, или структурно-функциональных моделях, а также на теории рационального выбора, в политической науке и в административных исследованиях ряд ученых подчеркивает значение такой институциональной модели демократии, которая близка к коммунитарным, а не к либеральным ее интерпретациям. Коммунитарная модель представлена в так называемом социально-историческом институционализме. Институциональная модель «интегративной демократии» опирается на идею различия между *агрегативным* и *интегративным* политическими процессами.

В традиции теории агрегации, как пишут Д. Марч и И. Олсен, «народ» определяется как собрание индивидов, называемых гражданами; в традиции теории интеграции «народ» определяется как группа, имеющая свою историю и будущее.

В агрегативном процессе воля народа раскрывается через политические кампании и «торговую сделку» между рациональными гражданами, каждый из которых преследует собственный интерес. «Сделка» совершается в рамках управленческих правил при правлении большинства. В интегративном процессе воля народа раскрывается посредством дискуссии между рациональными гражданами и правителями. Цель дискуссии — поиск общего блага в контексте разделяемых социальных ценностей.

Агрегативные теории в целом предполагают порядок, основанный на рациональности и обмене. Интегративные теории в целом предполагают порядок, основанный на истории, долге и разуме.

«Интегративная демократия» включает две основные концептуальные части: *концепцию прав* и *идею дискуссии в поисках общего блага*.

Концепция прав, по теории, отличается от инструментального понимания прав человека, когда последние являются лишь рационально принятыми дополнительными условиями заключения выгодной политической сделки. Сами права здесь теряют свою ценность и рассматриваются как инструмент для достижения чего-то другого: они не выступают условием оценки политических институтов. При «интегративной демократии» права человека являются самоценностью и служат оценке политических институтов. Они являются ключевыми элементами системы социально-политических верований и убеждений, выражением человеческого единства, общего достоинства и гуманизма.

Д. Марч и И. Олсен подчеркивают, что права человека в «интегративной демократии»:

во-первых, безусловно гарантированы;

во-вторых, неотчуждаемы, т. е. однажды установленные, они не могут быть ликвидированы;

в-третьих, не пересматриваются законом, т. е. являются частью фундаментального права.

Идея института как воплощения и инструмента сообщества или демократического порядка как конституционной системы является важным аспектом институциональной мысли. Если политические институты укрепляют общие ценности сообщества, они должны быть приняты. В этом отношении важными вопросами являются компетентность участников политического процесса и их интегрированность в сообщество. Компетентность включает не только знания, но и мудрость, обусловленную глубоким пониманием нужд и возможностей сообщества. Интегрированность означает, что граждане и гражданские служащие действуют в соответствии с общим благом, которое не может быть подорвано личными амбициями и устремлениями. Деятельность институтов в «интегрированной демократии» связана с гражданским образованием и организацией гражданского участия.

Как видно из приведенного выше анализа демократических теорий и форм, каждая из них имеет как достоинства, так и недостатки. Реально существующая демократия в индустриально развитых странах мира стремится совмещать идеи самоуправления и участия (главным образом на местном уровне, а частично и на производстве) с представительством в масштабах всего государства. В целом же это *преимущественно репрезентативная плюралистическая демократия, базирующаяся на либеральных ценностях и учитывающая в большей или меньшей степени некоторые христианские и социалистические коллективистские идеи*. Является ли она лучшей из существующих в современном мире форм правления, образцом политического устройства для всех народов и прежде всего России?

6.3.3. Пути и способы перехода общества к демократии

Хотя идея демократии получила в современном мире широчайшее распространение и признание, все еще меньшинство населения земли живет в условиях этой формы правления. Во многих странах демократия служит лишь респектабельным фасадом преимущественно авторитарной власти. Часто демократические формы правления оказываются нежизнеспособными и терпят крах. Какие же факторы делают возможным переход к демократии и от чего зависит ее стабильность? Ответить на эти вопросы пытались многочисленные научные исследования, осуществленные на Западе после второй мировой войны. Их авторы на основе сравнительного анализа обширного статистического материала выявили целый ряд *экономических, социальных, культурных, религиозных и внешнеполитических предпосылок демократии*.

В середине XIX в. французским ученым и общественным деятелем А. де Токвилем [78] был сформулирован «золотой закон» политического развития, согласно которому «самый быстрый путь к свободе ведет к наихудшей форме рабства».

А. де Токвиль полагал, что для страны, где слабы традиции демократии и свободы, нет ничего опаснее слишком быстрых реформ и изменений. Как правило, в таких случаях процесс модернизации может выйти из-под контроля. Народ не успевает освоить новшества, а изменения не успевают институцио-нализироваться и закрепиться. В этих условиях участие масс в политике обгоняет развитие политических институтов общества, призванных обеспечить баланс интересов различных слоев населения и направить высвобождающуюся энергию в общественно приемлемые формы. Этот процесс неминуемо ведет к охлократии, самой худшей форме тирании — тирании черни. Результатом быстрой демократизации и завоевания свобод, предупреждал А. де Токвиль, может быть установление еще более жестокой тирании, которая приходит на смену охлократии.

6.3.3.1. «Волны» демократизации

В политологии популярна теория «волн» демократизации, согласно которой современные институты демократического правления (полиархии) утверждались тремя этапами, причем на каждом из них этот процесс затрагивал разные группы стран, а за расширением ареала демократии (подъемом демократизации) следовало его некоторое сокращение (откат демократизации).

С. Хантингтон в книге «Третья волна. Демократизация в конце XX века» (1991) дал следующую датировку: первый подъем такой «волны» — 1828—1926 гг., первый спад — 1922—1942 гг., второй подъем — 1943—1962 гг., второй спад — 1958—1975 гг., начало третьего подъема — 1974 г. — ?) [85]. Естественно, что эта книга не учитывала опыт последнего десятилетия XX в.

Первая «волна» демократизации стала нарастать со второй половины XIX в. и достигла пика вскоре после завершения Первой мировой войны. Вторая «волна» была стимулирована победой союзников во Второй мировой войне и процессами деколонизации, длившимися до 1960-х годов. Наконец, третья «волна» демократизации началась в середине 1970-х гг. с падения авторитарных режимов в Португалии, Испании и Греции. Далее она распространилась на часть Латинской Америки (Бразилию, Аргентину, Эквадор, Гватемалу, Панаму, Чили и др. государства), Восточную Азию, бывший СССР, страны Центральной и Восточной Европы. Так что к концу второго тысячелетия ареал распространения демократии охватывает почти все промышленно развитое северное полушарие вместе с целым рядом стран, включая такие крупнейшие, как Индия.

При анализе феномена демократизации политологи объясняют, почему одни страны являются полиархиями, а другие нет, в одних начинаются процессы демократизации, а в иных нет, в одних — демократия стабильна, а в других распадается и сменяется авторитаризмом. Рассматривая переход к демократии как следствие, многие авторы пытались определить причины, условия, предпосылки, способствующие такому переходу и дальнейшему стабильному существованию демократии.

Первое предварительное условие — сформировавшаяся национальная идентичность и государственное единство, т. е. наличие нации как двуединства суверенного территориального государства и гражданского общества. Писавший об этом Д. Растоу [72] (1925—1996) определил национальное единство так: «У значительного большинства граждан потенциальной демократии не должно быть сом-

нений относительно того, к какому обществу они принадлежат». Значит, граждане осознают совместную государственную идентичность, а в обществе нет ни раскола, ни стремления к объединению с другими сообществами.

Существуют также дополнительные, желательные, но вовсе не обязательные для демократизации условия, в их числе — уровень экономического развития. Поэтому к экономическим предпосылкам демократии обычно относят:

- продвинутую индустриализацию;
- распространенную урбанизацию;
- высокую грамотность;
- определенное благосостояние;
- достаточное развитие средств массовой информации и др.

6.3.3.2. Экономические предпосылки демократии

Одной из важнейших экономических предпосылок демократии является относительно **высокий уровень индустриального и экономического развития в целом**. По экономическим показателям демократические страны значительно опережают авторитарные и тоталитарные государства. В исследованиях, проведенных С. Липсетом [41, 42, 43, 44], В. Джэкманом, Д. Куртом и др., убедительно доказано, что стабильный экономический рост в конечном итоге приводит к демократии. Согласно статистическим данным, среди 24 стран с высоким уровнем доходов лишь 3 — недемократические. Среди среднеразвитых стран насчитывалось 23 демократии, 25 диктатур и 5 стран находились в состоянии перехода к демократии. Из 42 стран с низким экономическим уровнем развития и низким уровнем доходов лишь 2 могли быть названы демократическими.

Однако прямой причинной зависимости между уровнем экономического развития и демократией нет. Это доказывает ряд исторических фактов. Так, США перешли к демократии еще в XIX в. на преимущественно доиндустриальной стадии. В то же время, несмотря на относительно высокое промышленное развитие СССР, ГДР, Чехословакии, Южной Кореи, Бразилии и др., там до недавнего времени существовали тоталитарные или авторитарные режимы.

От индустриального развития зависит такая предпосылка демократии, как **высокая степень урбанизации**. Жители крупных городов больше подготовлены к демократии, чем сельское население, отличающееся консерватизмом, приверженностью традиционным формам правления.

Еще одно важное условие демократии — **развитость массовых коммуникаций**, которая характеризуется распространенностью газет, радио и телевидения, Интернета. СМИ помогают гражданам компетентно судить о политике: партиях, претендентах на выборные должности, принимаемых решениях и т. д. В странах с большой территорией и высокой численностью населения без массовых коммуникаций демократия практически невозможна.

Принципиальной предпосылкой демократии является **рыночная, конкурентная экономика**. История не знает примеров существования демократии в странах без рынка и частной собственности. Рыночная экономика препятствует концентрации экономической и политической власти в руках одной группы общества или партийно-государственного аппарата. Она обеспечивает автономию индивида,

предохраняет его от тоталитарного государственного контроля, стимулирует развитие таких необходимых для демократии качеств, как стремление к свободе, ответственность, предприимчивость. Без рынка не может быть гражданского общества, на котором базируется современная демократия.

6.3.3.3. Социальные предпосылки демократии

Рыночная экономика, по мнению В. П. Пугачева, лучше, чем командная хозяйственная система, обеспечивает создание такой важной предпосылки демократии, как *относительно высокий уровень благосостояния граждан*. Он позволяет смягчать социальные конфликты, легче достигать необходимого для демократии согласия [71, 238].

Общественное богатство оказывает благоприятное воздействие на демократизацию общества в том случае, если способствует *сглаживанию социального неравенства*. Это следующая предпосылка демократии. Доказано, что поляризация социального неравенства порождает острые политические конфликты, разрешение которых часто невозможно с помощью демократических институтов и методов. Поэтому резкая поляризация общества на богатых и бедных — серьезное препятствие для демократии, хотя она невозможна и при уравнительном распределении благ.

Для демократии наиболее благоприятна модель *сглаживания социального неравенства*, преобладающая в современных индустриально развитых странах. Она не допускает концентрации дефицитных благ (дохода, богатства, престижа, власти, образования и т. д.) у одной социальной группы (класса), а требует их рассредоточения в обществе так, чтобы индивид, имеющий низкий показатель в одном отношении (например, в доступе к власти), мог компенсировать себе это за счет обладания другими благами (например, высоким доходом и образованием). Такая структура социального неравенства препятствует статусной поляризации общества и возникновению острых массовых конфликтов.

Декомпозиция социального неравенства в значительной мере совпадает с такой общей предпосылкой демократии, как *развитая социально-классовая структура общества*. Она означает многообразие социального состава населения, наличие в нем не относительно однородной, аморфной массы, а четко оформившихся классов, профессиональных, региональных, религиозных, культурных, этнических и других групп, обладающих коллективным самосознанием. Такие группы сдерживают тенденцию к концентрации государственной власти, выступают противовесом силам, стремящимся к ее монополизации, создают возможность установления эффективного контроля над властью. Социальный плюрализм характеризует развитость гражданского общества, его способность к формированию независимых от государства партий и групп интересов, т. е. к политическому плюрализму.

Социальный плюрализм не противоречит такой важнейшей предпосылке демократии, как *наличие многочисленного и влиятельного среднего класса*, поскольку сам этот класс внутренне дифференцирован и состоит из различных групп, близких по важнейшим стратификационным показателям: доходу, образованию и т. д. Средний класс отличается высоким уровнем образования, развития самосознания личности, чувства собственного достоинства, компетентностью политических суждений и активностью. Он больше, чем низшие и высшие слои, заинтересован

в демократии. В современных западных демократиях средний класс составляет большинство населения. Не случайно их нередко называют обществами «двух третей», что отражает благополучное существование в них примерно двух третей всех граждан.

Помимо среднего класса опорой демократической формы правления являются *предприниматели* (особенно средние и мелкие) — связанная с рынком конкурентная буржуазия. Принципы плюралистической демократии вполне соответствуют ее образу действий и индивидуалистическому мировоззрению.

Общей предпосылкой демократии является *грамотность населения и высокая доля населения с высшим образованием*. От образованности прямо зависит компетентность политических суждений личности, ее интеллектуальное развитие, свобода мышления, чувство собственного достоинства. Необразованный человек по существу стоит вне политики и вне демократии, является объектом манипулирования со стороны власти или других политических сил.

5.3.3.4. Политическая культура как предпосылка демократии

Воздействие экономических и социальных факторов на государственное устройство во многом опосредуется господствующей в обществе *политической культурой*. Она представляет собой менталитет, способ восприятия и осмысления политики, переработанный в человеческом сознании опыт людей, их установки и ценностные ориентации, характеризующие отношение граждан к власти. С ней совместим лишь определенный тип политической культуры, названный известными американскими политологами Г. Алмондом и С. Вербой *гражданской культурой*. Они выделяют три основных типа политических культур:

- *патриархальную*, для которой характерно ограничение политического горизонта людей их непосредственными, повседневными жизненными интересами, неосознанность последствий своего участия в политике, своей политической роли;
- *подданническую*, при которой гражданин, хотя и может понимать цели и назначение политики, но чувствует и ведет себя как исполнитель приказов политических лидеров;
- *активистскую* (политического участия), носители которой воспринимают себя самостоятельными активными соучастниками политического процесса, ясно осознают свои цели и пути их реализации [4].

Демократия может укорениться лишь на почве гражданской политической культуры, сочетающей качества активистской и подданнической культур. Такая ее двойственность отражает необходимые для демократии активное участие в политике, способность править — с одной стороны, и подчинение закону, решениям большинства — с другой.

Если одни типы политических культур способствуют утверждению демократии, то другие препятствуют переходу к ней. Так, движение к демократии, по мнению В. П. Пугачева, тормозит «целостная», тотальная политическая культура, рассматривающая государство, общество и индивидов как единое целое и не допускающая автономии личности и политических институтов по отношению к государству. Демократии враждебна и культура, почитающая власть и ее иерархическое

устройство, терпимая к политическому насилию [71, 241]. И, напротив, ей благоприятствует открытая, индивидуалистическая политическая культура, допускающая общественный плюрализм и высоко ценящая права человека, его свободу и ответственность, способность к самоограничениям и компромиссам.

6.3.3.5. Влияние религии

На политическую культуру и поведение граждан большое влияние оказывает религия. Религия неизменно опирается на довольно большие массы своих последователей, это форма общественного сознания. В определенные исторические периоды в тех или иных регионах планеты это форма сознания, наиболее распространенная в массах, а иногда довлеющая над всеми другими формами общественного сознания. Поэтому во всех случаях, когда речь идет о религии, вопрос касается более или менее значительных людских масс. Политика тоже неизбежно связана с огромными массами населения. Следовательно, эти два явления общественной жизни неизбежно перекрещиваются.

Во многом формируя менталитет, наиболее глубокие структуры политического сознания и мировосприятия людей, религия может как тормозить переход к демократии, так и стимулировать его. Выделяют традиционные каналы переплетения религии и политики.

Во-первых, религия вторгается в социально-политическую жизнь путем влияния на общественные действия своих приверженцев, используя их религиозные чувства.

Во-вторых, связи религии и политики обусловлены также целенаправленными действиями и интересами самого аппарата церкви, самих руководителей религиозных организаций. Если на ранних этапах существования религии это был довольно узкий круг заинтересованных людей, проводящих определенную политику, в нужном духе ориентирующих свою паству, то сейчас свою политику осуществляют не только разветвленные церковные учреждения, но и всевозможные религиозные и полурелигиозные партии, различные организации, включая детские, молодежные, женские, профессиональные и иные объединения, которые берут под контроль человека, начиная с рождения, и стремятся контролировать его в детском саду, школе, вузе, быту, на производстве, в общественно-политической жизни и т. д. Все крупные церкви имеют и всемерно используют подобные клерикальные системы воздействия на политические взгляды и политическое поведение человека, на политические движения. Такое воздействие может иметь различный политический характер, все зависит от классовой позиции, симпатий и антипатий деятелей церкви, религиозных организаций, настроений и интересов верующих, социально-политической обстановки в данном регионе и в мире в целом.

В-третьих, политические деятели различных оттенков весьма активно используют религию в сфере и внутренней, и внешней политики, чтобы придать массовым социально-политическим движениям угодный им характер. Тут применяются разные средства — и материальные подачки, и подкуп, и апелляция к общим интересам, которые должны быть сохранены совместными усилиями.

В-четвертых, присутствие религиозного фактора в политике имеет место в тех случаях, когда в силу конкретных условий сами верующие, участники массовых

социальных движений, обращаются к религии для обоснования своих интересов и надежд.

Благоприятное воздействие на утверждение демократического правления оказал протестантизм, с установками на индивидуальную свободу, ответственность, трудолюбие, отрицание церковной иерархии. Страны с преобладающим протестантским населением имеют демократические правительства.

Далеко не все религии стимулируют развитие демократии. Например, плохо совместим с ней ислам, особенно его идеи отрицания различий между политикой и религией, между духовной и светской жизнью. Ему чужда сама проблема политического участия граждан. Религии и культуры, не оставляющие личности свободного пространства и выбора и претендующие на совершенство и завершенность, на религиозную регламентацию личной и общественной жизни, ее жесткое подчинение конечным целям, препятствуют демократии.

Сегодня в мире идет поиск более современных, утонченных форм связи религии и политики, позволяющих осуществлять либерально-демократическую политику господствующего класса. Эти поиски носят различный характер. Например, стремление модернизировать христианство, освободив его от некоторых догматических представлений, учитывающее и современные данные науки. Можно наблюдать обращение к различным нетрадиционным культам, мистическим организациям, создание «экологической религии» и т. д.

6.3.3.6. Внешнеполитические предпосылки демократии

Растущее значение для демократии имеет *внешнее влияние*. Оно проявляется двояко: через прямое военное, политическое, экономическое, культурно-информационное и иное воздействие и с помощью влияния примера демократических государств. Как показала история, демократия может быть результатом не только внутреннего развития, но и следствием внешнего воздействия, в т. ч. с помощью силы. В десятках бывших колоний демократические институты создавались под прямым воздействием метрополий, а в отдельных государствах, например в ФРГ, — после военной оккупации. Однако в случае привнесения извне демократия не будет стабильной и жизнеспособной до тех пор, пока не создадутся необходимые для нее внутренние предпосылки.

В общем плане процессу демократизации способствует соседство с влиятельными демократическими державами и их разносторонняя поддержка. Однако далеко не всегда помощь со стороны таких стран бывает значительной и бескорыстной, тем более, если речь идет о крупных государствах — бывших соперниках и потенциальных конкурентах.

6.3.3.7. Стадии перехода к демократии

В процессе перехода, или транзита, к демократии обычно различают следующие стадии: либерализацию, демократизацию и консолидацию.

Либерализация — это процесс закрепления некоторых гражданских свобод без преобразования аппарата власти. Несмотря на определенную свободу (собраний и т. п.), сама система не меняется и сохраняет недемократические характеристики. Авторитарный режим ослабляет свой контроль, уменьшает репрессии, позволяет

самоорганизацию оппозиции, становится более терпимым к любого рода инакомыслию. Иногда инициативу проявляет сам режим (либерализация сверху), а порой либерализация происходит вследствие давления масс снизу. Она приводит к тому, что возникают несовпадающие мнения относительно дальнейшего развития государства и общества, что сталкиваются различные интересы.

Именно конфликт способствует тому, что во избежание гражданской войны группировки расколота верхушки заключают формальное соглашение об основополагающих правилах политического поведения. С этого начинается стадия демократизации, на которой главное — институционализация, т. е. внедрение новых политических институтов. Вступающие в явное или тайное соглашение стороны демонстрируют способность отказаться от некоторых своих принципов. Однако главный смысл пакта заключается в «согласии быть несогласными», которое и есть его демократический потенциал. Если пакт предопределяет принятие всеми участниками демократических правил, можно говорить о второй стадии перехода — о собственно демократизации.

Следующее важное обстоятельство — легитимизация пакта: присоединение к нему новых групп, а также молчаливая, косвенная поддержка более широких кругов общества, заинтересованных как в продвижении реформ, так и в сохранении порядка. На этой основе часто возникает еще одно явление — центризм. Центристы (их базой чаще всего бывает средний класс) не стремятся занять место между реформаторами и консерваторами, заявляя при этом, что только они и способны проложить правильный политический курс. Наоборот, настоящие центристы как бы беспринципно готовы признать правоту и тех, и других. Смысл их деятельности заключен в сближении умеренных представителей реформаторов и консерваторов, в поддержании, укреплении пакта.

Часто образование центризма сопровождается выделением групп, придерживающихся жестких сверхпринципиальных позиций. Затем происходит их прогрессирующая маргинализация (вытеснение на обочину политической жизни). В результате нередко образуются экстремистские группировки, своей непримиримостью способствующие сплочению умеренных, также дальнейшим развитием согласия с пактом (его легитимизации) со стороны массовых слоев общества, которые не ожидают ничего хорошего от обострения политической борьбы. Легитимизация пакта и его последующее развитие дают возможность проведения основополагающих выборов. Их ключевой аспект — приобщение (или сохранение приобщенности) к власти всех главных участников пакта вне зависимости от результатов выборов, которые определяют только меру и степень относительного доминирования победителей.

Помимо этого важна соревновательность и представительность выборов. Принципиально важно закрепить продвижение демократизации, связанное с основополагающими выборами. Сделать это можно только путем повторения выборов по тем же правилам и в конституционно установленные сроки, по меньшей мере, несколько раз. После этого можно говорить о вступлении демократизации в ее завершающую фазу и о консолидации уже собственно современной демократии. До достижения этой стадии ни один режим, как бы ему ни хотелось провозгласить себя демократическим, в полном смысле таковым быть не может, а является переходным (транзитным).

После достижения третьего этапа вышеуказанной консолидации формальное обозначение политической системы как демократической отнюдь не останавливает развитие по этому направлению. Современная демократия, по мнению исследователей, по самой своей природе — соревновательной, плюралистической, исполненной альтернатив и начинаний, — всегда «незавершенный проект» [67, 125].

6.3.3.8. Общие модели демократизации

Анализ и обобщение перехода к демократии различных стран позволил выделить несколько типичных ее образцов. Классической моделью обычно считают британский вариант демократизации. Его суть в постепенном ограничении монархической власти и расширении прав граждан и парламента. Вначале подданные получают гражданские (личные) права, затем — права политические и значительно позднее — социальные. Постепенно ограничиваются и устраняются избирательные цензы. Парламент становится высшей законодательной властью и контролирует правительство. Эту модель называют *линейной* демократизацией, означающей постепенное, однонаправленное углубление демократии.

Циклическая модель демократизации предполагает чередование демократических и авторитарных форм правления при формальном позитивном отношении к демократии политической элиты. В этом случае избранные народом правительства либо свергаются военными, либо сами узурпируют власть, опасаясь потерять ее, сталкиваясь с растущей непопулярностью и сильным противостоянием оппозиции.

При циклической модели авторитарные и демократические институты могут соседствовать друг с другом, например существование парламента совмещается с закреплением особой роли военных в государстве. Эта модель широко распространена в Латинской Америке, Африке и Азии. Ее испытали Боливия, Аргентина, Гана, Нигерия, Таиланд и другие страны. Такой переход к демократии обычно бывает затяжным и трудным. Он свидетельствует о недостаточной зрелости внутренних предпосылок демократии и, особенно, о ее слабой укорененности в господствующей политической культуре.

Более перспективной по сравнению с циклической моделью является *диалектическая* модель демократизации. Она, как и циклическая модель, характеризуется нестабильностью переходных политических режимов. Однако отличительная черта ее состоит в том, что здесь переход к демократии осуществляется под влиянием уже достаточно созревших для нее внутренних предпосылок: индустриализации, многочисленного среднего класса, достаточно высокого образовательного уровня граждан, рационализации и индивидуализации массового сознания и т. д. Нарастание этих и других факторов приводит к довольно быстрому и внезапному краху авторитарных режимов.

Приходящие им на смену демократические правительства часто оказываются неспособными эффективно управлять страной и сменяются авторитарными режимами. Последние, однако, бывают недолговечными и, не справляясь со сложными задачами государственного управления, уступают место демократическим силам или свергаются ими. Затем постепенно устанавливается стабильная, жизнеспособная демократия. Такой путь развития прошли многие страны: Италия,

Греция, Испания, Австрия, Чили и др. Во многом подобным образом разворачиваются события в ряде республик бывшего СССР, в том числе в России.

6.3.3.9. Закономерности демократизации

Рассмотренные выше модели демократизации отражают временную последовательность и характер демократических преобразований. Этот сложный и противоречивый процесс имеет ряд общих тенденций, проявляющихся в большинстве переходящих к демократии стран. Установлено, что стабильность демократии обычно напрямую зависит от постепенности перехода к ней и минимальности использованного для этого насилия. Как отмечает С. П. Хантингтон [86], жизнеспособную демократию нельзя создать революционным путем под руководством идеологизированного политического движения. «Все революционные силы, находящиеся в оппозиции к авторитарному режиму, называют себя демократическими, но, придя к власти, они устанавливают еще более репрессивный, чем прежде, режим».

Оптимальным для демократизации общества является осуществление преобразований сверху путем соглашения элит. Политическая активность масс может играть положительную роль лишь в том случае, если они не слишком идеологизированы и радикализированы и их участие институциализировано, т. е. осуществляется не в форме спонтанных выступлений, бунта, а через политические институты и контролируется элитами. Взрывы неинституциализированной политической активности масс чреваты разрушительными последствиями и анархией, а в конечном счете, и установлением диктатур, приходящих к власти под лозунгами восстановления общественного порядка и безопасности.

Утверждению демократии способствует опережающее развитие политической соревновательности, партийного плюрализма элит по отношению к массовому политическому участию. Важнейшим условием успеха демократизации является политическая стабильность, предполагающая реформирование общества в рамках закона при сохранении способности государственных институтов управлять страной.

Все переосмысленные и другие закономерности демократизации действуют усредненно, как тенденции, и претерпевают значительные изменения в зависимости от конкретных обстоятельств политического и общественного реформирования.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Следует ли признать любое правление в интересах народа демократичным?
2. Существуют ли пределы для прямого самоуправления народа и нужно ли ему правительство?
3. Означает ли делегирование власти ее утрату? Как избежать такой утраты?
4. Что позволяет гражданам контролировать тех, кому они делегировали власть?
5. Должны ли все граждане участвовать в политическом процессе и как обеспечить их максимально возможное участие?
6. Представьте себе, что в России установлена прямая Интернет-демократия. Увеличится ли интерес граждан к политике?

7. Можно ли сравнивать демократию с рынком и если да, то почему?
8. Согласны ли вы с тем, что все граждане информированы, рациональны и голосуют в соответствии с формулой Э. Даунса?
9. Насколько «нормальным» для демократии является «элемент авторитаризма», особенно в переходный период?
10. Как определить границы политических свобод?
11. Подходят ли «новым» и «старым» демократиям одни и те же критерии?
12. Как вы думаете, изменились бы результаты выборов в России, если бы голосование было обязательным?
13. Какие возможности для политического участия предоставляют демократические режимы? Как вы участвуете в политическом процессе?
14. Чем может быть полезна модель консociативной демократии для России?
15. Каковы стадийные характеристики российского демократического транзита?
16. Каковы важнейшие конституционные принципы демократии?
17. Что такое конституция, каково ее место, роль и функции в политической демократии?
18. В чем состоит смысл и значение системы разделения властей?
19. Чем различаются две формы демократии — прямая и представительная?
20. Назовите и проанализируйте условия установления демократической системы.
21. Что такое экспорт демократии, кто этим занимается и насколько успешно?
22. Опишите источник власти и природу демократии.
23. Каковы основные недостатки и достоинства демократии?
24. Какую роль в демократической системе играет элита?
25. Какова роль религии в установлении демократической системы?
26. Какие экономические предпосылки требуются для успешного развития процесса политической демократизации общества?
27. Что относится к социальным предпосылкам политической демократии?
28. Что такое политическая культура и какова ее роль в демократизации общества?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК К РАЗДЕЛУ 2

1. Айзенштадт С. Н. Конструктивные элементы великих революций : культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. — 1993. — Т. 1, № 2.
2. Актон Д. История свободы в античности // Полис. — 1993. — № 3.
3. Алмонд Г. Политическая наука : история дисциплины // Политическая наука : новые направления / Г. Алмонд ; под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. — М., 1999. — С. 69–106.
4. Алмонд Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Полис. — 1992. — № 4.
5. Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня : Мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. — М., 2002.
6. Арентт Х. Истоки тоталитаризма : пер. с англ. / Х. Арентт. — М., 1996.
7. Аристотель. Политика. Афинская полиция / Аристотель. — М., 1997.
8. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель. — М. : Мысль, 1975–1983.

- 8а. Бердяев Н. А. Судьба России : сочинения / Н. А. Бердяев. – М. ; Харьков, 2000.
9. Блондель Ж. Политическое лидерство / Ж. Блондель. – М., 1992.
10. Бонташ П. К. Томас Мор / П. К. Бонташ, Н. С. Прозорова. – М., 1983.
11. Бутенко А. П. Сравнительная политология в терминах и понятиях : учеб. пособие / А. П. Бутенко, А. В. Миронов. – М. : НОУ, 1998.
12. Василик М. А. Политология : Элементарный курс : учеб. пособие / М. А. Василик, М. С. Вершинин. – М. : Гардарики, 2001.
13. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер. – М., 1992.
14. Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. – 1988. – № 5.
15. Вершинин М. С. Политология русского консерватизма (XIX – начало XX в.) / М. С. Вершинин. – СПб., 1997.
16. Водолазов Г. Ленин и Сталин. Философско-социологический комментарий к повести В. Гроссмана «Все течет» // Октябрь. – 1989. – № 6.
17. Вольф Р. П. О философии : учебник : пер. с англ. / Р. П. Вольф. – М., 1996. – С. 120–125.
18. Гаджиев К. С. Политология (основной курс) : учебник / К. С. Гаджиев. – М. : Высшее образование, 2005.
- 18а. Гегель Г. В. Ф. Политические произведения / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1978.
19. Гоббс Т. Левиафан // Соч. : в 2 т. – М., 1990. – Т. 2.
20. Грин Д. Объяснение политики с позиции теории рационального выбора : Почему так мало удалось узнать? / Д. Грин, И. Шапиро // Политические исследования. – 1994. – № 3. – С. 59–74.
21. Грин Роберт. 48 законов власти / Р. Грин ; пер. с англ. Е. Я. Мигуновой. – М. : РИПОЛ-классик, 2005. – 768 с.
22. Даль Р. О демократии / Р. Даль. – М., 2000.
23. Дегтярев Н. А. Основы политической теории / Н. А. Дегтярев. – М. : Высшая школа, 1998.
24. Дивайн Д. Девять дней Дюнкерка : пер. с англ. / Д. Дивайн. – М., 1965.
25. Дойч К. Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы) // Политология : хрестоматия / под ред. М. А. Василика. – М. : Гардарики, 1999. – С. 713–721.
26. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л., 1972–1990.
27. Дьюи Дж. Общество и его проблемы / Дж. Дьюи. – М., 2002.
28. Желтов В. В. Основы политологии / В. В. Желтов. – Ростов н/Д. : Феникс, 2004. – (Серия : Высшее образование).
29. Замятин Е. Мы. О дивный новый мир / Е. Замятин, О. Хаксли. – М. : Худ. лит., 1989.
30. Ильин И. А. Понятия права и силы. Общее учение о праве и государстве. О сущности правосознания. О монархии и республике // Собр. соч. : в 10 т. – М., 1994. – Т. 4.
31. Ильин М. В. Две стороны одной медали : гражданское общество и государство / М. В. Ильин, Б. И. Коваль // Полис. – 1992. – № 1/2.
32. Ильин М. В. Что есть политика и что – наука о политике (Опыт нетрадиционного обзора) / М. В. Ильин, Б. И. Коваль // Полис. – 1991. – № 4. – С. 103–115.

33. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2.
34. Кампанелла Т. Город солнца // Утопический роман XVI–XVII вв. – М., 1971.
- 34а. Кант И. Всеобщая история с космополитической точки зрения // Соч. : в 6 т. – М., 1966. – Т. 6.
35. Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. – 1993. – № 2.
36. (Коулмен – О нем) – Швери Р. Теоретическая социология Джеймса Коулмена : Аналитический обзор // Социс. – 1996. – № 1/2.
37. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах : Сравнительное исследование / А. Лейпхарт. – М., 1997.
38. Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Политические исследования. – 1995. – № 2. – С. 135–146.
39. Лейпхарт А. Сообщественная демократия // Политические исследования. – 1992. – № 3.
40. Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М., 1958. – Т. 33.
- 40а. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М., 1958. – Т. 27.
41. Липсет С. Американская демократия в сравнительной перспективе // Сравнительная социология / ред. И. Орлова. – М., 1995.
42. Липсет С. М. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии / С. М. Липсет, С. Кен-Рюн, Д. Торрес // Международный журнал социальных наук. – 1993. – № 3. – С. 5; С. 9: табл. 5.
43. Липсет С. Политическая социология // Американская социология : Перспективы. Проблемы. Методы / ред. Н. Смелзер. – М., 1972. – С. 203–219.
44. Липсет С. М. Третьего пути не существует : перспективы левых движений // Политические исследования. – 1991. – № 5. – С. 15–32; № 6. – С. 19–39.
45. Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч. : в 3 т. – М., 1988. – Т. 3.
46. Маркс К. Дебаты о свободе личности // Соч. – М., 1968. – Т. 1.
47. Маркс К. К критике политической экономии // Соч. – Изд. 2-е. – Т. 13.
48. Маркс К. Классовая борьба во Франции // Соч. – Изд. 2-е. – Т. 7.
49. Маркс К. Критика Готской программы // Соч. – Изд. 2-е. – Т. 19.
50. Маркс К. Нищета философии // Соч. – Изд. 2-е. – Т. 5.
51. Маркс К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – Т. 4.
52. Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – Т. 3.
53. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества : пер. с англ. / Г. Маркузе. – М. : REFL-book, 1994.
- 53а. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения (О духе законов) / Ш. Л. Монтескье. – М., 1956.
54. Моска Г. Метод в политической науке // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. 3, вып. 3. – С. 149–155.
55. Моска Г. Правящий класс // Социс. – 1994. – № 10.
56. Ницше Ф. Избранные произведения : в 3 т. / Ф. Ницше. – М., 1994.
57. Новгородцев П. И. Об общественном идеале / П. И. Новгородцев. – М., 1991.
58. О’Доннел Г. Делегативная демократия // Пределы власти. – 1994. – № 1.

59. Оруэлл Дж. 1984 / Дж. Оруэлл. – М., 1989.
60. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии : в 3 т. / М. Я. Острогорский. – М., 1997.
- 60а. Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2. – С. 59–78.
61. Парето В. Трансформация демократии // Тексты по истории социологии XIX–XX вв. : хрестоматия / сост. и отв. ред. В. И. Добренко, Л. П. Беленкова. – М., 1994. – С. 169–177.
62. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М. : Аспект-Пресс, 1997.
63. Перфильев В. В. Правовые взгляды Гераклита в свете полисной системы организации греческого общества // Вопросы политической организации рабовладельческого и феодального общества : межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск, 1984. – С. 40–50.
64. Платон. Государство // Собр. соч. : в 4 т. – М., 1994. – Т. 3.
65. Политика как научная дисциплина по Хелду // Полис. – 1991. – № 5.
66. Политология : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. В. Н. Власова. – Ростов-н/Д. : МарТ, 2002.
67. Политология : учебник / А. Ю. Мельвиль [и др.] – М. : Московский гос. ин-т междунар. отношений (Университет) МИД России, ТК Велби, Проспект, 2005. – 624 с.
68. Политология : учебник / под ред. М. А. Василика. – М. : Гардарики, 2004.
69. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер. – М. : Ника-Центр, 2005.
70. Пугачев В. П. Дестабилизация России : причины и пути преодоления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Социально-политические исследования. – 1994. – С. 3–14.
71. Пугачев В. П. Введение в политологию : учебник для студентов вузов / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2003.
72. Раствоу Д. Переходы к демократии : попытка динамической модели // Полис. – 1996. – № 5. – С. 5–15.
73. Роскин М. Дж. Введение в политологию / М. Дж. Роскин. – Нью-Джерси, 1988.
74. Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М., 1969.
75. Сартори Д. Пересматривая теорию демократии // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2. – С. 713–729.
76. Сен-Симон А. Избранные сочинения : в 2 т. / А. Сен-Симон. – М. ; Л., 1958.
77. Соловьев А. И. Политология : Политическая теория, политические технологии : учебник для студентов вузов / А. И. Соловьев. – М. : Аспект Пресс, 2003.
78. Токвиль А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль. – М., 1992.
79. Тоффлер О. Проблема власти на пороге XXI века // Свободная мысль. – 1992. – № 2.
80. Тоффлер Э. Метаморфозы власти : пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М., 2001. – С. 22–24.
81. Федералист : Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея : пер. с англ. / под общ. ред. и с предисл. Н. Н. Яковлева. – М., 2000.
82. Фихте И. Г. Сочинения : в 2 т. / И. Г. Фихте. – СПб., 1993.
83. Фридрих К. Тоталитарная диктатура и автократия / К. Фридрих, З. Бжезинский // Тоталитаризм : Что это такое? – М. : ИНИОН, 1993.

84. Хантингтон С. Будущее демократических перемен : от экспансии к консолидации // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1995. – № 6.
85. Хантингтон С. Третья волна : Демократия на исходе века / С. Хантингтон. – М., 2003.
86. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка (отрывки из книги) // *Pro et Contra*. – 1997. – Т. 2. – № 2.
- 86а. Шмитт К. Понятие политического // *Антология мировой политической мысли* / отв. ред. Т. А. Алексева. – М., 1997. – Т. 2. – С. 291–309.
87. Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // *Политические исследования*. – 1997. – № 1. – С. 14–22.
88. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер. – М., 1995.
89. Эптер Д. Э. Пересмотренный институционализм // *Международный журнал социальных наук*. – 1991. – № 2.
90. Этциони А. От империи к сообществу : новый подход к международным отношениям : пер. с англ. / А. Этциони. – М. : Ладомир, 2004.

Раздел 3

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Глава 7

ГОСУДАРСТВО

Начиная с классических работ К. Маркса [57, 58, 59, 60] и Г. Спенсера [88], Э. Дюркгейма [35] и М. Вебера [14] в политологии, в противовес государственно-правовому или административно-юридическому пониманию политических институтов, складывается социологический подход к институтам, выведший проблему соотношения субстанции и институции в политической сфере, содержания и формы в политических отношениях на новый теоретический уровень.

Термин «институт» происходит от латинского слова «institutum», что означает «установление», или «учреждение». В этом смысле этимологически почти дословную интерпретацию институтам дал М. Вебер, отметив, что государство как рафинированный пример института составляет сообщество людей, поведение которых основывается на рациональных установлениях (нормах конституции, законах и т. д.). Э. Дюркгейм считал, что институты, с одной стороны, представляют собой некие идеальные образования в виде обычаев и верований, а с другой — эти обычаи и стереотипы, в свою очередь, материализуются в практической деятельности социальных организаций различных времен и народов. Тем самым он положил начало традиции, даже школе французского «социального институционализма» (в отличие от институционализма «нормативно-юридического»), который постепенно сложился во Франции в 1950—1970-е гг.

Французские политологи (М. Прело, Ж. Бюрдо, М. Дюверже [33]) вслед за Э. Дюркгеймом выделяют два основных компонента, входящих в содержание политического института:

- 1) идеальную модель самой системы отношений;
- 2) это собственно организационные структуры, воспроизводящиеся в коллективной политической практике в соответствии со стереотипами и матрицами модельной структуры.

М. Дюверже дал в связи с этим свое известное определение политических институтов, выступающих в качестве «модели человеческих отношений, с которых копируются конкретные отношения, приобретая, таким образом, характер стабильных, устойчивых и сплоченных».

Пытаясь объединить различные подходы и интегрировать основные атрибуты институциональности, Н. А. Дегтярев дал следующую рабочую дефиницию понятия «институт». Политический институт — это:

- 1) состояние организованной общности, организационная форма объединения людей в особое сообщество, основывающееся на коллективной воле, целях и образах жизнедеятельности;

- 2) идеальная модель ассоциации людей, формирующейся по поводу власти и влияния, поддерживающая интеграцию человека и коллектива, управляемость общностью и опирающаяся на коллективные ценности, организационные принципы, рациональные нормы (установления);
- 3) реализация и воспроизводство моделей (систем принципов и норм, правил и целей) общения в структуре совокупной практики политической активности индивидов и групп, человеческого социума в целом [30, 100].

§ 1. СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

7.1.1. Характеристики государства

Центральным институтом политической системы является государство. Определений и классических концептов, описывающих государство, настолько много, что возникает серьезное сомнение в возможности вложить в одну единственную дефиницию все его основные признаки, а также исторические формы. Вот лишь некоторые из них:

- совокупность граждан (Аристотель [4]);
- союз свободных людей для соблюдения права и общей пользы (Г. Гроций [24]);
- верховная власть, сосредоточенная в одном человеке (или собрании), сводящая все воли граждан в единую волю (Т. Гоббс [22]);
- машина для подавления одного класса другим (К. Маркс [59]);
- земнобожественное существо (Г. Гегель [21]) и т. д.

В британской «Энциклопедии управления и политики» (1992) выделяется пять основных типов концептов государства: 1) правовой; 2) исторический; 3) социально-антропологический; 4) политологический и 5) философский.

Первый, правовой (или юридический) подход сводит государство к системе права, основывающейся на суверенитете публичной власти. Г. Кельзен [41] именно в этом духе определяет государство как иерархию законов, скрепленных властным суверенитетом.

Второй, исторический подход исходит из определения государства как смены и эволюции его органов и форм от эпохи к эпохе.

Третий, социально-антропологический подход предлагает рассматривать государство как тип социальной организации в контексте всего общества (К. Маркс [60], Э. Дюркгейм [35], Л. Дюги [38], М. Вебер [14]).

Что же касается четвертого, политологического подхода, то он, в свою очередь, распадается на более дробные концепции: плюрализма и элитизма, корпоративизма и марксизма, структурализма и инструментализма, а также «нового институционализма».

Государство, как основной для данной исторической эпохи политический институт общественной жизнедеятельности, вызывает десятки, а то и сотни вариантов концептуальных вопросов: начиная от «большой семьи» Конфуция [48] и «справедливого человеческого космоса» Платона [75] вплоть до современных дискуссий о природе и перспективе развития института государства в отечественной

литературе конца II тысячелетия (М. А. Чешков [95, 96], Л. С. Мамут [23], В. Б. Пастухов [72]). В постсоветской России развернулись острые дискуссии о характере российской государственности, в которых обозначилась целая палитра определений:

- виденье государства как бюрократического органа, управленческого аппарата (А. С. Ахиезер [6]);
- оценка его как универсальной формы человеческой коллективности, публично-властной ассоциации (Л. С. Мамут);
- либерального понимания «слабого» государства (Е. Т. Гайдар [20]);
- требование сильной державности, хотя и децентрализованной (А. И. Солженицын [86]).

7.1.2. Широкое и узкое значение термина «государство»

В деятельности государства концентрируется основное содержание политики. Примерно до XVII в. государство обычно трактовалось широко и не отделялось от общества. Для обозначения государства использовались многие конкретные термины: «полития», «княжество», «королевство», «империя», «республика», «деспотия», «правление» и др. Одним из первых от традиции широкого значения государства отошел Макиавелли. Он ввел для обозначения любой верховной власти над человеком, будь то монархия или республика, специальный термин «*stati*» и занялся исследованием организации государства [55].

Четкое разграничение государства и общества было обосновано в контрактных (договорных) теориях государства Т. Гоббсом [22], Дж. Локком [53], Ж.-Ж. Руссо [80] и другими представителями либерализма. У них эти понятия разделяются не только содержательно, но и исторически, поскольку утверждается, что существовавшие первоначально в свободном и неорганизованном состоянии индивиды в результате хозяйственного и иного взаимодействия вначале образовали общество, а затем для защиты своей безопасности и естественных прав договорным путем создали специальный орган — государство.

Термин «государство», по определению В. П. Пугачева, обычно употребляется в двух значениях. В *широком* смысле государство понимается как общность людей, представляемая и организуемая органом высшей власти и проживающая на определенной территории. Оно тождественно стране и политически организованному народу. Так говорят, например, о российском, американском, немецком государстве, имея в виду все представляемое им общество. В *узком* смысле государство понимается как организация, система учреждений, обладающих верховной властью на определенной территории [78, 248].

А. П. Бутенко и А. В. Миронов главным признаком государства считают наличие особых организованных групп людей, располагающих средствами принуждения и применяющих их от лица общества и в его интересах по отношению к другим членам общества, его гражданам. А главной причиной возникновения государства — осознанную обществом необходимость общего управления, объективно обусловленное стремление поддержать силой (насилием) соблюдение тех или других жизненно важных условий существования и совершенствования общест-

венной жизни. И, соответственно, определяют государство как исторически сложившуюся, сознательно организованную общественную силу, «отделенную от самого общества и управляющую им с помощью принуждения и насилия» [10, 62].

М. А. Василик и М. С. Вершинин трактуют государство как особую форму организации политической власти в обществе, обладающую «суверенитетом, монополией на применение узаконенного насилия и осуществляющую управление обществом с помощью специального механизма (аппарата)» [13, 109]

7.1.3. Общие признаки государства

Государства разных исторических эпох и народов мало схожи между собой. И все же, как специфический институт политической власти, государство обладает рядом качественных свойств, отличающих его от иных институтов. В этом вопросе среди исследователей также нет единодушия, в частности В. П. Пугачев [78, 249] специфическими для государства считает следующие признаки:

- особый *аппарат управления социальными процессами*, особая группа лиц, профессионально занимающихся осуществлением функций по руководству и регулированию общественными отношениями. Государство — это результат отделения публичной власти от общества, ее несовпадение с организацией всего населения, появление слоя профессионалов-управленцев. Этот признак отличает государство от родоплеменной организации, основанной на принципах самоуправления. Государство представляет собой публичный политический институт, обладающий особой организацией, структурой, профессионально-кадровым составом и другими чертами, не совпадающими с характеристиками организации общества как такового;
- государство выступает как институт, который действует на *строго ограниченной территории*. Законы и правила, нормы и постановления государства действуют только на определенном пространстве, обладая соответствующими ограничениями в регулировании поведения граждан. Этот признак отличает государство от всех иных политических и социальных объединений людей, формирующихся на основе их кровнородственных, этнических, идеологических, экономических или других форм связи;
- *высшая власть* (суверенитет) на занимаемой им территории. Только оно может издавать и устанавливать общеобязательные законы, нормы, правила человеческого поведения для постоянно проживающего на его территории населения. Кроме того, государство обладает правом отменять постановления и решения частных политических структур и организаций, противоречащие его решениям. Тем самым государство устанавливает для проживающих на его территории людей гражданский статус, означающий как признание властью собственной ответственности перед ними, так и установление за гражданами известных прав и обязанностей перед государством;
- *легальное применение силы* в рамках контроля за вводимыми им правилами общежития. Государство обладает монополией на физическое принуждение отдельных граждан, групп или организаций к выполнению его решений. Спектр применяемых государством средств контроля может простирается от созна-

тельного побуждения и мотивации поведения граждан вплоть до физического уничтожения тех, кто не придерживается установленных им норм. Для такого обеспечения контроля у государства имеются особые органы — армия, полиция, службы безопасности, прокуратура, суд, а также соответствующие средства — оружие, тюрьмы и др.;

- *монопольное право* на денежную эмиссию и взимание с населения различного рода *налогов и сборов*, которые используются для материального поддержания социальной организации совместной жизни: на оплату работы госслужащих, создание структур общесоциального назначения (судов, больниц, школ), а также для обеспечения целенаправленных изменений в области экономической, социальной и духовной жизни (для обеспечения реализации государственной политики в этих сферах);
- *тотальное* включение государством в сферу своего воздействия всех людей, находящихся на его территории. Обязательность членства в государстве (обычно люди получают государственное гражданство по факту рождения на территории данного государства);
- *представительство* общества как целого и защиту общих интересов и общего блага. Ни одна другая организация, кроме тоталитарных партий-государств, не претендует на представительство и защиту всех граждан и не обладает для этого необходимыми средствами.

Определение общих признаков государства имеет не только научное, но и практическое политическое значение, особенно для международного права. Государство — субъект международных отношений. Лишь на основе обладания качествами государства те или иные организации признаются субъектами международного права и наделяются соответствующими правами и обязанностями.

В современном международном праве выделяется три минимальных признака государства:

- международно-признанная территория;
- народ, объединенный правовым союзом граждан (гражданством);
- суверенная власть, осуществляющая эффективный контроль хотя бы над большинством территории и населения.

Отмеченные выше признаки отличают государство от других организаций и объединений, однако не раскрывают его связь с обществом, факторы, лежащие в основе его возникновения и эволюции.

7.1.4. Причины возникновения государства

Появление государства — это процесс, обусловленный благоприятным стечением внутренних и внешних условий и обстоятельств. Традиционное государство появилось в результате разложения родоплеменного строя, постепенного обособления от общества вождей и их приближенных и сосредоточения у них управленческих функций, ресурсов власти и социальных привилегий. Государство берет у общества часть необходимых для поддержания его жизнедеятельности функций, отчуждает и даже узурпирует их. Поэтому в его деятельности существуют как *общесоциальные* мотивы, обусловленные задачами интеграции и организации общества

в целом, так и *групповые*, связанные с особыми интересами государственной бюрократии, политических элит и социально доминирующих групп общества, обладающих реальными привилегиями в использовании ресурсов и материальной силы. К важнейшим из причинных факторов исследователи относят:

- развитие общественного разделения труда, выделение управленческой деятельности в целях повышения ее эффективности в специальную отрасль и образование для этого специального органа — государственного аппарата;
- возникновение в ходе развития производства частной собственности, классов и эксплуатации (марксизм [51]);
- завоевание одних народов другими (Ф. Оппенгеймер, Л. Гумплович [25, 26] и др.);
- демографические факторы, изменения в воспроизводстве самого человеческого рода (имеется в виду, прежде всего рост численности и плотности населения, переход народов от кочевого к оседлому образу жизни, а также запрет кровосмешения и упорядочение брачных отношений между родами — все это повышало потребность общностей в регулировании взаимосвязей этнически близких людей);
- психологические (рациональные и эмоциональные) факторы (одни авторы (Т. Гоббс [22]) сильнейшим мотивом, побуждающим человека к созданию государства, считают страх перед агрессией со стороны других людей, опасение за жизнь и имущество; другие же (Дж. Локк [53]) ставят на первый план разум людей, приведший их к соглашению о создании специального органа — государства, способного лучше обеспечить права людей, чем традиционные формы общежития);
- антропологические факторы, означающие, что государственная форма организации коренится в самой общественной природе человека, ее развитии (еще Аристотель утверждал, что человек как существо в высшей степени коллективное может существовать только в рамках определенных форм общежития); государство, подобно семье и селению, «есть естественная форма общежития» [4, 36], оно возникает в результате развития человеческой природы и с помощью права вносит в жизнь людей справедливые, нравственные начала.

В научной литературе отмечаются и некоторые другие факторы, влияющие на образование государств и их особенности: географическое положение, наличие или отсутствие естественных границ, климатические условия, плодородные земли и т. д. Многочисленные исследования показали, что государство возникает и развивается под воздействием целого ряда факторов, среди которых едва ли можно выделить какой-нибудь один в качестве определяющего.

7.1.5. Функции государства

Причины образования государства определяют его функции. Их выполнение отличает его от других политических институтов. В зависимости от направленности функции государства можно подразделить на внутренние и внешние. К внутренним функциям государства относят политическую, правовую, организаторскую, экономическую, социальную, культурно-образовательную и другие. В раз-

ные периоды существования различных типов государств значение каждой из этих функций может возрастать или снижаться.

Политическая функция государства состоит в обеспечении политической стабильности, осуществлении властных полномочий, выработке программно-стратегических целей и задач развития общества. Она постоянно играет значительную роль в деятельности любого государства, включая подавление антисистемных выступлений оппозиционеров против существующего строя. Данная функция проявляется и в профилактических мероприятиях, направленных на недопущение подобных выступлений. При этом под существующим строем понимается утвердившаяся на время определенной исторической эпохи система политических институтов. Например, борьба крупных феодалов против монарха в период утверждения абсолютной монархии является борьбой против существующего строя абсолютизма.

При этом в отдельных случаях официальная идеология вырабатывается в рамках государственных структур, а в других — государство воспринимает и поддерживает в качестве официальной идеологии концепции, разработанные вне его структур. Примером второго случая являются различные религии, как например, буддизм для ряда стран Востока, конфуцианство и моизм для Древнего Китая, христианство для Руси, официальная идеология в социалистических странах, доктрина «национальной безопасности» в США в XX в. Государство может в некоторых случаях более или менее терпимо относиться к неофициальным идеологиям, а в других — беспощадно подавлять их.

Эта функция выражается:

- в распространении или всяческой поддержке официальных взглядов;
- в создании пропагандистских органов;
- в проведении политики в соответствии с концепциями, вырабатываемыми в рамках официальной идеологии;
- в надзоре за образованием;
- в моральной и материальной поддержке идеологов и учреждений, вырабатывающих официальную идеологию и т. п.

Иногда она проявляется также в стремлении уничтожить всякую другую идеологию и ее носителей (например, в фашистских Германии и Италии, автократических Испании и Португалии, в СССР в период сталинизма).

Правовая функция включает обеспечение правопорядка, установление правовых норм, регулирующих общественные отношения и поведение граждан.

Организаторская функция заключается в упорядочении всей властной деятельности и выражается

- в принятии, организации и исполнении решений;
- в формировании и использовании управленцев;
- в осуществлении контроля над исполнением законов;
- в осуществлении координации деятельности различных субъектов политической системы и т. д.

Экономическая функция заключается в организации, координации, регулировании экономических процессов с помощью налоговой и кредитной политики, а также в создании стимулов экономического роста или осуществления санкций, в

обеспечении макроэкономической стабильности. Роль экономической функции меняется и с течением времени. На заре становления государства в древних восточных деспотиях (например, в Древнем Египте) хозяйственная функция была, по существу, одной из важнейших, поскольку строительство ирригационных сооружений, находившееся в ведении государства, обеспечивало существование общества, так как сельское хозяйство можно было вести только при наличии ирригации. В хозяйственной сфере в Древнем Египте государство занималось, кроме того, строительством храмов и других общественных зданий. Однако на протяжении истории роль экономической функции не всегда была столь высока. В частности, на начальном этапе развития капитализма государство минимально вторгалось в экономику, хотя и в тот период хозяйственная функция полностью не исчезала из его жизнедеятельности.

Социальная функция государства — это забота о члене социума:

- удовлетворение потребностей людей в жилье и работе;
- поддержание систем здравоохранения и образования;
- поддержка незащищенных групп населения и т. д.

Выполнение государством социальной функции так же, как и функции охраны правопорядка и отчасти хозяйственной функции, отвечает интересам различных групп и классов. Социальная функция в том или ином виде присуща любому государству. Например, в Древнем Риме она выражалась в бесплатной раздаче хлеба неимущим гражданам, в содержании заведений, способствовавших физическому воспитанию и просвещению граждан и т. п. В современном мире социальной функции уделяется особое внимание. Она охватывает здравоохранение, социальное обеспечение, просвещение, обеспечение доступа к достижениям культуры, заботу о молодежи и престарелых и т. д.

Культурно-образовательная функция государства направлена на создание условий для удовлетворения культурных запросов людей, организация системы образования и приобщения к достижениям мировой культуры, формирования высокой духовности, гражданственности.

К внешним функциям государства относятся: внешнеполитическая — поддержание отношений с другими государствами и деятельность в международных организациях, внешнеэкономическая и военная функции.

Внешнеэкономическая функция заключается в стремлении государства, с одной стороны, обеспечить максимально благоприятные условия для деятельности национальных хозяйственных субъектов за рубежом, а с другой — учесть все внешние факторы для создания условий развития собственной экономики. Это достигается как путем односторонних мер (в частности, таможенного тарифного и нетарифного регулирования, привлечения иностранных товаропроизводителей и инвесторов либо, наоборот, протекционизма, выделения средств на поддержку отечественных экспортеров и т. п.), так и в результате согласования позиций с другими государствами на двусторонней и многосторонней основе.

Поддержание отношений с другими государствами и деятельность в международных организациях охватывают взаимосвязи, имеющие как чисто политический, так и культурный характер (например, вопросы укрепления мира и доверия, защиты интересов своих граждан и предприятий, находящихся или действующих за границей).

Военная функция государства реализуется через

- обеспечение обороны собственной страны;
- ведение захватнических и наступательных действий, обеспечивающих интересы совершающего их государства;
- организация разведки и контрразведки.

Следует отметить, что все функции государства (внешние и внутренние) существуют не изолированно, а находятся в тесной взаимосвязи.

7.1.6. Исторические рубежи в развитии государства

Как особый политический институт государство возникло в IV—III тыс. до н.э. Существовая на протяжении тысячелетий, государство изменяется вместе с развитием всего общества, частью которого оно является. С точки зрения особенностей взаимоотношений государства и личности, воплощения в государственном устройстве рациональности, принципов свободы и прав человека, в развитии государства можно выделить два глобальных этапа: *традиционный и конституционный*, а также промежуточные стадии, причудливо сочетающие черты традиционных и конституционных государств, например тоталитарная государственность.

Традиционные государства возникли и существовали преимущественно стихийно, на основе обычаев и норм, уходящих корнями в глубокую древность. Возглавлявшие их монархи имели институционально не ограниченную власть над подданными, отрицали равноправие всех людей, не признавали личность как источник государственной власти. Некоторые авторы, принимая во внимание глубокие отличия конституционных и неконституционных государств, предлагают в соответствии с античной традицией, различающей государство и деспотию, называть государством лишь «организацию публичной власти, производную от гражданского общества и, так или иначе, ему подконтрольную». Хотя такая трактовка не учитывает разные типы государств и не разделяется большинством ученых, она обоснованно указывает на принципиальную границу, отделяющую современные конституционные государства от государств, по типу своего устройства и функционирования связанных с прошлым.

По мнению ряда исследователей, конституционное государство является объектом сознательного человеческого формирования, управления и регулирования. Оно не стремится охватить своим регулятивным воздействием все проявления жизнедеятельности человека (его экономическую, культурную, религиозную и политическую активность) и ограничивается лишь выполнением функций, делегированных гражданами и не нарушающих свободу личности. В целом конституционный этап в развитии государства связан с его подчиненностью обществу и гражданам, с юридической очерченностью полномочий и сферы государственного вмешательства, с правовой регламентацией деятельности государства и созданием институциональных и иных гарантий прав человека [78, 252].

Как представляется автору, такой подход неисторичен и исходит из противопоставления разных этапов развития государственности на основе формальных признаков. Государство как социальный институт не способно существовать достаточно долго (более одной человеческой жизни), если не является результатом

определенных соглашений между социальными группами общества. Эти соглашения и нормы могут быть формализованы на бумажных или иных материальных носителях, а могут существовать как неформальная общепризнаваемая социальная практика.

В частности, исходя из этого формального признака очень сложно сравнивать Российскую империю конца XIX в., не имевшую Конституции, и советское государство, имевшее целых три конституции, на предмет служения государства своим подданным и гражданам. Проблема заключается в широте социальной базы, интересы которой данное государство обязано обслуживать.

7.1.7. Правовой фундамент государства

На начальных этапах своей истории государства воплощали политический порядок, поддерживаемый на основе сложившихся в обществе традиционных норм и верований, слабо институционализированной и практически не ограниченной власти единоличных правителей; порядок, отрицающий равенство прав и возможностей проживающих на его территории людей. Постепенно отношения властвующих и подвластных в государстве обрели более упорядоченный характер, выработав и юридически закрепив особые полномочия и прерогативы каждого из этих субъектов в управлении обществом. Основным ценностно-нормативным инструментом, закрепившим правовой порядок отношений государства и общества, а следовательно, и очертившим их взаимные обязательства, задавшим всеобщие принципы организации публичной жизни, особенности устройства государства, стала *конституция*.

Термин «конституция», по определению В. П. Пугачева, в науке употребляется в двух значениях [78, 253]. Первое из них, обозначаемое термином «реальная конституция», восходит к Аристотелю, который в знаменитой «Политике» трактовал конституцию как «определенный порядок для жителей одного государства». Иными словами, реальная конституция — это государственный строй, устойчивая модель государственной деятельности, определяемая тем или иным ценностно-нормативным кодексом. Этот кодекс не обязательно носит форму свода законов, присущего современным государствам. Он может иметь характер религиозно-политических заповедей или неписаных вековых традиций, которым подчиняются текущие законы государства. Понимаемый в этом значении конституционализм уходит корнями в далекое прошлое и не связывается с появлением либеральных конституций в эпоху Просвещения.

Во втором, наиболее распространенном значении термин «конституция» — это свод законов, юридический, или нормативный, акт. Она представляет собой систему зафиксированных в специальном документе (или нескольких документах) относительно стабильных правил (законов), которые определяют основания, цели и устройство государства, принципы его организации и функционирования, способы политического волеобразования и принятия решений, а также положение личности в государстве.

Конституция выступает матрицей социального согласия, заключаемого между гражданами и государством и регламентирующего его деятельность. Она придает государству современного, конституционного типа необходимую легитимность.

Обычно принимаемая при согласии подавляющего (квалифицированного) большинства населения, она фиксирует тот минимум общественного согласия, без которого невозможна свободная совместная жизнь людей в едином государстве и который обязуются уважать все граждане.

Конституция, как правило, состоит из двух частей. В первой определяются нормы взаимоотношений граждан и государства, права личности, утверждается правовое равенство всех граждан. Во второй части описываются характер государства (республика, монархия, федерация и т. п.), статус различных властей, правила взаимоотношения парламента, президента, правительства и суда, а также структура и порядок функционирования органов управления.

Первые правовые документы, имевшие характер конституционных актов, наложившие ограничения на деятельность монархов и возвестивших формирование нового политического правопорядка, появились в Англии в XIII в. Первые конституции (в современном понимании этого термина) были приняты в 1789 г. в США (в 1791 г. «Билль о правах») и в 1791 г. во Франции (в 1789 г. «Декларация прав человека и гражданина» и в 1791 г. конституция). В современном мире лишь несколько государств (Великобритания, Израиль, Саудовская Аравия, Бутан и Оман) не имеют конституционных сводов законов.

Конституция, понимаемая как известный свод юридических актов, законов и постановлений, в совокупности определяющих основания государственного устройства, а также цели и основные способы формирования государственной власти, одновременно возвестила о новом положении личности в государстве. Конституция зафиксировала тот минимально достаточный уровень общественного консенсуса, на основе которого стала возможной совместная жизнь граждан, налаживание корректных отношений государства и общества.

Начавшая формироваться в эпоху Просвещения, система конституционализма решила важнейшую историческую задачу. Во-первых, она придала должную юридическую форму деятельности государства, распределив полномочия и функции его различных ветвей и органов и сделав закон важнейшим ориентиром деятельности властей. Тем самым были заложены основы того политического порядка, при котором групповые предпочтения и привилегии в деятельности государственных властей уступали место общесоциальным целям и ценностям. Более того, ориентация на законодательно установленные нормы и правила устраняла важнейшие предпосылки для произвола и субъективизма в принятии государственных решений, накладывала на действия профессиональных политиков и государственных служащих (бюрократию) существенные функциональные ограничения.

Во-вторых, огромную роль в развитии государства сыграла и ориентация конституций на ту систему ценностей, которая отобразила новое положение личности в государстве. Иначе говоря, *источником права*, воплощенного в этих конституциях, явилась *личность*, чьи права и свободы объявлялись высшим критерием деятельности всего государства. Государство не только объявлялось зависимым от индивида политическим институтом, но и должно было ограждать его личную жизнь от неоправданного вмешательства власти, гарантировать ему основополагающие права и свободы, всемерно поддерживать его стремление к свободной и творческой жизнедеятельности. Никакие законы не могли нарушить этой подчиненности

государства интересам личности, оправдать нарушение властями ее основополагающих прав. Таким образом, государство из могущественного центра принуждения и насилия над человеком превращалось в самого надежного защитника прав и интересов последнего. Так, возникшие в древности великие гуманистические идеи о приоритете закона в деятельности государства, о наличии естественных прав человека, предполагавшие соответствующее политическое обеспечение, определенное строение власти, делающее ее относительно безопасной для индивида, благодаря влиянию закона стали плотью государственной политики.

Наличие демократической конституции — показатель подлинной конституционности государства лишь в том случае, если она реально воплощена в государственной организации и неукоснительно исполняется органами власти, учреждениями и гражданами. Завершенность процесса формирования конституционного государства, закрепление принципа ограничения его компетенций с помощью специальных институтов и законов, исходящих от народа, характеризует понятие «правовое государство».

§ 2. ПРАВОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

7.2.1. Правовое государство

7.2.1.1. Понятие правового государства

Категория правового государства достаточно противоречива. Это связано с тем обстоятельством, что любая политическая система, включая тиранию и тоталитаризм, имеет нормативную основу — право. Это может быть право поступать в соответствии с традицией, право субъекта абсолютной власти управлять по собственному усмотрению, сословное право феодального общества, где официально существуют различного рода привилегии, и, наконец, демократическое право в индустриальном обществе.

Правовое государство, начавшее складываться под влиянием либеральных конституций, означало принципиально новый этап в развитии государственности как таковой. Качественной основой такого государственного устройства власти стала ориентация всех его органов на ценности прав человека, которые не могли быть изменены никакими частными законодательными актами и стилем функционирования государства. Права человека как совокупность ценностей и идеалов государственной власти обрели неоспоримый *приоритет* перед любыми законодательными актами конкретного государства.

Правовое государство, по мнению В. П. Пугачева, — *реальное воплощение идей и принципов конституционализма* [78, 254]. В основе такого государства лежит стремление оградить человека от государственного террора, насилия над совестью, мелочной опеки со стороны органов власти, стремление гарантировать индивидуальную свободу и основополагающие права личности. Это государство ограничено в своих действиях правом, защищающим свободу, безопасность и достоинство личности и подчиняющим власть воле суверенного народа. Взаимоотношения между личностью и властью определяются в нем конституцией, утверждающей приоритет прав человека, которые не могут быть нарушены законами государства

и его действиями. Для того чтобы народ мог контролировать государство и оно не превратилось в этакое Левиафана, чудовище, господствующее над обществом, существует разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Независимый суд призван защищать примат права, которое обладает всеобщностью, распространяется в равной мере на всех граждан, государственные и общественные институты.

М. А. Василик и М. С. Вершинин под правовым государством понимают *правовую форму организации и деятельности публично-политической власти и ее взаимоотношений с индивидами как субъектами права* [13, 114].

По мнению И. А. Обертяевой, правовое государство есть *правовая форма осуществления государственного суверенитета народа* [69, 95].

Авторы Политологического энциклопедического словаря определяют правовое государство как *тип государства, в котором функционирует режим конституционного правления, существует развитая и непротиворечивая правовая система и эффективная судебная власть, вместе с реальным разделением властей с их эффективным взаимодействием и взаимным контролем, с развитым социальным контролем политики и власти* [77, 313].

В учебном пособии для студентов высших учебных заведений под ред. В. И. Власова правовое государство понимается как *правовая форма организации и деятельности публично-политической власти, которая создает условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также для последовательного связывания с помощью права всех государственных органов в целях недопущения злоупотреблений* [76, 141].

7.2.1.2. Исторический очерк

Правовое государство как практика управления на основании законов, создаваемых людьми сознательно для общего блага, зародилось в античном полисе (Солон, Ликург). Идея правового государства восходит еще к Платону, а соотношение государства и права, политики и закона обосновал Цицерон [94]. Он видел в государстве согласованное правовое взаимодействие свободных членов общества, а не просто множество живущих рядом людей, подчиняющихся единым для всех правилам. В Древнем Риме возникли такие зачатки правовой государственности, как разделение властей.

Философское обоснование идеи правового государства наиболее полно представлено в трудах И. Канта [39]. Только соединенная воля всех лиц, образующих народ, по мнению Канта, может быть источником законов в правовом государстве. Обладая правом участия в общем решении, каждый в то же время обязан неукоснительно подчиняться этому решению. Неотчуждаемой принадлежностью гражданина является равенство перед законом. Это значит, что любой гражданин вправе признать над собой только такую власть, которая сама неукоснительно соблюдает те же законы, что и он.

Большая часть положений И. Канта, а также Дж. Локка [53] и Ш. Монтескье [67] вошла в Конституцию США 1787 г. и во французскую Декларацию прав человека и гражданина 1789 г. Последняя прямо провозглашала, что «общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей,

не имеет конституции» (ст. 16), а также, что «закон может воспрещать лишь деяния, вредные для общества» (ст. 5).

Однако возникновение целостной концепции правового государства относится к концу XVIII — началу XIX вв. То есть к периоду становления буржуазного общества, когда в исторически прогрессивных политических теориях подверглись критике феодальный произвол и беззаконие, абсолютистские и полицейские режимы, утверждались идеи гуманизма, принципы свободы и равенства всех людей, неотчуждаемость прав человека. Передовая социальная мысль решительно отвергла теорию и практику узурпации публичной политической власти и ее безответственность перед людьми и обществом. Естественно, при всей новизне идеи и концепции правового государства, разработанные Г. Гроцием [24], Б. Спинозой [88а], Дж. Локком [53], Ш. Монтескье [67], Т. Джефферсоном [3] и др., опирались на опыт прошлого, на достижения предшественников, на исторически сложившиеся и апробированные общечеловеческие ценности и гуманистические традиции.

Ценностный смысл идеи правового государства состоит в утверждении суверенности народа как источника власти, в гарантированном обеспечении его свободы, подчинении государства обществу. Сам термин «правовое государство» утвердился в немецкой литературе в первой трети XIX в. в трудах К. Велькера и Р. фон Моля [66].

Концепция правового государства в работах русских социологов, юристов конца XIX — начала XX вв., прежде всего А. И. Петражицкого [74], П. И. Новгородцева [68], Б. А. Кистяковского [81] и М. Я. Острогорского [70], исходила из теории естественного права. В интерпретации ученых это означало проведение в реальной общественной жизни социальных реформ только при условии соблюдения правовых гарантий и свобод индивида. Социологи этого направления раньше других увидели опасность идеи подчинения правовых норм «исторической целесообразности», подмены позитивного права реализацией субъективных интересов различных политических сил.

7.2.1.3. Отличительные черты правового государства

В правовом государстве основой всех отношений является закон, равный и обязательный для всех, как для граждан, так и для субъектов государственной власти, вплоть до монархов в конституционной монархии. Критерием, который позволяет установить наличие правового государства, можно считать возможность в обычном порядке по суду восстановить законность в отношении любых государственных структур, включая и сам суд.

В основе правового государства лежит развитая рыночная экономика и гражданские отношения, которые осуществляются вне политических организаций по усмотрению граждан в рамках закона. Атрибутом правового государства выступает разделение властей, которое обеспечивает нейтрализацию чрезмерных притязаний власти на господство в обществе, возможность осуществления надлежащего контроля за всеми действиями государства, гласности в отношении политической деятельности и т. д.

Обобщая опыт возникновения и развития различных правовых государств, исследователи выделяют следующие общие признаки:

- наличие развитого гражданского общества;
- ограничение сферы деятельности государства охраной прав и свобод личности, общественного порядка созданием благоприятных правовых условий для хозяйственной деятельности;
- мировоззренческий индивидуализм, ответственность каждого за собственное благополучие;
- правовое равенство всех граждан, приоритет прав человека над законами государства;
- всеобщность права, его распространение на всех граждан, все организации и учреждения, в том числе на органы государственной власти;
- суверенитет народа, конституционно-правовая регламентация государственного суверенитета, означающая, что именно народ является конечным источником власти, государственный же суверенитет носит представительный характер;
- разделение законодательной, исполнительной и судебной властей государства, не исключающее единства их действий на основе процедур, предусмотренных конституцией;
- определенное верховенство законодательной власти;
- приоритет метода запрета в государственном регулировании гражданских отношений над методом дозволения (это означает, что в правовом государстве по отношению к гражданам действует принцип: «Разрешено все то, что не запрещено законом»; метод же дозволения применяется лишь по отношению к самому государству, которое обязано действовать в пределах дозволенного — формально зафиксированных полномочий);
- свобода и права других людей как единственный ограничитель свободы индивида; правовое государство не создает абсолютной свободы личности, свобода каждого кончается там, где нарушается свобода других.

Важным отличительным признаком правового государства является реальное обеспечение прав и свобод личности. Права человека — это квинтэссенция правового государства, важнейший фактор в развитии общества в целом. Правовое государство признает за индивидом определенную сферу свободы, за пределами которой вмешательство государства недопустимо. Определяя в законах меру свободы личности, государство в этих же пределах ограничивает себя в собственных решениях и действиях.

Подчиняясь праву, государственные органы не могут нарушать его предписания и несут ответственность за их нарушение или невыполнение. Обязательность закона для государственной власти обеспечивается системой гарантий, которые исключают административный произвол. К ним относятся:

- ответственность депутатов перед избирателями;
- ответственность правительства перед представительными органами;
- дисциплинарная, гражданско-правовая или уголовная ответственность должностных лиц государства любого уровня за невыполнение своих обязанностей перед конкретными субъектами права.

На тех же правовых началах строится ответственность личности перед государством. Применение государственного принуждения должно

- носить правовой характер;
- не нарушать меру свободы личности;
- соответствовать тяжести совершенного преступления.

К числу иных важных признаков правового государства относят:

- наличие институтов политической демократии;
- верховенство и прямое действие конституционного закона;
- соответствие внутреннего законодательства общепризнанным нормам и принципам международного права;
- соответствие законов праву и правовая организация системы государственной власти;
- возвышение суда как одного из средств обеспечения правовой государственности.

7.2.1.4. Пути формирования правового государства

На современном этапе в мире утвердились две модели правовой государственности. В континентальной Европе доминирует немецкая конструкция правового государства. Германской юриспруденции свойственно интерпретировать право, государство, свободу как некие неразрывные категории. Эта модель правового государства содержит в себе огромный либеральный потенциал.

Если немецкое государство выглядит как государство законопорядка, то англо-американская модель предполагает ограниченное государство и свободное правовое общество. Государству в этом случае отводится роль арбитра, посредника, который вмешивается в правовой конфликт только тогда, когда исчерпаны все другие возможности и потребность в активных властных действиях становится необходимостью. Огромную роль в рамках этой модели играет суд, являющийся своеобразным буфером между индивидом и властью. Здесь в общественном сознании и в правовой системе утвердился тезис об автономности и независимости личности. Подобная позиция выражается в весьма настороженном отношении к законам и распоряжениям властных структур, поскольку вероятность посягательств государства на суверенитет личности является актуальной всегда. Общественное сознание демонстрирует высочайший кредит доверия прежде всего суду, считая его важнейшим гарантом прав человека.

Англо-американская модель демонстрирует гибкую, восприимчивую к переменам правовую систему, которая, несмотря на свою сложность, является надежным гарантом против произвола властей. Несмотря на некоторые слабые места, эта модель имеет непреходящее гуманистическое значение.

Каковы же пути формирования правового государства? Проблемы эта ныне не менее актуальна, чем сто и двести лет назад. Обусловлено это тем, что большинство современных государств трудно отнести к разряду правовых. Каждая страна идет своим путем или же воспринимает уже существующую правовую базу, например Европейского союза. По мнению И. А. Обертяевой [69, 100], в любом случае необходимо решить следующие задачи:

- осуществить превращение закона в решающее средство управления всеми сторонами жизни общества, для чего необходимо изменение соотношения закона с подзаконными актами в пользу первого;

- достичь такого состояния общества, при котором соблюдение закона было бы выгоднее его нарушения, что предполагает высокий уровень правовой культуры населения, его правовую грамотность и неотвратимость наказания;
- превратить правоохранительные органы в рабочий механизм, активно содействующий становлению правопорядка;
- децентрализовать управление, разграничить функции центральных органов и структур местного самоуправления, расширив компетенции последних.

7.2.2. Гражданское общество

7.2.2.1. Понятие и определение

С правовым государством неразрывно связано существование гражданского общества. Появление правовой государственности было обусловлено развитием самого общества и стало возможным в результате вызревания гражданского общества, которое приходит на смену корпоративному в эпоху буржуазно-демократических революций. Оно олицетворяет наличие независимых и не опосредованных государством разнообразных взаимоотношений граждан и их объединений, подчиненных реализации их интересов на основе принципов самоорганизации и самоуправления.

Приоритет гражданского общества, по мнению А. И. Соловьева [87, 139], определяет два принципа регулирования социальной активности населения и институтов власти. По отношению к гражданам в правовых государствах действует правило «разрешено все, что не запрещено законом», раскрепощающее и поощряющее инициативу, формирующее принцип свободного и одновременно ответственного поведения. Институты власти руководствуются правилом «разрешено только то, на что они уполномочены законом». Такой принцип устанавливает зависимость структур власти от общества и предотвращает произвол власти, спонтанность отправления властных полномочий, усиливает формальные, а значит и контролируемые действия органов власти.

Исторический опыт показал, что зрелость и развитость гражданского общества базируется на определенной духовной атмосфере и состоянии общественного мнения, в основе которых лежат разделяемые большинством населения ценности индивидуализма и личной ответственности. Как специфическая мировоззренческая основа гражданского общества индивидуализм на *начальных* этапах становления капитализма, в условиях формирования рынка, был сродни эгоизму, заставлявшему человека игнорировать интересы других. И лишь постепенно конкуренция и нарастание рационализма превратили индивидуализм в систему ценностных ориентации, которые выражают не столько предпочтение частных интересов перед общественными, сколько понимание людьми своей гражданской ответственности за способы их достижения, а также невозможность нанесения ущерба правам других индивидов и обществу в целом.

В настоящее время в развитых индустриальных странах наступил этап «нового индивидуализма», представляющий собой органическое сочетание его принципиальных установок с коллективными ценностями, выводящими на первый план приоритеты социума в целом. Такая духовная подоплека массовых политических

действий соответствует качественно новому этапу развития правового государства, свидетельствующего не о власти абсолютной свободы, а о наличии *сбалансированной* системы прав и полномочий всех участников политического рынка (включая государство).

Авторский коллектив под руководством профессора В. И. Власова [76, 139] определяет *гражданское общество* как систему

- обеспечения жизнедеятельности негосударственных, неполитических сфер общества;
- их воспроизводства и передачи от поколения к поколению;
- самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений;
- обеспечивающую условия для саморегуляции отдельных индивидов и коллективов, для реализации частных интересов и потребностей.

Эти интересы и потребности выражаются и осуществляются через такие институты и организации гражданского общества, как семья, церковь, система образования, научные, профессиональные и иные объединения и ассоциации. Поэтому гражданское общество — совокупность социальных образований (групп, коллективов), объединенных специфическими интересами (экономическими, этническими, культурными и т. д.), реализуемыми вне сферы деятельности государства.

Термин «гражданское общество», по мнению В. П. Пугачева [78, 255], употребляется как в широком, так и в узком значениях. В *широком смысле* гражданское общество включает всю непосредственно не охватываемую государством и его структурами часть общества, т. е. все то, до чего «не доходят руки» государства. Оно возникает и изменяется в ходе естественно-исторического развития как автономная, непосредственно не зависящая от государства сфера. Гражданское общество в широком значении совместимо не только с демократией, но и с авторитаризмом, и лишь тоталитаризм означает его полное, но чаще частичное поглощение политической властью.

Гражданское общество в *узком, собственном значении* неразрывно связано с правовым государством, они не существуют друг без друга. Гражданское общество представляет собой многообразие не опосредованных государством взаимоотношений свободных и равноправных индивидов в условиях рынка и демократической правовой государственности. Это сфера свободной игры частных интересов и индивидуализма. Гражданское общество — продукт буржуазной эпохи и формируется преимущественно снизу, спонтанно, как результат раскрепощения индивидов, превращения их из подданных государства в свободных граждан-собственников, обладающих чувством личного достоинства и готовых взять на себя хозяйственную и политическую ответственность.

А. П. Бутенко, А. В. Миронов считают [10, 69], что гражданское общество — это *собирательное понятие*, охватывающее всю внегосударственную сферу бытия граждан и их объединений, т. е. всю сферу личной и семейной (частной) жизни каждого человека, не подверженную регламентации и контролю власть имущих, государства.

Д. Кола определяет [45, 153] гражданское общество как наивысшую *форму общности*, включающую в качестве составных частей «ассоциации» (семья, корпо-

рация), которые не могут сравниться с ним по своему значению, поскольку общность представляет собой сообщество, основанное на принципе справедливости — в нем человек может найти для себя наивысшее благо.

В политологической литературе, несмотря на неоднозначное понимание гражданского общества, существует точка зрения, которая устраивает многих. Гражданское общество — это неполитические отношения в обществе, проявляющиеся через ассоциации и организации граждан, законодательно огражденные от прямого вмешательства государства.

7.2.2.2. Исторические формы и теории гражданского общества

7.2.2.2.1. История гражданского общества

Исторические концепции и практические модели гражданского общества возникли на основе идей и опыта, укорененных в трех различных традициях.

1. Европейско-средиземноморская традиция с первым опытом гражданского общества в итальянских городах-республиках эпохи Возрождения. Следуя этой традиции, Н. Макиавелли [55] сформулировал три важнейших ценности гражданского общества:
  - мир и безопасность граждан;
  - наслаждение своим имуществом и богатством;
  - право каждого иметь и отстаивать свои убеждения.
2. Континентально-европейская традиция формировалась под влиянием немецкого культурного сообщества. Появлению свободного гражданина во многом способствовала гильдия как одна из первых форм объединения ремесленников, торговцев, первая форма ассоциаций, защищавших своих членов и оказывавших влияние на процесс управления городами.
3. Либеральная англо-американская традиция связана с именами:
  - Дж. Локка [53], отстаивавшего собственность на основе естественного права и свободу;
  - А. Смита [84], подчеркивавшего роль модернизации и саморегуляции как необходимых компонентов гражданского общества;
  - Т. Пейна [73], автора концепции минимального государства, подразумевающей самостоятельное гражданское общество и весьма ограниченную роль государства как необходимого зла;
  - А. де Токвиля [89], исследовавшего демократию в Америке;
  - Дж. С. Милля [64], определившего модель отношения государства и гражданского общества, не зависящего от него.

В своем подлинном виде гражданское общество, как и правовое государство, появляется в период развития капиталистического способа производства. Его возникновение обусловлено прежде всего появлением гражданина как самостоятельного, сознающего себя таковым, индивидуального члена общества, наделенного определенным комплексом прав и свобод и в то же время несущего перед обществом моральную или иную ответственность за все свои действия. Становление гражданского общества в большой степени было связано с возникновением са-

мостоятельных ассоциаций людей (религиозных и политических, корпораций, купеческих гильдий, позже — кооперативов, профсоюзов, партий и т. д.), призванных защищать их групповые и индивидуальные интересы, права и свободы. Идея гражданского общества, отстаивающего свои права во взаимоотношениях с государством, нашла достаточно полное отражение в программном документе Французской революции 1789 г. «Декларации прав человека и гражданина».

7.2.2.2.2. Научное развитие термина

Понятие «гражданское общество» восходит к идее полиса Аристотеля [4], гражданского общества Цицерона [94] и идеям естественного права. Исследователи политических теорий Древней Греции единодушны в признании того, что у древнегреческих мыслителей политическое охватывало все важнейшие сферы жизни общества: семью, религию, образование, художественную культуру и т. д. Быть членом политического общества означало быть гражданином — членом государства и тем самым обязанным жить и действовать в соответствии с его законами и, не нанося вреда другим гражданам.

Со времени первого употребления термина «гражданское общество» (в XVI в. в комментарии к «Политике» Аристотеля) он постоянно присутствует во французской науке. Термин «гражданское общество» был впервые употреблен в Англии в 1594 г., а свое специфическое значение он приобрел в Шотландии в XVII в. и в Германии в XIX в.

Понятие «гражданское общество» появилось в XVII в., сначала в трудах Т. Гоббса [22] и Дж. Локка [53]. Затем оно получило свое развитие в XVIII в. в работах Ж.-Ж. Руссо [80], Ш.-Л. Монтескье [67], Д. Вико [15] и других ученых.

Эти мыслители отождествляли с гражданским обществом не всякое государство, а лишь такое, которое, вследствие того что оно основано на общественном договоре, выражает интересы граждан. Вместе с тем они отмечали, что в действительности дело обстоит далеко не так, что реальное государство чаще всего подавляет гражданское общество. Итак, понятие «гражданское общество», уже тогда включало в себя такие важные элементы, как договор, учет и реализация интересов граждан.

Разработанная А. Смитом [84] «система естественной свободы» доказывала необходимость ликвидации вмешательства государства в частнособственническое предпринимательство, предоставления полной свободы для развития частной инициативы, «неестественности» любого контроля государством индивидуальной экономической свободы граждан, что создавало необходимые условия для неограниченного развития товарно-денежных рыночных отношений. Тем самым под классическую модель нарождавшегося гражданского общества подводился прочный экономический фундамент (частная собственность, рыночная экономика, экономическая независимость людей).

Более подробное изложение взглядов на гражданское общество встречается у Г. Гегеля. Указывая на историческую обусловленность возникновения гражданского общества, которое, как он отмечал, создано «лишь в современном мире», Г. Гегель писал об особой важности «принципа субъективной (т. е. личной) свободы», который сочетается с «системой всесторонней зависимости членов общества друг от друга» [21, 228].

В качестве основополагающих принципов, следуя которым функционирует общество, Г. Гегель назвал личную свободу, частную собственность, «публичность», «всеобщую осведомленность», свободно формирующееся общественное мнение, справедливые и строго соблюдаемые законы [21]. Государство и гражданское общество, по Гегелю, — это не столько теснейшим образом связанные между собой части единого целого, сколько две стороны одной медали, причем лицевой стороной для этого целого является скорее государство.

Необходимо подчеркнуть, что в целом формирование различных вариантов концепции гражданского общества у разных мыслителей было неразрывно связано с формированием идеи индивидуальной свободы, самоценности каждой отдельно взятой личности. На первое место они ставили свободу и естественные способности отдельного индивида как самостоятельной независимой единицы социального действия.

Особый подход к проблеме гражданского общества прослеживается в марксизме. По мысли К. Маркса, социальные структуры гражданского общества представляют собой формы, в которых возникло буржуазное общество. Причем само гражданское общество имеет преходящий характер, поскольку оно порождает пролетариат — могильщика буржуазного общества, породившего гражданское общество [60]. Уделяя главное внимание проблеме влияния экономики на политику, К. Маркс упростил крайне сложную структуру гегелевской модели гражданского общества. Для него гражданское общество составляет форму, в условиях которой осуществляется экономическое развитие.

У основоположников марксизма речь шла о построении коммунистического общества без государства. Они были убеждены в том, что в таком обществе исчезнет поработавшее человека подчинение его разделению труда. Поэтому, с их точки зрения, применительно к будущему отношения между государством и гражданским обществом теряли смысл. Где нет государства, там нет правовых отношений и правовых институтов, нет там, соответственно, и прав. В царстве свободы вы не вправе поднимать вопросы о свободах.

Считалось, что в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, именно общество регулирует все производство. И только оно создает для индивида возможность делать сегодня одно, а завтра другое. Или выражаясь фигурально, утром охотиться, с обеда ловить рыбу, вечером пасти скот, после ужина предаваться критике — что душе угодно, не делая в силу этого человека только охотником, рыбаком, пастухом или критиком.

7.2.2.3. Сущность современного гражданского общества

В современной научной литературе существует довольно широкий диапазон мнений о природе гражданского общества. Дискуссионным остается вопрос о происхождении, исторических судьбах, сущностных чертах гражданского общества, его взаимоотношениях с государством. Часть исследователей считает, что сама идея гражданского общества как независимого от государства образования верна лишь на ранней стадии развития либерального капитализма. В подтверждение этого тезиса приводится довод, что в современных условиях границы между гражданским обществом и государством практически стерлись, что государство, по су-

ти дела, вмешивается в решение всех фундаментальных экономических и социальных проблем.

Существует также мнение, которое отождествляет гражданское общество с человеческим обществом вообще. Несомненно, что общество возникло уже в глубокой древности и развивалось вместе с государством. Но это не дает основания смешивать категорию «общество» как человеческую общность вообще с категорией «гражданское общество», возникшем на определенном этапе развития человеческого общества, прежде всего западной цивилизации. Говорить о гражданском обществе можно лишь с момента появления гражданина как самостоятельного сознающего себя таковым, индивидуального члена общества, наделенного определенным комплексом прав и свобод, социально ответственного за свои действия.

В чем же сущность гражданского общества? При всех различиях, существующих в трактовке этого понятия, есть общее главное действующее лицо гражданского общества — человек как личность, а не как безликий народ. Человек как личность — это индивид, имеющий определенную обусловленную систему потребностей, интересов, ценностей. Наличие возможностей реализации этой системы и превращает человека в главного участника общественного развития, в члена гражданского общества.

Гражданское общество — это социальное пространство, в котором люди связаны и взаимодействуют между собой в качестве независимых друг от друга и от государства индивидов. Это система обеспечения жизнедеятельности социальной, социокультурной и духовной сфер, их воспроизводства и передачи от поколения к поколению, система независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, будь то индивидуальных или коллективных.

В качестве основополагающего условия существования как гражданского общества, так и правового государства выступает личность, ее право на самореализацию. Оно утверждается на признании права индивидуальной, личной свободы. В рассматриваемом контексте гражданское общество обеспечивает права человека, в то время как государство — права гражданина. В обоих случаях речь идет о правах личности: в первом — о ее правах как отдельного человека на жизнь, свободу и т. д.; а во втором — о ее политических правах. Поэтому естественно, что гражданское общество предполагает разграничение между правами человека и правами гражданина. Большинство людей в странах Запада, занятых насущными проблемами жизнеобеспечения и жизнедеятельности, уделяют мало внимания политической сфере, рассматривая ее как далекую от конкретных реалий жизни. Семейная жизнь, дружеские связи, повседневная экономическая деятельность, учеба испытывает на себе лишь косвенное влияние со стороны самых драматических политических изменений. Люди ведут частную жизнь в самых разных политических условиях. Разумеется, политика затрагивает их, но в значительной мере их борьба за личную идентичность не связана с политикой в стратегически важные моменты их жизни.

Опыт мирового развития позволяет говорить о «количественных» и «качественных аспектах» отношений между гражданским обществом и государством. К первому можно отнести степень «погружения» государства в общество. Второй ас-

пект связан с самим механизмом взаимодействия, являющимся ядром всей системы политического управления обществом. Говоря о «качественной» стороне, следует отметить, что анализ ситуации в странах Запада, где механизм взаимодействия гражданского общества и государства развился в целостную структуру, позволяет вычленить два его основных элемента. Первый — это система взаимодействия, осуществляемая на территориальной основе, через партии, выборы, представительные органы власти. Основным связующим звеном здесь являются партии; причем одна их часть действует в рамках гражданского общества (так называемые классовые партии), а другая — в рамках государства (парламентские фракции).

В качестве второго элемента в странах Запада выступают специфические институты представительства интересов населения — многочисленные конституционные комитеты и комиссии, в работе которых обычно участвуют представители групп и объединений по интересам. Число таких институтов только при органах центральных правительств насчитывается сотнями, и они выполняют крайне важную функцию выработки рекомендаций и предварительной проработки ответственных государственных решений.

Указанная система, именуемая чаще всего функциональным представительством, превратилась в результате длительного исторического развития не только в один из каналов связи между государством и обществом, но и в необходимое звено управления.

Однако само состояние гражданского общества в странах Запада не дает никаких оснований для утверждений, будто найдена идеальная модель общественного развития и западное общество застраховано от социальных кризисов. Так, в начале 30-х гг. XX в. выявилась необходимость более глубокого подключения государства к регулированию экономических и социальных процессов. Вместе с тем сложившаяся там систему отношений гражданского общества и правового государства можно рассматривать как носящую преимущественно общецивилизационный характер.

Современные авторы признают существенное изменение функций государства. В частности, К. С. Гаджиев, подчеркивает, что на определенном этапе в «индустриальных странах в результате неуклонного расширения государственных социальных программ утвердилось «государство благосостояния» — по сути дела взявшее на себя функции, ранее принадлежащие гражданскому обществу. Социальные программы стали неотъемлемой частью правового государства» [18, 32].

7.2.2.4. Характеристика гражданского общества

Авторский коллектив под руководством профессора В. И. Власова в целом гражданское общество отождествляет со сферой частных интересов и потребностей частных индивидов [76, 140]. В его условиях на смену рабской, кастовой и сословной системам приходит классовая структура общества, имеющая следующие существенные особенности:

во-первых, классовая система более подвижна, чем ее предшественницы, и основой классового деления является труд;

во-вторых, принадлежность человека к тому или иному классу достигается зачастую им самим (в результате его деятельности), а не дается от рождения, как в других системах;

в-третьих, экономический признак (доход) является основой для отнесения индивида к тому или иному классу;

в-четвертых, в других типах социальной структуры неравенство выражает в основном личную зависимость одного индивида от другого, например зависимость крестьянина от помещика, раба — от патриция или низшей касты от высшей. Классовая же структура общества, наоборот, характеризуется личной независимостью индивидов друг от друга.

К названным особенностям следует сделать дополнение. Гражданскому обществу свойственны:

- четкая расчлененность, разветвление общественных связей и интересов;
- динамичная структурализация социальной жизни с выходом на ясное осознание социально-политических интересов и устремлений различных социальных групп и классов.

В этом виде гражданское общество есть форма общения «классов для себя».

«Класс для себя» — это общность, осознанная, готовая отстаивать свои, отдельные от других классов интересы. Причем состояние социальной группы «для себя» означает актуализацию жизни «индивидов для себя», выливающуюся в закрепление свободы быть особенным и независимым от жестких (или мягких) социальных сцеплений. В гражданском обществе общение «классов для себя» оборачивается общением «индивидов для себя». Вне такого общения гражданское общество не может быть развито. В нем действует двойной вектор от социальных и экономических структур к свободным, отдельным, самостоятельным индивидам; от атомизированных индивидов — к политически оформленным демократическим структурам.

Наконец, гражданское общество — это открытое общество. Его члены «не замечают» государство, обладают социальной мобильностью, имеют высокий уровень сопряженности интересов. Кроме того, общество само регулирует политические институты и передает государству столько полномочий, сколько считает необходимым. Причем современная стадия развития гражданского общества связана с расширением интереса общества к проблемам общего блага, справедливости, гражданских прав.

Отсюда устойчивое понимание того, что барьеры между гражданским обществом и государством должны быть устранены. Существовавшее противостояние общества и государства уходит в прошлое. Государство осознает свою ответственность перед гражданским обществом и становится его слугой, обеспечивая соблюдение правовых норм, эффективность управления, необходимые социальные нужды.

Таким образом, гражданское общество диалектически взаимосвязано с государством. Причем они не могут существовать друг без друга. Более того, хотя гражданское общество — это самоорганизующаяся система, его развитие идет более успешно, если существует сильная государственная власть, основанная на демократии, верховенстве права и других принципах, лежащих в основе правового государства. То есть современное гражданское общество тесно связано с правовым государством.

7.2.2.5. Функции гражданского общества

В современных условиях, существенно отличающихся от эпохи свободной конкуренции и раннелиберального государства, не вмешивающегося в экономику и социальные отношения, провести четкую грань между гражданским обществом и государством достаточно сложно. Однако, невзирая на это, разделение социальной системы на гражданское общество и государство не утратило актуальности и нужно прежде всего для своевременного обнаружения и предотвращения этатистских и тоталитарных тенденций, обеспечения суверенитета народа по отношению к власти, свободы личности. Для посткоммунистических стран формирование гражданского общества — необходимое условие их перехода к рынку и правовой государственности.

Исследователи выделяют следующие функции, присущие гражданскому обществу:

- продуцирование норм и ценностей, которые государство впоследствии закрепляет своей санкцией;
- образование среды, в которой формируется развитый социальный индивид;
- обеспечение свободного развития личности на экономической основе различных форм собственности, многоукладной рыночной экономики;
- обязательное регулирование взаимоотношений частных лиц, групп и всех других составляющих элементов гражданского общества посредством гражданского права, что позволяет преодолевать возможные конфликты и выработать общую политику в интересах всего общества;
- всеобъемлющая защита интересов каждого человека, его естественного права на жизнь, свободу, создание разветвленной системы механизмов такой защиты и ее четкое функционирование;
- осуществление широкого самоуправления во всех сферах и на всех уровнях общественной жизни.

Используя другой терминологический аппарат, можно сказать, что основными функциями гражданского общества являются:

- социально-компенсаторная (воспроизводства);
- компенсаторно-регенерирующая (воспитания);
- солидарная;
- коммуникативная;
- непосредственного жизнеобеспечения;
- социализации;
- гражданского правопорядка;
- социальной защиты и гарантии против произвола властей.

Эти функции выполняются структурными элементами гражданского общества — самостоятельными и добровольными гражданскими объединениями. Именно в них «вызревает» гражданская активная личность.

7.2.2.6. Структура гражданского общества

Гражданское общество, по мнению В. П. Пугачева [78, 256], имеет сложную структуру. Оно включает хозяйственные, экономические, семейно-родственные,

этнические, религиозные и правовые отношения, мораль, а также не опосредованные государством политические отношения между индивидами как первичными субъектами власти, партиями, группами интересов и т. д. В гражданском обществе в отличие от государственных структур преобладают не вертикальные, а горизонтальные связи — отношения конкуренции и солидарности между юридически свободными и равноправными партнерами.

Эти связи весьма разнообразны и образуют как бы несколько слоев:

- 1) отношения, связанные с обеспечением жизнедеятельности общества, составляют фундамент;
- 2) социокультурные отношения, включающие семейно-родственные, этнические, религиозные и прочие устойчивые связи;
- 3) верхний слой образуют отношения, связанные с индивидуальным выбором, с политическими и культурными предпочтениями, ценностными ориентациями. Здесь мы находим всякого рода группы интересов, политические движения, клубы, партии и т. д.

В экономической сфере структурными элементами гражданского общества являются негосударственные предприятия (акционерные общества, товарищества, арендные коллективы, корпорации) и другие добровольные объединения граждан, создаваемые ими по собственной инициативе. Экономическую основу гражданского общества составляет суверенитет индивидуальных собственников и многообразие форм собственности.

Социально-политическая сфера гражданского общества включает в себя семьи, общественные, политические организации и движения; органы общественного самоуправления по месту жительства или в трудовых коллективах; негосударственные органы массовой информации.

Духовная сфера гражданского общества предполагает свободу слова, самостоятельность и независимость творческих, научных и других объединений от государственных структур.

Вместе с тем гражданское общество — это не только определенный комплекс институтов, но и система отношений. Поэтому гражданское общество невозможно представить без национальных, религиозных традиций, обычаев, мифов, символов, стереотипов поведения, морально-этических норм, ценностей.

7.2.2.7. Направления формирования гражданского общества в России

По содержанию правовое государство противоположно тоталитарному государству, которое подвергается реформированию в России. При советской власти происходила концентрация и даже узурпация власти партийным руководством. Тогда все политические организации подчинялись «вышестоящему» руководству, информация дозировалась и цензурировалась государством. Реальная политика государства отличалась от официальной идеологии, но попытки обсуждения этого противоречия пресекались террористическими методами. Население подвергалось государством эксплуатации. Поэтому для превращения тоталитарного государства в правовое требуется ряд переходных форм.

Современное российское общество является квазигражданским, его структуры и институты, обладая многими формальными признаками образований гражданского общества, выполняют противоположные функции. В преодолении этого состояния, обусловленного последствиями модернизации и процессами деэтизации, деидеологизации, приватизации, и должно проводиться построение постсоциалистического общества на современном этапе развития.

Особенность сложившейся ситуации состоит в том, что гражданское общество, вышедшее из недр административно-бюрократической системы, находится в зачаточном, аморфном состоянии. В силу этого, несмотря на демонтаж тоталитарных институтов, доминирование политической системы над гражданским обществом продолжается.

При этом надо отметить, что для этой ситуации актуален разрыв между формой и содержанием правового государства. К форме правового государства можно отнести наличие демократического права, субъективных усилий агентов власти и нарождающихся носителей гражданских отношений. Содержанием правового государства выступает развитое рыночное пространство, гражданский процесс и осуществление управления посредством правовых механизмов.

Очевидно, что в содержательном плане Россия к правовому государству подойдет не скоро. Поэтому в начальной стадии реформирования политической системы можно говорить только о правовой форме. Во-первых, необходимо создать такое правовое пространство, которое позволило бы при сохранении демократической формы политики развивать рыночное содержание. Вопрос этот для нас будет долго открытым, а к правотворчеству будут предъявляться все более строгие требования. Нынешняя Конституция в основном декларирует права и обязанности субъектов правового пространства, являясь пока, по сути дела, законом о выборах и формах осуществления высшей власти.

Во-вторых, существует потребность в правовой ориентации политической элиты. До тех пор пока не заработают правовые институты, необходимы сверхусилия высших субъектов власти, направленные на сохранение начал правовой организации. В настоящее время функции гаранта конституционного права взял на себя Президент Российской Федерации. В то же время он является руководителем исполнительной власти, которая испытывает серьезные трудности в управлении страной. Проблемы исполнительной власти создают предпосылки для абсолютизации власти, сохранения моментов тоталитарной политики.

В-третьих, без гражданского общества нельзя создать систему правовых отношений. Гражданский контроль, гражданская экспертиза, гражданское участие являются необходимыми формами движения к правовому государству. Для развития гражданских отношений требуется наличие свобод, осуществление прав человека, развитие рыночной инфраструктуры.

В целом можно говорить о том, что в России за 20 прошедших лет появились формальные предпосылки для движения к правовому государству. К этим предпосылкам относятся элементы демократического политического пространства, идеология части правящей элиты, ее субъективные усилия по демократизации политической науки, гласность, свобода слова, совести, печати, собраний и т. д. Можно говорить о возникновении содержательных предпосылок правового государства в виде института частной собственности и элементов рыночных отноше-

ний. В то же время содержательные основания недостаточны для упрочения правовых отношений.

Какие шаги можно предпринять для развития правовых отношений? Во-первых, демократия требует более высокого уровня осознания всего процесса реформирования. Во-вторых, движение к правовому государству не может не носить комплексного характера. Исследователи выделяют следующие направления формирования гражданского общества в России:

- создание экономического фундамента на основе многообразия форм собственности и социально-ориентированной рыночной экономики;
- формирование нового типа государственности, базирующегося на приоритете права, способного к социальному партнерству, в условиях реально сложившейся дифференциации интересов различных групп и общностей;
- создание реального плюрализма в обществе посредством рождения новых форм массовой политической деятельности, а также появления самоуправляемых структур, ассоциаций, неформальных гражданских движений;
- преодоление традиционной конфронтационной гражданской и политической культуры, т. е. стабилизация общества на основе гражданского мира с приданием ему конституционных гарантий.

Эти процессы, как показывает мировая практика, должны быть синхронными и одинаковыми по темпам с формированием правового государства. Правовое государство призвано обеспечить условия для функционирования гражданского общества, основных его институтов и ценностей.

Кроме того, по своей сущности гражданское общество имеет этнорегиональный характер, и, пожалуй, нигде это не ощущается столь отчетливо, как в евразийской полиэтнической России. Разрыв в степени зрелости и по уровню развития гражданских отношений в различных регионах слишком велик (достаточно сравнить, к примеру, жизнь в мегаполисах типа Москвы и существование в глубинке Приморского края). Указанное обстоятельство затрудняет развитие гражданского процесса на политическом пространстве современной России, которая, очевидно, пока проходит процесс *создания условий, или основ*, становления гражданского общества.

7.2.3. Социальное государство

7.2.3.1. Причина и история создания социального государства

Истоки социального государства восходят к социальной политике, зародившейся в далеком прошлом. Еще в древности многие правители, например римские цезари, заботились о наиболее бедных гражданах, о предоставлении плебсу «хлеба и зрелищ». Однако основное бремя обеспечения слабых и обездоленных лежало в то время на семьях, общинах и церкви.

Индустриализация, урбанизация и индивидуализация общества, бесконтрольное развитие капитализма разрушили традиционные формы социального обеспечения, обострили социальные противоречия и классовую борьбу. Несмотря на провозглашение гуманистических ценностей, реальная социальная и политичес-

кая динамика выявила ряд исторических ограничений, существенных противоречий и даже определенную нереализуемость тех норм и принципов, которые были заложены в основание правового государства.

Утверждение принципов индивидуальной свободы, создание условий для равной конкуренции, а также формирование правовых условий, поддерживающих взаимную ответственность государства и общества, выведя общество на новый уровень его социального и политического развития, тем не менее не привело к всеобщему счастью и благополучию граждан. Провозглашенные в правовых государствах индивидуальная свобода, равноправие и невмешательство государства в дела гражданского общества не препятствовали монополизации экономики и ее периодическим кризисам, жестокой эксплуатации, обострению социального неравенства и классовой борьбы.

Недостатки либеральной модели государства и реальной практики правовой государственности обусловили поиск более совершенной формы важнейшего социального института. Основные претензии, предъявляемые к правовому государству, сводились к отсутствию реальной защиты социальных слоев и индивидов, не достигших материального и служебно-карьерного благополучия.

Термин «социальное государство» был введен в научный оборот в XIX в. немецким мыслителем Л. фон Штайном. Поиск совершенной формы потребовал резкого расширения объектов социальной политики и превращения ее в одно из ведущих направлений государства. Свое высшее теоретическое осмысление концепция социального государства в XIX — начале XX вв. получила в работах К. Маркса [57, 58, 59, 60, 61, 62] и В. И. Ленина [50, 51, 52].

Первой попыткой создания социального государства стало советское государство в форме СССР. Несмотря на тоталитарный характер и массовые репрессии, советский режим сумел отразить натиск гитлеровской Германии, тоже фактически провозгласившей лозунг построения социального государства за счет порабощения других народов. С середины 1950-х гг. в СССР происходил непрерывный рост жизненного уровня, значительные успехи демонстрировали экономики восточно-европейских стран, избравших некапиталистический путь развития. Все это способствовало росту популярности идей коммунизма особенно среди развивающихся стран.

Это обеспокоило лидеров и правящую элиту западных демократий. В качестве альтернативы социалистического социального государства была выдвинута концепция правового социального государства, или государства всеобщего благоденствия.

7.2.3.2. Определение и сущность правового социального государства

Любое государство социально, поэтому термин «социальное государство» призван подчеркнуть способность такого государства осуществлять гуманную социальную политику: заботиться о трудовом устройстве населения, правах человека, создавать систему здравоохранения, социального обеспечения, поддерживать малоимущие слои населения, бороться с преступностью и конфликтами и т. д.

Правовое социальное государство, по определению исследовательского коллектива под руководством профессора В. И. Власова [76], — это государство, стремящееся к обеспечению достойных условий существования, социальной защи-

ценности, соучастия в управлении производством, а в идеале примерно одинаковых жизненных шансов, возможностей для самореализации личности в обществе каждому гражданину. Деятельность такого государства направлена на всеобщее благо, на утверждение в обществе социальной справедливости. Оно сглаживает имущественное и иное социальное неравенство, помогает слабым и обездоленным, заботится о предоставлении каждому работы или иного источника существования, о сохранении мира в обществе, формировании благоприятной для человека жизненной среды.

Социальное государство — государство, характеризующееся развитой системой социального обеспечения, которая гарантирует минимальный уровень жизни и снижение социального риска для наемных работников.

Так называется государство, которое берет на себя обязанность заботиться о социальной справедливости, благополучии своих граждан, их социальной защищенности. Это государство не стремится к уравниловке за счет отказа от свободы, как это делало социалистическое государство. Напротив, оно увязывает свободу и социальную защиту социально слабых слоев (безработных, нетрудоспособных, инвалидов и др.), поскольку между этими целями существует определенное противоречие. Социальное государство как бы исправляет формализм понятий «свобода» и «равенство», помогая людям непредприимчивым и бедным.

Широкое распространение этот термин получил лишь после того, как в 1949 г. в Конституцию ФРГ было включено выражение «sozialer Rechtsstaat», которое дословно переводится как «социальное правовое государство». Концепция социального государства окончательно сформировалась во второй половине XX века. В результате этого примерно в 60-х гг. XX в. и возникли правовые социальные государства.

В исследовательских работах и в политической риторике они именуются «социальными государствами». При этом прилагательное «социальное» в понятии «социальное государство» служит для определения новой сущности государства на постиндустриальной стадии развития производства для характеристики содержания его политики в сфере распределения материальных благ. Словом «социальное» подчеркивается обстоятельство, при котором государство призвано осуществлять политику, направленную на обеспечение определенного уровня благосостояния всех своих граждан, поддержку социально слабых групп населения, на утверждение в обществе социальной справедливости. Необходимой материальной предпосылкой создания правовых социальных государств стал высокий уровень экономического развития ведущих стран Запада, позволяющий обеспечивать прожиточный минимум каждому нуждающемуся. Для обозначения аналогичного явления в англоязычном мире используется термин «государство благосостояния» («welfare state»), который возник в Великобритании во время второй мировой войны в противовес гитлеровскому «государству войны» («warfare state»).

7.2.3.3. Процесс создания социального государства

Социальное государство демократического типа появилось не вдруг. Развитие современного социального государства началось порядка 100 лет тому назад, когда многими европейскими государствами были созданы системы страхования против риска потери дохода.

Социальное государство как таковое подразумевает право всех людей на базовый уровень благосостояния. Если в полицейском государстве те, кто получал социальные пособия в соответствии с законами о бедных, лишались права голоса, то в социальном государстве гарантированный минимальный доход есть преимущество гражданства.

Как и всеобщее избирательное право, социальное государство устанавливалось в разное время в разных странах и с различной скоростью. Эта постепенная трансформация является классическим примером того, как серия небольших инкрементальных изменений ведет к изменениям фундаментальным. Как показывает более глубокий исторический анализ, сроки, скорость и приоритетность введения тех или иных социальных пособий достаточно различаются, что предопределяется не только экономическими, но и социально-политическими факторами, такими как политические идеалы правящей верхушки, доминирующие настроения в обществе, осознание остроты социальных проблем, болезненность социально-классовых противоречий и тому подобное.

Однако, несмотря на все различия, исторический опыт свидетельствует о том, что переход от полицейского государства к социальному, видимо, является одной из закономерностей развития человеческого общества. Следует при этом отметить, что единой теории, объясняющей закономерность возникновения социального государства нет. В соответствии с наиболее распространенными точками зрения социальное государство в самом общем виде рассматривается как ответ на:

- *индустриализацию* (переход к индустриальному обществу резко снизил роль традиционных институтов, оказывавших социальную помощь, таких как профессиональные гильдии и расширенные семьи. Социальное государство заполнило образовавшуюся брешь);
- *бюрократизацию* (развитие национальной государственной службы, эффективной и дорогостоящей, стало ключевым средством, которое сделало возможным всеобъемлющее социальное обеспечение);
- *демократизацию* (люди боятся риска и стремятся коллективизировать его там, где это возможно. Таким образом, коллективное финансирование и расходование средств на социальное обеспечение является следствием введения всеобщего избирательного права);
- *урбанизацию* (городская жизнь более дорогая, чем сельская. Принципиально увеличивается период обучения молодежи, следовательно, возрастают расходы семьи на социализацию детей);
- *повышение образовательного уровня* (эрудированное, информированное и организованное общество предъявляет власти аргументированные претензии и требует ответа на них. Высокая доля высококвалифицированных специалистов требует соответствующих условий жизни);
- *повышение материальных возможностей современных западных демократий* (сокращение лиц, занятых в производственном секторе, повышение общей товарности современной экономики позволяют правительствам развитых стран выделять значительные средства для обеспечения социальной стабильности).

Вне зависимости от конкретных причин очевиден тот факт, что сегодня практически все индустриально развитые демократические государства являются, хотя

и в разной степени, государствами «социальными». Видимо, можно сделать вывод о том, что переход от полицейского государства к социальному является одной из закономерностей развития человеческого общества. При этом необходимо подчеркнуть, что речь идет прежде всего о государстве, которое обеспечивает членов общества всей полнотой гражданских прав.

7.2.3.4. Принципы и функции социального государства

Создатель идеологии демократического социального государства Дж. Кейнс [40] предложил гибкую систему воздействия государства на различные стороны жизни, организованной по законам рынка и конкуренции. Государство в случае необходимости должно контролировать финансовую стабильность, финансировать фундаментальные научные разработки, смягчать последствия кризисных явлений посредством реализации государственных социальных программ. Принципами социального государства провозглашаются:

- индивидуальная свобода;
- солидаризм;
- справедливость, понимаемая как равенство всех перед законом;
- демократия;
- социальная защита и социальный мир.

Основными целями социального государства являются:

- помощь нуждающимся;
- обеспечение минимизации социального неравенства;
- защита от социальных рисков;
- содействие росту благосостояния людей.

Для их достижения государство использует совокупность методов:

- правовое вмешательство, гарантирующее реальное равноправие;
- экономическое вмешательство с целью увеличения доходов и улучшения качества жизни;
- образовательное вмешательство, ориентированное на развитие образования и информированности населения.

Существование социального государства связывается с наличием демократии, становлением постиндустриального общества.

Деятельность современного социального государства многогранна. Это

- перераспределение национального дохода в пользу менее обеспеченных слоев населения;
- политика занятости и охраны прав работника на предприятии;
- социальное страхование;
- поддержка семьи и материнства;
- забота о безработных, престарелых, молодежи;
- развитие доступного для всех образования, здравоохранения, культуры и т. д.

Когда после второй мировой войны в конституциях ряда западноевропейских стран появилась формула «социальное государство» (ФРГ, Франция, Италия и др.), многие исследователи считали, что обязанности такого государства сводятся

только к провозглашению социально-экономических прав граждан (право на труд, на отдых, социальное обеспечение и др.) или к раздаче пенсий и различных пособий. Но со временем утвердилось понимание того, что социальное государство это нечто большее.

Выяснилось, что помимо собственно социальной политики социальную ориентацию должна приобрести вся экономическая политика правительства и при этом не перечеркивать конкуренцию и экономическую свободу, поощрять индивидуальную инициативу, сохранять и даже усиливать стимул к росту личного благосостояния. Это государство должно бороться не против богатства, а против нищеты, оно отрицает чрезмерный этатизм в распределении благ, поощряя социальную функцию частной собственности.

Цели социального государства достигаются не только методами социальной политики — в этом случае в связи со сменой правительств многие аспекты этой политики исчезали бы или серьезно менялись. Такое действительно имеет место, но главное состоит не в социальной политике, а в создании необратимой законодательной и административной структуры социальной деятельности государства, в результате чего социальное государство остается таким при всех правительствах. Это, следовательно, структурная реформа всей экономической и политической системы, основанная на консенсусе всех политических сил (либералов, консерваторов, социал-демократов и др.).

Такая концепция социального государства на практике существенно ослабила социальную напряженность между трудом и капиталом, снизила деструктивную активность левого радикализма. Постепенно пошла на спад (без особых запретов) забастовочная борьба, профсоюзы научились добиваться своих целей методами социального партнерства. И хотя нужда и даже нищета значительных групп населения окончательно не исчезли, в целом благосостояние низшего и среднего классов в индустриально развитых демократических государствах неуклонно возрастает.

7.2.3.5. Типология социальных государств

Попытки создать типологию различных моделей социального государства на основе эмпирического изучения существующего многообразия его форм имеют длительную традицию в сравнительных исследованиях. Однако обычно различали не государства благосостояния и социальные государства, а страны Бисмарка и Бивериджа, то есть так называемую институциональную и резидуальную модели государства благосостояния, противопоставляли универсальные и профессионально направленные системы, а также разграничивали принципы обеспечения, страхования и защиты.

Любая типология является, естественно, упрощающей схемой, которая не может полностью отразить все многообразие социально-государственных программ, различающихся по отдельным параметрам, таким как степень охвата населения, уровень предоставляемых услуг, способы финансирования или степень перераспределения средств.

Положив в основу классификации методы реализации государством своих социальных функций, целесообразно последовательно проводить различие между авторитарным социальным государством и демократическим социальным государством. В современной российской научной литературе в основном сложи-

лась практика отождествлять социальное государство с демократией, однако прямая связь между демократией и социальным характером государственности, хотя бы на начальной стадии развития, в определенной степени опровергается самой историей. Первыми по пути строительства социального государства пошли вовсе не самые развитые в демократическом отношении страны, как этого можно было бы ожидать, а Франция при Наполеоне III, Германия при Бисмарке, Австрия при фон Тааффе. Таким образом, начальные инициативы по созданию социального государства предшествовали демократии, более того, в значительной степени были мотивированы как раз желанием воспрепятствовать утверждению ее принципов в жизни общества. И, наоборот, наиболее развитые демократические государства США, Австралия, Швейцария, оказались наиболее слабо социально ориентированными. Поэтому вряд ли методологически и политически справедливо однозначно жестко связывать идею социального государства с идеей демократии.

Эмпирически в зависимости от организации системы социального страхования выделяются следующие основные формы социального государства:

- *универсальная и равноправная система учреждений* социального страхования с масштабными трансфертными выплатами и широко развитой сетью социальных услуг, которые финансируются из общих налоговых средств (шведская модель);
- *универсальная, равноправная система страхования*, которая финансируется из общих налоговых средств, но нацелена только на предоставление резко ограниченного набора услуг для непосредственного преодоления бедности (английская модель, первоначально сформулированная лордом Бивериджем);
- *обширная, но разделенная по категориям*, направленная на гарантирование статуса различных профессиональных групп система с преобладанием финансирования за счет взносов (немецкая и континентальная модель социального страхования);
- *ограниченная и регионально варьируемая* модель страхования определенных социальных категорий, которая финансируется за счет взносов и только как дополнение к ней функционирует частное попечительство (резидуальная модель — США, Швейцария).

Роль государства в регулировании социально-экономических процессов в жизни общества всегда находилась в центре идеологических дискуссий, особенно с того момента, когда господствующей стала демократическая форма государственности. Социологи, политологи, действующие политики и государственные служащие придерживались и придерживаются различных точек зрения по таким проблемам, как достоинства и недостатки рынка и государственного регулирования, распределение ресурсов внутри общества, роль семьи и так далее. И хотя на формирование социального государства оказывали огромное влияние экономические, социальные и политические факторы, большое значение имели и факторы идеологические, а именно: система ценностей и убеждений индивидов, групп и общества в целом, влияющая на их поведение.

Не случайно одна из наиболее распространенных типологий базируется именно на разграничении либерального, консервативного и социал-демократическо-

го социального государства. Каждая из этих моделей социального государства имеет свою собственную логику организации, социальной стратификации и интеграции. Каждая обязана своим происхождением различным историческим силам, и, соответственно, каждая развивается по своей, собственной качественно отличной от других траектории.

Следует особо отметить, что социальное государство — это не есть что-то раз и навсегда данное. Отмечая тяготение той или иной страны к определенной модели социального государства, необходимо помнить, что вполне возможна и ее существенная трансформация, вызванная изменением социально-экономической ситуации, которая, в свою очередь, влияет на приход к власти по-иному идеологически ориентированных политических сил. Именно они-то и вносят существенные изменения не только в формы, но и в принципы функционирования социального государства.

В основе либеральной модели социального государства лежит индивидуальный принцип, который предполагает личную ответственность каждого члена общества за свою судьбу и судьбу своей семьи. В данном случае роль государственных структур в непосредственной реализации социальной политики минимизирована. Ее основными субъектами являются личность и различные негосударственные организации — социально-страховые фонды и ассоциации. Финансовую основу реализации социальных программ при данной модели составляют, в первую очередь, частные сбережения и частное страхование, а не средства государственного бюджета.

При либеральной модели социальной политики государство берет на себя ответственность лишь за сохранение минимальных доходов всех граждан и за благополучие наименее слабых и обездоленных слоев населения. Но с другой стороны, оно максимально стимулирует создание и развитие в обществе различных форм негосударственного социального страхования и социальной поддержки, а также различных средств и способов получения и повышения гражданами своих доходов. При данной модели государство участвует в реализации социальной политики в большей степени опосредованно, через организационно-правовую институционализацию негосударственных финансовых потоков на социальные нужды (на образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение, пособия по безработице, социальную защиту и др.) и одновременно через развитие всей рыночной инфраструктуры получения доходов в обществе. Подобная модель социального государства присуща США, Англии, Ирландии.

В либеральной модели социального государства (функционирует в Австралии, Великобритании, Канаде, Швейцарии, США, Японии) степень защиты от стихийных рыночных сил слаба, гарантии занятости отсутствуют, однако существует социальная поддержка бедных, высок удельный вес частных ассигнований, направляемых на социальные нужды, но система социальной помощи не имеет адресной направленности.

Вторая модель социального государства — консервативная. В ее основе лежит корпоративный принцип, который предполагает максимум ответственности корпорации (предприятия, учреждения) за судьбу своих работников. Создавая систему пожизненного найма, предприятие стимулирует работников к внесению максимального трудового вклада, за что предлагает ему различные виды социальных

гарантий в виде пенсионного обеспечения, частичной оплаты медицинских, рекреационных услуг и образования. В данном случае и государство, и негосударственные организации, и личность также несут долю ответственности за социальное благополучие в обществе, но все же большую роль здесь играют предприятия, которые имеют собственную разветвленную социальную инфраструктуру, собственные социально-страховые фонды.

Финансовой основой данной модели социального государства являются в первую очередь страховые взносы корпораций. При корпоративной модели большую роль в осуществлении социальной политики играют организации-работодатели, для которых последняя, в свою очередь, является существенным элементом системы управления трудовыми ресурсами. Классическим представителем корпоративной модели социального государства является Япония.

Для консервативной модели (действует в Бельгии, Ирландии, Италии, Нидерландах, ФРГ) характерны:

- средняя степень защиты от стихийных рыночных сил;
- зависимость гарантий занятости от состояния экономики, действие социального права;
- средний удельный вес частных ассигнований, направляемых на социальные нужды;
- адресная направленность социальной помощи;
- средний удельный вес перераспределяемых ресурсов.

Социал-демократическая модель социального государства основывается на принципе солидарности. Он означает ответственность всего общества за судьбу своих членов. Это перераспределительная модель социальной политики, при которой богатый платит за бедного, здоровый за больного, молодой за старого. Основным общественным институтом, осуществляющим такое перераспределение, является государство. Именно оно в данном случае берет на себя большую часть ответственности за социальное благополучие своих граждан.

Финансовыми механизмами перераспределения служат государственный бюджет и государственные социально-страховые фонды, средства которых идут на обеспечение широкого спектра государственных социальных гарантий, выступающих для населения в большей части в бесплатной (безвозмездной) форме. В условиях рыночной экономики наличие развитой государственной системы социального обеспечения и социального обслуживания не исключает возможность существования негосударственных (частных и корпоративных) институтов социальной политики, однако большую роль в ее обеспечении все же играет государство.

Социал-демократический принцип осуществления социальной политики предполагает солидарность в нескольких планах.

Во-первых, это солидарность между различными социальными группами и слоями общества, между различными поколениями, между государством и гражданским обществом, которая осуществляется за счет системы перераспределения финансовых средств.

Во-вторых, это солидарность между тремя основными субъектами социальной политики — государством, корпорацией, личностью, которые каждый в своей определенной пропорции участвует в ее реализации, через систему бюджетных отчислений, страховых взносов работников, работодателей.

Социал-демократической модели (Дания, Норвегия, Швеция) присущи:

- высокая степень защиты от стихийных рыночных сил;
- гарантии занятости;
- действие социального права;
- низкий удельный вес частных ассигнований, направляемых на социальные нужды;
- отсутствие адресной направленности у системы социальной помощи;
- большой удельный вес перераспределяемых ресурсов.

Среди современных европейских государств можно выделить как минимум два типа стран с принципиально различным соотношением доли участия государства, работника и работодателя в финансировании социальных программ. С одной стороны, это страны социально ориентированной рыночной экономики, например Германия и Франция, где бюджетные отчисления и страховые взносы работника и работодателя на социальные мероприятия примерно равны, и основными каналами перераспределения являются государственные и частные (но находящиеся под контролем государства) социально-страховые фонды. С другой стороны, это страны так называемого рыночного социализма, как Швеция, Швейцария, Дания, где значительную часть расходов на социальные нужды берет на себя государство и основным каналом перераспределения является бюджет. Таким образом, можно заметить, что даже при солидарной модели социального государства непосредственная финансовая роль самого государства в осуществлении социальных программ и мероприятий может быть различной. Однако в любом случае при солидарной модели основную ответственность за социальное благополучие своих граждан несет государство, а не корпорация или сам человек, так как именно государство организует и реализует в обществе систему перераспределения (будь то бюджет или социально-страховые фонды) и осуществляет сам принцип социальной солидарности.

Конечно, обрисованные модели социального государства представляют собой идеальные типы и в чистом виде вряд ли где имеют место. В реальности в каждом конкретном государстве присутствуют элементы и либеральной, и корпоративной, и солидарной модели, но все же доминирует какая-то одна из них, по которой и осуществляется отнесение страны к конкретному типу социального государства.

Степень социальности государства не всегда зависит от непосредственных размеров финансового участия государства в реализации социальной политики. В значительно большей степени факторами, определяющими эту характеристику государства, являются:

- первостепенность социальных ценностей в официальной идеологии государства;
- присутствие сильных демократических политических институтов;
- наличие административных условий и правового пространства для свободного функционирования различных субъектов хозяйствования;
- экономическая эффективность экономических субъектов.

Поэтому социальное государство — это прежде всего сильное государство, базирующееся на эффективной рыночной экономике. Это определяют и характер реализации в нем основных гражданских прав, в том числе права на труд и достойное вознаграждение за него.

В странах с рассмотренными выше моделями социального государства основную ответственность как за поиск работы, так и за реализацию других возможностей, обеспечивающих заработок, несут сами люди (с помощью государства), так как снижение гарантий занятости является неизбежной платой за повышение эффективности предприятий и более высокий уровень жизни. Эффективный рынок труда возлагает издержки структурной перестройки на определенную часть рабочей силы — на безработных. Государство же компенсирует им это бремя путем перераспределения доходов от работающих к безработным, а также путем создания условий для профессиональной, отраслевой и территориальной мобильности рабочей силы.

Выбор конкретной модели осуществления социальной политики всегда зависит от исторических, социокультурных и экономических условий, а также определяется конкретным типом общественно-политического устройства государства, его идеологическими, духовными принципами, особенностями переживаемого исторического этапа. Но в любом случае социальное государство в современных условиях наряду с необходимостью предполагает наличие, с одной стороны, сильного государства, способного нести ответственность за развитие человеческих ресурсов, а с другой — наличие развитых институтов гражданского общества, способных поставить государство под свой контроль.

7.2.3.6. Соотношение социального и правового принципов

Социальное государство осуществляет свои цели и принципы в форме правовой государственности, однако идет значительно дальше по пути гуманизации общества — стремится расширить права личности и наполнить правовые нормы более справедливым содержанием. Между правовым и социальным принципами государственного устройства есть как единство, так и противоречия. Единство состоит в том, что оба они призваны обеспечивать благо индивида: первый — физическую безопасность граждан по отношению к власти и друг к другу, индивидуальную свободу и основополагающие, главным образом гражданские и политические права личности с помощью установления четких границ государственного вмешательства и гарантий против деспотии. Второй — социальную безопасность, материальные условия свободы и достойного существования каждого человека.

Противоречия же между ними проявляются в том, что правовое государство по своему замыслу не должно вмешиваться в вопросы распределения общественного богатства, обеспечения материального и культурного благосостояния граждан, социальное же государство непосредственно занимается этим, хотя и стремится не подрывать такие основы рыночного хозяйства, как частная собственность, конкуренция, предприимчивость, индивидуальная ответственность и т. п., социальное государство стремится не порождать массовое социальное иждивенчество.

Правовое социальное государство представляет собой симбиоз высших степеней развития общества и государства. Общество в нем представлено в виде *гражданского общества*, а государство — *правового государства*. Соответственно, граж-

данское общество определяет *социальность*, а государство — *правовое начало*. Гражданское общество завоевало свое право на физическое существование и политическую значимость благодаря определенной системе гарантий со стороны государства. В этом заключается взаимопринадлежность и взаимозависимость гражданского общества и правового государства. Постепенное развитие правового государства, являющееся условием существования демократического строя, содержит в себе не только традиционное разделение власти на три ветви, но и дополняющее их разделение между гражданским обществом и государством.

Если говорить о функциях и задачах, вытекающих из взаимодействия гражданского общества и государства в развитых странах Запада, то они характеризуются следующими моментами:

- продуцирование норм и ценностей, которые государство затем легализует, скрепляет своей санкцией;
- интегрирование общества, в основе которого лежит свободное формирование, развитие и разрешение конфликтов интересов многообразных общественных групп (при отсутствии доминирования централизованной государственной власти);
- образование среды, социальной атмосферы, в которой формируются активные, самостоятельные и независимые индивиды.

Демократические государства стремятся обеспечить оптимальное сочетание правового и социального принципов. При этом консерваторы обычно делают больший акцент на правовом, а социал-демократы и близкие к ним либералы — на социальном принципе.

7.2.3.7. Проблемы социального государства

Примерно до конца 1970-х гг. на Западе существовало убеждение, что найден наконец гармоничный вариант совмещения рыночной и плановой организации, который позволяет обеспечить большинству населения социально приемлемый жизненный уровень. Однако вскоре выявились внутренние противоречия социального государства. Ограничение конкуренции привело к снижению производительности труда и росту налогов. Эти процессы повлекли за собой воспроизводство кризисных явлений во всех сферах жизни общества. Поэтому современная политика в развитых странах колеблется между полюсами ограничения и восстановления конкуренции, что позволяет компенсировать ограниченность социального государства.

Чем популярнее становилась идея социально ориентированной рыночной экономики у российских политиков (после бурного увлечения «свободным рынком»), тем интенсивнее нарастали проблемы в экономике с действительно сильным социальным компонентом — прежде всего в Германии и скандинавских странах. Последние десять лет теории и практики экономической политики ряда стран (особенно в Германии) противопоставляют «государству благосостояния» «социальное государство».

Первоочередной задачей социального государства и актуализирующей его социальной политики является не достижение всеобщего равенства, а обеспечение социальных гарантий. Объективно существующие социальные гарантии, а также

субъективно воспринимаемые как таковые, являются принципиально важными для отношения каждого конкретного человека к его работе, к экономической, общественной, государственной системе, а в конечном счете, к его собственному будущему.

В целом же необходимо отметить, что социальное государство оказывается основанным на определенном парадоксе: задачи, которое это государство призвано решить, всегда носят индивидуальный характер, тогда как применяемые им инструменты всегда являются общественными. Сам по себе рынок не обеспечивает социальной справедливости и равенства; но специальные хозяйственные и политические меры, призванные установить такую справедливость, не должны быть враждебными рынку. Примирить это непросто.

Один из важнейших принципов, близких и рынку, и социальной справедливости, таков: государство (точнее, общество) помогает лишь тем, кто в данный момент сам не может справиться со своими проблемами, и помогает таким образом, чтобы в дальнейшем такой человек мог справляться с проблемами самостоятельно (помощь для самопомощи). Другими словами, социальное государство — не такое, в котором помогают бедным, а такое, в котором нет бедных и благосостояние достигнуто не столько перераспределением богатства, сколько активной и инициативной деятельностью граждан.

Есть два способа обеспечить социальную защищенность большинству: государство или само перераспределяет общенародное богатство, финансируя социальные программы, или обеспечивает человека возможностью самому заработать себе на старость, на случай болезни или пожара, обеспечивая заодно и право выбора той или иной социальной услуги на рынке. Крайний вариант государства первого типа — СССР; классический вариант второго типа — США. Европа, особенно Германия, где-то между двумя этими крайностями.

Социальное государство нуждается в формировании бюрократического аппарата, а он-то и не способен разглядеть индивидуальные запросы, для удовлетворения которых он был создан. Сегодня все более очевидным становится тот факт, что устрашающее явление современной жизни, бюрократизация, в немалой степени порождена самим социальным государством, а, следовательно, такое государство оказывается не способным выполнить наиболее важные задачи, которое оно само перед собой поставило.

Другим последствием экспансии социального государства, по мнению многих исследователей, является изменение социальной структуры общества. Развитие социального государства привело к уменьшению значения традиционной оппозиции между имущими и трудящимися классами для структуры социальных конфликтов. Социальное положение отдельного человека и соответствующих социальных групп зависит в настоящее время все в большей степени от результатов проводимых коллективных переговоров и от политико-административных решений, то есть от социальной сферы. В результате сложились новые «обеспечиваемые» классы, социальное положение которых структурно не обусловлено ни имуществом, ни эффективностью деятельности, а зависит лишь от того, как определяются социальные критерии.

В настоящее время в большинстве высокоразвитых индустриальных стран оживленно обсуждается вопрос о границах «социального государства», то есть о

возможностях государства осуществлять мероприятия в социальной сфере и главным образом в связи с проблемой финансирования этих мероприятий. По сути дела, речь идет о том, что традиционная концепция социальной политики испытывает кризис.

Это не случайно. Развитие социального государства с самого начала характеризовалось наличием ряда неразрешимых конфликтов между:

- *правовым и социальным государством* (Именно приверженность правовому принципу государственности должна способствовать удержанию социального государства в определенных границах. Однако реальное развитие показывает, что сегодняшние «границы» уже завтра становятся вполне обычным общим уровнем социальных притязаний);
- *государственной властью и местным самоуправлением*. Государство вынуждено навязывать сверху единые социальные стандарты, требуя от органов местного самоуправления их строгого соблюдения, и тем самым в определенной степени ущемлять автономию последнего, не всегда могущего в полной мере выполнять обязательства перед населением);
- *государственными и так называемыми «свободными» исполнителями* тех или иных функций, постоянно порождающими проблемы в согласовании действий между различными организациями, предоставляющими гражданам социальные услуги;
- *расширением социальных выплат* и, соответственно, усиливающейся жесткостью правовых норм и *бюрократизацией*.

Наряду с отмеченными выше принципиальными противоречиями социального государства ситуация усложняется и рядом так называемых «конструктивных недостатков», которые в принципе могут быть устранены, однако требуют затраты значительных усилий и средств. К ним прежде всего относится наличие слишком тесной взаимосвязи между трудовой деятельностью и социальными гарантиями, что, в частности, влечет за собой недостаточный уровень социальных гарантий для всех не занятых трудовой деятельностью (например, домашних хозяек).

Другими серьезными проблемами являются большие различия в уровне выплат между системами обеспечения в старости и недостаточная кооперация различных социальных фондов и организаций при решении общих задач.

Еще одним вряд ли легко устранимым недостатком государственной социальной политики является ее неспособность достаточно быстро и гибко реагировать на быстро происходящие социальные изменения, например на изменения в структуре семей, на абсолютно новые проблемы, связанные с переселенцами и беженцами.

Политико-идеологическая особенность проходившей в 1980-е гг. в большинстве западных стран перестройки социальной сферы общества заключалась в том, что официально декларировалось сохранение социального государства, фактически же ставилась цель сохранения прежде всего государственной институциональной структуры. Это новое «государство социальных гарантий» не реагирует на те особенности общественного развития, которые связаны с новым риском, новой неуверенностью, новыми формами социальной нужды.

Несмотря на все эти проблемы, заставляющие говорить о продолжающемся кризисе социального государства, о необходимости поиска новых оптимальных моделей его функционирования, мало у кого возникает сомнение в том, что в процессе длительного развития социальное государство стало реальностью или перспективой всех стран Европы. Социальное государство наряду с рыночной организацией экономики и представительной демократией является одним из основных элементов структурного единства Европы. Однако институты социального государства способствуют также и национальному многообразию, так как регулирование в социально-политической области в разных государствах, как и прежде, происходит в самых различных вариантах. И, хотя увеличение социальных расходов было общим для всех стран, далеко не везде оно было одинаково резким.

7.2.3.8. Природа современного российского государства

Статус социального государства официально закреплен в конституциях Германии, Испании, Франции и других государств, в т. ч. России. Конституция РФ (1993 г.) провозглашает, что «РФ — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7). Это, конечно, слишком общая цель, ключевым и самым сложным понятием которой является «достойная жизнь». Однако часть 2 ст. 7 дает некоторую расшифровку обязанностей государства. Из этого общего положения вытекают следующие конституционные обязанности российского государства:

- охранять труд и здоровье людей;
- устанавливать минимальный гарантированный размер оплаты труда;
- обеспечивать государственную поддержку семье, материнству, отцовству и детству, инвалидам и пожилым гражданам;
- развивать систему социальных служб;
- устанавливать государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Такой перечень социальных обязанностей государства явно отстает от общепризнанных в конституционной теории и практике развитых стран. Однако введенный в Конституцию термин «социальная защита», хотя не обязательно связанный только с государственными мерами, предполагает возможность расширения этих обязанностей в будущем законодательстве. Представляется упущением отсутствие в конституционном тексте формулировки «социально ориентированная рыночная экономика», что было бы существенным дополнением и раскрывало содержание социального государства.

Реальная жизнь в России еще дальше отстоит от стандартов социального демократического государства, чем Основной закон страны. Причиной этого являются как объективные проблемы переходного состояния, так и в большей степени политика руководства страны и менталитет населения. Провозглашая Россию социальным государством, авторы Конституции воспринимали эту характеристику скорее как литературно-популистскую, чем социально-политическую. Это еще один парадокс новейшей истории России. Понятие «социальное государство» для

нас такая же виртуальная реальность, как и понятие «коммунизм» для поколения 1960-х гг.

Как известно, исторические часы в России показывают «не европейское время». На протяжении веков в Российском государстве лишь иногда наличествовали элементы правовой государственности. Для страны (до момента основания Российской Федерации) была характерна цепь этапов государственного развития, основанного на собственно властных принципах, правовом нигилизме, господстве произвола, бесправности индивида и слабых, коррумпированных, выхолащенных правовых институтах. Требований прав и свобод на протяжении ряда десятилетий совсем не было слышно.

Советское государство было классическим неправовым государством, основанным на реализации исключительно властных принципов; было полной противоположностью «правового государства». Вместо разделения властей царил концентризм власти, формально — в Верховном Совете, реально — в руководстве партией и государством. Вместо подчинения исполнительной власти Конституции и законам бюрократия переиначивала по-своему всю иерархию норм так, что постановления и инструкции фактически оказывались важнее других видов правовых норм. Государственное управление осуществлялось не в соответствии с концепцией прав человека. Существовали лишь гражданские права, имевшие значение в зависимости от политической целесообразности и остававшиеся незащищенными в случае их конфликта с интересами партии и государства. Суды и судьи были содержательно и персонально зависимы от исполнительной власти, по определению «партийны» и практически подчинены указаниям сверху.

Непоследовательные экономические реформы, результатом которых стал многолетний период экономической депрессии, повлекли за собой резкое ухудшение условий жизни большинства населения, появление новых категорий граждан, нуждающихся в оперативной помощи. Расширение перечня и стремительный рост социальных рисков привели к краху советской системы соцобеспечения на новом этапе развития общества. Иного пути, кроме срочной трансформации механизмов защиты, переориентированной с государственного патернализма на личную ответственность граждан, с социального обеспечения на социальное страхование, просто не было. В итоге за период с 1991 по 2007 гг. сложилась противоречивая, эклектичная, сохраняющая старые механизмы и включающая новые элементы система государственной социальной защиты. Условно она подразделяется на три относительно самостоятельных блока:

- социальное страхование, предназначенное, в первую очередь, для трудоспособного населения;
- социальное обеспечение, призванное поддержать главным образом нетрудоспособных;
- социальную помощь, оказываемую только малоимущим гражданам.

Были ли надежды на другой результат? Вряд ли. Ни Россия дореволюционная, ни Россия социалистическая не имели опыта функционирования эффективных систем в сфере социальной защиты, в частности института социального страхования.

Проблемой сегодняшней России является осуществление кардинальной смены одной крайней модели социального государства на другую, то есть резкий пе-

переход от максимально огосударственной, перераспределительной социальной политики к полностью либерализованной, индивидуализированной социальной политике. Как результат на сегодняшний день можно констатировать резкое обострение противоречия между тенденцией к сокращению объемов непосредственной государственной социальной помощи и предельным увеличением спроса на нее со стороны населения в условиях практической неразвитости, слабости негосударственных институтов социальной поддержки и обеспечения. Неспadaющая острота этого противоречия заставляет сегодняшних политиков задумываться над целесообразностью полной либерализации социальной политики в России и метаться между различными моделями социальной политики и механизмами их реализации при решении конкретных социальных проблем в режиме «пожарной помощи».

На самом начальном этапе экономических реформ, в 1991—1992 гг., перед российским правительством стояла проблема выбора стратегии включения социальной политики в общую стратегию экономических преобразований на фоне того, что советское государство было максимально социально ориентировано. Большое влияние на осуществление этого выбора оказала принятая концепция реформ, которая изначально исходила из необходимости повышения эффективности функционирования хозяйственной системы путем перехода к рыночным отношениям в экономике. В результате был сделан выбор в пользу того, чтобы не рассматривать социальную сферу общества как приоритетную в плане преобразований и оптимизации, а социальную политику — как самостоятельное и существенное направление деятельности государства. В качестве критерия эффективности новой системы были выбраны только экономические показатели. Развитие же социальной сферы либо улучшение каких-то ее отдельных показателей (уровень доходов населения, допустимый уровень безработицы, состояние здоровья нации и т. п.) даже не называлось в качестве явной цели реформ ни в краткосрочной, ни в среднесрочной перспективах.

С тактической и прагматической точки зрения выбор в пользу приоритетности экономической политики над социальной на начальном этапе реформ для российского государства был оправдан, так как в отличие от экономики, где в начале 1990-х гг. кризисные явления заявляли о себе со все большей остротой и очевидностью, в социальной сфере существовал достаточный запас прочности. Но время показало, что стратегически выбор был неверен, так как социальный запас прочности у общества оказался исчерпаемым, а социальная цена реформ — очень высокой. В конечном итоге сегодня стало ясно, что именно социальные последствия и издержки реформ оказались главным тормозом дальнейших экономических и политических преобразований в обществе. Расчет на то, что либерализация экономики приведет к кардинальному изменению отношения граждан к государству, заставит их не ждать помощи от государства, а использовать свои возможности для получения дополнительных доходов в новой институционализированной структуре их источников, оправдался лишь частично.

Небольшой рост трудовой активности населения на начальном этапе реформ за счет возникновения новых сфер и видов деятельности и появления новых источников дохода не оказал существенного влияния на социальную ситуацию в стране в целом и не привел к предполагаемому росту уровня жизни в России. Вве-

дение новых «правил экономической игры» без осуществления дополнительных вложений в социальную сферу и без институциональных изменений в ней привело к тому, что уже к 1994 г. стало очевидным истощение социальных ресурсов в обществе. И те запасы прочности в социальной сфере, которые на начальном этапе экономических преобразований действовали как социальные амортизаторы, постепенно превратились в факторы, обостряющие социально-экономический кризис в России и тормозящие дальнейшие преобразования. Подход, основанный на голом экономическом прагматизме, отодвинул на задний план и социальный прогноз, и социальную экспертизу управленческих решений и действий в экономической сфере.

Предприятия среднего и мелкого бизнеса, также составляющие «живую ткань» гражданской жизни, либо поглощаются крупными, сращенными с государственным аппаратом финансово-промышленными группами, либо умирают под действием налогового и финансового прессинга государственной власти. В результате уничтожается сектор «второй экономики», а вместо главных принципов гражданской жизни (конкуренции, индивидуализации и сотрудничества) утверждается монополизм экономической и политической власти.

Только благодаря компенсирующему эффекту ряда институциональных нововведений (а в точное, неинституциональных) — развитию «неформального сектора экономики», неучтенной занятости, неучтенному объему работ и услуг, осуществляемых населением, а также благодаря силе социальной инерции и психологической усталости общества, пока удается избежать открытого кризиса системы и острого социального взрыва.

Очевидное обострение социального кризиса в обществе и резкое снижение качества жизни населения России заставило правительство начать корректировку курса реформ, рассматривать социальную политику как существенное и приоритетное направление деятельности государства. Это связано с тем, что просчеты в социальной политике делают невозможным дальнейшее осуществление экономических реформ из-за общего снижения уровня человеческого потенциала в обществе вследствие декартификации, люмпенизации, ухудшения здоровья, депопуляции населения, а также из-за значительного сужения социальной базы реформ и распространения антиреформаторских настроений.

Сегодня стало очевидным, что политика государства не может строиться только на экономической парадигме, при отсутствии социальных ценностей и показателей. Производительность труда, которая имеет решающее значение для экономического роста, в первую очередь зависит от уровня образования, квалификации, мотивации и состояния здоровья работников. Поэтому экономическому росту, социальной справедливости и политической стабильности в обществе прежде всего будет способствовать сохранение и развитие человеческого капитала и приспособление его к новым рыночным условиям.

Показателем зрелости гражданского общества является не только наличие собственной структуры, но и массовость участия в его развитии населения. При этом формирующим стержнем гражданских отношений выступают персонифицированные отношения собственности («частная собственность»). Чем большее число людей втянуто в эти отношения и является собственниками, тем крепче и стабильнее гражданское общество, тем уже функциональное поле государства. Пока-

зателем этого является удельный вес «среднего класса» в социальной структуре (по оценкам экспертов, его доля должна составлять до 60 % населения). В условиях современной России, при наличии огромной бюджетной сферы, когда единственным источником существования оказывается заработная плата, говорить о массовидности гражданских отношений пока не приходится (по некоторым оценкам, доля российского «среднего класса» составляет лишь 8—10 % населения).

Реформирование общественных отношений в России сопровождалось острым противоречием: от отношений сверхэксплуатации, из-за которых пострадал социализм, надо было перейти к «нормальным» капиталистическим отношениям. Но качество труда в России и многие организационные моменты не позволили этого сделать. В результате реформы стали развиваться в значительной мере за счет снижения жизненного уровня большинства россиян. Получили развитие процессы «мультиэксплуатации», которые превратились в серьезную социальную проблему.

В этих условиях государство не может не брать на себя обязанностей по поддержанию прожиточного минимума хотя бы на физиологическом и социальном уровне. В то же время меры такого рода нельзя назвать адекватными понятию «социальное» государство. Дело в том, что оплата труда в современной России не в состоянии обеспечить работающих и членов их семей самым необходимым, поэтому в той или иной мере это приходится делать государству. Но это не социальная деятельность в чистом виде, а сохранение социальных функций тоталитарного государства, которое осуществляло эксплуатацию населения и в целях экономии выполняло многие социальные функции непосредственным образом.

Для нашего общества и государства остается открытым вопрос о том, какая именно модель развития человеческого капитала (модель социальной политики) будет использоваться и станет наиболее адекватной российским условиям. Но уже сегодня очевидна необходимость коренных изменений в обязанностях государства, предприятий и личности, необходимость активизации деятельности государства в социальной сфере и регулировании социальных процессов.

Удастся ли гражданам России уже в среднесрочной перспективе создать прочный порядок, основанный на принципах демократии, рыночной экономики, прав человека и правового государства? Тема «Россия и правовое государство» очень актуальна. Но при этом следует избегать двух полярных утверждений: «превращение России в правовое государство не состоялось» или же «она уже правовое государство с «пока» остающимися небольшими недостатками».

Оба утверждения исходят из неверных представлений и масштабов прежде всего того, что правовое государство можно сначала ввести как пакет законов и лишь потом, в течение ряда лет, «выстроить» его. То, что это представление полностью противоречит историческому опыту Европы, не принимается во внимание или вытесняется по причине политической слепоты, нетерпения или же незнания. Именно поэтому неизбежны разочарования, которые приводят, как правило, к новым заблуждениям.

Перед Россией стоит трудная задача — привести оплату наемного труда, его качество и количество в соответствие с мировым рынком. Только тогда можно говорить о положительном результате реформирования, но до этого состояния России еще очень далеко. Государственная власть, какой бы она ни была, не сможет в бли-

жайшее время гармонизировать процессы производства и потребления, поэтому в ближайшем будущем государство в России не может стать социальным.

§ 3. УСТРОЙСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Строение государства традиционно характеризуется через *формы правления и формы территориального (государственного) устройства*. В них воплощается организация верховной власти, структура и порядок взаимоотношений высших государственных органов, должностных лиц и граждан.

К числу основных разновидностей политико-территориального устройства относятся: унитарное государство, федеративное государство, территориальная (национально-территориальная и др.) автономия, административно-территориальное деление.

Конфедерация государств обычно не рассматривается как форма политико-территориального устройства; это союз государств, объединение международно-правового характера, хотя в нем бывают и элементы конституционно-правовых отношений. Такие элементы имеют в настоящее время также некоторые союзы и сообщества государств (Европейский союз).

Под *формой государственного устройства* понимается национально-территориальная организация государства, а также взаимоотношение центральных и региональных органов. Выделяют два основных вида формы государственного устройства: унитарный и федеративный и два неосновных — конфедерация и империя.

7.3.1. Формы правления

Форма правления в стране определяется порядком формирования высших органов государственной власти (глава государства, парламент, правительство), а также распределением между ними властных полномочий и функций. Определяющим признаком формы правления является правовой статус главы государства (выборный и сменяемый в республике, наследственный — в монархическом государстве). Современным государствам присущи две формы правления: монархия и республика.

В современной литературе форма правления традиционно определяется как характеристика структуры и взаимоотношений высших органов государства. Нередко перечень этих органов ограничивают главой государства, парламентом и правительством. Такой подход в основном верен, так как делается акцент на органах, играющих решающую роль в управлении государством. Однако если понимать государственное управление в широком смысле, то следует учесть и роль судебной власти, особое значение органов конституционного контроля.

В управлении государством также принимают участие местные органы государства (советы в СССР, назначенные представители государственной власти в других странах). Наконец, само управление предполагает не только прямые, но и обратные связи органов государства с населением. Таким образом, оценивая ту или иную форму правления, помимо структуры и взаимоотношений трех традиционных для определения этого понятия органов, следует учитывать роль других органов государства. Ведь им, в соответствии с конституцией, также принадлежит го-

сударственная власть (например, Военный комитет развития на Мадагаскаре) или они осуществляют ее на практике (армия в Индонезии в соответствии с концепцией о политической роли армии). Важны и формы прямых и обратных связей органов государственной власти с населением.

Форму правления нельзя отождествлять с управлением государством. Последнее — более широкое понятие. Кроме того, название существующей формы правления не всегда дает правильное представление о способе управления. Великобритания или Япония — монархии, но монарх фактически не обладает властными полномочиями и фактически не управляет государством. Форма правления — это способ организации структуры и взаимоотношений всех органов государственной власти, а также их прямых и обратных связей с населением.

В развитых странах (Европа, Япония, а также Канада, Австралия и др., где британский монарх представлен генерал-губернатором) различия между монархией и республикой практически не имеют значения: по степени демократичности порядка управления монархия Испании мало чем отличается от соседней республики Португалии. В развивающихся странах различия между монархией и республикой могут иметь весьма существенное значение для демократизации политического строя. Монарх в этой группе стран обладает весьма реальными властными полномочиями, подданство (гражданство) рассматривается как личная верность монарху, он направляет работу парламента и даже распускает его на годы (Марокко), а то и на десятилетия (Иордания) и правит без него. Поэтому, например, в тех арабских странах, где существует монархия, их политический строй существенно отличается от республик, хотя во всех этих странах применяются, правда, в разной степени принципы шариата. В частности, Саудовская Аравия — абсолютная монархия, там запрещены все партии и нет парламента. А Египет — президентская республика, там существует многопартийность и активно действует парламента.

Хотя разделение государств на монархии и республики продолжает оставаться основным при классификациях форм правления, иногда возникают смешанные, гибридные формы. В монархиях появляются отдельные республиканские черты (например, периодические выборы монарха раз в 5 лет в Малайзии или «коллегияльная монархия» в ОАЭ), в республиках к власти приходят, по существу, монархические (пожизненные) президенты (до 1980—90-х гг. в Югославии, Уганде, Малави, Экваториальной Гвинее, Тунисе и др.). В некоторых случаях появляется и наследственность: сын пожизненного президента Ким Ир Сена в КНДР еще до смерти последнего (1984 г.) был объявлен будущим руководителем правящей партии и государства. Наследственная передача власти (в рамках семьи Алиевых) произошла в Азербайджане.

7.3.1.1. Монархия

Монархии (от греч. *monarchia* — единовластие) представляют собой такую форму государственного устройства, источником и одновременно высшим выражением власти в которой является одно лицо, получающее данные полномочия по наследству и потому не зависящее от выбора населения. Монархия была господствующей формой правления на протяжении тысячелетий. В специфической форме она и сегодня сохраняется почти в трети стран мира (например, в Великобритании, Швеции, Дании, Испании).

В современном мире фактически существует три вида монархии: абсолютная (по внешним признакам в связи с принятием конституции она становится полуабсолютной), дуалистическая и парламентарная.

7.3.1.1.1. Определение и сущность современной абсолютной монархии

Сегодня абсолютная монархия (с серьезными оговорками) существует только в восьми странах (Саудовская Аравия, Катар, Оман и др.). Для абсолютной монархии (неограниченной и самодержавной) характерно полное бесправие народа, отсутствие каких-либо представительных учреждений, сосредоточение всей государственной власти без остатка в руках монарха. Ее государственный режим именуется абсолютизмом. Сегодня абсолютная монархия — это раритет (чрезвычайная редкость). Ее примерами с большими оговорками являются Саудовская Аравия, Оман, ОАЭ.

Абсолютный монарх не несет политической, уголовной, административной или иной юридической ответственности. Он может оставить престол лишь в порядке отречения от него, хотя в некоторых странах в революционные эпохи применялась и уголовная ответственность, и казнь королей (Великобритания, Франция). Абсолютная монархия в ее «чистом» виде характеризуется полновластием монарха, конституция и парламент отсутствуют. В настоящее время таких монархий уже нет: в последней из них, султанате Омане, в 1996 г. монарх даровал конституцию. Правда, нет конституции в королевстве Бутан, но там есть закон о Национальном собрании, и этот своеобразно формируемый парламент собирается на сессии, хотя выполняет на деле лишь совещательные функции. Абсолютные монархии теперь «обшиты» конституционной или парламентской оболочкой.

Но в действительности монарх в них властвует безраздельно. В некоторых конституциях говорится, что вся власть исходит от монарха (а не от народа). Он имеет право абсолютного вето по отношению к актам своеобразных парламентских органов: их решения не вступают в силу без согласия монарха. Вместе с тем по форме в таких государствах есть признаки ограниченной монархии, хотя в некоторых странах действие конституций на десятилетия приостанавливается (Бахрейн) либо они отменяются монархом (Свазиленд), а парламенты на годы распускаются (Кувейт, где только и существует полностью выборный парламент). В некоторых конституциях (Бахрейн, Кувейт) даже говорится об ответственности правительства перед парламентом (по традиции правительство возглавляет сын, брат или другой близкий родственник монарха, но, как отмечалось, парламент имеет на деле совещательный характер). К тому же, например в Брунее, в парламенте численно преобладают лица, являющиеся его членами по должности, т. е. назначенные монархом. Парламент по существу рассматривается как особая форма мусульманского института «аш-шура» — совещания правителя с авторитетными людьми. Да и конституция, хотя документ называется таким образом, не является основным законом. Это лишь королевский низам, дарованный монархом. Подлинной же конституцией считаются две священные книги мусульман — Коран и Сунна (особенно первая). Учитывая указанные обстоятельства, видимо, все же правильнее называть сохранившиеся монархии такого рода полуабсолютными.

Большинство из рассматриваемых монархий имеют теократические черты. В наиболее отчетливой форме они выражены в арабских монархиях (кроме Марок-

ко), в султанате Бруней. Это — теократические полуабсолютные по форме и абсолютные по существу монархии. К их числу принадлежит и королевство Бутан в Гималаях, хотя теократические черты в данном случае выражены слабее. Особую роль в полуабсолютной теократической монархии играет семейный совет. Он, в частности, определяет преемника монарха (это не обязательно старший сын), может заставить монарха отречься от престола. Связи органов государства с населением имеют своеобразный характер:

во-первых, они определяются религиозными догмами;

во-вторых, они персональны, основываются на верности монарху и принадлежности к общине правоверных (умме);

в-третьих, они, по существу, односторонни; хотя существует маджилис (право любого «правоверного» члена уммы прийти на прием к монарху, что на практике не всегда осуществляется), эти связи имеют характер повиновения;

в-четвертых, такие связи осуществляются в значительной мере через авторитетных лиц в общине правоверных. Назначаемые местные органы государства состоят из членов королевской семьи (губернаторы) и других приближенных к монарху лиц. В связях с населением они выступают не столько как представители государства, сколько как олицетворение монаршего дома.

Полуабсолютно-теократическая форма обеспечивает очень высокую стабильность государственного управления, которая поддерживается прежде всего религией. Смена правителя, даже если она осуществлена путем семейного переворота (сын или брат свергают правителя), не влечет какой-либо дестабилизации в государстве, просто место одного монарха занимает другой. Прочная стабильность обеспечивается в дуалистической монархии, поскольку монарх пожизненно занимает свой пост, готовит заранее себе сына-преемника (это имеет место и в других формах монархии на Востоке), он назначает и смещает правительство. Смена партий в парламенте не влияет на стратегию и методы управления. Стабильность правительства (министров) обеспечивается во всех формах президентских республик, ибо парламент не формирует его (это делает президент), а иногда парламента вовсе нет. Однако во всех этих случаях ответственность исполнительной власти перед парламентом имеет крайне неразвитый характер.

7.3.1.1.2. Разновидности конституционных монархий

Конституционная монархия делится на *дуалистическую* (Иордания, Кувейт, Марокко), в которой монарх наделен преимущественно исполнительной властью и лишь частично — законодательной, и *парламентскую*, здесь монарх, хотя и считается главой государства, но фактически обладает представительскими функциями и лишь частично исполнительскими, а иногда имеет также право вето на решения парламента, которым практически не пользуется.

В дуалистической монархии (от латинского слова «два») законы принимает только парламент, а управляет страной монарх через назначаемое им и ответственное только перед ним правительство.

Появление такой формы правления в Европе связано с выступлениями широких слоев народа в XVIII—XIX вв. против абсолютизма, за ограничение прав монарха. Дуалистическая монархия стала воплощением компромисса между растущей буржуазией и еще сильным дворянством. По идее монарх должен был

представлять интересы дворянства, а парламент — прежде всего интересы буржуазии и в определенной степени других слоев населения (Для участия в выборах в парламент существовали имущественный и иные цензы). Полномочия монарха были очень сильными: хотя он не мог издавать законы, но мог своими указами (декретами и др.) регулировать многие сферы жизни общества, такие указы не нуждались в одобрении парламента. Кроме того, король имел право вето (правда, отлагательного) по отношению к законам парламента (оно могло быть последним преодолено), право роспуска парламента (с назначением даты новых выборов).

Дуалистическая монархия существовала в Германии, Турции, Таиланде, Ливии, Непале, во многих других странах. Россия после 1905 г. тоже имела определенные черты дуалистической монархии. В настоящее время с точки зрения норм конституционного права в «чистом» виде такой формы практически нет (ближе всего с позиций права к ней стоят Бутан, Бруней и Тонга). Если судить по нормам конституции, дуалистическая монархия была упразднена в 1980 г. поправкой к конституции в Непале и в 1991 г. в Иордании. Конституции некоторых стран теперь предусматривают смешанные формы дуалистической и парламентарной монархий с преобладанием элементов либо первой (Иордания до реформ 1990-х гг.), либо второй (Марокко). По нормам конституций это полудуалистические, полупарламентарные монархии.

На деле же, с точки зрения фактических отношений между органами государства, их прямых и обратных связей с населением, Иордания, Марокко, Непал (хотя его новая конституция 1990 г. предусматривает парламентарную монархию) являются в своей основе дуалистическими монархиями. Согласно ст. 51 конституции Иордании правительство ответственно перед парламентом (важнейший признак парламентарной, а не дуалистической республики), но все акты парламента (в том числе и вотум недоверия правительству) должны одобряться королем. Практически же в Иордании в течение почти трех десятилетий существовало беспарламентское правление: парламент был распущен королем. Впоследствии он был собран из сохранившихся парламентариев, к ним были добавлены назначенные монархом, в 1989 г. состоялись выборы, но роль парламента очень мала. В Марокко, в отличие от Иордании, вотум недоверия правительству не нуждается в одобрении короля, но правительство ответственно также и перед монархом. Такая двойная ответственность правительства все чаще практикуется в современных государствах, она используется и в полупрезидентской республике (ответственность перед парламентом и президентом). Если судить по этим признакам, то в Марокко существует смешанная форма монархии, но фактически она дуалистическая, ибо все управление (в том числе вооруженными силами) концентрируется в руках короля, из двух видов ответственности правительства главный — перед королем, к тому же он имеет право роспуска парламента по своему усмотрению, чем пользовался неоднократно. Приблизительно так же обстоит дело в Непале и некоторых других государствах, где, по конституциям, монархии являются преимущественно парламентарными.

В связях органов государства с населением персональный элемент при данной форме правления выражен слабее, чем в полуабсолютно-теократической монархии, но идея монарха — отца нации еще присутствует. На местах назначенные монархом чиновники тоже внедряют эту идею. Однако при этой форме устанавлива-

ется новый вид связей — через представительный орган (парламент), в форме правления впервые возникают по существу не только прямые, но и обратные связи по поводу государственной власти. Парламентарная монархия, по тексту конституций, существует почти во всех монархических государствах Европы (кроме Монако), в Японии, Малайзии, Таиланде, в тех государствах — членах британского Содружества (Австралия, Канада, Ямайка и др.), в которых британский монарх представлен генерал-губернатором. В парламентарной монархии правительство формируется парламентом (его формирует партия или коалиция партий, получившая большинство на выборах в нижнюю палату парламента или в однопалатный парламент). Таким образом, страной правит партия или коалиция партий, имеющая большинство мандатов в парламенте. Правительство нуждается в доверии парламента. Если против доверия голосует большинство парламентариев, оно обязано уйти в отставку (или глава государства по рекомендации правительства может распустить парламент с назначением даты новых выборов). Монарх царствует, но не правит. Часто монарх — лишь символ нации. Он издает акты о назначении министров или о роспуске парламента, но делает это он, выполняя волю парламента или правительства. Монарх даже не имеет права вето по отношению к законам, принимаемым парламентом (Норвегия, Швеция, Япония), или столетия не применяет его, в связи с чем сложилась обычно-правовая норма конституционного права о неприменении имеющегося права вето (Великобритания). Лишь в условиях, когда ни одной партии или коалиции партий не удастся создать правительство, монарх может сам назначить премьер-министра (так бывало в Великобритании).

Во многих странах у монарха есть «королевская prerogativa» — полномочия, не производные от парламента, а принадлежащие ему вследствие королевского достоинства (например, прав войны и мира, управление коронными владениями и др.), но фактически он ею не пользуется. Эти полномочия осуществляет парламент или правительство. В парламентарной монархии правит партия, имеющая большинство в парламенте (нижней палате).

Подавляющее большинство современных демократических монархий — парламентские монархии. Правительство формируется в них парламентским большинством и подотчетно не монарху, а парламенту. Парламентская монархия характеризуется тем, что монарх выполняет свои функции номинально. Даже если конституция наделяет его большими полномочиями (например, в Нидерландах, Дании), монарх, в силу конституционно-правового обычая, не может ими самостоятельно воспользоваться. Все исходящие от монарха акты нуждаются в официальном одобрении министров. Правительство формально и фактически ответственно перед парламентом, которому в соответствии с конституцией принадлежит формальное верховенство среди органов государства.

Данная система отношений между монархом, парламентом и правительством составляет содержание парламентарного государственного режима (парламентаризма). Но этот режим возможен лишь при условии, что в парламенте ни одна политическая партия не имеет абсолютного большинства и не может сформировать однопартийное правительство. Там же, где существует двухпартийная или многопартийная система с одной доминирующей партией, ситуация иная. Правительство, которое состоит из лидеров партии, располагающей большинством в парла-

менте, посредством своей партийной фракции полностью контролирует парламент. Такова система кабинета, или *министерализм*.

В качестве примера парламентарных монархий выступают все монархии Северной и Западной Европы. Следует отметить, что монархическая форма правления является очень устойчивой. Многие буржуазно-демократические революции имели лишь сравнительно короткий республиканский период и закончились реставрациями монархии. Форма республиканского строя вырабатывалась медленно, и очень часто ликвидация монархии приводила к установлению более жесткого (нередко и жестокого) политического режима по сравнению с тем, который был при монархе. Кроме того, если в условиях абсолютной и дуалистической монархии можно вести речь о влиянии на государя, то в парламентарной может наблюдаться феномен влияния монарха на ветви государственной власти. Как правило, он обладает значительным моральным авторитетом в стране. Это наглядно демонстрируют королевские семьи Скандинавии, Великобритании, Испании.

Парламентарная монархия также имеет свои разновидности. В Малайзии существует «выборная монархия», в Таиланде большую роль в парламенте (особенно в сенате, пользующемся значительными полномочиями) играют военные, они, по существу, управляют страной, используя в том числе имя монарха (милитарно-парламентарная монархия). В тех странах британского Содружества, где нет президентов, — это опосредованная парламентарная монархия, по существу возглавляемая генерал-губернатором как представителем монарха.

В связях органов государства с населением персональный элемент почти утрачивается, исчезает повиновение монарху. Он и его семья могут пользоваться уважением (как в Великобритании или Японии), но в данном случае государственные связи основываются только на традициях. Ведущая роль принадлежит представительному органу — парламенту и деятельности его членов, в том числе в избирательных округах. Она получает ежедневное освещение в средствах массовой информации. Конституцией предусмотрена возможность подачи коллективных и индивидуальных петиций в парламент. Принципиальное значение имеет работа правительства и премьер-министра и право оппозиции на критику деятельности правительства.

Процесс развития современного мира свидетельствует о сокращении числа монархий. После Второй мировой войны в ранее монархических Албании, Болгарии, Венгрии, Греции, Румынии, Эфиопии провозглашены республики. Однако этот процесс развивается с зигзагами. Восстановлена монархия в Испании, Камбодже, на несколько лет в 1970-х гг. империей стала Центрально-Африканская Республика, в 1990-х гг. исламским эмиратом объявлен Афганистан. В Албании и Бразилии в 1990-х гг. проводились референдумы о возможности восстановления монархии (результат был отрицательным), такой референдум был назначен и в Болгарии (отменен парламентом). Небольшие группы населения выступают за восстановление монархии в Румынии и в России.

Сторонники монархии достоинством данной формы правления считают прочность поста главы государства, который не зависит от политических перемен, и, следовательно, стабильность государственной власти. К числу достоинств относят также беспартийность монарха и, следовательно, теоретически его беспристрастность, который вследствие этого может быть подлинным арбитром в обществе.

Эти доводы несостоятельны для развитых стран, где монарх безвластен (хотя и может в определенных ситуациях использовать свои «спящие» прерогативы), и не отвечают условиям многих развивающихся стран, где монарх властвует, а если он арбитр, то отнюдь не беспристрастный.

В развитых странах (Бельгии, Великобритании, Дании, Испании, Японии и др.) сколько-нибудь заметного движения за ликвидацию монархии и замену ее республикой не существует: монарх в значительной мере лишь почетная должность, он не влияет сколько-нибудь существенно на управление страной. В развивающихся странах есть силы, стремящиеся к ликвидации монархии; их организации являются чаще всего тайными, подпольными. Во многих из этих стран такие организации создавались армейскими офицерами и привели к установлению республики (Египет, Ливия, Эфиопия и др.).

Современные парламентские монархии, отдавая дань политической традиции и поддерживая тем самым уважение граждан к государству, фактически мало отличаются от республик — второй основной формы правления.

7.3.1.2. Республика

Термин «республика» латинского происхождения и означает «общественное дело». В целом, это такая форма правления, при которой все высшие органы государственной власти либо избираются, либо формируются общенациональным представительным учреждением (парламент).

Республиканская форма правления использовалась в древнем мире (демократическая республика в Афинах и аристократическая — в Риме) и средние века (города-республики), но наиболее широкое распространение эта форма правления получила в Новое время. И в настоящее время подавляющее большинство государств мира имеют республиканскую форму правления.

В рамках республиканской формы правления принято различать *президентскую*, *парламентскую* республики и республику *смешанного типа* (полупрезидентскую), хотя история знает и многие другие разновидности республик: рабовладельческую, аристократическую, советскую, теократическую и др.

7.3.1.2.1. Парламентская республика

Парламентская республика во многом схожа с парламентской монархией. Она характеризуется провозглашением принципа верховенства парламента, перед которым правительство несет политическую ответственность за свою деятельность. Формальной отличительной особенностью парламентской республики является наличие должности премьер-министра (или канцлера, как в Германии). В республиках источником власти является народное большинство, высшие органы государства избираются его гражданами.

Главной отличительной чертой парламентской республики является образование правительства на парламентской основе (обычно парламентским большинством) и его формальная ответственность перед парламентом. Парламент осуществляет по отношению к правительству ряд функций:

- формирует и поддерживает его;
- издает законы, принимаемые правительством к исполнению;

- утверждает государственный бюджет и тем самым устанавливает финансовые рамки деятельности правительства;
- осуществляет контроль над правительством и в случае необходимости может выразить ему вотум недоверия, что влечет за собой либо отставку правительства, либо роспуск парламента и проведение досрочных выборов;
- критикует правительственную политику, представляет альтернативные варианты правительственных решений и всего политического курса.

Правительство обладает исполнительной властью, а нередко и законодательной инициативой, а также правом ходатайства перед президентом о роспуске парламента. (Такие ходатайства президент обычно удовлетворяет.) В большинстве стран членство в правительстве совместимо с сохранением депутатского мандата. Это позволяет привлекать в правительство не только лидеров правящих партий, но и других наиболее влиятельных депутатов парламента и тем самым контролировать парламента, получая одновременно массовую партийную поддержку. Хотя руководитель правительства (премьер-министр, канцлер) официально не является главой государства, реально он — первое лицо в политической иерархии.

Глава государства в парламентарной республике — президент, он как правило избирается парламентам путем, т. е. либо парламентам, либо особой коллегией, создаваемой на основе парламента. Президент парламентамской республики формально наделяется значительными полномочиями, но на практике не оказывает почти никакого влияния на осуществление государственной власти. Любое действие президента, включая роспуск парламента и вето, может быть осуществлено только с согласия правительства. Исходящие от президента нормативные акты приобретают юридическую силу только после контрассигнации их соответствующим министром, который и несет за них ответственность.

Вопросы судебной власти, конституционного контроля решаются в парламентарной республике аналогично и с парламентарной монархией, и с президентской республикой. Аналогично решаются вопросы прямой и обратной связи с населением, хотя роль президента, который в президентской республике играет ведущую роль в этих контактах, в парламентарной республике, как и в парламентарной монархии, принадлежит премьер-министру. Он — главный рупор для общественного мнения.

Парламентарная республика тоже имеет свои разновидности, что связано с внедрением идей «рационализированного парламентаризма». Для внедрения названных идей все чаще (Венгрия, Польша и др.) используется «конструктивный вотум недоверия» (решение о недоверии главе правительства может быть принято только при одновременном назначении другого главы правительства), впервые введенный в Германии. Кроме того, недоверие не может быть выражено отдельным министром. Наконец, парламента не утверждает министров. Он назначает (избирает) только главу правительства, последний подбирает и увольняет министров (официально это делает президент по представлению премьер-министра, и игнорировать такое представление президент не может). Такой порядок отношений президента, правительства, парламента, главы правительства и его членов существенно отличает традиционную парламентарную республику от рационализированной парламентарной республики.

Парламентская республика менее распространена, чем президентская, и существует в Италии, Германии, Индии, Австрии, Финляндии, Исландии и в некоторых других странах. Как и в условиях парламентской монархии, в парламентской республике могут действовать либо парламентарный, либо министеральный государственный режимы.

7.3.1.2.2. Президентская республика

Второй распространенной формой республиканского правления является президентская республика (иногда ее именуют дуалистической). Ее отличительный признак состоит в том, что в ней президент одновременно выступает и главой государства, и главой правительства. Он руководит внутренней и внешней политикой и является верховным главнокомандующим вооруженных сил. Президент чаще всего избирается прямо народом. Он сам (в США с одобрения сената) назначает членов кабинета министров, которые ответственны перед ним, а не перед парламентом.

В президентской республике правительство отличается стабильностью. В ней существует жесткое разделение законодательной и исполнительной ветвей власти, их значительная самостоятельность. Парламент не может вынести правительству вотум недоверия, президент же не вправе распустить парламент. Лишь в случае серьезных антиконституционных действий или преступления со стороны президента ему может быть выражен импичмент — он досрочно отстраняется от власти. Однако процедура импичмента очень затруднена.

Законодательная и исполнительная власть отделены друг от друга. Они формируются на основе двойной системы выборов и отчетливо разделены. Это разделение обеспечивается не только внепарламентским методом избрания президента и правительства, но и отсутствием у правительства прямой ответственности перед парламентом. Президент не имеет права роспуска нижней палаты парламента. Напротив, парламент утверждает министров, президента и может совместно с судебной властью отрешить президента от должности. Таким образом, именно президентская республика обеспечивает наиболее полное разделение властей, что придает ей наивысшую демократичность. При этой форме правления действует дуалистический государственный режим.

Отношения между парламентом и президентом основываются на системе сдержек, противовесов и взаимозависимости. Парламент может ограничивать действия президента с помощью законов и посредством утверждения бюджета. Президент же обычно обладает правом отлагательного вето на решения парламента. Чтобы успешно выполнять свои обязанности, парламент, президент вынуждены сотрудничать, находить общий язык, даже если оба этих института контролируются различными партиями.

Президентская республика не получила распространения в Западной Европе. Но в странах с длительными авторитарными традициями, прежде всего в Латинской Америке, некоторых государствах Азии и Африки, а также на территории бывшего СССР, эта форма правления нередко вырождается в «суперпрезидентскую республику». В ней почти вся реальная власть сосредоточивается у президента, который выходит из-под контроля парламента и судебных органов и

фактически обладает полудиктаторскими полномочиями, а в некоторых странах (Заир, Малави, Туркменистан, Казахстан и др.) даже объявляется пожизненным главой государства.

Образуется Совет министров во главе с административным премьер-министром, но и в этом случае фактическим (а часто и юридическим) главой правительства остается президент. Зачастую же (США, многие страны Латинской Америки) министры не образуют особого органа — правительства, они составляют кабинет президента, его совещательный орган. В президентской республике президент избирается напрямую гражданами. Он получает свой мандат непосредственно от народа и не зависит от парламента (кроме случаев рассматриваемого ниже импичмента).

Выделяется несколько моделей президентской республики. Согласно классической модели (США), президент формирует с согласия верхней палаты парламента (Сената) администрацию, члены которой несут ответственность только перед президентом. Президент не может распустить парламент, парламент может сместить президента только через процедуру импичмента. Для латиноамериканских президентских республик характерна полная свобода президента в назначении и смещении членов администрации, однако встречаются случаи парламентской ответственности отдельных членов президентского кабинета (Коста-Рика, Уругвай). Для президентских республик восточного полушария (Замбия, Казахстан, Узбекистан и др.) характерно существование обособленного коллегиального органа исполнительной власти — правительства, возглавляемого президентом, а также наличие в большинстве случаев поста так называемого административного премьера.

Среди смешанных форм правления можно отметить т.н. *суперпрезидентскую* республику (Боливия, Колумбия, Гондурас), где институт президентства предельно концентрирует все высшие полномочия основных ветвей власти и занимает практически бесконтрольное положение в государстве. В то же время prerogative законодательных и судебных ветвей власти в таком случае резко ограничены.

7.3.1.2.3. Полупрезидентская республика

В практике государственного строительства были предприняты попытки соединить в одной форме правления отдельные черты парламентарной и президентской республики. Это привело к появлению смешанной, *полупрезидентской* республики, в которой власть президента (в сравнении с парламентской) возросла. Впервые такая республика возникла во Франции (1958). В дальнейшем эта форма правления привилась в странах, свергнувших режим тоталитаризма (Португалия, Польша, Болгария, Хорватия, Сербия и Россия). Государственный режим — дуалистический.

Полупрезидентская, или смешанная, республика является третьей основной разновидностью республики. При этой форме правления сильная президентская власть сочетается с эффективным контролем парламента за деятельностью правительства. Полупрезидентская республика не имеет таких устойчивых типичных черт, как парламентская и президентская, и в различных странах тяготеет к одной из этих форм. Ее главная характерная черта — двойная ответственность правительства: перед президентом и перед парламентом.

Классическим образцом полупрезидентской республики является Франция. В ней президент и парламент избираются независимо друг от друга. Парламент не может сместить президента, который в свою очередь вправе распустить парламент с обязательным условием объявления даты внеочередных парламентских выборов. Президент является главой государства и верховным главнокомандующим, представляет страну на международной арене, обладает правом отлагательного вето на решения парламента, а также правом единоличного введения чрезвычайного положения, но в период действия такового он утрачивает право распустить парламент.

Президент без согласования с парламентом, но с учетом расклада в нем политических сил назначает главу правительства, вместе с которым формирует кабинет министров. Глава государства председательствует на заседаниях правительства, утверждает его решения и тем самым контролирует его деятельность. Сам президент не обладает правом законодательной инициативы, но таким правом пользуется премьер-министр, несущий всю ответственность за деятельность правительства. Парламент имеет возможность контролировать правительство посредством утверждения ежегодного бюджета, а также с помощью вынесения ему вотума недоверия.

Но возможен вариант, когда президент, избираемый гражданами, имеет ряд полномочий, позволяющих ему активно вторгаться в деятельность правительства, но на практике он «спящими полномочиями» не пользуется. В этих условиях складывается государственный режим, типичный для парламентской республики (парламентаризм, или министерализм). Примером может служить Австрия, Ирландия, Исландия.

Существуют и другие варианты. В Швейцарии конституция соединяет в себе черты президентской и парламентской форм правления. Хотя парламент и избирает правительство, но оно не может быть отозвано им. В свою очередь, правительству не принадлежит право решения в отношении парламента. Правительственный пост и депутатский мандат несовместимы. Правительство образует коллегиальный орган, а также имеет — в противоположность президентской системе — формальную возможность законодательной инициативы.

В полупрезидентской республике имеются следующие черты, объединяющие ее с президентской формой правления:

- президент избирается непосредственно избирателями, что делает его независимым от парламента и дает возможность противопоставлять себя парламенту;
- вице-премьеров и министров президент может назначить по своему усмотрению, независимо от партийной расстановки сил в парламенте; премьер-министра он назначает также сам;
- правительство несет ответственность перед президентом, который может по своему усмотрению уволить премьер-министра, отдельного министра и отправить правительство в отставку;
- наряду с сильными элементами президентализма в полупрезидентской республике имеются черты парламентаризма. Главная из них — ответственность правительства перед парламентом, что всегда затруднено; второй элемент парламентаризма — согласие нижней палаты на назначение определенной кандидатуры, предлагаемой президентом, на должность премьер-министра.

Наряду с совмещением черт президентской и парламентской полупрезидентская республика имеет особенности, им не присущие. Основная из них — особый статус президента. По конституции президент выводится за триаду разделения властей. Он не относится ни к одной из ее ветвей, в том числе к исполнительной власти, как это всегда бывает в президентской республике и по традиции — в парламентской.

7.3.1.2.4. Особенности республиканской формы правления

Несмотря на отличие этих систем, которые, в сущности, сводятся к отношениям между парламентом и правительством, все парламенты имеют сходные функции, а именно:

- законодательство, включая согласование бюджета;
- контроль над правительством;
- представительство и учет общественных интересов;
- «волеобразование», т. е. активное влияние на население путем открытого изложения аргументов, касающихся принимаемых решений.

Различия между парламентами состоят в типе избирательной системы и, естественно, в правилах отзыва правительства.

В республике главой государства является президент, избираемый разными способами, но из среды граждан государства. В данном случае нет династического престолонаследия. В отличие от монарха президент по общему правилу избирается только на определенный срок (обычно от 4 до 7 лет, в Латвии — на 3 года). Переизбрание на очередной срок в некоторых странах (Египет, Франция) допустимо без каких-либо ограничений, но чаще всего одно и то же лицо может быть избрано президентом только на два срока (США, Россия). В отдельных странах второй срок президентства сокращенный (в Аргентине не 4, а только 2 года), в Мексике и некоторых других странах президент не может быть избран на следующий срок, а иногда на протяжении жизни не может быть повторно избран президентом. Способы избрания президента различны, но всегда в республике (кроме экстремальных ситуаций), в отличие от монархии, глава государства выборный, им может быть избран любой гражданин, отвечающий установленным в законе цензам. Президент в отличие от монарха — лицо ответственное, хотя его ответственность осуществляется в особых формах.

В большинстве республик мира принята форма президентской республики (США, Бразилия, Мексика, Филиппины, Зимбабве, Туркменистан и др.; подавляющее большинство стран Латинской Америки — президентские республики). В Африке до 1990-х гг. не было ни одной парламентской республики.

7.3.2. Территориально-политическое устройство государств

7.3.2.1. Понятие территориально-политического устройства и его разновидности

Политико-территориальное устройство государства — это организация государственной власти по территориальному признаку. Данное понятие характеризу-

ет соотношение государства как целого с его составными территориальными частями. Имея в своей основе властный характер, эта организация является политической. Даже выполняя задачи экономического районирования (например, при административно-территориальном делении), учитывая исторические, этнические факторы, традиции и др., такое устройство в конечном счете имеет в виду политические цели. Этим оно отличается от определенных географических понятий (например, Сибирь), экономических зон (например, соглашение областей Поволжья по экономическим вопросам), регионов и региональных объединений (например, Преображение Урала или Сибирское соглашение).

Территориально-политическое устройство — это организация территории, а не власти самой по себе (разделение властей, единство власти и т. д.). Поэтому в данном случае речь идет не о размежевании компетенции тех или иных органов, а о предметах ведения, полномочиях определенных территориальных единиц (субъектов федерации, автономных образований и др.).

Территориально-политическое устройство включает собственно политико-территориальное деление (субъекты федерации, политическая автономия и др., обладающие элементами государственности) и административно-территориальное устройство, тоже, в конечном счете, имеющее политическое значение.

В некоторых странах (Австрия, Венгрия, Швеция, Норвегия) существуют разные формы культурно-национальной автономии. Она есть и в России в соответствии с Законом 1996 г. Культурно-национальная автономия не основана на территориальном принципе и не является формой политико-территориального устройства.

Административно-территориальные единицы могут совпадать, а могут не совпадать с так называемыми территориальными коллективами — их населением, если оно вправе избирать свои представительные органы местного самоуправления. В одном и том же государстве некоторые звенья административно-территориального деления могут иметь статус территориального коллектива (районы в Германии), а другие — нет (округа в той же Германии, состоящие из районов). В связи с этим во многих зарубежных странах принято доктринальное (в научных работах, а не в законе) деление административно-территориальных единиц на естественные и искусственные. Считается, что первые сложились естественным путем сначала как исторические небольшие поселения людей, совместно занятых трудом и досугом (города, общины), многие из них затем выросли в многомиллионные населенные пункты, но продолжают иметь ранг общин (коммун, муниципальных образований).

В «естественных» единицах в условиях демократических режимов по традиции всегда создаются выборные органы общественного самоуправления (советы, комитеты, муниципалитеты), имеются выборные должностные лица (мэры, бургомистры и др.). Считается, что такие органы возникли с незапамятных времен, когда племена осели на одном месте и выбрали для решения «общих дел» людей искусных в военном деле, отличающихся мудростью и т. п.

Искусственные единицы, напротив, представляют собой результат административной деятельности государства, которое «сверху» провело районирование территории. В искусственных единицах выборные коллегиальные органы и должностные лица могут быть (если такие единицы получают статус территориальных

коллективов), а могут и не быть. Управление может осуществляться должностными лицами (чиновниками) общей компетенции (губернаторами, префектами и т. д.), назначенными центром — президентом, правительством, премьер-министром, министром внутренних дел (реже — вышестоящими чиновниками). Во многих случаях в искусственных административно-территориальных единицах могут быть и избранные советы, и назначенные должностные лица общей компетенции, полномочия между которыми разделены (назначенные должностные лица, в частности, всегда осуществляют административный контроль за законностью деятельности органов местного самоуправления). В некоторых странах все административно-территориальные единицы являются по своему статусу территориальными коллективами (США, Великобритания, Австралия и др.). В России самые разные единицы имеют статус муниципальных образований.

После Второй мировой войны (в некоторых странах до нее) в политико-территориальном устройстве государств наметились новые тенденции.

Во-первых, сильно возросло число федеративных государств, причем в новых федерациях федеративное устройство рассматривается преимущественно как способ децентрализации управления, а в «старых» федерациях наряду с этим стала господствовать тенденция кооперативного федерализма (совместное решение общих задач).

Во-вторых, стали создаваться более крупные единицы, охватывающие несколько субъектов федерации. В научной литературе, а иногда и в законодательных актах они обычно называются регионами. Такие регионы (в отличие от региональных единиц административно-территориального деления) создаются не актами центральных органов, а снизу, путем соглашений. Их создание прежде всего преследует цель экономической координации разных частей страны. В России это объединения центральных областей, областей Поволжья, Сибири и др. Хотя они задуманы для координации экономики, на деле иногда играют и политическую роль, выступая с определенными совместными требованиями. Голос таких объединений гораздо более весом, чем выступления отдельных субъектов федерации, когда они предъявляют свои требования президенту и правительству, особенно по вопросам экономической политики.

В-третьих, в рамках административно-территориальных единиц, их групп, а нередко чересполосно, захватывая отдельные части разных административно-территориальных единиц, создаются специальные округа (школьные округа, округа по вопросам водоснабжения, санитарии и др.). Возникнув сначала в США, они существуют теперь во многих странах (в Великобритании, Индии и др.). Это не административно-территориальные единицы, но они выполняют некоторые функции административно-территориального управления с элементами общественных начал. Управление такими округами специализировано, оно осуществляется лицами, назначаемыми муниципалитетами, чиновниками (агентствами), являющимися профессионалами в данной области. При них действуют разного рода консультативные советы, иногда формируемые населением путем выборов. Во многих странах на таких выборах существует значительная конкуренция кандидатов, которые рассматривают такие посты как трамплин для продвижения в политике.

Территориально-политическое устройство государства следует отличать от состава государственной территории (в понятие территории государства входит не

только суша, воды и воздушный столб над ними, но и подвижная территория, например военные корабли). Многие конституции, характеризуя состав государственной территории, называют ее составные части (например, в Филиппинах — архипелаг, острова, недра и др., на Кубе — прилегающие острова и рифы, в Намибии — некоторые бухты и порты, в конституции Китая говорится, что Тайвань — часть территории КНР, и т. д.) Эти части далеко не всегда представляют собой особые политико-территориальные или административно-территориальные образования, а зачастую являются лишь географическими или экономико-географическими единицами.

7.3.2.2. Унитарное государство

7.3.2.2.1. Определение и сущность унитарного государства

Термин «унитарное государство» происходит от латинского слова «унус», что значит «один, единственный». *Унитарное государство* — форма государственного устройства, административно-территориальные образования которой не имеют политической самостоятельности.

Территориальная организация государства характеризует соотношение целого и частей, центральных и региональных органов власти. Унитарное государство представляет собой единую, политически однородную организацию, состоящую из административно-территориальных единиц, не обладающих собственной государственностью. Оно имеет единую конституцию и гражданство. Все государственные, в том числе судебные органы составляют единую систему, действующую на основе единых правовых норм. Унитарные государства сформировались преимущественно в странах с мононациональным населением, хотя некоторые из них, например Испания, имеют в своем составе инонациональные образования, пользующиеся автономией, компетенции которой определяются центральной властью.

Унитарное государство является преобладающим в мире. К числу унитарных государств относится большинство стран Европы, Латинской Америки, Африки, ряд стран Азии. Для этих государств (называемых еще слитными и простыми) характерно наличие следующих основных признаков:

- единая конституция;
- единая система высших органов государственной власти (глава государства, парламент, правительство, суд);
- единое гражданство;
- единая система права;
- единая судебная система;
- разделение территория унитарного государства на административно-территориальные единицы, не обладающие политической самостоятельностью.

Унитаризм предполагает централизацию всего государственного аппарата, прямой либо косвенный контроль над муниципальными органами в административно-территориальных единицах. Он вызван потребностями единого капиталистического рынка, удобствами осуществления государственной администрации и никогда не обусловлен национально-этнической или расовой структурой населения.

Административно-территориальное деление (в унитарном государстве — это деление государства, в федеративном — деление субъектов федерации) включает разное число ступеней, звеньев. Обычно это

- области, провинции, губернаторства (единицы областного звена), на которые непосредственно делится территория унитарного государства;
- районы, уезды, округа (районное звено), из которых состоят единицы областного звена;
- общины, сельские административные округа, муниципальные округа, на которые делятся единицы районного звена.

Во многих странах таких ступеней три, в некоторых существует двухзвенное административно-территориальное деление (Болгария и др.), в отдельных — четырехзвенное (Франция и др.). Существуют унитарные государства, в разных частях которых административно-территориальное деление неодинаково (Англия, Шотландия и Уэльс в Великобритании).

7.3.2.2.2. Разновидности унитарного государства

Унитарное государство с точки зрения степени концентрации властных полномочий на высших этажах может быть жестко централизованным, централизованным, децентрализованным и относительно децентрализованным (получентрализованным, полудецентрализованным). В жестко централизованном унитарном государстве существует вертикальная система назначенных органов управления сверху донизу. В настоящее время такая система создается только в условиях военных режимов, ибо в нормальных условиях, по крайней мере в городах, общинах, имеются выборные советы или созываются собрания граждан (в селах). Иногда выборные должностные лица (в Индонезии даже старосты кварталов в городах) утверждаются (или не утверждаются) вышестоящими чиновниками (Индонезия, Таиланд), а в городах могут быть назначенные должностные лица (в Индии они назначаются правительствами штатов).

Унитарные государства чаще всего бывают *централизованными* (Великобритания, Швеция, Дания и др.) и *децентрализованными* (Франция, Италия, Испания). Централизованные государства могут предоставлять достаточно широкую самостоятельность (самоуправление) местным, низовым органам управления. Однако в них средние уровни управления не обладают значительной автономией и непосредственно ориентированы на выполнение решений центра. В ряде государств подчинение региональных органов центру осуществляется при посредстве должностных лиц, назначаемых из центра (Нидерланды, Казахстан, Узбекистан).

В децентрализованных унитарных государствах крупные регионы пользуются широкой автономией и даже располагают собственными парламентами, правительствами, административно-управленческими структурами и самостоятельно решают переданные им в ведение центральными органами вопросы, как правило, в области образования, коммунального хозяйства, охраны общественного порядка и т. п. В них региональные органы формируются независимо от центральных органов, поэтому юридически отношения между ними строятся на началах децентрализации (Великобритания, Новая Зеландия, Япония). Однако в отличие от

субъектов федерации в области налогообложения их компетенции ограничены, что ставит их в сильную финансовую зависимость от центра.

Унитарные государства бывают простыми и сложными. Простое унитарное государство состоит только из административно-территориальных единиц (Польша, Таиланд, Алжир и др.), сложное имеет в своем составе одно или несколько автономных образований (Дания, Китай, Никарагуа и др.). Устройство унитарных государств, имеющих в своем составе автономии (сложных унитарных государств), может быть различным в зависимости от числа автономных образований и формы автономий. Однако самостоятельность отдельных частей страны ни в коем случае не подрывает унитарные черты государства.

7.3.2.3. Федеративное государство

Второй основной вид формы государственного устройства — федерация. В отличие от унитарии она сложна и многолика и в каждом конкретном случае обладает уникальными специфическими особенностями.

7.3.2.3.1. Определение и сущность федеративного государства

Федерализм — (от лат. *foederatio* — союз, объединение) — система правления, в которой власть осуществляется одновременно общенациональным правительством и автономными органами правления. Центральным пунктом определения является двухуровневая структура правления. При федерализме суверенность разделяется между национальным (федеральным) и региональным руководством, т. е. с одной стороны центральное правительство, с другой — республики, края, области, провинции и другие составляющие региональной власти.

Федерация — это не просто союз государств (регионов), а форма *полного* переустройства всей государственной и общественной жизни объединенных субъектов, предполагающая их интеграцию, объединение в особое, но все же единое государство. По сути дела, это форма сочетания *двух государственных суверенитетов*. В рамках федеративной системы правления каждый гражданин одновременно принадлежит двум общностям: федерации в целом и ее отдельному субъекту. Федерация представляет собой сложное (союзное) государство, состоящее из государственных образований (штатов, земель, провинций, кантонов, республик), обладающих юридической и определенной политической самостоятельностью.

Главное отличие федерации от унитарного государства состоит в том, что источником власти, субъектами государственного суверенитета выступают в ней крупные территориальные образования (штаты, земли, края), и весь народ, состоящий из равноправных граждан (в унитарном государстве существует лишь один субъект суверенитета — народ.) *Федерация* — это устойчивый союз государств, самостоятельных в пределах распределенных между ними и центром компетенций, имеющих собственные законодательные, исполнительные и судебные органы и, как правило, конституцию, а часто и двойное гражданство.

Федерация строится на основе распределения функций между ее субъектами и центром, зафиксированного в союзной конституции, которая может быть изменена только с согласия субъектов федерации. При этом одна часть вопросов является исключительной компетенцией союзных органов, другая — субъектов федера-

ции, третья — совместной компетенцией союза и его членов. Уважение союзным руководством и всеми субъектами федерации прав и полномочий друг друга контролирует независимый суд и двухпалатный парламент, верхняя палата которого формируется из представителей территорий.

По своему замыслу федеральный принцип государственного устройства призван:

- обеспечить свободное объединение и равноправное взаимодействие общностей, обладающих значительными этническими, историко-культурными, религиозными, лингвистическими и другими особенностями;
- создать оптимальные возможности для выражения региональных и других интересов меньшинств, для постепенной подготовки оппозиции к выполнению общесоюзных правительственных функций;
- приблизить власть и управление к гражданам.

Члены федерации — соучастники общегосударственного суверенитета — фактически не обладают индивидуальным суверенитетом и правом одностороннего выхода из союзного государства. В большинстве союзных конституций содержится право федеральных органов вмешиваться во внутренние дела членов федерации в случае возникновения там чрезвычайных ситуаций: стихийных бедствий или массовых беспорядков.

Для федерации характерно, что

- ее территория в политико-административном отношении не представляет собой единого целого (она состоит из территорий субъектов федерации; но государственные образования, составляющие федерацию, не обладают суверенитетом, под которым понимается свойство государственной власти быть независимым в сфере как внутренних, так и внешних сношений; кроме того, субъекты федерации не обладают правом одностороннего выхода (право сепарации) из союза);
- субъект федерации наделяется учредительной властью, т. е. ему предоставляется право принятия собственной конституции; но конституции субъектов должны полностью соответствовать федеральной конституции (принцип субординации);
- субъекты федерации имеют право издавать свои собственные законодательные акты при условии их соответствия федеральному законодательству; принцип приоритета общефедерального закона является всеобщим для всех без исключения федераций;
- субъект федерации может иметь свою собственную правовую и судебную системы;
- одним из формальных признаков федерации является наличие двойного гражданства: каждый гражданин считается гражданином союза и соответствующего субъекта федерации;
- обязательным признаком федеративной формы считается двухпалатная структура союзного парламента (бикамерализм): нижняя палата рассматривается как орган общесоюзного представительства и избирается по территориальным избирательным округам верхняя палата представляет интересы субъектов федерации.

Термины «федерация», «федеративное государство» употребляются для характеристики государства многими конституциями (Аргентины, ФРГ, РФ и др.).

Иногда как идентичные употребляются термины «союз» (Индия), «соединенные штаты» (Мексика, США), «федеративная республика» (Бразилия, Германия). Канада и Швейцария по традиции официально называются конфедерациями, хотя уже давно они превратились в федеративные государства. В некоторых конституциях (Объединенная Республика Танзания, Объединенная Республика Камерун, существовавшая до 1972 г.) подобных терминов нет, и заключение о федеративном характере государства можно сделать только на основе анализа текста конституции и изучения правовой и политической практики.

Федеративные государства возникли по-разному. Некоторые из них образовались «снизу»: на основе объединения ранее самостоятельных государств, ставших членами (субъектами) федерации, возникли США в 1787 г., Танзания — в результате объединения Танганьики и Занзибара в 1964 г., Объединенные Арабские Эмираты образовались в 1971 г. Так же был образован и СССР в 1922 году. Многие федерации были, однако, созданы «сверху», при принятии конституций или специальными законами (Индия, Пакистан и др.), другие сочетали те или иные способы (Россия).

Федерации на основе союза возникли в результате объединения ранее самостоятельных государств и потому после создания нового, более крупного государства обычно сохраняли государственный суверенитет и право выхода (сецессии) из состава федерации. В настоящее время таких федераций почти нет (о праве выхода говорится в конституции федерации Сент-Кристофер и Невис, с определенными особенностями — в Конституции Эфиопии 1994 г.). Среди крупных федераций, допускавших право выхода, был СССР, распавшийся в 1991 году. Причем три Прибалтийские союзные республики (Латвия, Литва, Эстония) использовали закрепленное в Конституции СССР 1977 г. право выхода, хотя и осуществили это с нарушением специального Закона о порядке осуществления этого права, принятого союзным парламентом в 1990 г. Впрочем, и союзные органы СССР (чрезвычайный орган — Государственный совет) действовали подобным образом.

В других федерациях, созданных на основе союза, право выхода не признается. В США это было подтверждено специальным решением Верховного суда («наш союз нерасторжим»). Современное конституционное право в принципе отвергает право сецессии. Признавая право на самоопределение наций в Российской Федерации (в ее рамках), Конституция России не признает право сецессии. Поэтому федеральные войска в 1994—1996 гг. вели военные действия в Чеченской Республике, провозгласившей государственную самостоятельность. Вооруженные действия против отделившихся субъектов Федерации велись в США (1861—1865 гг.), в Швейцарии (1847 г.), в Нигерии (в 70-х гг.). Силой оружия их заставили вернуться в союз. В других случаях попытки сецессии были пресечены судебными решениями (Австралия), но иногда она осуществлялась или вооруженным путем (выход Бенгалии из Пакистана и образование государства Бангладеш), или при использовании мирных средств (разделение Чехословакии, выход Сингапура из Малайзии).

Отвергая право сецессии, многие современные федерации являются по существу федерациями на основе автономии ее субъектов, хотя степень ее гораздо выше, чем это имеет место в случае с политической автономией в унитарном государстве. Да и ее характер иной: автономией на равных началах пользуются все субъ-

екты федерации. В федерациях, основанных на автономии, их субъекты с точки зрения политической оценки их положения являются не государствами (хотя иногда юридически используется и такой термин), а государственными (государствоподобными) образованиями.

О суверенитете говорят некоторые конституции республик в составе России, мексиканская и швейцарская конституции (1917 и 1874 гг.). Однако последние вкладывают в это понятие совершенно определенный смысл и в юридических формулировках постановляют, что это суверенитет в своих внутренних делах, поскольку он не ограничен федеральной конституцией.

С точки зрения своего внутреннего строения федерация отличается:

- наличием двух уровней управления, обладающих собственной компетенцией в вопросах представления интересов граждан;
- конституционным распределением исполнительных и законодательных полномочий Центра и субъектов федерации;
- обеспечением представительства региональных интересов на федеральном уровне (чаще за счет образования второй палаты федерального парламента);
- верховенством федеративной конституции, которая не может изменяться односторонне и требует согласия большинства членов федерации;
- наличием третейского (независимого) суда, разрешающего споры властей разного уровня;
- наличием института межправительственного сотрудничества, регулирующего проблемы относительно предметов совместного ведения сторон.

Большинство проблем развития современных федераций связано с тем, что Центр, апеллируя к сохранению территориальной целостности и повышению эффективности хозяйственного регулирования, постоянно стремится к централизации управления (в том числе органами субъектов федерации), в то время как субъекты федерации заинтересованы в расширении своей самостоятельности и автономии. Поэтому в федерациях идут постоянные споры из-за прав регионов в проведении налоговой, бюджетной, социальной политики, из-за расширения (сужения) национальной и провинциальной юрисдикции и т. д. Таким образом, спектр отношений между Центром и регионами располагается в диапазоне от «централизованного федерализма» (практически сближающегося с унитарными государствами) до «договорного федерализма» (когда объединение государств происходит на основе строго оговоренной передачи субъектами некоторых своих прав новообразованному центральному правительству).

Практика показывает, что тенденции к автономизации субъектов федерации постепенно нарастают. Помимо расширения внутривнутриполитических прав многие регионы (в США, Канаде, России) создают постоянные внешнеторговые представительства в других странах, поддерживают международные контакты с иными государствами, являются членами международных организаций. При этом некоторые межгосударственные органы поощряют такую форму автономизации государственного устройства различных стран, формируя свои структуры по региональному принципу (Европарламент), а некоторые финансовые институты (Европейский банк) оказывают помощь кредитами не национальным государствам, а отдельным регионам.

7.3.2.3.2. Разновидности федеративного государства

В мировой практике подходы к конституционному разграничению компетенции между федерацией и ее субъектами весьма разнообразны, что вытекает из многообразия федеративных моделей. По мнению М.В. Золотаревой, существует около 60 моделей федерализма и их разновидностей [36].

В современном мире существует 23 федерации, их число выросло втрое после окончания Второй мировой войны. Обычно это крупные государства, существующие на всех континентах планеты: Германия и Россия — в Европе, Индия и Пакистан — в Азии, Нигерия и Эфиопия — в Африке, США и Бразилия — в Америке, Австралия в Океании и другие. Среди них есть небольшие высокоразвитые государства (Австрия, Бельгия), страны среднего уровня развития (Мексика), отстающие государства (Исламская Федеративная Республика Коморских островов), есть и совсем малые государства (Федерация Сент-Кристофер и Невис в Карибском бассейне с населением 50 тыс. чел.).

В зависимости от роли национального (лингвистического) фактора различают федерации на территориальной основе (США, Австралия, Австрия, ФРГ, Аргентина, Венесуэла, Бразилия, Мексика), на национальной основе (Индия, Бельгия, Нигерия, Пакистан) и на смешанной национально-территориальной основе (Россия, Швейцария, Канада).

Федеративные государства подразделяются на этнические и анэтнические. В этнических федерациях население национально неоднородно (Канада, Россия) и субъекты образуются по национальному признаку. В анэтнических федерациях население либо этнически едино (Австрия, ФРГ), либо тяготеет к однородности (Австралия, США).

В теории конституционного права иногда проводится различие между

- конституционными федерациями (США, Канада, Бразилия);
- конституционно-договорными (Россия) и договорными (Швейцария, Танзания, Объединенные Арабские Эмираты);
- централизованными (Индия, где все штаты, кроме одного, не имеют своих конституций и гражданства);
- децентрализованными (США, ФРГ, Швейцария).

Процессы развития федерализма в последние десятилетия свидетельствуют, что ни территориальный, ни национально-территориальный подходы к созданию федераций нельзя абсолютизировать, каждый из них имеет свои преимущества и недостатки, каждый может быть применен с учетом конкретной ситуации в данной стране.

Национально-территориальный подход соответствует международно признанному праву народов (наций, этносов) на самоопределение, т. е. коллективному праву на самостоятельный выбор форм организации своей жизни (при согласии других этносов на федерирование). Он может способствовать интеграции частей распадающегося многонационального государства или их объединению вновь в виде федерации (если такая интеграция соответствует интересам населения), ускоренному развитию страны в результате «сложения сил» и особенно экономическому и культурному прогрессу окраинных и иных регионов страны, населенных национальными меньшинствами; такой подход способен снять определенные

противоречия между национальностями. Не случайно небольшая Бельгия после различных попыток сгладить этнические распри пошла по этому пути, национальный принцип избрала Эфиопия после ряда лет вооруженного противоборства между крупными этносами страны.

Однако национально-территориальный принцип по своей природе содержит в себе отрицательный элемент. Он может породить сепаратистские тенденции, которые, как правило, не соответствуют коренным интересам этносов и инспирируются местными элитами, этнократией и иногда даже мафиозными группировками, как свидетельствуют, в частности, некоторые примеры республик Российской Федерации. В Канаде были проведены два референдума (1985 и 1995 гг.) по вопросу о выходе провинции Квебек из состава федерации. Население провинции отвергло это предложение, но сторонники сепаратизма продолжали настаивать. В 1998 г. Верховный суд Канады вынес по этому вопросу предварительное решение, смысл которого состоял в том, что такие принципиальные вопросы нельзя решать в одностороннем порядке.

В некоторых федерациях местная номенклатура, выросшая на базе использования тех преимуществ, которые предоставлялись федерацией (за счет всех ее народов) для ускоренного развития ранее отсталых национальных районов, стремится завоевать положение удельных князей, ханов, раздувает национализм, требует для себя особых привилегий в федеральной структуре (налоговых, экономических, а иногда и политических). Развитие сепаратистских тенденций в прежних СССР и Югославии, современной России, Чехословакии привело к локальным войнам (в Югославии, Чечня в России). Распад некоторых из них — свидетельство о возможности отрицательного воздействия национально-территориального принципа на единство государства. Хотя, конечно, есть и другие, часто более весомые причины для такого распада, прежде всего игнорирование местных интересов, нужд и законных прав этносов, превращение федераций в унитарные государства при тоталитарном режиме и безраздельном господстве одной партии.

Нередко сепаратизм питается не столько национальными (этническими, племенными), сколько религиозными и иными факторами (федерации — Индия, Малайзия, Мексика, унитарные государства — Индонезия, Филиппины, где тоже есть сепаратистские движения). Даже в развитых странах создаются сепаратистские группировки. Одна из них провозгласила штат Техас в США независимым государством, другая в 1997 г. создала «парламент» несуществующей «республики Падания» на Севере Италии.

Преувеличение национального момента в государственном строительстве может не сплотить, а, напротив, подорвать государственную общность, единство федерации как государства. Поэтому, например, в Нигерии, где сильны племенные (этнические) противоречия, при неоднократных реорганизациях федерации в 1960—80-х гг. три десятка штатов были созданы с таким расчетом, чтобы «растворить» племена между территориями, создать такие условия, чтобы ни в одном из штатов не доминировало какое-нибудь одно племя. Такие методы применялись и в некоторых других странах. Таким образом, в некоторых условиях национально-территориальный принцип используется «наоборот», он учитывается, но для того, чтобы отвергнуть строительство федерации по территориально-этническому признаку.

Территориальный подход к структуре федерации тоже имеет свои преимущества и недостатки. Он может способствовать укреплению государства путем разумной централизации, а с другой — предоставляет населению определенных регионов (не только национальным группам) необходимые возможности для самостоятельного решения своих проблем, делая регионы (области, провинции. и т. д.) субъектами федерации. Территориальный подход может стимулировать процессы интеграции (если это необходимо для общества), приглушать сепаратизм (в частности, сочетаясь с автономией). Такой подход доказал свою полезность в США, Германии, Бразилии и многих других федерациях.

Однако территориальный подход тяготеет к излишней централизации, склонен игнорировать коллективные права компактно проживающих этнических общностей, выдвигая на первый план общегосударственные интересы. Поэтому, применяя его, важно учитывать в комплексе два фактора: коллективные права того или иного этноса и интересы и права всего народа данной страны, населения государства как целого. Нельзя в угоду местным интересам или интересам одной этнической группы поступаться интересами всего общества, равно как нельзя во имя «высших» интересов общества или государства поступаться правами этнических групп или территориальных коллективов различных регионов страны.

Территориальный подход в отличие от национального не может базироваться на каком-либо одном постулате (например, численности населения в том или ином регионе). Он должен учитывать экономические, исторические, географические, этнические и иные данные; иначе говоря, он должен иметь многофакторный характер. Таким образом, речь идет о комплексно-территориальном подходе. Только в этом случае территориальный подход бывает продуктивным, особенно в тех странах, где нации, иные этнические общности находятся в процессе становления. Применение этого подхода требует тщательной взвешенности принимаемых решений, достижения предварительного согласия в обществе. Простое переименование огромного числа прежних областей и автономий в субъекты федерации, как это имело место в России, не дает положительного результата.

В последние годы, в связи с возрастанием числа и разнообразия федераций, в науке все чаще применяется их разделение на симметричные и асимметричные. Это различие имеет в виду правовое положение различных частей федерации, юридические, а не экономические аспекты. Экономическое и политическое влияние разных субъектов федерации повсюду неодинаково, поскольку различна численность их населения, размер территории, экономический потенциал и т. д. В США роль штата Калифорнии, который дает почти 40 % промышленной продукции страны (по стоимости), несопоставима с мелкими штатами, в Пакистане доминирует Пенджаб, в Индии есть штаты по численности населения значительно больше самых крупных европейских государств и небольшие штаты. В Германии тоже отдельные города-земли в 174 раза уступают самым большим по территории и почти в 30 раз по численности населения.

В идеале в симметричной федерации все образующие ее составные части одинаковы и равноправны. Такая федерация состоит только из субъектов федерации (среди образующих ее частей нет несубъектов), имеющих один и тот же правовой статус. Только субъекты являются частями федерации в Германии (земли), в ОАЭ (эмираты), Аргентине (провинции), России (применяются разные названия субъ-

ектов). Однако абсолютно симметричных федераций нет, какие-то элементы различий между субъектами существуют везде. В Германии земли имеют неодинаковое число голосов в верхней палате парламента — бундесрате (от трех до шести голосов независимо от численности представителей земли), в однопалатном Советательном Национальном собрании ОАЭ эмираты имеют от 8 до 4 представителей. В России одни субъекты имеют свои конституции и называются в федеральной Конституции государствами (хотя и в скобках), другие — нет; в Бельгии тоже есть различия между субъектами и т. д. Только в Австрии, Мексике, Бразилии, Аргентине структура федераций близка к идеалу симметричной федерации (с точки зрения правового положения ее составных частей).

Асимметричная федерация состоит из различных частей, неодинаковых по своему правовому положению (субъектов и несубъектов), а статус субъектов, в свою очередь, может быть неодинаков. В США помимо штатов (субъектов) существуют небольшие территории (владения) — Виргинские острова, Восточное Самоа и др., федеральный округ Колумбия, так называемые ассоциированные «государства» (ассоциированные штаты) — Пуэрто-Рико и др., которые не пользуются правами штатов (их население, в частности, не участвует в выборах парламента США). В Индии есть шесть «союзных территорий», статус которых ниже статуса штатов. Штаты имеют местные парламента, правительства, а территории управляются федеральными властями. Аналогичная ситуация существует в Австралии, некоторых других государствах.

Статус субъектов может быть неодинаков. В Индии некоторые штаты (например, штат Джамму и Кашмир, штат Сикким) имеют более широкие права по сравнению с другими штатами (для первого штата сделано много исключений из конституции; законы парламента, относящиеся к Сиккиму, требуют согласования с ним), права мелких штатов (Метхалай, Нагаленд и др.) урезаны, хотя в них с разрешения губернатора может не применяться федеральное законодательство по некоторым вопросам, регулируемым племенными обычаями. В Малайзии главы 4 из 13 штатов не участвуют в выборах главы государства. В России в составе федерации только субъекты (с разными названиями). Хотя Конституция говорит, что все субъекты равноправны (ст. 5), по той же Конституции их правовой статус не совсем одинаков. Республики считаются государствами, имеют свою конституцию, могут иметь свое гражданство и государственный язык. Другие пять видов субъектов (области, края, города федерального значения, автономная область и автономные округа) такими правами не обладают.

7.3.2.4. Конфедерация

Федерация как форма территориального устройства государства показала свою жизнеспособность. Этого нельзя сказать о *конфедерации* — постоянном союзе самостоятельных государств, созданном для осуществления конкретных совместных целей. Ее члены сохраняют государственный суверенитет и передают в компетенцию союза решение лишь ограниченного числа вопросов, чаще всего в области обороны, внешней политики, транспорта, связи и денежной системы. Классические конфедерации существовали в США (1776—1787), Швейцарии (до 1848 г.), Германии (1815—1867) и некоторых других странах. Эта форма государственного объединения непрочна и обычно либо эволюционирует в федерацию, либо распа-

дается. Ряд авторов относит к конфедерации Британское содружество наций (главные участники — Великобритания, Австралия, Канада) и Европейский Союз.

После распада СССР сделана попытка создать Содружество независимых государств (СНГ) — союз суверенных государств, координирующих свою деятельность в различных сферах. Такая форма государственных образований не может быть устойчивой и эффективной, поскольку не обеспечивает единство деятельности содружества, не создает властных гарантий выполнения ими своих обязательств. Вместе с тем опыт Европейского Союза свидетельствует, что долговременное объединение и сближение государств возможно на пути экономической интеграции и постепенной реализации федеративных принципов. Не получила реального воплощения в жизнь и идея создания союзного государства России и Белоруссии.

Отношения между членами конфедерации симметричны, т. е. в соответствии с законами государства равны. Кроме того, объединившись в конфедерацию, они сохраняют неограниченное право отделения в тот момент, когда сочтут это нужным.

Формы территориального устройства и формы правления влияют на строение законодательной и исполнительной властей государства. Они создают специальные объединенные органы для координации действий в определенных целях (внешнеполитических, военных, экономических и др.). Законодательные органы формируются здесь не путем выборов, а представительными органами субъектов договора, и потому члены этих органов, за некоторыми исключениями (Швейцария), голосуют только в духе официальной позиции своих государств. Совместные органы не имеют прямых связей с гражданами отдельных государств. В конфедерации нет единого союзного гражданства, население остается гражданами суверенных государств, входящих в конфедерацию. Общие органы власти и управления не имеют права непосредственного налогообложения граждан. Отсутствует право набора воинских формирований.

Не менее важна для нормального функционирования государственного механизма судебная власть. Независимое правосудие призвано контролировать соблюдение конституции и законов всеми государственными и общественными учреждениями и гражданами, разрешать возникающие между ними споры, обеспечивать стабильность государственного и общественного строя. Конфедерация в отличие от государств-членов строит свою деятельность на основе международного права и добровольно принятых взаимных обязательств стран-участниц. При этом последние всегда могут отказаться от выполнения решений объединенных органов власти по тем или иным вопросам, не совпадающим с их насущными интересами.

К разновидностям государственных объединений конфедеративного типа относятся:

- *кондоминимумы*, представляющие собой политические союзы, осуществляющие общее управление двумя или большим числом внешних территорий, но таким образом, что население этих государств имеет большую свободу самоуправления (Андорра);
- *ассоциированные государства*, функционирующие на основе договорных союзов, которые могут быть приостановлены на заранее оговоренных условиях (Острова Кука и Новая Зеландия, Маршалловы острова и США);

- *договорные союзы*, представляющие собой такое политическое устройство, при котором большее государство односторонне влияет на меньшее, не имеющее практически никакого воздействия на управление большей частью (Бутан и Индия);
- *объединения государств*, центром которых являются бывшие метрополии. Вокруг них группируются бывшие колонии. Это, прежде всего, Британское содружество наций и Франкофония, основывающиеся на общности языка, элементов культуры, наличие некоего наднационального аппарата. Преимущественная сфера сотрудничества государств, входящих в эти объединения, — культура, наряду с которой все большее значение приобретает политика и экономика;
- *новые объединения государств*, например Европейское содружество, в котором создано не только общее экономическое пространство, но и надгосударственные органы, Конституция, координируется политика.

7.3.2.5. Империя

Последний вариант формы государственного устройства — империя. Термин «империя» латинского происхождения и первоначально означал высшее полномочие консулов и диктаторов в Древнем Риме. Позже под империей стала пониматься территория, на которую распространялась власть императора. Сегодня сутью данного понятия является объединение под началом жесткой централизованной власти этнических и административно-территориальных образований на основе отношений «метрополия-колонии», «центр-провинции».

Империи существовали во многих цивилизациях и в разные исторические эпохи, и в каждом конкретном случае они обладали специфическими чертами. Тем не менее можно выделить общие характеристики имперских систем:

- обширная территориальная основа;
- сильно централизованная власть;
- стремящиеся к экспансии элиты;
- асимметричные отношения господства и подчинения между центром и периферией;
- наличие общего политического проекта, стоящего над интересами конкретных групп;
- разнородный этнический и культурный состав.

При создании империй правящие элиты руководствовались разными мотивами. Основную роль при этом играли причины экономического характера, хотя не следует недооценивать и военные причины, а также мотивы, связанные со стремлением увеличить международный престиж. На современном этапе в мире осталась всего одна имперская система — Китай.

В условиях буржуазного типа государств империи уходят в прошлое. В рамках этого типа форма государственного устройства совмещается с формой правления в любых комбинациях. Это обеспечивается утверждением в стране демократического политического режима, который постепенно приходит на смену авторитарным и либеральным режимам. Однако ряд исследователей считает, что империи могут быть реанимированы. При этом они сохраняют форму, а содержание и процесс могут иметь другой характер.

В целом независимо от форм государственного устройства и деления функции управления в разных государствах схожи, однако их содержание, средства и методы реализации весьма различны.

7.3.2.6. Территориальная и национально-культурная автономия

Анализ проблемы был бы неполным без рассмотрения государственных образований (квазигосударств) — *автономий*.

7.3.2.6.1. Определение и сущность территориальной и национально-культурной автономии

Слово «автономия» (от древнегреческого «свой закон») означает самостоятельность, самоуправление. В современных условиях под автономией понимается учет национальных (этнических), культурных, исторических, географических, бытовых и иных особенностей в государственном строительстве. Такие особенности могут быть учтены по-разному:

- путем выделения особых территорий, которым предоставляется специфический режим по управлению вопросами местного значения;
- либо путем создания особых общественных объединений различных этнических групп и создания ими своих органов.

В первом случае, когда учитываются особенности компактно проживающих групп населения, создается территориальная автономия. Чаще всего при этом учитывается этнический признак.

Во втором случае автономия является культурно-национальной (национально-культурной). Она не связана с обособлением территории и применяется, когда лица, принадлежащие к той или иной этнической группе, разрозненно проживают в различных частях страны или вперемежку с другими этническими группами. В этом случае созданные этносом объединения или органы могут иметь представительство при центральных органах государства (обычно при правительстве) с консультативными, совещательными полномочиями. Такое представительство на разных уровнях имеют более 10 различных этнических групп в Венгрии, столько же в Австрии, саамы в Швеции, Норвегии, Финляндии. Органы той или иной автономии представляют и защищают интересы этноса, занимаются вопросами охраны и развития национальной культуры, прессы, языка. В редких случаях культурно-национальная автономия может приобрести отдельные черты территориальности. Это имеет место в связи с выделением определенных районов для выпаса оленей в странах Северной Европы. Культурно-национальная автономия существует в России на федеральном и местном уровне. Свои объединения на федеральном уровне имеют татары, немцы, украинцы и другие этносы. В субъектах Федерации имеются свои объединения местных этносов. Во многих крупных городах России (в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и др.) также существуют различные культурные общества народов.

Согласно Закону 1996 г. о культурно-национальной автономии в России это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой общественное объединение граждан России, относящих себя к определенным этничес-

ким общностям. Такие объединения создаются на основе добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Культурно-национальные автономии могут создавать СМИ, развивать национальные ремесла, организовывать образовательные, научные, культурные учреждения и т. д. Закон устанавливает, что право на культурно-национальную автономию не является правом на национально-территориальное самоопределение.

7.3.2.6.2. Формы территориальной и национально-культурной автономии

В марксистской литературе длительное время считалось, что создание автономии возможно только на основе национально-территориального признака для компактно проживающих этносов. Другие признаки отвергались. Культурно-национальная автономия отрицалась, поскольку считалось, что она разделяет рабочий класс национальными перегородками, ослабляя тем самым его силы. Правда, говорилось о так называемой областной автономии, которая понималась по-разному: как синоним национально-территориальной автономии и как форма закрепления определенной самостоятельности административно-территориальных единиц (не только областей) при решении местных вопросов. На практике в тех союзных республиках бывшего СССР, где существовали автономные образования (автономные республики в РСФСР, Азербайджане, Грузии и др.), автономные области (РСФСР, Таджикистан и др.), автономные или национальные округа (РСФСР), а также разные формы автономии в Югославии, Чехословакии, Вьетнаме, они создавались только по этническому признаку. Автономии же административно-территориальных единиц не предусматривались, существовала жесткая централизация. В настоящее время такой подход к автономии принят в Китае, где существует более 150 автономий различных ступеней.

В западной литературе принят более широкий подход: территориальная автономия допускается не только для учета этнических особенностей, но и по другим основаниям. Особенно широкое распространение создание автономных образований получило после Второй мировой войны. Постепенно в Италии были созданы 20 автономных областей, часть из них учитывала этнические признаки, часть — особенности культуры и быта, но большинство опиралось в основном на географические факторы. В 1970-х гг. создание автономного образования курдов было провозглашено на севере Ирака, в 1980-х гг. по два автономных образования созданы на Филиппинах и в Никарагуа, 17 автономий образованы в Испании. В 1990-х гг. автономия гагаузов создана в Молдове, статус политической автономии получила Корсика во Франции и т. д.

В зависимости от компетенции (предметов ведения) территориальных автономных образований их можно разделить на две группы: политическую (законодательную) и административную автономию. Политическая автономия имеет право собственного законодательства, административная такими правами не обладает. Правда, непреодолимых рубежей между ними нет: иногда мелкие автономии, входящие в состав более крупных, могут издавать свои законы, но политической автономией не обладают (Испания). Напротив Автономная Республика Крым на Украине, например, является политической автономией, имеет свой парламент,

Совет (кабинет) министров, но не вправе принимать акты, называемые законами. Крымский парламент принимает только постановления, решения, а законы издаст Верховная Рада Украины.

7.3.2.6.3. Политическая автономия

К числу политических автономий относится 20 областей в Италии, автономные единицы разного рода в Испании, автономный край Воеводина в Сербии, Северная Ирландия, Шотландия и Уэльс в Великобритании, Аландские острова в Финляндии, Фарерские острова и Гренландия в Дании, Нахичеванская Автономная Республика в составе Азербайджанской Республики, Абхазия в Грузии, Республика Каракалпакстан в составе Республики Узбекистан, Автономная Республика Крым в составе Украины и т. д. Права политических автономных образований неодинаковы не только в разных государствах, но и внутри одного государства. В Португалии Азорские острова и остров Мадейра, помимо принятия местных законов, имеют право законодательной инициативы в португальском парламенте, а также право принимать участие в международных переговорах Португалии, если затрагиваются их интересы. Дания в отношении Фарерских островов и Гренландии сохраняет за собой контроль только в отношении обороны и иностранных дел; в Испании, где наряду с четырьмя «национальными областями» (Страна басков, Каталония и др.) есть еще 13 «исторических областей», которые иногда (не всегда) входят в «национальные области» (например, в Арагоне), полномочия последних уже, хотя каждая из них имеет свою ассамблею, принимающую местные законы, и свое правительство. Более жестким в этом случае является контроль правительства и административных судов, тогда как, например, в Стране басков и Каталонии, которые имеют наиболее широкую автономию (признается местное гражданское право, специфическим является судебный процесс, существует собственная полиция и т. д.), контроль осуществляется только со стороны Конституционного суда.

В большинстве стран управление в политической автономии строится по общей схеме. Имеется избранный местный парламент, который формирует местное правительство. Местные законы и иные акты должны соответствовать общегосударственным. Они издаются по ограниченному кругу вопросов: ярмарки, рынки, санитария, организация местной полиции, организация административных учреждений, подчиненных области, иногда — сельское хозяйство, охота, рыболовство, охрана природы и др. Эти законы могут быть отменены центральными органами, если выходят за пределы компетенции автономии, противоречат общегосударственным актам или общегосударственным интересам. Представителем центрального правительства является назначенный губернатор (государственный комиссар на Фарерских островах и в Гренландии, министр по делам Северной Ирландии в Великобритании, министр в каждой из областей Азорских островов в Португалии и т. д.). Он имеет право отлагательного вето по отношению к законам местного парламента или право резервировать их (отложить вступление в силу) на усмотрение правительства, главы государства. Статут об автономии (Закон о данном автономном образовании, Конституционный закон в Италии в отношении каждой из пяти основных автономных областей из общего числа 20) принимается или, по крайней мере, утверждается общегосударственным парламентом. Среди

этих пяти областей в свою очередь наиболее широкими полномочиями обладает Сицилия.

Провозглашенная конституциями политическая автономия во многих развивающихся странах на деле не реализована. В Шри-Ланка продолжается вооруженная борьба тамиллов, на юге Судана воюют (там было провозглашено создание трех автономий для неарабских племен) и т. д.

При возникновении в автономии чрезвычайной ситуации права автономии могут быть приостановлены, управление ею в этом случае осуществляется непосредственно центральными органами. «Прямое правление» Лондона осуществлялось в Северной Ирландии три десятка лет (до соглашений 1998 г.) из-за столкновений католиков и протестантов, совершаемых террористических актов.

7.3.2.6.4. Административная автономия

Наиболее широко применяется административная автономия в Китае с целью учета специфических интересов национальных меньшинств. Они составляют в стране около 7 % населения, но охватывают половину территории страны, будучи, правда, чаще всего расселены вперемежку с этническими китайцами (хань) и другими этносами. В соответствии с Законом 1984 г. о национальной районной автономии компактно проживающие национальные меньшинства (уйгуры, тибетцы, чжуане и др.) создают три вида автономии: автономный район (это самая крупная единица; их пять), автономный округ и автономный уезд (низовое звено). Автономное образование может создать одно национальное меньшинство или несколько совместно проживающих меньшинств; в одно автономное образование часто входят другие, меньшие по территории и численности населения.

В Китае есть также национальные волости, но они не считаются автономиями; в автономных образованиях создаются такие же органы, как и в обычных административно-территориальных единицах, в том числе собрания народных представителей. В соответствии с принятой в Китае марксистско-ленинской концепцией они рассматриваются как местные органы государственной власти. Как и в обычных единицах, в автономиях также создаются избираемые собраниями народных представителей местные народные правительства (органы типа исполнительных комитетов). Однако органы автономий обладают некоторыми дополнительными полномочиями, которыми наделяются все автономии независимо от их ранга. Поэтому они обычно называются органами самоуправления автономий. Они принимают положение о данной автономии, утверждаемое вышестоящим государственным органом; вправе с разрешения вышестоящих органов изменять акты последних или приостанавливать их исполнение, если они не соответствуют реальным условиям в автономных образованиях. Органы автономий вправе осуществлять хозяйствование с учетом местных условий, пользоваться преимуществами в разработке и использовании местных природных ресурсов; они ведают делами образования, культуры, науки, имеют право на внешнеэкономическую деятельность (особенно это относится к торговле с сопредельными странами). Большинство мест в местном представительном органе согласно закону должна иметь местная национальность (национальности); председатель и заместители председателя постоянного комитета собрания народных представителей должны быть местными

гражданами (постоянный комитет — постоянно действующий орган, избираемый редко созываемым собранием народных представителей).

7.3.2.7. Государственное устройство современной России

Современная система государственного управления России складывалась в результате изучения и заимствования опыта других стран, и прежде всего Франции. Однако это не стало слепым копированием, и в значительной мере использован 90-летний опыт российской политической жизни и многовековая государственная традиция. В соответствии с Конституцией Россия является полупрезидентской республикой с доминирующим положением Президента в системе власти. На практике Президент усилил свои полномочия и за счет парламента — Законодательного собрания (регулирование указами Президента таких вопросов, для которых нужен закон), и за счет Правительства (регулярные вызовы раз в неделю премьер-министра для отчета, прямые указания ему и министрам, непосредственное руководство президента так называемыми силовыми и некоторыми другими министрами).

В целях повышения своего влияния президент имеет и укрепляет собственный аппарат (Администрация Президента), который, по существу, поставлен над Правительством. Огромная роль этого органа в России несопоставима с ролью подобных органов: «Дома президента» во Франции, Администрации Белого дома в США и тем более скромной Канцелярии президента в ФРГ. Положение парламента принижено (в том числе путем использования финансовых и других материальных рычагов), роль Правительства в основном ограничена хозяйственными вопросами, оно не является центром политического руководства страной и средоточием исполнительной власти: ее главой на деле является Президент, хотя это не предусмотрено Конституцией. Большая власть, как и большая политика, концентрируется главным образом в центре. Поэтому в России сформировалась «чисто» президентская республика, в то время как во Франции полупрезидентская, или «смешанная», характерной чертой которой является двойная ответственность правительства перед президентом и парламентом.

В России правительство ответственно только перед президентом, а выражение парламентом вотума недоверия правительству содержит угрозу роспуска парламента президентом. Во Франции стройная иерархическая вертикаль государственного управления, насчитывающая пять ступеней, включает и систему местного самоуправления. В России же в систему органов государственной власти местные органы самоуправления не входят.

Система управления в России такая же, как в Германии, — трехступенчатая: федерация — земли — общины или союзы общин (в Германии); федерация — регионы — местное самоуправление (в России). Однако в Германии все три уровня административно-управленческой системы функционируют во многом независимо друг от друга. Каждому из них отведена собственная автономная сфера компетенции предметов ведения и полномочий. В России такой независимости и самостоятельности субъектов управления нет.

Важно, что в Конституции четко прослеживается двухуровневая система правления, где власть осуществляется одновременно федеральным органом и субъек-

том федерации, т. е. налицо один из важных атрибутов классического понимания федерализма.

Получив большую самостоятельность, регионы не склонны давать полную самостоятельность (в пределах компетенции) органам местного самоуправления и пытаются занять по отношению к ним место центра. До сих пор нет четкого разделения собственности и ответственности между ними.

Отличие государственного управления в России от управления в Германии обусловлено не только различиями в структуре, полномочиях субъектов управления, но и в модели хозяйствования. В Германии реализуется социально ориентированная рыночная модель экономики. В России же какая-либо четко проявляемая модель экономики не просматривается, и как следствие — слабость управления.

В настоящее время в России сделан серьезный прорыв в понимании действительного смысла федеративного устройства с преодолением разрушительного принципа национально-территориального деления России. Федерализм в Конституции РФ акцентируется только на обеспечении условий примирения национальных интересов и на сфере взаимоотношений национальных образований. Конституцией обеспечиваются условия примирения разнообразных интересов: территориальных, социальных и др., в том числе регулирования и защиты прав и свобод человека и гражданина.

В России существует уникальная ситуация, не встречающаяся в других государствах мира. Здесь есть автономная область и автономные округа, но это только названия. По Конституции все они являются субъектами Федерации, причем в соответствии со ст. 5 Конституции равноправными субъектами. Однако большинство автономных округов (9 из 10 существующих) входят в состав других, более крупных субъектов Федерации — областей и краев. Такая ситуация порождает много сложностей при взаимодействии с республиками — субъектами РФ, являющимися согласно Конституции государствами, и с автономными образованиями или другими субъектами Федерации, входящими в состав республик и краев. В настоящее время идет активный процесс укрупнения регионов за счет слияния автономных округов с краями и областями, в которые они входили до 1993 г.

Таким образом, даже краткий сравнительный анализ систем государственного управления показывает, что при различиях политических институтов, моделях хозяйствования и управления в современном мире наблюдается общая тенденция, связанная с возрастанием роли государства в обществе.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Назовите основные признаки государства.
2. Как вы понимаете «широкое» и «узкое» значение термина «государство»?
3. В чем, по вашему мнению, заключаются причины возникновения государства?
4. Сформулируйте основные функции государства.
5. Обоснуйте основные рубежи в развитии государства.
6. Охарактеризуйте правовой фундамент государства.
7. Определите правовое государство.
8. Назовите отличительные черты правового государства.
9. Какие пути реформирования правового государства вы видите?

10. Что определяют термином «гражданское общество»?
11. Назовите исторические формы и теории гражданского общества.
12. В чем заключается сущность современного гражданского общества?
13. Охарактеризуйте функции гражданского общества.
14. Какова структура гражданского общества?
15. Назовите оптимальные направления развития гражданского общества в России.
16. В чем заключается причина возникновения социального государства и его история?
17. Дайте определение сущности социального государства.
18. Сформулируйте функции социального государства.
19. Приведите примеры типологии социальных государств.
20. Прокомментируйте соотношение социального и правового принципов государственности.
21. Назовите проблемы социального правового государства.
22. Как вы понимаете природу современного российского государства?
23. Назовите формы устройства современного государства.
24. Дайте определение монархии и охарактеризуйте сущность ее современных форм.
25. Назовите разновидности конституционных монархий.
26. Какое государство называют парламентской республикой?
27. Чем отличается президентская республика от парламентской?
28. В чем заключаются отличия президентской республики от полупрезидентской?
29. Какие особенности отличают республиканскую форму правления от монархической?
30. Какие формы территориально-политического устройства современных государств вы знаете?
31. Что понимается под термином «унитарное государство»?
32. Охарактеризуйте федеративное государство.
33. Какие формы межгосударственного взаимодействия называют «конфедерацией»?
34. В чем отличие между территориальной и национально-культурной автономией?

Глава 8

ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И ПАРТИИ

Реальное положение таково, что государство имеет дело с группами, а не с отдельно взятыми индивидами. Например, член парламента, решая, как ему голосовать, думает не столько об Иване, Петре, Сидоре, сколько о потребностях и интересах фермеров, рабочих, учителей. В каждой сложноорганизованной политической системе, как правило, существуют определенные механизмы, опосредующие отношения граждан с государством. Существенная роль среди них принадлежит группам интересов, общественно-политическим движениям и политическим партиям, отличающимся между собой целями и методами деятельности, ресурсами влияния на власть и другими характеристиками.

§ 1. ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

8.1.1. Группы интересов

8.1.1.1. Понятие групп интересов

Характерной чертой последних десятилетий XX в. стало появление множества политических движений и групп и усиление их роли. Это обусловлено вовлечением в политику огромных слоев населения, которых не удовлетворяют имеющиеся партии, не успевающие или не способные выражать их интересы, чувства и настроения, а также стремлением некоторых слоев добиться определенных политических целей непосредственным давлением на власть, используя свои позиции в экономике, духовной жизни или государственном аппарате.

Понятие «группы интересов» характеризует совокупность сложных общественных образований. Английский исследователь Р. Доуз относит к ним ассоциации индивидов, сосредоточенные на влиянии на правительство способами, наиболее отвечающими интересам этого объединения. Американские ученые Г. Алмонд и Дж. Пауэлл [2] считают их группами людей, объединенных особыми связями, выражающими взаимную заинтересованность или выгоду для составляющих их граждан. Если же учесть и ряд других, типичных подходов к пониманию групп интересов, то их можно определить как *по преимуществу добровольные объединения, приспособленные или специально созданные для выражения и отстаивания своих властно значимых интересов в отношениях с государством, а также другими политическими институтами.*

Под *группами интересов*, как правило, понимаются разного рода организации, объединения, союзы предпринимателей, рабочих, фермеров, учителей, адвокатов, производителей той или иной продукции и др. Эти группы являются средством политического действия, направленного на достижение специфических, сравнительно ограниченных целей. Для этого они используют организованное давление на власть и политических деятелей. Поэтому их часто называют *группами давления*.

Теория «групп давления» была впервые сформулирована Бентли [30, 105]. Он рассматривал политику как взаимодействие заинтересованных групп, преследующих свои цели. Данный подход далее разрабатывался Д. Истоном [37].

Первоначально группы давления возникли в США, затем были восприняты и другими странами. В США их называют лоббистскими организациями (англ. — *lobby* — кулисы), заинтересованными группами. В других странах они иногда выступают под другими наименованиями (к примеру, парламентские агенты). Представители таких групп не прочь стать членами правительств, если это позволит удовлетворить их политические требования, что нередко и происходит. Их успехи в реализации эгоистических интересов отдельных узких слоев приводят к различным деформациям и осложняют развитие страны.

Политический лоббизм — это профессиональный вид деятельности, призванный обеспечить принятие и реализацию нужного решения. В отличие от иных форм политического давления лоббизм является легальным видом деятельности. Это не просто закулисная интрига политиков, но система аргументации, механизм подготовки и принятия решений, реализующих интересы лоббирующих групп. Политический лоббизм — *это упорядоченный законодательством способ воздействия сил и интересов гражданского общества на государственный аппарат*.

Лоббисты — люди высокой квалификации, во многих случаях хорошо знающие свое дело, способные доходчиво объяснить сложные и трудные вопросы (естественно, в свою пользу). В коридорах власти они добиваются финансовых выгод или налоговых и иных льгот для своих клиентов, устанавливая связи с нужными людьми в разного рода парламентских комитетах и учреждениях исполнительной власти. Нередко лоббисты выполняют роль посредников в сделках заинтересованных групп и политических деятелей, выступают в качестве связующего звена между заинтересованными группами и законодателями, оказывая существенное влияние на формирование политического курса правительства. Особенно большим влиянием они пользуются в США. Некоторые авторы даже называют лоббизм «третьей палатой» законодательных учреждений и «интегральным элементом системы управления Америки».

Разглядеть политические группы в политической сфере непросто, но игнорировать их нельзя. Соотнести конкретный интерес с вектором политического развития страны тоже сложно, а самостоятельной политической силой они не обладают — используют те силы, которые удается оседлать. Эти возможности приходится выяснять для оценки групп в политической сфере.

8.1.1.2. Особенности групп интересов

Если главная цель партий — завоевание власти для реализации определенного политического курса, то заинтересованные группы, или группы давления, как указывает само их название, преследуют цель *оказать влияние* на политику.

Партия, как правило, включает людей с разнообразными интересами и разными установками и ориентациями, в то время как заинтересованные группы состоят из преследующих *специфические для всех ее членов интересы* и концентрирует внимание главным образом на одной или нескольких проблемах.

Партия формулирует такие политические позиции, которые носят общий характер, и не делает ударение на какой-либо специфической проблеме. Поскольку кандидаты от партий апеллируют к широкому спектру социальных сил, они должны стремиться избегать четких позиций по спорным вопросам. Если мнения избирателей резко расходятся, большинство кандидатов пытается занять среднюю позицию, чтобы не оттолкнуть ту или иную значительную группу избирателей. В отличие от партий, которые, как правило, вынуждены сглаживать различия по важнейшим проблемам с целью создания базы для объединения разнородных социальных слоев в широкую коалицию, способную обеспечить победу на выборах, заинтересованные группы могут *занимать четко очерченные позиции* по специфическому и ограниченному кругу вопросов, объединяющих всех членов этих групп. Например, американская «Нейшнел райфл ассоушиэйшн» состоит только из лиц, заинтересованных в неприятии закона о контроле за продажей и ношением огнестрельного оружия.

В отличие от партий и движений политические группы *не афишируют своей идейно-политической ориентации* и не вырабатывают программ. Когда возможно, они обосновывают свои требования в СМИ, воздействуя на чувства и настроения людей, но предпочитают обращаться не к населению, а к руководителям органов власти и общественно-политических организаций, действовать негласно, в кулуарах, в коридорах и кабинетах различных учреждений, партий, парламентов, правительств, президентов, используя личные связи.

Многообразные группы интересов обладают *широким набором ресурсов для воздействия на власть*, трансляции нужд и запросов населения для лиц и органов, принимающих политические решения. В качестве таких ресурсов могут выступать их экономические и финансовые возможности, информация или опыт политического участия их членов, организационные структуры и т. д. В зависимости от значимости для той или иной политической системы соответствующих властных ресурсов группы интересов последние обладают тем или иным весом при принятии управленческих решений. Те же группы интересов, которые, используя свои ресурсы, имеют возможность поддерживать постоянные связи с правительством, чаще всего становятся органической частью механизма управления обществом.

Наиболее активно к тактике лоббирования прибегает бизнес (как крупный, так средний и мелкий), его предпринимательские ассоциации и организации. Задача, стоящая перед ними, — всемерное воздействие на формирование политической стратегии правительства. Особую настойчивость в этом направлении проявляют руководители корпораций, которые проникают в политические круги, используя личные дружеские и партийно-политические связи, участие в предпринимательских и профессиональных ассоциациях, а также в различных подкомиссиях. Для реализации своего влияния в политической жизни страны бизнес создал широкую сеть различных организаций. В отличие от США большинство групп давления в европейских странах тесно связаны с правительством. Нередко отдельные функции правительства делегируются им: например, установление цен, реор-

ганизация тех или иных отраслей промышленности в соответствии с определенным планом, введение квот и т. п.

Выражая интересы вполне определенных общественных объединений, группы давления, естественно, подают информацию в выгодном для них свете; при этом добиваются своей цели любыми доступными для них способами, оказывая воздействие на парламентариев и членов правительства. Некоторые из них не гнушаются даже подкупом политических деятелей, хотя, если это раскрывается, организации запрещается продолжать лоббистскую деятельность, а виновные привлекаются к уголовной ответственности.

В этом случае речь идет о преступных группировках, под которыми понимаются устойчивые нелегальные объединения людей, ставящие своей целью личное обогащение противозаконными средствами. Как правило, такие группировки далеки от политики. Однако при определенных обстоятельствах происходит их политизация. В частности, в средние века социальный протест в ряде случаев влек за собой превращение протестующих в разбойников, однако далеко не все «разбойники» являлись социально-политическими оппозиционерами.

Антиобщественный характер деятельности преступников заключается в нарушении ими не только правовых предписаний, но и общепринятых норм морали (хотя преступники не в состоянии полностью обойтись без регулирования взаимоотношений в своей среде, что приводит к складыванию весьма своеобразных правил поведения). В силу этого антисоциальные действия криминальных группировок подтачивают основы любого общества, способствуют дестабилизации обстановки. Именно эта их направленность послужила основанием для вывода отдельных теоретиков анархизма XIX — начала XX вв. о том, что уголовные преступники являются движущей силой для социальной революции, в ходе которой разрушается старое общество и создается новое. Но если криминальные элементы вносят свой вклад в разрушение общества, то новое они построить не могут, а паразитируют на вновь созданном обществе так же, как они паразитировали на старом.

Вхождение в легальное предпринимательство и политическую деятельность отнюдь не означает, что криминальные группировки превращаются в законопослушные легальные организации (хотя бы в той части их деятельности, которая относится к легальному бизнесу). Наоборот, они и в политику, и в предпринимательство несут свои преступные методы деятельности (убийства, подкупы и т. п.). При этом преступные группировки сохраняют свою сущность паразитического нароста па теле общества. Криминализация политики и бизнеса представляет собой реальную опасность для ряда государств. Поэтому практически во всех странах ведется борьба с преступностью и никто не ожидает благоденствий от мафиозных организаций.

В некоторых странах к власти пришли группировки, преступные по своей природе и превратившие свои страны в сообщества, живущие по криминальным законам. Примером служит Гаити времен диктатуры Дювалье, рухнувшей в 1980-е гг., но до сих пор в этой стране не может утвердиться демократия и устояться нормальная экономика. Некоторые из таких стран участвуют в международной контрабандной торговле наркотиками, оружием и т. д. Появилось даже наименование для государственных режимов подобных стран — клиптократия, т. е. воровская власть.

8.1.1.3. Функции групп интересов

Действие разнообразных групп интересов способствует *усложнению строения политической системы*. В частности, это происходит за счет

- увеличения предпосылок возникновения партий (особенно мелких) и нарастания фракционности в этих политических институтах;
- дифференциации функций и рационализации организационного строения правящих структур;
- стимулирования формирования многопартийных систем и т. д.

И напротив, сужение поля действия групп интересов, препятствия для граждан образовывать эти ассоциации ужесточают режим правления, изолируют правящую элиту от населения и создают предпосылки для установления «монолитного» государства, знающего лишь диктат вождей и покорность масс.

Эти объединения, будучи посредниками в отношениях государства с населением, представляют интересы социальных, национальных, региональных и прочих человеческих общностей и являются формой коллективных действий их членов. Участвуя в деятельности групп интересов, граждане делают шаг от социальной к политической активности. Чем шире представительство социальных потребностей группами интересов, тем разностороннее связь между обществом и государством. Чем оптимальнее осуществление их функций, тем более гибко властные институты реагируют на социальные запросы населения. При этом там, где правительство шире вовлечено в управление социальными и экономическими проблемами, группы давления, как правило, обладают большими возможностями и большим влиянием на политические решения. Причем помимо отечественных групп интересов при исполнительных и представительных государственных органах могут действовать и объединения, выражающие интересы зарубежных стран, мировых экономических и финансовых центров и прочих групп, способствующие решению разнообразных международных проблем.

Группы интересов выполняют функцию *артикулирования* интересов, т. е. преобразования социальных эмоций и ожиданий, чувств неудовлетворенности или солидарности граждан в определенные политические требования. Например, неудовлетворенность граждан своим уровнем жизни может быть трансформирована в призывы к повышению зарплаты, предоставлению льгот для пенсионеров, отставке отдельных министров или правительства в целом и т. д.

Эти требования, оформляемые обычно в соответствии с принятыми в обществе «правилами игры», доносят до принимающих решения лиц пожелания различных частей населения, включая тем самым последних в политический процесс как равноправных носителей властных прав, субъектов политики. При этом, выдвигая перед правительством массу разнородных, нескоординированных запросов, группы интересов одновременно усложняют, но и оптимизируют процесс принятия решений. Оптимизируют постольку, поскольку правящие структуры получают возможность выделять наиболее типичные проблемы, стоящие в данный период перед государством, определять соответствующие приоритеты в разрешении социальных конфликтов, координировать свой курс в соответствии с изменяющейся ситуацией и оценками общественного мнения.

Артикуляция интересов неразрывно связана с их *агрегированием*, т. е. с согласованием частных потребностей, установлением между ними определенной иерархии и выработкой на этой основе общегрупповых целей. Эта функция предполагает отбор не только наиболее политически значимых требований, но и тех, что имеют наилучшие шансы для практического воплощения. Таким образом, группы интересов селективируют политические требования, ряд из них отсеивая, а другим придавая принципиальный характер. Такая деятельность предполагает проведение дискуссий, согласование позиций внутри группы, что в свою очередь требует сплоченности между отдельными членами и фракциями, т. е. интегрирования группы для совместно принимаемых решений. Как правило, при осуществлении этой функции наиболее активны группы давления, формирующиеся на базе бюрократических структур. Когда же нарастает многообразие агрегируемых интересов, а их неформальное представительство в политическом процессе становится затруднительным или же группа интересов начинает строить свою деятельность на более общей, концептуальной основе, тогда она постепенно берет на себя выполнение ряда партийных функций, обретая черты и свойства этого политического института.

В качестве отдельной функции часто выделяют *информирование* — когда группы интересов доносят до органов власти сведения о состоянии той или иной проблемы общественной жизни. Иначе говоря, эти объединения осуществляют определенную трансляцию общественного мнения. Выражая точку зрения какой-то части населения на определенную проблему, группа интересов дает возможность государственным органам проводить более эффективный политический курс, отвечающий реальным потребностям граждан и изменяющийся в соответствии с ситуацией.

Так как группы интересов зачастую выступают в качестве объединений, дающих экспертную оценку состоянию тех или иных проблем, они имеют возможность предлагать своих членов для работы в государственных органах, поддерживать определенных деятелей в правительственных и иных структурах, влиять на отбор кадров, участвующих в процессе принятия решений. Тем самым группы интересов выполняют и функцию *формирования* политических элит, властных структур общества. Осуществление группами интересов своих функций, как правило, развивает прямые формы давления на власть и (в меньшей степени) способствует углублению обратных связей правительства с населением. При этом набор средств реализации своих функций у них значительно уже, чем у политических партий, распространяющих свою активность на все политическое пространство. Для групп давления такие формы деятельности, как отбор кандидатов на предстоящие выборы, издание средств массовой информации, образование фондов поддержки кандидатов и проч., являются, скорее, исключением, чем правилом взаимоотношений с властями.

Характер функционирования групп давления зависит прежде всего от того, законны или незаконны способы их деятельности. К первым можно отнести:

- взаимодействие с кандидатами в депутаты и членами исполнительных и представительных органов государства (в виде советов, рекомендаций, убеждения);
- участие в финансировании подготовки тех или иных законопроектов, экспертиз, заключений правительственных органов;

- контроль за соблюдением принятых решений (законов), вплоть до обращения в суд на неверную правоприменительную деятельность отдельных органов власти;
- контроль за деятельностью правительства в отдельных отраслях управления, расходованием финансовых средств и т. д.

К незаконным формам деятельности групп интересов относятся:

- дача взяток;
- подкуп чиновников;
- финансовая поддержка нелегальных объединений;
- контроль за личной жизнью политиков в целях сбора компромата и проч.

В целом приоритет тех или иных способов деятельности групп интересов определяется степенью демократичности, открытости политической системы. С другой стороны, типичные способы взаимоотношений групп интересов с властями способны влиять (а порой и изменять) на определенные тенденции в развитии национальной государственности. Так, в ряде латиноамериканских государств, в Италии, частично в России и некоторых других республиках бывшего СССР деятельность отдельных групп интересов (в частности групп давления, функционирующих в сфере действия органов исполнительной власти) способствует нарастанию теневых форм правления, коррумпированности государственных чиновников, криминализации сферы принятия решений. В других государствах эти политические институты, напротив, делают область государственного управления более открытой для общественности, укрепляют свои связи с другими посредниками между населением и властью (например, в США общенациональные партии представляют собой совокупность гибких ассоциаций, групп интересов граждан, сотрудничающих между собой в процессе выборов в федеральные органы власти).

8.1.1.4. Типология групп интересов

В политической науке сложилась разветвленная типология групп интересов, учитывающая разнообразные черты их строения и деятельности. Так, с точки зрения происхождения и степени организованности, выделяются *анемические* и *институциональные* группы интересов. Первый тип характеризует объединения, возникающие стихийным образом как спонтанная реакция на ту или иную ситуацию (например, толпа, демонстрация, митинг). По мысли западного политолога П. Шарана [97], их прежде всего отличает отсутствие постоянных организованных действий членов от имени данной группы. Включение политических групп в политические отношения с государством нерегулярно. Внутренняя их структура, как правило, неустойчива и нередко формируется как бы заново, без сохранения преемственности с прежними формами организации. Недостаточность организационных возможностей не только снижает эффект их деятельности, но и предопределяет практически постоянное стремление к использованию силы.

В противоположность им институциональные группы — это формальные объединения с определенной организационной структурой, устоявшимися функциями и профессиональным кадровым аппаратом. Их целенаправленная деятельность более эффективна. Группы данного типа (например, административные органы церкви, армии, представительства автономий в федеральных центрах и др.)

выполняют широкий круг задач, в т. ч. преследуя и те цели, которые выходят за рамки представительства интересов.

Учитывая специализацию их действий, выделяют *неассоциативные и ассоциативные* группы. Источником возникновения первых выступает неформальное и недобровольное объединение людей на родственной, религиозной, социокультурной основе (научные и студенческие общества, религиозные секты). Их деятельность так же, как и у анемических групп, непостоянна, малоструктурирована и не всегда эффективна. Ассоциативные же группы представляют собой добровольные объединения, специализирующиеся на представительстве интересов и нацеленные на решение определенных задач (профсоюзы, предпринимательские ассоциации, движения за гражданские права). Их организационная и кадровая структура, порядок использования финансовых средств стимулируют достижение специальных целей. Органично встроенные в политическую систему, они обладают наибольшей результативностью.

По характеру деятельности группы интересов могут быть разделены на *одноцелевые и многоцелевые*. Например, относящиеся к первому типу лоббирующие структуры, стремящиеся обеспечить принятие какого-либо определенного законодательного акта в парламенте, складываются и существуют только в связи с достижением данной цели. После результативного решения своей задачи они либо распадаются, либо переориентируются на другую, не менее конкретную цель. Деятельность же многоцелевых групп многопрофильна и не ограничена спецификой задач того или иного рода. Так, например, многие группы давления могут не только взаимодействовать с правительством по поводу принятия решений в какой-либо сфере управления, но и участвовать в избирательных кампаниях и т. д.

С подобного рода классификацией тесно связана и типология французского политолога М. Дюверже [33], выделяющего *специальные* (занимающиеся только политической деятельностью) и *частичные* (выполняющие более широкий круг социальных функций: организация бизнеса и т. д.) группы интересов.

Весьма распространены градации групп интересов по

- *сферам* управления обществом (например, союзы потребителей в экономической области, творческие союзы — в сфере культуры и проч.);
- *территориальным* признакам (группы, формирующиеся и действующие только в определенных регионах);
- *уровню и масштабам* деятельности (например, группы давления, действующие в центральных или местных органах власти).

8.1.2. Общественно-политические движения

8.1.2.1. Понятие и определение движений

Одной из форм выявления и реализации политических интересов определенных групп являются *общественно-политические движения*, представляющие объединения и ассоциации, не входящие в государственные и партийные структуры, соединяющие солидарную политическую активность большой группы граждан, направленную на достижение какой-либо значительной политической цели.

Многие люди, впервые вступающие в политическую борьбу, не желают связывать себя партийностью. А партии, даже обновленные, не всегда способны найти к ним подход и вовлечь их в число своих сторонников. В результате появилось множество разнообразных инициативных групп и центров, конденсирующих устремления миллионов и координирующих их совместные выступления с некоторыми важными политическими требованиями. Многие из них стали серьезными политическими силами, сыграли или продолжают играть существенную роль в развитии значительного числа стран.

Как правило, политические движения придерживаются какой-либо одной концепции и добиваются решения узкой политической задачи. Достигнув ее, движения прекращают свое существование, трансформируются или исчезают. Такие движения в современных условиях весьма многочисленны. Их социальная база чрезвычайно пестрая. Это объясняется тем, что в политику вовлекаются широкие слои населения. В общественно-политические движения могут входить люди разных социальных, этнических, конфессиональных и других слоев. Одни политические движения возникают спонтанно — усилиями выдвигающих задачу и предлагающих ее решение инициативных групп. Другие создаются по инициативе одной или нескольких (блок) партий, если им удастся вовлечь в борьбу за выдвинутую политическую задачу широкие слои беспартийных.

8.1.2.2. Создание и эволюция политических движений

Общественные организации и движения — это негосударственные образования, объединяющие людей по их интересам и профессиям. Они имеют богатую историю. Уже в древнем мире наряду с государством существовали объединения представителей, как правило имущих классов и свободных граждан. Имели место они и в средневековый период истории человечества. В основе этих объединений лежали чаще всего религиозные идеи (рыцарские объединения, ордена крестоносцев и т. д.).

Значительное развитие общественные организации и движения получили в буржуазном обществе, особенно с выходом на историческую арену рабочего класса — людей, освобожденных от крепостной феодальной зависимости и получивших по закону свободу объединяться в различные общественные организации. С помощью организованных общественных движений различной направленности рабочий класс добивался ощутимых результатов в борьбе за улучшение условий своей жизни, за социальные свободы и политические права.

На новый уровень развития поднялись общественные организации и движения после Второй мировой войны. Они стали массовыми. Этому способствовало усиление демократической тенденции в общественно-политической жизни народов, подъем национально-освободительной борьбы и особенно борьбы за мир, против угрозы новой мировой войны. Сегодня размах деятельности общественных негосударственных организаций и массовых движений таков, что ими охватываются почти все стороны жизни человеческого общества. В них состоят сотни миллионов людей, организации оказывают мощное влияние на международные отношения, на внутривнутриполитические процессы государств.

8.1.2.3. Особенности общественно-политических движений

Как общественно-политический феномен политические движения существенно отличаются от партий и групп давления.

Во-первых, идейно-политическая ориентация движений гораздо шире и более расплывчата, а цели намного уже и конкретнее — всего одна-две крупные политические задачи. Это позволяет участвовать в них людям не только различных социальных, этнических, конфессиональных слоев, но и весьма разных политических взглядов, достаточно, чтобы между ними было определенное согласие по поводу политической задачи, ради решения которой создается и действует движение. Это позволяет движениям в своем развитии быстро приобрести значительную силу.

Во-вторых, движения обычно не имеют сильного центра, иерархической структуры и дисциплины. Ядром одних движений являются самостоятельные инициативные группы, других — комитеты или комиссии, созданные партиями. Они опираются на неорганизованные массы, а нередко поддерживаются различными общественными организациями и автономными ассоциациями некоторых партий. В целом же движения развиваются на основе солидарности и самостоятельности их добровольных участников, не связывая их дисциплиной.

В-третьих, политические движения стремятся воздействовать на власть, добиваются от нее определенных политических решений и их реализации, но сами, как правило, не добиваются власти, если к этому не приводит их сама логика борьбы.

Широко известны движения за независимость различных стран — Афганистана, балтийских государств, Грузии, Молдавии, Нагорного Карабаха, Абхазии, Хорватии, Чечни и многих других. Немало международных политических движений: за запрещение ядерного оружия, против его размещения в европейских странах, за оказание помощи жертвам ядерных катастроф, например чернобыльской, за поддержку детей. Весьма влиятельными являются международные движения в защиту окружающей среды — «Гринпис» и другие.

В-четвертых, в общественно-политических движениях широко распространено коллективное членство. (В партиях же, за редким исключением, это не допускается).

Чем же объясняется в наше время тяга людей к общественным движениям и организациям иногда даже за счет падения их интереса к деятельности политических партий? Исследователи выделяют несколько причин.

Во-первых, политические партии все больше теряют свой авторитет среди широких народных масс, и особенно среди молодежи. Людям подчас надоедает голословность и политические игры партийных лидеров, которые часто используют доверие рядовых членов партий в своих личных интересах: любой ценой пробиться к власти. Это видят люди со стороны и не хотят вступать в ту или иную партию, не хотят быть разменной монетой в политических играх.

Кроме того, членство в политической партии обязывает к дисциплине, требует голосовать на выборах только за кандидата своей партии. Людям, и в первую очередь молодежи, больше по душе широкая демократия общественных организаций, их подлинная самоуправляемость. Человек может свободно переходить из одной организации в другую, участвовать в любом массовом движении, не связывая себя ни с одним из них.

Во-вторых, массовые общественные организации и движения привлекают в свои ряды многочисленных сторонников тем, что не придерживаются в своей деятельности строгой идеологической концепции. Идеология — удел политической партии. (Народ часто не видит проку ни в одной идеологии; главным содержанием любой идеологии являются политические проблемы, вопросы власти, а не материальные интересы простых людей, их повседневные нужды).

Для массовых движений и организаций сегодня характерно стремление выйти за рамки существующих идеологических систем, по-новому осмыслить реалии современного мира, выдвинуть альтернативные идеи и концепции, адекватно отражающие жизненные проблемы современности.

Искать альтернативу путям развития современной цивилизации заставляет сама нынешняя действительность, которая по оценке многих видных ученых (обществоведов и естествоиспытателей) ведет все больше в тупик, к общечеловеческой катастрофе: термоядерной, экологической, продовольственной. Осознание этого расширяет круг участников альтернативных движений.

В-третьих, возрастание интереса широких народных масс к общественным движениям и организациям обусловлено и тем, что эти движения быстрее реагируют на новизну социальной обстановки, быстрее откликаются на изменение ситуации, полнее учитывают в своих требованиях повседневные, сиюминутные нужды народа. Политические партии чаще всего отстают в этом от потребностей дня. Они в определенной мере связаны партийной идеологией, которая не может быстро меняться, сохраняет устойчивость в течение относительно длительного периода времени. Разработанная теоретиками как система взглядов на социальную обстановку, существующую на каком-то отрезке исторического развития общества, идеологическая платформа партии медленно меняется в своем главном содержании, выступает консервативным фактором в деятельности политической партии.

Свободные от идеологической «зашоренности», массовые общественные движения быстрее приспособляются к вновь возникающим социальным условиям жизни людей, завоеывая их на свою сторону. Все это привлекает простых людей к массовым движениям и организациям.

Употребляя рядом в неразрывной связке понятия «массовые движения» и «массовые общественные организации», автор имеет в виду то обстоятельство, что всякое общественное движение, рождаясь стихийно как ответ на возникающие потребности жизни, постепенно обретает организационные формы, превращается в общественную организацию. Кроме того, движение может объединять несколько общественных организаций. В него могут входить даже политические партии.

8.1.2.4. Функции политических движений

Функции политических движений весьма важны. Они выдвигают конкретную цель и способы ее достижения. Ими конденсируются интересы, чувства и настроения широких разнородных слоев населения, которые образуют крупную политическую силу, сосредоточенную на решении конкретной задачи. Для политическоего рекрутирования инициаторы движения используют СМИ и другие способы по-

литического информирования. Они руководят массовыми выступлениями, опираясь на политические коммуникации и организуя ненасильственные, а иногда и насильственные выступления. Как правило, находятся спонсоры, которые обеспечивают движения необходимыми для этого средствами.

Добившись успеха — намеченного решения поставленной задачи, политические движения обычно прекращают свое существование. Так произошло со многими движениями: объединенными против создания нейтронной бомбы, против размещения крылатых ракет в Европе, распространения ядерного оружия и т. п.

Но некоторые задачи оказались слишком сложными. Борьба за их решение потребовала непрерывных, длительных и больших усилий, иного качества политической силы, а главное — власти (например, предотвращение экологической катастрофы, достижение и упрочение государственной независимости многих стран). В таких случаях движения обзаводятся более сильным центром, создают организации и устанавливают дисциплину, постепенно превращаются в партии. Это произошло со многими этнополитическими и политэкологическими движениями, которые стали партиями, иногда продолжая называться движениями. В Алжире в правящую партию превратился Фронт национального освобождения. Трансформировались по существу в партии Народный фронт Румынии и «Саюдис» в Литве, завоевавшие власть в этих странах. В Германии на базе движения защиты окружающей среды возникла Партия зеленых. В России важную роль сыграло движение «Демократическая Россия», в 1990—1992-е гг. объединявшее почти всех противников всевластия КПСС. В России в 1994 г. движение «Выбор России» стало основой партии «Демократический выбор России».

Общественно-политические движения не являются ни альтернативой политическим партиям, ни обязательным этапом в их становлении. Они выполняют свои задачи и функции, отличные от задач и функций политических партий. Движения отражают настроения, интересы и чувства широких масс населения, образуют крупную политическую силу, направленную на достижение определенной цели. Их усиление стало важным общественно-политическим феноменом, характерным для времени крупных перемен, когда рост политической активности населения превышает способности партий конденсировать интересы людей и объединять их. Движения играют важную роль в политическом развитии многих стран. Их место в политической сфере определяется так же, как и координаты партий: по отношению к прогрессу и вектору политического развития страны, а также по их политической силе.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что общественно-политические движения выполняют функции:

- агрегирования интересов, настроений широких разнородных слоев населения;
- выдвижения целей, разработки способов их достижения;
- создания крупных политических сил, сосредоточенных на решении конкретных политических задач;
- руководства массовыми выступлениями, организации ненасильственных, а иногда и насильственных выступлений.

8.1.2.5. Типология общественно-политических движений

Вторая половина, и особенно конец, XX в. характеризуются увеличением количества и усилением роли общественно-политических движений, что говорит о вовлечении огромного числа людей в политику.

Общественно-политические движения дифференцировались по

- отношению к существующему строю — движения бывают консервативные, реформаторские и революционные;
- идеологической основе — либерально-демократические, консервативные, социалистические;
- национальному признаку — национально-освободительные, за самоопределение нации, культурно-национальную автономию и др.;
- демографическому признаку — молодежные, студенческие и др.;
- по степени организации — стихийные, разрозненные, слабоорганизованные, высокоорганизованные;
- масштабам — международные, региональные, в стране, области, республике;
- методам и способам действия — легальные, нелегальные, формальные, неформальные, ориентирующиеся на мирные или насильственные действия.

Существуют различные варианты взаимоотношений общественно-политических движений с партиями.

Общественно-политические движения могут существовать самостоятельно, не вступая в какие-либо отношения с партиями. Это происходит в том случае, когда участники движений, имея определенный политический интерес, не удовлетворены деятельностью партий, потому что партии не успевают или не умеют выразить их интересы, а также не способны найти общий язык с участниками движений и привлечь их на свою сторону. Многие участники движений вовсе не хотят связывать себя с партийностью.

Некоторые движения, напротив, создаются по инициативе партий или блока партий. Это происходит в том случае, когда последним удается вовлечь в борьбу за выдвинутую политическую задачу широкие массы беспартийных. Партии могут брать движения под контроль, руководить ими (например, за стихийными массовыми выступлениями протеста, социальной средой которых являются наименее социально защищенные слои, могут стоять партии, придерживающиеся стратегии дестабилизации общественной системы).

8.1.3. Общественно-политические движения и группы интересов в России

В России недавняя многочисленность и активность политических групп были обусловлены сосредоточенностью партий и движений на общих проблемах устоя и управления страной, а также недостаточной эффективностью их влияния на решение конкретные проблем. Значительную роль играют политические группы военно-промышленного комплекса и самих военных, добившиеся увеличения соответствующих статей бюджета и тормозящие конверсию и реформу вооруженных сил. Ожесточенно сопротивлялась полной приватизации земли и

добивается государственной поддержки коллективным хозяйствам политическая группа руководителей сельского производства. Решительно отстаивает свои интересы группа, выступающая от имени топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Слабее, но весьма активны и многие другие политические группы (лесное, пивное, водочное, рыбное лобби и др.).

В условиях федеративного устройства России такой вид лоббистской деятельности, как региональный лоббизм (помимо отраслевого, корпоративного, парламентского), выходит на первый план. В России выделяют дотационные регионы и регионы-доноры. При этом вопрос финансирования регионов из федерального центра является приоритетным, ибо от этого зависит не только уровень жизни, но и социальная стабильность на данной территории. Многие субъекты России ориентированы исключительно на те производства, которые базируются на их территории, и в таком случае интересы отраслевых лоббистов смыкаются с приоритетами глав администраций (например, угледобывающая и машиностроительная ориентация Ростовской области дает ей естественных союзников в лице соответствующих ведомств; тогда как интересы регионов Западной Сибири идут в русле интересов лоббистов ТЭКа).

Региональные лоббисты используют и многие иные каналы своего влияния, например: изменение в нужную сторону расходных статей бюджета, пересмотр транспортных и таможенных тарифов (для Калининградской области или Приморья), популизм и влияние на средства массовой информации (показательно понятное упорство губернатора Свердловской области Э. Росселя пытавшегося «получить» для своего региона останки царской семьи).

Налицо попытки наладить эффективное лоббирование трансрегиональных интересов через широкомасштабные ассоциации типа «Ассоциации городов Юга России» или «Сибирское соглашение». Большими потенциальными возможностями располагают также отраслевые межрегиональные ассоциации (например, объединение «Северо-Запад» лесной отрасли), интересы которых переплетаются с интересами уже известных отраслевых корпораций.

Региональный лоббизм существовал и в советское время. В нем всегда на первых позициях находились Москва и Ленинград (не случайно их главы входили в Политбюро ЦК КПСС). Значение региона определялось наличием тех или иных базовых предприятий, значимых для экономики страны в целом. Связь отраслевого лоббизма с областью определяла возможности развития соцкультбыта и жилья, бюджет области и уровень снабжения. В обмен на это ведомства требовали для своих мощностей режима «наибольшего благоприятствования». В общем и целом эта схема не изменилась и в современной России.

На региональном уровне сложились свои лоббистские структуры, исходя из приоритетности тех или иных производств. Из представителей местных элит, рекрутируемых в федеральный центр, также складываются мощные земляческие лоббистские группировки; такова «питерская команда» А. Чубайса, затем В. В. Путина; «нижегородский клан» Б. Немцова. Да и приход к президентскому креслу во многом обеспечили Б. Ельцину земляки из его команды: Е. Бурбулис, М. Полторанин, В. Илюшин и др.

Региональный лоббизм в России и далее будет усиливаться, по крайней мере, до тех пор, пока разрыв в уровне развития различных субъектов России будет столь

же глубок, а законодательство, регламентирующее лоббистскую деятельность — неопределенно.

§ 2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

8.2.1. Определение, происхождение и эволюция политических партий

8.2.1.1. Определение понятия политическая партия

Важнейшими субъектами политических отношений в либеральной демократии являются партии и избирательные системы. Именно в них конкретно выражаются основополагающие принципы демократии: политический плюрализм, представительство, выборность должностных лиц. Партии через избирательную систему, используя различные формы плюрализма, переводят интересы социальных групп гражданского общества в политическую сферу, в систему властных отношений, формируя механизм завоевания власти. Они являются главными субъектами политических отношений, и без них невозможно представить себе современную демократию. Основные партии в их взаимодействии, взаимоотношении, взаимных конфликтах и ротации во власти рассматриваются как единая партийная система, во многом определяющая жизнеспособность и функционирование всей политической системы в целом. Говорить о партиях — значит поднимать вопросы об их месте и роли в политической системе, их функциях, социальном составе электората, их организационной структуре, типах и формах.

Политические партии возникли на определенном этапе человеческой истории как субъекты общественно-политических процессов. Главная цель их деятельности, смысл их существования — борьба за овладение государственной властью, ее удержание и использование в управлении обществом. Эту деятельность каждая партия ведет исходя из складывающейся в стране обстановки, в соответствии со своими возможностями.

Лингвистически (в латинской транскрипции) это понятие происходит от слов *partis* (часть, группа) и *parti* (дело, разделяю). Следовательно, в вольном переводе понятие «партия» можно определить как замкнутую, деятельную часть общества. В политологии сложилось целое направление — «партология (или партиология)», занимающееся теоретическим и эмпирическим анализом партий и партийных систем. Однозначного определения партии в современной политологии нет. Многие предложенные в разное время определения партии восходят к схеме, намеченной еще в XVIII в. Д. Юмом [99]. Он различал три типа партий: партии принципов, партии интересов и партии пристрастности. Один из первых, кто дал определение партии, был английский консервативный философ Э. Берк [8] в 1861 г. Партия, по его мнению, представляет собой организацию людей, объединенных с целью продвижения совместными усилиями национального интереса, руководствуясь некоторым специфическим принципом, относительно которого все они пришли к согласию.

Его современник Б. Констан [46] считал, что партия — это «объединение людей, исповедующих одну и ту же политическую доктрину». В этом случае партия

выступает прежде всего как носитель идеологии. Нельзя здесь не вспомнить, что одним из основателей партологии, наряду с Р. Михельсом [65] — классиком современной социологии политики, был россиянин М. Я. Острогорский [70], давший глубокий сравнительный анализ политических партий в Старом (Англия) и Новом (США) Свете на страницах своей монографии «Демократия и политические партии» (1898). В частности, еще столетие назад им было замечено противоречие между общими и частными интересами во внутрипартийной жизни. «Партия обычно представляла из себя лишь вывеску, прикрывающую иногда глубокие расхождения во мнениях, борьбу между фракциями, иногда более ожесточенную, чем та борьба, в которую она вступала с соперничающей партией», — писал М. Я. Острогорский.

Современное понимание партий с соответствующими типологическими признаками начало формироваться в XIX — начале XX вв. Интерес в этом вопросе представляет позиция немецкого исследователя В. Хасбаха [19, 135], который рассматривал партию как союз людей с одинаковыми политическими взглядами и целями, стремящихся к завоеванию политической власти с целью использования ее для реализации собственных интересов. Наиболее распространенное определение дал М. Вебер [14], который считал партии «общественными организациями, опирающимися на добровольный прием членов, ставящих себе целью завоевание власти для своего руководства и обеспечение активным членам соответствующих условий (духовных и материальных) для получения определенных материальных выгод или личных привилегий, либо для того и другого одновременно». Очевидно, что во всех этих случаях партия рассматривается как группа людей, объединившихся для участия в политической жизни и преследующих цель завоевания политической власти.

В марксистском понимании партии акцент делается на классовый характер. Партия в этом случае рассматривается как политическая организация, выражающая интересы общественного класса или слоя, наиболее активная, сознательная и организованная его часть.

Видный специалист в области теории партий Дж. Сартори [82, 723] дал следующее определение: «Партией является всякая политическая группа, участвующая в выборах и способная вследствие этого провести своих кандидатов в государственные учреждения». Автор проекта по созданию мировой базы данных по политическим партиям К. Джанда [32] составил базовое определение партийного института как «организации, которая проводит линию на открытое завоевание ее представителями государственных позиций». Можно привести определение партии Кермона: «Партия есть организационная сила, объединяющая людей одного политического направления для мобилизации общественного мнения по определенным целям, для участия в органах власти или для ориентации властей на достижение своих требований» [42].

И, наконец, последнее по времени рабочее определение предложили Дж. Лапаламбара и Дж. Андерсон в «Энциклопедии управления и политики»: «Партия есть любая политическая группа, связанная с овладением официальным статусом и формальной организацией, увязывающей центр с периферией и способная провести через выборы (свободные или несвободные) кандидатов в государственные органы» [30, 141].

Партия, или, как называл ее Р. Доуз, «самая политическая из всех общественных организаций», является наиболее показательным представителем специализированных организованных групп интересов. А. Эпстайн [7] заметил, что партией можно назвать «любую группу, независимо от степени ее организованности, если она стремится избрать руководителя правительственного кабинета под определенным политическим знаменем».

А. П. Бутенко и А. В. Миронов считают, что партия — это «организованная часть социальной группы или общества, преследующая определенные политические цели и выступающая посредницей между общественностью и органами государственной власти» [10].

А. С. Панарин и И. А. Василенко [71] лаконично заявляют, что партии — это «политические общественные организации, которые борются за власть или за участие в осуществлении власти».

По мнению Н. А. Дегтярева [30], наиболее общим определением могло бы быть следующее: партия — это официально институционализируемая и функционально специализированная организация по борьбе за контроль над механизмом государственной власти и управлением. Она представляет собой тип негосударственного института, групповое объединение:

- обладающее формальной, организационной структурой;
- осуществляющее специализированную функцию борьбы за официальный контроль над властью;
- объединенное характерной идеологической доктриной, претендующей на выражение общенациональных интересов;
- наделенное правовым статусом;
- включенное в избирательный процесс.

Современными исследователями выделяется, как правило, четыре характеризующих партию признака:

- партия является носителем определенной идеологии;
- партия — это организация, то есть устойчивое объединение людей;
- цель партии — завоевание или участие в осуществлении власти;
- каждая партия стремится обеспечить себе поддержку народа.

Многообразие определений не является свидетельством их неверности, исследователи характеризуют в них черты партии, представляющиеся им наиболее важными или исчерпывающими.

8.2.1.2. Происхождение и эволюция политических партий

В отличие от стихийного процесса формирования общественных классов и наций на заре человеческой цивилизации, возникновение политических партий может происходить и происходило в истории лишь в связи с осознанием классовых интересов мыслящими представителями этих классов и их выражением в форме определенной идеологии или политической программы.

Партии не всегда играли ту роль, которую они в настоящее время исполняют в политической системе индустриально развитых стран. Они прошли длительный путь формирования и эволюции, являясь продуктом социально-экономического

и общественно-исторического развития конкретной страны. Серьезный отпечаток на их характер накладывают исторические традиции, демографические и этнокультурные процессы, особенности религии и др.

В различных политических системах, представленных в мировой истории, люди организовывались с целью защиты своих особых интересов и навязывания своей воли в качестве господствующей. В этом смысле прообразы политических партий возникли в Древней Греции и Риме. В частности, Аристотель (IV в. до н.э.) писал [4] о борьбе между тремя партиями (представляющими жителей морского побережья, жителей равнины и жителей гор) в Аттике в VI в. до н.э. и о противоборстве между партией знати и партией народа в Афинах более позднего периода. В Древнем Риме в период кризиса республики (кон. II — I в. до н.э.) наблюдалась борьба между партией популяров, выражавшей интересы плебса (в основном сельского), и партией оптиматов, защищавшей права и привилегии нобилитета, представлявшего патрицианские и знатные плебейские семейства и располагавшего доступом к высшим государственным должностям.

Уже в Древнем Риме термин «партия» использовали для обозначения политической организации. В этом значении Цицерон [94], Плавт и Саллюстий говорили о «партии» в отличие от «амичитиа» — благородного, хорошего союза друзей. Однако в Древнем Риме термин «партия» употреблялся в различных значениях. Им обозначали и политиков вокруг вождя (в источниках упоминаются партии Цезаря и Суллы), и группу людей, управляющих государством, и Сенат в противоположность народу. Показательно, что до XIX в. термины «партия», «фракция», «интерес» и т. д. использовались как взаимозаменяемые.

В Средние века существовавшие политические группировки, «партии», обычно были временными объединениями, их возникновение связывалось с обострением сословных и межсословных противоречий. Примером наиболее продолжительного конфликта (XII—XV вв.) явилась борьба за господство между Священной Римской империей и папством. Партия гвельфов, выражающая интересы пополанов (торгово-ремесленных городских слоев Италии), была сторонницей светской власти римского папы. Ей противостояла партия гиббелинов, защищавшая интересы нобилей (феодалов) и выступавшая в пользу сильной императорской власти.

Структура политических группировок, условно называемых «партиями», возникавших в древности и в Средние века, была аморфной и непрочной. Как правило, «партии» античности и Средневековья, хотя и боролись за власть в государстве, представляли собой временные объединения для поддержки каких-либо лидеров (клиентелы). Клиентела (от лат. — послушный) — форма социальной (персональной или коллективной) зависимости, порождаемая неравномерным распределением ресурсов власти. Ее отличает приоритет личной лояльности над любыми другими видами социальных связей.

И в рабовладельческом, и в феодальном обществе они представляли собой своеобразные сословные политические группировки, выражавшие интересы различных слоев господствующих классов. Широкие народные массы в те времена в силу экономической разобщенности и духовной придавленности не могли создавать самостоятельных политических партий. Их интересы в какой-то мере нередко выражали прогрессивные политические группировки имущих классов, когда последние были заинтересованы в народной поддержке.

Партогенез, т. е. процесс формирования и функционирования партий, уходит корнями в конец XVII — начало XVIII вв. Это был период, когда зарождались политические системы раннебуржуазных государств Западной Европы и Северной Америки. Гражданская война в США, буржуазные революции во Франции и Англии, сопровождавшие этот процесс, показывают, что появление партий отражало раннюю стадию борьбы между сторонниками различных направлений формирующейся новой государственности: аристократами и буржуа, якобинцами и жирондистами, католиками и протестантами. Партии знаменовали собой определенный этап в усложнении политической системы индустриального типа. Они возникли как результат ограничения абсолютной монархии, включения в политическую жизнь «третьего сословия», всеобщего избирательного права (XIX в.), способствовавший значительному развитию представительной системы. Оно означало, что не только выполнение управленческих функций стало требовать расширения состава политической элиты, но и само ее рекрутирование превратилось в дело избирательного корпуса. Теперь те, кто хотел сохранить (или приобрести) власть и влияние, должны были обеспечить себе массовую поддержку. Именно партии стали этим законным орудием артикуляции интересов различных групп избирателей и отбора элиты.

Правда, первоначально партии представляли собой не сплоченные объединения, нацеленные на борьбу за власть, а различного рода клубы, литературно-политические образования, являвшиеся формой объединения единомышленников (Клуб кордельеров времен Великой французской революции или «Реформ Клуб», возникший в Англии в 30-е гг. XIX в.). Во время Великой французской революции (1789) на классово-политической основе сформировались партии — конституционалисты, жирондисты и якобинцы.

К 1800 г. в США в связи с первыми президентскими выборами возникли массовые партии, деятельность которых соответствовала общим принципам американской Конституции. Уже в то время под партиями понимали группы людей, придерживающихся общих принципов и объединившихся для обеспечения совместными усилиями государственных интересов страны. Первой массовой политической партией Европы была либеральная партия в Англии (основана в 1861 г.), затем прогрессивная партия Германии, Бельгийская либеральная партия и т. п. Огромный вклад в развитие организационных форм партии внесло *рабочее движение*. Оно создало классический тип партии с массовым членством, с разветвленной сетью местных организаций, периодическими съездами, четким уставом и фиксированными размерами членских взносов. Эти черты, в той или иной мере, были позаимствованы в конкурентной борьбе многими буржуазными и профессиональными партиями Европы и других регионов мира.

В середине XIX в. в рабочей и мелкобуржуазной среде ряда европейских стран сформировались секции коммунистов. В 1847 г. большинство их объединилось в Союз коммунистов. В 1863 г. в Германии был образован Всеобщий германский союз рабочих во главе с Ф. Лассалем — партия, альтернативная коммунистам. В 1864 г. произошло объединение коммунистических секций-партий в I Интернационал. В дальнейшем этот процесс пошел по двум направлениям: *коммунистическому и социал-демократическому*. К концу XIX века массовые партии, в основном социал-демократические, сложились в большинстве стран Европы, в том числе и в Рос-

сии. Этому способствовало развитие рабочего движения и утверждение парламентаризма.

К концу XIX в. массовые партии (в основном социал-демократические) сформировались в большинстве стран Западной Европы. Они стали способом самоорганизации гражданского общества, важным социально-политическим институтом, посредством которого осуществлялась взаимосвязь государства и гражданского общества.

Массовые политические партии отличались от политических клубов стремлением привлечь как можно большее число членов, использованием разнообразных методов политической борьбы, а также большой активностью, и не только в процессе избирательной кампании.

Таким образом, исторически партии формировались как представительные структуры, выражавшие определенные групповые интересы; как институты, оппозиционные государству и другим политическим объединениям; как союзы единомышленников. Эти черты, выражая относительную самостоятельность и независимость от государства политических позиций известных групп населения, способствовали восприятию партий как источников кризисов и раскола общества. Причиной такого, в основном негативного отношения к партиям было повсеместное распространение убеждения в том, что только государство является выразителем народного суверенитета (либеральная традиция) и общей воли общества (феодално-аристократическая и монархическая традиции). Не случайно, к примеру, Дж. Вашингтон в «Прощальном послании» американскому народу говорил об опасных последствиях «партийного духа», характеризуя партии как «готовое оружие» для подрыва власти народа и узурпации власти правительственной. В Декларации независимости и Конституции США, заложивших основы государственной и политической системы молодой буржуазной республики, партии вовсе не упоминаются, а в «Федералисте», в котором обосновывались основные параметры формировавшейся американской государственности, о них говорится в негативном смысле. Отрицательно относились к партиям и другие политики и ученые, среди которых А. де Токвиль [89] и Дж. Милль [64]. В то же время, например Ф. Бэкон [11] и Э. Берк [8], были к партиям более лояльны, а Н. Макиавелли [55] даже считал их по-своему полезными, поскольку, «умудренные пагубным опытом других» (уже испытавших порожденные партиями вражду и раздоры), граждане «научились бы сохранять единство».

Особенно болезненно и трудно процесс формирования партий шел в континентально-европейских странах. Тем не менее в XIX в., охватив большинство стран Запада, этот процесс заметно ускорился. Французская революция, которая стала переломным этапом в переходе от феодализма к капитализму, дала сильнейший толчок образованию на европейском континенте разнородных консервативных группировок, именовавших себя «аристократами», «роялистами», «придворными партиями», а во второй половине XIX — начале XX вв. сформировавшихся в консервативные партии. Они, по сути дела, возникли в качестве реакции и противовеса либеральным партиям.

Хотя на протяжении последнего столетия дискуссии о правомерности и значимости партий не прекращались, к его концу партии стали важнейшими составляющими современных политических систем. К примеру, если в 1861 г. в Великоб-

ритании партии вообще не участвовали в парламентских выборах, то в 1951 г. в высшие властные структуры не был избран ни один не зависимый от партии претендент.

Партии возникают только в обществе, достигшем определенной степени сложности. В странах Запада такие условия сложились во второй половине XIX в. Возникновение и развитие партий и партийных систем в их современном понимании неразрывно связано с историей парламентаризма.

Развитие партий шло двумя путями: парламентским и непарламентским. Первый служил источником возникновения консервативных и либеральных партий и заключался в установлении системы постоянных связей между парламентской группой депутатов и избирательным комитетом, обеспечивающим ей поддержку. Главными политическими партиями в Европе вплоть до 70-х гг. XIX в. были консерваторы и либералы.

Постепенно, по мере развития парламентских, конституционных основ буржуазной государственности, партии укрепили свой политический и правовой статус. И в настоящее время они представляют такой институт власти, без которого не может осуществляться выборное формирование государственности, легальное завоевание различными слоями населения ведущих политических позиций.

Итак, в результате исторического формирования, по мнению А. И. Соловьева [87], партия заявила о себе как специализированная, организационно упорядоченная группа, объединяющая наиболее активных приверженцев тех или иных целей (идеологий, лидеров) и служащая для борьбы за завоевание и использование политической власти. Воплощая право человека на политическую ассоциацию с другими людьми, партия отражает общегрупповые интересы и цели разнообразных (социальных, национальных, конфессиональных и проч.) слоев населения, их идеалы и ценности, утопии и идеологии. Через этот институт люди выдвигают свои групповые требования к государству и одновременно получают от него обращение за поддержкой в решении тех или иных политических вопросов. Таким образом, партия развивает как прямые, так и обратные связи народа и государства.

В политической науке общепринята предложенная М. Вебером [14] эволюция политических партий: аристократические котерии (кружки), политические клубы, массовые партии. Все три ступени развития прошли только две партии Великобритании: либеральная (виги) и консервативная (тори). Котерии вигов и тори оформились в Англии во второй половине XVII в., и различия между ними носили первоначально вероисповедальный характер, дополняясь династическими предпочтениями. Борьба тори и вигов была в основном борьбой господствующих слоев общества за власть.

Качественные изменения в характере политических партий произошли в середине XIX в. в результате появления первых массовых рабочих партий и завоевания пролетариатом избирательных прав. Рабочие партии возникли внепарламентским путем, на основе профсоюзов, кооперативного движения, интеллектуальных и тайных обществ. В последней четверти XIX в. возникли христианско-демократические партии; в 1920—30-е гг. — фашистские.

Дифференциация партий стала ответом на развитие политического процесса. В частности:

- рабочие партии возникли в борьбе с капиталистической системой;

- аграрные партии — как реакция против индустриального развития;
- христианские партии — в борьбе против секулярных, антиклерикальных движений;
- коммунистические — против капитализма и социал-демократии;
- фашистские — против демократии во всех ее формах и коммунизма.

Либерально-демократическое понимание сущности политической партии, напротив, предполагает, что в нее объединяются свободные общественные группы или отдельные свободные индивиды для совместных политических действий в соответствии со своими интересами в рамках гражданского общества и правового государства.

Конец XIX — начало XX вв. было временем резкого размежевания позиций разных классов. Это обусловило и четкое различие в стратегии и тактике их политических партий. Но постепенно партийная структура общества стала не совпадать с его классовой структурой. Дело в том, что у каждого класса проявлялись разные варианты классовой политики, возникали также межклассовые партии (национальные и др.). На этот путь вступили и буржуазные партии, и партии рабочего класса, которые в свое время наиболее открыто и неуклонно подчеркивали свой классовый характер. В 1959 г. впервые в истории социал-демократии западногерманская социал-демократическая партия провозгласила себя партией всего народа. В течение 1960—70 гг. этому примеру последовало большинство социал-демократических партий.

Облик современных партий формируется не столько в плане их классовой ориентации, сколько как определенный тип политики, направленной на реализацию ценностей социальной справедливости, солидарности, защиты интересов всех трудящихся. В наше время в политической жизни Запада каждая из конкурирующих партий должна так или иначе стремиться стать «партией для всех». Иначе она может не получить достаточное количество голосов на выборах.

Конечно, понятие «партия для всех» нельзя трактовать буквально: ни одна партия не может удовлетворить своей деятельностью всех, все слои населения. Речь идет, следовательно, о некоем «среднем» интересе тех слоев, на которые партия опирается как на свою социальную базу.

Однако процесс образования партий продолжается и в настоящее время и демонстрирует определенные закономерности. М. Дюверже [33] выделил два основных пути формирования современных партий. Прежде всего, *электорально-парламентский*. Первоначальным этапом создания новой партии является возникновение парламентской группы, объединяющей депутатов одного политического направления. Затем формируются комитеты поддержки разных уровней. Объединение этих элементов и приводит к возникновению партии.

Создание партии по инициативе «сверху». Некие политические лидеры или государственные функционеры, преследуя свои политические цели и амбиции, стремясь заручиться поддержкой избирателей, инициируют создание «своей» политической партии. Таким образом, появилось большинство из ныне существующих партий в России, например, ЛДПР, «Яблоко», «Единство», и другие.

Второй — *внешнее происхождение*. В этом случае новые партии возникают независимо от парламентских выборов, на основе различных групп интересов и общественных организаций — профсоюзов, философских обществ, религиозных

групп, промышленных и финансовых группировок, нелегальных организаций. Лейбористская партия Великобритании (1899 г.) сформировалась на основе профсоюзов, философского Фабианского общества, Социал-демократической ассоциации. Крестьянские объединения в Скандинавских странах стали базой формирования крестьянских партий.

Создание партии по инициативе «снизу». Массовые общественные движения постепенно трансформируются в политическую партию. Например, так возникла Партия зеленых в ФРГ.

Позже Кеннет выделил еще один путь создания партий — *унитарный* (слияние или раскол партий).

В последние десятилетия получила распространение идея кризиса партий как типа организации. Велись поиски альтернатив. Однако они приводили не к созданию иного типа организаций, а к появлению новых разновидностей партий. Однако слухи об исторической смерти партий как типа общественно-политической организации не подтвердились. Более того, несмотря на крушение многих партий, в мире преобладает тенденция увеличения их количества и роли. Основой ее представляется продолжающаяся глобальная политизация общества и вовлечение в политику все более широких слоев населения при возрастающем разнообразии партий.

От всех других политических институтов, в том числе и групп интересов, партию отличают свойственные ей функции и характерные способы их осуществления, определенная внутренняя организация и структура, наличие политической программы действий, та или иная идеологическая система ориентаций, а также ряд других, менее значимых признаков.

8.2.2. Сущность, статус и образ действия современных партий

Партия, будучи таким же посредником в отношениях населения с государством, как и группы интересов, обладает по сравнению с последними значительной спецификой. Более того, функциональные и организационные особенности этой политической общественной организации до сих пор служат предметом теоретической полемики относительно ее происхождения и роли в политическом процессе. Возникают ли партии вследствие воплощения естественного для человека духа противоречия (Т. Гоббс [22]) или являются частным случаем политических ассоциаций, формирующихся на основе свободного выбора человека (А. де Токвиль [89]); стремятся ли они подчинить себе все проявления политической активности человека (М. Я. Острогорский [70]) или же являются механизмами продвижения к власти лидеров (М. Вебер [14]) — все это и сегодня является предметом горячих дискуссий.

8.2.2.1. Отражение интересов определенной социальной группы (представительство)

В идеале цель партии состоит в реализации представительства в политической системе тех слоев населения, интересы которых она выражает. Осуществляя

представительство различных социальных групп, слоев, сословий, интересов, партии соединяют общество и государство в неразрывное единое целое. Большое значение имеет то, что в современном сложном и высокоразвитом индустриальном обществе люди со своими особыми интересами, устремлениями, ориентациями, установками могут участвовать в политической жизни в качестве членов различных союзов, объединений, партий.

Это относится как к правящим партиям, так и к большинству партий, остающихся в оппозиции. Партии же, принципиально не приемлющие существующую систему, либо постепенно отодвигаются на периферию политической жизни, либо вовсе исчезают с политической арены. Жизнестойкость и успех многих левых партий в индустриально развитых странах, которые первоначально не принимали существующую систему, не в последнюю очередь определяются тем, что они в конечном итоге в той или иной форме интегрировались в эту систему. Итальянский политолог Х. Портелли [19, 143] выделяет три фазы процесса интеграции:

- сплочение сил и обращение к конкретным проблемам;
- признание существующих институтов;
- трансформация самих партий.

Становясь частью системы, партия вынуждена сдерживать свою радикальность и усваивать реальные условия борьбы за голоса избирателей и за политическую власть, выдвигать более умеренные платформы.

Политические партии возникли и развивались одновременно с системой выборов и идеей представительства. Более того, идея представительства имела ключевое значение для формирования современной теории демократии и, соответственно, ее важнейших принципов — политического плюрализма, наличия партий, избирательной системы. Понятие «представитель» используется во многих значениях. Например, говорят о конкретном человеке как «типичном представителе» своей нации, профессии, социальной группы, о представителе такой-то страны, представителе главы государства, торговом представителе той или иной компании. В политическом лексиконе же под терминами «представитель», «представительство» подразумевается принцип делегирования полномочий определенной группой лиц или партий конкретному человеку, организации, органу для отстаивания своих интересов в структурах власти.

Если в XIX — начале XX вв. каждая партия создавалась для защиты интересов определенной социальной группы, то сегодня ситуация принципиально изменилась. Примерно с середины XX в. крупные партии в развитых странах стали получать на выборах поддержку избирателей, относящихся к различным группам населения. Американский политолог М. Роскин [79] подчеркивает, что сегодня в США принадлежность к какой-то политической партии не имеет принципиального значения. У Республиканской и Демократической партий много общего в том, что касается основных ценностей, идеологии и политических программ. Результаты выборов обычно зависят от личности кандидатов, а не от партийной принадлежности.

Именно институт представительства сделал возможным формирование республиканской или демократической формы правления в масштабах национального государства. Более того, утвердилось мнение, согласно которому такая форма правления тесно увязывалась с национальным государством. «Чем меньше общество, — писал Дж. Мэдисон [90], — тем меньше возможностей для появления чет-

ко очерченных партий и интересов и тем чаще большинство окажется в одной и той же партии». При расширении площади и увеличении населения получается «большое число партий и большее разнообразие интересов».

Принципы представительности и выборности представителей различных социальных групп в законодательные или иные органы власти по самой логике вещей поставили вопрос об инструментах и средствах политической реализации этих принципов. В качестве таких инструментов постепенно во всех индустриально развитых странах утвердились политические партии. Важно учесть формирование не только идеи партии как инструмента реализации политического процесса, но и идеи партии как законной оппозиции. Другими словами, признание законности разнообразных интересов в обществе обуславливало признание законности политических инструментов в лице партий, призванных представлять эти интересы в системе власти. Связанный с институтом представительства принцип выборности должностных лиц в ведущих органах власти обеспечивал избирателям возможность выбора между альтернативными политическими курсами и лидерами, призванными представлять избирателей, выступающих в поддержку той или иной альтернативы. Именно при таких условиях партии и партийная конкуренция стали играть ключевую роль. Постепенно получила признание мысль, что в политической борьбе партия приобретает дополнительную силу в результате критики со стороны другой партии и что партия только теряет, когда оппозиция слишком слаба.

Однако в Европе некоторые партии стремятся в значительной мере сохранить свое политическое лицо. Электорат социал-демократов предполагает, что в случае прихода к власти этой партии усилится влияние профсоюзов, возрастут расходы на социальные нужды малообеспеченных слоев населения, престарелых, больных, безработных, молодежи. ХДС в ФРГ и Консервативная партия Великобритании не скрывают свою тесную связь с крупным капиталом, открыто защищают интересы деловых кругов. Избиратели голосуют за такие партии в тех случаях, если они уверены в их сильной экономической политике, способной повысить деловую активность в стране (при условии защиты социальных интересов большинства).

При утверждении и институционализации современных политических, в том числе и партийных, систем принципиальное значение имело то, что большинство (во всяком случае, конституционных и парламентских) партий, предлагая свои политические курсы, не подвергали сомнению определенный комплекс политических, государственных и правовых принципов, легших в основу формировавшейся политической системы. Несмотря на различия по широкому спектру идей и концепций общественного и государственно-политического устройства, большинство политически активного населения разделяло идеи конституционализма, свободы вероисповедания, свободы слова и печати. Соблюдение и реализация этих принципов создавали предпосылки для признания каждой из противоборствующих сторон «законности» существования противной стороны. Принцип представительства приобретал большую актуальность вследствие того, что по мере наращивания оборотов процессами социально-экономического и политического развития, неуклонно расширялось вовлечение в политический процесс широких слоев населения, которые раньше как бы оставались в стороне от политических споров и конфликтов. О возросшей роли народных масс в общественно-политической жизни свидетельствует хотя бы тот факт, что постепенно в больши-

нстве стран мобилизация массовой поддержки тех или иных политических программ или же отдельных политических лидеров постепенно приобретала решающее значение. Более того, политические партии первоначально сформировались как средство организации такой поддержки.

Таким образом, при плюрализме интересов индивидуумов любой социальной группы связывать партию только с одной из них, говорить о ее классовой, этнической или конфессиональной сущности нет возможности. Такова реальность, даже если на этом настаивает сама партия, как бы она себя ни называла — рабочей, крестьянской, немецкой, арабской, католической, исламской и т. п. Любая партия объединяет людей не по социальному положению, этнической или религиозной принадлежности, а по их *политическим интересам*, которые у людей одного слоя, даже живущих и работающих вместе, бывают весьма разными.

8.2.2.2. Характер и сущность организации партии

Выполнение партией своих функций обеспечивается ее организацией. Партии присущи самодеятельные и добровольные начала. Без них не обходится ни одна из организаций, хотя эти начала являются относительными: часть людей вступает в партию под давлением обстоятельств, других людей или власти.

Первые протопартии строились в основном по лично-вождистскому принципу и существовали уже в античности и средневековье. С активизацией роли партий в политической борьбе, ростом их организованности, представления о партиях как союзе единомышленников дополнились другими аспектами. Партия стала рассматриваться как социальный механизм, где доктрина и организационная структура служат достижению политических целей.

Партии все настойчивее и изощреннее добивались объединения единомышленников, но делали это неодинаково. Стало очевидно, что чем радикальнее выдвинутые цели и больше насилия требуется для их достижения, тем более прочной и способной к ударам, более «боевой» становится организация, и наоборот. Целями и средствами достижения выдвинутых целей определяются *структура и характер организации* партии.

Эффективность решения поставленных задач в немалой степени зависит от того, придерживаются партии *прагматического* или *идеологического* стиля деятельности. Первый, в частности, предполагает постоянную нацеленность партий на поиск любых возможностей для достижения конкретных целей. При таких условиях идеологические ограничения не играют существенной роли, и ими легко жертвуют при достижении различного рода соглашений, образовании коалиций и т. д. В конечном счете, такой прагматизм всегда предполагает использование по преимуществу консенсусных технологий борьбы за власть, что повышает политическую стабильность общественного развития.

Идеологизированный стиль партийной деятельности, основываясь на постоянной защите идеалов и принципов, неизбежно приводит к нарастанию конфликтности политического процесса. Если идеологии сформированы на антагонистических ценностных основах, то межпартийная полемика ведет к поляризации и резкой конфронтации сил, участвующих в отношениях власти.

Как показывает опыт, приверженность партий, получивших статус правящих, идеологическому стилю грозит серьезными изменениями в характере управления

и системе организации политической власти. В частности, как это было во всех тоталитарных режимах: постепенное превращение идеологии господствующей партии в монопольную систему идейной ориентации всего общества предопределило срастание этого института с государством. Тем самым такого рода партии вышли за рамки своего функционального назначения в политическом процессе, утратив общественно-политическую природу и превратившись во всевластного монстра, способного лишь на насилие и административный диктат.

Совокупность целей, средств их достижения, приоритетности и вариантов решения политических проблем составляет содержание *политического курса* партии. Он фиксируется и корректируется в ее программных документах.

От целей, условий, а также величины и качества политической силы зависят возможности партии использовать разнообразные *способы борьбы*: ненасильственные и насильственные.

К первым относятся:

- убеждение, проведение опросов, призывы, петиции;
- митинги и демонстрации, волеизъявление на референдумах и выборах;
- различные формы несотрудничества — социального, экономического, политического, в т. ч. стачки и бойкоты, мирные интервенции — пикетирование и патрулирование, проведение расследований;
- создание параллельных структур — экономических, политических, вплоть до параллельного правительства.

Если политическую организацию не сломят репрессии и она не поддастся на провокации, то ненасильственными средствами партия может добиться очень многого — привлечь на свою сторону широкие массы и даже большинство населения, парализовать и даже вынудить изменить управление и власть.

Широко известны насильственные способы борьбы, используемые многими партиями. К ним относятся:

- захват зданий, предприятий и учреждений, кварталов, населенных пунктов и территорий, СМИ и государственных органов;
- создание вооруженных групп и проведение вооруженных демонстраций;
- вооруженные восстания;
- партизанские военные действия;
- гражданские войны.

Нередко насильственные способы борьбы сочетаются с ненасильственными, но тогда уже на их успех рассчитывать не приходится; они оказываются лишь придатком насильственных, ведущих, как правило, к жертвам и разрушениям.

Использование насильственных способов борьбы стало особенно опасным в странах, где накоплено ядерное и химическое оружие, имеется много атомных и химических предприятий и запасов. Вольное или невольное повреждение таких объектов чревато экологическими катастрофами и гибелью миллионов людей, что многократно превышает цену любых политических целей и лишает борьбу смысла. Тем не менее насильственные средства используются многими партиями в целом ряде стран — от Азербайджана, Таджикистана, Грузии и России до Палестины, Ливана, Алжира, Испании, Мексики и африканских стран.

Сущность партий определяется и их отличием от других общественных организаций. Различий много, но выделим основные.

Во-первых, непосредственная цель политических партий — овладение властью или участие в ее реализации. Такую цель не преследуют все другие общественные объединения (группы давления, группы интересов, общины, секты и др.). Непартийные организации ставят задачу решить свои проблемы в рамках сложившегося режима правления. Партии же, выдвигая собственные программы решения внутри- и внешнеполитических задач, могут ставить вопрос об изменении политической власти в стране.

Во-вторых, все политические партии в отличие от других общественных организаций всемерно стремятся к обеспечению широкой их поддержки населением во время избирательных кампаний.

В-третьих, политические партии рассчитаны на длительный срок деятельности (в отличие, например, от общественных движений, которые, достигнув определенной цели, исчезают с исторической арены, от групп давления, групп интересов). Даже достигнув поставленной цели (завоевание власти), политические партии продолжают свою деятельность, направляя ее в русло удержания, реализации власти в целях претворения в жизнь выдвигаемых программ.

Анализ конкретной политической практики показывает, что *сущностными признаками* любой политической партии являются:

- стремление использовать власть в соответствии со своим видением решения политических и других общественных проблем;
- идейно-политическая ориентация;
- самостоятельные и добровольные начала.

К *характерным признакам* партии также относятся:

- наличие руководящих органов, партийного аппарата, в той или иной степени разветвленной сети местных организаций, осуществляющих непосредственное руководство работой рядовых членов;
- наличие программы партии, отражающей ее основные цели и средства их достижения;
- агитационно-пропагандистская работа по привлечению и расширению численного состава партии и ее сторонников.

Американский политолог Дж. Ла Паломбара [56] выделил четыре конституирующих партию элемента:

- идеологию (всякая партия есть носитель идеологии);
- организацию, т. е. относительно продолжительное по времени объединение людей; в отличие от клиентелы (группы вокруг лидера) партия является институтом;
- цель — завоевание и осуществление власти;
- стремление обеспечить себе поддержку народа (вплоть до членства или активного членства (активисты) в ней).

8.2.2.3. Институционализация политических партий

Процесс институционализации партий способствовал повышению их роли и значения в политической системе общества. Институционализация политических

партий определяется как процесс, с помощью которого эти организации и происходящие в них процессы приобретают ценность и стабильность, а также общественное и государственное признание и легитимность. В качестве основных средств институционализации деятельности политических партий выступают прежде всего нормативно-правовые акты, начиная от конституций развитых стран и заканчивая решениями местных административных органов. В большинстве государств институционализация политических партий проходила в различных формах:

- в рамках конституционного законодательства (ФРГ, Италия, Франция, Греция, Португалия, Испания, Никарагуа, Бразилия и др.);
- законов о финансировании деятельности партий (Австрия, Швеция, Финляндия, Япония и др.);
- избирательного законодательства (США, Мексика и др.);
- судебного решения (в США обретение партиями своего статуса произошло с помощью решений Верховного суда) и др.

Среди основных направлений процесса институционализации функционирования партий можно выделить следующие:

- регламентацию их структуры и внутриорганизационной деятельности;
- закрепление функций политических партий;
- фиксацию их основных целей и задач;
- регулирование процесса отбора и прохождения партийных кандидатов;
- установление порядка (процедуры) участия партий в избирательных кампаниях, регулирование финансовых аспектов деятельности политических партий и др.

С точки зрения регулирования процесса создания партий, страны можно разделить на три группы.

К первой относятся те страны, в которых порядок образования партий не урегулирован правом. Их организация трактуется как частное дело граждан и осуществляется на основе свободы объединений. Партия считается существующей уже в силу провозглашения самой себя в качестве таковой. В современных условиях государств, следующих либеральным традициям прошлого века, становится все меньше. Сегодня к ним можно отнести лишь такие страны, как Великобритания и Новая Зеландия.

Во вторую группу входят страны, законодательство которых не требует формальной регистрации партий в каком-либо государственном органе. Организация приобретает статус партии лишь после предоставления в компетентные органы строго определенных документов (программы, устава, сведений о правлении). К таким государствам можно отнести ФРГ, Австрию и другие. В Великобритании, Швейцарии, Австралии, Канаде и других странах нет специальных законов о партиях. На них распространяются общие положения конституции или законов о союзах, в соответствии с которыми любая группа граждан вправе создавать партии, если их цели и задачи не противоречат конституционным основам государства. Часто эти законы представляют собой довольно объемистые кодексы, детально предписывающие функции партий на общенациональном и местном уровнях. Эти предписания, в частности, включают:

- процедуры и правила избрания делегатов на партийные съезды или конференции;

- сроки и порядок их проведения, процедуры избрания должностных лиц партийной организации;
- порядок внесения кандидатов партии в избирательные бюллетени и избрания делегатов на общенациональный съезд;
- правила расходования денег партийными кандидатами на политические кампании;
- порядок и сроки проведения избирательных кампаний и выборов и др.

Третью группу составляют страны, в правовых актах которых предусмотрена обязательная регистрация политических партий. В большинстве стран статус и деятельность партий регулируются специальными законами или конституционными нормами. К ним относится, например, закон о партиях, принятый в ФРГ в 1967 г. Он призван регулировать конституционно-правовой статус партий, их цели и задачи, принципы внутренней организации, механизмы и процедуры участия в выборах и т. д. В таких странах полномочиями регистрации политических партий наделяются различные государственные органы — Министерство внутренних дел (Испания, Италия, Франция), Министерство юстиции (Бельгия, Нидерланды), государственные секретари штатов (штат Миссури в США).

Во многих странах партии регистрируются органами, создаваемыми для проведения выборов (Индия, Мексика, Швеция). В ряде стран регистрация партий возложена на судебные органы — на представителя Верховного Суда (Португалия), на Высший избирательный суд (Бразилия).

В большинстве стран (за исключением Никарагуа) предварительного разрешения со стороны государства на создание партий не требуется, вместе с тем для официальной легализации они должны отвечать четко зафиксированным формальным и материальным требованиям.

Формальные требования включают наличие собственного наименования, эмблемы. Законодательство практически всех государств предписывает, чтобы наименование новой партии отличалось от уже существующих, чтобы в названиях, а также в эмблемах не было сходного с государственными и религиозными символами.

В некоторых государствах для регистрации партии требуется поддержка определенного числа граждан. В Швеции при регистрации для выборов в риксдаг необходимо набрать не менее 1,5 тыс. подписей избирателей, в Португалии партия обязана предоставить подписи 5 тыс., избирателей. В США законодательство 20 штатов устанавливает абсолютное число подписей, которое необходимо собрать, чтобы получить статус партии; в Иллинойсе — 25 тыс. подписей, в Алабаме — 5 тыс.

В ряде стран, чтобы иметь официальный статус партии, организация должна насчитывать определенное количество членов (1000 членов-учредителей в Венгрии, в Мексике — 65 тыс.). В Индии регистрации подлежит партия, занимающаяся политической деятельностью не менее пяти лет и собравшая 4 % голосов на общенациональных выборах (получив статус всеиндийской) или на выборах в штате (статус региональный). Партия, зарегистрированная как региональная в четырех штатах, автоматически получает статус всеиндийской партии.

В некоторых странах заинтересованные в регистрации организации должны представить ряд документов и материалов, например устав и программу (ФРГ, Португалия, Бразилия и др.). Исключение составляет Швеция, закон о выборах

которой не требует каких-либо документов, кроме письменного заявления с просьбой зарегистрировать партию.

К требованиям, предъявляемым к партиям при регистрации и в ходе их последующей деятельности, относятся также принципы их организационного построения и функционирования.

Как правило, законодательство обязывает, чтобы партия строилась на демократических принципах, не допускающих, в частности, отказа в принятии в нее или исключения из нее лиц в силу национальной принадлежности, пола и расы. Необходимо, чтобы основные вопросы партийной жизни решались на собраниях всех членов или представителей всех членов партий, чтобы она регулярно обнародовала все основные партийные документы, состав руководства, данные об источниках финансирования и расходования денежных средств.

Законодательство о партиях, как правило, определяет условия и пределы деятельности политических партий. Во многих странах в качестве политической партии может функционировать лишь такая организация, устав и программа которой не противоречат конституционным нормам. Партия не должна призывать к насильственному свержению существующего строя и создавать военизированные и полувоеенные организации. Ее деятельность не может быть направлена против суверенитета или территориальной целостности страны и единства нации, прав и свобод граждан. Партия не имеет права разжигать расовую, национальную и религиозную вражду и т. д.

В ряде стран предусмотрена возможность принудительного роспуска партий государством (ФРГ, Франция, Португалия и др.). В большинстве из них решение выносится соответствующим судебным органом, или судом общей компетенции, или специальным судом. В Венгрии действующая партия может быть распущена решением Конституционного суда, а в ФРГ — решением министра внутренних дел, в Швеции и Мексике утрата регистрации (вычеркивание названия партии из специального реестра) означает и утрату статуса партии. Однако это не влечет обязательного роспуска организации с конфискацией имущества (теряются только права и привилегии партии).

8.2.2.4. Партия как опора демократической системы

В современных либерально-демократических системах партии, как правило, выступают в качестве носителей, конкурирующих друг с другом политических курсов, не ставя под сомнение законность существующего конституционного строя, основополагающих прав и свобод граждан, утвердившиеся и общепринятые в данной стране правила политической игры и т. д. Признание и соблюдение этих принципов создают предпосылки для согласия каждой из противоборствующих сторон «законности» существования противной стороны. Поэтому естественно, что в сознании широких слоев населения утвердилось отношение к партиям как важнейшим структурным и функциональным элементам политической организации общества.

8.2.3. Структура, состав и средства партий

Политическая партия после государства является одним из основных институциональных субъектов политической жизни общества, наиболее организованной

частью гражданского общества. Несмотря на сравнительно недолгую историю своего существования (в современном виде политические партии существуют в мире со второй половины XIX в.), они стали, несомненно, одним из важнейших достижений человеческой цивилизации.

Политическая партия представляет собой общественный институт с четкой организацией, рассчитанной на долговременную деятельность, и со своей внутренней структурой. Она опирается на политическую идеологию и обладает программой, которая декларирует цели деятельности партии и способы их достижения; имеет свой устав, закрепляющий принципы строительства партии.

8.2.3.1. Принцип построения партии

Случаев возникновения множества партий в странах, где гражданам не обеспечена свобода политического выбора, стало значительно больше, чем прежде. В меру доверия к партии ее членов она обладает *властью над ними*: может давать им поручения, одобрять, порицать и даже наказывать, исключать из своих рядов. Партии, стремящиеся к коренному переустройству не только государства, но и общества, готовые на всякое насилие, формируются как *унитарные*, или *монолитные*. Они требуют от своих членов не только политического единомыслия, но и идеологического единства. Вступающие проходят проверку, на них возлагаются конкретные обязанности и они должны подчиняться строгой партийной дисциплине. Такие партии имеют централизованную иерархическую структуру, обеспечивающую всевластие высшего руководства и исключающую как свободу фракций, так и автономию каких-либо организаций, что называют «демократическим централизмом». Они претендуют на монопольное руководство отдельными слоями населения или даже всем народом и называют себя авангардными.

Другие партии, добивающиеся частичных изменений государства и общества, ограничивающиеся легальными средствами и избегающие насилия, не требуют от своих членов идеологического единства и строгой дисциплины. В них организации пользуются значительной автономией, допускается создание фракций и оппозиционных руководству групп, разногласия не подавляются, а преодолеваются дискуссиями. Их единство имеет *федеральный* характер и обеспечивается демократическими методами. Они приспособлены к легальной политической деятельности, работе в представительных учреждениях и правительствах, а не для нанесения и отражения сокрушительных ударов.

Наконец, партии, желающие лишь поддерживать и совершенствовать существующий строй, довольствуются объединением единомышленников в союзы, клубы и кружки, не имеют четкого членства, структуры и дисциплины. В них не ограничивается плюрализм мнений и действий в русле общей ориентации. Центральные органы таких партий вырабатывают политический курс на основе консенсуса, всеобщего согласия, и заботятся о согласовании действий и взаимной поддержке входящих в партию организаций и групп. Их структура имеет *конфедеративный* характер. В определенных условиях этого оказывается достаточно, чтобы приобрести политическую силу, необходимую для достижения такой партией относительно скромных целей.

8.2.3.2. Структура партии (основные звенья)

Длительная история существования партий выкристаллизовала типичные для нее внутренние группы и объединения. Структура политической партии включает три уровня:

- 1) блок поддержки (массовая база партии, обеспечивающая кандидатов партии поддержкой во время избирательной кампании; принадлежность к данной группе основана в основном на декларируемой приверженности, чем на официальной вовлеченности в партийную организацию);
- 2) официальная партийная организация;
- 3) партия в системе правления (должностные лица в государственном аппарате, которые получили посты в силу принадлежности к соответствующей партии: президенты, губернаторы, члены парламента и т. д.).

Для реализации своего политического курса партия формирует политическую силу — блок избирателей или поддерживающих и руководит ее действиями. Основное измерение политической силы — количество людей, действующих совместно для достижения общей политической цели. Существеннейшую роль в определении судьбы и политического веса партии играют граждане, находящиеся, в общем-то, за ее рамками (сторонники). Обычно каждый из них стремится в меру своих сил и возможностей способствовать успеху своей партии, действуя в соответствии с ее политическим курсом и указаниями руководителей. Партия представляет собою ядро этой силы и стремится к ее увеличению путем систематического политического рекрутирования своих сторонников. Блок избирателей состоит из трех основных элементов:

- 1) *сочувствующие* (т. е. те, кто голосует за нее на выборах);
- 2) *симпатизирующие* (оказывающие партии поддержку и входящие во вспомогательные организации партии: молодежные, спортивные, женские и т. д.);
- 3) *спонсоры* (оказывающие ее организациям определенную поддержку).

Все эти группы специфически влияют на осуществление партией своих функций, способствуют усилению или падению ее авторитета, возможности воздействовать на государственные органы.

Наиболее важной для любой партии является ее политическая сила — общая численность поддерживающих ее граждан, включая не только членов партии, но и беспартийных. В этой массе нередко на одного члена партии приходится десятки беспартийных, а иногда некоторым партиям не удается получить поддержку даже своих членов. Это зависит от качества и понятности ее политического курса.

Формы поддержки партии ее сторонниками и их стойкость тоже неодинаковы. Одни поддерживают партию постоянно и готовы идти с нею если не до конца, то значительную часть пути. Другие неустойчивы и поддерживают партию эпизодически, от случая к случаю. Те слои общества, среди которых партия пользовалась наибольшим влиянием, называется ее *социальной базой*, а избирателей, регулярно отдающих ей свои голоса на выборах, — *электоратом*. Самый неопределенный и размытый уровень — это тот блок избирателей, которые идентифицируют себя с данной партией и систематически голосуют за нее на выборах. Они составляют массовую базу, которая обеспечивает кандидатов партии поддержкой у избира-

тельных урн. Принадлежность к такой группе весьма трудно определить, поскольку она больше основывается на декларируемой приверженности, нежели на официальной вовлеченности в партийную организацию.

Первоначально в Европе

- социал-демократические партии опирались на рабочий класс;
- либерально-демократические — на средние слои (служащие, интеллигенция, мелкие предприниматели);
- консервативные — на крупных собственников, средние слои и зажиточное крестьянство;
- аграрные — на сельское население.

Внутренняя структура политических партий представлена руководством и рядовыми членами (от их активности, стойкости и инициативы зависит развитие политической силы партии и эффективность ее действий). К ним относятся:

- лидеры партии;
- партийная бюрократия;
- мозговой штаб — идеологи партии;
- партийный актив;
- рядовые члены партии.

Высшее руководство — это лидеры партии, ее наиболее авторитетные и опытные деятели, идеологи, мозговой центр. Небольшая группа, определяющая общий политический курс, конкретные цели и средства их достижения и разрабатывающая программу партии. Это руководство, в той или иной мере привлекая нижестоящие структуры, разрабатывает ориентацию партии, цели и средства их достижения, политический курс, решает проблемы структуры организации, определяет пути формирования и укрепления политической силы, руководит ее действиями. Во многих партиях со временем из этих руководителей складываются партийные элиты, обеспечивающие эффективность руководства (за счет партии), удовлетворяющие свои групповые интересы.

Другое основное звено структуры каждой партии составляют ее *региональные деятели и функционеры*, руководящие местными организациями. Они являются проводниками линии партии и непосредственными организаторами ее действий. Эти люди выдвигаются из способных активистов, по возможности получающих специальную подготовку. Они являются организаторами работы всех звеньев партии и проводниками ее политической линии.

Третьим основным звеном являются *рядовые члены* партии, состоящие в ее низовых, первичных организациях, ассоциациях и клубах, разбросанных по стране. Организационная структура партии берет начало там, где находятся избиратели. Поэтому, как правило, она начинается на уровне самой низшей первичной ячейки избирательного округа. Первичные организации партии действуют в соответствии с политическим курсом партии, выполняют задания партийного руководства. Главная их задача состоит в мобилизации на местном уровне избирателей в поддержку кандидатов своей партии. Их совокупность составляет организации на районном, областном, земельном, штатном и т. д. (в зависимости от страны) уровне, а совокупность партийных организаций этих последних — общенациональную партию. Почти всегда наиболее дееспособной оказывается партия, которая сетью

своих организаций покрывает всю страну и имеет достаточно сил в ее жизненных центрах. Такую партию считают массовой. Все партии стремятся к увеличению числа своих членов.

Особый уровень — это *присутствие партии в системе правления*, состоящее из должностных лиц в государственном аппарате, которые получили свои посты в силу принадлежности к соответствующей партии. В том случае, если партия добивается успеха на выборах, в ее составе выделяются «члены партии — законодатели» и «члены партии — члены правительства», которые нередко становятся вторым руководящим звеном партии. К ним относятся: президенты, губернаторы, члены парламента, законодательных собраний областей, штатов, земель, местных органов и др. Естественно, такая иерархия во многом носит условный характер и в разных странах имеет свою национальную специфику. Например, в консервативной партии Великобритании парламентская фракция в организационном отношении составляет самостоятельный структурный элемент — парламентскую консервативную партию. Лидер парламентской фракции является одновременно лидером партии в общенациональном масштабе, а также связующим звеном между всеми структурными подразделениями партии. В его руках сосредоточены значительные властные полномочия во внутрипартийных делах. По сути дела, центральные органы партии — Исполнительный совет, Исполнительный комитет и Центральное бюро — представляют собой совещательные органы при лидере.

Многие партии располагают лишь руководителями, горстью функционеров и малым числом рядовых и местных организаций. Иногда такие партии уважительно называют кадровыми. Но качество кадров, да и позиции таких партий не могут не вызывать сомнений, если малочисленность ее членов не перекрывается с лихвой количеством поддерживающих ее беспартийных.

8.2.3.3. Внутрипартийные коммуникации

С возрастанием интенсивности политического развития и вовлечением в него значительной части населения качество и понятность людям политического курса партии во многом зависят от коммуникаций внутри партии и ее политической силы. Без оперативных и содержательных вертикальных (сверху вниз и снизу вверх) и горизонтальных связей во всех направлениях ни одна партия не может действовать эффективно. Без достаточной информации о развитии событий и настроений населения партия не может выработать ни верной оценки ситуации, ни соответствующего ей решения. Без быстрого доведения и убедительного разъяснения организациям, всем своим членам и сторонникам изменений в тактике и своих конкретных действий партия теряет управление политической силой и не может рассчитывать на успех.

Естественно, что все партии стремятся повысить качество своей политической силы — сделать ее более организованной, стойкой и мобильной, способной к перегруппировкам и маневрам. Это обеспечивается политическими коммуникациями внутри нее — скоростью, объемом и содержанием политической информации, передаваемой снизу вверх и сверху вниз, а также по горизонтали. Только эффективные коммуникации позволяют партии добиваться превосходства в решающем месте в нужный час, без чего серьезный успех невозможен.

Поэтому особое место в структуре каждой партии принадлежит *органам и каналам информации*. Руководство партии активно использует имеющиеся у нее и доступные ей СМИ, которым принадлежит важнейшая роль в формировании и руководстве политической силой, а также в создании привлекательного для населения образа партии. Система партийных коммуникаций опирается на все звенья и организации партии, оснащающиеся новейшими средствами связи. Немало внимания уделяется получению труднодоступной информации извне — своего рода разведывательной деятельности, иногда не исключающей отступлений от нравственности и законности. СМИ активно используются для рекрутирования новых членов и формирования электоральной базы.

Не меньшее значение имеет непосредственное общение членов партии с различными слоями населения (пример — их политическое поведение и речь), особенно с теми, кто пренебрегает СМИ.

8.2.3.4. Источники финансирования партии

Институционализация деятельности политических партий включает вопросы финансирования их работы: в частности, регулирование порядка финансирования политических партий, их расходов на выборах, контроль за финансовой деятельностью.

В средствах для жизни и работы нуждается руководящий состав, функционеры. Оплачивать приходится помещения и различные мероприятия. Дорого стоит использование современных СМИ и других коммуникаций. Поэтому все партии озабочены изысканием средств и очень неохотно раскрывают их источники. Однако известно, что всем им в большей или меньшей мере приходится обращаться к пяти основным источникам.

Во многих странах в соответствии с законами о партиях им выдаются средства из государственного бюджета пропорционально их представительству в парламенте, где их деятельность признается полезной стране. В ФРГ партиям возмещаются предвыборные расходы из расчета 5 марок на каждого избирателя. С 1972 г. в Швеции государство стало финансировать все партии, получившие на выборах не менее 4 % голосов на парламентских выборах, либо 12 % — на выборах в любом избирательном округе. В Дании, Финляндии и Италии государственное финансирование партий определяется в соответствии с числом полученных депутатских мандатов.

Следует заметить, что средств, выделяемых государством, недостаточно для покрытия всех предвыборных расходов партий. Например, в США кандидат на пост президента, утвержденный партийным съездом, может получить от государства 20 млн. долларов на проведение своей избирательной кампании, тогда как реально последняя обходится партиям в сотни миллионов долларов.

В большинстве случаев основным является такой источник получения партиями средств, как частное финансирование. На счета многих партий поступают средства от спонсоров, не принадлежащих к партии, но связывающих с ее деятельностью определенные свои надежды и поэтому открыто или инкогнито поддерживающих ее материально. Например, в период предвыборной кампании 1987—1988 гг. 87 % средств республиканской партии и 68 % средств демократической партии поступило в виде прямых пожертвований частных лиц.

Некоторые партии получают материальную поддержку из зарубежных источников — от солидарных с ними организаций или учреждений, по разным причинам заинтересованных в успехе поддерживаемой партии. Как правило, законодательство запрещает политическим партиям получать деньги из-за рубежа (например, в Швеции, согласно нормам уголовного права, наказуемы действия, связанные с получением материальной поддержки из-за границы для ведения пропаганды с целью влияния на общественное мнение о государственном строе или внешнеполитических и внутривнутриполитических мероприятиях компетентных властей), но, как правило, такие законы часто тайно нарушаются (огромный опыт в этом был накоплен КПСС, десятилетиями посылавшей средства почти всем компартиям других стран).

Финансирование избирательных кампаний политических партий со стороны частного бизнеса связано с коррупцией. Это вынуждает принимать меры по контролю за финансовой деятельностью политических партий. В законодательстве отдельных стран содержатся положения, обязывающие политические партии представлять государственным органам ежегодные финансовые отчеты с указанием источников получаемых ими средств (ФРГ, Греция, Австрия и др.). Получение партией средств из непартийных источников, как правило, не может изменить ориентации и целей партии, но обязывает ее, учитывая интересы различных поддерживающих лиц и организаций, несколько корректировать свой политический курс и деятельность.

Для многих, особенно массовых партий важным источником являются взносы самих членов партии, которые не всегда обязательны, но никогда не ограничиваются. Ряду партий приносят доходы их собственные предприятия: издательства, кооперативы, акционерные общества и т. п.

8.2.4. Функции политических партий

Из всего многообразия функций, которые выполняют современные политические партии, можно выделить общие, наиболее характерные для большинства из них.

8.2.4.1. Завоевание политической власти

Будучи звеном вертикальной связи общества и государства и участвуя практически во всех фазах политического процесса, партия выступает одним из важнейших механизмов распределения (перераспределения) в стране властных статусов. Прежде всего, партия нацелена на борьбу за завоевание и использование политической власти в интересах поддерживающей ее группы населения. Иначе говоря, если группы интересов, как правило, пытаются решать те или иные проблемы в рамках сложившегося режима правления, то партии, выдвигая собственную программу решения внутри и внешнеполитических вопросов, могут выдвигать претензии, направленные на изменение высшей политической власти (как в центре, так и на местах). Однако и при подобном характере политических требований партии чаще всего обеспечивают мирное перераспределение власти между различными общественными силами. В этом смысле они выступают таким механизмом агреги-

рования интересов граждан, который дает возможность избежать общественных потрясений при изменении баланса политических сил.

Как показывает современная практика, в демократическом обществе в действиях любой партии, независимо от ее социальной ориентации, можно выделить направления, по которым она играет в обществе предназначенную ей роль. Эти направления часто называют *функциями политических партий*.

Первоначальное направление — разработка партийной идеологии, отражающей в теоретической форме коренные интересы той общности людей, которая составляет социальную базу партии. Наличие определенной идеологии — важнейший признак политической партии, отличающий ее от любой другой общественной организации. В сущности, идеология «первична» по отношению к политической партии, ибо с нее «начинается» сама партия. Партийное строительство осуществляется всегда на идеологической основе. Политическая партия объединяет людей с одинаковыми (или близкими) мировоззренческими взглядами, ценностными ориентациями и идеалами. Укрепить свое внутреннее идейное единство, распространить свою идеологию по возможности на самые широкие социальные слои — первейшая задача любой партии. От этого зависит ее судьба. Размытость, аморфность идеологических основ грозит ей гибелью.

Второе направление — выработка программы действий партии, формулирование стратегических и тактических целей и задач партии, определение методов и средств борьбы за власть в соответствии с политической ситуацией в стране. Здесь важен взвешенный учет реальных возможностей партии. Нельзя ставить несбыточных задач, основанных лишь на эмоциях партийных лидеров.

Третье направление — подготовка и проведение избирательных кампаний. В демократическом обществе основной путь партии к власти — общенародные выборы. Только посредством расширения своей электоральной базы партия может «пройти» в парламент, получить доступ к власти. Поэтому предвыборной пропаганде своей программы, обеспечению необходимого рейтинга своих кандидатов в представительные органы власти каждая партия придает большое значение. Создаются предвыборные штабы, в которых работают лучшие политтехнологи с опытом организации выборных кампаний. В борьбе за власть партии не жалеют материальных средств.

Четвертое направление осуществляется по трем этапам-векторам:

- при двухпартийной системе партия, получившая на выборах большинство голосов избирателей, формирует правительство, становится правящей;
- при многопартийной системе партия, преодолев по числу поданных за нее голосов установленный законом рубеж, проходит в парламент, создает в нем фракцию и в зависимости от своей политической ориентации действует или в поддержку правительства, или в качестве его оппозиции;
- после выборов партия стремится увеличить электоральную поддержку своему курсу, организуя различные кампании в СМИ, акции поддержки (недоверия) правящему режиму, другие мероприятия, призванные убедить население в правильности (неверности) сделанного выбора. Они активно борются за расширение своего численного состава, укрепление материального положения центральных и низовых организаций, распространение своих программных

целей, налаживание связей с отечественными и зарубежными партиями дружественного толка.

Основной функцией любой политической партии является участие в политической борьбе за власть, которую она стремится использовать для решения своих программных задач. Но в целом вопрос о функциях носит конкретно-исторический характер. Приоритет тех или иных функций зависит от состояния гражданского общества и формы политического режима, от особенностей политической системы и уровня социально-экономического и политического развития страны, от конкретной политической ситуации и состояния самой политической партии.

8.2.4.2. Руководство и контроль над институтами государственной власти

Высшей функцией политической партии является *руководство государственной властью*; ее выполняют организации, получившие власть частично или полностью. Их усилия, как правило, направлены на:

- сохранение и расширение этой власти;
- реализацию посредством власти своей программы;
- решение политических задач в соответствии со своими интересами.

Деятельность политической партии предполагает ее участие в создании общих правил игры, общего нормативно-правового пространства. Партии исторически выдвинулись как институт, способный координировать и контролировать процесс принятия решений на уровне государства. Они подталкивают представителей противостоящих интересов и взглядов к заключению соглашений, приведению в соответствие различных требований, к согласованию действий и т. д. Партии, соединяя гражданское общество с государством, способствуют преодолению или смягчению конфликтов, имманентно присущих отношениям между ними. Именно благодаря партиям обеспечивается функционирование законодательных собраний и исполнительной власти. Можно утверждать, что сильные партии не ослабляют, а, наоборот, укрепляют государство, обеспечивая каналы обратной связи последнего с обществом, его контроль над политическим процессом. Соответственно слабость партий неизбежно оборачивается слабостью государства, но повышением роли бюрократии.

Эффективность власти зависит от обеспечивающей ее политической силы, работа об укреплении которой всегда остается актуальнейшей задачей любой партии. Но еще большее значение имеют объективные условия, ограничивающие возможности реализации власти.

Партии, победившие на выборах или сумевшие провести в законодательные органы своих представителей, получают возможность участвовать в формировании правящей элиты, подборе и расстановке управленческих кадров, а через них — легитимное право на участие в процессе принятия политических решений и возможность контроля за их исполнением. Послевыборная фаза деятельности партий обычно сопровождается заключением различных межпартийных соглашений, образованием партийных коалиций, союзов и блоков победивших партий. Это дает и населению возможность объединиться в соответствующую коалицию большинства, чтобы поддерживать правительство.

Партии, получившие контроль над институтами государственной власти, непосредственно используют их властный и ресурсный потенциал. Политические партии, оказавшиеся в оппозиции, но представленные в органах государственной власти, получают право эффективного контроля над государственными институтами. Тем самым создается конкурентная политическая среда, заставляющая победителей внимательнее относиться к потребностям общества и заботиться об эффективности и популярности проводимой ими политики.

8.2.4.3. Внутригосударственная коммуникация

Неотъемлемой задачей деятельности партий является углубление связей и отношений между различными ветвями власти, местными и центральными органами государственного управления, разнообразными политическими институтами. Как правило, это происходит в процессе выдвижения партийных программ, определения союзников и противников среди участников политического процесса, включающих и иные партийные образования.

Осуществляя свою разностороннюю деятельность, политические партии обеспечивают взаимосвязь между органами государственной власти и населением, придают стихийным формам политической активности масс упорядоченный характер, организуют их действие в нужном для данной партии направлении. В этом отношении партии являются одним из наиболее эффективных средств борьбы с политической апатией и гражданской пассивностью людей.

Учреждение постоянных каналов для выражения противоположных интересов способствовало стабилизации структуры национальных государств. Уравнивание статусов различных деноминаций содействовало смягчению прежних конфликтов по религиозным вопросам. Расширение права голоса и свободы политического самовыражения помогло утверждению легитимности национального государства.

С идеей партии, как законной оппозиции, тесно связана идея выборности, призванной обеспечить народный суверенитет и представительство всех заинтересованных группировок и слоев населения в системе власти через партии. Роль выразителя народного суверенитета отводится лишь избирательному корпусу. Характерна не столько возможность свободного участия масс в принятии политических решений, сколько открытая конкуренция с целью завоевания тех или иных правительственных постов и контроль над деятельностью тех, кто находится у власти. С самого начала одна из главных функций политических партий и избирательной системы состояла в формализации и институционализации политического участия граждан, замене спонтанных, стихийных, неорганизованных и зачастую «незаконных» (бунт, восстание и т. д.) форм политических действий «узаконенными», институционализированными формами участия через партии и избирательную систему. Введение принципа смены политической власти в процессе конкуренции между двумя или несколькими партиями как бы отделяло конкретных людей, сменявшихся у власти, от самой избирательной системы и партии.

Присутствуя во всех политических институтах, партии

- обеспечивают взаимосвязь между различными уровнями и различными ветвями государственной власти;
- вырабатывают компромиссные политические решения;

- выполняют посреднические функции между различными социальными группами, составляющими их избирательную базу;
- мобилизуют общественное мнение в поддержку выдвигаемых ими проблем;
- идейно и организационно обеспечивают избирательные кампании;
- выдвигают кандидатов на выборные должности на всех уровнях власти.

Однажды образовавшись, партии развивают собственные внутренние структуры и формируют долговременную приверженность своих сторонников. При этом, выступая одновременно и как агенты конфликта между различными интересами, и как инструмент достижения согласия между ними, партии приобретают функции своего рода интегрирующих нервов и кровеносных сосудов между обществом и миром политического, объединяя их в единое неразрывное целое.

8.2.4.4. Отбор и рекрутирование политических лидеров и элит

Одной из важнейших функций партии является отбор и рекрутирование политических лидеров и элит для всех уровней политической системы. Помимо выдвинутых ими профессиональных политиков в управлении делами общества и государства нередко самое активное участие принимают и партийные эксперты, аналитики, специалисты. В целом партии призваны преобразовывать разнообразные интересы в альтернативные политические курсы и реализовывать их на государственном уровне. Как отмечает Ж. Бурдо, от других массовых организаций партию отличает то, что она охватывает «организационными щупальцами» по вертикали и горизонтали как можно больше секторов общества, разворачивает там информационную и организационно-пропагандистскую деятельность, выполняет воспитательные функции, превращая ее в основной «инкубатор» политического персонала.

В большинстве стран партийные организации в значительной степени или полностью контролируют механизм выдвижения своих кандидатов на выборах и сам процесс проведения выборов. Например, в Италии выдвигать кандидатов в Палату депутатов вправе только политические партии или организованные политические группы. При этом показательно, что список кандидатов, выдвигаемых той или иной партией, не имевшей представительство в предшествующей легислатуре, должны подписать не менее 350 избирателей соответствующего округа. Подобного рода требования, часто значительно более жесткие, предъявляются во многих странах. Поэтому любое лицо, стремящееся сделать политическую карьеру, должно принять существующую партийную систему и найти общий язык с руководством партий, партийными функционерами на соответствующих уровнях.

Как правило, свою карьеру будущий политик начинает, совмещая учебу в колледже или университете, работу по найму и т. д. с работой в молодежной организации той партии, взгляды которой он разделяет. Постепенно способный молодой политик поднимается по карьерной лестнице и в случае победы своей партии на выборах вправе рассчитывать на ту или иную должность в составе возглавляемого ею правительства. Участвуя в предвыборной кампании, в политических дискуссиях и баталиях, работая в тех или иных парламентских комиссиях и комитетах, политик набирается практического опыта, вырабатывает качества, необходимые для профессиональной политической и государственной деятельности. В США начи-

нающий политик сначала вступает в местный политический клуб и работает помощником «капитана» присинкта или избирательного дистрикта. Впоследствии он может дорасти до капитана и, возможно, руководителя дистрикта или председателя избирательного округа и дальше до капитана графства или даже председателя партийной организации штата, а затем и члена национального комитета партии.

Раньше практически невозможно было действовать помимо этой структуры. Можно было просто купить партийную машину, но это стоило больших денег. Можно было «побить» машину, создав свою собственную, но чем выше политический уровень, тем труднее было создать такую машину. Некоторые коррективы в эту систему были внесены расширением в 1970-х гг. так называемых первичных выборов, открывших возможности для независимых претендентов.

8.2.4.5. Выражение интересов определенных социальных групп

Главная задача политических партий состоит в том, чтобы превратить множество частных интересов отдельных граждан, социальных слоев, заинтересованных групп в совокупный политический интерес. В большинстве случаев в этом качестве партии выражают интересы определенных социальных сил и призваны представлять эти силы в структурах власти. В данном контексте партии играют ключевую роль несущей конструкции как гражданского общества, так и политической системы.

Необходимо отметить и то, что в такой большой организационной системе, как государство, которое призвано реализовывать общее благо, слагаемое в свою очередь из множества разнородных, часто конфликтующих и противоборствующих интересов и имеющее принудительную юрисдикцию, контроль со стороны народа или общества практически невозможен без этих союзов, объединений, партий. Партии не только выражают интересы тех или иных социальных групп, но и активно участвуют в формировании этих интересов. Они выполняют функции объединения интересов различных социальных групп и слоев путем сведения их к единому знаменателю. Они помогают кристаллизовать и четко очерчивать конфликтующие интересы, скрытые различия и противоречия в обществе. Они подталкивают граждан смягчать противоречия, определять те приоритеты, которые делают их политическими единомышленниками и союзниками, и группироваться на их основе. Партии разрабатывают аргументы для перевода различий в экономической, социальной и культурной структуре в требования и конкретные действия. В то же время они выполняют не только представительные, но и инструментальные функции.

8.2.4.6. Политическая социализация граждан

Еще одной важнейшей функцией партий является *политическая социализация граждан*, формирование у них свойств и навыков участия в отношениях власти. Речь идет о включении личности в мир политики. Ведя борьбу за избирателя, преодолевая дефицит информированности населения, партии обращают внимание людей на важнейшие конфликты и пути их преодоления, ситуацию, сложившуюся в обществе, делают понятной для рядовых граждан. Главным средством реше-

ния этой задачи является формулирование разногласий с другими политическими силами по основным вопросам общественного развития. Это позволяет гражданам стать полноправными участниками политических отношений. Как считает американский ученый Е. Шаттшейдер [78-276], формулирование разногласий — ключевой инструмент в борьбе за власть, и партия, которая сумела четко обозначить свои позиции для общественного мнения, «имеет все шансы стать правящей».

Процесс социализации структурно представлен рядом элементов. Это:

- усвоение населением определенных политических знаний и навыков общественно-политической деятельности;
- превращение полученных знаний в убеждения;
- формирование способности отстаивать эти знания;
- обретение гражданами политической ориентации;
- выработка поведения, адекватного существующим политическим условиям.

Наиболее ярко партии реализуют свои функции в предвыборной и избирательной кампаниях. Выдвигая кандидатов в законодательные органы государства, партии предпринимают активные действия, направленные не только на поддержку своих представителей, но и на распространение определенных идей, внедрение их в массовое сознание граждан. И если, к примеру, небольшие партии не могут выставить конкурентоспособных кандидатов на общегосударственном (региональном) уровне, то они все же используют выборные кампании в идеологических целях, пытаясь создать в глазах населения позитивный имидж своим целям и ценностям.

8.2.4.7. Зависимость функций партии от политической системы

В либерально-демократической системе и авторитарной и тоталитарной системах партии выполняют свои функции по-разному. Если при тоталитаризме одна единственная партия почти полностью слита с государственными структурами, то господствующие в либерально-демократической системе конкурентные партии действуют на двух уровнях.

Во-первых, каждая партия создает сеть каналов, пронизывающих все или большинство региональных общностей и местных общин и тем самым усиливающих в них общенациональное начало.

Во-вторых, сама направленность партии на конкуренцию с другими партиями способствует тому, что общенациональная политическая система ставится над всеми конкретными группировками должностных лиц независимо от их ранга и положения. Тем самым проводится четкое различие между самой политической системой и конкретными должностными лицами, чего нет в однопартийной системе. Граждане склонны отождествлять политическую систему с политикой конкретных руководителей, а последние, как правило, пользуются утвердившейся национальной лояльностью, чтобы обеспечить себе как можно более широкую поддержку. В таких обществах любые нападки на тех или иных политических руководителей или господствующую партию могут рассматриваться как нападки на саму политическую систему. Споры относительно какого-либо конкретного политического курса того или иного руководителя могут поднять фундаментальные вопросы о выживании системы. В конкурентной партийной системе оппоненты правящей в

данный момент партии могут обвинить последнюю в ослаблении государства или предательстве традиций нации, но существование самой политической системы не подвергается опасности. Конкурентная партийная система защищает страну от недовольства ее граждан: жалобы и нападки отвлекаются от системы в целом и направляются на лиц, находящихся в данный момент у власти.

Таковы лишь основные функции, общие для всех партий. Некоторые партии берут на себя функции руководителя вооруженной борьбы, другие — функции государства, третьи — руководства экономикой и т. п. Но такие функции в каждом случае требуют специального изучения.

§ 3. ТИПЫ ПАРТИЙ И ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ

Видный теоретик немецкого социал-демократического движения М. Вебер [14], в отличие от марксистов, не связывал деятельность партий с интересами какого-либо класса. Он видел в партиях лишь инструмент борьбы личностей за власть и влияние в обществе. В современной политологии популярна предложенная М. Вебером и его последователями классификация политических партий:

- партия как группа, основанная на духовно-политических связях (по типу кружков, объединяющих людей, придерживающихся сходных идеологических и политических приоритетов);
- партия как внеклассовое образование активных, стремящихся к власти личностей;
- партия как выразитель классовых интересов и идеологии.

Вместе с тем существует большое количество иных исследовательских подходов, имеющих право на существование и представляющих интерес.

8.3.1. Типология партий

Многообразие исторических и социокультурных условий политического развития стран и народов привело к возникновению различных партийных структур, отличающихся друг от друга строением, функциями, чертами деятельности. Исторически первые попытки классификации партийных объединений явно тяготели к моральным (подразумевавшим разделение на «хорошие» и «неблагородные» союзы) и количественным (характеризовавшим «большие» и «малые» партии) критериям. Современной политической наукой разработана гораздо более сложная типологизация партийных институтов.

Под **типом партии** в политологии понимается *система ее существенных признаков, в которых выражается социальная природа, идейная основа, главная социально-ролевая функция партии, особенности ее внутреннего устройства и преобладающий характер методов деятельности.*

Партии различаются в зависимости от происхождения, места и роли в политической системе, внутренней структуры и методов деятельности, социальной базы, идеологии и др.

Автор в основу партийной типологизации положил двухэлементную классификацию: по социально-политическим функциям и по внутрипартийным особенностям.

8.3.1.1. Типология по социально-политическим функциям

8.3.1.1.1. По месту и роли партии в политической системе

Различают правительственные и оппозиционные партии по их месту и роли в политической системе. Партия может участвовать в правительстве и в различных органах управления в качестве партнера других партий (в этом случае, обладая частью власти, партия несет за нее определенную ответственность). Возможна роль партии в качестве ведущей силы правительственной коалиции, при этом партия обладает большей долей власти и ответственностью, от нее в основном зависит осуществление государственной власти, в ее руках — большие возможности реализации собственных вариантов решения проблем.

Партия может сформировать правительство единолично, в этом случае она берет на себя монопольную ответственность за осуществление государственной власти, особенно если она располагает абсолютным большинством в парламенте, в другом случае может править в составе коалиции.

Многие партии относятся к разряду оппозиционных.

Оппозиция (от лат. — противопоставление) — политическое меньшинство, противостоящее политическому большинству, курсу проводимой политики, целям и методам осуществления государственной власти. Оппозиция — одна из форм реализации принципа политического плюрализма, права на объединение.

Оппозиция подразделяется на системную и внесистемную.

Системная оппозиция разделяет основные ценности, принципы и цели политической системы, однако расходится с правящей элитой в оценке приоритетов выработываемой политики и методах ее осуществления. Она направлена против конкретного правительства, но лояльна по отношению к государственному строю. К такого рода оппозиции относится ряд партий современной России («Справедливая Россия», «Партия экономической свободы», «Либерально-демократический союз» и др.).

В демократических государствах между правящими силами и оппозицией нет разногласий относительно прав человека, существующих политических процедур, формы правления и государственного устройства. Дискуссии и конфликты возникают по поводу оценки степени и методов вмешательства государства в экономику, величины государственных расходов на социальные программы, методов проводимой внешней политики.

Конструктивная оппозиция. Такого рода оппозиционные партии поддерживают одни мероприятия правительства и вместе с тем критикуют другие. В нашей стране к числу таких относится «Демократический выбор России».

Внесистемная оппозиция, наоборот, ставит под сомнение основополагающие политические ценности, принципы существующей политической системы, призывает к радикальному изменению политического режима.

Непримиримая оппозиция. Выступает против существующего социально-политического строя, изменить его — ее главная задача. Соответственно, такую оппозицию не устраивает любое правительство, действующее в рамках существующего строя. В современной России функционирует несколько оппозиционных партий, среди которых лидирует КПРФ.

В политической науке по интенсивности различий между господствующим и оппозиционным мнениями различают радикальную, умеренную и лояльную оппозицию; по целям деятельности — конструктивную и деструктивную.

Другими разновидностями оппозиции являются парламентская и внепарламентская. Первая из них, как правило, выступает против курса, проводимого правительством, и стремится отправить его в отставку. Ее деятельность протекает в основном в стенах парламента и ограничивается парламентскими процедурами. В ряде стран, ориентирующихся на английскую модель, парламентская оппозиция имеет официальный статус (в Великобритании это «официальная оппозиция Ее Величества»); ее лидер номинально утверждается главой государства и получает жалованье из государственной казны. Парламентской оппозиции гарантируется право на получение регулярной информации от правительства и официальной документации. Парламентские фракции оппозиции имеют, как правило, те же права, что и фракции правительственного большинства. Гарантией прав парламентской оппозиции служит право обращения определенной части депутатов в конституционные суды, что также предусмотрено Конституцией РФ.

Внепарламентская оппозиция осуществляет свою деятельность в форме митингов, демонстраций, пикетов, которые носят характер протеста.

8.3.1.1.2. Профильные партии

В истории нашей страны традиция классовой типологизации партий имеет давнюю традицию. Например, В. И. Ленин в статье «Опыт классификации русских политических партий» [52] подразделил общероссийские партии на пять категорий:

- черносотенцы (мелкая буржуазия);
- октябристы (крупная буржуазия);
- кадеты (буржуазная интеллигенция);
- трудовики (крестьянство)
- социал-демократы (рабочие).

Марксистско-ленинский подход в классификации партий господствовал в отечественном общественном сознании в качестве официального в течение многих десятилетий.

Современная политическая наука классифицирует партии в зависимости от *социальных* (аграрные партии), *этнических* (ультралевая баскская партия «Эрри батасуна»), *демографических* (женская объединенная партия Бельгии), *культурологических* (партии любителей пива в Германии) оснований образования этих институтов власти и выделяет *доктринальные* партии (сориентированные прежде всего на защиту своей идеологической чистоты). Среди доктринальных принято выделять религиозные (например, Швейцарская евангелическая партия) и идеологические (многочисленные социалистические, национальные и др.) объединения.

Также выделяют:

социальные (классовые) партии, выражающие интересы того или иного социального слоя, класса (рабочие, крестьянские, буржуазные и т. д.).

Партии крупного капитала, поддерживающие деятельность монополистических объединений, выступающие за укрепление связей этих объединений с государственным аппаратом. Партии этого типа при общей стратегической цели — укрепление позиций крупного капитала и расширение его влияния на все стороны

общественной жизни и, прежде всего, на властные структуры — весьма неоднородны по социальному составу, тактическим приемам своей деятельности, организационной структуре. Среди этих партий есть правоконсервативные, неоконсервативные, центристские, либерально-реформистские и другие (консервативная партия в Англии, либерально-демократическая в Японии).

Партии среднего класса (средние и мелкие предприниматели, собственники города и деревни, мелкие торговцы). Деятельность этих партий имеет антимонополистическую направленность. Они защищают мелкое частное производство, которое, как правило, не выдерживает конкуренции с крупными предприятиями. Эти партии основные усилия направляют на борьбу против политического засилья монополий и их влияния на государственную власть.

Партии работников наемного труда, выражающие интересы рабочего класса, инженерно-технических работников, лишенных средств производства и продающих свою рабочую силу их владельцам. К этому типу партий относятся прежде всего социалистические и социал-демократические партии, руководствующиеся в своей деятельности доктриной демократического социализма. Общие цели этих партий — создание социальных гарантий для свободы и равноправия личности, утверждение в обществе социальной справедливости, солидарность людей труда, защита наемных работников от любых видов эксплуатации, приоритет общественной собственности на средства производства в рамках смешанной экономики и т. д. На международной арене они выступают за мир, разоружение, демилитаризацию экономики.

Идеологические партии. Эти партии рассматриваются их создателями и сторонниками как эффективная и необходимая организационная форма проведения в жизнь неких глобальных политических идей, отражающих тот или иной вид устойчивой, исторически сложившейся идеологии, не подверженной (в определенных пределах) ни политической конъюнктуре, ни политической моде. Эти партии предельно агрессивны и реакционны, они всегда готовы отстаивать свои идеи силовым путем, не способны к идеологическим компромиссам, терпимости (толерантности), восприятию критики и самокритики. Такие партии чаще всего составляют основу тоталитарных политических систем, независимо от того, идет ли речь о системах национал-социалистических (фашистских) или фанатически религиозных.

Национально-демократические партии. Они возникают на почве роста национального самосознания народов, недовольства ущемлением их прав со стороны центральных органов власти, нерешенности социально-экономических проблем на территории их проживания. В современных условиях, когда растет самосознание народов, национальные причины образования партий объективны. Но нередко эти условия используются воинственными националистами в своих эгоистических политических целях. Они навязывают партиям и народам сепаратистские, реакционные платформы, враждебные другим нациям.

В особый тип выделяют *партии, ориентирующиеся на различные религиозные учения, на верующих*. Их программные платформы многообразны по своему социально-экономическому и идейному содержанию. Однако большинство этих партий опирается на догматы основных религий и верований и борется за усиление позиций этих религий в своих странах и регионах.

Клерикальные партии имеют довольно широкую поддержку со стороны народных масс. Это обусловлено тем, что названные партии наряду с другими идеа-

лами провозглашают общечеловеческие ценностные ориентиры, прежде всего нравственного характера — справедливость, милосердие, духовное самоочищение, добродетельное отношение человека к человеку и другое.

Партикулярные партии. Эти партии и движения полностью отождествляют себя с интересами ограниченных этнических, религиозных, профессиональных или региональных групп. Они не рассчитаны на аккумуляцию широких общественных интересов и ориентированы, главным образом, на «проталкивание», лоббирование вопросов частного характера, относящихся к насущным проблемам своих членов и участников. Тем не менее, как вид общественных объединений, эти партии и движения выполняют свои мобилизующие и консолидирующие функции, способствуя акцентации внимания властей разного уровня на конкретных проблемах своих сторонников.

Практика показала, что партия не может достичь существенного влияния в стране, если опирается только на один слой или один класс. Возникает необходимость для партии объявить себя и стать выразителем интересов всех слоев и всех классов данной страны. К этой мысли пришли и социал-демократические, и коммунистические партии. Отсюда основанием типологии может являться общенародная, или общенациональная (в западноевропейском смысле), их природа. От этого типа партий следует отличать националистические партии, ссылающиеся на узкоэтнические, националистические основания.

8.3.1.1.3. По средствам завоевания власти

Каждая партия определяет и корректирует свою *идейно-политическую ориентацию*. Она опирается на уже известные или выдвигает свои собственные, более или менее оригинальные политические идеи. Консервативные, реформистские и революционные партии различаются по своему отношению к социальной действительности. Ориентация на политические идеалы (либерализма, социализма, демократии, авторитаризма, национализма или любые другие) определяет *принципы* партии. По ним можно судить об основных ценностях партии и ее отношении к прогрессу. Это позволяет разделить партии на:

- добивающиеся сужения возможностей развития личности — реакционные;
- стремящиеся сохранить имеющееся без изменений — консервативные;
- выступающие за расширение этих возможностей — прогрессивные.

Авангардные (революционные партии) появились на исторической арене в ходе развития рабочего движения в середине XIX в. Политические организации английских и немецких рабочих во второй четверти XIX в. обязывали своих членов активно работать на предприятиях, среди рабочих, вести их за собой, т. е. самим занимать авангардное положение и тем самым обеспечивать своей организации авангардное положение в обществе. Приоритет организаторской работы среди масс, бесспорно, признавался всеми социал-демократическими партиями, входящими во II интернационал (до начала XX в., а затем от этой традиции они стали отходить). Авангардные партии иногда являются антипарламентскими, т. е. принципиально отказываются работать в парламенте.

Как партия авангардного типа складывалась и Российская рабочая партия (РСДРП). Это было заложено в ее уставе, принятом на II съезде РСДРП: член пар-

тии обязан платить членские взносы и работать в одной из партийных организаций. Ее правопреемница, КПСС, на протяжении многих десятилетий оставалась партией ярко выраженного авангардного типа. Такими же были коммунистические и рабочие партии в странах бывшей социалистической системы, а сейчас остаются в Китае, КНДР, на Кубе. Авангардными являются в настоящее время правящие партии в ряде стран Африки, на Ближнем Востоке.

Партии парламентского типа. Парламентские партии ориентируются на парламентскую работу, на функционирование в рамках парламентаризма. Как и авангардные партии, они нацеливают свою деятельность на борьбу за власть и удержание власти, но связывают эту борьбу с выборами в парламент и другие представительные органы. В деятельности парламентских партий отсутствует революционная борьба или какие-либо иные насильственные формы захвата государственной власти.

Свою организаторскую работу парламентские партии ведут особенно активно в ходе предвыборных кампаний. Они разрабатывают программы, с которыми выступают на выборах, изучают общественное мнение, подбирают и выдвигают кандидатов в органы власти, противодействуют конкурирующим партиям. Партии этого типа имеют достаточно развитую организационную структуру и постоянно функционирующие органы управления. Придя к власти, они становятся правящими партиями.

К парламентским партиям относится большинство политических партий стран Западной Европы, а также Австралии, Канады, Новой Зеландии и др. Такой же характер носят современные политические партии России и стран Восточной Европы.

Прагматичные (или патронажные) партии, ориентирующиеся на практическую целесообразность действий, рассматриваются их создателями и сторонниками как инструмент для мобилизации общественной поддержки своих программных целей и задач. Партии этого типа обычно достаточно чувствительны к динамике общественного мнения. Они выдвигают броские, популистски беспроектные лозунги, учитывают естественное недовольство определенной части населения деятельностью властных структур, обладают оперативно действующим пропагандистско-агитационным аппаратом и с особым вниманием относятся к использованию в своих целях СМИ, особенно в период проведения различных избирательных кампаний. Деятельность партий такого рода обычно недолговечна, но они обладают повышенной способностью к быстрому изменению своего политического курса, политической мимикрии и конформизму, то есть к преобразованию собственного политического имиджа в угоду меняющейся политической конъюнктуре.

По характеру политических действий политические партии подразделяются на *умеренные, рациональные и экстремистские.*

По месту в политическом спектре различают *левые, правые и центристские* партии.

Партии бывают *легальные, нелегальные, полулегальные.*

8.3.1.1.4. Характер связи партии с государством

На основании данного критерия можно выделить «партию-государство» и партию парламентского типа. В «*партии-государстве*» аппарат партии сросся с ап-

паратом государства. Все законы, решения, указы и другие документы готовит партийный аппарат от имени государства. Контроль за их исполнением тоже осуществляет партия. КПСС — пример такой партии. Однако и в настоящее время существуют «партии-государства» (большинство президентских партий в развивающихся странах). *Партия парламентского типа* в отличие от «партии-государства» основным полем своей деятельности имеет избирательные кампании. Политическое влияние такой партии измеряется поддержкой избирателей.

8.3.1.2. Типологизация по организационным особенностям

8.3.1.2.1. Классификация М. Дюверже

Широкое распространение в политологии получила классификация французского ученого М. Дюверже, выделившего в работе «Политические партии» (1951) в зависимости от оснований и условий приобретения партийного членства партии *кадровые, массовые и строго централизованные*.

Кадровые партии. Согласно М. Дюверже [33], кадровые партии являются продуктом эволюции политических клубов. Задача этих партий — мобилизовать в конкретном избирательном округе влиятельных лиц, способных привлечь поддержку максимального большего числа избирателей из разных слоев населения независимо от их идеологической ориентации. К данному типу относятся многие европейские партии консервативной ориентации.

Они формируются вокруг группы политических деятелей, а основой их организационного строения является политический комитет (лидеров, активистов). Кадровые партии формируются, как правило, сверху, на базе различных парламентских групп, групп давления, объединений партийной бюрократии. Они ориентированы прежде всего на участие профессиональных политиков и элитарных кругов, что предопределяет свободное членство и известную аморфность партийной организации. Как правило, такие партии активизируют свою деятельность только во время выборов, когда необходимо организовать поддержку электората. Предназначенные главным образом для организации избирательных кампаний и ведения предвыборной агитации, в этот период они выдвигают кандидатов в президенты и парламентарии, организуют работу в их поддержку, занимаются сбором средств на организацию выборов и т. д. Как правило, такие партии не имеют фиксированного членства, партийных билетов, обязательных членских взносов. Они функционируют за счет добровольных пожертвований и ассигнований госбюджета.

Если в массовых партиях цели достигаются численностью, то в кадровых (как это следует из самого их названия) они обеспечиваются подбором кадров из числа авторитетных политических деятелей. Кадровые партии немногочисленны, сформированы вокруг группы политических лидеров. Основой их организационного строения является политический комитет (лидеров, активистов). Примером таких партий со свободным членством и аморфностью организационного строения являются многие западноевропейские партии, в частности либеральная и консервативная политические партии Великобритании.

В чем же сила кадровых партий? Известно, что их роль в политической жизни государств достаточно высока. Дело в том, что эти партии ориентированы на победу в избирательных кампаниях и соответственно весь свой профессионализм и

большие материальные возможности направляют на формирование многочисленного электората, поддерживающего ту или иную партию кадрового типа. Современные кадровые партии имеют большой опыт организации и проведения избирательных кампаний.

Таковыми партиями, в частности, являются сегодня две ведущие партии в США — республиканская и демократическая. Как партии, они дают о себе знать лишь в связи с проведением выборов в центральные и местные органы власти. Но поскольку выборы в различные институты власти бывают практически ежегодно, то эти партии постоянно ведут работу на уровне своих немногочисленных органов управления. Эти органы состоят в основном из общественников. Освобожденных, платных работников очень мало.

Массовые партии, по М. Дюверже, являются продуктом всеобщего избирательного права. Это крупные организации, имеющие сложную внутреннюю структуру и высокую степень идеологизированности; их социальной базой являются в основном низшие слои населения. Массовые партии сформировались вне парламентов. Они рекрутируют свою социальную базу в основном из низших слоев населения: рабочих, крестьян, религиозных групп, нередко на основе профсоюзных, кооперативных и иных общественных движений, артикулирующих интересы определенных слоев, профессиональных групп, сторонников известных лидеров и идей. Однако в отдельных случаях формирование партий подобного типа возможно и комбинированным путем, подразумевающим соединение усилий элитарных кругов (парламентских комитетов, общественных комитетов в поддержку того или иного депутата и др.) и рядовых граждан (избирателей). Такие партии имеют сложную организационную структуру, которая складывается до победы их на выборах.

Как правило, массовые партии отличаются левой ориентацией (особенно в начальный период своего развития). Высокая степень идеологизации используется для массовой политической мобилизации. Считается, что массовая партия отличается программностью политических установок. Хотя лидеры и аппарат партии играют важную роль, большое значение в них придается общности взглядов, идеологическому единству членов. Руководство в таких партиях принадлежит профессиональным политикам, партийной бюрократии. Массовые партии представляют собой централизованные образования, хорошо организованные и дисциплинированные, с уставным членством. Их «базовая субстанция» — это масса членов. Члены массовых партий не только платят членские взносы, но и участвуют в делах партии. Массовыми являются все коммунистические, социалистические, социал-демократические партии.

Республиканская и демократическая партии США, по мнению ряда исследователей, во многом сочетают в себе массовое и кадровое начала, и с этой точки зрения их можно назвать гибридными. Отдельные партии могут существовать в форме некоего объединения нескольких партий. Типичным примером подобного — правоцентристский Союз за французскую демократию (СФД), представляющий собой коалицию пяти партий и группировок. Не случайно во Франции некоторые партии предпочитают называть себя не партиями, а объединениями, союзами, движениями, секциями и т. д.

Для *строга централизованных* партий М. Дюверже считал характерным превращение идеологического компонента в основополагающее, связующее эти органи-

зации начало. Для таких партий — а М. Дюверже относил к ним коммунистические и фашистские — характерно наличие множества иерархических звеньев, строгая, почти военная дисциплина, высокая организованность действий, уважение и почитание политических вождей.

М. Дюверже использовал выражение «партия ярых сторонников» для тех партий, формальные структуры которых сгруппированы вокруг одного человека. Например, нацистская партия Германии была прежде всего партией ярых сторонников Гитлера. Этот тип партийной организации делает лидера таким же значительным, как и идеологию, которую он олицетворяет.

Вместе с тем эти партии не обязательно являются тоталитарными, для них основным является процесс персонализации политики, и их члены характеризуются приверженностью к лидеру (Сталин, Мао Цзедун, Чаушеску, Гитлер, Перон, де Голль, Тэтчер).

8.3.1.2.2. По принципу территориальной и организационной структуры

Большое значение имеет и дифференциация партий с точки зрения их организационной структуры. В данном случае принято выделять партии:

- *парламентские* (где в качестве первичных образований выступают территориальные комитеты);
- *лейбористские* (представляющие собой разновидность парламентских партий, допускающих коллективное членство, в том числе и трудовых коллективов);
- *авангардные* (построенные на принципах территориально-производственного объединения своих членов и демократического централизма).

Различаются партии, *организационно оформленные*, члены которых получают партийные билеты и платят членские взносы, и партии, *организационно неоформленные*, которые характеризуются отсутствием официального членства. Во втором случае, чтобы примкнуть к той или иной партии, достаточно публичного заявления избирателя о своей приверженности этой партии. Наиболее типичными примерами первых являются коммунистические партии, а вторых — республиканская и демократическая партии США, консервативная партия Великобритании.

Большое значение для классификации партий имеет членство. Необходимо отметить, что институт членства в течение длительного времени являлся неясным и аморфным. Многие партии практически не делали особых различий между своими членами и теми, кто их просто поддерживает на выборах. И сейчас многие партии либеральной и консервативной ориентации не могут сколько-нибудь точно назвать количество своих членов.

Определенно можно сказать одно: число лиц, считающих себя членами партий, составляет лишь малую часть населения той или иной страны. В США, например, политикой всерьез интересуется весьма узкая прослойка граждан — менее 10 % всего взрослого населения страны. Это преимущественно представители высшего и среднего слоев, хорошо информированные и образованные, иногда имеющие определенный опыт практической политической работы. По существующим данным только 2—3 % населения ФРГ обнаруживают желание вступить в какую-либо политическую партию, а члены многих общественных организаций

лишь номинально принадлежат к ним, не принимая участия в формировании этих организаций.

Кроме того, различаются партии с *прямым* и *косвенным членством*. В первом случае в партию принимаются в индивидуальном порядке, а во втором — человек становится членом определенной партии в силу того, что входит в какую-либо связанную с ней организацию. Так, в лейбористскую партию Великобритании, а также социал-демократические партии Швеции, Норвегии и Ирландии на коллективных началах входят профсоюзы, поэтому члены профсоюзов являются коллективными членами этих партий. Для коммунистических партий характерно исключительно прямое членство.

Третий критерий — степень внутренней организации. В соответствии с ним партии подразделяются на централизованные и децентрализованные.

Партии с сильной и слабой структурой. Если внутренняя дисциплина партии предписывает состоящим в данной партии парламентариям подчиняться директивам парламентской группы — значит, это партия с сильной структурой (например, консервативная партия Великобритании). Представители партий со слабой структурой в парламенте располагают практически полной свободой голосования (например, демократическая и республиканская партии США).

В партии с прямым членством кандидат принимается в индивидуальном порядке; принятие в члены партии с косвенным членством зависит от того, входит ли кандидат в какую-либо организацию, связанную с этой партией.

В зависимости от стиля общения лидеров и рядовых членов политические партии подразделяются на *авторитарные* и *демократические*.

Приведенную систему критериев типологизации политических партий нельзя рассматривать как данную раз и навсегда. Кроме того, из приведенной системы следует, что одна и та же партия может быть типологизирована одновременно по разным критериям. Например, она одновременно может быть оппозиционной, массовой и с жесткой внутренней организацией.

8.3.2. Понятие и сущность партийных систем

8.3.2.1. Понятие партийной системы

Устойчивые связи и отношения различных партий друг с другом, а также с государством и иными институтами власти образуют партийные системы.

Партийная система — *это совокупная связь партий, действующих в рамках своих программ и уставов и борющихся за государственную власть*. Будучи важным звеном политической системы общества, партийная система оказывает непосредственное влияние на политический климат общества.

Г. И. Козырев [44] характеризует партийную систему как *совокупность определенных партий и взаимодействий между ними, характерных для данной политической системы (политического режима)*.

С. С. Малетин [56] под партийной системой понимает *способ взаимодействия политических партий, ведущих борьбу за власть*.

Автор солидарен с исследователями, понимающими под *партийной системой совокупность партий, существующую в стране в данный момент, и характеризующуюся:*

- количеством партий;
- социально-политическими и правовыми условиями, в которых они действуют и взаимодействуют,
- реальными возможностями для того, чтобы стать правящими, то есть сформировать правительство.

8.3.2.2. Сущность и характеристики партийных систем

8.3.2.2.1. Роль и значение партийной системы в жизни страны

Значение партийной системы определяется обеспечиваемой ею чуткостью к социальным запросам и нуждам населения, возможностью включения в процесс принятия решений как можно большего числа властно значимых интересов граждан, способностью населения к демократическому контролю за деятельностью правящих элит. Взаимодействуя друг с другом и с государством в рамках политической системы, выявляя тем самым свое место в политической жизни, партии так или иначе влияют на принятие государственных решений.

Партийные системы противостоят апартийным, т. е. таким формам организации политической власти, где либо совсем не существует партийных объединений, либо их наличие носит сугубо декларативный характер (как это было, например, в СССР, Албании или происходит сейчас на Кубе, в Северной Корее). Отсюда вытекает положение, что многопартийность — необходимое состояние демократического общества. Она позволяет преодолевать монополию одной партии на власть, внедрять в практику и сознание людей альтернативность мышления и действия.

Ученые и практики расходятся в оценках, какая конкретно система предпочтительнее: с большим числом партий или бипартийная, с доминантной партией или же без нее. Например, Дж. Сартори [83] считает, что появление пяти и более партий создает «крайнюю многопартийность», опасную для существования государства. Опыт Японии, Сирии, Испании и ряда других стран свидетельствует в пользу преимуществ многопартийной системы с монополюс правящей партией. А политически стабильное развитие Нидерландов, Дании, Бельгии, Австрии и некоторых других государств говорит о пользе многопартийности без доминантной партии.

Немало преимуществ и у существующей в США, Англии, Ирландии, Канаде, Австралии и других странах двухпартийной модели, которая предоставляет гражданам возможность выбора, правительствам — смены курса, а обществу — стабильность. Даже оппозиционные партии действуют здесь в русле одних и тех же базовых ценностей. Впрочем, такая система тоже не идеальна: она снижает возможности полноправного участия независимых кандидатов или же «третьих сил» в процессе принятия решений. Там же, где «третья» партия все же может внести существенные коррективы в установившийся порядок (т. е. отобрать значительную часть голосов у партий, которым отдают предпочтение 70—80 % избирателей), формируется так называемая «2,5 партийная система» (ФРГ).

Опыт ряда государств (США, Англия, Ирландия и др.) свидетельствует о несомненных преимуществах двухпартийной системы, которая дает обществу — ста-

бильность, правительству — смену курса, а гражданам — возможность выбора. Однако и данная модель далеко небезупречна, поскольку она снижает возможности полноправного участия в партийной системе «третьих партий».

8.3.2.2.2. Обстоятельства, определяющие тип партийной системы

Наличие разнообразных политических систем и их постоянная эволюция свидетельствуют об определяющей роли внутренних обстоятельств каждой страны. Чаще всего в формировании партийных систем наибольшую роль играет характер социальной структуры общества, действующее законодательство, а также социокультурные традиции. Например, в странах, где нет значительных крестьянских слоев, как правило, не возникают аграрные партии. В странах же, где определяющую роль играет какой-либо один, например средний класс, существуют предпосылки для создания системы с доминирующей партией. Если социальная структура общества пронизана полярными противоречиями тех или иных страт, то и партийная система будет носить конфликтный характер, лишь подогревая напряженность общественных отношений. Если же социальные группы ориентируются на единую систему ценностей и идеалов, то и партийная система будет характеризоваться более мягкими формами межпартийных и партийно-государственных связей.

В обществах с множеством экономических укладов, разнообразием культур и языков, многочисленными каналами и институтами артикуляции социальных, национальных, религиозных и прочих интересов, как правило, больше предпосылок для создания многопартийных систем. Именно последние, как показал мировой опыт политического развития, выступают наиболее оптимальной формой и одновременно условием демократического развития общества.

Законы также могут влиять на характер партийных систем, накладывая, например, ограничения на деятельность немногочисленных партий, препятствуя доступу к выборам оппозиционных партий определенной направленности, разрешая насильственные действия по отношению к нелегальным партийным объединениям. Французским политологом М. Дюверже [33] сформулированы три социологических закона взаимосвязи избирательных и партийных систем. Их содержание сводится к следующим положениям:

- пропорциональная избирательная система обуславливает возникновение многопартийной системы, характеризующейся существованием автономных партий с жесткой внутренней структурой;
- абсолютная мажоритарная избирательная система порождает партийную систему, в которой партии занимают гибкие позиции и стремятся к взаимному компромиссу;
- относительная мажоритарная избирательная система способствует формированию двухпартийной системы.

Таким образом, избирательная система влияет на реальное число партий и отношения между ними.

Многообразие партий — типичный признак переходного этапа в развитии общества, когда еще не сформировались устойчивые и достаточно массовые политические предпочтения, когда еще сильны традиции прошлого, своеобразный груз

прошлого, не позволяющий значительной части населения преодолеть свои мировоззренческие, ментальные приоритеты и в полной мере самостоятельно сделать свой выбор. Именно в такой период на помощь в немалой мере растерянному населению и приходят политические партии и движения, которые подчас ведут себя в стиле «политических коробейников», предлагающих людям не всегда качественный «политический товар», спекулирующих на социально-экономических трудностях и сулящих растерянному обывателю «наиболее быстрый путь» преодоления всех проблем.

8.3.2.2.3. Характеристики и особенности партийных систем

В *тоталитарных* партийных системах основной упор делается на насильственную социально-политическую мобилизацию граждан, которая исключает естественное свободное выражение подлинных общественных интересов и подчиняет их директивным указаниям партии, вождя.

Партийные системы *авторитарного* типа, хотя и содержат определенные черты тоталитарного типа, но в целом более либерально относятся к существованию иных партийных структур. Обычно такие системы опираются на армию, консервативный административно-бюрократический аппарат, а также на религиозные организации в тех странах, где традиционное влияние церкви на государственную политику достаточно велико.

В условиях однопартийной системы происходит закрепление (фактическое или юридическое) правящего статуса одной из разрешенных политических партий. Подобная система существует на Кубе, в КНДР, Вьетнаме, Лаосе, Малави.

Партийные системы авторитарного и тоталитарного типа стремятся к доминированию одной партии и движения, проповедующих сугубо национальные интересы какой-либо одной, чаще всего преобладающей в количественном отношении, национально-этнической группы с неизбежным подавлением интересов иных групп в многонациональном и полиэтническом социуме. Партии и движения *националистического* типа возникают, как правило, на фоне тяжелой социально-экономической ситуации в обществе, связанной с переходным процессом глубинных преобразований в социуме, реформами, идеологической неопределенностью государственного курса и т. п.

Помимо однопартийных — тоталитарных и авторитарных — политических систем, достаточно широкое развитие получили *двухпартийные соревновательные системы*. Как показывает деятельность демократической и республиканской партий в США или лейбористской и консервативной партий в Великобритании, такие системы в значительной степени способствуют эффективному функционированию демократических структур социума. Обычно двухпартийные системы формируются в относительно однородной политической среде, с устойчивыми демократическими традициями и едиными общими принципами общественного развития, которые неукоснительно соблюдаются в рамках Конституции независимо от того, какая именно партия в данный момент находится у власти. Верховенство законов в данном случае превалирует над партийными интересами, что несомненно способствует стабилизации общественной жизни и практически исключает глобальные социальные потрясения.

Двухпартийные системы характеризуются чередованием у власти двух основных партий и отсутствием коалиций. Наиболее классический вариант *бипартизма* встречается в англосаксонских странах — Великобритании, Австралии, США. Многие политологи считают, что двухпартийная система более эффективна, чем многопартийная. Прежде всего, в условиях бипартизма упрощается процесс агрегирования интересов и сокращения требований. Избиратели непосредственно выбирают политические цели и руководителей. Победившая партия более адекватно отражает интересы большинства. Отсутствие коалиций обеспечивает большую стабильность, бескризисность правительства. Относительная однородность политических концепций в США обуславливает неопределенность размежевания американских политических партий и устойчивость политической системы.

Достаточно широкое развитие (особенно в странах Западной Европы) получили и *многопартийные соревновательные системы*. Во многих странах они действуют по-разному. Например, в скандинавских странах, в Швейцарии, Австрии и др. существуют партии с очень широкой социальной базой (социал-демократические, либерально-консервативные и т. п.). Здесь многопартийность действует на фоне относительно однородной политической культуры общества. Более мелкие партии обычно объединяются в *коалиции* между собой и с более крупными партиями и движениями и нередко оказывают решающее влияние на исход парламентских выборов.

В таких странах, как Италия, Франция, Германия, а также в странах Восточной Европы политическая культура населения носит более выраженный «сегментарный» характер, когда интересы отдельных групп существенно отличаются друг от друга. Это находит свое отражение и в отношениях между партиями: они менее склонны к компромиссам, коалициям, предпочитают действовать самостоятельно, не избегая и острой конфронтации со своими политическими соперниками. Все это отнюдь не способствует консолидации общества, порождает конфликты, а иногда и силовое противостояние. По существу, в данных условиях ни политические партии, ни сформированное на их основе правительство уже не могут рассчитывать на достаточно массовую поддержку избирателей. Избиратели разобщены, а руководство партий и правительственных структур заботится уже не столько о своем общегосударственном имидже и ответственности перед всем народом, сколько об удовлетворении интересов отдельных групп, отличающихся друг от друга по своим политическим, национально-этническим, территориально-региональным и другим признакам. Нередко такая фрагментарность обрекает парламентские коалиции на неустойчивость, а правительства, основанные на них, — на постоянную нестабильность. Как правило в многопартийных системах ни одна партия не способна завоевать поддержку большинства избирателей. Страны с многопартийной системой, типичной для парламентской формы правления, как правило, имеют коалиционные правительства или кабинеты министров.

Многопартийность — это результат длительного развития политических систем. Многопартийность имеет количественные и качественные параметры. Количественный параметр, при всей его значимости, все же носит формальный характер, поскольку множество партий не является критерием демократизма, показателем развитости, эффективности политической и партийной систем общества. Небольшие партии не в состоянии конкурировать с партиями, традиционно

мощными по характеру, возможностями демократического воздействия на массы (хотя небольшие партии стремятся создать коалиционные формы сотрудничества).

Систему, которая господствовала в Италии до 1994 г., иногда называют несовершенной двухпартийной системой в силу того, что в ней в течение почти всего послевоенного периода основные позиции занимали две крупные партии: христианские демократы и коммунисты. Причем первые всегда находились у власти, а вторые — в оппозиции. Но после введения здесь мажоритарной избирательной системы положение радикально изменилось — образовались два блока: левых и правых партий. Примерно такое положение (разумеется, с соответствующими оговорками) наблюдается в Японии, где власть в послевоенный период монополизировала либерально-демократическая партия, а социалисты и коммунисты ни разу не были допущены к власти. Эта традиция нарушилась только в середине 1993 г., когда либерально-демократическую партию у власти сменила коалиция из восьми партий.

Положительной стороной многопартийной системы можно считать многокрасочность политического спектра, более широкие возможности выбора политических направлений для избирателей. Однако многопартийные системы обладают и рядом недостатков: плохо выполняются функции агрегирования интересов, отсутствует стабильность большинства в парламенте, что ведет к нестабильности правительства.

Трехпартийность — система, при которой функционируют и имеют заметное влияние в стране три политические партии. Чаще всего, однако, две партии являются основными, а третья играет роль вспомогательного союзника для той или другой основной партии. Например, в Германии христианско-демократический союз соперничает в борьбе за власть с социал-демократической партией, попеременно пользуясь поддержкой партии свободных демократов.

Четырехпартийная система сложилась в странах, где общество расколото на два лагеря — правых и левых. Во Франции коммунисты и социалисты представляют левых, демократы и республиканцы — правых. Такое распределение политических сил соответствует наиболее влиятельным и устойчивым политическим симпатиям населения. Во Франции не удалось попытки внедрить дополнительные партии, а также искусственно уменьшить число партий. Точно так же оказались безрезультатными попытки вытеснить партии из общественной жизни [63, 33].

Политологи выделяют однопартийные и близкие им по сути «**квазимногопартийные**» системы, прикрывающие многопартийными формами однопартийное содержание. Такими были системы в странах Восточной Европы. Существовавшие в некоторых из них партии, по существу, были карманными в руках правивших партий. В результате длительного существования «квазимногопартийность» порождает тенденцию к сращиванию партийного и государственного аппарата, хотя и не в такой степени, как при абсолютной однопартийности. Являясь специфическим вариантом однопартийности, такая система не предоставляет достаточных возможностей для выражения различных интересов и идей, что приводит к нарастанию кризисных явлений.

История показала, что однопартийная система неустойчива. Она не обеспечивает гармоничного сочетания прямых и обратных связей между гражданами и политическим руководством, препятствуют реальному разделению властей. Отсут-

стве соперничающих партий чаще всего становится результатом не конкуренции, а физической расправы правящей партии с инакомыслящими. Единственная партия рассматривает всякую критику и несогласие со своими концепциями и политикой как проявление враждебной деятельности. Вместо метода убеждения и консенсуса, применяются судебные и внесудебные расправы. Население приучается скрывать свои истинные мысли и внешне соглашаться с официальными властями. При однопартийности не устраняется присущий каждому обществу идейный и политический плюрализм, а закрываются каналы, по которым могут циркулировать различные идеи в обществе. Происходит тесное сращивание партии с государственным аппаратом. В результате происходит бюрократизация, ослабление демократического контроля за властью со стороны избирателей, выборы приобретают формальный характер. В конечном итоге однопартийность исчезает, изменяя природу правящей партии.

8.3.2.3. Классификация партийных систем

Партийная система — механизм взаимодействия и соперничества партий в борьбе за власть и ее использование. Собственно партийные системы принято классифицировать прежде всего по их количественному составу, а также по качественным аспектам партийно-государственных (межпартийных и проч.) отношений. При классификации партийных систем учитываются три основных показателя:

- количество партий;
- наличие или отсутствие доминирующей партии или коалиции;
- уровень соревновательности между партиями.

В политологии достаточно распространена схема, согласно которой существуют однопартийная, двухпартийная и многопартийная системы.

8.3.2.3.1. Количественные дефиниции

В зависимости от числа партий выделяют *однопартийные* (неконкурентные) системы, внутри которых различают деспотические и демократические разновидности; и *многопартийные* (конкурентные, состязательные) — с одной доминантной партией, двухпартийные (бипартийные) и мультипартийные.

Однопартийная система. Такое название партийной системы условно, ибо всякая система предполагает наличие нескольких составляющих. Одна партия не составляет партийной системы. Однако такой термин в политологии принят, чтобы подчеркнуть отличие ситуации в стране, где действует одна партия, от ситуации при наличии двух и более политических партий. Или где партийные партии запрещены законом (Бутан, Оман, Катар, Саудовская Аравия и др. — всего примерно два десятка стран). Однопартийные системы, в строгом смысле этого слова, — такие, при которых исключается даже номинальное существование других партий. Партия при этом является частью государственного аппарата.

Другая условность при употреблении термина «однопартийная система» состоит в том, что в стране могут формально существовать и другие партии, но все они признают руководящую роль за «главной» и не претендуют на государственную власть. Эти однопартийные системы («искусственная многопартийность») за-

маскированы под многопартийные; в них осуществляется тотальный идеологический и организационный контроль государственной партии. Деятельность партий-сателлитов, интегрированных, как правило, в такие организации, как национальный и народный фронты, жестко регламентируется. Подобная система существовала во многих странах Восточной Европы до 1989—1990 гг. Указанная партийная система существует в настоящее время в Китае, где наряду с правящей коммунистической партией действует еще несколько партий (Революционный комитет Гоминьдана, Крестьянско-демократическая партия и др.), входящих в единый «народно-демократический фронт», демонстрируя некое «политическое единство».

Двухпартийная система. Эта система состоит из двух основных партий, которые периодически сменяют друг друга у руля власти. Определение «двухпартийная система» вовсе не означает, что в данном обществе существуют только две политические партии. Просто при наличии большого количества партий реальными претендентами на власть являются две основные партии, а остальные не мешают двум главным партиям управлять попеременно. Другие партии не выдерживают конкуренции с ними в борьбе за власть и на выборах чаще всего поддерживают одну из них.

Выделяют следующие разновидности двухпартийной системы:

- классический вариант «совершенная» (в Великобритании — консервативная и лейбористская партии, в США — демократическая и республиканская партии, а также партии в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Ирландии и некоторых других странах). При данном варианте две основные партии собирают до 90 % голосов избирателей, в связи с чем остальные партии лишены доступа к власти;
- система «двух с половиной партий», или «две плюс одна партия», при которой наряду с двумя основными партиями существует третья, менее сильная, но способная оказать влияние на исход борьбы за власть; от ее поддержки зависит, какая из двух основных партий добьется успеха в борьбе за власть. Такая система действует в Канаде, Австрии, Австралии, в ряде других стран, где ведущие партии собирают 75—80 % голосов избирателей, и вынуждены добиваться поддержки «третьей партии», ее электората.

Многопартийная система. Состоит из большого количества партий, представляющих интересы различных социальных слоев. При этом все партии имеют одинаковые возможности для борьбы за власть. В условиях широкого партийного плюрализма на выборах, как правило, ни одна партия не набирает большинства голосов избирателей (более половины). Поэтому партии часто образуют коалиции, избирательные блоки, выставляют общих кандидатов во власть. Многопартийная система функционирует ныне во многих странах: Франции, Германии, Италии, России, Японии, Испании, Швеции и других.

В многопартийной системе несколько партий имеют достаточно сильную организацию и влияние, чтобы воздействовать на функционирование правительственных институтов.

Многопартийные системы подразделяются на:

- 1) партийные системы «поляризованного плюрализма», в которых действуют антисистемные партии, выступающие против существующего социально-экономического строя; в них существует двусторонняя оппозиция (оппозиция правительству и слева, и справа). Они характеризуются:

- центральным положением одной или группы партий;
  - значительным идеологическим размежеванием;
  - преобладанием центробежных тенденций над центростремительными и, как следствие, ослаблением центра.
- 2) партийные системы «умеренного плюрализма», где борьбу ведут от трех до пяти партий и ни одна из них не может самостоятельно находиться у власти, в результате формируются коалиционные правительства. В такой системе
  - 3) отсутствуют антисистемные партии и двусторонние оппозиции;
  - 4) идеологическое различие между партиями невелико;
  - 5) ведется центростремительная конкуренция;
  - 6) партии ориентированы на участие в правительстве;
  - 7) партийные системы «доминирующего плюрализма» — с одной доминирующей партией (как в Японии и России), но с реально существующей многопартийностью.

В многопартийной системе доминирует либо одна партия, служащая стержнем коалиционных правительств, либо доминирующая партия отсутствует. Особую разновидность многопартийной системы составляет система фиксированного законом числа партий, существующая ныне в Индонезии и Нигерии.

Но несмотря на то, что сложившиеся в том или ином государстве партии легко подсчитать, количественный метод типологизации партийных систем несовершенен, так как, демонстрируя численность партийных институтов, он не выявляет, сколько партий действительно включено в процесс принятия государственных решений (например, во Франции в избирательных кампаниях участвует более 20 партий, в то время как реально правят одна-две, предпочитаемые обществом.)

Таким образом, автору представляется, что типологизация партийных систем по качественным характеристикам их деятельности предпочтительней. В этом контексте, учитывая характер правления, можно говорить о *демократических, авторитарных и тоталитарных* партийных системах и комбинированной типологии.

8.3.2.3.2. Комбинированная типология

Комбинированная типология партийных систем предложена итальянским политологом Дж. Сартори в работе «Партии и партийные системы» (1976), где он выделил семь основных партийных систем, в основном руководствуясь критерием движения от властного монизма к политическому плюрализму.

1. *Однопартийные системы*, в которых фактически существует тотальный контроль одной партии, сливающейся с государственным аппаратом. Партийная система с *единственной* партией характеризуется тем, что данная партия монополизировала политическую деятельность. Она превращается в руководящую силу государства. Главные политические решения принимаются партией. Другие партии запрещены. Такая система имеет место на Кубе, в КНДР, до недавнего времени была в Советском Союзе, Румынии, Албании.
2. *Системы партии-гегемона* возможны в условиях, когда формально существуют партии-сателлиты, реально не влияющие на процессы принятия решений. Та-

кая система была в большинстве бывших социалистических стран Восточной Европы. В ГДР, ЧССР, ПНР утверждение у власти одной партии (коммунистической) не сопровождалось запрещением других. Данная система характеризуется тем, что хотя формально в стране функционирует несколько политических партий, однако лишь одна из них находится у власти. Другие партии поддерживают ее, не допуская никакой оппозиции. И в настоящее время такая система функционирует в Китае, где кроме компартии, сосредоточивающей политическую власть, есть еще четыре политические партии.

3. *Системы доминирующей партии*, в которых долгие годы, несмотря на наличие множества партий, «контрольный пакет» держит одна и та же партия (сам термин в 1961 г. предложил М. Дюверже [33]). Данная система характеризуется тем, что хотя возможности всех партий одинаковы (это закреплено законом), однако фактически достаточно длительное время у власти остается одна партия. До недавнего времени таковыми были либерально-демократическая партия Японии и Индийский национальный конгресс. Господствующая партия контролирует как правило голоса более 35 % избирателей. Находясь долгое время у власти, такая партия отождествляет себя со страной в целом. Определенное преимущество такой партийной системы заключается в стабильности правительства. Главный недостаток — опасность застоя, косности, так как долгое господство одной партии может привести к вытеснению парламентской игры, публичной политики тайной закулисной борьбой, скрытой от избирателей.
4. Двухпартийная, биполярная система, существующая в основном в англо-саксонских странах, где две основные партии сменяют друг друга в «маятниковом» режиме. При такой системе независимо от количества партий в стране лишь две имеют решающее значение и способны сменять друг друга у власти. Классический пример этого дают США, где периодически у власти сменяют друг друга республиканская и демократическая партии. В стране есть другие партии, но они не оказывают сколько-нибудь существенного влияния на политическую жизнь. Двухпартийная система — результат длительного отбора и консолидации политических сил.

Один из существенных недостатков двухпартийной системы — это концентрация внимания на критике противника, а не на своих достоинствах. В результате избиратели голосуют не столько за кандидата, сколько против его противников. Кроме того, недостатком данной системы является то, что она исключает образование и функционирование единого политического центра.

Модификацию двухпартийной системы представляет «система 2,5», или «2+1». Она существует в Германии, где две основные партии, ХДС/ХСС и СДПГ, в состоянии сформировать правительство, лишь вступив в блок со свободными демократами. Подобная система существует также в Великобритании, Канаде, Австралии и в Австрии.

5. Системы умеренного плюрализма (от 3 до 5 партий), где партии довольно фрагментированы (Франция, Бельгия). Это один из видов многопартийной системы, главный признак — ориентированность всех составляющих ее партий на участие в правительстве. Различия в части идеологической направленности этих партий невелики.

6. Системы крайнего плюрализма (от 6 до 8 партий), где происходит поляризация партийного спектра (Нидерланды, Финляндия) и образование сложных коалиций. Данный тип многопартийной системы характеризуется тем, что:
  - в нее входят партии, выступающие против существующего в стране общественно-политического строя;
  - оппозиционные партии располагаются с двух сторон от правительства; критикуя правительство «справа» и «слева», они резко критикуют друг друга;
  - в такой системе одна или группа партий занимает позицию «центра».
7. Атомизированные системы (свыше 8 партий), где происходит распыление влияния и дисперсия ролей. Это многопартийные системы, насчитывающие десятки и даже сотни партий (Боливия, Малайзия).

Комбинированную классификацию разработали Ла Паломбара и Вайнер [56], предложив выделить два главных типа партийных систем: конкурентные и неконкурентные. В качестве критерия различения партийных систем они рассматривают степень конкурентности партий в борьбе за власть.

Конкурентные партийные системы в зависимости от степени конкуренции подразделяются на многопартийные, двухпартийные, многопартийные с одной господствующей партией,

Неконкурентные партийные системы характеризуются подавлением всех политических объединений, кроме одного. Выделяют три вида данных систем: коммунистические, фашистские, развивающиеся системы.

8.3.2.3.3. Политический спектр

В совокупности вопросов, связанных с понятием «партийная система», важная роль принадлежит проблеме определения спектра политических партий. Речь идет об их расстановке в партийной системе в зависимости от того, как они относятся к государственной власти и друг к другу. На политическом поле страны каждая партия занимает определенное место. Выявить его не так сложно, как это может показаться на первый взгляд. Образно говоря, здесь важно установить систему координат в следующем составе: 1) отношение партий к магистральному направлению политического развития государства, 2) показатели ее политической силы.

Зная содержание политического курса (ориентировки, цели, средства их достижения), несложно увидеть весь спектр расположения политических партий. Партия или партии, программы и позиции которых наиболее полно соответствуют магистральному политическому курсу страны, располагаются в центре политического спектра. Если центр весьма широк, то его, как правило, делят на правый и левый. Остальные партии, не попавшие в центр, делятся условно на правые и левые. Условно! Традиционно к правым относят консервативные партии, а к левым — борников радикальных перемен.

При многопартийной системе каждая партия представляет более или менее четко очерченные идейно-политические или идеологические позиции. Спектр этих позиций простирается от крайне правых до крайне левых. Остальные партии занимают промежуточное положение между этими двумя крайними полюсами. Как правило, в многопартийных парламентах места располагаются в форме неко-

того полукруга, где, следуя традиции французской революции, представители консервативных и правых партий рассаживаются с правой стороны от председательствующего, левее — близкие им по духу партии, в центре — умеренные, и дальше в самом конце — представители леворадикальных партий.

Такая группировка по линии «правые-левые», основанная на позициях и установках по социально-экономическим и политическим проблемам, сопряжена со значительной долей упрощения реального положения в обществе: в такую схему не всегда можно включить религиозные, экологические, этнонациональные, региональные, местнические, профессиональные и иные интересы. Например, с середины 1970-х гг. в политической жизни стран Европы значительное развитие получили националистические, экологические и регионалистские движения и партии, которые представлены всеми оттенками идеологического спектра: от крайне правого фламандского блока и реваншистской южнотирольской партии до ультралевой баскской «Эрри батасуна». Часто же их невозможно классифицировать по линии «правые-левые», «консерваторы-либералы».

В современных условиях при многообразии магистральных направлений функционирования политических систем, а также при отсутствии политической стабильности рассматривать спектр политических партий в названной традиции по меньшей мере нецелесообразно. Практика показывает, что партии, рассматриваемые как «правые» в одной стране, классифицируются в другой как «левые». Поэтому при определении политического спектра той или иной партийной системы необходимо исходить из конкретных условий страны.

8.3.3. Российское партийное строительство

При всей условности и ограниченности приведенной выше классификации партийных систем и политических партий, она все же дает достаточно четкое представление о многообразии современных политических сил, участвующих в борьбе за власть и проведении в жизнь своих специфических целей и решении задач. Вместе с тем такая классификация позволяет сопоставить и оценить реальный статус тех многочисленных конкретных политических партий и движений, которые существуют в современной России и претендуют на выражение интересов своих членов и союзников.

Становление многопартийности в России по сравнению со странами Запада прошло относительно недолгую историю. В ней выделяются две «волны» формирования многопартийной системы, причем между ними существовал длительный перерыв, когда многопартийности не было.

8.3.3.1. История российской партийной системы

Процесс формирования политических партий в России отличался специфическими особенностями. Среди них следует назвать:

- сохранение большого веса и влияния сословно-феодальных институтов;
- господство самодержавия;
- запоздалое развитие капитализма;
- отставание процессов становления гражданского общества;

- позднее возникновение институтов парламентаризма и правового государства.

В конце XIX — начале XX вв. современники отмечали «неутвержденность общественного состава», имея в виду недифференцированность и неопределенность интересов различных групп населения. Не случайно В. О. Ключевский однажды заявил, что не сочувствует «партийно-политическому делению общества при организации народного представительства». Такой подход во многом объяснялся неразвитостью инфраструктуры гражданского общества, что действительно могло способствовать искажению реального представительства общественных интересов партиями в политической сфере.

Тем не менее в конце XIX — начале XX в. партии стали фактором политической жизни России. Прообразом партий в России стали кружки 20—30-х гг. XIX в., где изучались и пропагандировались передовые общественно-политические взгляды и идеи (тайные общества декабристов, кружки Станкевича, Петрашевского и др.). После отмены крепостного права появились кружки и общества «Земля и воля», «Народная воля», другие народнические организации, из которых при благоприятных обстоятельствах могли реально оформиться политические партии. Но только на рубеже веков в России появились первые политические партии: в 1898 г. была создана РСДРП, в конце 1901 г. — партия социалистов-революционеров, в 1902 г. в Штутгарте — группа русского общества объединилась вокруг журнала «Освобождение». Особенностью формирования политических партий в России в этот период было их развитие в двух потоках: в условиях России (нелегальная деятельность) и в условиях зарубежья (легальная идейно-организационная и издательская деятельность).

Быстрый рост числа партий произошел в 1905 г. в связи с подъемом революционного движения и выходом царского манифеста 17 октября, объявившего некоторые политические свободы. Либеральные организации и партии формировались на основе сил, группировавшихся вокруг Вольного экономического общества, Юридического общества при Московском университете, Союза взаимопомощи русских писателей, комитетов грамотности в Москве, земских организаций. К концу 1905 г. оформились такие партии, как «Союз 17 октября» (октябристы), конституционно-демократическая (кадеты), мирного обновления, торгово-промышленная, правового порядка и другие.

Сразу после манифеста 17 октября 1905 г. оппозиционные организации и партии заняли заметное место на политической арене, что, в частности, проявилось в их активности на свободных выборах в I Государственную Думу. Показательно, что в 1906 г. П. А. Столыпин предложил лидерам кадетов и октябристов войти в правительство, на что последние ответили отказом.

В 1905—1907 гг. на общероссийском уровне сформировались четыре основных типа политических партий:

- **консервативные партии** («Союз русского народа», Русская монархическая партия, Российский народный союз Михаила Архангела);
- **либеральные партии** (Союз 17 октября, Конституционно-демократическая партия народной свободы, Прогрессивная партия, политические партии российских предпринимателей и др.);
- **демократы-социалисты** (Всероссийский крестьянский союз, Трудовая народно-социалистическая партия, Союзы социалистов-революционеров);

- **социал-демократы** (впоследствии разделившиеся на большевиков (во главе с Лениным) и меньшевиков (возглавляемых Мартовым).

В политической жизни России в первой четверти XX в. в разные периоды функционировало 87 партий (в ряде научных исследований можно встретить и другие данные — все зависит от того, каковы критерии выделения тех или иных признаков политической партии) [54, 124].

В результате последующих перегруппировок, партийных коалиций и компромиссов политическая ситуация в России к 1917 г. отражала противоборство трех основных направлений и партийно-политических лагерей: правительственного, социал-демократического и радикально-революционного.

В работе «Что делать?» В. И. Ленин выразил свое отношение к роли и значению политической партии. Классовый подход, свойственный марксизму-ленинизму в оценке всех общественных явлений, естественно нашел свое отражение и в подходе к вопросу о политической партии. При этом фактически исключалось понимание партии в ее парламентском смысле, имея в виду саму идею политического плюрализма и многопартийности как необходимого условия существования подлинно демократического, свободного общества. Речь шла, по существу, о диктатуре одной-единственной партии, отражающей интересы рабочего класса, пролетариата, которому якобы было исторически предначертано быть гегемоном, ведущей общественной силой всего народа, вследствие чего и партия рабочего класса должна была быть партией власти.

Подобный подход к пониманию функций политической партии, исключающий демократическую сущность парламентской политической неоднородности, многопартийности, борьбы идей и цивилизованные способы политического противоборства, просуществовал в Советском Союзе более 70 лет. Партия нужна была тоталитарной власти как механизм насилия во всех сферах общественной жизни, в том числе и в сфере политической.

В Конституциях СССР 1936 и 1977 гг., «руководящая и направляющая роль» Коммунистической партии получила высшее законодательное закрепление. Органы партии фактически стали высшими государственными органами, обладающими безграничной властью.

Задуманная и созданная как политический авангард рабочего класса, трудового народа, коммунистическая партия со второй половины 1920-х гг. превратилась в политическую организацию, обслуживавшую социально-экономические и политические карьеристские устремления ее функционеров. В основу теоретической и практической деятельности компартии была положена идеология, в которой вульгаризированный марксизм сочетался с мелкобуржуазными доктринами уравнительности, троцкистскими тезисами о необходимости всеобщих внеэкономических и административно-командных мер решения экономических и иных задач, с утопическими настроениями относительно скорого по срокам достижения высот коммунистического общества.

Решения руководящего аппарата партии не контролировались «снизу», со стороны рядовых коммунистов. Партийное руководство сосредоточило в своем ведении социально-экономические, духовно-нравственные, даже семейно-бытовые, т. е. практически все общественные вопросы. Высшее и местное партийное руководство присвоило себе монопольное право не только на принятие решений,

политическое (и любое иное) действие, но и на право быть истиной в последней инстанции. Все, что не совпадало с точкой зрения небольшой группы партийных вождей (или вождя партии), не имело права на существование, запрещалось и изгонялось из жизни.

Так продолжалось до конца 1980-х гг., когда статья о «руководящей роли Коммунистической партии» была исключена из Конституции России.

8.3.3.2. Восстановление многопартийной системы

Демократические процессы, набиравшие силу после 1985 г., привели к демополизации политического руководства КПСС и активизации общественной жизни. В 1985—1987 гг. на волне перестроечных лозунгов и деклараций были созданы многочисленные неформальные общественные объединения с относительно небольшим составом участников, придерживающихся единых взглядов по вопросам государственного строительства, межнациональных отношений, экономических механизмов повышения эффективности производства, взаимоотношений религиозных конфессий друг с другом и с государством, социальной политики и т. п. Примерно с середины 1987 г. в стране стали активно формироваться «народные фронты», отстаивающие право на суверенитет республик, входящих в СССР, политические клубы, ассоциации и т. п.

В них проходили острые политические дискуссии, формировались идейные платформы в противовес официальной (формальной) идеологической доктрине. Особую роль сыграла избирательная кампания по выборам народных депутатов СССР (1989). Она способствовала выделению из разнородной среды клубов, кружков, групп, пропартийных образований, опиравшихся на различные комитеты избирателей и ориентированных на продвижение своих представителей в советы разных уровней. В последующие годы партии оформлялись организационно и укоренялись в меняющейся политической системе, т. е. институционализировались.

К концу 1980-х — началу 1990-х гг. в стране сложился сложный, противоречивый спектр политических протопартий и движений. Многопартийная система в обществе еще не приобрела организационных идейно очерченных форм, партии находились в стадии становления, оформления: шла разработка и уточнение программно-уставных документов, формирование организационных структур.

На этой основе с 1990 г. в России и других республиках СССР началось формирование политических партий и общественно-политических движений, а с 1 января 1991 г., после вступления в силу закона Верховного Совета СССР «Об общественных объединениях», политические партии различного направления получили юридическое право на существование и официальную регистрацию в Министерстве юстиции. Тогда на базе неформальных объединений начали формироваться такие политические партии, как Демократическая партия (ДП СССР), Союз конституционных демократов (СКД), Социалистическая партия, Христианско-демократический Союз России (ХДСР), Социалистическая партия, Социал-демократическая партия Российской Федерации, Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы), Демократический союз.

11 апреля 1991 г. в соответствии с новым законом первой прошла регистрацию Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС), затем 12 апреля 1991 г. бы-

ла зарегистрирована Либерально-демократическая партия. В августе 1991 г. КПСС как часть административно-командной системы оказалась неспособной к внутреннему реформированию и сошла с политической сцены как единое политическое целое образование, расколовшись на несколько мелких политических групп, не имеющих массовой поддержки в народе.

Через год после событий, связанных с распадом СССР и образованием Российской Федерации, в России были зарегистрированы 19 партий и движений, а к моменту принятия Федерального закона Российской Федерации «Об общественных объединениях» (14 апреля 1995 г.) их стало уже больше шестидесяти. Российские политические протопартии к осени — зиме 1993 г. разработали и приняли программные документы и платформы, но затем были вынуждены временно снять некоторые свои идеологические установки и скорректировать программные цели. Это было продиктовано событиями сентября-октября 1993 г. и предстоящими выборами в Государственную Думу.

В 90-е гг. XX в. происходило формирование идеологических установок в российском общественно-политическом движении. При этом некоторые вновь образовавшиеся политические организации взяли на себя роль правопреемников КПСС. Другие стали выступать как преемники партий, функционировавших до Октябрьской революции. Третьи ориентировались на программы современных партий в западных государствах.

Возрождение многопартийности в начальный период происходило преимущественно на волне отрицания, эмоций либо товарищеских связей, а также вокруг популярных лидеров. Следствием явилось сложение многопартийности, отличающейся дробным, конфликтным и неустойчивым характером.

В конце XX в. в России насчитывалось около 600 политических объединений. В 1993, 1995 и 1999 гг. проходили многопартийные выборы в российский парламент. В результате выборов 1993 г. по партийным спискам в парламент прошли восемь партий и блоков (ЛДПР, «Выбор России», КПРФ, Аграрная партия, «Женщины России», «Яблоко», ПРЕС, ДПР). В ходе выборов 1995 г. победившими партиями стали КПРФ, ЛДПР, движение «Наш Дом — Россия» и блок «Яблоко». По итогам выборов 1999 г. в Государственной Думе были представлены КПРФ (24,29 % голосов избирателей), межрегиональное движение «Единство» (23,32 %), блок «Отечество — Вся Россия» (ОВР) (13,33 %), избирательный блок «Союз правых сил» (СПС) (8,52 %), «Блок Жириновского» (5,98 %), «Яблоко» (5,93 %).

Одно из самых существенных изменений — образование в Думе в начале XXI в. пропрезидентского большинства. Российский демократический транзит уникален тем, что на протяжении восьми лет реформаторы в исполнительной власти были вынуждены сосуществовать с антиреформаторским большинством во власти законодательной. В прежней ситуации и Дума, и все партии, кроме невятной и небольшой «партии власти», воспринимались как оппозиция, что формировало нездоровое напряжение в отношениях между ветвями власти.

С 2000 г. в Думе появилось большинство, лояльное исполнительной власти. В первый год работы Кремль действовал по инерции прошлых лет, пойдя на соглашение с КПРФ ради оттеснения от властных рычагов в парламенте ОВР и либералов. Однако с 2001 г. сложилась так называемая «четверка» лояльных фракций («Единство», «Народный депутат», ОВР и «Регионы России»), имеющая абсолют-

ное большинство в палате. Если в первый год работы Думы среднее большинство колебалось в диапазоне 260—290 голосов, то во второй — вокруг 240, т. е. с образованием «четверки» сократился размер «выигрышной коалиции».

Эта тенденция получила развитие в слиянии «Единства» и ОВР в новую партию власти — «Единую Россию». Кульминацией новой расстановки сил в палате стало образование конституционного большинства при голосовании за поправки в конституционный закон о референдуме, направленный против популистской инициативы КПРФ: впервые Компартия не смогла сыграть роль даже «блокирующего меньшинства», поскольку абсолютно все остальные партии видели в проведении коммунистического референдума угрозу своим электоральным интересам.

С появлением в Думе пропрезидентского большинства существенным изменениям подвергся законотворческий процесс. Думское большинство сознательно уступило законодательную инициативу исполнительной власти. Поступавшие из правительства или администрации президента законопроекты гарантированно получали большинство в первом (концептуальном) чтении, т. е. «четверка» не считала для себя возможным заблокировать инициативу Кремля или Белого дома. Но перед вторым чтением, определяющим содержательное наполнение закона, именно эти фракции вносили наибольшее число поправок, лоббируя либо политические, либо деловые интересы, и правительство зачастую было вынуждено идти на компромисс.

Следствием таких изменений в законодательном процессе стало, с одной стороны, ускорение принятия законов вообще и актов, касающихся структурных реформ в экономике. Но с другой стороны, при таком алгоритме работы многие наблюдатели стали говорить о снижении качества думской экспертизы законопроектов, сохранении в их текстах многих недоработок и слабых мест.

8.3.3.3. Юридическое закрепление принципа многопартийности

В 1990 г. был принят Закон СССР «Об общественных объединениях», в котором законодательно закреплён порядок их образования, права и принципы деятельности. В марте 1991 г. началась регистрация партий, а к концу 1991 г. уже было зарегистрировано 26 партий и 16 общественно-политических движений. В настоящее время многие из них уже исчезли с политической арены и на смену им пришло множество новых партий, объединений, союзов. Для первых были характерны малочисленность, слабость организационной структуры, неопределённость и аморфность социальной базы, отсутствие сколько-нибудь внятно сформулированных позитивных программ и идейно-политических платформ. По этим показателям почти все они являлись лишь прототипами партий, а не партиями в собственном смысле этого понятия.

Основные положения о правовом статусе политических партий, общественно-политических движений и иных общественных объединений России изложены в Конституции Российской Федерации (1993) и в Федеральном законе «Об общественных объединениях» (апрель 1995 г.).

В Конституции закреплена многопартийность (ст. 13, ч. 2), что означает не только возможность существования ряда партий с различными программами (идеологический плюрализм, ст. 13, ч. 1), но и равноправие всех созданных и действующих в соответствии с законом партий.

Согласно ст. 30 Конституции РФ, политические партии создаются свободно, без каких-либо разрешений, на учредительном съезде или конференции партии. Членство в партии добровольно, и никто не может быть принужден к вступлению в нее или лишен возможности выхода из нее. Свобода вступления в политическую партию ограничена законом для некоторых должностных лиц (судей, военнослужащих). Запрещены создание и деятельность партий, цели и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности российской государственности, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, национальной, религиозной розни. Действующим законодательством не допускается создание и деятельность организационных структур политических партий в органах государственной власти (кроме представительных), в государственных учреждениях и на предприятиях, в вооруженных силах, органах госбезопасности и правоохранительных органах [47].

Со второй половины 2003 г. в действие вступила поправка к Закону об общих принципах организации власти в регионах, обязывающая крупные субъекты Федерации ввести смешанную систему выборов региональной представительной власти, при которой по партийным спискам избиралось бы не менее 50 % депутатов. До этого времени партии не играли значительной роли в региональных парламентах, подавляющее большинство которых избиралось по мажоритарной системе. Даже левые партии, имевшие в первой половине 1990-х гг. значительное представительство в них, стали утрачивать свои позиции. Большинство кандидатов выдвигалось в законодательное собрание как независимые (даже если и принадлежали к партиям); фракции и депутатские объединения в них зачастую носили формальный и неустойчивый характер. Преобладающим типом регионального парламентария был «хозяйственник», работающий в парламенте на непостоянной основе и склонный к лояльной позиции в отношении губернатора. Введение смешанной системы призвано поднять профессиональную компетентность региональных собраний и ослабить доминирующие позиции губернаторов в большинстве из них. Кроме того, с принятием такого закона партии получили гарантированное усиление своей «региональной вертикали».

Повышение отсекающего барьера (до 7 % с выборов в Думу (декабрь 2007 г.), установленное поправкой в избирательное законодательство, призвано способствовать укрупнению партийной системы. Однако на сегодняшний день лишь две партии («Единая Россия» и КПРФ) имеют рейтинги, уверенно превышающие эту «роковую черту». Хотя одновременно в законодательство внесена поправка, устанавливающая минимальное число партий, проходящих в Думу по спискам (три в 2003 г. и четыре на следующих выборах), две из ранее представленных в Думе партий (СПС, «Яблоко») не прошли в 2003 г. в четвертый созыв Думы. Возможно, в Думу 2007 г. сможет пройти пропрезидентская «Справедливая Россия».

Еще одна законодательная новация, связанная с партиями, — закрепление за теми из них, кто представлен в парламенте, права выдвигать кандидатов в президенты. Поскольку одновременно с внесением такой поправки закон о выборах президента значительно затруднил другой способ выдвижения (через сбор 2 млн подписей избирателей), это нововведение, вполне возможно, оправдывает себя.

8.3.3.4. Особенности формирования российской политической системы

Многообразие партий — типичный признак переходного этапа в развитии общества, когда еще не сформировались устойчивые и достаточно массовые политические предпочтения, когда еще весьма сильны традиции прошлого, довлеет груз былого, не позволяющий значительной части населения преодолеть свои мировоззренческие, ментальные приоритеты и в полной мере самостоятельно сделать свой выбор.

Политические партии (в истинном смысле этого слова) возникают лишь тогда, когда общество достигает соответствующего уровня социально-политической дифференциации, когда социальные слои и группы более или менее четко осознают свои интересы. Для этого необходимы осознание и представление интересов заинтересованных групп, объединений, блоков, других структур, составляющих гражданское общество. Однако наше общество, переживающее переходный период, лишено некоего скрепляющего его воедино стержня, или организационного начала; общество находится в аморфном, предельно атомизированном, неустойчивом состоянии. Сейчас преждевременно говорить о сколько-нибудь обозначившемся структурировании интересов различных общественных сил. О реальном представительстве социальных сил и интересов в политической системе можно заявлять лишь тогда, когда, по крайней мере вчерне, оформятся и утвердятся более или менее прочные основания их жизнеустройства. Гарантом стабильности общества и политической системы является существование широкой институционализированной прослойки средних слоев, или среднего класса, который в свою очередь служит социальной опорой умеренного центристского политического курса, равноудаленного от крайних полюсов политического курса.

Весь мировой опыт показывает, что уровень развития демократии самым непосредственным образом зависит от того, насколько институционализировался политический плюрализм, который проявляется и выражается прежде всего в политических партиях. Но зрелость и жизнеспособность политического плюрализма, включая партийную систему, определяется тем, в какой степени в обществе сформировались, институционализировались и заявили о себе разнообразные центры и источники власти и влияния. Именно с этой точки зрения определяющее значение имеет соответствующая инфраструктура, призванная обеспечить условия для осознания групповых интересов и оформления соответствующих негосударственных организаций, объединений, союзов. Переход от тоталитаризма к демократии, развитие рыночных отношений, трансформируя социальную структуру общества, усиливая процессы социальной дифференциации, создают основу для воплощения в жизнь ценностей и принципов политического плюрализма. Это находит отражение в возникновении широкого спектра самых разнообразных новых общественно-политических движений, организаций и объединений.

Современный этап формирования многопартийной политической системы в Российской Федерации во многом напоминает процесс становления многообразных партий и движений в Западной Европе и России в конце XIX — начале XX вв. Как и тогда, все сферы российского общества поразили глубокий кризис. Он обусловлен объективными трудностями социально-экономических преобразований и реформ на переходном этапе от одной социальной формации к другой и субъек-

тивными факторами, отражающими отсутствие четкости в стратегических ориентирах и идеологических приоритетах развития страны.

Процесс формирования многопартийной политической системы в современной России разворачивается в логике классического трехступенчатого становления партий и движений.

Несмотря на непрерывный количественный рост российских политических партий и движений, многие из них не имели постоянной и достаточно прочной социальной базы. Во многих случаях они создавались под конкретных лидеров, не пользующихся в настоящее время должным авторитетом в обществе, и в большинстве своем эти структуры не являются массовыми. О некоторых политических партиях и движениях избиратели узнавали только во время проведения очередных парламентских выборов или выборов в местные органы власти.

Важно подчеркнуть, что партийное строительство в постсоветском обществе опережало трансформацию его социальной структуры в процессе перехода от стратификации по основанию власти (присвоение через привилегии, распределение в соответствии с местом индивида в партийно-государственной иерархии) к стратификации собственнического типа (присвоение по размеру прибыли и рыночно-оцениваемому труду). Чаще всего партии формировались вокруг личностей с более или менее выраженными качествами лидера, вербовавших сторонников под ту или иную абстрактную идею, заимствованную либо из досоциалистического прошлого России, либо из современных политических течений Запада. Такие партии носят элитарный характер и выполняют главным образом одну функцию — политическую самореализацию индивидов.

Исследователи выделяют следующие факторы, препятствующие развитию реальной многопартийности в современной России:

- слабая дифференциация и недостаточное осознание на политическом уровне интересов отдельных социальных групп;
- неоднозначность государственной политики, нацеленной на формирование дееспособных партий, и отлаженной законодательной базы;
- естественный регионализм российской политики;
- фактическое отсутствие исторической традиции политической борьбы, организованной по партийному признаку;
- неразвитость политической культуры и др.

В силу отмеченных выше особенностей формирования российская партийная система отличается от «партийной демократии» западных стран. Российская многопартийность на данный момент не выполняет роли основного посредника между обществом и властью, что является главным в западных «партийных демократиях».

Рассматривая партийные системы в современных государствах, следует отметить, что они сложились не везде. В ряде стран устойчивых отношений между партиями не существует. К таким государствам следует отнести и Россию, в которой образовалось множество партий, однако система отношений между ними не сложилась.

Центризм в политике обеспечивает возможный в данных конкретных условиях оптимальный баланс общественных интересов, проведение такого курса, который в идеале призван реализовать некую среднюю линию между экономической

эффективностью и социальной справедливостью, экономической свободой и социальным равенством. Что касается ситуации в нашей стране, то было бы напрасно заниматься разграничением политических сил на «правых», «левых» и «центр», либералов, консерваторов и умеренных. Такое деление возможно лишь при сформировавшейся демократии и высокой культуре гражданственности в обществе. В настоящее время в России, по сути дела, отсутствует единая система политической коммуникации, политический процесс протекает при слабой интеграции и взаимопонимании между его участниками. Нет необходимого консенсуса относительно общих целей и средств их достижения, общепринятых правил политической игры и т. д. Ожесточенные политические дискуссии не связаны соответствующим образом с процессом принятия политических решений. В России, в лучшем случае, только начинается формирование инфраструктуры гражданского общества, которое одно и способно обеспечить условия для формирования и институционализации реально заинтересованных групп, а также организаций, клубов, объединений, партий, способных представлять их интересы в структурах власти.

В 1990-е гг. Россия прошла сложный путь от однопартийной системы «партии-государства» через ряд попыток создания много- и двухпартийной системы к накоплению необходимого политического и организационного опыта. Сегодня мы имеем партийную систему, приближающуюся, по классификации Дж. Сартори [82], к системе умеренного плюрализма, что связано во многом с введением 5–7 % барьера представительства на выборах.

В настоящее время продолжается формирование многопартийной системы, вырабатываются принципы межпартийных отношений. В политологической литературе, в выступлениях политических лидеров прогнозируется ряд вариантов будущей модели российской многопартийности. Основных из них три:

- создание многопартийной системы с доминирующей партией — «партией власти», которая бы обеспечила поддержку правительства, составила его опору в Государственной Думе;
- формирование двухпартийной системы при использовании опыта других стран с такой системой (две партии попеременно будут приходить к власти в результате выборов, и формировать правительство);
- создание «двух с половиной» политической системы, включающей две большие пропрезидентские партии и одну оппозиционную.

Современная политическая жизнь России показывает, что в стране существует потребность в крупных политических партиях, которые бы

- ставили в своих программных документах конкретные цели и указывали средства их достижения, адекватные потребностям и запросам населения России;
- предлагали пути решения социально-экономических задач, как долгосрочных, так и ближайших;
- определили и обосновали модели государственного строительства России.

Пока не приходится говорить о том, что в России сложилась система политических партий. Однако можно констатировать наличие наметившейся тенденции выхода из партийного хаоса. В стране идет процесс формирования политических сил, способных предложить и реализовать программы выхода Российского государства из кризисного состояния и перехода к долговременному устойчивому разви-

тию. Вместе с тем ряд политологов утверждает, что в России обозначилась тенденция к двухпартийности, полагая при этом, что двухпартийная система наиболее адекватна интересам страны.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Дайте определение понятие «группы интересов».
2. Какие особенности имеют группы интересов?
3. Назовите функции групп интересов.
4. Приведите примеры типологии групп интересов.
5. Дайте определение общественно-политическому движению.
6. Расскажите о создании и эволюции социально-политических движений.
7. Назовите функции социально-политических движений.
8. Приведите примеры типологии социально-политических движений.
9. Назовите действующие в России группы интересов и социально-политические движения.
10. Дайте определение понятия «политическая партия».
11. Расскажите о происхождении и эволюции политических партий.
12. Как вы считаете, отражают ли современные политические партии интересы социальных групп?
13. Что значит характер и сущность организации партии?
14. Как происходила институционализация политических партий?
15. Почему политическую партию называют опорой демократической системы?
16. Какие принципы построения политических партий вы знаете?
17. Охарактеризуйте виды структур политических партий.
18. Объясните роль и значение внутрипартийных коммуникаций.
19. Какие источники финансирования политических партий вы знаете?
20. Какая функция политической партии, по вашему мнению, является основной?
21. Как политические партии осуществляют контроль за институтами политической власти?
22. Какую роль играют политические партии во внутригосударственной коммуникации?
23. Каким образом политические партии осуществляют отбор и рекрутирование политических лидеров?
24. Какие механизмы используют политические партии для выражения интересов поддерживающих их социальных групп?
25. Как участвуют политические партии в социализации граждан?
26. Зависят ли функции партий от типа политической системы, если да, то почему и в какой степени?
27. Классифицируйте политические партии по социально-политическим функциям.
28. Охарактеризуйте типологию партий по организационным особенностям.
29. Дайте определение политической системе.
30. Приведите примеры классификации партийных систем.
31. Охарактеризуйте российское партийное строительство.
32. Назовите возможные варианты формирования российской политической системы.

Глава 9

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

§ 1. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

9.1.1. Изменение роли территориального фактора

Несмотря на то что история государств насчитывает несколько тысячелетий, их эволюция продолжается. Например, в современных условиях в силу интенсивного развития глобальных информационных связей и развития мировых рыночных отношений, приводящих к возрастанию экономического влияния крупных фирм или ассоциаций (типа Европейского союза, Американской ассоциации свободной торговли и т. п.) по сравнению со «своим» государством, постепенно снижается значение *территориальных* параметров последнего. Иными словами, нарастание информационной и экономической проницаемости границ сокращает суверенные права национальных государств в области внутривнутриполитического регулирования соответствующих процессов. Более того, в таких регионах, как объединенная Европа, вырисовывается тенденция не только к усилению информационной и экономической взаимозависимости государств, но и к нарастанию условности внешних границ в рамках постоянно усиливающейся межгосударственной интеграции.

Конечно, это не свидетельствует об окончательной утрате значения территориальной оконтуренности государств. Многочисленные конфликты в мире по поводу контроля над территориями и водами из-за расположенных на них ресурсов показывают, что сохранение существующих границ до сих пор является для государств принципиальным вопросом. Скажем, те же государства объединяющейся Европы укрепляют свои общие границы от проникновения нежелательных иммигрантов, беженцев, ставят заслоны на пути потоков наркотиков, международного терроризма и т. д. В то же время определенное ослабление значения государственных границ показывает необходимость развития в современных странах альтернативных государственным средств поддержания общесоциального порядка, например путем создания механизмов регионального контроля, повышения интенсивности инокультурных контактов между народами, усиления интеграционных процессов и т. д.

9.1.2. Рост экологичности государства

Некоторые политологи считают, что современные демократические государства вступают в новую, *экологическую* стадию. Для нее характерно выдвижение на

первый план проблемы обеспечения экологической безопасности и экологических (экзистенциальных) прав личности, выживания всего человечества. В новых условиях государство вместе с общественностью призвано предотвратить ядерную и экологическую катастрофы, наладить адаптивный, поддерживающий экологическое равновесие образ жизни.

Важность этой проблемы обусловлена процессами глобального потепления, способного принципиально изменить условия существования современной цивилизации. Потепление грозит ряду стран резким сокращением его территории или даже фактическим уничтожением. Пока мировому сообществу не удастся выработать общую стратегию борьбы с потеплением. Однако появление неблагоприятных изменений, происходящих на планете, в ближайшей перспективе сделает обязательной выработку глобальной экологической политики.

9.1.3. Борьба децентрализаторских и централизаторских тенденций

В развитии современных государств наблюдается действие двух тенденций. Первая из них, *деэтистская*, выражается в активизации гражданского общества, его контроля над государством, расширении влияния на него политических партий и групп интересов, децентрализации ряда функций государства, в усилении в деятельности некоторых его органов самоуправленческих начал. Вторая тенденция, *этатистская*, проявляется в повышении роли государства как регулятивного и интеграционного инструмента общества. Современное государство активно вмешивается в экономические, социальные и информационные процессы, с помощью налогов, инвестиционной, кредитной и иной политики стимулирует развитие производства, устраняет диспропорции в народном хозяйстве. Все более важное место в деятельности государства занимает разработка стратегии и планирование общественного развития.

Одновременно с этим кругом проблем современный мир столкнулся и с рядом новых, которые встали перед государством. Возникшие новые глобальные проблемы в области отношений с природой (экологический кризис), необходимость ограничения производства и испытания оружия массового поражения, угроза мирового терроризма, предотвращение демографической катастрофы и другие проблемы современности *повышение роли государства* в регулировании социальных процессов, выдвигают его на передовые рубежи защиты человеческого сообщества в целом. По этой причине государство вынуждено вмешиваться в управление многими областями жизни, которые ранее находились вне его непосредственного контроля. Еще более возрастает его роль в осуществлении *переходных* общественных процессов. В то же время многие межгосударственные отношения создают конфликтные проблемы в связи с соотношением внешнего и внутреннего суверенитета (национального) государства, способствуя сокращению его регулирующей роли по сравнению с прерогативами межгосударственных объединений.

Современная (постмодернистская) стадия общественной эволюции в наиболее экономически развитых странах мира демонстрирует усиление нестандартных жизненных стратегий, что ставит под вопрос традиционные формы связи госуда-

рства и общества. Эти процессы не просто требуют определенного времени на выработку нового социального контракта власти и граждан, но и в принципе сокращают возможности государства как центра власти в культурно дифференцирующемся обществе. Таким образом, государство становится одним из центров политического влияния, который не обладает не только какими-либо преимуществами перед другими институтами власти (авторитета), но и теми должными регулятивными способностями, которые могут нейтрализовать негативные последствия поведения на политическом рынке отдельных корпоративных структур и обеспечить поддержание общесоциального порядка.

9.1.4. Сокращение практики использования силового ресурса

В государственной деятельности заметно сокращается применение принуждения. Оно все реже используется для решения крупных общественных проблем, уступая место кооперации различных социальных сил, хотя и остается важным средством в борьбе с нарушителями закона, криминальными и экстремистскими элементами. Но изменения, происходящие в государстве и обществе, не дают достаточных оснований говорить об отмирании государства в обозримом будущем, как это утверждают анархисты и марксисты.

По-прежнему велика роль государства в переходные этапы общественного развития, как это имеет место в России и других постсоциалистических странах. Здесь государство выступает главным орудием реформирования общества, поддержания стабильности и порядка. При этом оно само подвергается глубоким изменениям, приобретает новые формы организации.

Подобные проблемы показывают, что перед государством как институтом стоят задачи более органичного сочетания правовых (формально-юридических) и социальных основ своей деятельности, дальнейшего разрешения противоречий между провозглашаемыми гуманистическими целями своего развития и реальным гуманистическим содержанием своих политических акций.

Вместе с тем борьба с мировым терроризмом заставляет правительства даже наиболее демократических государств, гордившихся традициями защиты прав человека и свободы личности, идти по пути ограничения этих прав и свобод. В первую очередь это выражается в ужесточении контроля за передвижением граждан, отмене прав на конфиденциальность телефонных разговоров, электронной почты. Таможенные органы и полиция повсеместно расширяют практику снятия отпечатки пальцев у всех прибывающих в страну туристов. В целях повышения скорости и эффективности идентификации граждан вводятся электронные паспорта, позволяющие ускорять получение информации об интересующих субъектах и усложняющих подделку и кражу документов.

Во всем мире расширяется использование систем электронного наблюдения за транспортными коммуникациями, местами скопления людей, зонами отдыха и торговли. Контроль в аэропортах становится тотальным, расширяется круг предметов, запрещенных к перевозке в салонах самолетов. Все это свидетельствует о том, что функции контроля и насилия в ближайшей перспективе останутся широко востребованными со стороны государственных структур.

9.1.5. Ослабление совокупной конкурентоспособности социальных государств

Внутриполитическая ситуация не беспроблемна даже в самых процветающих государствах мира. Многие из них не избежали превращения государства в своеобразную «дойную корову», порождающую социальное иждивенчество отдельных групп и слоев населения и невольно подрывающую ряд основополагающих стимулов рыночного хозяйства, принижающую заинтересованность людей в инициативном и продуктивном труде. Наиболее квалифицированные и предприимчивые слои населения стали испытывать негативные последствия такой политики.

Большие социальные и экологические издержки западной экономики делают неконкурентоспособными отдельные виды товаров и услуг. Европейцы и американцы проиграли китайцам рынок текстиля, игрушек, сувениров и т. д. Капитал «бежит» из западноевропейских стран, корпорации переводят производства в развивающиеся или восточноевропейские страны.

Эти проблемы ставят вопросы о поиске государством других форм своей внутренней организации, о повышении адаптивности к новым вызовам времени. Однако решать эти проблемы оно должно, не утрачивая того позитивного капитала, который накопило за столетия своей эволюции. В частности, современное государство призвано сочетать свои действия с общественной инициативой граждан, избегать силовых методов решений, всемерно оберегать приоритетность статуса личности, обеспечивать гарантии ее неотъемлемых прав на свободное самовыражение.

9.1.6. Государство и бюрократизм

Существование бюрократии — неизбежность и необходимость функционирования государства. Ее деятельности присущи специфические особенности, которые являются во многом объективными. В современных условиях они состоят в том, что происходит разрастание и усложнение функций аппарата государственной власти, а отсюда — его численный рост, расширение прав контроля в ходе управленческой деятельности. Роль бюрократии (чиновничьего аппарата) сегодня возрастает. Она владеет техникой административной работы, обладает информацией и документацией, имеет опыт готовить, составлять и интерпретировать государственные решения и нормативные акты, ведет переписку с населением, отвечает на его запросы. Все это делает общество зависимым от аппарата, а сам он приобретает автономность в весьма широких пределах.

В категориальном аппарате системы властных отношений есть два понятия: бюрократия и бюрократизм. По определению К. А. Воробьева [16], они не тождественны и отражают разные стороны процесса властвования. *Бюрократия* — слой людей, связанный с системой управления государственными и общественными делами. Они составляют аппарат власти, отделенный от общества, стоящий над ним, обладающий специфическими функциями и привилегиями. Такое положение бюрократии в системе государственного управления может вести к *бюрократизму*, который представляет собой стиль деятельности органа власти, характеризующийся формализмом, казенным подходом к делу, волокитой. Это антидемок-

ратическое, паразитическое по своей социальной сущности явление в системе властных отношений, в механизме осуществления государственной власти.

Следовательно, если повышение роли и численности государственного управляющего звена есть процесс объективный, эффективно бороться с которым вряд ли резонно и продуктивно, то борьба с бюрократизмом — необходима и своевременна.

Бюрократизм как явление в сфере управленческих отношений имеет место в любом из известных нам обществ, но в разной степени. Он является следствием, порождением объективно существующего противоречия между общественным характером управления (в этот процесс включены все члены общества) и субъективным способом его осуществления, ибо управляет сравнительно небольшая группа людей, профессионально занимающаяся этим видом трудовой деятельности. В ходе управления чиновники могут утратить связь с реальными жизненными процессами, которыми они управляют, замкнуться в процесс канцелярской работы. Технология этой работы, ограниченной рамками данного учреждения, становится для его работников самоцелью и содержанием их труда.

Бюрократ, как правило, не стремится к познанию объективной реальности, в сфере которой протекает его деятельность. Для него главное — соблюсти инструкцию, данную «сверху», «согласовать», «утвердить» (бумагу, план мероприятий) и, в конечном счете, тем самым снять с себя всякую ответственность за положение дел в управляемом объекте или на подведомственной территории (город, район). В бюрократической системе власти нижестоящие органы всецело и слепо верят в «мудрость верхов» и не проявляют никакой инициативы (она сопряжена с ответственностью), а «верхи» во всем полагаются на компетентность и профессионализм «низов» и слабо их контролируют. Таким образом, оба звена власти вводят друг друга в заблуждение.

В результате складывается ситуация, когда статус того или иного органа власти, конторы измеряется не масштабом объекта управления, а численностью работников этого учреждения. Его руководитель стремится расширить штаты, получить больше средств для содержания конторы. Таких примеров было немало у нас в прошлом, есть они и сейчас. Поэтому, несмотря на многочисленные постановления всех уровней о сокращении управленческого аппарата в стране, он не только не уменьшается, но и увеличивается. Вместе с этим процессом как следствие его усиливается и бюрократизм — порочный стиль власти.

Бюрократизм приносит обществу, простым людям немало вреда, неудобств. Почему же он так живуч несмотря на всю борьбу, которая с ним ведется? Видимо, как считает К. А. Воробьев, потому, что бюрократизм олицетворяет собою «сильную» власть, воплощающую в себе централизм, порядок, организованность [16]. По крайней мере такая видимость создается, хотя она, естественно, иллюзорна. А большинству людей подобная «основательность» власти нравится. И, во-вторых, как было отмечено еще М. Вебером [14], общественное мнение почти всегда бывает на стороне консервативных сил общества. Простые люди чаще выступают за сохранение старых порядков, чем идут на различные новации в системе общественных отношений, особенно отношений политических. А бюрократизм как раз и является оплотом консервативных тенденций в жизни общества. Его пугают нововведения, они могут подорвать его престиж. Поэтому так живуч бюрократизм,

наносящий вред народу, одновременно объективно поддерживаемый народом, воспроизводимый им. Таков порядок нашей жизни.

Особенно актуальна проблема бюрократизма для современной России. Формально с ним ведется определенная борьба. Принимаются постановления и законы, регламентирующие деятельность органов власти, вменяющие им в обязанность строго соблюдать права граждан, оперативно решать вопросы по обращениям их в органы власти. Бюрократический стиль в работе государственных учреждений постепенно идет на убыль, расширяются права граждан по контролю за деятельностью местных администраций, чиновничьего аппарата. Но, несмотря на это, бюрократизм процветает. Его сохранению «способствуют» недостатки в системе российской власти, как центральной, так и местной:

- недостаток управленческого профессионализма многих работников государственных учреждений, которым не хватает знания объективных законов и тенденций развития современного общества, умения грамотно использовать эти законы и тенденции в практике управления подведомственными организациями; а главное — у некоторых чиновников нет желания выполнять свои функциональные обязанности на строго правовой базе;
- низкий уровень государственной дисциплины в институтах власти на всех уровнях (об этом немало говорится в СМИ, и в высших кругах власти признается этот недостаток, но заметных сдвигов нет; средства массовой информации продолжают сообщать о неудовлетворительном выполнении на местах решений федеральных органов власти, которые, в свою очередь, не всегда точно и последовательно выполняют свои же решения и обещания по отношению к регионам);
- повсеместная коррупция в органах власти (ее вирус захватил чиновников и в нижних, и в верхних эшелонах власти; особую опасность она представляет в правительственных учреждениях, от деятельности которых зависят судьбы миллионов людей, их благоустроенность; в государственных документах, в выступлениях Генерального прокурора отмечаются многие факты коррумпированности высших чиновников, но перемен к лучшему не видно);
- безразличие и равнодушие некоторых органов власти к потребностям населения, к нуждам людей, их запросам и интересам (во властных структурах больше занимаются борьбой за должности, привилегии своих сотрудников; при далеко не высоком общем материальном уровне жизни народа чиновники и депутаты законодательных органов власти опережающими темпами повышают себе зарплату, получают просторное жилье, ездят на дорогих автомобилях — все это естественно вызывает недовольство людей, снижает авторитет власти, способствует процветанию бюрократизма).

Так как проблема бюрократизма общемировая, то и решение ее следует искать, опираясь на международный опыт. В частности:

- расширять сферу применения рыночных регуляторов управления, при которых становятся ненужными многие органы власти — плановые, снабженческие и др.; их функции перейдут к частным и акционерным владельцам, которым не нужен громоздкий бюрократический аппарат;
- демократизировать управленческие отношения; рядовые граждане должны реально участвовать в формировании исполнительных органов власти города,

области, поселка, а созданные органы должны систематически отчитываться перед населением за свою деятельность;

- обеспечить гласность в управленческой деятельности органов власти; проекты наиболее важных решений должны проходить «народную экспертизу», т. е. выноситься на обсуждение трудовых коллективов, в территориальные общественные организации и приниматься с учетом мнения граждан;
- расширить подготовку в специализированных учебных заведениях молодых кадров государственной службы, не зараженных еще вирусом бюрократизма и коррупции;
- обеспечить существование независимых от государства СМИ и строго соблюдать законодательство о свободе слова;
- содействовать созданию развитого гражданского общества.

Эти меры будут способствовать развитию позитивных и объективных процессов в жизни государства и эффективному противодействию негативным тенденциям современного государственного строительства.

§ 2. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПАРТИЙ

9.2.1. Последовательность появления партий

Партогенез по-своему отображает социально-экономическую динамику, эволюцию политических систем. Несмотря на пестроту и разноречивость общественного развития в нынешнем столетии, все же можно выделить ряд наиболее существенных тенденций в эволюции партийных институтов, обусловивших, в частности, изменение типов партий и их роли в политическом процессе различных стран.

Например, во второй половине XVIII — конце XIX вв. конфликты между процессами первоначального накопления капитала и становления обществ демократического типа в Западной Европе и Северной Америке вызвали возникновение массовых социалистических партий. Характерным ответом на кризис демократии в европейских странах в 20—30-х гг. XX в. стало возникновение фашистских партий. В свою очередь их популярность стимулировала появление партий христианско-демократического типа. Интенсивный передел мира в Первой и Второй мировых войнах породил мощный источник формирования национальных партий.

В начале XX в. Р. Михельс [65], М. Вебер [14] и М. Я. Острогорский [70] подметили зарождавшиеся в лоне социалистических партий тенденции:

- возрастания, в ущерб рядовому членству, роли партийного аппарата;
- бюрократизации партийных объединений;
- возрастающего господства партийных лидеров и элит.

В то же время в ряде стран получили развитие иные тенденции в эволюции партийных институтов. В частности, в странах тоталитарного правления жесткость идеологических требований к членству в правящих партиях, предоставляемые привилегии ее руководящим и рядовым членам, дискриминационные критерии отбора последних превратили эти объединения в идеократические группировки кастового характера. Более того, властные претензии партийной бюрократии,

породив стремление к «перехвату» этими организациями функций всех иных институтов, обусловили возникновение партийно-государственных образований, где не было места представительству живых человеческих интересов. В своей совокупности эти тенденции привели к саморазрушению партий как специфических политических институтов.

Новые тенденции складываются в партийном строительстве стран, прошедших через тоталитарные режимы и вставших на путь демократии. В противоположность правящим партиям кастового характера, с жесткими идеологическими требованиями, предоставляющих привилегии своим членам, в посткоммунистических государствах отмечается тенденция к появлению идеологически нейтральных партийных образований, рассчитанных на привлечение широких масс населения. Вместе с тем в некоторых посткоммунистических странах по-прежнему функционируют партии с жесткими идейными требованиями, авторитарной ролью лидеров и строгой дисциплиной.

9.2.2. Превращение в электоральные партии

В западных демократиях эволюция партийных объединений была подчинена общей линии в развитии партий — их использования для выдвижения кандидатов в законодательные органы, отбора и формирования правящих элит. При таком варианте развития событий идейные принципы, которые ранее привлекали рядовых граждан и стимулировали их членство, стали препятствием для завоевания партийной элитой электоральной поддержки. Поэтому идеология постепенно приносила в жертву голому прагматизму, успеху на выборах. Партийные лидеры больше ориентировались на завоевание массовой поддержки, опасаясь отождествлять свою партию с определенным классом и определенной идеологией. Партии превращались в «партии для всех», беря на себя функцию выражения интересов большинства нации.

Концепция «народной партии» вынуждает все партии, как левой, так и правой ориентации, формулировать свои позиции по множеству разнообразных вопросов, чтобы привлечь на свою сторону новые группы избирателей путем включения в программу соответствующих требований. Это вносит дополнительный элемент в наметившуюся неопределенность и неустойчивость социальной базы и итогов выборов.

Таким образом, по мере развития либеральной демократии и, что немаловажно, формирования единых ценностных ориентиров, политических идеалов населения в западных странах произошло постепенное превращение большинства политических партий преимущественно в партии электоральные. Строя свою деятельность в соответствии с избирательным циклом, они стимулировали укрепление парламентского строя, развитие взаимоотношений элиты и электората. Поощряя плюрализм политической жизни, партии стабилизировали систему власти, основанную на устойчивом представительстве интересов граждан.

В результате большинство крупных политических партий, в том числе и социал-демократических, по сути дела перестали быть сугубо классовыми и превратились, по их собственному определению, в так называемые «народные партии», или «партии для всех», претендующие на представительство всех слоев населения. В

этой связи Р. Дарендорф [53] не без основания отмечал, что применительно к таким партиям, как СДПГ, СДП, ХДС/ХСС, понятия «левая» и «правая» стали относительными. Первыми с претензией на статус «народной» выступили христианско-демократические партии. Первоначально эти партии возникли как реакция против секуляризации важнейших сторон общественной жизни и отделения церкви от государства. Но после Второй мировой войны в их программах не акцентируется вопрос о вероисповедании. Так, в программе Австрийской народной партии, принятой в 1972 г., говорится, что она не связывает себя с каким бы то ни было вероисповеданием или церковным институтом. Об этом же говорят руководители ХДС в Германии. Как отмечал, например, канцлер от этой партии Г. Коль, народный характер ХДС подтверждается тем фактом, что в ней органически объединились христианско-социальные, консервативные и либеральные силы страны.

«Народными» провозгласили себя многие социалистические и социал-демократические партии. Одной из первых это сделала социал-демократическая партия Германии. После принятия Годесбергской программы в 1959 г., в которой был зафиксирован отказ от марксизма и идеи классового боя, СДПГ превратилась из организации преимущественно рабочего класса в партию рабочих и средних слоев. В настоящее время в ней особенно велика доля технической интеллигенции, представителей предпринимательских кругов, молодежи. По-видимому, республиканская и демократическая партии США, в отличие от многих европейских партий, с самого начала действовали как партии «для всех». По своему социальному составу обе они являются конгломератами разнородных, зачастую противоположных друг с другом социально-политических группировок. Причем состав, соотношение различных компонентов в социальной базе двух партий в каждый конкретный исторический период существенно менялся в зависимости от социально-экономических и общественно-политических факторов.

Ориентиры политических партий на широкие слои населения определяют содержание их *политических программ*. В них включаются положения, которые должны быть интересны и привлекательны для самых различных социальных слоев.

9.2.3. Изменение мотивации электората

В то же время длительное функционирование в качестве привычных для населения средств выражения их интересов и органическая встроенность в механизмы государственной власти несколько изменили функции политических партий и отношение к ним со стороны граждан. В частности, укрепив представительную систему власти, партии открыли дверь в политику другим участникам избирательного процесса, причем не только многочисленным группам интересов, но и успешно конкурирующим с ними независимым кандидатам. Взаимоотношения населения с властью становились более непосредственными, менее формализованными, сильнее ориентированными на индивидуальные интересы граждан. Как писал С. Хантингтон [91], чем быстрее росла «приверженность американцев своим политическим убеждениям», тем равнодушнее они относились к групповым формам выражения своих политических интересов.

В настоящее время во всех главных партиях индустриально развитых стран присутствует некое сочетание социал-демократических, либеральных и консерва-

тивных элементов. В этой связи прав теоретик западногерманского консерватизма К. Биденкопф [9], утверждая, что в настоящее время политическую реальность ФРГ «отличает своего рода непросматриваемость, нетранспарентность — отсутствие четкой картины, когда для каждого явления находится своя ниша в общественно-политической структуре». В течение всей истории индустриально развитых стран существовала более или менее тесная корреляция между характером голосования различных групп избирателей и их социально-классовым положением. Как правило, неимущие и имеющие низкий доход слои населения голосовали за партии «левой» ориентации, а население с более высокими доходами — за консервативные и «правые» партии. В США это были соответственно реформистская демократическая партия и республиканская партия консервативной ориентации. В Западной Европе дело обстояло несколько сложнее, но все же рабочий класс и неимущие слои населения склонялись к социал-демократическим и другим «левым» партиям, а представители состоятельных слоев — к либеральным и консервативным партиям. Причем вплоть до конца 1960-х гг. слои населения с низкими доходами положительно оценивали государственное вмешательство в экономику и программы социальной помощи.

В последние полтора-два десятилетия в этом смысле произошли заметные изменения в США и странах Западной Европы. Нарушается корреляция между голосованием избирателей за ту или иную партию и принадлежностью первых к определенной социальной группе. Снижается доля рабочих в социал-демократических партиях. Растущее число слоев населения с низкими доходами голосует за партии либеральной и консервативной ориентации, а представители средних слоев — за социал-демократические и другие «левые» партии. Это со всей очевидностью показали результаты выборов последних лет в ряде стран Западной Европы и США, где значительную часть электората консервативных партий составили представители профсоюзов, включая и «синие воротнички». У большинства партий наблюдается тенденция ориентации не на традиционно «свои», четко очерченные группы избирателей, а на гетерогенный по своему составу электорат, на который претендуют и другие партии.

Наблюдается тенденция возрастания колебаний идейно-политических позиций и партийно-политических предпочтений значительного контингента избирателей. Для электората стали характерны резкие переходы от одних партий к другим, от либеральных позиций к правоконсервативным и наоборот. Это свидетельство появления «автономии» избирателей по отношению к партиям. Одним из признаков такой автономии стал неуклонный рост числа избирателей, называющих себя независимыми либо голосующих за кандидата не своей, а конкурирующей партии. По словам А. М. Шлезингера (мл.) [98], в США в XIX в. «принадлежность к той или иной партии передавалась по наследству, как религия».

По данным многочисленных опросов общественного мнения, в США на протяжении всего послевоенного периода в количественном отношении демократы значительно преобладали над республиканцами. Но тем не менее в течение трех последних десятилетий кандидаты на пост президента от демократической партии оказались неспособными выиграть большинство президентских избирательных кампаний. Это особенно примечательно, если учесть тот факт, что с 1932 г. за исключением двух коротких периодов, демократам удавалось удержать контроль над конгрессом в своих руках.

В других индустриально развитых странах подобные тенденции проявляются в оттоке избирателей, например, от социал-демократов к консервативным или альтернативным партиям и движениям и наоборот. По данным ряда исследований, и в такой ситуации ослабевает приверженность избирателей крупным традиционным партиям. Это позволяет сделать вывод, что *современные политические партии практически во всех странах все меньше ориентированы на определенный слой общества. Они перестают быть исключительно классовыми.*

9.2.4. Протестное голосование

Сомнение в способности партий решать стоящие перед обществом проблемы порождает феномен так называемого «негативного голосования», т. е. голосования не за того, кому необходимо оказать поддержку, а против того, кто отвергается. По мнению многих наблюдателей, важную роль с точки зрения результатов президентских выборов в США в 1980 г. сыграл «негативный фактор», т. е. желание избавиться от Дж. Картера. Согласно опросу общественного мнения, проведенному службой Янкеловича незадолго до выборов, 43 % избирателей заявили, что, отдавая свои голоса за Рейгана, они фактически голосуют против Картера. В 1980-х гг. этот феномен особенно отчетливо проявился в европейских странах, где правящие партии вынуждены были уступить место у власти оппозиционным партиям зачастую не в силу изменения партийно-политических предпочтений избирателей, а в результате негативного отношения к партиям, стоящим у кормила власти.

В российской избирательной практике достаточно популярной была позиция «против всех», однако на думских выборах 2007 г. этого пункта в бюллетенях не будет. Считается, что это заставит избирателей принимать решения, а не уходить от ответственности за свой выбор.

9.2.5. Недоверие населения к политическим партиям и снижение роли последних как инструмента политической социализации граждан

Длительные традиции существования псевдопартий в странах социалистического блока обусловили недоверие населения к политическим объединениям. Это длительное время, а в ряде мест и до сих пор, мешает полноценному использованию партийных институтов для возвращения людей в политическую жизнь. При этом борьба за выбор направления общественного развития, поиск ценностей, консолидирующих социум, создает источники формирования новых политических партий. При этом во вновь образующихся партиях сосуществуют тенденции к их превращению как в идеологически нейтральные организации, рассчитанные на максимально широкую социальную поддержку, так и в объединения с жесткими идейными требованиями к своим членам, централизованной организацией управления и авторитарной ролью лидеров.

Это закономерный процесс. Например, во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. в Греции, Испании и Португалии в процессе перехода от авторитарных к буржуазно-парламентским режимам именно партии стали одними из наиболее активных институтов, способствовавших утверждению новых политических систем.

С другой стороны, многие партии, привыкнув к роли постоянного звена в процессе принятия государственных решений, зачастую свою главную цель усматривают в борьбе против правительства, а не в завоевании электората. А это не может не сказаться на отношении к ним населения.

Сегодня, по мнению немецкого теоретика К. фон Бойме, партии, усилив свою роль в отборе политических элит, в то же время в определенной степени утратили влияние на политическую социализацию граждан. Ощутимой тенденцией во многих западных демократиях стало снижение партийной идентификации. Укрепив демократические ценности в политической жизни, партии кое-где начинают «уходить в тень», тем самым повышая шансы менее формализованных и гибких посредников в отношениях между населением и властью. Эти веяния времени и в самих партиях стимулируют тенденции децентрализации и усиления роли местных организаций, способствуют ослаблению требований к партийной дисциплине, обуславливают расширение связей с разнообразными неформальными объединениями граждан, различными структурами гражданского общества.

9.2.6. Рост роли групп интересов

Поскольку диалектика общественного развития такова, что решение экономических вопросов приобретает политический характер, а решение политических вопросов — характер экономический, грани между политической и экономической элитой начинают размываться. Аналогичным образом сближаются экономическая и бюрократическая элиты. В зависимости от степени милитаризации общественной жизни можно говорить о роли и влиянии военной элиты. Все это заставляет людей, далеких от политики, активно участвовать в политическом процессе, но не на профессиональной основе. Обстоятельства текущего момента заставляют их создавать новые или участвовать в работе уже существующих групп интересов.

В последние два десятилетия сдвиги в общественно-политической жизни способствовали определенным изменениям в отношениях между заинтересованными группами и политическими партиями. Так, ослабление партийной приверженности сопровождается тенденцией к повороту людей в сторону заинтересованных групп, рост которых ускорился в такой степени, что некоторые политические наблюдатели высказывают серьезные опасения, как бы заинтересованные группы не взяли на себя отдельные важные функции партий, а в недалеком будущем не пришли бы на смену партиям. Подтверждая этот тезис, наиболее влиятельные заинтересованные группы создали собственные комитеты политического действия, роль которых в политической жизни все больше возрастает. В настоящее время число таких комитетов только в США перевалило за 4 тыс.

Имеет место тенденция к увеличению фрагментации партийных систем, расширению спектра партийно-политических альтернатив, возрастанию влияния новых социальных движений и экологических партий, которые в совокупности создают серьезные проблемы для «укоренившихся» партий.

В последнее время появились утверждения публицистов и политиков о «необходимости» партий, на смену которым якобы приходят «широкие социальные движения». При этом значение указанных тенденций не следует преувеличивать. Анализ реального положения показывает, что политические партии пока сохраняют

свою роль главного инструмента реализации политических функций, особенно роль центрального элемента избирательного процесса. Хотя власть и влияние партий уменьшились, было бы преждевременно делать вывод о драматическом развале последних, поскольку отток от них избирателей выступает пока как наметившаяся тенденция. У партий есть реальные возможности совершенствоваться в качестве посредника между интересами различных социальных слоев и политической системой общества.

§ 3. МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Вторым по роли и значению (после государства) актором международных отношений являются международные организации (МО). Международные организации, дополнив традиционные договорные связи между государствами связями организационными, стали новой, более качественной и универсальной основой межгосударственного сотрудничества, неотъемлемым атрибутом цивилизованных взаимоотношений суверенных стран.

Международные организации олицетворяют собой относительно новый феномен межгосударственного сотрудничества. Они дополнили такие международно-правовые формы общения государств, как договорная практика и международные конференции, возникшие задолго до появления первых международных организаций, но в современный период оказавшиеся недостаточными, чтобы в полной мере реализовать разнообразные устремления государств, обеспечить достижение ими своих целей на международной арене.

Межправительственные организации являются одним из трех важнейших институтов, с помощью которых осуществляется международное сотрудничество суверенных государств. Речь в данном случае идет, помимо международных организаций, также о международных конференциях, комиссиях и комитетах, применительно к которым в международно-правовой литературе и практике часто используется единый термин — «международный орган». Появившись последними, вслед за международными конференциями (середина XVII в.), комиссиями и комитетами (первая половина XIX в.), международные организации стали качественно новым явлением как в международных отношениях, так и в международном праве. По сравнению с международными конференциями, комиссиями и комитетами международные организации представляют собой более сложную форму межгосударственного сотрудничества, посредством которой регулируются не только отношения между суверенными государствами как участниками организации, но и отношения с участием ее органов и персонала.

Международные организации стали той формой сотрудничества, которая позволила реально сочетать уважение суверенитета государств с необходимостью их взаимодействия в определенных сферах деятельности. На первых порах это касалось лишь областей, без международно-правового регулирования которых эффективное функционирование механизма межгосударственного сотрудничества было весьма затруднено (метрология, телеграф, почта, железнодорожный транспорт, метеороло-

гия и др.). В последующем, в условиях развития научно-технического прогресса, диверсификации и усложнения мирохозяйственных связей, расширение сферы применения института международных организаций оказалось поистине неизбежным. В подтверждение этому можно привести следующие цифры: если на рубеже XIX–XX вв. насчитывалось не более 20 международных межправительственных организаций, то в настоящее время количество таких уже превышает 500.

9.3.1. История создания международных межправительственных организаций

9.3.1.1. Предшественники ММПО

Первые международные организации (МО) появились в XIX в. Это была Центральная комиссия по судоходству на Рейне, возникшая в 1815 г., Всемирный телеграфный союз (1865) и Всеобщий почтовый союз (1874). Первые МО создавались в сфере экономики, транспорта, культуры, социальных интересов государств и по своим целям были направлены на совместное трансграничное сотрудничество в неполитической области.

Число таких организаций, или, как их тогда называли, международных административных союзов, возросло к началу XX в. К ним относились комиссии по здравоохранению, по борьбе с наводнениями, транспортный союз и др. Возрастающая индустриализация требовала совместного управления в области химии, электрификации и транспорта, вызывая тем самым необходимость создания новых МО. Трансграничный поток товаров, услуг, информации и людей привел к тому, что в начале XX в. сформировалась квазиглобальная, евроцентристская по своей сущности система мирового хозяйства. Важную роль в управлении этой системой играли МО.

Международно-правовая доктрина прогнозировала появление международных организаций задолго до их реального возникновения. И тем не менее первые межправительственные организации были созданы лишь во второй половине XIX в., когда сложились необходимые предпосылки:

- международное сообщество было разделено на достаточно большое количество суверенных стран;
- появилась реальная возможность контактов между различными государствами и их взаимодействия на международной арене;
- государства все отчетливее представляли те проблемы, которые они не в состоянии были решить исключительно на основе договорного двухстороннего сотрудничества;
- подавляющее большинство стран наконец признало необходимость создания международного учреждения для организации и регулирования их взаимоотношений.

9.3.1.2. Лига наций

Следующим важным этапом в развитии МО стала деятельность Лиги наций, созданной в 1919 г. Лига имела два существенных отличия от своих предшественников:

- 1) она была создана на основе международно признанного акта — статута Лиги наций;
- 2) строилась на принципах коллективной безопасности.

Лига наций обязана своим существованием в первую очередь частной инициативе. Вскоре после того как разразилась Первая мировая война, в Англии под председательством Брайса образовалась группа лиц с целью выработки проекта Лиги для упразднения войны. Эта группа в феврале 1915 г. опубликовала свои Предложения об упразднении войны с вступительной статьей Брайса. Текст этих предложений был разослан на отзыв ряду международников, и в 1917 г. та же группа опубликовала окончательный результат своей работы в брошюре, составленной Брайсом и другими и озаглавленной «Предложения о предупреждении будущих войн». Движение, начатое так называемым комитетом Брайса, привело к основанию в 1915 г. Общества Лиги наций. Аналогичное движение возникло в США, где в июне 1915 г. была основана под председательством бывшего президента В. Тафта Лига по укреплению мира.

На мирной конференции был рассмотрен ряд проектов, и 28 апреля 1919 г. устав Лиги был окончательно принят. Он составил «Часть первую» мирных договоров с Германией, Австрией, Венгрией и Болгарией.

Эта формальная связь Устава с отдельным мирным договором впоследствии подверглась критике, и в сентябре 1938 г. XIX Ассамблея Лиги приняла резолюцию, рекомендующую ратификацию протокола об изменениях различных статей Устава в целях выделения его из мирных договоров.

Созданная для того, чтобы предотвратить новую мировую войну, Лига наций, однако, потерпела неудачу, поскольку принцип коллективной безопасности не нашел своего применения. Из организации, которая должна была содействовать коллективной безопасности, разоружению, мирному урегулированию конфликтов и уважению международного права, она превратилась, по выражению современного британского исследователя К. Арчера [5], «в пустую скорлупу», которую игнорировали страны, не желавшие проводить политику вне сферы своих интересов или что-то терять из-за Статута Лиги».

Лига наций не проявила воли и желания, чтобы не допустить в свой состав такие «ревизионистские державы», как Германия и СССР, хотя последние ставили под сомнение территориально-политический статус-кво в Европе. Это произошло потому, что принцип коллективной безопасности не был реализован так же, как проблемы разоружения, мирного урегулирования конфликтов, обеспечения уважения к международному праву и т. д. Но самый большой недостаток Лиги наций состоял в ее военно-политическом бессилии, вызванном отсутствием механизма санкций.

Оценки ее со стороны исследователей политики имеют весьма широкий диапазон: от «пустой скорлупы» до «великого эксперимента». Как ни парадоксально, но обе эти оценки имеют право на жизнь. Дело в том, что за 20 лет своего активного существования (1919—1939 гг.) формально распущенная в 1946 г. Лига наций являлась важным звеном, соединявшим МО и механизмы сотрудничества в годы первой мировой войны с более централизованными и систематизированными формами сотрудничества глобального масштаба, каковыми являлись органы и организации системы Лиги наций. В эту систему входили институты в сфере между-

народной безопасности, экономического и социального сотрудничества. Благодаря созданным Лигой наций институциональным формам международного сотрудничества обеспечивалась более надежная опора для будущей ООН. Фактор времени как всегда — лучший судья. Сравнивая сегодня, с высоты нового века, устав ООН со статутом Лиги наций, необходимо признать, что первый оказался значительно более влиятельным инструментом поддержания международного мира и безопасности, а также развития сотрудничества в неполитической сфере. Важно, что отрицательный опыт Лиги наций был учтен создателями ООН. Именно поэтому ООН во второй половине XX в. смогла занять центральное место в системе МО, координируя деятельность как правительственных, так и неправительственных международных организаций.

9.3.1.3. Учреждение Организации Объединенных Наций

На протяжении Второй мировой войны учреждение всеобщей организации государств с целью поддержания мира и развития международного сотрудничества и управления рассматривалось в качестве одной из главнейших задач послевоенного международного политического процесса. При этом существовало расхождение во мнениях по вопросу о том, должна ли будущая международная организация явиться продолжением Лиги наций, естественно, соответствующим образом усиленной, или она должна принять форму органического объединения на федеральной основе, или же, наконец, ее структура должна быть определена исходя из сочетания уроков опыта и требований, диктуемых международным положением на исходе войны.

События предопределили принятие последнего варианта решения вопроса. В ст. 4 Московской декларации от 1 ноября 1943 г. СССР, Великобритания, США и Китай признали необходимым учредить в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть любые государства: большие и малые.

В соответствии с означенной декларацией в августе-сентябре 1944 г. в Думбартон-Окс (Вашингтон) велись переговоры между представителями СССР, Великобритании и США. Впоследствии в этих переговорах приняли участие также и представители Китая. Результатом этих переговоров явился документ, содержащий предложения об образовании всеобщей международной организации. Эти предложения вместе с правилами голосования, впоследствии принятыми на Ялтинской конференции, были положены в основу обсуждения на конференции, происходившей в Сан-Франциско с 25 апреля по 26 июня 1945 г. В конференции приняли участие представители пятидесяти стран, в том числе Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Франции.

Обсуждение на конференции в Сан-Франциско привело к единогласному безоговорочному принятию 26 июня 1945 г. устава Организации Объединенных Наций. Наименование «Объединенные Нации» было предложено президентом Рузвельтом и принято Декларацией от 1 января 1942 года. В ней подписавшиеся стороны приняли на себя обязательство предоставить имеющиеся в их распоряжении средства для достижения общей победы и присоединились к целям и принципам,

воплощенным в Атлантической хартии. К моменту открытия конференции в Сан-Франциско Декларация была подписана 47 государствами. В тот же день было подписано соглашение об учреждении Подготовительной комиссии Организации Объединенных Наций, состоявшей из представителей государств, принимавших участие в конференции в Сан-Франциско. Главной задачей комиссии было принятие мер временного характера по подготовке первой сессии Генеральной Ассамблеи и по организации Совета Безопасности, Социального и Экономического совета и Совета по опеке, а также по созыву Международного суда. Генеральная Ассамблея открылась в Лондоне 10 января 1946 г., положив в основу своей работы обстоятельный доклад Подготовительной комиссии относительно Организации Объединенных Наций, а также о принятии ею функций Лиги наций.

Время показало, что Устав ООН оказался значительно более эффективным и влиятельным инструментом поддержания международного мира и безопасности, а также развития сотрудничества в неполитической сфере, чем Статут Лиги наций. Во второй половине XX в. ООН смогла занять центральное место в системе МО, координируя деятельность как правительственных, так и неправительственных МО. Возникла система ООН с обширной сетью специализированных учреждений.

Деятельность ООН и других МО проходила в определенной международной атмосфере, которая в значительной мере предопределяла их успехи и неудачи. В 1945—1990 гг. ООН развивалась под определяющим влиянием двух важнейших факторов послевоенной системы международных отношений. Первый из них — «холодная война» между Востоком и Западом, второй — нарастающий конфликт между экономически развитым Севером и отсталым и бедным Югом. В этом плане история ООН и других МО является отражением развития послевоенного мира. Известный английский дипломат Д. Глэдвин, работа которого долгое время была связана с ООН, писал в 1953 г.: «Объединенные Нации — это зеркало, которое отражает мир вокруг них, и если это отражение ужасное, то в этом нельзя винить Организацию» [85].

На рубеже веков мир, в котором действует ООН, принципиально изменился. С одной стороны, после окончания «холодной войны» функции международных организаций объективно расширились, потенциально повысилась их способность к урегулированию международных конфликтов и решению глобальных проблем. Вместе с тем на подходе к важнейшему историческому этапу ООН не оправдала завышенных ожиданий и надежд, которые на нее возлагались в связи с новым политическим климатом в Европе и во всем мире. Если говорить о сфере международной безопасности — этой важнейшей области межгосударственного взаимодействия, то, к сожалению, национальный эгоизм государств и сейчас превалирует над межгосударственным сотрудничеством.

9.3.2. Особенности и функции ММПО

МО не существуют в политическом вакууме. Они являются частью мировой государственно-центристской системы, и их институциональные формы и деятельность отражают национальные интересы. История быстрого роста МО после Второй мировой войны демонстрирует то, как они тесно связаны с жизнью современного индустриального общества и экспансией западной международной системы на весь мир.

9.3.2.1. Роль ММПО, их особенности и возможности

Международные межправительственные организации, оставаясь производными субъектами международного права, тем не менее, наряду с суверенными странами, являются главными действующими лицами на международной арене. Вместе с тем ММПО как субъекты международного права не тождественны государствам, их создавшим.

Следует отметить, что на первоначальной стадии своего возникновения институт международных организаций рассматривался прежде всего как более совершенная, нежели национальные государства, форма организации мирового сообщества, как своего рода панацея от государственного «эгоизма». Более того, и в наши дни этот механизм межгосударственного сотрудничества, именуемый «организационно-правовым», действительно обладает рядом преимуществ по сравнению с иными международно-правовыми формами общения государств, так как он обеспечивает возможность:

- сотрудничества между весьма значительным количеством стран (например, число государств — членов ООН на сегодняшний день более 190);
- сотрудничества самой организации с государствами-членами на постоянной, систематической основе;
- сотрудничества сразу во многих сферах деятельности (особенно наглядно это проявляется в рамках многофункциональных межправительственных организаций, например ООН);
- осуществления организацией контроля за выполнением государствами международных соглашений, принятых в рамках (под эгидой) данной международной организации (например, в таких сферах, как права человека, разоружение, экономическое сотрудничество и др.).

Современные международные организации, учитывая их полуторовековую эволюцию, естественно весьма далеко ушли от своих предшественников, международных административных союзов, и существенно отличаются от них как по характеру и объему правосубъектности, компетенции, организационной структуре, функциям, так и с точки зрения их места и роли в существующей системе международных отношений. Именно в рамках ММПО наиболее наглядно проявляются современные интеграционные тенденции (как, например, в рамках ЕС, СНГ). Более того, некоторые важнейшие международно-правовые документы непосредственно посвящены различным аспектам деятельности межправительственных организаций (Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г., Конвенция о привилегиях и иммунитетах ООН 1946 г., Конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера 1975 г. и др.).

Международные организации имеют собственную волю и объем полномочий, необходимых для выполнения своих функций. Они могут заключать международные договоры, приобретать движимое и недвижимое имущество и распоряжаться им, пользуются в государствах привилегиями и иммунитетами, близкими по своему характеру и объему дипломатическим, обладают правом представительства (как активного, так и пассивного), могут возбуждать дела в судах. В случае нару-

шения международно-правовых норм или возложенных на них международных обязательств, а также при причинении ущерба другим субъектам (государствам, иным международным организациям) ММПО несут международно-правовую ответственность.

Своеобразие современным межправительственным организациям придает и существующий в рамках ММПО институт международной ответственности. Речь идет о реальной возможности применения санкций со стороны международной организации к государствам-членам, нарушающим международно-правовые нормы либо возложенные на них в соответствии с уставом обязательства. Следует также отметить, что санкции международных организаций могут применяться к государствам за нарушение как материальных, так и процессуальных международно-правовых норм. В первом случае санкции могут выражаться в приостановлении права голоса, технической помощи, членства и даже исключении из организации. В случае нарушения процессуальных норм (внутренних правил процедуры ММПО) виновные в этом государства могут быть лишены права голоса и права на подписание заключительного акта, их представителям может быть сделано замечание, а также ограничено время выступления при обсуждении тех или иных вопросов.

9.3.2.2. Функции и структура ММПО

Правовое положение современных межправительственных организаций отличается значительным разнообразием выполняемых ими функций. К числу таких можно отнести информационную, кодификационную, оперативную, регулируемую, контрольную, нормотворческую функции. Особое значение имеет также и такая функция ММПО, как поддержание международного мира и безопасности, осуществляемая в универсальном масштабе (ООН) и на региональном уровне (ОБСЕ, НАТО, СНГ и др.).

Еще одна отличительная особенность современных межправительственных организаций — существенное расширение сферы их компетенции. При этом общепризнанным на сегодняшний день является лишь то, что компетенция международной организации носит специальный характер, ибо определяется необходимостью осуществления ее функций и достижения поставленных при ее учреждении целей. Традиционно выделяют два основных вида компетенций, которые присущи ММПО и всегда зафиксированы в ее уставе: *предметная* (круг вопросов, которыми занимается организация) и *юрисдикционная* (юридическая сила решений, принимаемых международной организацией по вопросам предметной компетенции).

Между тем все большую поддержку в среде ученых и специалистов получает точка зрения, согласно которой межправительственной организации могут быть присущи и иные виды компетенции, которые прямо не предусмотрены в ее уставе, но вытекают из природы и целей самой организации (так называемая *«имманентная»* компетенция) либо же исходят из толкования отдельных положений ее устава (так называемая *«подразумеваемая»* компетенция).

Характерной тенденцией последнего времени является значительное усложнение организационной структуры межправительственных организаций. В отличие от своих предшественниц, располагавших одним или максимум двумя органами,

современные ММПО достаточно часто имеют четыре и более самостоятельных организационных звена, это:

- *главные* (высшие) органы (ассамблея, генеральная ассамблея и т. п.), к компетенции которых относится принятие решений по наиболее важным вопросам деятельности международной организации;
- *исполнительные* органы (совет, исполнительный совет, директорат, исполнительный комитет и т. п.), отвечающие за принятие оперативных решений;
- *административные* органы (секретариат), занимающиеся обслуживанием деятельности главных и исполнительных органов ММПО;
- *вспомогательные* органы (комиссии, комитеты, подкомитеты и т. п.), учреждаемые, как правило, для предварительной проработки и изучения тех или иных вопросов.

Некоторые межправительственные организации имеют в своем составе судебные органы (международные суды, трибуналы и т. п.), занимающиеся разрешением споров с участием государств — членов международной организации, третьих стран, а в некоторых случаях и с участием персонала ММПО.

9.3.3. Разновидности ММПО

9.3.3.1. Характеристика и тенденции развития международной системы

В 1648 г. на международном конгрессе был установлен Вестфальский мировой порядок, действующий уже несколько столетий. Именно тогда были определены главенствующие позиции суверенных государств и межгосударственных отношений в мировой политике.

В политической сфере предшественники первых МО появились после Венского конгресса 1815 г., когда сформировался так называемый Европейский концерн, или пентархия, состоящий из пяти великих держав: Англии, Пруссии, России, Австрии и Франции. Эту организацию можно было рассматривать как прообраз МО в сфере безопасности, претендующую на руководящую роль в европейских делах. Концерн представлял собой систему конгрессов и конференций, где решались вопросы урегулирования и разрешения международных кризисов и конфликтов. Основным принципом деятельности Европейского концерна был принцип равновесия.

Международная система периода «холодной войны», или Ялтинско-Потсдамская система, существовавшая в 1945—1990 гг., канула в Лету. В течение нескольких лет (конец 1980-х — начало 1990-х гг.) произошли такие события всемирно-исторического значения, как прекращение конфронтации между Востоком и Западом, распад социалистического лагеря, дезинтеграция СССР, появление на Евразийском материке десятков новых независимых государств. За несколько лет количество и качество акторов международной системы, модели их отношений и правила поведения испытали более глубокие изменения, чем на протяжении десятилетий «холодной войны».

В начале третьего тысячелетия система международных отношений, или, как ее принято называть в западной литературе, международная система, вступает в

качественно новую фазу своего развития. Ее воздействие на современный мир можно характеризовать как революционное. Мир на исходе XX в. характеризуется в большей степени беспорядком, чем порядком; конфликтами, а не стратегией их урегулирования. Как отмечал немецкий автор В. Войке, международная система на рубеже столетий имеет характер «мирового переходного общества» [85].

Существующая в 2007 г. структура международных организаций в основном отражает реалии 1945 г., и следовательно, открытого противостояния западной и российской социокультурных систем (СКС), хотя жесткое противостояние (в его прежних формах) ушло в прошлое. Следовательно, радикальное изменение структуры международных организаций логично и фактически неизбежно. Это определяется и тем, что все остальные СКС, за исключением варварско-кочевой, предъявили свои права на самостоятельность и активное участие в международных делах. Назревшее драматическое изменение международных организаций может пойти и по пути потери существующими организациями своей дееспособности при их формальном сохранении и возникновении новых организаций. При этом не обязательно восстановление структуры организаций, аналогичной современной, в будущем. Структура организаций повторяется редко. У всех СКС есть свои развитые внутренние организации, адекватные соответствующим СКС. Они могут казаться неуместными за пределами СКС, но они созданы под определенный вид организации реальности (под конкретные социокультурные системы, находящиеся на конкретных этапах и периодах внутренней эволюции).

Международные организации наиболее эффективны в том случае, когда за ними стоят фундаментальные социокультурные тенденции. Как правило, наиболее дееспособные международные организации связаны с СКС определенных стратегически важных для них регионов. В том случае, если этот регион находится в буферной зоне, то достигается наиболее впечатляющий результат. Когда нужно вести его социокультурную переработку, это дает идеальный вариант дееспособности международной организации. Такого рода организации обычно не существуют долгое время. Они на это и не ориентированы, т. к. служат совершенно иным задачам. Интересна история международных организаций, созданных СССР совместно с государствами европейской буферной зоны после 1945 года. СЭВ, Варшавский договор и некоторые другие организации, созданные для реализации идей построения социализма в сопредельных СССР странах, были в высшей степени эффективны. Они стали проводником социокультурных преобразований буферных зон, сопредельных российской СКС. К концу 1980-х гг. эти организации утратили смысл и развалились. Но это произошло только потому, что они решили свои задачи. Международная и реально дееспособная организация не может быть долговечной. Во всяком случае, часто такого рода организации существуют непродолжительное время.

В связи с теорией международных систем предполагается развитие ряда тенденций (трендов):

- **национальные государства по-прежнему останутся главными акторами политического процесса.** Сегодня их число возросло до 200, увеличившись почти в 4 раза по сравнению с 51 государством — первоначальными членами ООН. На основе принципа территориального суверенитета политическая власть сохраняется за отдельными государствами, которые продолжают оставаться первич-

ными субъектами международного права. Однако их способность разрешения возрастающего количества глобальных проблем уменьшается. Крах теории и практики «реального социализма» на огромных просторах Европы и Азии привел к тому, что коммунистическую утопию сменила концепция создания государства-нации. Идея нации, национального строительства служит особенно в новых государствах Центральной и Восточной Европы объектом идентификации для обществ, которые в течение четырех или семи десятилетий находились под гнетом тоталитаризма. Национализм играет в этих обществах роль конструктивной силы;

- **возрастание количества МО**, как межправительственных (ММПО), так и неправительственных (МНПО). В 1960 г. в мире насчитывалось 154 ММПО и 1 268 МНПО, в 1996 г. их количество увеличилось соответственно до 224 и 12 961 единиц. МО создают особую форму управления международной системой, которая необходима в связи с возрастающей взаимозависимостью и переплетением интересов государств в политической, экономической и социальной областях. МО формируют институциональные рамки трансграничного политического процесса, в котором участвуют государственные и/или негосударственные акторы из многочисленных государств и сообществ. В целом ММПО берут на себя определенные функции управления в политической сфере, которые уже не могут целиком и полностью взять на себя государства. МНПО являются субъектами международного права, хотя вторичными и производными, поскольку создаются государствами — первичными субъектами международного права. МНПО являются институтами международного частного права;
- в течение последних трех десятилетий происходит процесс **глобализации** международной политики и трансграничного переплетения различных проблем. Глобализация означает активизацию трансграничного взаимодействия в области экономики, технологии, коммуникации, науки и транспорта. Она втягивает, хотя и с разной степенью глубины, почти все государства, общества, организации, группы акторов и индивидов в комплексную систему взаимозависимости. Концепция нового политического мышления, с которой выступил руководитель СССР М. С. Горбачев в конце 1980-х гг., базировалась на идее взаимозависимого и противоречивого мира, функционирующего на принципах сотрудничества. Новое качество взаимозависимости не только затрудняет государственные попытки управления транснациональными процессами, но и требует их международного регулирования. Глобализация сопровождается мировым переплетением рисков и опасностей; например экологических, миграционных, распространения оружия массового поражения, преступности, торговли наркотиками и др.;
- противоречивость международной системы проявляется в параллельных с глобализацией процессах **децентрализации, регионализации и многополярности**. Конфигурация конфликта Восток—Запад, с его биполярностью, уже не является структурно определяющей для международной системы. Формируются новые региональные силовые центры. Многополярность проявляется в подъеме Японии и Германии, а также Китая и Бразилии как наиболее значительных региональных держав. Региональные группировки и МО («большая восьмерка», Европейский союз, НАФТА, Организация Исламская конференция, АСЕАН

и др.) становятся вместе с государствами ведущими акторами в международной системе;

- **перемещение центра конфронтации в международной системе с отношений Восток—Запад на ось Север—Юг.** Конфликт между, упрощенно говоря, богатым Севером и бедным Югом основывается на совершенно разных политических, экономических и культурных возможностях развития индустриальных и развивающихся стран. Происходит процесс дифференциации внутри «группы 77», объединяющей более 120 развивающихся стран. В ней выделяется небольшая по количеству горстка довольно богатых и развитых государств, принадлежащих к ОПЕК и к так называемым «новым индустриальным странам». С другой стороны, увеличивается разрыв между развитыми и развивающимися, между богатыми и бедными странами. Нарастание напряженности по оси Север—Юг после окончания «холодной войны» во многом вызвано цивилизационными факторами, о которых говорит известный американский политолог С. Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций» [93];
- завершение конфликта Восток—Запад привело к драматическому повороту в содержании и измерении понятия «**сила**». Классические признаки «силы» (размеры территории и количество населения государства, его геополитическое положение, численность вооруженных сил и др.) и территориального суверенитета государства уже во многих отношениях утратили свое значение. Западная политическая мысль ввела в научный оборот понятия «осязаемая сила» и «неосязаемая сила». Категория «осязаемая сила» включает в себя вышеупомянутые традиционные признаки «силы». Категория «неосязаемая сила» состоит из таких, казалось бы, невидимых и неощутимых на первый взгляд признаков мощи государства, как научно-технологическая база, промышленный и финансовый потенциал экономики, валюта, человеческий капитал, гарантии социальной безопасности, мобилизационная способность населения защищать политический и социальный строй государства. Эти новые измерения «силы» все значительнее определяют место, статус и мощь государства;
- мировая система сталкивается, по словам В. Войке [85], с «**одновременностью разновидностей**». Если говорить более понятным языком, то речь идет об одновременном существовании и наложении друг на друга таких фундаментальных понятий, как историческая эпоха и социальное пространство. В пока еще недостаточно определенных и созревших условиях «мирового переходного общества» происходит, с одной стороны, децентрализация и регионализация межгосударственных конфликтов, с другой стороны — переплетение межгосударственных военных и внутригосударственных социально-политических конфликтов. В то время как мир индустриально развитых стран евро-атлантического пространства, объединенный в Организацию экономического сотрудничества и развития, стал более стабильным и безопасным в результате преодоления конфликта Восток—Запад, резко возросли нестабильность и волнения в других регионах мира. Для международной системы характерны параллельность процессов глобализации и сохранения локальных сообществ, переплетения и дифференциации, централизации, фрагментации и децентрализации, сближения и отчуждения, независимости и взаимозависимости в международных отношениях.

Подытоживая характеристику современной международной системы, следует подчеркнуть, что она имеет переходный характер, соединяя в себе существенные черты Вестфальского международного порядка и нового мирового порядка, который находится в процессе формирования. Пробным камнем новых подходов является «косовский кризис». Национальные государства и ММПО продолжают оставаться главными акторами международной системы. Вместе с тем увеличивается роль и влияние на мировую политику и экономику негосударственных акторов, прежде всего МНПО и ТНК.

Новыми существенными факторами международной системы являются окончание «холодной войны», прекращение биполярности, превращение США в единственную сверхдержаву и мировая террористическая угроза. К этому необходимо добавить сформировавшиеся и уже проявившие себя в годы «холодной войны» процессы научно-технологической и информационной революций, глобализации, усиления конфликта по оси Север—Юг. После прекращения конфликта Восток—Запад эти факторы приобрели новое измерение и динамику.

9.3.3.2. Конфедерации

Уместно повториться, говоря о тенденциях развития, о таком перспективном объединении государств на договорной основе, как *конфедерация*.

Форма конфедерации в различных ее вариациях получает сейчас повсеместное распространение. Автору представляется, что это магистральный путь развития международного политического процесса на ближайшую и отдаленную перспективу. Идея национального государства по-прежнему весьма популярна в обществе и среди политиков, однако в современных условиях возможности национального государства активно влиять на международную жизнь постоянно сокращаются. Все это подталкивает правительства и правящие элиты к международной кооперации, и в том числе в виде конфедераций. Бывшие республики СССР, расположенные на европейском континенте, тяготеют к европейской конфедерации (ЕЭС), а азиатские неизбежно окажутся вовлеченными либо в орбиту (конфедерацию) России, либо Китая, а возможно, и их коалиции.

9.3.3.3. Содружество

Более аморфным организационным объединением, чем конфедерация, является содружество. В его основе, как и в основе конфедерации, может лежать межгосударственный договор, устав, декларация, иные юридические акты. Типичный образец такого образования Британское содружество. В некоторых его членах главой государства считается британский монарх, представленный генерал-губернатором (например, в Австралии, Канаде, Ямайке), хотя во многих других государствах имеются собственные президенты (Индия, Кения и др.).

Еще менее сплоченным союзом является СНГ, в состав которого наряду с Россией входит 11 государств — бывших республик СССР (кроме прибалтийских), а также Содружество пяти государств (Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и России). Они создают общие органы, решения которых по некоторым вопросам могут иметь обязывающий характер (однако на практике это не осуществляется).

Межгосударственные образования знают и такую форму, как сообщество государств. В основе сообщества, как правило, лежит межгосударственный договор. Сообщество является еще одной своеобразной переходной формой к государственной организации общества. Оно в большинстве случаев усиливает интеграционные связи государств, входящих в сообщество, и эволюционирует в сторону конфедеративного объединения. Примером такого объединения является созданное в 1996 г. Сообщество Белоруссии и России.

Содружество государств также перспективное организационное объединение межгосударственного взаимодействия. Гибкое по своей форме и разнообразное по сути, оно эффективно при совместном использовании государствами общего природного ресурса, трудно поддающегося четкому делению. Вполне возможным представляется создание Каспийского содружества, куда бы могли войти бывшие советские республики и Иран. Цена вопроса — нефтяные залежи Каспия и уникальные биоресурсы. Препятствием на пути создания международной организации является позиция Ирана, настаивающего на неэквивалентном разделе акватории моря.

В ближайшей перспективе подобная проблема возникнет по поводу раздела шельфа и территориальных вод Арктики между государствами, окружающими этот регион. Интерес к региону также обусловлен наличием богатейших запасов нефти на шельфе Северного ледовитого океана. Камнем преткновения являются претензии Норвегии на превалярующий сегмент региона.

9.3.3.4. Союзы

Следующим видом межгосударственных объединений являются политические, военно-политические, экологические и прочие союзы, коалиции, блоки регионального масштаба. В их основе — совпадающие интересы и цели государств-участников, стремление использовать соединенную, совокупную силу и ресурсы для достижения своих целей. Примером таких объединений может служить Североатлантический блок (НАТО), Организация африканского единства, Организация американских государств и др. В качестве глобального союза выступает Организация Объединенных Наций (ООН). В свою очередь на ее базе или под ее покровительством созданы и функционируют многие другие организации, включающие правительственные учреждения специализированных ведомств, например, культуры — ЮНЕСКО. Постепенно создается новая система международных институтов, призванная на основе согласия обеспечить коллективную безопасность стран мира (например, Совет Европы).

Цели, преследуемые ООН, исчерпывающим образом изложены в преамбуле и в первой статье Устава. Задачей Объединенных Наций, в формулировке Устава, является поддержание международного мира и безопасности. Задача эта должна решаться 2 способами: негативно — путем предупреждения и подавления нарушений мира и угроз таких нарушений; и позитивно — путем содействия созданию условий, благоприятствующих сохранению и поддержанию мира. Такое сочетание позитивных и негативных функций Организации является постоянной чертой Устава. Так, в ст. 1 Устава говорится, что Организация Объединенных Наций имеет следующие цели:

- а) принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угроз миру и подавления актов агрессии;
- б) проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира;
- в) развивать дружественные отношения между государствами на основе соблюдения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира.

Эти важнейшие задачи решаются организацией путем содействия развитию международного сотрудничества в деле разрешения международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера, а также поощрения и развития уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии. Наконец, задачей ООН является быть центром для согласования действий наций в достижении названных общих целей.

Международные организации в реальности не способны предотвращать международные конфликты между различными социокультурными системами (СКС). Никогда не было и, вероятно, не будет такой международной организации, которая бы заставила одну или более СКС совершить нечто такое, что не соответствует их внутренней логике. Международные организации способны только поддерживать определенный порядок, установленный в соответствии с некоторыми стандартами в прошлом. Такой порядок всегда отражает интересы определенного социокультурного образования. Чаще всего это паритетные отношения между двумя или более СКС. Международные организации в высшей степени тенденциозны. Они не нейтральны относительно СКС. Этим и определяется отношение международных организаций к международным конфликтам. Можно сказать, что международные организации есть своего рода латентная форма между прошлыми и будущими конфликтами СКС, отражающая итоги разрешения прошлого конфликта.

Мусульманская СКС не является особенно активной на международной арене и не особенно стремится к вмешательству в дела иных социокультурных образований, но имеет хорошо развитую структуру внутренних организаций, которая покрывает значительную часть территории мусульманской СКС и создает ей реальное единство. Единство и целостность мусульманской СКС держится не только на религии, формирующей определенное братство ее сторонников, но и на сети международных и очень разнообразных организаций. Они малозаметны со стороны иных СКС, поскольку в них категорически не допускаются немусульманские страны. Характерно, что все эти организации возникли после окончания Второй мировой войны. В особенности большое их количество возникло с конца 1960 гг. и в 1970-е гг. Такого рода динамика напрямую связана с особенностями эволюции мусульманской СКС.

Существующая структура мусульманских международных организаций в полной мере обеспечивает потребности этой СКС и позволяет ей эффективно обходиться без активного участия в ООН, что отчасти объясняет тот факт, что мусульманские страны в деятельности ООН представлены весьма слабо. И, вероятно, это один из примеров того, каким образом СКС, представленная большим количеством государств, может решать свои внутренние проблемы и регулировать отношения с иными социокультурными образованиями. Существующая структура меж-

дународных организаций мусульманской СКС делает ее самодостаточной и при этом позволяет сохранять активные связи с государствами иных СКС. Структура международных мусульманских организаций базируется не только на общности религии. Она эффективно обеспечивает экономическое взаимодействие на основе ряда международных банков и организаций. В отношениях мусульманских государств не работают западные принципы рыночной экономики. В частности, гораздо меньшую роль играют финансовые механизмы взаимодействия государств. Внутренние отношения мусульманских государств не измеряются только их богатством или бедностью. Эти организации дают возможность различным странам мусульманской СКС добиваться устойчивого и отвечающего стандартам данной СКС экономического развития. С точки зрения иных СКС, это может казаться курьезным, но оценка ведется только с позиций мусульманской СКС.

Существенным фактором, определяющим развитие института межправительственных организаций на современном этапе, является появление на международной арене ММПО, обладающих рядом уникальных особенностей. Речь идет и о так называемых межправительственных организациях с коммерческой функцией (ИНМАРСАТ, ИНТЕЛСАТ), цель создания и деятельности которых состоит не только в обеспечении межгосударственного сотрудничества в определенной сфере, но также в осуществлении самостоятельной хозяйственной деятельности, направленной на извлечение прибыли.

9.3.3.5. Пределы международных организаций

В научной литературе устоялось позитивное видение процесса международного регулирования, проводником и инструментом которого выступают МО. В частности, приверженцы функционализма считают, что глобализация и взаимозависимость ведут к интеграции международных структур управления. Либеральный институционализм связывает международный мир с экономическими и социальными институтами и объясняет бурный рост МО во второй половине XX в. социальными изменениями в мире. Сторонники критической теории полагают, что в будущем МО станут основными институциональными формами взаимодействия государств.

Вместе с тем практика показывает, что международные организации наименее эффективны при решении политических задач, связанных с конфликтами государств из различных социокультурных образований. Кроме того, чем больше представителей таких образований в международной организации, тем ниже ее эффективность. Порой ее активность — лишь театральное действие. Такие организации важны, но они не могут влиять на реальные процессы в социокультурных образованиях. Следует заметить, что эффективность международных организаций становится исключительно низкой в случае включения в их состав трех и более СКС.

Отсюда, помимо всего прочего, вытекает и простая рекомендация поведения. Для превращения международной, ранее дееспособной, организации в театральную нужно расширить состав ее участников за счет стран иной СКС. Например, все вступят в НАТО. Все вступят в ЕЭС. И так далее. В случае такого поведения возникает сложная коллизия. Если международная организация претендует на доминирование, то она должна быть готова к расширению своих рядов. А расширение ее рядов может стать причиной резкого снижения эффективности организа-

ции. Об этом свидетельствуют новые проблемы Единой Европы, вызванные приемом в нее Польши. В итоге, определяются различные периоды, в рамках которых одна и та же организация выполняет различные функции.

Включение государства в определенную международную организацию не влечет его автоматическую социокультурную переработку. Аналогично — исключение государства из определенной международной организации не ведет автоматически к изменению социокультурных процессов. Это процессы совершенно иного рода. Социокультурные и политические, а также геополитические процессы имеют принципиально различные области действия. В определенных случаях процессы могут совпадать. Такие МО становятся эффективными и дают образцы деятельного подхода. Но в большом количестве случаев нет прямой связи между политическими и социокультурными процессами. Более того, международная организация может реально терять свою дееспособность в случае включения в свои ряды страны иных социокультурных образований. Это затрудняет принятие решение и создает серьезные внутренние проблемы. Идея безмерного расширения международных организаций в пространстве есть нонсенс, т. к. категорически противоречит социокультурной эволюции.

Никакая, даже самая мощная международная организация не способна ничего реально сделать со слабым государством, если это противоречит социокультурным процессам данной территории. Международные организации эффективны только в той мере, в которой учитывают природу социокультурных процессов. В качестве примера можно привести НАТО. Организация в реальности аффективна до тех пор, пока она включает страны западной СКС и некоторые страны внешних буферных зон. Турция — это представитель малоазиатской внешней буферной зоны. Польша, Чехия, Венгрия — государства европейской буферной зоны. В таком варианте НАТО соответствует социокультурной ситуации в регионе. Но включение новых государств в состав МО приведет к реальному ослаблению. Организации погибают в силу внутренних причин.

Тезис относительной нейтральности включения государств в определенные международные организации и процессов социокультурного характера ярко проявляется в случае с государствами СНГ. Срок жизни международной организации во многом определяется эффективностью ее работы. Реальная эффективность работы часто может означать краткий период существования организации. Театральность организации в реальности может вести к тому, что она будет действовать весьма долгое время. Срок существования организации сам по себе ничего не говорит. Осмыслить его можно только в контексте социокультурной эволюции. Изолированное рассмотрение международных организаций только на основании критерия длительности их существования даст лишь случайный набор умозаключений и сомнительных корреляций. Все должно быть увязано с социокультурными процессами. С 1960-х гг. стали появляться международные организации, которые стояли в стороне от противостояния российской и западной СКС. Они включали самые различные страны различных социокультурных образований. Это стало итогом того, что в эволюции СКС прошли радикальные перемены. Время возникновения такого рода международных организаций (с 1960-х гг.) хорошо коррелирует с описанием социокультурных процессов на глобальном уровне. Характерной чертой такого рода организаций является мощная роль в них государств не запад-

ной и не российской СКС. Например, Индии и КНР. Это естественное проявление постепенной сепаратизации индусской и китайской СКС от прямого вмешательства в их дела извне.

Вместе с тем в мировой литературе о МО существует направление, которое критически оценивает их роль и возможности в международных отношениях. Оно учитывает неудачный опыт Лиги наций в обеспечении международного мира и тот факт, что ООН оказалась в значительной мере парализованной соперничеством двух сверхдержав в годы «холодной войны», а после ее окончания пока не может найти своего адекватного места в международной системе. Нельзя игнорировать и то, что ряд МО, созданных как военно-политические альянсы в годы конфронтации, затем распались (СЕНТО, или Багдадский пакт, СЕАТО, ОВД, а также СЭВ).

Одним из сторонников «критического направления» является Д. Галларотти (1997). Он претендует на первенство в раскрытии системной неспособности МО справляться с поставленными перед ними задачами [85].

Анализируя литературу о МО, Д. Галларотти заключает, что в ней наблюдается доминирующая тенденция рассматривать МО как структуры, полностью зависящие от международных отношений. Он предлагает вернуться к традиционной точке зрения и изучать МО как явление особого рода, отличное от международных отношений, над которыми МО надстроены. Автор отмечает, что в литературе недостаточно внимания уделяется последствиям деятельности МО, а в основном рассматривается их роль, цели и структура.

Ученый поддерживает «критическое направление», предлагающее ограничить сферу действия МО, а также децентрализовать международные отношения, в результате чего МО должны в большинстве случаев лишь создавать условия для международного сотрудничества. Но Д. Галларотти видит его главный недостаток в отсутствии системности как у «правых», так и у «левых». По его мнению, в настоящее время МО слишком разрослись, поэтому они приносят больше вреда, чем пользы. Причина этого кроется не столько в плохом управлении этими организациями, сколько в объективной закономерности.

Неудачи в деятельности МО, которые оказывают негативное или дестабилизирующее воздействие на международные отношения, Д. Галларотти разделяет на две группы: системные, которые заложены в сущности МО, и несистемные, вызванные конкретными ошибками в управлении или другими субъективными факторами.

Системные ошибки проявляются в четырех случаях:

- при попытках повлиять на сложные системы (в частности, неудачные попытки международного регулирования такой сложной системы, как фондовый рынок, привели к биржевому краху 1987 г.);
- когда решения МО уничтожают предпосылки и побудительные мотивы для государств искать долговременные решения международных проблем или когда эти решения подменяют собой ответственную внутреннюю или внешнюю политику государств. Примерами такого вредного замещения могут служить операции ООН по поддержанию мира, которые побуждают враждующие стороны не искать компромисса, а оставаться на своих позициях. Сюда же относится и помощь МО странам «третьего мира», привязанная к государственному планированию экономики, что отпугивает частных инвесторов. Продовольственная

помощь также дает возможность слаборазвитым странам оттягивать проведение собственных продовольственных программ;

- когда деятельность МО приводит к интенсификации международных конфликтов. Это происходит в случаях, когда МО служат орудием достижения определенными государствами и другими акторами своих эгоистических целей. Примерами является постановка Западом и СССР в ООН ряда региональных вопросов (например, о положении в Венгрии в 1956 г. и в Доминиканской Республике в 1965 г.), направленных на «унижение» противника. МО сами создают препятствия для разрешения конфликтов или в долгосрочном плане ведут к их интенсификации. Например, решения Совета Безопасности ООН 1948 г., подтверждающие право на самоопределение Кашмира, надолго вбили клин в индо-пакистанские отношения. МО, в частности ООН, иногда становятся источником дестабилизирующих договоров, тайных сговоров и даже сами встают на определенную сторону в конфликте. Например, сделку между арабскими и африканскими государствами южнее Сахары (1974 г.), когда арабы согласились лишить делегацию ЮАР права голоса в Генеральной Ассамблее в обмен на поддержку Организации освобождения Палестины, Д. Галларотти назвал «хищническим сговором»;
- МО также могут быть «субъективно-психологически» дестабилизирующим фактором в тех случаях, когда своими действиями смягчают последствия безответственного поведения государств. У последних в результате пропадают побудительные мотивы устранять источники трудностей. МО представляют своеобразную «страховку», которая позволяет государствам безрассудно относиться к тому, что они делают. Примером такого «страхования» является деятельность МАГАТЭ, которая боится от недостатка энергии посредством различных схем разделения ресурсов, ГАТТ/ВТО, которая боится от последствий внутренних экономических трудностей, или МВФ, обеспечивающего страховку от негативных воздействий на платежный баланс государства.

Процесс создания международных организаций не является непрерывно-равномерным. Имеет место скачкообразность в создании МО. За исключением некоторых организаций, решающих исключительно коммуникационные задачи, политически ориентированные организации возникают в короткие промежутки времени и обычно после драматических событий. Можно выделить следующие периоды: 1919—1920 гг. и 1945—1947 гг. Из международных ныне существующих организаций большая часть была создана именно в это время.

9.3.3.6. Негосударственные организации

Отличительной особенностью нынешнего этапа развития международных отношений является существенное увеличение количества и повышение роли так называемых неправительственных международных организаций (МНПО), создаваемых национальными общественными объединениями (организациями) и частными лицами с целью содействия международному сотрудничеству в самых разнообразных областях (политической, экономической, социальной, культурной, научно-технической и т. д.).

Долгое время в доктрине международного права господствовала точка зрения, что неправительственные организации не обладают качеством международной правосубъектности и, следовательно, не могут являться полноценными участниками международного общения. Но в настоящее время, в условиях неуклонного расширения объема полномочий МНПО во многих сферах международной жизни, такая позиция не соответствует реальному положению дел. Ибо:

- многие МНПО имеют соглашения с рядом межправительственных организаций о предоставлении консультативного статуса, предусматривающие наделение неправительственных организаций определенными правами и обязанностями в международном плане;
- значительное число ММПО оказывают материальную и техническую помощь МНПО, тем самым признавая их де-факто в качестве партнеров на международной арене;
- к неправительственным организациям в случае нарушения ими норм общего международного права могут применяться международно-правовые санкции.

Все это говорит о том, что налицо процесс становления международной правосубъектности неправительственных организаций. Свидетельством тому являются и транснациональные корпорации (ТНК), преобразующие все стороны человеческой деятельности, в том числе деятельность политическую, переводящие мировое сообщество в новую историческую эпоху.

В роли важных субъектов международных политических отношений выступают различные церкви мира, что объясняется усилением земного мессианского начала католического и некаатолического христианства, ислама и иудаизма, а также развитием экуменического движения. Социально-политические проблемы, являвшиеся ранее внешними для церкви, все более становятся ее внутренними проблемами.

В мировом политическом пространстве ныне действуют также общественно-политические международные организации типа партийных альянсов (например, Социалистический Интернационал), профсоюзных (например, Международная Организация Труда), научных, спортивных и прочих объединений, в той или иной степени оказывающих влияние на политическую жизнь.

Нельзя также пройти мимо теневых и преступных формирований, например наркокартелей, синдикатов по торговле оружием, донорскими органами, девушками для притонов и т. п. Особой по значению, роли и влиянию в этой группе является Алькайда, превратившая террор в повседневную мировую политическую реальность. Уровень и эффективность борьбы с международными преступными объединениями на сегодняшний день оценивается специалистами как минимально достаточная. Для ее совершенствования требуется координация государств в рамках ММПО.

9.3.4. Тенденции развития ММПО

9.3.4.1. Сценарии организации глобального регулирования

К настоящему времени в мировой политической мысли сформировалось несколько основных концепций по возможной организации глобального регулирования. Все они предполагают либо создание новых институтов, призванных наибо-

лее адекватно соответствовать современным глобальным процессам, либо эволюцию и трансформацию функций уже существующих международных организаций. К наиболее популярным концепциям относятся:

- *мировое правительство* (это старая футурологическая идея, исследованная еще И. Кантом, различным аспектам которой посвящено немало работ). Концепция «мирового правительства» представляет собой увеличенную модель национального государства, руководство которого решает текущие внутривнутриполитические вопросы уже не национальном, а на глобальном уровне;
- *трансформация существующей системы ООН*. Здесь есть два основных пути. Один — постепенное *повышение уровня легитимности* Совета Безопасности ООН и уровня его *эффективности* (на этом делал акцент еще Генеральный секретарь ООН К. Аннан). Другой вариант — более радикальный. В нем выделяют две составные части: превращение существующего Совета Безопасности ООН в *квазиправительство*, а Генеральной Ассамблеи ООН — в *квазипарламент*. Нужно отметить, что такая форма глобального управления находит больше сторонников, чем идея «мирового правительства» в чистом виде. Однако и ее отличает узкоэлитарный подход, который сводит все глобальное сообщество к жестким рамкам государства;
- *организация политического управления глобальным развитием*. Согласно этой концепции ведущие мировые политические акторы будут «подталкивать» глобализацию в нужное русло и решать возникающие проблемы узким кругом «игроков». Ими могут быть при различных раскладах либо доминирующая в мире супердержава, либо конгломерат великих держав, институционально оформленный в рамках группы «G-8» или же иной структуры;
- *установление корпоративного глобального управления*. В этом случае к коллективным усилиям ведущих государств по решению глобальных проблем и планированию глобального развития присоединятся и наиболее значимые частные акторы (крупнейшие транснациональные корпорации, международные неправительственные организации и др.);
- *формирование глобального сотрудничества*. В его рамках решение глобальных проблем не будет навязываться, но достигаться путем конструктивного и воплощаемого в жизнь диалога всех заинтересованных сил. Такая форма также предполагает формирование более справедливой системы глобального регулирования, свою сопричастность которой смогли бы ощущать как можно больше государств и иных акторов.

В то же время противоположный фактор, который может послужить стимулом для государств к формированию глобального управления, — это тенденция к наднациональности. В политической сфере эта тенденция усилилась после краха биполярности и окончания «холодной войны». В дискуссиях ученых и в программах политиков начали все чаще обосновываться утверждения о том, что окончание эры биполярного противостояния означает отказ как от Ялтинско-Потсдамского мирового порядка, закрепившего современную систему границ в Европе и сформировавшего ООН, так и от Вестфальской системы мира, основанной на примате суверенных государств. В результате концепция «растворения суверенитета», его эрозии сверху и снизу приобрела довольно большое распространение в мире, а пример Европейского Союза позволил ее сторонникам оперировать практически-

ми аргументами. Впрочем, ряд крупных государств (США, Китай, Индия, Россия) в своей политической практике не собирается следовать концепции «растворения суверенитета», поэтому европейский опыт следует переносить на глобальный уровень с достаточной степенью осторожности.

Тем не менее концепция *«растворения суверенитета»* завоевывает все большую популярность и в политической среде начинает преподноситься как *«самосбываемое пророчество»*, в значительной степени формируя тем самым направленность интеллектуальной мысли и политического действия во многих странах. И, как следствие этого, уже почти общепринятое восприятие неизбежности глобализации в сочетании с «растворением суверенитета» может создать в общественном мнении разных стран ощущение назревающих институциональных изменений и правовых подвижек на глобальном уровне, что в свою очередь может послужить стимулом к их практическому осуществлению.

Оценивая взаимодействие государств и глобальных структур, необходимо иметь в виду, что бюджеты (с той или иной долей расходов, направленных на социальные нужды), прямое налогообложение и легитимированные силовые структуры — вот несколько ключевых функций современного государства, которые определяют его самодостаточность и, в конечном счете, силой финансов и оружия обеспечивают его суверенность. В этой связи о глобальном управлении как о реальной форме осуществления власти можно будет говорить по большому счету только тогда, когда исполнение этих функций будет передано с государственного на наднациональный глобальный уровень.

Возможно ли это в среднесрочной перспективе? По существующей логике вещей — вряд ли, особенно если не экстраполировать опыт ЕС на весь мир в целом. В то же время, выдвинутая в кулуарах ООН концепция «новой глобальной архитектуры» не исключает такого перераспределения функций между государствами и глобальными институтами (прежде всего, в сфере социальной бюджетной политики). С другой стороны, все активнее звучащие голоса о создании собственных антикризисных сил ООН могут предоставить Организации объединенных наций такие инструменты для легитимированного силового воздействия, которые она может использовать, уже не привлекая национальные контингенты государств. Таким образом, возможные подвижки в передаче части ключевых государственных функций на глобальный уровень в современной политической аналитике не исключаются.

Другой путь глобального регулирования, существующий сейчас, — это принятие на глобальном уровне правовых и политических документов, которые затем путем их признания государствами (через ратификацию или в качестве политического руководства к действию) внедряются ими в национальные правовые структуры и правоприменительную практику. Это обеспечивает реализацию глобальных норм через совокупность национальных институтов. Такой способ их воплощения в жизнь зависит, прежде всего, от воли государств, которые свободны в своем выборе: подписывать и ратифицировать им тот или иной документ или нет, голосовать за или против той или иной резолюции и пр.

9.3.4.2. Демократическое или авторитарное глобальное управление?

Еще одной немаловажной проблемой являются судьбы демократии в условиях глобального управления. С одной стороны, глобализация и глобальное сплочение

приводят к все возрастающему распространению в мире демократических ценностей и институтов. «Третья волна» демократизации стала первостепенной характеристикой современного мира. Но с другой стороны, существует опасность того, что будущий «политический режим» в системе глобального управления может стать скорее авторитарным, чем демократичным. Это может быть вызвано тем, что решения по глобальным вопросам могут приниматься ограниченным кругом акторов и без должной гласности, а также потому, что внутренняя структура многих из этих акторов (транснациональные корпорации — ТНК, неправительственные организации — НПО, аппарат международных организаций) строится отнюдь не на демократических принципах, а на жесткой корпоративной дисциплине.

Следует отметить, что авторитарный характер возможного глобального управления будет в корне противоречить основополагающим принципам самой концепции человеческого развития. Один из наиболее известных протагонистов и аналитиков А. Сен положил в основу человеческого развития так называемый «возможностный подход», согласно которому процесс развития понимается, прежде всего, как увеличение реализуемых «возможностей» людей. Тем самым человеческое развитие четко увязывается с наличием свободы. В условиях же авторитарного глобального управления осуществление подобной модели человеческого развития будет невозможно, особенно в планетарном масштабе.

Важной составляющей демократичности глобального управления является обеспечение подотчетности его структур публичному контролю. Опасения в том, что глобальные управленческие институты будут действовать как хотят, являются достаточно распространенными и служат весьма важным сдерживающим элементом.

В то же время, как считают некоторые аналитики, концепция демократии применительно к глобальному регулированию должна претерпеть серьезные трансформации. По их мнению, международные институты отнюдь не нуждаются в традиционной модели внутригосударственной демократии, поскольку в их задачу не входит ни побуждение людей к вооруженной защите своей территории, ни принуждение к сбору налогов. Поэтому международные институты должны получать легитимацию для своей деятельности иным образом: одни — путем строгого следования своим собственным уставным документам (например, ООН), другие — только лишь путем достигаемой эффективности и приемлемости при решении поставленных перед ними задач (например, МВФ).

9.3.4.3. Глобальная бюрократия и юстиция

В результате сложного взаимодействия государств и иных акторов на мировой арене иногда возникает ситуация, при которой реальным проводником наднациональности выступает бюрократический аппарат международных межправительственных организаций. Именно он на повседневном уровне координирует международное сотрудничество государств, обобщает и корректирует их предложения по повестке дня международных саммитов и иных заседаний, прорабатывает тексты деклараций и заявлений, внося в них соответствующие «глобалистские» идеи и пр. При этом с течением времени самостоятельная роль бюрократического аппарата международных организаций, как правило, возрастает, и он становится реальной силой, с мнением которой нужно считаться так же, как и с мнением государств-членов этой организации. На субглобальном

уровне эта эволюция наиболее хорошо прослеживается на примере Европейского Союза, когда так называемая «брюссельская бюрократия», аккумулированная в аппарате Европейской Комиссии, стала актором, равнозначным (если не превосходящим по своему политическому весу) сообществу государств-членов, форумом которого является Совет ЕС.

Глобальная бюрократия неизбежно востребует глобальную юстицию, ибо закон и юстиция — обязательные условия управленческого процесса. Имеется в виду организация наднационального судопроизводства и наднациональных следственных действий. Все это уже проявилось на практике по отношению к Югославии и Руанде. В том случае, если Статут Международного уголовного суда вступит в силу, наднациональное следствие и суд над военными преступлениями станут реальностью в глобальном масштабе. При этом предполагается, что судьи, прокуроры и аппарат суда будут в достаточно слабой степени связаны с их государствами и станут действовать исключительно от лица глобального правосудия. Таким образом, если рассмотреть глобальное управление через призму традиционной концепции трех ветвей власти, то именно глобальная судебная власть имеет больше всего шансов для того, чтобы реализоваться на практике в среднесрочный период.

В результате в научный и политический оборот начинает вводиться термин «транснациональная юстиция», который обозначает уже не только деятельность международных судов, рассматривающих дела государств, но гораздо более широкую сферу отношений — правосудие между отдельными людьми в рамках мирового сообщества (или глобального общества, как угодно). Иногда этот термин заменяется более амбициозным «глобальная юстиция», в которую в мировом пространстве входят и на которой замыкаются все существующие уровни правосудия.

Более того, развитие глобальной юстиции представляется в ряде концепций как весьма важный инструмент для преодоления «демократического дефицита» международных организаций и глобального управления в целом. Через систему глобального правосудия предполагается осуществлять подотчетность гражданам международных регулирующих структур.

Поскольку глобальная юстиция требует соответствующей правовой базы, то для приверженцев этой концепции логичным представляется не только создать институты для всемирного правосудия, но и выработать «универсальное международное право», которое уже не имело бы межгосударственного характера. Поэтому, возможно, основательным является взгляд, что отказ от войны и ее запрещение могут быть эффективными не иначе, как при условии безоговорочного признания той нормы права, которая нашла свое выражение в принципе обязательной юрисдикции международных судов. По этому поводу следует заметить, что отказ от применения силы и запрещение применения силы останутся нереальными, если государствам так или иначе не будет обеспечено признание их законных прав путем беспристрастного решения законных судов, наделенных принудительной юрисдикцией. Совершенно очевидно, что всякие попытки отхода от принципа равенства государств в универсальной политической международной организации не могут рассматриваться иначе, как проявление империалистических тенденций.

Поэтому не стоит возлагать большие надежды на действительный прогресс в области международных отношений, если в качестве основного стандарта поведе-

ния не будут приняты единые принципы права, разума и морали, приложимые в равной мере как к государствам, так и к отдельным лицам, из которых они состоят и которыми они управляются.

9.3.4.4. Глобальное управление и глобальное общество?

Идея глобального управления тесно соединяется во многих концепциях с идеей глобального общества или, по крайней мере, «глобальной общественной сферы». Она должна составить материальную основу для организации из единого центра наднационального мониторинга, регулирования, контроля и принуждения при решении глобальных проблем. Большинство концепций глобального управления исходят из его построения на демократической основе. Поэтому, так называемый «глобальный госсектор» никоим образом не должен превращаться в замкнутую структуру, в мир бюрократии, но, напротив, обязан поддерживать тесные (а возможно, и институционализированные) связи с глобальным гражданским обществом, воспринимаемым либо как единое транснациональное целое, либо как сеть и совокупность гражданских обществ из отдельных стран.

Выход на мировую арену новых негосударственных акторов (в том числе НПО и отдельных граждан) является важным аргументом для сторонников концепции глобального общества. Несмотря на то что государства по-прежнему остаются главными акторами в мировой политике, по мнению глобалистов, нельзя сбрасывать со счетов появление новых субъектов международного права, вносящих свой вклад в регулирование глобальных проблем и процессов.

9.3.4.5. Уровни наднационального управления

Достаточно сложной и пока не совсем изученной является проблема сочетаемости двух уровней наднационального управления — глобального и регионального (например, ООН-ЕС). Каким образом будет осуществляться разделение предметов ведения и полномочий между этими двумя уровнями управления? Какой из них будет «главным» по отношению к другому? То есть, будет ли глобальная управляющая структура делегировать часть своих полномочий региональной или, наоборот, региональная наднациональная структура, которая сама уже существует на основании делегирования полномочий от входящих в нее государств, передаст некоторые из них «еще выше», на глобальный уровень? И, что гораздо более важно, кто кому будет подотчетен? Наконец, будет ли глобальная управленческая структура создавать свои «территориальные органы» (полпредства) в различных регионах мира? Например, если центром глобального управления станет ООН, то как изменится роль существующих сейчас ее экономических комиссий для разных континентов, получают ли они необходимые властные полномочия? Все эти вопросы пробуждают к жизни немало футурологических построений и концепций.

Еще один вопрос: что станет с государствами после реализации глобального управления? Растворятся ли они вообще и предстанут административными единицами «глобальной республики», или же, напротив, переход к глобальному управлению будет осуществлен через качественно интенсифицированное глобальное межгосударственное сотрудничество, и тогда в качестве модели мироустройства можно будет говорить о Соединенных Государствах Земли?

Далее, как повлияет введение глобального управления на попытки размывания государственного суверенитета «снизу»? Как поведут себя внутригосударственные регионы в этом случае? Потребуется ли им особый глобальный форум для своего представительства (по типу Комитета регионов ЕС)? На все эти вопросы пока нет четких ответов, но без них практическая реализация глобального управления так же будет невозможна.

***

Возникновение и рост МО явились выражением закономерных процессов интернационализации, интеграции, переплетения и взаимозависимости. Ускоряющаяся глобализация будет вести к дальнейшему увеличению количества МО, особенно неправительственных. Вероятно, будет происходить дальнейшая институционализация механизмов многосторонней дипломатии, в том числе «большой восьмерки». Увеличение роли ММПО и МНПО требует от них разработки соответствующей стратегии по управлению международной системой. Сотрудничество государств в рамках ММПО будет все более пониматься как продолжение национальных механизмов постановки и решения соответствующих задач. Это приведет к сближению внутренней и внешней политики государств. Те, в свою очередь, будут проявлять большую готовность поделиться своим суверенитетом с МО, что может способствовать повышению роли и значения последних в международных отношениях.

Так представляются автору перспективы развития международных организаций и их взаимоотношений с национальными государствами. Естественно, что в конкретно-исторической действительности эти взаимоотношения не будут подчинены строгой логике все большей передачи государствами своих суверенных прав МО. Последние, особенно ООН, подвергаются справедливой критике за системную неспособность к управлению международными отношениями. Повышение эффективности действий МО на путях децентрализации, рационализации, продуманной долговременной стратегии и конструктивного сотрудничества обеспечит им более прочное место в современном мире.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. С чем связано изменение роли территориального фактора?
2. Чем обусловлено усиление внимания государства к проблемам глобальной и внутренней экологии?
3. В чем выражается борьба децентрализаторских и централизаторских тенденций в современном государстве?
4. Чем обусловлено сокращение практики использования силового ресурса современными демократическими государствами?
5. Что обусловило ослабление совокупной конкурентноспособности социальных государств?
6. Чем обусловлена тенденция усиления бюрократизации современных демократических государств?
7. Охарактеризуйте основные тенденции в развитии партий.
8. Чем обусловлено превращение политических партий современных демократических государств в электоральные?
9. Почему произошло изменение мотивации электората современных демократий?
10. Что означает «протестное голосование»?

11. Чем обусловлено недоверие населения к политическим партиям и снижение их роли как инструмента политической социализации граждан?
12. В связи с чем происходит рост роли групп интересов?
13. Проанализируйте историю создания международных межправительственных политических организаций.
14. В чем сходство и различие между Лигой наций и ООН?
15. В связи с чем и каким образом произошло учреждение Организации Объединенных Наций?
16. Охарактеризуйте роль, особенности и возможности Международных межправительственных политических организаций.
17. Назовите функции ММПО и опишите их структуру.
18. Перечислите разновидности международных политических организаций.
19. Чем определены пределы развития современных международных организаций?
20. В чем особенности создания и деятельности международных политических неправительственных организаций?
21. Назовите сценарии организации глобального регулирования.
22. Будущее глобальное управление представляется вам демократическим или авторитарным?
23. Почему и как связаны глобальная бюрократия и юстиция?
24. Как будут соотноситься глобальное управление и глобальное общество?
25. Назовите уровни наднационального управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК К РАЗДЕЛУ 3

1. Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. — М., 1999. — С. 69–106.
2. Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. — М., 2002.
3. Американские просветители : избр. произведения. — М. : Мысль, 1969.
4. Аристотель. Политика // Антология мировой политической мысли : в 5 т. — Т. 1. Зарубежная политическая мысль: Истоки и эволюция. — М., 1997.
5. Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. — 1994. — № 4.
6. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта : в 3 т. / А. С. Ахиезер. — М., 1991.
7. Ачкасов В. А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора. // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1999. — Т. II. — Вып. 1.
8. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / Э. Берк. — М., 1993.
9. Биденкопф К. Федерализм и социально-экономическое развитие // Мировая экономика и международные отношения. — 2001. — № 7. — С. 40–43.
10. Бутенко А. П. Сравнительная политология в терминах и понятиях : учеб. пособие / А. П. Бутенко, А. В. Миронов. — М. : НОУ, 1998.
11. Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыт и наставления / Ф. Бэкон. — 2-е изд. — М. : Изд-во АН СССР, 1962.
12. Василенко И. А. Государственное и муниципальное управление : учебник / И. А. Василенко. — М. : Гардарики, 2005. — 320 с.
13. Василик М. А. Политология: Элементарный курс : учеб. пособие для студентов вузов / М. А. Василик, М. С. Вершинин. — М. : Гардарики, 2001. — 270 с.
14. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер : пер. с нем. — М., 1992.

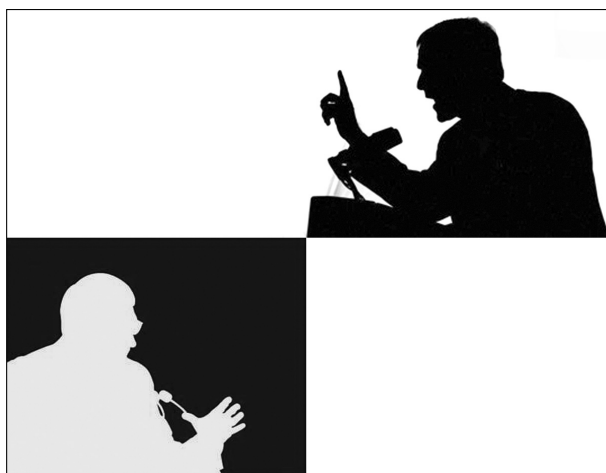
15. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико.— СПб., 1995.
16. Воробьев К. А. Политология : учеб. пособие для вузов / К. А. Воробьев. — М. : Академический Проект, 2003.
17. Гаджиев К. С. Политология (основной курс) : учебник / К. С. Гаджиев. — М. : Высшее образование, 2005.
18. Гаджиев К. С. Гражданское общество и правовое государство // Мировая экономика и международные отношения. — 1992. — № 1–2.
19. Гаджиев К. С. Политическая наука : пособие для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов / К. С. Гаджиев. — М. : СОРОС — Международные отношения, 1994.
20. Гайдар Е. Т. Государство и эволюция / Е. Т. Гайдар. — М., 1995.
21. Гегель Г. В. Ф. Политические произведения / Г. В. Ф. Гегель. — М., 1978.
22. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс // Соч. : в 2 т. — М., 1990. — Т. 2.
23. Графский В. Г. История политических и правовых учений / В. Г. Графский, Н. М. Золотухина, Л. С. Мамут, В. С. Нерсесянц. — М. : Норма, 2005.
24. Гроций Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. — М., 1994.
25. Гумплович Л. Общее учение о государстве / Л. Гумплович. — Репр. копия. — СПб., 1910.
26. Гумплович Л. Социология и политика / Л. Гумплович. — Репр. копия.— СПб., 1895.
27. Дарендорф Р. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением // Полис. — 1997. — № 6.
28. Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному сообществу // Полис. — 1993. — № 5.
29. Дарендорф Р. Тропы из утопии / Р. Дарендорф. — М., 2002.
30. Дегтярев Н. А. Основы политической теории / Н. А. Дегтярев. — М. : Высш. школа, 1998.
31. Дергунова Н. В. Генезис представлений о социальной роли государства в германском либерализме XIX века. В. фон Гумбольдт и Л. фон Штейн // Социальная политика и социология. — 1999. — № 2.
32. Джанда К. Сравнение политических партий: исследование и теория // Современная сравнительная политология / К. Джанда ; ред. Г. В. Голосов, Л. А. Галкина. — М., 1997.
33. Дюверже М. Политические партии / М. Дюверже : пер. с франц. — М. : Академический Проект, 2000.
34. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / Л. Дюги. — М., 1908.
35. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. — М. : Канон, 2006.
36. Золотарева М. В. Правовые основы федерализма : учеб.-практ. пособие / М. В. Золотарева. — М., 2006.
37. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. — М., 1997. — Т. 2.
38. История политических и правовых учений : хрестоматия / сост. Е. А. Воротилин, И. Ф. Мачин. — М., 1996.
39. Кант И. Всеобщая история с космополитической точки зрения // Соч. : в 6 т. — М., 1966. — Т. 6.
40. Кейнс Дж. М. Избранные произведения / Дж. М. Кейнс : пер. с англ. — М., 1993.
41. Кельзен Г. Динамический аспект права // Политическая наука. — 1999. — № 4.
42. Кермон Ж. Л. Политизация государственной администрации или бюрократия политики? // Политическая наука. Элиты в сравнительно-исторической перспективе. — М. : ИНИОН, 1998.
43. Киссель М. А. Джамбаттиста Вико / М. А. Киссель. — М., 1980.

44. Козырев Г. И. Политическая конфликтология : учеб. пособие / Г. И. Козырев. – М. : Инфра-М; Форум, 2007.
45. Кола Д. Политическая социология / Д. Кола. – М., 2001.
46. Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. – 1993. – № 2.
47. Конституция Российской Федерации. – М., 1993.
48. Конфуций. Уроки мудрости // Соч. : пер. с древнекит. / сост., вступ. ст. и коммент. М. А. Блюменкранца. – М. : ЭКСМО-пресс; Харьков : Фолио, 2000.
49. Ленин В. И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Полн. собр. соч. – М., 1958. – Т. 40. – С. 1–24.
50. Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. – М., 1958. – Т. 33.
51. Ленин В. И. Карл Маркс // Полн. собр. соч. – М., 1958. – Т. 26.
52. Ленин В. И. Опыт классификации русских политических партий // Полн. собр. соч. – М., 1958. – Т. 14.
53. Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч. : в 3 т. – Т. 3. – М., 1988.
54. Лютых А. А. Политология : курс лекций / А. А. Лютых, В. А. Тонких. – Воронеж, 1992.
55. Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Макиавелли ; предисл. Е. И. Темнова. – М., 1996.
56. Малетин С. С. Политология : авторизованное учеб. пособие. для студентов заочного отделения / С. С. Малетин. – Новосибирск, 1998.
57. Маркс К. Дебаты о свободе личности // Соч. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1968 – Т. 1.
58. Маркс К. К критике политической экономии // Соч. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 13.
59. Маркс К. Классовая борьба во Франции // Соч. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 7.
60. Маркс К. Критика Готской программы // Соч. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 19.
61. Маркс К. Нищета философии // Соч. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 5.
62. Маркс К. Немецкая идеология // Соч. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 3.
63. Матвеев Р. Ф. Теоретическая и практическая политология / Р. Ф. Матвеев. – М., 1993.
64. Милль Д. О свободе / Д. Милль // Антология мировой политической мысли. Зарубежная политическая мысль: Истоки и эволюция. – М., 1997. – Т. 1.
65. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии / Р. Михельс // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 2. – С. 186–197.
66. Моль Р. Наука полиции по началам юридического государства : пер. с 3-го немецкого изд-я / Фон Р. Моль; пер. Р. Сементковский. – Репр. копия – СПб. : Печ. В. И. Головина, 1871. – Вып. 1. – 356 с.
67. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения (О духе законов) / Ш. Л. Монтескье. – М., 1956.
68. Новгородцев П. И. Об общественном идеале / П. И. Новгородцев. – М., 1991.
69. Обертяева И. А. Государство – ведущий институт политической системы // Политология : учеб. пособие для вузов / И. А. Обертяева, под ред. А. А. Радугина. – М., 1999.
70. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии : в 3 т. / М. Я. Острогорский. – М., 1997.
71. Панарин А. С. Политология : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / А. С. Панарин. – М. : ТК Велби, 2003. – 448 с.

72. Пастухов В. Б. От государственности к государству // Политические исследования. – 1994.
73. Пейн Т. Избранные сочинения / Т. Пейн. – М., 1959.
74. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – СПб., 2000.
75. Платон. Государство // Собр. соч. : в 4 т. – Т. 3. – М., 1994.
76. Политология : учеб. пособие для студ. высш. учебных заведений / под ред. В. И. Власова. – Ростов н/Д : МарТ, 2002.
77. Политология : энцикл. словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. – М. : Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993.
78. Пугачев В. П. Введение в политологию : учебник для студентов вузов / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2003.
79. Роскин М. Дж. Введение в политологию / М. Дж. Роскин. – Нью-Джерси, 1988.
80. Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М., 1969.
81. Сапов В. В. Главная книга академика Б. А. Кистяковского // Вестник РАН. 1994. – Т. 64. – № 3.
82. Сартори Д. Пересматривая теорию демократии // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2. – С. 713–729.
83. Сартори Д. Вертикальная демократия // Политические исследования. – 1993. – № 1, 2.
84. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М., 1993.
85. Снапковский В. Е. Международные организации в системе международных отношений // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 3.
86. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? // Лит. газ. – 1990. – 18 сент.
87. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии : учебник для студентов вузов / А. И. Соловьев. – М. : Аспект Пресс, 2003.
88. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер. – Мн., 1999.
- 88а. Спиноза Б. Богословско-политический трактат : пер. с лат. / Б. Спиноза. – Мн., 1998.
89. Токвиль А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль. – М., 1992.
90. Федералист: Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея : пер. с англ. / под общ. ред. и с предисл. Н. Н. Яковлева. – М., 2000.
91. Хантингтон С. Будущее демократических перемен: от экспансии к консолидации // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 6.
92. Хантингтон С. Третья волна: Демократия на исходе века / С. Хантингтон. – М., 2003.
93. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка : отрывки из книги // Pro et Contra. – 1997. – № 2. – Т. 2.
94. Цицерон. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях : речи. Письма / Цицерон ; предисл. Е. И. Темнова. – М., 1999.
95. Чешков М. А. Феномен этатизма (Мировые и локальные измерения) // Политические исследования. – 1996. – № 2.
96. Чешков М. А. Государственность как атрибут цивилизации: кризис, угасание или возрождение. // Мировая экономика и международные отношения. – 1993. – № 1.
97. Шаран П. Сравнительная политология: в 2 ч. / П. Шаран. – М., 1992.
98. Шлезингер А. Циклы американской истории / А. Шлезингер. – М., 1992.
99. Юм Д. Соч. : в 2 т. – М., 1996.

Раздел 4

АГЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Глава 10

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КАК СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИКИ

Рассмотрение проблемы формы политики невозможно без определения роли в ней агентов политических отношений. Исходными и основными составляющими политики являются люди, социальные группы, общности, организации и движения. Они выступают в той или иной степени как объекты и субъекты политической жизни, политики, а чаще всего в обоих качествах одновременно и неразрывно. При этом соотношение данных качеств жестко не закреплено в индивидуе или социальной группе: оно непостоянно, изменчиво, динамично, выступает всегда как противоречивый процесс приобретения и утраты различными агентами политики их политической субъектности, роста или снижения уровня последней.

§ 1. ПОНЯТИЕ АГЕНТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

10.1.1. Понятие субъекта и объекта в политике

Общество, как бы оно ни трактовалось в науке, это всегда самоорганизующаяся и изменяющаяся система отношений между людьми и их группами, объединенными исторически сложившимися устойчивыми формами взаимодействия и коммуникации в целях удовлетворения своих потребностей.

Общественные отношения представляют собой направленную активность одного индивида или группы на другого индивида или группу путем обязательно опосредованного сознанием и использованием определенного ресурса действия. Совершающий указанное действие индивид или группа выступают при этом как субъект, а воспринимающие его индивид или группа — как объект данных общественных отношений.

Категории политического субъекта и объекта носят соотносительный характер, поскольку политические тела, выступающие в одном отношении как объект, в другом измерении могут выступать уже в роли субъекта или даже периодически меняться своими местами в ходе изменения политической ситуации. Представим себе избирательный процесс, где на первом этапе активную роль субъекта политических действий играют кандидаты в депутаты и их избирательные коалиции, ведущие кампанию по сбору голосов избирателей как объектов политического воздействия. В день выборов рядовые избиратели выступают уже в активной роли, делая выбор и голосуя за того или иного кандидата или партийный список. Получив необходимое число голосов избирателей и завоевав место в парламенте, кандидат, ставший уже депутатом и получивший мандат, снова начинает играть роль субъекта данного политического взаимоотношения, выражая официально интере-

сы избирателей своего округа, которые, в известном смысле, на время переходят в политический «пассив».

И общество, и социальные группы, и личности могут выступать политически-ми субъектами с тем только, что в политическом процессе становление данного свойства идет от общества как абстрактно-всеобщего центра политичности и процесса движения к политичности по направлению к обществу как конкретно-всеобщему центру такой политичности и процесса движения к ней. Человек приобретает свойства политичности только как член данного общества и его подсистемы (социальной группы, общности, организации и т. д.), или же выступая выразителем и представителем их интересов.

10.1.2. Понятие политического актора

В 50—60-е гг. XX в. многие западные политологи практически отошли от употребления позиции «субъект — объект» в политике, заменяя ее понятием «политический актор» — активный участник политической жизни или особого рода игрок в азартной игре, называемой политикой. Идея интерпретации политических отношений сквозь призму эмпирически наблюдаемого поведения отдельных индивидов как основных субъектов политики первоначально разрабатывалась еще в рамках классического бихевиоризма и, в частности, в свое время Г. Лассуэллом [80]. На современном этапе, когда «первичной клеточкой» политического анализа становится индивид в качестве главного субъекта, подобный «микроподход» к политическим отношениям связан с теорией «рационального выбора». Эта теория исходит из представления о том, что и избиратели, и политики — это субъекты, рационально преследующие цели максимальной выгоды или пользы. Согласно такой трактовке, исходящей из принципа утилитаризма И. Бентама [20], отношения в политике — это своего рода «рынок и обмен», в ходе которого люди, являющиеся покупателями и продавцами политических товаров (власти и ресурсов, престижа и статусов и т. д.), стремятся в своем поведении к получению максимальной выгоды. Они опираются на рациональные средства и рычаги, так же как в подобных случаях поступают производители и потребители в условиях обмена товарами на экономическом рынке.

С попыткой полностью преодолеть антиномию субъектно-объектного взаимоотношения в анализе политики связаны разработки, предпринятые политологами постструктуралистского и постмодернистского направлений. Постмодернизм обрушился на «классическое» понимание политики, предполагающее существование активного начала — политического субъекта (личности, группы или института), наличествовавшее, например, в гегельянстве и в марксизме, так же как и в структурализме или бихевиоризме.

Интересную по замыслу концепцию преодоления противоречия в существовании субъектов и объектов в политике разработал отошедший от классического структурализма французский конструктивист П. Бурдьё [28]. Вместо терминов «субъект» и «объект» он использует понятия «агент», его «позиция» и «диспозиция». «Агент» — это носитель политических отношений, актуализируемый в многомерном пространстве «политического поля», которое выступает в виде совокупности действующих в нем сил и контролируемых ими видов ресурсов («капи-

талов»): экономических, социальных, символических, культурных и т. д. «Агенты» и «группы агентов» в политике определяются и характеризуются совокупностью позиций в различных полях или зонах контроля. Политику как тип социальных отношений («социальное поле») в подобном ракурсе можно описать в качестве многомерного пространства, в котором позиция каждого политического агента, обладающего активными свойствами, не сводимыми к его индивидуальным намерениям, может быть определена как совокупность находящихся в различных измерениях капиталов (их объемов и весов), им контролируемых.

Несмотря на замену терминов, по-прежнему актуальным остается вопрос о том, кто же входит в число реальных, а не номинальных субъектов и объектов политических отношений. Кто, в основном, играет активно-субъектную роль в политике: индивиды, рядовые граждане или выдающиеся политические деятели, большие или малые социальные группы, партии или государственные учреждения? На этот вопрос предлагается два базовых варианта ответа, сопряженных соответственно с двумя наиболее распространенными теоретическими подходами — организационно-институциональным и социально-редуктивным.

10.1.3. Институты как субъекты политики

Первый, организационно-институциональный подход, связан с сведением всех субъектов политики к государственным (реже и к негосударственным) институтам. Представление о политике как об активной деятельности политических институтов, как о функционировании легальных государственных учреждений и норм выступало в качестве основы государственно-институциональной концепции, господствовавшей в политической мысли вплоть до начала XX века.

В последние годы политология, пережив революцию, совершенную бихевиористами и сторонниками концепции «рационального выбора», столкнулась с ренессансом институционального подхода. Он выразился в том, что на смену так называемому «старому институционализму» пришла уже упоминавшаяся выше теория «нового институционализма». Новая теория понимает политические институты не только как официальные учреждения и формальные правила, но и как некие организационные модели отношений между социальными субъектами и объектами по поводу власти, включающие в себя неформальные нормы и процедуры и, кроме этого, связанные с самим формированием и активностью этих политических организаций. При этом известные американские политологи Д. Марч и Д. Олсен [133, 162] в своей обобщающей концепции «нового институционализма» (1989 г.) писали: «Многие из основных акторов в современных экономических и политических системах являются формальными организациями, а легальные и бюрократические институты играют доминирующую роль в современной жизни». Далее они констатировали, что нельзя сводить совокупность субъектов политики к «зеркалу социальных сил», поскольку политические учреждения и их организационные компоненты явно обладают известной автономией.

Здесь же необходимо подчеркнуть, что в политике существуют как официальные и формальные учреждения, так и неофициальные организованные структуры, неформальные институты. Например, в России такие высокие официальные институты, как федеральный и региональные парламенты и суды, порой играют куда

меньшую роль, чем корпоративно-ведомственные кланы бюрократии или неформальные клубы политиков и бизнесменов. В этом смысле «теневые», неформальные организации типа масонской ложи «П-2» в Италии, которая объединяла около 2 тыс. человек, представлявших высший истеблишмент страны, иногда более влиятельны, чем некоторые официальные органы власти. И в этом же плане такие «неформальные» политические институты, как бюрократические ведомственные корпорации или региональные элитные группировки в Москве, сплоченные и организованные, могут вполне конкурировать с такими формальными и официальными структурами, как Мосгордума или Мосгорсуд.

10.1.4. Группы как субъекты политики

Другой, социально-редуктивный подход, или редукционизм, в анализе политических отношений исходит из прямо противоположной идеи переноса приоритетов с формальных институтов, государственных учреждений и организаций на уровень поведения индивидов и групповой динамики, изучения взаимодействий общества, групп и личности. В границах данного подхода, по сути дела, практически полностью отрицается автономия «политических тел», государственных институтов. Они либо прямо сводятся лишь к организационным формам групповой активности, либо становятся неким «вторичным» механизмом представительства и артикуляции интересов социальных групп, делегирующих им свои полномочия.

Впервые в систематической форме такая интерпретация отношений между политическими субъектами и объектами была сформулирована в классическом марксизме. Классы в антагонистическом обществе становятся как бы «первичными» субъектами политики, и, соответственно, политические отношения являются, прежде всего, «продуктом» отношений между классами. Таким образом, государство выступает в качестве политической организации, инструментального аппарата насилия господствующего класса, а партии представляют собой политический авангард, наиболее сознательную и организованную часть того или иного класса. Например, по Ф. Энгельсу, в политической жизни Англии середины XIX в. партия тори отвечала интересам лендлордов, виги были партийным авангардом промышленной буржуазии, а чартисты являлись партией пролетариата [162].

Такого рода однолинейное упрощение политических отношений иногда приводило марксистов к парадоксам, нередко даже уточнившим так называемый «классовый подход» к политике. Например, В. И. Ленину в 1920 г. в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» пришлось рассматривать вопрос о роли компартии, субординации политических субъектов и объектов, их соотносительности (вопрос возник при анализе цепочки «водители — партии — классы — массы»). «Всем известно, — писал В. И. Ленин, в определенной степени корректируя одномерность классовой редукции, — что массы делятся на классы, ... что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере, в современных цивилизованных странах, политические партии, что политические партии управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями» [82, 24]. Таким образом, партия является не только «слепком» классовой

позиции, классовой силой, но и выполняет функции «обратной связи», выступая субъектом политического руководства, подчиняясь при этом субъекту более высокого иерархического порядка — группе лидеров или вождей.

В этом же духе социальной редукции агентов политики построена другая, не менее известная концепция «групп интересов» (или «заинтересованных групп»), которая стала одним из краеугольных камней современных бихевиористских моделей политических отношений. Основы концепции «групп интересов» разработаны американским политологом и социологом А. Бентли в работе «Процесс управления» (1908). А. Бентли критиковал классовую теорию и методологию К. Маркса за то, что последний использует для анализа политических отношений классы как слишком большие и стабильные коллективы, которые обладают «множественными интересами» и поэтому непригодны для изучения быстро изменяющейся динамики политических ситуаций. Вместо классов в качестве субъекта политики А. Бентли предложил «группу интересов» [68, 30], которую он определил как объединение людей на основе общности интересов и действий в данной конкретной политической ситуации. При этом индивид интегрируется в группу, а индивидуальная политическая деятельность рассматривается в рамках интегральной динамики коллективного политического субъекта, реализующего общегрупповые интересы.

В борьбе за власть одна из «групп интересов» становится «группой-победительницей», устанавливая контроль над государством. Политические отношения приобретают, таким образом, вид совокупности или мозаики «групп интересов», политических субъектов, взаимно давящих друг на друга. Существенной стороной концепции А. Бентли явилась его трактовка государственных институтов и их роли в политических отношениях. А. Бентли преодолевает доминирующий в американской политологии этого времени институциональный подход, редуцируя, например, правительство в так называемую «официальную группу интересов» особого рода, обладающую властью, стабильной структурой и конституционно-правовым статусом. Следовательно, вовсе не политические институты и прокламируемые ими цели, идеи и нормы являются существенными для анализа политической жизни. «Первичным» агентом выступает социальная «группа интересов», ее эмпирически наблюдаемое поведение и деятельность во взаимодавлении и через взаимодействие с другими социальными группами. В настоящее время концепция «групп интересов» весьма широко используется в зарубежной, прежде всего в американской, политологии в случаях, когда речь идет о профсоюзах и союзах предпринимателей, молодежных и ветеранских организациях, женских и этноконфессиональных объединениях, их политической роли и функциях. А. Бентли одним из первых поставил также вопрос о типологии политических субъектов, видах «групп интересов» как агентов политики.

В рамках современной американской политологии сложился и такой подход, когда в качестве «первичного», исходного субъекта политики выделяют просто личность, или индивида, в отношении к которому групповая идентификация занимает лишь производное место. Эта традиция нашла, в известной степени, свое отражение как в бихевиористской концепции политического поведения, так и в теории «рационального выбора». Например, Г. Лассуэлл [80], один из классиков бихевиористской школы, формулирует следующее положение, характеризующее

основного и исходного субъекта политической активности: «Человек добивается достижения определенных ценностей через посредство институтов в отношении определенных ресурсов». Примерно из той же идеи исходят сторонники концепции «рационального выбора», как уже отмечалось выше, редуцирующие политику в совокупность поведений индивидуальных субъектов и, исходящие из постулата о том, что и избиратели, и политики — это субъекты, всегда рационально преследующие цели максимальной выгоды или пользы.

10.1.5. Человек как субъект политики

С развитием демократических тенденций в обществе на первый план в политике выходит проблема личности. Человек становится субъектом политики в процессе освоения социально-политических функций и развития самосознания, т. е. осознания своей сущности и уникальности в качестве субъекта деятельности и индивидуальности, но не иначе как члена общества.

Если речь идет о политической активности коллективного, совокупного субъекта политики, то многие наблюдатели отмечают, что в современных условиях достаточно широкие слои народа не воспринимают себя в качестве субъектов политической жизни, смотрят на политику глазами не участников, а зрителей.

Отвечая на вопрос, при каких условиях личность и народ могут быть действительным субъектом политики, нельзя не затронуть проблему политической активности населения, его политическую культуру и сознание, что необходимо для правильного понимания и оценки политической ситуации и критического восприятия попыток манипулирования их сознанием со стороны различных субъектов политики. Большое значение имеет менталитет народа, его традиционное отношение к власти и людям, власть предрержащим.

Другим фактором приобщения широких масс народа к политике являются условия, в которые поставлены люди. Условия могут стимулировать политическую деятельность, могут подавлять ее и могут придавать ей определенную направленность. Часто это связано с развитостью демократических институтов. Система выборов в органы политической власти может быть организована по-разному, но именно через выборы избиратели влияют на власть. То же можно сказать и о системе непосредственной демократии — референдумах или об опросах, в ходе которых изучается общественное мнение по тем или иным политическим вопросам. Наряду с этими двумя группами условий есть и другие.

Одним из важнейших условий политической субъективности личности является ее взаимодействие с другими людьми. Трудно представить человека в качестве субъекта политических отношений, если он действует в одиночку, исключая, конечно, террористическую деятельность или другие подобные акты. Человек, не обладающий властными правами и функциями, сам по себе субъектом быть не может, хотя определенные политические действия с его стороны возможны, но они малоэффективны. Поэтому люди, стремящиеся к политическому участию, объединяются в группы, партии, союзы, организуют совместные акции и осуществляют другие политические действия совместно с другими людьми.

Статус субъекта политики не постоянен, он не существует как изначально присущий какому-либо индивиду или социальной общности. Политические качества

не даны человеку изначально. Всякий индивид является потенциальным субъектом политики, но не каждый становится таковым реально. Чтобы стать политическим субъектом, человек должен обрести в политике свою сущность и существование. Иными словами, он должен практически освоить политический опыт, осознать себя в качестве субъекта политического действия, выработать свою позицию в политическом процессе и сознательно определить свое отношение к миру политики, степень участия в ней.

Реализация человеком своей политической сущности тесно связана с его индивидуальными особенностями и преломляется через структуру личности, в которой в качестве составляющих могут быть выделены социальная, психологическая, биологическая и духовная подструктуры.

10.1.6. Виды политических агентов

10.1.6.1. Проблема классификации политических агентов

Различные подходы к определению «первичных» агентов политики породили и разные версии, и критерии классификации субъектов политических отношений. Одним из наиболее известных «групповых» вариантов построения типологии политических субъектов по степени и форме групповой идентификации является попытка, предпринятая американскими политологами Г. Алмондом и Дж. Пауэлом [5]. Все агенты политических отношений разбиты ими на четыре вида групп:

- 1) аномические (от франц. *anomie* — буквально, «беззаконие») — спонтанно и эпизодически образовавшиеся группы (участников бунтов, манифестаций и других стихийных выступлений), которые Т. Гоббс [39, 40] в свое время называл противозаконными, неупорядоченными политическими телами;
- 2) неассоциативные — объединения людей, в основном имеющих непосредственный персональный контакт, неформальные связи, но не обладающие жесткой организационной структурой (группы потребителей, образовавшиеся для пикетирования компаний товаропроизводителей, корпоративно-клановые и неформальные, этно-конфессиональные группировки и др.);
- 3) ассоциативные — легально существующие объединения и ассоциации, имеющие организационную структуру и аппарат, выражающие те или иные частные интересы (профессиональные — профсоюзы, этнически-организованные национальные движения, демографические — женские, молодежные, ветеранские организации и т. д.);
- 4) институциональные группы — это группировки людей, существующие внутри формальных структур социально-политических институтов (армии, парламента, партии, бюрократии и т. д.), которые имеют обычно больше возможности контроля тех или иных видов общественных ресурсов. Это могут быть ведомственные корпорации бюрократов, работающих в рамках отраслевых департаментов и министерств, депутатские группы и фракции в парламенте, армейские клики и т. д.

Г. Алмонд и Дж. Пауэлл [5] указали на роль индивидуальных акторов в политике, но заметили, что зона автономной активности индивида как политического субъекта достаточно ограничена по сравнению с границами области деятельности

«групп интересов», в которую интегрировано большинство действий индивидов. Таким образом, по мнению автора, чаще всего в политике оказывается, что «один в поле не воин», однако нет правил без исключений.

10.1.6.2. Агенты макро- и микрополитики

Из иных посылок в определении политических акторов исходит и другой очень известный американский политолог Д. Розенау [133, 223] в своей работе «Турбулентность в мировой политике» (1990). Прежде всего, он отличает микроакторов политики, которыми являются индивиды, от акторов макрополитического уровня, к которым он относит большие общности людей. К классу акторов микрополитического уровня Д. Розенау причисляет три вида агентов:

- обыкновенный гражданин или рядовой член какой-либо организации, участвующий в политике в рамках большой общности, по отношению к которому осуществляется мобилизация и контроль;
- официальный, общественный деятель или лидер организации, который, в частности, и осуществляет мобилизацию и контроль в отношении рядовых граждан;
- частный (или автономный) актор, который способен к осуществлению независимых от организаций и общностей индивидуальных политических действий, как это происходит с тысячами отдельных рядовых американцев, протестовавших против войны в Ираке.

Второй класс, класс макрополитических акторов, включает в себя пять видов:

- государства;
- подгруппы больших общностей (например, группировки государственной бюрократии);
- транснациональные организации (ООН, НАТО и т. д.);
- неуправляемая общественность (неограниченные массовые выступления больших групп людей по потребительским, экологическим и другим проблемам);
- движения, гораздо более организованные и мобилизованные, чем предыдущий актор, как, к примеру, студенческое, феминистское, антивоенное и прочие крупные объединения людей.

При этом Д. Розенау считает «первичной» все же деятельность отдельных индивидов, которая объединяется так называемым «вторичным» поведением макроагентов политических отношений.

В марксистской политологии не раз также возникал вопрос о соотношении «основных» и «производных» агентов политических отношений, то есть об иерархии политических агентов. Традиционно в отечественной литературе он решался таким образом, что «первичными» субъектами политики выступали классы, социальные группы, тогда как производными, «вторичными», в силу марксистской традиции, являлись политические институты, выражающие социально-классовые интересы и являющиеся объектами классового воздействия. Марксистские политологи еще со времен «Детской болезни «левизны» в коммунизме» В. И. Ленина [82] много раз пытались снять сложившуюся антиномию между «институтами» и

«группами», увязать эти два уровня политических субъектов в единый узел рассуждений. Одна из последних попыток такого рода принадлежит польским политологам, поставившим задачу преодолеть ограниченность как социальной, так и институциональной редукции, субординировавшим в единой модели всех агентов политических отношений на трех уровнях «политической субъективности». Первый уровень субъективности, таким образом, связан с большими социальными группами, как «первичными» агентами политических отношений, исполняющими роль их носителей, опосредованных субъектов политических интересов. Второй уровень образуют субъекты политических действий — политические организации классов, а третий — индивиды или групповые органы институтов, выступающие в роли непосредственных субъектов политики, как лица, принимающие решения.

Таким образом, в своем реальном, повседневном выражении политика всегда представляет собой совокупность различного рода действий (акций) и взаимодействий (интеракций) конкретных субъектов (акторов) в сфере их конкурентной борьбы за государственную власть. Чаще всего в качестве критериев выделения политических субъектов называются:

- конкретные действия акторов в данной сфере;
- степень реального влияния акторов на принятие политических решений и их реализацию и государственную политику в целом;
- степень организационной оформленности.

Если же руководствоваться более широким и прагматичным подходом, то под субъектами (акторами) политики можно понимать всех тех, кто принимает реальное участие во властном взаимодействии с государством, независимо от степени влияния на принимаемые им решения и характер реализации государственной политики.

Каждый из действующих субъектов способен применять специфические способы и методы воздействия на центры принятия политических решений, а следовательно, обладает и собственными возможностями влияния на власть и относительно самостоятельную ролью в формировании и развитии самых разных политических процессов. В политике действует множество всевозможных субъектов, однако к основным можно отнести лишь субъектов трех типов:

- индивидуального (микроактора);
- группового (макроактора);
- институционального (организационного актора).

§ 2. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

10.2.1. Понятие социальной стратификации

Во второй вид субъектов политики принято включать крупные социальные группы и общности: классы, сословия, межклассовые и внутриклассовые группы и т. д., которые, не являясь непосредственными участниками политики, оказывают на нее сильное влияние. В любом сложно организованном обществе люди отличаются друг от друга, как по врожденным, так и по приобретаемым в процессе жизни характеристикам. *Социальная структура* — совокупность связей и отношений, в которые вступают общности людей по поводу условий их жизнедеятельности.

ти. В основе ее развития лежит общественное разделение труда, в результате которого общество делится на социальные группы, классы, сословия и т. д. Они не однородны по составу и делятся на отдельные группы (например, рабочий класс, интеллигенция). Выделение больших и малых социальных групп происходит объективно, независимо от воли людей, в ходе их сознательной деятельности. Социальные группы динамически взаимосвязаны. Это обусловлено единством людей по поводу удовлетворения своих потребностей.

Существует взаимосвязь субъекта политики с той общностью, от имени которой он выступает. Признаком субъекта политики является его положение как представителя общности. Если же субъект политики не выступает от имени общности, группы, то он и не воспринимается как политический субъект. Вместе с тем следует помнить, что субъект политики, представитель общности, активно участвуя в политической жизни, преследует свои цели.

В той мере, в какой субъекты политики обладают одинаковыми чертами и свойствами, они образуют группы; различия же между этими группами создают тот уровень общественной дифференциации, который может иметь самые серьезные политические последствия.

К большим общественным группам относится общество как целое, общественные классы и слои, национально-этнические и территориально-государственные группы, сословия, касты, родовые, социально-производственные и профессиональные общины и т. п.

Когда большая общественная группа

- начинает осознавать себя ответственной за свою судьбу, за результаты экономической деятельности;
- становится творцом, носителем субкультуры и самосознания;
- отличается сознательным и ангажированным отношением к собственной активности во всех сферах общественной жизни;
- мотивирует эту активность определенной системой ценностей,

— данная группа может стать общественной и даже определенной политической силой.

Если росту самосознания и внутригрупповой связи сопутствует самоорганизация в целом, большая общественная группа превращается из группы «в себе» в группу «для себя», — субъект собственной осознанной активности. Общественные движения, рождающиеся внутри данной группы под влиянием собственных стремлений и определенных воздействий со стороны государства или других общественных групп и их партий, придают этой группе черты многозначного субъекта политики.

Как показывает опыт, именно переплетение интересов групп, их различные связи и взаимоотношения оказывают существенное воздействие на содержание политических процессов. Характер влияния групп на политику определяется, прежде всего, сохраняющимися между ними различиями в обладании теми или иными ресурсами, которые они могут использовать для защиты своих интересов. Другими словами, в качестве своего важнейшего источника политика имеет реально существующее расслоение населения, которое характеризует неравенство общественного положения групп.

Отношения общественного равенства и неравенства, а также права и обязанности групп, вытекающие из занимаемых ими общественных позиций (статусов), называются *социальной стратификацией*. Это понятие характеризует ту постоянно существующую асимметрию в отношениях групп, которая структурирует общество, но всегда является результатом воздействия конкретных социально-экономических и иных общественных отношений в конкретной стране. По мнению В. Парето [112], социальная стратификация, будучи показателем асимметричности общественных отношений и изменяясь по форме, «существовала во всех обществах» и даже тех, которые «провозглашали равенство людей от рождения». Социальная стратификация характеризует дифференциацию общества, которая складывается под воздействием социально-экономических и всех других отношений и связей. При этом содержание стратификации всегда определялось и определяется до сих пор во взаимодействии двух основных социальных тенденций: к расслоению населения и к его преодолению. Как писал социолог П. А. Сорокин [135], «в любом обществе в любые времена происходит борьба между силами стратификации и силами выравнивания».

Термин «страта» характеризует группу в качестве единицы анализа социального положения людей. Под ней может пониматься устойчивая социальная общность, класс или часто складывающаяся структура совместного действия людей. В основании ее выделения лежит тот или иной показатель (общественный ресурс), по которому сравнивается и сопоставляется положение людей в социальном пространстве. Степень обладания группой теми или иными ресурсами, с одной стороны, фиксирует ее положение в обществе (статус), а с другой — позволяет ранжировать статусы групп, т. е. дифференцировать последние в зависимости от обладания конкретными ресурсами. В силу этого стратификация характеризует общественную дистанцию между людьми не только по вертикали (к примеру, между министром и рядовым служащим), но и по горизонтали (между министром и соответствующим ему по рангу генералом). Таким образом, стратификация, фиксируя все реальные отношения равенства и неравенства людей в конкретном обществе, которые вытекают из занимаемого группами социального положения, позволяет сопоставлять групповые статусы, права и возможности людей, выстраивать социальные иерархии.

Идеи дифференциации общественного положения людей имеют долгую историю. Так, одним из первых ученых, который «мыслил в терминах классов» (К. Р. Поппер [126]), был Платон [116], констатировавший расслоение людей на богатых и бедных и полагавший, что правильное государство должно иметь другую дифференциацию: чиновники, правители и воины. В XVII в. А. Смит [132], Э. Кондильяк [74, 75] и ряд других экономистов и историков ввели в научный оборот понятие «класс», которое К. Маркс [93, 94] и Ф. Энгельс [93, 163] впоследствии жестко связали с производственными отношениями. М. Вебер [30] же, полагая, что только экономические критерии слишком узки для анализа социального положения людей, предложил рассматривать более широкий круг источников неравенства.

В дальнейшем в соответствии с пониманием неизменного усиления разнообразия общества, повышения его «социальной гетерогенности» (Г. Спенсер [137, 138, 139]) ученые значительно усложнили основания стратификации. Т. Парсонс [113, 114] и другие «интеграционисты» выдвинули идею, согласно которой страти-

фикация представляет собой набор статусов и ролей, обозначающих гибкую, подвижную и временную принадлежность людей к тем или иным группам. Таким образом, жесткая принадлежность к группе стала сочетаться с гибкой, подвижной приобщенностью к ней людей.

Ряд ученых, в частности Р. Парк и Э. Богардус [128, 115], интерпретировали стратификационные различия сугубо психологически: чем больше люди испытывают симпатию друг к другу, тем они социально ближе, и наоборот, люди, испытывающие взаимную неприязнь и даже ненависть, социально отдалены. У. Уорнер [128, 115] определял стратификационные различия на основе «репутационного метода», предполагающего самоидентификацию граждан, т. е. отнесение ими себя к определенному слою.

Некоторые специалисты полагают, что социальная стратификация выражает только иерархические связи между группами. Однако большинство ученых все же считают, что это понятие характеризует общественную дистанцию, складывающуюся между людьми не только по вертикали (к примеру, различия в положении генерала и рядового военнослужащего), но и по горизонтали (отношение между тем же генералом и соответствующим ему по рангу работником гражданского сектора в аппарате государственного управления).

Разносторонность и многообразие социальной стратификации помимо фиксации групповых различий означает также и то, что человек одновременно принадлежит к разным социальным стратам (скажем, в одно и то же время является отцом, членом определенной профессиональной, а также национальной группы, жителем того или иного города и т. д.). Таким образом, социальная стратификация показывает, что человек обладает различными социальными статусами, среди которых, конечно, есть «главный статус» (Н. Мелзер [128, 113]), обуславливающий наиболее важную для человека групповую характеристику.

Люди стремятся воспроизводить действительность в соответствии с нормами, отвечающими более высокому статусу. Однако «сопротивление» представителей других статусов чаще всего вызывает определенную конфликтность в восприятии своего места в обществе и как следствие — их обостренную политическую реакцию на жизненные ситуации. Таким образом, одна только разница социальных статусов («социальная декомпозиция») способна вызвать социальную и политическую напряженность в поведении человека.

Так, упоминавшееся стремление человека идентифицировать себя с более высокой статусной группой, по замечанию американского ученого С. Липсета [87], на деле означает политическое давление, побуждающее людей становиться более консервативными. Это служит известным доказательством существующего в индустриальном обществе некоего «консервативного уклона», противостоящего влиянию антиэлитарных левых партий, апеллирующих к недовольству и устремлениям менее привилегированных слоев. Социальная стратификация в широком смысле включает в себя все группы, обладающие различными, в том числе политическими, статусами и ресурсами. Например, Г. Моска [105] и В. Парето [112] писали о властвующем меньшинстве (элите) и неэлитарных слоях общества, которые не выполняют в политике управленческих функций. Однако в узком, более специальном смысле важно различать собственно социальные и политические виды стратификаций.

10.2.2. Система социального представительства

Каждое общество обладает той или иной социальной структурой, но далеко не каждая группа способна включиться в политику, используя институты государственной власти для укрепления своей целостности, завоевания новых ресурсов или достижения более высоких статусов. К примеру, многие группы могут строить свои отношения на идеях сотрудничества и соучастия в разрешении тех или иных проблем без обращения за помощью к государству. В то же время в определенных, в частности, в тоталитарных системах, группы, как правило, являются объектами, а не субъектами власти. Политическая пассивность групп может быть вызвана и их социальной инерцией, привычкой сохранять с государством достигнутый баланс отношений (как это было, к примеру, в 1970-х гг. в СССР, когда политическая пассивность населения в значительной мере поддерживалась отсутствием явной безработицы, низкими ценами на жилье и товары первой необходимости, привычкой людей терпеть устоявшийся образ жизни).

Таким образом, социальная группа с политической точки зрения — это лишь потенциальный субъект. Превращение ее в реальный, действующий субъект политических отношений, когда находящиеся в ее распоряжении ресурсы начинают использоваться для изменения характера функционирования государственной власти и управления, зависит от многих причин. И, прежде всего — от социальных противоречий и интересов групп, доминирующих ценностей, способностей к самоорганизации. Первостепенным побудительным мотивом политической активности группы выступают, как правило, наиболее существенные, т. е. властно значимые, интересы, которые она не может реализовать без привлечения механизмов государственного управления. Как заметил по этому поводу Ф. Бро [26], задача политологии и состоит в констатации тех или иных различающихся по определенным основаниям объединений людей с целью выявления их специфических интересов по отношению к власти, понимания «политических ресурсов», которыми они располагают, чтобы заставить государство услышать свои требования.

Властно значимые социальные интересы, воля групп подаются на «вход» политической системы в виде требований или солидарной поддержки властей с целью оказать воздействие на принимаемые политические решения. Однако не все требования становятся содержанием политических решений. Эффективность воздействия непосредственно зависит от активности тех политических ассоциаций, которые озвучивают и транслируют интересы групп в политическом пространстве (по определению А. де Токвиля [143,144], это такие «вторичные ассоциации», как группы интересов, партии, разнообразные институты власти, элитарные объединения и т. д.).

Интересы одного социального слоя могут представлять несколько политических объединений (например, на защиту интересов рабочего класса претендуют социалистические и коммунистические партии). Причем автономность и самостоятельность этих объединений такова, что они могут представлять и защищать интересы даже несуществующих социальных групп (так, национал-социалистическая партия Германии пыталась говорить от имени несуществующей арийской расы; в 1970—80-х гг. нынешнего столетия КПСС защищала интересы так и не ставшего устойчивой полиэтнической и мультисоциальной группой советского народа и т. д.).

Социальные группы участвуют в политической жизни не непосредственно, а способствуя формированию специальных политических институтов для представительства своих интересов. Сложное взаимодействие таких институтов, занимающих левые или правые, центристские, радикальные или иные политические позиции, и характеризует систему социального представительства. Эти политические посредники между гражданским обществом и государством информируют последнее о существующих проблемах и противоречиях, способствуя тем самым консолидации и интеграции групп, а также коррекции политической линии властей. Деятельность таких объединений может серьезно влиять на содержание интересов социальных групп, их ценности, стремление к социальной замкнутости или открытости, и, в конечном счете, на характер социального структурирования. В то же время, оказывая давление на государство, они предохраняют его от застоя, стремятся подчинить его службе обществу и интересам граждан. Направленность и интенсивность деятельности этих политических субъектов зависит, прежде всего, от характера различий и противоречий между социальными группами.

10.2.3. Виды социальной стратификации

Стратифицированное ранжирование (градация) групп может производиться по разным основаниям (ресурсам), каждый из которых имеет неодинаковую политическую значимость. В науке сложились разнообразные способы определения социальных различий между группами. У. Уорнер [128, 115] выделил следующие значимые для общества группы:

- высший слой высшего класса;
- низший слой высшего класса;
- высший слой среднего класса;
- низший слой среднего класса;
- высший слой низшего класса;
- низший слой низшего класса.

Достаточно типичны и характеристики социальной структуры с точки зрения выделения социальных групп:

- большие (классы, профессиональные группы, этнические общности и др.);
- средние (производственные и некоторые территориальные объединения);
- малые группы (семьи, соседские общины и т. д.);

а также с точки зрения указания на специфику:

- целевые (функционирующие в соответствии с заранее установленными целями);
- социально-психологические (неформальные) объединения.

Однако более популярными оказались приемы, кладущие в основу социальной стратификации объективно существующие различия в обладании теми или иными ресурсами. Так, К. Маркс [93, 94] предложил вариант дифференциации общества на классы, разделяющий большие группы людей по их отношению к средствам производства и потому предполагающий жесткую привязанность индивидов к такого рода группам. В соответствии с его взглядами в зависимости от уров-

ня разделения труда и социально-экономических отношений исторически сложились четыре типа социальных структур:

- *рабовладельческая структура* (существует два основных класса: рабы и рабовладельцы);
- *феодалная структура* (взаимодействуют класс феодалов и класс крестьян + сословия и различные группы интеллигенции);
- *капиталистическая структура* (взаимодействуют буржуазия и рабочие; предпринимательство + средний класс (фермеры, торговцы, служащие) + монополисты, банкиры, промышленники);
- *социалистическая структура* (рабочий класс является основным).

Широкое влияние на научную мысль оказал подход к социальному стратифицированию, разработанный М. Вебером [30]. В качестве факторов, определявших неравенство в распределении ресурсов между группами, он предложил рассматривать:

- богатство, определяющее положение социальной группы в зависимости от величины присваиваемых ею благ (в связи с чем он выделял «имущие» и «приобретающие классы»);
- престиж, выражающий принятые в обществе оценки и стандарты относительно предпочтительного образа жизни того или иного слоя;
- власть, характеризующую способность различных групп оказывать преимущественное воздействие на сферу управления, сущность общества в усилении разнообразия.

Дополняя и развивая положения М. Вебера, его многочисленные последователи предлагали собственные варианты описания социальной структуры общества. Например, известный американский ученый Б. Барбер [12] помимо профессионального престижа, степени властного могущества, а также различий в богатстве предлагал учитывать также различия в образовании людей, религиозные признаки, родственные и этнические характеристики. По его мнению, в соответствии с этими признаками можно выделить:

- высшую страту профессионалов и администраторов;
- группу технических специалистов среднего уровня;
- коммерческий класс;
- мелкую буржуазию;
- группу техников и рабочих, осуществляющих руководящие функции;
- группу квалифицированных рабочих;
- группу неквалифицированных рабочих.

В последнее десятилетие некоторые западные и отечественные ученые обратили внимание и на ряд сравнительно новых социальных источников политических отношений. По их наблюдениям, в процессе интенсивного динамичного развития в позднеиндустриальных обществах наметились устойчивые тенденции к диверсификации и индивидуализации общественного положения людей. Это выразилось, прежде всего, в возникновении и даже усилении различий социокультурного характера:

- в среде молодежи стали активно формироваться группы устойчивых приверженцев альтернативных, контркультурных ценностей (хиппи, панки);

- ряд традиционных социальных различий перестал отражаться на образе жизни отдельных групп (например, многие рабочие в силу повышения материального благосостояния стали вести образ жизни буржуазных слоев);
- в области семейных отношений начали появляться формы однополых связей, ломающие привычные стандарты поведения людей, характерные для данной общности, и т. д.

Таким образом, в результате ослабления, а подчас и разрушения социальных привязанностей людей к традиционным общественным группам, они становятся свободными от социальных форм индустриального общества: класса, семьи, слоя и положения, обусловленного полом. Причем, как было отмечено исследователями, такие социальные подвижки, новые социальные дифференциации людей коррелируют и с рядом устойчивых тенденций в политической жизни, например, с расширением форм индивидуального политического участия, ослаблением партийной идентичности, ростом поддержки независимых политических деятелей и т. д.

Обобщая сложившиеся подходы в определении социальных различий, способных приобрести остроту в восприятии группами своих интересов и инициировать их политическое участие, исследователи выделяют следующие типы:

- территориально-языковую социальную стратификацию (между жителями Приморья и Воркуты, Башкирии и Москвы и т. д.);
- демографическую, характеризующую половозрастные особенности различных слоев населения (молодежи и пенсионеров, женщин и мужчин, детей из полных и неполных семей и т. д.);
- этнонациональную, выделяющую различия родственных и этнических общностей (между теми или иными семейными группами, людьми, принадлежащими, скажем, к казахской нации и калмыцкой народности, коренной и некоренной нациям и т. д.);
- конфессиональную, отражающую различия между людьми, которые придерживаются различных религиозных убеждений (между верующими и атеистами, представителями различных вероисповеданий);
- социокультурную, фиксирующую различия в стилях поведения людей, их жизненных ориентациях, доминирующих традициях и иных культурно значимых компонентах их поведения;
- социально-экономические (различия в доходах, уровне образования, профессиональной компетенции тех или иных групп работников);
- социально-психологическую, отображающую различия между людьми с точки зрения общественного признания важности и значимости их статусов и форм поведения (например, в виде престижа и уважения разнообразных человеческих объединений);
- позиционную, указывающую на различия между людьми по степени их властного могущества, влияния на принятие управленческих решений.

Наличие разных страт непременно включает в себя и субъективное ощущение людьми своей принадлежности к данной конкретной общности (идентификацию). Она означает уровень освоения человеком групповых ценностей, норм, притязаний и потому является показателем и фактором внутренней сплоченности группы, ее целостности и интегрированности. При этом овладение нормами и

ценностями группы способно выступать самостоятельным источником активности человека, его продвижения в обществе. Не случайно Дж. К. Дэвис [57] и В. Мур [133, 105] видели в социальном расслоении «баланс» затрат (на которые человек идет ради завоевания притязаний) и вознаграждения (получаемого им статуса).

Каждый из перечисленных типов групповых различий свидетельствует о реально существующем расслоении населения и может стать источниками политической активности граждан. Однако отдельные виды социальных различий могут быть преодолены за счет использования группами механизмов самоорганизации, более полного использования внутренних возможностей для роста экономических показателей жизни своих членов, укрепления солидарности с другими социальными общностями и т. д. При этом мотивация к использованию политических форм урегулирования межгрупповых противоречий и, более того, социальная напряженность в поведении людей могут возникать даже при понимании одной только разницы социальных статусов. Как отмечает С. Липсет [87], «когда люди занимают несовместимые социальные положения, два взаимопротиворечивых статуса могут <...> даже вызвать к жизни <...> экстремистскую реакцию».

10.2.4. Социальная мобильность

Социальная стратификация включает в себя и другие источники и причины политического участия групп. К ним относятся разнообразные виды социальной мобильности, означающей процесс изменения общественного положения человека.

В принципе любые социальные перемещения могут вызвать обращение групп к государству как главному регулятору статусных отношений. Однако, как показывает опыт, наибольший политический потенциал заключен в *нисходящей* мобильности вертикального типа. Такие процессы, как правило, всегда вызывают рост политической напряженности, поскольку не только ведут к утрате людьми устойчивости их социального положения (маргинализации) или абсолютному понижению социальных возможностей определенных слоев населения (люмпенизации), но и нередко связаны с уничтожением конкурирующих групп (предполагающим как качественное изменение условий существования групп, так и физическое устранение представителей той или иной общности). Это повышает уровень социального сопротивления последних, провоцирует активизацию сил правого и левого экстремизма, вызывает массовое распространение зависти, предубежденности к другим людям и группам.

Особое возбуждение политических отношений вызывает *восходящая* динамика слоев, находящихся на самых нижних этажах социальной лестницы. Их известная «невстроенность» в общество, отсутствие должных внутренних свойств для продвижения наверх заставляет их ориентироваться на политические средства едва ли не как на единственные для улучшения своего общественного положения. Нередкая в таких случаях озлобленность по отношению к высшим, привилегированным слоям дополняет стремление к успеху устойчивой готовностью к постоянному перевертыванию статусов.

Конечно, в обществе всегда есть группы, чье социальное положение отличается большей устойчивостью, и потому такие группы в основном политически

инертны. Однако в условиях экономической конкуренции, преобразований в различных областях жизни, динамики межнациональных отношений, которые способны существенно перестроить иерархические связи в социальной сфере, «ведущее» положение любых групп в любой момент может стать достаточно условным. Как показали исследования, если групповые перемещения в области социально-экономических отношений не превышают привычных для общества показателей, т. е. совершаются в естественных для него пределах неравенства, то это обходится без существенных политических потрясений. Если же экономические изменения приобретают резкий и скачкообразный характер, то политическая стабильность подвергается сильнейшему давлению, а отдельные режимы могут даже рухнуть под тяжестью таких противоречий.

Значит, независимо от уровня экономического развития демократические страны должны последовательно стремиться к постепенному уменьшению неравенства в доходах. В международной практике сформировалось понятие о минимальных социальных показателях, наличие которых свидетельствует о должной степени политической стабильности в обществе (так называемая «красная линия»). Например, считается, что 4–5-кратное расхождение в доходах основных групп населения служит нижней границей политического протеста и во многом является критическим показателем для существующего режима. Это положение, в частности, должно послужить предостережением и молодой российской государственности, где одним из мощных источников политического напряжения сегодня является 15-кратный разрыв в доходах между 10 % самой обеспеченной и 10 % самой бедной части населения [104, 23].

Негативные последствия социальной мобильности усиливаются в государствах, переживающих распад доминирующих социальных ценностей, особенно в тех случаях, когда социальная стратификация жестко ограничивает возможности овладения символами общественного успеха (Р. Мертон [128, 119]). Наибольшая политическая напряженность возникает, как правило, в тех странах, где власти создают искусственные возможности для изменения социальных иерархий. Так, проводившаяся большевистским режимом в 1920-х гг. политика раскулачивания (лишения собственности и ссылки в Сибирь зажиточных крестьян) порождала острую политическую борьбу в деревне и крестьянские восстания.

Внутренним источником и одновременно составной частью групповой мобильности являются социальные перемещения отдельных граждан как внутри групп, так и между группами. Интенсивность этой разновидности социальной мобильности обусловлена, с одной стороны, границами, которые устанавливает общество для подобных перемещений, а с другой — субъективными устремлениями самих людей, стремящихся изменить свое общественное положение по причине ориентации на новые ценности, изменения жизненных планов, повышения образования и т. д.

Специфическим источником политического участия является резкое расхождение между различными статусами людей, принадлежащих к различным группам (социальная декомпозиция). Например, люди могут принадлежать к группам, обладающим высоким социальным престижем (в данной стране), но в то же время иметь не соответствующие этой высокой социальной позиции реальные денежные доходы. Такое несоответствие статусов, прав и возможностей стимулирует высо-

кую активность подобных слоев населения, заставляя их оказывать воздействие на государственную власть с целью устранения подобного разрыва.

Важным фактором, определяющим политический потенциал социальной мобильности, является поддерживаемый государством характер межгрупповых отношений. В данном случае речь идет о степени *открытости* стратификации, поощряющей или, напротив, затрудняющей перемещения отдельных граждан как внутри групп, так и между ними. Именно открытость социальных перемещений служит показателем соотношения усилий общества, создающего условия для подобных перемещений, субъективных устремлений людей, стремящихся изменить свое общественное положение ввиду ориентации на новые ценности, изменения жизненных планов, повышения образования и т. д.

Государство может стремиться к поддержанию непроницаемости, законсервированности социальных статусов, препятствуя свободному переходу из одной группы в другую. Например, в ряде государств власти ограничивают социальные и гражданские права людей по национальному признаку, социальному происхождению, идеологической ориентации и т. д. Отсутствие условий для свободной социальной мобильности может дополняться действиями по искусственному формированию социальной структуры, насильственному изменению социальных иерархий (например, проводившаяся в 1920-х гг. в СССР политика раскулачивания). В таких случаях люди лишаются возможности благодаря собственным индивидуальным усилиям изменить свое общественное положение, и потому конфликты в этой сфере будут неизменно усиливать политическую напряженность.

Приблизительно до середины XIX в. даже в капиталистических странах, как правило, доминировали нормы «органической идеологии», которая оправдывала стабильность занимаемого человеком положения и тем самым ратовала за сохранение неизменности социальной структуры. В противовес этой идее К. Маркс [93, 94] выдвинул мысль о социальной революции, способной сломать неподвижную стратификацию буржуазного общества. Однако развитие индустриального общества пошло другим путем. Оно резко расширило возможность преодоления социальных дистанций за счет поощрения индивидуальных перемещений людей на основе их способностей и активности. Возобладавшая идеология «открытого класса» исходила из того, что индивидуальная мобильность является неотъемлемым правом личности и важнейшей предпосылкой развития общества. Тем самым утверждалась и мысль о том, что социальные различия не предполагают возникновения разрушительных политических действий со стороны каких-либо социальных сил.

В противоположность такому характеру социальных отношений открытость стратификации, неограниченность вертикальной и горизонтальной мобильности снимают значительную часть причин для возникновения политических конфликтов между группами. В целом становление подобного типа структурирования общества соответствует основным тенденциям развития индустриального общества, которое резко расширяет возможности преодоления социальных дистанций за счет поощрения государством индивидуальных перемещений людей благодаря их способностям и активности. Такая «идеология» открытости исходит из того, что индивидуальная мобильность является неотъемлемым правом личности, утверждением политической свободы и важнейшей предпосылкой развития общества.

При политике государственной поддержки статусного роста граждан, по мнению А. И. Соловьева, не только «победители» обретают новый общественный статус, но и не сумевшие по какой-либо причине преодолеть социальную дистанцию не остаются «за бортом» жизни, лишь на время смирив свои притязания, используя при этом помощь институтов власти в борьбе с безработицей, в повышении квалификации, овладении новыми ценностями и т. д. [128, 120].

Итак, обеспечение государством доступности ресурсов и статусов на основе открытой индивидуальной мобильности служит важнейшей предпосылкой политической стабильности общества. При таком условии в обществе действуют естественные механизмы образования социальных слоев, укореняются демократические ценности и идеалы. Противоположная стратегия неизбежно ведет к нарастанию политической напряженности, чреватой непредвиденными трудностями для правящего режима.

10.2.5. Социальные источники напряженности политических отношений в России

Особенности состояния и динамики социальной структуры в современном российском обществе, прежде всего, определяются переходным состоянием общественных отношений. Наиболее важные изменения состоят в том, что реально произведенные демократические преобразования породили новые социальные механизмы перераспределения ресурсов и статусов, формы социальной стратификации.

Эти социальные процессы происходят параллельно с традиционными механизмами структурирования, которые связаны с функционированием дотационных и неконкурентных секторов экономики, старой инфраструктурой хозяйствования и разделением труда, прежним привилегированным положением ряда национальных групп и т. д. С этими факторами стратификации, как правило, связаны работники малорентабельных и нерентабельных предприятий госсектора, ряда госучреждений, слабо вписывающихся в рыночную экономику, жители малых городов и сельской местности, где менее всего заметны результаты реформ, пенсионеры, некоторые категории учащейся молодежи и др.

Наряду с указанными источниками структурирования складываются и его новые механизмы, вызванные

- введением частной собственности;
- капитализацией хозяйственных отношений;
- перестройкой социально-экономических коммуникаций;
- ростом национального и религиозного самосознания и др.

Они привели к возникновению групп предпринимателей, фермеров, крупных и мелких собственников, высококвалифицированных менеджеров, увеличили разнообразие этнокультурных групп (казачество) и стилей жизни, не сводимых к традиционным классовым характеристикам.

В целом в социальной структуре российского общества можно выделить три группы макросоциальных противоречий, вызывающих мощные политические потоки, а именно:

- внутри традиционалистической (нерыночной) стратификации;
- внутри новой (рыночной) стратификации;
- между этими двумя типами социальности.

В то же время наблюдаются противоречивые тенденции, свидетельствующие не только об объективном усложнении, но и упрощении социальной структуры, сведении ее важнейших критериев к экономическим.

Так, существеннейшее влияние на политические отношения оказывают противоречия между привилегированной, сильно коррумпированной частью чиновничества и остальным населением, а также между работниками монополизированных государством сфер и тружениками иных экономических областей. Содержание политических отношений стало в значительной мере зависеть и от наличия экономических классов, различающихся по степени дохода принадлежащих к ним лиц. На одном полюсе сосредоточилось 5 % богатых и сверхбогатых и 10–15 % обеспеченных слоев населения, а на другом — 15–20 % наименее обеспеченных граждан.

Еще одной тенденцией изменения социальной структуры, имеющей существенные политические последствия, служит маргинализация общества, связанная, в частности, с массовым обнищанием части населения, последствиями безработицы, значительно разросшимися миграционными процессами, прежде всего за счет граждан из бывших республик СССР и рядом других социальных процессов.

Многообразие и богатство социальных взаимосвязей в современном российском обществе порождают переплетение множества политических процессов:

- группы, заинтересованные в рыночных преобразованиях и побуждающие государство к расширению поддержки предпринимательства, соперничают с силами, не заинтересованными в структурной перестройке экономики и стремящимися сохранить политику госрегулирования и патернализма;
- номенклатурные кланы в государственном аппарате, пытающиеся поставить себе на службу ход реформ, сталкиваются с протестом широких социальных слоев, пытающихся утвердить в обществе принципы социальной справедливости и свободы;
- борение сил и слоев, связанных с криминализированной и «честной» экономикой, приобретает острейшие формы, вплоть до актов политического террора и т. д.

В целом же столкновение разнообразных политических потоков вызывает серьезные кризисы в деятельности государства, поддерживает ценностный раскол в политической культуре общества, инициирует недовольство широких социальных слоев населения.

Опыт показывает, что смягчение политической напряженности в России, как и в других странах с переходной социальной структурой, как правило, связано с усилением социальной направленности деятельности правительства (особенно в отношении наименее защищенных слоев населения), борьбой с привилегиями бюрократии и преступностью, расширением возможностей профессиональной переподготовки граждан и рядом других мер.

§ 3. МЕСТО И РОЛЬ КЛАССОВ И СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В ПОЛИТИКЕ

10.3.1. Особенности социальной структуры

Помимо государства люди входят (независимо от своей воли) в определенные общности, находя себя в них, или же (по своему желанию) вступают в те или иные объединения. К первым относятся нации, различные этнические группы, классы. Ко вторым — партии, союзы, блоки, различные группы давления, коллективы и т. д. Все они тем или иным образом включаются в систему политических отношений и, естественно, в систему субъектов политики.

Наряду с индивидуальными субъектами в политике действуют социальные (совокупные) субъекты, цели и действия которых отражают коллективное сознание индивидов, объединенных на основе исторически сложившихся устойчивых общественных связей. Группы, будучи основным субъектом политики, обладают особенностью сложным и специфическим образом включаться в конкурентные отношения по поводу социального представительства в государственной власти. В целом понятие «группа» фиксирует сходство людей, как по врожденным, так и по приобретаемым в процессе жизни признакам. При этом, обладая однотипными чертами и качествами с другими людьми, каждый человек одновременно принадлежит к разным социальным группам.

В то же время для человека характерна какая-либо наиболее существенная групповая принадлежность, выражающая его основные интересы и ценности, отношение к жизни. Деятельность социального субъекта является объединенным результатом взаимодействия составляющих его индивидуальных субъектов и отличается от простой суммы их персональных качеств. При этом коллективное сознание того или иного социального субъекта может противостоять личностному сознанию индивидов, представленных в той или иной общности, и вынужденных считаться с совместно выработанными ценностями.

Люди, живя и воспринимая действительность в соответствии с этими групповыми нормами и стандартами, вступают в определенные конфликтные отношения с представителями других общностей, групп, имеющих иные потребности, взгляды на жизнь, возможности и ресурсы. Эти межгрупповые отношения, выражая различия между людьми по тем или иным признакам, фиксируют тот уровень общественной дифференциации, которая сложилась в каждом конкретном обществе. Как показывает опыт, именно переплетение интересов групп, их различные связи и взаимоотношения оказывают существенное воздействие на содержание политических процессов.

Однако не все конфликтные отношения между группами могут проявляться в политической сфере и оказывать влияние на институты власти. Далеко не каждая группа стремится использовать политические средства для решения своих проблем, предпочитая строить свои отношения с оппонентами на идеях сотрудничества, взаимопонимания или заключения различного рода договоров и сделок. В ряде случаев стремление включиться в политику для защиты своих интересов сочетается у некоторых групп с неспособностью использовать институты государственной власти для укрепления своей целостности, завоевания новых ресурсов или достижения более высокого общественного положения.

В роли социальных субъектов политики могут выступать классы и социальные группы, когда они оказываются в противостоянии с другими общностями или же во взаимодействии с некоторыми из них, но в конфликте или сотрудничестве с существующей политической властью. Суть политики, выражающаяся в самых различных направлениях, сводится, следовательно, к стремлению отдельных классов и групп сформировать все общество в соответствии со своими интересами.

Вместе с тем, социальная группа с политической точки зрения — это потенциальный субъект отношений в сфере государственной власти. Становление ее реальным, действующим субъектом политических отношений, практически использующим свои ресурсы в целях изменения характера функционирования государственной власти и управления, представляет собой длительный и сложный процесс, который зависит от многих внутренних и внешних для группы причин.

Поскольку место различных классов и социальных слоев в системе общественного разделения труда и, прежде всего, в отношениях собственности неодинаково, поэтому различна и их социальная, а следовательно, и политическая субъектность. Одни из них, экономически господствующие, могут стать субъектом государственной власти и организовать всю систему политической надстройки или ее основу. Другие — подневольные — такого уровня субъектности не достигают.

Как известно, в любом классовом обществе наряду с двумя основными классами имеются и второстепенные большие и малые общественные группы. Кроме того, каждая страна, независимо от конкретной социально-классовой структуры, — это и целостное общество: народ, нации, этносы и т. д.

Политическая субъектность общества, народа, нации, этносов является, безусловно, так же как и политическая субъектность основных классов, окончательной, первичной и основной, ибо сами они не могут возникать, функционировать и развиваться иначе, как только в целостном общественном организме — обществе, частями которого они являются. А всякое целое, как известно, не сводится только к сумме его составляющих, а характеризуется новыми качествами и свойствами интегративности, не присущими в полной мере частям и элементам, но возникающими в результате их взаимодействия в определенной системе связей.

От выше представленной существенно отличается политическая субъектность *неосновных* общественных групп:

- 1) эта субъектность не самостоятельная, не самопроизвольная, а производная и служебная в отношении основных общественных классов и общества (она исторически и социально ограничена субъектностью последних или, напротив, чаще всего ими инспирируется);
- 2) эта субъектность «генетически» вторична по отношению к общественным движениям основных общественных групп (общественные движения являются выражением потенциальной политической субъектности данных групп, но реально именно они создают эту субъектность);
- 3) это политическая субъектность, имеющая функциональную ценность как в отношении действий общественных организаций (они формируют чувство связи, осознание идентичности, учат взаимодействию), так и в отношении их функциональной и социальной субъектности (организации могут быть эффективными субъектами общественных процессов только как субъекты политики, когда сфера их специфической практики касается полного выявления классовых и социально-прослоечных интересов);

4) это политическая субъектность, имеющая специфический способ своего проявления в политической практике (неосновные общественные группы не выступают вполне самостоятельными субъектами).

Означает ли все это, что *неосновные* общественные группы как политические субъекты не могут играть существенную роль в сфере политики? Безусловно, нет. Речь идет лишь о том, что

- они играют эту роль преимущественно как соучастники, соискатели и соинициаторы действий политической власти; но соисполнение и общая ответственность за эти действия не могут быть пассивными, не могут означать только покорного согласия с тем, что делает власть;
- неосновные, в том числе и маргинальные социальные группы, могут реально укрепить или разложить политические отношения основных «формационных» классов и слоев, замедлить или ускорить процесс роста их политической субъектности;
- в истории нередки случаи, когда маргинальными по своему удельному весу и реальной роли в политике оказывались основные классы, т. е. дающие данному обществу «формационную окраску» (это особенно наглядно проявляется в бурно нарастающем сегодня, в условиях НТР, изменении субъектов политической жизни в развитых и развивающихся странах).

Большие общественные группы и движения, с точки зрения уровня организации, сознания и самосознания, воздействия на другие группы и общество в целом, представляют собой различные уровни развития, а тем самым и соответствующие уровни политической субъектности.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод: большие общественные группы и движения как субъекты интересов, определяющих содержание политических действий, являются в этом смысле «окончательными субъектами» политики или, иными словами, «субъектами политики в последней инстанции». В этом смысле данные политические структуры выступают так же, как «первичные» и «потенциальные» субъекты, поскольку становятся ими только после соответствующей организации в целое.

Большие общественные группы и движения на определенном этапе своего развития, а следовательно, и своей политической субъектности создают собственные объединения, организации и их инстанции, задача которых — репрезентация и эффективная деятельность в интересах названных образований. В этом смысле организации больших общественных групп и движений выступают инспираторами, организаторами и исполнителями политических действий и в силу этого становятся субъектами всей совокупности политических действий в интересах своих политических структур.

Наблюдающаяся в демократических индустриально развитых странах мира тенденция роста социальной мобильности, расширения возможностей повышения статуса для представителей различных групп общества сочетается с сохранением в них устойчивого группового социально-экономического и политического неравенства. Субординацию основных общественных групп, их деление на высшие и низшие с точки зрения обладания важнейшими общественными и, прежде всего, социально-экономическими ресурсами (богатство, доход, престиж, образование) отражает понятие «*социальный класс*».

Современные трактовки классов и их политической значимости достаточно разнообразны, порою произвольны и не всегда отличают класс от других страт общества. Некоторые авторы, (например, Г. Моска [103], Р. Михельс [101] и другие), исходя из идеи приоритетной значимости политических различий в социальном структурировании общества, используют понятие «политический класс» («класс управляющих»), которым обозначают класс, выделяющийся на основе обладания властью. Однако в этом случае речь идет уже не о социальных классах, а о политических элитах. О социальных же классах «можно говорить лишь в том случае, когда экономическое положение групп связывается с характерными условиями и стилем жизни, с социальными и политическими установками людей. При этом важную роль играют также такие факторы, как уровень образования, «культурный капитал» (Бурдьё [28]) и образец «социальной мобильности и иммобильности поколений».

Социальные классы обычно выделяются среди других страт на основе их экономического положения, устойчивости социального положения их представителей, затрудненности социальной мобильности, перехода из низшего класса в высший, а также многочисленности их представителей. Все это обуславливает их существенное, а иногда и определяющее воздействие на политику. Рассматривая разнообразные определения классов, можно выделить три главных подхода к их трактовке: марксистский (К. Маркс), веберовский (М. Вебер) и стратификационный (функциональный) (Т. Парсонс, У. Уорнер и др.). Из всех этих подходов наибольшее влияние на политическую мысль и политическую историю XX в. оказала марксистская теория классов, придающая им приоритетную значимость в детерминации политических процессов и политического строя.

10.3.2. Марксистская трактовка политической роли классов

С точки зрения марксизма любое общество, основанное на господстве частной собственности, состоит из классов — «больших групп людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают». Одни классы благодаря своему экономическому положению могут присваивать труд других классов. По К. Марксу, основными социальными субъектами политической жизни являются общественные классы [92, 93]. Борьба классов — это основное содержание политической жизни, средство решения всех наиболее важных жизненных проблем.

Капиталистическое общество делится на два основных антагонистических класса: класс собственников — буржуазию и класс наемных рабочих — пролетариат. Все другие группы (землевладельцы, ремесленники, крестьяне, интеллигенция, служащие и т. д.), так или иначе, примыкают к основным классам. Класс, владеющий средствами производства, является и политически господствующим, руководит государством. Интересы основных классов несовместимы, антагонистичны. Осознание своего положения в обществе приводит к формированию у рабочих

классового сознания и к развитию классовой борьбы, высшей формой которой является борьба за государственную власть — борьба политическая. Последняя в ходе обострения противоречий капитализма и роста классовой борьбы трудящихся завершается социалистической революцией, в результате которой рабочий класс устанавливает свое политическое господство и использует его для строительства бесклассового самоуправляющегося общества — коммунизма.

10.3.3. Антагонистические классы и современность

В конце XIX — первой половине XX вв. историческая практика, как пишет В. П. Пугачев, давала известные подтверждения марксистской концепции политической роли классов. В то время на историческую арену вышли массовые политические партии рабочего класса, в России и некоторых других странах мира под классовыми лозунгами прошли революции, главной движущей силой которых, однако, были скорее руководимые компартиями военные, маргиналы и низшие слои общества в целом, чем рабочий класс [128, 122].

По мере развития капиталистического общества, повышения благосостояния и расширения социальных прав трудящихся и всего населения, политическая практика стала все больше расходиться с классовой теорией марксизма. Большинство рабочих не поддержали классовые партии, звавшие к насильственной революционной борьбе против капитала, встали на путь социал-реформизма и социального партнерства или проявляли политическую индифферентность. Эта тенденция сохраняется и ныне. В Великобритании, например, в последние десятилетия примерно одна треть рабочих на выборах отдает свои голоса партии консерваторов, традиционно являющейся партией крупного капитала. По результатам эмпирических исследований, в ФРГ лишь 10 % населения считает принадлежность к социальному классу в его марксистском понимании важнейшим фактором общественной дифференциации, причем рабочие составляют среди них лишь 5 %, чиновники — 3, служащие — 15, предприниматели — 18 %.

В 1980—90-х гг. в странах командного социализма рабочие также не проявили классовой сознательности и не выступили в поддержку социалистического строя и «своей» власти, не стала исключением и «Родина мирового пролетариата» — СССР. Более того, в некоторых странах, прежде всего, в Польше, организованное рабочее движение выступило основным политическим оппонентом коммунистических режимов и главной силой в борьбе за демократизацию общества и формирование социально ориентированной рыночной экономики.

Эти и другие подобные факты, ставящие под сомнение классовую теорию марксизма, получают неоднозначную интерпретацию среди ученых. Радикальные противники марксизма видят в них доказательство ошибочности марксистской классовой теории или, по меньшей мере, ее явного несоответствия реальностям современного постиндустриального общества. Сторонники же марксизма объясняют отсутствие у широких слоев рабочих классового сознания и включенности в политическую борьбу:

- формированием рабочей аристократии, которой капитал создает благоприятные жизненные условия за счет эксплуатации, прежде всего, трудящихся других стран (В. И. Ленин [82, 83]);

- интегрированием рабочего класса богатых стран Запада, кроме его низших слоев и иностранных рабочих, в капиталистическую систему (Г. Маркузе [128, 123]);
- экономической стабилизацией «позднего капитализма» и созданием достаточно эффективной системы идеологического и политического господства капитала, обеспечивающей массовую политическую лояльность (Ю. Хабермас [151] и другие неомарксисты).

Современные неомарксисты, считая социально-экономический классовый конфликт основополагающим для современного западного общества, критикуют противников классовой теории за узкий эмпиризм и функционализм, простую констатацию корреляций между объективным социально-экономическим положением и политическим сознанием людей, за игнорирование сложного механизма, опосредующего это взаимодействие. По их мнению, факторами, препятствующими адекватному отражению классового положения в сознании и политической борьбе рабочих и других лиц наемного труда, являются рост их благосостояния и социальной обеспеченности, контролирование капиталом институтов социализации и создание индустрии формирования массового иллюзорного сознания с помощью системы образования, СМИ и т. д.

Что же касается пассивного восприятия рабочим классом краха коммунистических режимов в странах Восточной Европы, то современные сторонники марксистской классовой теории объясняют это

- бюрократическим перерождением социализма;
- формированием нового господствующего эксплуататорского класса — номенклатуры;
- узурпацией ею государственной власти;
- дезориентацией рабочего класса;
- отказом от социалистической идеологии;
- стремлением номенклатуры превратить свое политическое господство в господство экономическое.

При всей убедительности этого рода аргументации, в целом трактовка классов как главных субъектов политики, а классовой борьбы как движущей силы истории в свете современного исторического опыта и эмпирических исследований выглядит если не ошибочной, то, по меньшей мере, далеко расходящейся с действительностью. Ни в одной стране мира рабочий класс так и не смог установить свое политическое господство. В развитых странах мира традиционные классовые партии либо изменили свою ориентацию, либо не пользуются поддержкой сколько-нибудь значительной части населения.

Это, однако, не означает, что марксистский классовый анализ полностью исчерпал себя. В демократических постиндустриальных странах классовая (в марксистском понимании) принадлежность остается одной, хотя и не главной, социально-экономической детерминантой политики. В странах же с «диким», несоциализированным капитализмом, где произвол частных собственников не имеет жестких государственных ограничений, классовые конфликты могут приобретать большую остроту и выходить на передний план политической жизни. К числу таких государств принадлежит и современная Россия.

10.3.4. Трактовка классов М. Вебером

Марксистская теория классов, без сомнения, до сих пор имеет немалое влияние, но многие современные ученые широко используют иные трактовки классов, их роли в политической жизни. Основополагающее значение для них имеет концепция классов М. Вебера [30], который признавал «неизбежное существование на земле вечной борьбы людей против людей» и выступал с критикой одномерности (лишь на основе отношения к собственности) и жесткого экономического детерминизма марксистского подхода к классам. Согласно М. Веберу, классы — это группы людей с примерно одинаковыми жизненными шансами, интересами и ценностными ориентациями, общность экономического положения которых отличает их друг от друга и создает возможность классовых конфликтов. Специфическими классовыми признаками, по его мнению, выступают не только контроль над средствами производства, но и над имуществом, а также профессия, квалификация и некоторые другие социально-экономические признаки. К важным характеристикам классов он относил также доступ к власти и политическую организованность.

В работе «Экономика и общество» (1922) М. Вебер выделил три типа классов:

- 1) имущие, получающие доход от собственности;
- 2) приобретающие, доход которых определяется от продажи рабочей силы и ситуации на рынке труда;
- 3) социальные классы, особенностью которых является высокая внутригрупповая мобильность, легкость и типичность внутригрупповых перемещений отдельных индивидов и целых поколений.

Классами современного ему общества он называл:

- 1) рабочий класс;
- 2) мелкую буржуазию;
- 3) не имеющую собственности интеллигенцию и специалистов;
- 4) класс собственников и лиц, привилегированных в силу высокого образования.

Современные последователи М. Вебера выделяют два новых класса:

- 1) работники сферы услуг;
- 2) лица, живущие за счет государственных пособий (пенсионеры, студенты и т. п.).

Проблема классов не получила у М. Вебера детальной разработки (а некоторые ее аспекты были лишь намечены и по-разному интерпретируются в современной науке). Вместе с тем, его подход к классам преодолевает жесткий экономический детерминизм теории классов К. Маркса, позволяет учитывать различные стороны положения класса в обществе, аккумулируемые в его жизненных возможностях и интересах. Многомерность такого подхода к классам повышает применимость этого понятия к сложному, плюралистическому обществу наших дней.

На веберовском понимании классов базируются преобладающие в науке современные трактовки, в частности, конфликтная концепция классов немецкого социолога Р. Дарендорфа [49, 50, 51, 52, 53]. Он рассматривает экономические классы в марксистском понимании лишь как их частный случай и выделяет классы, прежде всего, в зависимости от их обладания (или необладания) властью и автори-

тетом. В силу различного положения в системе власти классы выступают потенциальным источником общественных конфликтов. В целом же «класс — это категория, которая используется при анализе динамики социального конфликта и его структурных корней, и именно этим он может быть четко отделен от слоя как категории, используемой для описания иерархических систем в текущий момент». Не претендуя на универсальность, трактовка классов Р. Дарендорфом ориентирует на выявление и анализ потенциальных политических конфликтов.

10.3.5. Функциональный подход к классам

Анализ, в котором класс рассматривается как основной субъект политической деятельности уже в начале XX в. был подвергнут критике. Американский политолог А. Бентли [68] указал, что понятие «класс» — это слишком большая общность. Вместо классов в качестве субъектов политики он предложил *социальную группу*, которую он назвал «*группа интересов*». Таким образом был найден иной, более узкий, эмпирический субъект политики, определенная часть, слой, фракция класса.

Ныне в современной западной, особенно американской, социологии широко распространена трактовка классов в русле стратификационной теории, т. е. как одной из основных общественных страт. В рамках этого подхода центральное место занимает функциональная (статусная) концепция классов, согласно которой классы — это группы людей примерно одинакового социального статуса, определяемого величиной дохода, престижностью профессии, уровнем образования, доступом к власти. Эти статусные параметры проявляются в политическом поведении, чувстве коллективной идентичности, сознании и образе жизни класса.

По мнению исследователей, классовое деление функционально, полезно для общества. В нем всегда существует дефицит талантов и заинтересованность в распределении социальных позиций, должностей в соответствии со способностями индивидов. Классовое деление помогает реализовать эту социальную потребность. Оно с помощью растущего по мере продвижения по социальной лестнице материального и идеального (престиж, общественное признание и уважение) вознаграждения, стимулирует активность и соревновательность индивидов за более высокие позиции в социальной иерархии. Классовая дифференциация способствует занятию наиболее важных для общества постов самыми талантливыми и подготовленными к соответствующей деятельности людьми. Функциональная классовая структура, согласно сторонникам данного подхода к классам, необходима для нормального развития общества, поэтому всякие попытки ликвидации классов и социального неравенства противоестественны и дисфункциональны. Исходя из этого, главной задачей политики в современном обществе признается обеспечение *открытости* классовых позиций для каждого человека, создание для всех примерно равных стартовых возможностей.

Результаты эмпирических исследований в значительной мере расходятся с важнейшими положениями функциональной теории классов. Прежде всего, они свидетельствуют о том, что во многих областях общественной жизни (статусных иерархиях) не существует ни открытой соревновательности за занятие высоких позиций, ни рационального распределения вознаграждений в соответствии со значимостью профессии и (или) поста. Более того, как показывает повседневная

практика, определяющее влияние на распределение вознаграждений зачастую оказывают традиции, идеологические и политические факторы, в том числе политическая организованность и активность той или иной профессиональной группы.

Политология использует понятие социальной группы в более узком значении, трактуя ее как носителя властных свойств и устремлений, как субъекта силы, влияния, способного воздействовать на принятие политических решений в свою пользу. Политическая жизнь в соответствии с этой теорией приобретает характер борьбы социальных интересов.

10.3.6. Разновидности концепции среднего класса

В русле функционального подхода к классам возникла весьма распространенная в современной политической мысли теория среднего (или нового среднего) класса (Х. Шельский [128, 127], Р. Арон [7], Д. Белл [14, 15, 16, 17, 18] и др.), который характеризуется различными авторами в качестве разделяющего, промежуточного по отношению либо к буржуазии и пролетариату, либо (что обычно связано с первым) к высшему и низшему классам. Средний класс рассматривается сторонниками этой теории как главная социальная база и опора демократии. В силу своего положения в обществе он заинтересован в политической стабильности, высоко почитает ценности свободы и прав человека, склонен к компромиссам и примирению политических крайностей, обладает умеренностью политических требований, относительно высокой компетентностью и активностью при принятии электоральных и других политических решений. В то же время, как отмечает С. Липсет [87], нисходящие слои среднего класса служат благоприятной питательной почвой для экстремистских движений, особенно фашистского и правоэкстремистского толка.

Теории среднего класса явились отражением

- количественного роста в странах Запада служащих, интеллигенции, менеджеров;
- сохранения значительной численности мелких предпринимателей;
- повышения социальной защищенности и уровня образования рабочих и ряда других групп;
- сближения доходов, уровня потребления и образа жизни широких слоев населения.

По мнению последователей теории среднего класса, данный процесс привел к устранению традиционных классовых различий между буржуазией и пролетариатом и образованию новой социальной группы, охватывающей и ценностно объединяющей большинство населения индустриально развитых стран, — она-то и составляет средний класс. К нему относятся индивиды, обладающие близким уровнем дохода, образования, престижности профессии, образа жизни и идентифицирующие себя с этой группой общества. По результатам опросов, в странах Запада свыше половины населения (до 70—80 %) причисляют себя к среднему классу. Формирование среднего класса обеспечивает обществу высокий уровень социальной однородности, сглаживает или вовсе устраняет классовые конфликты, помогает сближению позиций партий, профсоюзов и т. д.

По существу, средний класс составляет экономическую основу стран данного типа. Характерно, что его позитивную роль еще в древности отмечал Платон [116], который полагал, что «среднее сословие» призвано, прежде всего, экономически обеспечивать содержание основных классов общества — как управляющих государством, так и воинов.

В настоящее время в состав среднего класса входит часть собственников и хорошо оплачиваемые профессионалы в различных отраслях экономики. Это те экономически независимые, с достаточно высокими стандартами потребления люди, которые относительно свободно выбирают сферу приложения своих сил и не расходуют свою энергию на добывание «куска хлеба». Напротив, это те, кто занимается самостоятельным и во многом творческим трудом, обладающим для них большим внутренним смыслом. Положение среднего класса характеризуется и определенной неравновесностью, промежуточностью, предполагающей, что принадлежащие к нему люди обладают статусом, размещающимся между высшими и низшими слоями населения.

Не все процессы формирования и функционирования среднего класса имеют политически нейтральный характер. Политическим значением обладают и проблемы, связанные с поиском рабочих мест людьми, получившими добротное образование. Вызывает отдельные политические колебания и переход населения из среднего в более низкие слои общества, т. е. судьба людей, которые уже вкусили «хорошую жизнь», но не смогли удержаться на завоеванных позициях. Это нередко сопровождается возникновением массовых стрессов и разочарований, вызывающих определенные изменения в политической атмосфере общества. Отражая реальный процесс сглаживания социального неравенства и сближения статусных позиций широких слоев населения индустриально развитых стран, формирование среднего класса не отменяет существования традиционных классовых и стратификационных различий, которые нередко имеют большую политическую значимость, чем принадлежность индивидов к среднему классу.

Высокоразвитые индустриальные общества отнюдь не бесконфликтны. Социальные противоречия, вызванные безработицей, перестройкой экономических отношений, национальными и расовыми проблемами, способствуют возникновению подчас довольно острых политических противоречий. В то же время наличие такого мощного социального стабилизатора, каким является средний класс, господство разделяемых подавляющим большинством общества идеалов и ценностей, доминирование законов и уважение традиций ограничивают уровень политических притязаний различных групп и слоев отдельными поправками к политическому курсу режимов. Политические требования групп не подрывают стабильности существующего строя, а смены кабинетов министров, парламентов, правящих партий осуществляются при незыблемой власти закона.

В противоположность этой группе стран, в государствах, осуществляющих переходные преобразования, возникающие там социальные противоречия групп вызывают значительно более острые политические последствия.

В целом же классовый анализ в его основных проявлениях, дополняемый и обогащаемый стратификационными методами исследования, позволяет раскрыть социальные истоки политики, ее наиболее мощные и обычно скрытые движущие силы, дает возможность обнаружить тенденции и перспективы политических изменений.

10.3.7. Нации в политическом измерении

10.3.7.1. Основные подходы в трактовке наций

Специфическим субъектом политики, придающим процессам формирования и распределения государственной власти исключительную сложность и своеобразность, является нация. Связанные с нею образы Отечества, Родины, патриотизма присутствуют сегодня в требованиях всех партий, инициируя существенные изменения в политических процессах. В то же время, как показал опыт, характер формулируемых в данном аспекте целей, а также осознание способов их достижения непосредственно зависят от понимания нации как специфической общественной группы.

Исторически термин «*нация*» использовался еще в Древнем Риме для обозначения небольших народностей. При этом он применялся наряду с термином греческого происхождения «этнос», обозначающим племя (общность людей), объединенных родством, внешним сходством, языком и территорией. Впоследствии «нация» в основном стала употребляться для характеристики результата слияния нескольких этносов, произошедшего в результате миграции, захвата территорий или объединения земель. Но такой подход к трактовке термина «нация» не остался единственным, сохранив и в теоретическом, и в практическом отношении многозначность его употребления. В разных ситуациях термин «нация» может означать и этническую общность, и все население государства, а в английском языке он может еще и характеризовать государство. Это привело к тому, что в трудах некоторых современных научных школ и даже международных документах понятия «нация» и «этнос» используются как синонимы.

Современное понимание нации сложилось в конце XVIII в. в связи с получившим политическое значение во времена Великой Французской революции требованием государственного суверенитета и начавшимся процессом формирования национального самосознания. Революционеры называли себя патриотами, и с тех пор слово «родина» стало символом нации, которая стала непосредственно связываться с государственностью и гражданской идентичностью. Это особое проявление чувства общности, возникшее в раннебуржуазную эпоху, впоследствии обогащалось новыми смыслами под влиянием процессов формирования национальных государств, национально-освободительной борьбы и распада колониальной системы, перекройки границ в расселении этносов на разных континентах.

Одновременно с развитием теоретических представлений, признающих нацию в качестве специфического и весьма важного политического актора, в научной мысли сложилась и традиция истолкования ее как порождения обыденного сознания, не только не проясняющего, но и запутывающего анализ реальных политических процессов. Например, К. Поппер [126] полагал, что «нации, расы, лингвистические группы» представляют собой «чистый вымысел», не имеющий научного и политического значения. Его последователи, в частности К. Вердери [32], также считают, что использование этого понятия в научном анализе весьма затруднительно. Такого же мнения придерживается и группа российских ученых (В. Тишков [133, 117], А. Здравомыслов [59]), отрицающих реальное существование нации и рассматривающих это понятие в качестве метафорического отображения этнокультурной реальности.

Однако для людей, участвующих в диалоге с властью, принадлежность к такого рода объединениям, служит основой для выдвижения реальных требований к государству, нередко ведущих к изменению форм правления и организации совместной жизни граждан, к переселению крупных слоев населения и другим масштабным политическим последствиям. Поэтому вряд ли можно говорить о виртуальном характере национальных групп.

Несмотря на обилие теоретических трактовок нации в социально-политической мысли, в настоящее время можно говорить о безусловном преобладании двух основных теоретических подходов к ее пониманию — конструктивистском и примордиалистском.

10.3.7.2. Конструктивистское понимание нации

Приверженцы конструктивистского направления рассматривают нацию в качестве результата целенаправленной осознанной деятельности того или иного субъекта. В этом смысле нация трактуется либо как «воображаемая общность» (Б. Андерсон [6]), либо как итог деятельности интеллектуальной элиты, создающей образы национальной солидарности (К. Касьянова [71]), либо как следствие культивируемой властями общегосударственной солидарности (В. Розенбаум [128, 306]).

Наиболее видный представитель этого подхода Э. Гелнер [35] полагает, что в качестве основного продуцирующего нацию субъекта выступает государство как таковое. Только твердо признав устанавливаемые им «определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу <...> группы людей становятся нацией». Поэтому именно сознательные действия госструктур по формированию национальных движений и рождают нации. Его единомышленник Э. Хобсбаум [154] также указывает на центральную роль в процессе формирования наций механизмов мобилизации государственными элитами этнических чувств своих граждан и переноса этнической идентичности на уровень государства.

Таким образом, в данном случае политическая деятельность, направленная на защиту воображаемой нации, признается главным фактором, создающим нацию как определенную общность. Признается, что на формирование этой группы государство влияет больше, чем биологическая или какая-либо иная предопределенность. Но в то же время утверждается и то, что такая конструирующая деятельность государства должна сочетаться с наличием доброй воли граждан, а также с наличием необходимых предпосылок, в частности, определенного уровня культурной общности и образованности общества.

По сути дела, исторически данное понимание национальной общности, которое предполагает объединение людей, проживающих на всей территории государства, коренится в практических образцах так называемой французской (западной) модели образования нации. Созданный в XVIII—XIX вв. во Франции образец гражданского общества исторически предопределил первое понимание нации как определенной формы согражданства, включающей всех проживающих на определенной территории людей и не зависящей от употребляемого ими языка, цвета кожи и религиозных убеждений. Такое либеральное понимание нации ориентировано на определенное идеологическое родство и политический выбор граждан, которые наряду с государственными институтами выступали как механизмы по-

ощрения групповой солидарности и интеграции общества. В силу этого в основание национальных интересов закладывались главным образом материальные интересы, требующие точной и рациональной оценки. В целом же таким пониманием нации утверждалась формула «один народ — одна территория — одно государство», которая послужила первичным ориентиром формирования национальных государств в Европе XIX веке.

10.3.7.3. Примордиалистские трактовки нации

Другой образец идеи и практики формирования нации, «немецкий», исходил из ее признания в качестве органической общности, спаянной общей для людей культурой. При таком понимании и способе национального строительства особое значение приобретали этногенетические факторы, и, прежде всего, язык, традиции и обычаи, акцентирующие внимание на общности происхождения людей, факторах кровного родства и духовной солидарности данной группы населения. В свою очередь, это неизменно стимулировало появление трудно рационализируемых интересов, активизировало у людей иррациональные эмоции и чувства, в которых слышался «голос крови», «зов предков» и т. п.

На основе этой исторической и духовной практики сложился *примордиалистский* подход, согласно которому нация есть объективно сложившаяся общность (группа) людей, которая обладает вполне определенными интересами и существование которой не зависит от чьих-либо сознательных действий. В этом смысле нация стала определяться в основном через совокупность тех или иных черт, раскрывающих ее природу и сущность. Наиболее показательной является трактовка нации известным немецким ученым конца XIX в. О. Бауэром [107]. С его точки зрения, нация есть группа, для которой характерна «общность территории, происхождения, языка, нравов и обычаев, переживаний и исторического прошлого, законов и религии». «Нация, — писал он, — это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы».

В дальнейшем в рамках примордиалистского подхода возникло немало различных концепций, в которых был не только предложен свой набор свойств, присущих национальным группам, но и выдвинуты более оригинальные идеи. Так, социобиологические трактовки (В. Рейнпольдс, В. Фалгер, Я. Вин [133, 119]), развивавшие также расистские идеи Ж. де Гобино [40], Х. Мейнерс [133, 119] и др., делали акцент на расовой принадлежности людей, факторах их кровнородственной близости, настаивали на естественно-генетическом характере происхождения нации. Признававшиеся унаследованными человеком от рождения те или иные взгляды и стереотипы понимались как неизменяемые со временем и сохраняющимися либо комплиментарное, либо негативное отношение к представителям других наций.

Русский ученый Л. Гумилев [43] предложил рассматривать этнические (национальные) движения (общности) с точки зрения наличия в них двух форм движения. Одна из них, биологическая, включала в себя воздействия географического ландшафта, культурных факторов, взаимоотношений с соседями и т. п. Другая, социальная, предполагала наличие особого источника развития, так называемой «пассионарности», концентрирующей напряженность человеческой энергии и

проявляющейся в поведении конкретных людей, задающих тон и направление развития данной общности.

Особая позиция сложилась в марксизме, интерпретировавшем нацию как специфическую общность, обладавшую вторичным по отношению к классам значением, а национальный вопрос представлявшем в качестве составной части классовой борьбы в период капитализма. Отмечая значение интегрирующих нацию определенных экономических отношений, объединяющих ее представителей, а также присущего им литературного языка и известных духовных традиций, приверженцы этой концепции важную роль отводили государственно оформленной территории. В результате такого подхода место той или иной нации в жизни общества определялось в зависимости от степени ее политического самоопределения. Соответственно национальные группы подразделялись на те, которые способны к государственной организации (собственно нации), и те, которые еще не готовы к такого рода организации совместной жизни (народности). Поскольку на практике степень зрелости национальных и этнических общностей определялась высшей политической организацией рабочего класса — коммунистической партией, то в обществе, по сути, устанавливалась субъективная иерархия наций, которая усиливала социальное неравенство и закрепляла негласное лидерство людей одного происхождения над другими.

Авторами культурологического подхода (М. Вебер [30], Дж. Бренд [128, 299]), рассматривавшими нацию как анонимное сообщество людей, принадлежащих к одной культуре, предложены прямо противоположные идеи. Современный сторонник данной идеи норвежский ученый Ф. Барт [13] считает, что этничность (в данном случае как одно из проявлений нации) представляет собой форму организации культурных отличий, которые являются своеобразными «маркерами», отмечающими ее (этничности) принципиальные черты. Последние же, по его мнению, сложились под влиянием традиций, исторических, экономических и других факторов. Осознание этой совокупности черт проявляется в понимании людьми своей национальной идентичности, т. е. в признании персональной значимости своей принадлежности к этому групповому объединению.

При таком понимании консолидация нации происходила по мере овладения и осознания людьми групповых ценностей в качестве ведущих ориентиров, систематизирующих их видение мира. Признание главенства языка как важнейшего носителя и условия приобщения людей к культурным ценностям, а также приоритета естественно осваиваемых людьми необходимых для жизни ценностей сочеталось с отрицанием доминирующего влияния территории, на которой проживали носители данных ценностей, на содержание культурных мотиваций, традиций, жизненных стереотипов людей. В этом смысле предполагалось, что представители различных этносов, освоивших и руководствующихся этой же системой ценностей, могут рассматриваться как представители одной нации.

Теоретические различия конструктивистских и примордиалистских подходов в известной степени сложились сугубо исторически. Первые, так называемые большие, европейские нации, формировавшиеся в эпоху складывания капиталистических отношений, в значительной степени опирались на естественные механизмы интеграции, действовавшие на основе не только культурных, но и территориальных, а также экономических факторов. В более поздний период, когда уже

сформировался определенный опыт строительства наций, когда были продемонстрированы образцы их функционирования в рамках тех или иных государств, такие механизмы интеграции общества стали использоваться и в тех странах, которые еще только начинали решать задачи укрепления своей целостности, улаживать территориальные споры и т. д.

В этом смысле создание наций стали рассматривать и как реализацию определенных политических проектов, ориентированных на сознательное конструирование подобных общностей и иницируемых правящими или иными кругами политической элиты. Причем такие процессы шли не только в XIX в., но продолжают и в конце XX столетия. Например, в процессе образования новых государств на территории СССР и в ряде стран Средней Азии, которых «обрекли» на независимость в Беловежской Пуше (месте подписания Договора об образовании СНГ в составе России, Белоруссии и Украины), уже после получения ими государственного суверенитета начались процессы искусственного создания национальных идеологий, институтов и норм. Такой тип формирования нации стал необходимым условием сплочения этих стран и народов.

Таким образом, не только примордиализм, базирующийся на констатации объективных факторов внутренней сплоченности наций, но и конструктивизм представляет собой вполне реалистическую формулу теоретического истолкования процесса формирования наций, особенно в современных условиях.

Практическое политическое значение этих трактовок наций выражается, прежде всего, в том, что предложенные ими идеи создают различные концептуальные рамки для формулировки требований к государственной власти от имени национальных групп, выделяют важнейшие механизмы формирования и развития наций, урегулирования межнациональных отношений. Так, конструктивистские подходы делают основной упор на возможностях государства, партий, движений и располагаемых ими ресурсах. В рамках объективистских идей акцентируются иные цели и приоритеты. Например, социобиологические подходы, базирующиеся на идеях психопатического превосходства крови, неизбежно определяют этногегемонистскую систему политических требований, выражающих превосходство одной нации над другой, желание абсолютного господства на соответствующей территории, стремление к утверждению стиля жизни той или иной группы за счет другой и т. д.

Как показала практика строительства социализма в странах бывшего социалистического лагеря, использовавшаяся трактовка национального вопроса способствовала крайней политизации процесса образования и развития наций, который постоянно сочетался с политикой государственного террора по отношению к народам, заподозренным «в связях с врагом» или в недостаточной лояльности к властям, с массовыми переселениями народов и даже геноцидом граждан определенной национальности.

В то же время принципы культурологического подхода, базирующиеся на идее экстерриториальности, генетически отвергают требования типа «отдайте нашу землю» или «русским — русское государство», поскольку приобщение к любым «русским», «немецким», «турецким» и прочим цементирующим нацию ценностям не зависит от территории, где проживают люди, и не предполагает какой-либо ангажированности политических структур. В этом смысле данные положения явля-

ются теми идейными предпосылками, которые наиболее пластично обеспечивают исторический характер формирования наций, их стихийную эволюцию, включающую как сближение, так и дистанцирование подобных групп друг от друга в силу сходства или различий их обычаев, религиозных убеждений, языков и т. д. В то же время ориентация лишь на сугубо культурные ценности в ряде случаев граничит с апологией космополитизма.

§ 4. ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И ЕЕ ДИНАМИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

10.4.1. Процесс артикуляции групповых интересов

Процессы политического оформления и выдвижения групповых интересов в сферу публичной власти, обуславливающие формирование особых институтов и механизмов, которые способны оказывать постоянное воздействие на государство в целях соответствующего общеколлективным потребностям перераспределения социальных статусов и ресурсов, составляют *содержание системы социального представительства*.

Основными элементами такой системы являются:

- источники и причины политического участия;
- процесс групповой самоорганизации;
- формирование представительных структур и их взаимодействие с властью.

Группы — первичные субъекты, потому что сам генезис политики связан с их интеграцией и противостоянием, что из них рекрутируются непосредственные участники и исполнители политических действий. Они же и окончательные субъекты, потому что разрешают как «последняя инстанция» вопрос о возможных функциях и эффектах политических действий, и критерием оценки этих действий, их эффектов и целей являются потребности и интересы классов.

Действие причин, побуждающих группы к политическому участию, влечет за собой создание необходимых механизмов и институтов, обеспечивающих их реальное вступление в политическое пространство. Основными составляющими этого сложного и многогранного процесса являются процедуры и технологии артикуляции и агрегирования интересов, а также формирование представительных структур.

Процесс артикуляции представляет собой преобразование исходящих от принадлежащих к группе граждан социальных эмоций и ожиданий в четкие и определенные политические цели и требования. При этом, как считают Г. Алмонд и Дж. Пауэлл [5], артикуляции подвергаются не только явные, но и латентные (внешне не выраженные) интересы. Поэтому могут быть артикулированы и рационально понятая солидарность с властями (выражающая, к примеру, удовлетворенность граждан своим уровнем жизни), и смутно ощущаемый людьми социальный дискомфорт, и чувство социального одиночества, жизненной неустроенности и т. д.

Артикуляция направлена на то, чтобы донести до лиц, принимающих государственные решения, пожелания различных частей населения и тем самым включить последних в политический процесс как равноправных носителей властных

прав, утвердив их в качестве субъектов политики. За счет артикулирования групповые интересы начинают «снизу» встраиваться в систему сложившихся в стране политических взаимоотношений. В целом, способствуя выдвижению перед правительством массы разнородных, нескоординированных между собой запросов различных групп, процесс артикуляции усложняет и одновременно оптимизирует принятие государственных решений. Это связано с тем, что правящие структуры получают возможность видеть наиболее тревожащие общество проблемы, определять соответствующие приоритеты в разрешении социальных конфликтов, координировать свой курс в соответствии с изменяющейся ситуацией и оценками общественного мнения.

Способностью к артикуляции обладают практически все социальные группы, независимо от уровня их самоорганизации. В качестве субъектов групповой артикуляции могут выступать и представители данного слоя населения, и даже отдельные лица, действующие вне рамок посреднических структур. В научной литературе обычно выделяют следующие субъекты артикуляции:

- все население (макросоциальная группа);
- корпус граждан (особая часть населения);
- компетентная группа (посредническая структура);
- лидер.

Каждый из них обладает собственными возможностями в деле политической трансформации групповых потребностей, придания этим интересам той субъективной формы, которая наиболее точно выражает чаяния и замыслы людей.

В основе субъективного оформления групповых требований лежит задача вычленения подлинной проблемы, которая является источником либо политического протеста, либо поддержки властей. Например, в качестве причины падения своего уровня жизни, заставляющего людей обращаться к государству, могут быть признаны различные факторы: неэффективное управление экономикой со стороны центральных властей, ошибки местного руководства, внешнеполитические причины, предполагающие необходимость несения дополнительных расходов в связи с ведением военных действий за рубежом, и т. д. Понятно, что в зависимости от признания той или иной причины ухудшения своего положения люди будут выдвигать и различные требования к власти, т. е. по-разному трактовать вызвавшую их недовольство проблему.

Политические требования, как правило, связаны с наличием у группы нерешенных вопросов, поэтому артикуляция предполагает селекцию ее властно значимых потребностей, которая заканчивается выстраиванием определенных проблемных иерархий и отбором наиболее важных запросов к власти.

Политически оформленные интересы могут иметь и самые разнообразные формы выражения. Они могут быть представлены не только в виде конкретно выраженных просьб, требований, лозунгов или ясно сформулированных программных целей той или иной партии, но и в виде неопределенных деклараций.

Принципиальным условием артикуляции интересов является приведение выдвигаемых к власти требований в соответствие с наиболее общими, принятыми в конкретном обществе «правилами игры». В большинстве случаев такое соответствие предполагает, что требования солидарности или протеста со стороны групп

будут иметь согласительный характер и не выйдут за рамки правового пространства. Однако потребность в соответствии политических требований принятым в данном государстве нормам имеет более широкий характер. Поставленные цели могут исходить от партий, пытающихся осуществить полномасштабный пересмотр конституции и потому не считающих для себя возможным придерживаться установлений прежней правовой системы. В таком же положении могут оказаться и партии, находящиеся на нелегальном положении.

Таким образом, соответствие выдвигаемых группой требований правилам политической игры предусматривает поиск и нахождение ею такого способа оформления своих политических претензий, который заставил бы власть реально реагировать на них, а следовательно, признать группу в качестве партнера, оппонента, политического противника и даже врага. Это предполагает установление довольно широких, но вместе с тем весьма определенных критериев оценки групповых требований. С одной стороны, они должны быть достаточно «громко» заявлены, чтобы обратить на себя внимание властей, заставить государственные органы реагировать на выдвигаемые требования. С другой стороны, они не должны переходить границы превращения даже самого радикального протеста в такие формы социального поведения (например, в террористические), которые заставили бы государство обратиться уже не к политическим, а к административно-силовым формам ведения диалога с этой группой.

10.4.2. Процесс агрегирования групповых интересов

Любые группы — это общности, в которых плотность социальных отношений или субъективная приверженность людей к групповым ценностям неравномерна, поэтому внутри них всегда складываются какие-то отдельные микрогруппы. Как правило, эти внутригрупповые объединения занимают специфическое положение в группе и соответственно имеют особое отношение к общеколлективным интересам и понимание общегрупповых целей. В силу этого артикуляция властно значимых интересов чаще всего приводит к возникновению нескольких различающихся позиций, которых придерживаются микрообъединения внутри того или иного социального слоя.

Противоречивость артикулированных интересов, способствуя внутренней раздробленности группы, уменьшает ее возможности в сфере политики, снижает ее политический вес в отношениях с властью. Как показывает опыт, та часть населения, которая не может консолидироваться в качестве внутренне единой и сплоченной группы, располагает весьма незначительными шансами на политической арене.

Итак, задача усиления внутренней сплоченности, интеграции группы предполагает дополнение артикуляции механизмами и процедурами агрегирования, которое выступает как процесс координации и согласования частных внутригрупповых требований, установления между ними определенной иерархии и выработки на согласованной основе единых общегрупповых целей, обеспечивающих целостность группы и повышение ее политического влияния на власть.

В качестве наиболее характерных для агрегирования способов согласования внутригрупповых целей выступает проведение дискуссий, различных обсуждений

по типу направленных на выяснение позиций и поиск компромиссов «круглых столов», применение консенсусных технологий и др. Как правило, агрегирование в основном касается поиска консенсуса относительно понимания первостепенных и второстепенных целей и особенно определения основных средств решения задачи. Это предполагает отбор не только наиболее политически значимых требований, но и таких, которые имеют наибольшие шансы для своего практического воплощения. Таким образом, в процессе агрегирования политические требования проходят дополнительный отбор по их практической целесообразности.

10.4.3. Формирование представительных структур

Особый механизм, обеспечивающий процессы артикуляции и агрегирования, образуют представительные органы и структуры. В принципе, эти специальные объединения, формирующиеся на основе выдвижения отдельных представителей граждан, которым передаются дополнительные права на выдвижение и отстаивание общегрупповых требований и целей, создаются в связи и по мере артикуляции интересов.

Последующая институционализация этих представительных структур способствует формированию особых «вторичных ассоциаций» (А. де Токвиль [143]), которые опосредуют отношения власти и населения. Неизбежность возникновения подобных представительных образований свидетельствует о том, что широкие социальные слои как самостоятельно выходящие на политический рынок субъекты не могут непосредственно участвовать в отношениях с властью.

Иными словами, социальные группы как политические субъекты участвуют в отношениях с государственной властью опосредованно, через деятельность особого слоя медиаторов (посредников). В качестве таких посредников выступают многочисленные группы интересов, партии, СМИ и другие аналогичные образования. От их активности зависит эффективность трансляции и реализации групповых интересов. При этом интересы одной социальной группы могут быть представлены как одним, так и несколькими посредниками.

Политические ассоциации подобного типа могут формироваться самостоятельно, за счет последовательной организации действий принадлежащих к группе граждан, например, на основе таких наиболее распространенных процедур отбора и выдвижения представителей, как жребий, голосование, ротация, референдум, плебисцит. В то же время группы могут делегировать право представительства и ранее сформированным объединениям, действующим на политическом рынке.

В целом деятельность представительных структур способствует повышению самоорганизации группы, социальному сближению ее членов. Но существуют и негативные последствия их деятельности. Скажем, амбициозность разных представителей группы может существенно усложнить процесс ее политической консолидации. Например, среди работников той или иной отрасли производства может быть создано несколько профсоюзов, каждый из которых, претендуя на выражение интересов всех тружеников, будет неизбежно способствовать росту напряженности, усилению противоречивости внутригрупповых отношений. Более того, автономность этих ассоциаций такова, что они могут защищать социальные группы, которые существуют только в пропагандистских лозунгах. В таком случае под

прикрытием интересов несуществующих общностей эти объединения реализуют в основном собственные потребности.

Формирование посреднических структур свидетельствует о трансформации социальных источников и причин групповой активности в политическую деятельность, а следовательно, дополняет социальную стратификацию стратификацией политической. Дифференциация внутри политической стратификации определяется следующими различиями между посредниками:

- степенью их влияния на власть (правящие и оппозиционные партии);
- различиями в идеологических ориентациях (группы, исповедующие различные — левые, правые, нейтральные и пр. — ценности и цели);
- функциональными различиями (наличие специфических объединений: заинтересованных групп, лобби, партий и т. д.).

Российский исследователь С. П. Перегудов [115] в связи с характеристикой политической стратификации выделяет структуры, относящиеся, во-первых, к ее функциональной составляющей (лобби, корпорации) и, во-вторых, к собственно политической составляющей (выражающей функционирование партий, их территориальных организаций и т. д.) системы представительства.

10.4.4. Тенденции развития социальной структуры в странах Запада

Многообразные тенденции развития социальной структуры в разных странах мира определяют динамику политических отношений, порождают множественные формы организации власти, активно влияют на внешнеполитические связи и контакты государств. Наиболее яркие и принципиальные различия в политических последствиях социальной дифференциации можно видеть в высокоразвитых, стабильных демократических государствах, а также переходных обществах вновь образовавшихся стран.

Колоссальное многообразие социальных связей в обществе порождает столь же богатейшие отношения и в сфере политической власти. И все же, если говорить о развитых индустриальных странах, то можно обозначить ряд устойчивых тенденций в изменении социальной структуры и их политических последствий.

Как показывает опыт последних десятилетий, в развитых индустриальных демократических странах социальная стратификация осуществляется, прежде всего, на основе общего роста материального благосостояния населения, повышения уровня его жизни, усиления ценностной ориентации людей в пользу свободного времени и освоения культурных достижений и ценностей. При наличии циклических тенденций развития капитала, дальнейшего углубления разделения труда и разработки новых производственных и информационных технологий осуществляется переструктуризация и в профессиональной сфере этих стран. В частности, на фоне динамичной перестройки во «вторичном» (промышленном) секторе существенно уменьшается доля населения, занятого в «первичном» (включающем сельское и лесное хозяйство, горнодобывающую промышленность и т. д.) секторе, и качественно возрастает численность работающих в «третичном» (непроизводственном) секторе, где увеличивается доля населения, занятого предоставлением услуг,

обслуживанием информационных потоков и коммуникаций, банковскими операциями и т. д. Наблюдается уравнивание межнациональных и расовых отношений, рост разнообразия социокультурных стилей жизни.

С 1970-х гг. в ряде стран (Канаде, США, Германии, Швеции и некоторых других) неуклонно растет численность дееспособного населения, существующего благодаря социальной помощи со стороны государства (учащиеся, пенсионеры, инвалиды, безработные и т. п.). Такая внутренняя политика, означая расширение перераспределительных функций государства и сочетаясь с ростом затрат на различные социальные программы, реализацию проектов и целей, направленных на повышение народного благосостояния, однозначно способствует упрочению и стабилизации политических порядков в этих странах.

В условиях такой социально направленной политики государства, на основе повышения уровня благосостояния населения, расширения возможностей информационных и культурных контактов между населением разных стран, стимулирующих постоянный поиск новых стилей жизни, в этих странах наблюдается значительный рост разнообразия социокультурной специфики в жизнедеятельности групп. Формирование соседских общин, конфессиональных и неконформистских объединений молодежи, досуговых объединений граждан, непрерывных культурных экспериментов в сфере свободного времяпрепровождения и иные аналогичные процессы влекут за собой образование множества различных устойчивых групп, различающихся по ценностным и стилевым особенностям жизни.

Однако важнее всего отметить ведущие социальные позиции среднего класса в этих странах. Жизнь не подтвердила предположение К. Маркса о слиянии данного класса с буржуазией или рабочим классом. В настоящее время он занимает центральное место в социальной структуре общества. Благодаря занимаемому в обществе положению, он заинтересован в политической стабильности и защите идеалов свободы и прав человека. Менталитет же и поведение принадлежащих к нему граждан уравнивают крайности социально-политических противоречий между бедными и богатыми слоями населения. Его социально лидирующая роль демонстрирует и то, что различия в собственности в основном воспринимаются людьми как временные статусные различия и все меньше и меньше выступают как фактор, способный инициировать существенные политические потрясения.

В целом можно говорить о явном доминировании тенденций к формированию более *гомогенной* социальной структуры, сближению (с экономической точки зрения) положения групп, занятых в разных отраслях хозяйственной жизни, выравниванию различий экономических классов. Но наиболее убедительно подтверждает тенденцию к снижению социальной асимметрии положение и динамика среднего класса, представляющего подавляющее большинство населения данных стран.

Конечно, не все процессы формирования и функционирования среднего класса имеют политически нейтральный характер. Например, из того факта, что образование для его членов стало абсолютно доступным, отнюдь не вытекает беспрепятственности занятия ими ограниченного числа рабочих мест. Разгорающаяся же конкуренция за эти места подчас стимулирует проявление различных форм политической активности. Вызывает отдельные политические колебания и нисходящая мобилизация этого класса. Помимо этого, переход населения из среднего в более низкие слои общества сопровождается возникновением стрессов и массо-

вых индивидуальных разочарований, вызывающих определенные изменения в политической атмосфере общества.

В то же время усложняется положение «негативно привилегированных» групп (И. Ваккарини [133, 112]), например, молодежи, женщин, неквалифицированных слоев и некоторых других, для которых характерны наибольшие расхождения между ожиданиями, социальными притязаниями и реально достигнутыми в обществе результатами. Такие группы с большим, нежели другие группы, трудом встраиваются в социально-экономические отношения, достигают среднестатистических жизненных стандартов и собственных целей.

В результате интернационализации капиталистических отношений, усиления и развития мирохозяйственных связей между странами, формирования региональных и межгосударственных рынков труда практически во всех западных странах образовалась весомая страта иностранных рабочих. С одной стороны, это способствует экономической интеграции и упрочению политических связей и контактов между государствами. Правда, представляя собой, как правило, более дешевую рабочую силу и конкурируя с местным населением на рынке труда, иностранные рабочие способствуют увеличению безработицы, а следовательно, и усилению политической напряженности. С другой стороны, статус иностранных рабочих нередко провоцирует нарушение их прав со стороны работодателей, вызывает дискриминацию по национальному и демографическому признаку. Не случайно во многих странах действуют экстремистские группировки, требующие ограничения въезда иностранцев, лишения эмигрантов права на работу. Нередко регулирование такого рода конфликтов также выходит на политический уровень и даже вызывает обострение межправительственных отношений соответствующих стран.

10.4.5. Социальные факторы политических изменений в переходных обществах

В противоположность этой группе стран, к примеру, в посткоммунистических государствах социальные противоречия групп вызывают значительно более острые политические процессы. В переходных государствах социальная дифференциация общества складывается под влиянием целого ряда противоречивых, а зачастую и взаимоисключающих тенденций и факторов. В самом общем виде наибольшую роль здесь играют две противоположных тенденции. Одна из них связана с социальными последствиями становления и развития рыночных отношений, появлением нетрадиционных источников роста доходов и завоеванием людьми новых статусов в обществе, структурной перестройкой экономики, дальнейшей урбанизацией, расширением хозяйственных и культурных взаимосвязей с другими странами, а также рядом других аналогичных факторов. В целом их действие способствует усилению вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, укреплению открытости социальной структуры, а также распространению и укоренению в общественном сознании либерально-демократических ценностей.

Вместе с тем в переходных общественных системах большое влияние имеют и унаследованные от прошлого тенденции, в частности, к воспроизводству отношений, связанных с функционированием дотационных и неконкурентных секторов экономики, со старой инфраструктурой хозяйствования и разделения труда,

прежним привилегированным положением ряда национальных групп и т. д. В основном такие тенденции выражаются в усилении влияния интересов низкодоходных групп общества, в том числе работников неквалифицированного физического труда, части управленческого аппарата, пенсионеров, работников малорентабельных и нерентабельных предприятий и учреждений госсектора, слабо вписывающихся в рыночную экономику; жителей малых городов и сельской местности, где менее всего заметны результаты реформ; некоторых категорий учащейся молодежи и др.

В целом их влияние усиливает требования социальной справедливости и равенства, укрепления порядка и усиления государственного патернализма. Оно способствует сохранению закрытости социальной структуры в этих странах, сдерживанию хозяйственной инициативы населения и, в конечном счете, направлено на усиление перераспределительных процессов в государстве. Неизбежным последствием такого социального влияния выступает и воспроизводство в политическом пространстве консервативных и даже реакционных идей, ценностей, институтов.

В результате взаимодействия этих двух макросоциальных тенденций в переходных обществах формируются три типа стратификационных противоречий, которые вызывают наиболее значимые политические последствия. К ним относятся:

- социальные конфликты внутри *традиционной* стратификации, т. е. унаследованные от прежних общественных отношений противоречия между группами внутри дотационной сферы;
- внутри новой, *рыночной* стратификации (например, между группами крупного и среднего капитала);
- *между* этими двумя типами социальности (к примеру, между мелкими торговцами и работниками государственной сферы обслуживания).

Отношения равенства и неравенства (в контексте взаимодействия указанных противоречий) одновременно способствуют и усложнению социальной дифференциации, например, за счет возникновения противоречий между работниками, занятыми в разных отраслях и сферах, и упрощению социальной структуры, связанному, в частности, с формированием бедных и богатых слоев.

Наличие противоречивых тенденций ведет к маргинализации общества, образованию множества промежуточных социальных слоев, существующих не как устойчивые общности, а как размытые множества не определившихся со своим положением людей. В силу этого стратификационные процессы сопровождаются множественными кризисами идентификации, освоения людьми новых ценностей и целей. В конечном счете, такие социальные процессы неизменно усиливают политизацию общественной жизни, способствуют нарастанию несбалансированности групповых отношений и росту политической нестабильности.

10.4.6. Особенности социальной стратификации в современном российском обществе

В нашей стране, как и в других переходных странах, группы, заинтересованные в рыночных преобразованиях и побуждающие государство к расширению поддержки предпринимательства, соперничают с силами, не заинтересованными

в структурной перестройке экономики и стремящимися сохранить политику прямого государственного регулирования и патернализма. Номенклатурные кланы в госаппарате, пытающиеся поставить себе на службу ход реформ, сталкиваются с протестом широких социальных слоев, стремящихся утвердить в обществе принципы социальной справедливости и свободы. Борьба сил и слоев, связанных с криминализированной и «честной» экономикой, приобретает острейшие формы, вплоть до актов политического террора и т. д.

В то же время формирование современной социальной стратификации в России имеет определенную специфику и историю. Так, еще в 1950—80-х гг. в стране шли латентные процессы зарождения квазичастной собственности (например, в виде индивидуально-корпоративной собственности высшей управленческой бюрократии, накопления ресурсов в теневой экономике), которые впоследствии способствовали формированию протокласса крупных собственников (номенклатуры, крупных представителей сферы торговли). В 1985—1991 гг. начатая открытая номенклатурная приватизация привела к сосредоточению правящим классом в своих руках той государственной собственности, которой они формально распоряжались в советское время. Учреждение классом управляющих многочисленных фондов, совместных предприятий и структур на месте государственных учреждений и организаций — вот тот механизм, который способствовал перераспределению общественных ресурсов в индивидуальную собственность управляющих. Так, сохранив власть, номенклатура приобрела и собственность. В ее лице в стране легально сформировалась группа очень богатых и влиятельных людей.

В 1992—1996 гг. в стране начал складываться конкурентный капитализм (в виде директорской и чековой приватизации, обогащения чиновников за счет лицензирования и квотирования при регулировании экспортно-импортных операций, возникновения слоя мелких и средних предпринимателей). Корпоративный характер отношений власти и бизнеса привел к формированию благоприятных условий для роста крупного капитала. Например, если в США требовалось в среднем 47 лет, чтобы заработать состояние в 10 млн. долл., а в Южной Корее — 13 лет, то в России в те годы это было возможно всего за 3–4 года. В дальнейшем нарастающее влияние крупного капитала привело к его тесному сближению с властью и вхождению во власть (олигархизация). В то же время поддержка среднего и мелкого бизнеса оставалась на периферии внимания властей.

Преимущественная ориентация государства на поддержку крупного капитала и протекционистская политика в отношении представителей правящего класса привели к стремительному социальному расслоению и массовой нисходящей социальной мобильности. В стране образовалась значительная группа бедняков, по разным данным охватывающая сегодня от 40 до 80 % населения. Если, к примеру, минимальная зарплата в США составляет сегодня приблизительно 115–120 % прожиточного минимума, то в РФ — всего 17,5 %. Такое значительное снижение уровня жизни населения показывает, что в настоящее время стратификация имеет тенденцию «свертывания различий» к своему одному политически значимому измерению — экономическому.

По мнению ряда российских ученых, в настоящее время в стране сложилась такая стратификация:

- элита (крупные предприниматели и собственники, политики, высшая бюрократия, генералитет) — 0,5 %;

- верхний слой (крупные чиновники, бизнесмены, высокооплачиваемые специалисты) — 6—7 %;
- средний слой (мелкие частные предприниматели, работающие по найму специалисты) — 21 %;
- базовый слой (полуинтеллигенция, работники массовых профессий сферы торговли и сервиса, квалифицированные рабочие и крестьяне) — 65 %;
- нижний слой (технические служащие, работники без квалификации, люмпены) — 7 %.

Существенное влияние на политические отношения оказывают противоречия между привилегированной, сильно коррумпированной частью госчиновничества и остальным населением, а также между работниками монополизированного государством сфер и тружениками иных экономических областей. Содержание политических отношений стало в значительной мере зависеть и от наличия экономических классов, различающихся по степени дохода принадлежащих к ним лиц. На одном полюсе сосредоточилось 5 % богатых и сверхбогатых и 10—15 % обеспеченных слоев населения, а на другом — 15—20 % наименее обеспеченных граждан. Еще одной тенденцией изменения социальной структуры, имеющей существенные политические последствия, служит маргинализация общества, связанная, в частности, с массовым обнищанием части населения, последствиями безработицы, значительно разросшимися миграционными процессами, прежде всего, за счет граждан из бывших республик СССР и рядом других социальных процессов.

Социальная стратификация российского общества выявила новые престижные группы, к которым стали относиться финансисты, банкиры, работники налоговых структур, юристы. В то же время в ряде молодежных слоев получила широкое распространение, приобрела особый авторитет криминальная этика. И это не случайно, учитывая, что в настоящее время в теневой экономике (непосредственно и параллельно) занята большая часть рабочей силы. В 1998 г. 9 млн. россиян принимало участие в криминальном бизнесе (охватывающем более 40 тыс. хозяйственных объектов). Коррупция стала атрибутом государственного устройства.

Значительную роль в эволюции социальных отношений, неоднозначно отражающихся на политической стабильности общества и разнообразии политической жизни в стране, играют миграция из стран СНГ, усиление региональных особенностей, усложнение культурного облика групп. Опыт показывает, что смягчение политической напряженности в России, как и в других странах с переходной социальной структурой, как правило, связано с усилением социальной направленности деятельности правительства (особенно в отношении наименее защищенных слоев населения), с борьбой против преступности и привилегий госбюрократии, расширением возможностей профессиональной переподготовки граждан и рядом других мер.

В последние годы, несмотря на наличие низких потребительских стандартов и переживаемые страной сложности, отмечается постепенное формирование среднего класса. Данный процесс связан, прежде всего, с определенной перестройкой интеллектуальной сферы, приведением в соответствие количества работников науки, образования и культуры с возможностями и потребностями общества в этих видах деятельности, а также постепенным образованием слоя мелких и средних предпринимателей.

В той фиктивной субъектности, которую имели до недавнего времени общественные классы в политике СССР, где, по мнению Б. Капустина, вообще нет общественных классов, так как произошло «раскрестьянивание» крестьянства, «расклассование» рабочего класса, уничтожение интеллигенции как социальной, а не профессиональной группы, и т. д. Не сложился и полноценный средний класс, ибо в значительной мере он имеет незаконные источники дохода, и не создал собственной субкультуры, в том числе и политической.

Получилось так, что в нашем обществе есть разные профессиональные, половозрастные, этнические, религиозные и иные группы, а социально-экономических, типа классов, — нет. Между тем социальная база демократии и реальной политической субъектности сформируется в той мере, в какой в маргинализованном нашем обществе будут воссозданы или сформированы новые социально-экономические общности, слои, группы.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Определите субъект и объект политических отношений.
2. Дайте понятие политического актора.
3. Охарактеризуйте институты как субъекты политики.
4. Охарактеризуйте социальные группы как субъекты политики.
5. Охарактеризуйте человека как субъекта политики.
6. Что входит в понятие «политический объект»?
7. Дайте понятие социальной стратификации.
8. Что представляет собой система социального представительства?
9. Назовите виды социальной стратификации.
10. Что такое социальная мобильность?
11. Назовите основные источники социальной напряженности в России.
12. Охарактеризуйте социальную структуру с позиций классовых теорий.
13. В чем заключается специфика марксистской трактовки политической роли классов?
14. Насколько антагонистичны классы в современных индустриальных демократиях?
15. В чем сущность веберовского понимания классов?
16. Опишите специфику функционального подхода к классам.
17. Как понимают современные исследователи феномен «среднего класса»?
18. Назовите основные подходы в трактовке понятия и сущности наций.
19. Как понимают феномен нации сторонники конструктивистского подхода?
20. В чем специфика и особенность примордиалистской трактовки нации?
21. Как происходит процесс артикуляции групповых интересов?
22. В чем сущность процесса агрегирования групповых интересов?
23. Зачем происходит формирование представительных структур?
24. Назовите господствующие тенденции развития социальной структуры в странах Запада.
25. Какие социальные факторы, определяющие политические изменения, действуют в переходных обществах?
26. Назовите особенности социальной стратификации в современном российском обществе.
27. Дайте понятие агента политических отношений.
28. В чем суть и сущность социальной стратификации?
29. Определите место и роль классов и социальных групп в политике.
30. Перечислите функции социальной структуры и охарактеризуйте ее динамику в современном мире.

Глава 11

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ

Бытующее в массовом сознании представление о том, что в современных условиях широкие слои населения могут осуществлять властные функции и в полной мере участвовать в политическом процессе, в действительности оказывается иллюзией. На практике их участие ограничивается выборами, а реальную власть осуществляют политические элиты. И это не практика сегодняшнего времени. На протяжении веков и тысячелетий человеческое общество делилось на два класса: господствующий и «подчиненный» (рабовладельцы и рабы, феодалы и крепостные крестьяне, буржуа и пролетариат). Господствующий экономически, политически и духовно общественный класс был правящей силой, он проводил политику в своих интересах. Однако весь класс не может управлять обществом. Он всегда выделял из своей среды специально подготовленных людей — управленцев, которые от имени класса осуществляли руководство государством. В функциональном плане эта группа людей представляла собой «исполнительный комитет» господствующего класса. Для характеристики управляющих употребляются разные понятия, но наиболее распространенным является «элита».

§ 1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ТЕОРИИ ЭЛИТ

11.1.1. Происхождение понятия «политическая элита»

Понятие «элита» происходит от латинского *eligere* (отбирать) и французского *elite* (отборный). В литературе можно встретить много определений элиты, когда имеется в виду властвующая часть общества, правящий слой. Если суммировать различные точки зрения, то можно констатировать, что данным понятием обозначается социальная общность, представленная людьми, имеющими высокое положение в обществе, обладающими престижем, властью, богатством, активными в политической и иных сферах деятельности.

Еще во времена разложения родового строя появились взгляды, разделяющие общество на высших и низших, благородных и чернь, аристократию и простой люд. В частности, Конфуций [76, 77] обосновывал деление общества на «благородных мужей» (правящую элиту) и «низких людей» (простолюдинов) их следованием моральным заповедям: первые следуют долгу и закону, вторые думают, как бы лучше устроиться и получить выгоду; первые требовательны к себе, вторые — к другим людям. Соблюдение моральных норм дает право на управление. Образ правящей элиты Конфуций раскрывал через социальные качества ее представителей: «благородный муж в доброте не расточителен; принуждая к труду, не вызывает гнева; в желаниях не алчен; в величии не горд; вызывая почтение, не жесток».

В античной философии элитарное мировоззрение было наиболее полно сформулировано Платоном [116]. Он решительно выступал против допущения демоса (народа) к управлению государством, называл его «толпой», враждебной мудрости. Платон сопрягал добродетель, мужество и ум — как высшие достоинства людей с принадлежностью к аристократии, которая знает, как управлять государством. Политическое неравенство он связывал с качествами души, присущими тем или иным группам населения. Разумной части души, добродетель которой заключалась в мудрости, соответствует сословие правителей-философов (это и есть элита); яростной части, добродетель которой состоит в мужестве — сословие воинов; низменной, вожделеющей части души, погрязшей в наслаждениях и утехах — сословие земледельцев и ремесленников. Мудрым (то есть философам) должна повиноваться худшая часть населения. Более того, Платон разработал систему формирования правящей элиты, предполагающую следующие этапы: отбор в элиту, воспитание и образование потенциальных кандидатов. Однако эти и другие идеи о неизбежности деления общества на управляющих и управляемых не имели серьезного социологического обоснования и строились, скорее, на различного рода моральных, религиозных, философских допущениях, чем на анализе реальной политической жизни.

Дальнейшее обоснование и выражение эти идеи получили у Н. Макиавелли [89], Ф. Ницше [109] и О. Шопенгауэра [128, 297]. Однако такого рода элитарные теории сколько-нибудь серьезного социологического обоснования еще не получили. Начиная с XVII в. термин употребляется для обозначения товаров наивысшего качества. Понятия стали использоваться в генетике, семеноводстве для обозначения лучших сортов, а затем и для выделения в социальной структуре «избранных людей», прежде всего высшей знати. В Англии, как свидетельствует Оксфордский словарь 1823 г., этот термин стал применяться к высшим социальным группам в системе иерархизированного общества.

Первоначально в политической науке французский термин «элита» получил распространение в начале XX в. благодаря трудам Сореля [133, 90] и Парето [112]. Первые современные классические концепции элит возникли в конце XIX — начале XX вв. Элитизм как политологическая доктрина был разработан итальянской школой политической мысли, берущей свое начало от Н. Макиавелли. Ее крупнейшие представители — В. Парето (1848—1953), Г. Моска [103] (1858—1941) и Р. Михельс [101] (1876—1936). Эту школу называют макиавеллистской, поскольку именно Н. Макиавелли, вычленив политику как самостоятельную сферу общества, стал рассматривать ее не как область должного и воображаемого, а как политическую реальность и практику. Политическая элита представлена им как сплоченная группа, обладающая исключительными качествами и сознающая свое превосходство над всеми остальными (указанные представители итальянской школы называют различные ресурсы политического господства меньшинства над большинством населения).

Научный анализ предусматривает формирование теории. Теория элиты, по мнению М. А. Василика и М. С. Вершинина, — это совокупность социально-политических концепций, утверждающих, что необходимыми составными частями любой социальной структуры являются высшие, привилегированные слои, т. е. меньшинство, господствующее над остальным населением. Политическая элита

обычно трактуется как немногочисленная, достаточно самостоятельная, высшая, относительно привилегированная группа (или совокупность групп), в большей или меньшей степени обладающая выдающимися психологическими, социальными и политическими качествами и непосредственно участвующая в принятии и осуществлении решений, связанных с использованием государственной власти или воздействием на нее [29, 144].

11.1.2. Теория «политического класса» Г. Моски

Г. Моска сформулировал свою теорию элиты в работах «Теория управления и парламентское правление» (1884 г.), «Основы политической науки» (1896—1923) и «История политических доктрин» (1932). Г. Моска заложил основы *функционального* направления элитологии, определяя элиту как группу управляющих персон, выполняющих определенные социальные обязанности. Вместо понятия «элита» Г. Моска больше оперировал категорией «правлящий класс».

Идею о «правлящем классе» Г. Моска выдвинул еще в первой из указанных работ, в которой писал: «Во всех обществах, начиная с самых среднеразвитых и едва достигших зачатков цивилизации и кончая просвещенными и мощными, существуют два класса лиц: класс управляющих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный, осуществляет все политические функции, монополизирует власть и пользуется присущими ему преимуществами, в то время как второй, более многочисленный, управляется и регулируется первым более или менее законным образом или же более или менее произвольно и насильственно и поставляет ему... материальные средства поддержки, необходимые для жизнеспособности политического организма» [106, 125]. Власть не могут осуществлять ни один человек, ни все граждане сразу. По мнению Г. Моски, «политическое руководство в самом широком смысле слова, включающее... административное, военное, религиозное, экономическое и моральное руководство, осуществляется особым, то есть организованным, меньшинством». Прежде всего, меньшинство управляет большинством потому, что оно организовано. Кроме того, правящее меньшинство отличается и от масс присущими только ему особыми качествами.

По его теории этот класс подвержен постепенным изменениям. Существует две тенденции в его развитии: аристократическая и демократическая. Первая из них проявляется в стремлении политического класса стать наследственным если не юридически, то фактически. Преобладание аристократической тенденции приводит к «закрытию и кристаллизации» класса, к его вырождению и, как следствие, к общественному застою. Это, в конечном счете, влечет за собой активизацию борьбы новых социальных сил за занятие господствующих позиций в обществе.

Вторая, демократическая, тенденция выражается в обновлении политического класса за счет наиболее способных к управлению и активных низших слоев. Такое обновление предотвращает дегенерацию элиты, делает ее способной к эффективному руководству обществом. Равновесие между аристократической и демократической тенденциями наиболее желательно для общества, ибо оно обеспечивает как преемственность и стабильность в руководстве страной, так и его качественное обновление [128, 134].

Анализ «политического класса» Г. Моска осуществлял с помощью организационного подхода. Групповая сплоченность и единомыслие, свойственные обществу классу, обеспечиваются благодаря наличию у политического класса организации, структуры. Благодаря им, правящий класс сохраняет власть. Г. Моска заметил, что «господство организованного меньшинства, повинующегося единому порыву, над неорганизованным большинством неизбежно... Эти согласованно и единообразно действующие люди победят тысячу человек, между которыми нет согласия». Сам правящий класс неоднороден, он состоит из двух слоев: очень малочисленной группы «высшего начальства» (что-то вроде «сверхэлиты» внутри элиты) и гораздо более многочисленной группы «начальников среднего звена».

Доступ в политический класс предполагает наличие у индивида особых качеств и способностей. «Правящие меньшинства, — писал Г. Моска, — образуются так, что индивиды, из которых они состояются, отличаются от масс некоторыми качествами, дающими им определенное материальное, интеллектуальное или даже морально превосходство; другими словами, они должны иметь какие-то необходимые качества, которые чрезвычайно ценятся и придают вес в том обществе, в котором они живут». Очевидно, что эти качества могут изменяться в процессе эволюции человеческого общества. Так, в примитивных обществах высоко ценилась военная доблесть, По мере развития цивилизации преобладающим качеством становится богатство. Г. Моска выделил три качества, открывающие доступ в политический класс: военную доблесть, богатство, церковный сан, с которыми связаны три формы аристократии: военная, финансовая и церковная. Меньшее значение, в силу незрелости цивилизации в целом, Моска придавал научным знаниям, умению применять их практически.

Однако доминирующим критерием для отбора в политический класс является способность управлять, означающая знание национального характера, ментальность народа и собственно опыт управления. Как развивающийся организм, политический класс нуждается в собственном обновлении — иначе он не сможет отвечать на новые вызовы времени. Г. Моска называл три способа такого обновления: наследование, выбор и кооптацию. Относительно кооптации (волевого введения новых членов в правящий класс) Г. Моска высказывался очень мало, хотя и считал ее социально полезным методом обновления элиты. Эффективное осуществления властных функций правящим классом, по его мнению, во многом зависит от организации этого класса, то есть от характера законодательных мер и политико-организационных процедур, с помощью которых реализуется власть и поддерживается групповая сплоченность. В зависимости от принципа передачи политической власти, Г. Моска выделил два типа политического управления: первый — авторитарный, при нем власть передается сверху вниз; второй — либеральный, при нем власть делегируется снизу вверх. Однако он полагал, что возможно и сочетание двух типов политической организации в представительных правлениях, когда высшее должностное лицо избирается всеобщим голосованием, затем оно назначает членов правительства. Примером подобной практики являются США: президент избирается всеобщим голосованием и потом формирует правительство.

По мнению Р. Т. Мухаева, теория руководящего класса Г. Моски далеко выходит за рамки собственно политических проблем, поскольку, согласно ей, вся исто-

рия человеческого общества есть не что иное, как процесс, сознательно руководимый элитами [127].

С позиций элитизма Г. Моска, по мнению В. В. Желтова, негативно относился к демократии. Он считал демократию утопией, миражом, в погоне за которым «некомпетентные» массы становятся объектом манипуляций со стороны «демагогов» и прокладывают путь «диктатуре». Выборы он трактовал как путь к обновлению элиты, а не как форму контроля масс над руководителями [58, 396].

11.1.3. Теория «круговорота элит» В. Парето

Независимо от Г. Моски примерно в это же время теорию политических элит разрабатывал В. Парето [112]. Его работам также свойственна прагматическая ориентация. «История человечества, — писал он, — это история постоянной смены элит; одни возвышаются, другие приходят в упадок». Теория элит изложена В. Парето в «Трактате всеобщей социологии» (1916). В контексте теории элиты он пытался выявить факторы и предпосылки динамического равновесия общества и значение в этом процессе политической власти, мотивов политического поведения. Именно В. Парето ввел в научный обиход термин «элита». Обоснование роли элиты В. Парето выводил из концепции социального равновесия, к которому стремится общество как система. Состояние равновесия обеспечивается взаимодействием множеств сил, которые он назвал элементами. Они образуют четыре группы: *экономические, социальные, политические и интеллектуальные*. Особое внимание ученый уделял мотивации человеческой деятельности.

По его мнению, мотивами человеческой деятельности и двигателями истории являются *психологические стимулы*, которые он считал «остатками». Они сводятся, с точки зрения В. Парето, к биологическим инстинктам, к нелогичным, иррациональным чувствам, эмоциям. «Остатки» представляют собой вечные и неизменные основы деятельности человека и отражают его индивидуальность. Социальное равновесие и форма общества являют совокупное взаимодействие человеческих чувств, выражаемых в «остатках». Поэтому политика, по В. Парето, в значительной мере и функция психологии. Используя *психологический подход* в анализе общества и политики, ученый объяснял многообразие социальных интересов и статусов психологическим неравенством индивидов. «Человеческое общество неоднородно, — замечал В. Парето, — и индивиды различаются физически, морально и интеллектуально». Совокупность групп «индивидов, которые действуют с высокими показателями в любой области, носит наименование элиты». Следовательно, В. Парето определял элиту по ее врожденным психологическим свойствам и считал, что она состоит из тех, кто демонстрирует выдающиеся качества или доказал наивысшие способности в своей сфере деятельности. «Главная идея термина «элита», — подчеркивал В. Парето, — превосходство... В широком смысле я понимаю под элитой сообщество таких людей, которые свойствами ума, характера, ловкостью, самыми разнообразными способностями обладают в высшей степени». Он даже разработал критерии принадлежности к элите, предложив для каждой сферы человеческой деятельности систему индексов (баллов), характеризующих способности отдельных индивидов.

Но не только способности определяют вхождение в элиту и принадлежность к ней. В. Парето говорил о важности социального происхождения и специальной техники введения в элиту. Состав элиты не является неизменным. Элиты обладают способностью замещаться и продолжаться при условии постоянного обновления. При этом обновление осуществляется за счет вовлечения в состав элиты наиболее способных представителей низших слоев и классов общества. Это явление В. Парето назвал *циркулирующей элитой*, которую он рассматривал как «универсальный закон истории». В «Трактате общей социологии» он, в частности, отмечает: «Аристократии не выживают. Каковы бы ни были причины, бесспорно, что через какое-то время они исчезают. История является кладбищем аристократий, и упадок аристократий связан не только с уменьшением их численности; упадок распространяется и на ее качество, в том смысле, что уменьшается ее энергия и модифицируются пропорции остатков, способствовавших захвату и удержанию власти... Правящий класс пополняется не только численно, но, что еще важнее, качественно семьями из низших классов, которые приносят с собой энергию и пропорции необходимых остатков для сохранения у власти. Он сохраняет свое доброе состояние утратой наиболее падших своих членов».

В. Парето выделял три основных причины исчезновения элит:

- 1) биологическое разрушение;
- 2) изменение психологических позиций;
- 3) упадок.

Биологическое разрушение поражает военную аристократию, погибающую на полях сражений. Изменение психологических позиций является следствием ослабления культурных моделей, что ставит элиты в зависимость от других культурных моделей. И тогда элита либо прибегает к использованию насилия, либо просто подчиняется чуждому культурному влиянию, сгибаясь как тростник на ветру. Понятно, что и в том, и в другом случае элита оказывается неспособной выработать, а тем более реализовать реальные проекты будущего. Наконец, упадок как следствие изменения статусов и ролей индивидов, входящих в элиту, связан с социальным происхождением: нет никаких гарантий того, что сыновья становятся обладателями таких же способностей, какими были наделены их отцы. И если элита формируется только на основе социального происхождения — это знак упадка элиты.

Элита, по В. Парето, делится на правящую и неправящую (контрэлиту). *Правящая элита* непосредственно и эффективно участвует в управлении, обладает харизматическими свойствами лидеров. *Контрэлита* по способностям и личным качествам представляет собой потенциальную элиту, но лишена возможности принимать политические решения.

В. Парето различал два типа элит, последовательно сменяющие друг друга. Первый тип — «*львы*», для которых характерны открытость, решительность в управлении, опора на силовые, авторитарные методы властвования. «Львы» хороши для стабильных ситуаций, поскольку они крайне консервативны. Второй тип — «*лисы*», властвующие с помощью различных средств манипуляции, обмана, демагогии. Они чаще прибегают к подкупу, раздаче вознаграждений, нежели к угрозе применения насилия. «Лисы» преобладают в условиях нестабильности, переход-

ности, когда требуются энергичные, прагматически мыслящие и способные к преобразованиям правители.

Социальные изменения в обществе являются, по мнению В. Парето, следствием борьбы и «циркуляции» элит. В. Парето был автором *теории круговорота элит*. Общество, в котором преобладают элиты — «львы», обречено на застой; общество же, где доминируют элиты — «лисы», отличается динамичностью развития. Поступательность и стабильность в развитии общества может быть обеспечена при пропорциональном притоке в элиту лидеров первой и второй ориентации.

Управляющий, относительно малочисленный класс может удерживаться у власти частично силой, а частично — согласием большого подчиненного класса. Наилучший вариант — пропорциональное соотношение силы и согласия. Ресурс согласия основывается на умении правящего класса убедить массы в собственной правоте. Вероятность согласия зависит от способности элиты искусно манипулировать чувствами и эмоциями большинства. В. Парето считал, что «политика правительства тем эффективнее, чем успешнее оно использует эмоции». Однако умение убеждать подчас оказывается недостаточным для сохранения власти. В определенных обстоятельствах элита должна уметь вовремя применить силу. В противном случае на ее место может прийти новая элита, которая сделает это.

Элиты имеют тенденцию к упадку, а неэлиты способны к производству потенциально элитарных элементов. Это обусловлено тем, что принадлежность к элите не наследуется, ибо далеко не все их дети обладают выдающимися качествами своих родителей. Поэтому постоянно происходит замена старых элит новыми, которые чаще всего составляют выходцы из низших слоев общества. Необходимость подобных изменений определяется тем, что прежние элиты «теряют свою энергию, происходит уменьшение пропорций «остатка», дававших им возможность завоевать власть и удержать ее».

Таким образом, все социальные преобразования Парето объяснял «циркуляцией элит», то есть системой «обмена» людьми между двумя группами — элитой и остальным населением. В частности, он подчеркивал: «Этот феномен новых элит, которые в силу непрерывной циркуляции поднимаются из низших слоев общества в высшие, всесторонне раскрываются, затем приходят в упадок, исчезают и рассеиваются, есть один из главных феноменов истории, и его необходимо изучать, чтобы понять основные социальные движения».

Непрерывная циркуляция элит способствует равновесию социальной системы в той мере, в какой она обеспечивает приток «лучших», «достоинных». Кроме того, циркуляция элит влечет за собой циркуляцию идей. Однако это происходит тогда, когда правящий класс открыт и понимает необходимость постоянной циркуляции. Когда же элита становится замкнутой и превращается в касту, она утрачивает способность к управлению и прибегает к насилию, чтобы сохранить власть. Прекращение циркуляции элит приводит к революции. Революция является, по мнению В. Парето, наиболее радикальным способом обновления элит, в результате чего старая элита уступает место новой. В новой элите преобладают «лисы», которые со временем вырождаются во «львов» — сторонников насилия и деспотического правления.

11.1.4. Теория «железного закона олигархии» Р. Михельса

Иную систему доказательства неизбежности деления общества на правящее меньшинство и пассивное большинство предлагал Р. Михельс [101], ставший одним из идеологов фашизма и другом Б. Муссолини. Он пытался доказать невозможность осуществления принципов демократии в западных странах в силу собственных политическим организациям данных обществ свойств и «олигархических тенденций» в массовых политических организациях — партиях и профсоюзах. В своей главной работе «Политические партии. Очерк об олигархических тенденциях демократии» (1911) он анализировал кризис парламентской демократии и обосновывал правомерность элитизма.

Причины политического расслоения (стратификации) и потому невозможности осуществления демократии Р. Михельс видел, во-первых, в сущности человека; во-вторых, в сущности политической борьбы; в-третьих, в сущности организаций.

Поэтому, делал вывод Р. Михельс, демократия ведет к олигархии, превращается в нее.

Феномен олигархии, согласно Р. Михельсу, «объясняется частично психологически (психологией масс и психологией организаций), частично органически (законами структур организаций)», причем главную роль играют факторы первой группы. Поведение господствующего класса в условиях демократии во многом обуславливается воздействием «массы» на политический процесс. Понятие «массы» у Р. Михельса имеет психологическое содержание и интерпретируется как совокупность психических свойств массового обывателя: политической индифферентности, некомпетентности, потребности в руководстве, чувстве благодарности вождам, потребности в почитании лидеров и т. п. Поэтому «массы» не способны к самоорганизации и не могут самостоятельно управлять.

Из групп, претендующих на власть в рамках парламентской демократии, наиболее эффективными оказываются те, которые обеспечивают поддержку своим целям со стороны «организованных масс». Однако сам «принцип организации», являющийся необходимым условием руководства «массами», приводит к возникновению иерархии власти. Руководство организацией предполагает наличие профессионально подготовленных для этого людей, то есть аппарата. Он придает устойчивость организации, но одновременно вызывает перерождение организованной «массы». Аппарат совершенно меняет местами лидеров и «массу». Процесс организации неизбежно делит любую партию или профсоюз на руководящее меньшинство и руководимое большинство. Складывающееся «профессиональное руководство» все дальше отрывается от «масс», имеет тенденцию противопоставлять себя рядовым членам. Оно образует более или менее закрытый (внутренний) круг и стремится закрепить власть в своих руках.

Суверенитет масс оказывается иллюзорным. Согласно Р. Михельсу, неумолимо действует «железный закон олигархии». Следовательно, олигархическая структура власти основана не только на тенденции вождей к своему увековечиванию и укреплению личного авторитета, но и, главным образом, на инертности масс, готовых полагаться на немногих специалистов-профессионалов, а также на структурных свойствах политической организации.

Сама политическая элита является, по мнению Р. Михельса, продуктом национальной психики: «элитарный характер нации» стремится к воплощению в господствующих группах. В структуре господствующего класса он выделил три самостоятельных элемента: политический, экономический и интеллектуальный. Каждый раз в определенных исторических условиях реальную власть может осуществлять «политико-экономический», «политико-интеллектуальный» или «волевой политический класс». Кризис институтов парламентской демократии в Италии, Германии в 1920-х гг. выдвинул на первые роли «волевой политический класс». Воплощением идеала «волевого класса», по мнению Р. Михельса, была организация итальянских фашистов во главе с Б. Муссолини. Впоследствии Р. Михельс стал апологетом фашистских режимов в Италии и Германии.

По мнению Р. Т. Мухаева, итальянская школа политической социологии внесла существенный вклад в развитие политической науки, особенно теории элит [106, 131]. Впоследствии концепция элитизма обрела как сторонников, так и критиков. Противники указывали на несовместимость ее с идеями демократии и самоуправления. Они считали ошибочной теорию, которая не признает самостоятельной роли личности в политике, способности масс влиять на власть; критиковали за излишний психологизм в интерпретации мотивов политического поведения и причин политического неравенства в обществе. Однако последователи концепции элитизма углубляли и развивали основные положения теории в новых социальных условиях.

В трудах Г. Моски, В. Парето и Р. Михельса, по мнению В. П. Пугачева, понятие политической элиты получило уже достаточно ясные очертания. Были намечены ее важнейшие свойства, *параметры, позволяющие разграничивать и оценивать различные элитарные теории* современности:

- особые свойства, присущие представителям элиты;
- взаимоотношения, существующие внутри элитарного слоя и характеризующие степень его сплоченности, интеграции;
- отношения элиты с неэлитой, массой;
- рекрутирование элиты (источник и процесс формирования) ;
- роль (конструктивная или деструктивная) элиты в обществе, ее функции и влияние [128, 136].

Теория элит стремится исключить нивелировку, усредненность в оценке влияния людей на власть, отражает неравномерность ее распределения в обществе, соревновательность и конкуренцию в области политической жизни, ее иерархичность и динамизм. Научное употребление категории «политическая элита» основывается на вполне определенных общих представлениях о месте и роли политики и ее непосредственных носителей в обществе. Теория политической элиты исходит из равноправности и равноценности или даже приоритета политики по отношению к экономике и социальной структуре общества. Поэтому эта концепция несовместима с идеями экономического и социального детерминизма, представленного, в частности, марксизмом, трактующим политику всего лишь как надстройку над экономическим базисом, как концентрированное выражение экономики и классовых интересов. Из-за этого, а также вследствие нежелания правящей номенклатурной элиты быть объектом научных исследований, понятие политической элиты в советском обществоведении рассматривалось как псевдонаучное и буржуазно-тенденциозное и в позитивном значении не употреблялось.

§ 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭЛИТАРНОЙ ТЕОРИИ

11.2.1. Макиавеллизм и теоретические интерпретации элитизма

Выводы Г. Моски [103], В. Парето [112], Р. Михельса [101] положили начало научным работам, направленным на раскрытие механизмов и закономерностей функционирования политических элит. Современные теории элит разнообразны. Исторически первой группой теорий, не утративших современной значимости, являются уже вкратце рассмотренные концепции. Их сторонники заложили основы целого направления политической теории, получившего наименование «макиавеллизма».

Сторонники данного направления, соединяя политический реализм с «цинизмом» Н. Макиавелли [89], сходятся в своем весьма критическом отношении к демократии, занимая в этом вопросе позицию, близкую древнегреческим авторам, рассматривавшим демократию в виде некой мистической реалии, т. к. убеждены в том, что человеческое существование немислимо без неравенства. Во все времена, утверждают они, меньшинство правило большинством, массами. А история многократно свидетельствовала о том, что обладание властью всегда является итогом борьбы конкурирующих сил, в которой первостепенную роль играют элиты.

По мнению В. П. Пугачева [128, 137], сторонников взглядов Н. Макиавелли объединяют следующие идеи:

- особые качества элиты, связанные с природными дарованиями и воспитанием, проявляющиеся в ее способности к управлению или хотя бы к борьбе за власть;
- групповая сплоченность элиты. Это сплоченность группы, объединяемой не только общностью профессионального статуса, социального положения и интересов, но и элитарным самосознанием, восприятием себя особым слоем, призванным руководить обществом;
- признание элитарности любого общества, его неизбежного разделения на привилегированное властвующее творческое меньшинство и пассивное, нетворческое большинство. Такое разделение закономерно вытекает из естественной природы человека и общества. Притом что персональный состав элиты изменяется, ее господствующее отношение к массам в своей основе неизменно. Так, например, в ходе истории сменялись вожди племен, монархи, бояре и дворяне, народные комиссары и партийные секретари, министры и президенты, но отношения господства и подчинения между ними и простым людом сохранялись всегда;
- формирование и смена элит в ходе борьбы за власть. Господствующее привилегированное положение стремятся занять многие люди, обладающие высокими психологическими и социальными качествами. Однако никто не хочет добровольно уступать им свои посты и положение. Поэтому скрытая или явная борьба за место под солнцем неизбежна;
- в целом конструктивная, руководящая и господствующая роль элиты в обществе. Она выполняет необходимую для социальной системы функцию управ-

ления, хотя и не всегда эффективно. Стремясь сохранить и передать по наследству свое привилегированное положение, элита имеет тенденцию к вырождению, утрате своих выдающихся качеств.

Макиавеллистские теории элит подвергаются критике за преувеличение значения психологических факторов, антидемократизм и недооценку способностей и активности масс, недостаточный учет эволюции общества и современных реальностей государств «всеобщего благоденствия», циничное отношение к борьбе за власть. Такая критика во многом не лишена оснований.

Вместе с тем, элитистские идеи, разработанные итальянской школой политической социологии, стали неотъемлемой частью теоретического багажа современной политической науки. Даже в тех случаях, когда элитизм вызывает резкую оппозицию, его противники вынуждены учитывать элитистскую критику теории и практики демократии. Поднятая элитистами проблема отношений между правящим классом и массой стимулирует поиск новых теоретических и практических решений.

В русле макиавеллизма можно выделить несколько теорий:

- ценностная теория;
- теории плюрализма элит и демократического элитизма;
- партократические теории элит;
- леволиберальные теории.

11.2.2. Ценностные теории

Сторонники данной концепции (В. Ропке [42, 124] и др.) считают, что к элите относятся все те, кто обладает особыми способностями к производству и распространению определенных политических ценностей. Для них характерно стремление сгладить различия между жесткими подходами традиционного макиавеллизма и теми демократическими реалиями, которые отличают политическую жизнь современных государств.

Подчеркивая особое значение деятельности элиты для общественного развития, приверженцы данной теории отмечают те специфические и значимые достоинства данного слоя в обществе, которые им позволяют быть во главе государственного управления. Они признают, что формирование элиты происходит в итоге борьбы за власть. Однако в современных условиях, считают они, важнейшим средством овладения властью является электоральное противоборство и победа в нем.

В итоге формирование и обновление элиты происходит на основе изменений запросов и приоритетов развития общества, что неизбежно отражается в программных установках партий и политических деятелей. Это означает, что формирование элиты приобретает *ценностно-рациональный* характер.

Формирование элиты не столько результат ожесточенной борьбы за власть, сколько следствие естественного отбора обществом наиболее ценных представителей. Поэтому общество должно стремиться совершенствовать механизмы такой селекции, вести поиск наиболее одаренных представителей элиты во всех социальных слоях. Важно обеспечить примерно равные стартовые условия для всех людей. На финиш люди в силу природных различий придут в разное время и с разными результатами. Неизбежно появятся социальные «чемпионы» и аутсайдеры.

К представителям ценностного подхода можно отнести испанского философа Х. Ортега-и-Гассета (1883—1955), который противопоставлял духовную элиту, творящую культурные ценности, пассивной управляемой массе, бессознательно следующей стандартизованным обычаям и привычкам. Главная цель человеческой деятельности во всех измерениях жизни, считал Х. Ортега-и-Гассет, — это творчество, открытие и воплощение в жизнь новых ценностей. Поэтому всякое общество и всякая эпоха — «это, прежде всего, система предрасположенностей, все остальные работают на них». И если большинство людей обречено быть обыкновенными — просто врачами, просто художниками и т. д., то духовная элита наделена особой жизненной силой. Она не идет на поводу у собственных привычек и обычаев. Напротив, повинуюсь «внутреннему императиву», она старается быть лучше, требовательнее к себе, т. к. обладает подлинным «призванием к самосовершенствованию» [110, 120].

Сторонником ценностного подхода был и русский религиозный философ Н. А. Бердяев, который пытался выявить качественные показатели элиты, определяющие ее влияние на социально-политическую и духовную жизнь общества. Согласно Н. А. Бердяеву, в истории действует некий «нравственный закон», дух которого всегда выражается через «качественный подбор личностей, через избранные личности». Эти личности образуют «аристократию» — некую духовно и физически привилегированную группу, обладающую такими чертами, как духовное благородство, щедрость, жертвенность, сознание своего достоинства, умение «служить человеку и миру».

Аристократия, по Н. А. Бердяеву, может иметь несколько разных ступеней и каждая группа в обществе может выделять свою собственную аристократию. Однако существуют такие типы «истинной аристократии», которые выполняют особую роль. Это социально-историческая аристократия («экзотерическая»), «действующая во внешнем историческом плане», и высшая — духовная аристократия («эзотерическая»), которая образуется и действует «во внутреннем сокровенном плане», где начинается всякое творчество.

Н. А. Бердяев на основе анализа развития разных стран и народов вывел «коэффициент элиты» как отношение высокоинтеллектуальной части населения к общему числу грамотных. Коэффициент элит, составляющий свыше 5 %, означает наличие в обществе высокого потенциала развития. Как только этот коэффициент опускался примерно до 1 %, империя прекращала существование, в обществе наблюдался застой и окостенение. Сама же элита превращалась в касту, жречество. И потому перед каждым обществом, по мнению Н. А. Бердяева, стоит задача подбора и укрепления «истинной демократии». Именно она может стать «руководящей аристократией», т. к. власть должна принадлежать лучшим, избранным личностям, на которые возлагается великая ответственность, и которые возлагают на себя великие обязанности [21, 101, 128, 138].

Многообразные ценностные концепции элит существенно различаются по степени защиты аристократизма, отношению к массам, демократии и т. д. Однако они, по мнению В. П. Пугачева, имеют и ряд следующих общих установок.

1. Принадлежность к элите определяется обладанием высокими способностями и показателями в наиболее важных для всего общества сферах деятельности. Элита — наиболее ценный элемент социальной системы, ориентированный на

удовлетворение ее важнейших потребностей. В процессе развития у общества отмирают многие старые и возникают новые потребности, функции и ценностные ориентации. Это приводит к постепенному вытеснению носителей наиболее важных для своего времени качеств новыми людьми, отвечающими современным требованиям. Так в ходе истории произошла смена аристократии, воплощающей нравственные качества и, прежде всего, честь, образованность и культуру, предпринимателями, в хозяйственной инициативе которых нуждалось общество. Последние же, в свою очередь, сменяются менеджерами и интеллектуалами — носителями столь важных для современного общества знаний и управленческой компетентности.

Некоторые современные сторонники ценностной теории элит утверждают, что лишь индустриальное и постиндустриальное общество становится подлинно элитарным, поскольку «покоившееся на владении частной собственностью классовое господство сменилось в нем господством групп, которые рекрутируются отныне не по крови или владению собственностью, а на основе деловой квалификации».

2. Элита относительно сплочена на здоровой основе выполняемых ею руководящих функций. Это — не объединение людей, стремящихся реализовать свои эгоистические групповые интересы, а сотрудничество лиц, заботящихся, прежде всего, об общем благе.
3. Взаимоотношения между элитой и массой имеют не столько характер политического или социального господства, сколько руководства, предполагающего управленческое воздействие, основанное на согласии и добровольном послушании управляемых и авторитете власть имущих. Ведущая роль элиты уподобляется руководству старших, более знающих и компетентных по отношению к младшим, менее осведомленным и опытным. Она отвечает интересам всех граждан.
4. Формирование элиты — не столько результат ожесточенной борьбы за власть, сколько следствие естественного отбора обществом наиболее ценных представителей. Поэтому общество должно стремиться совершенствовать механизмы такой селекции, вести поиск рациональной, наиболее результативной элиты во всех социальных слоях.
5. Элитарность — условие эффективного функционирования любого общества. Она основана на естественном разделении управленческого и исполнительского труда, закономерно вытекает из равенства возможностей и не противоречит демократии. Социальное равенство должно пониматься как равенство жизненных шансов, а не равенство результатов, социального статуса. Поскольку люди не равны физически, интеллектуально, по своей жизненной энергии и активности, то для демократического государства важно обеспечить им примерно одинаковые стартовые условия. На финиш же они придут в разное время и с разными результатами. Неизбежно появятся социальные «чемпионы» и аутсайдеры [128, 138].

Ценностные представления о роли элиты в обществе, по мнению В. В. Желтова, преобладают у современных неоконсерваторов, утверждающих, что элитарность необходима для демократии [58, 411]. При этом упор делается на приоритетность в по-

литической деятельности принципов морали и нравственности. Элита должна служить примером нравственности для граждан и внушать тем самым к себе уважение, подтверждаемое на свободных выборах. Данная концепция роли политической элиты, по его мнению, в целом соответствует демократическим принципам правления, хотя не раз подвергалась критике за абсолютизацию роли правящей элиты в обществе и ее жесткое противопоставление пассивному большинству.

11.2.3. Теории демократического элитизма

У авторов теории элит преобладал психолого-политический подход (отношения господства и подчинения) при недооценке роли экономических, классовых факторов в деятельности руководящих элит. В последующем сторонники теории элит Р. Ч. Миллс [99], С. Липсет [86, 87, 88], Р. Даль [46, 47, 48], Р. Дарендорф [49, 50, 51, 52, 53] и др. стали обращаться к социологическим и экономическим критериям. Широкое распространение получили эмпирические исследования руководящих элит различных политических систем.

Основные положения ценностной теории элит лежат в основе концепций демократического элитизма (элитарной демократии), получивших широкое распространение в современном мире. Для теорий элитарной демократии общим является понимание демократии как

- конкурентной борьбы претендентов на руководство обществом во время избирательных кампаний;
- нового способа рекрутирования политических элит (борьба за поддержку народом на выборах);
- изменения самосознания элиты, зависящей в своей политической судьбе от рядовых граждан;
- рассмотрения элиты в качестве поборницы либерально-демократических ценностей — свободы, равенства, права (в отличие от масс, радикально настроенных в борьбе за свои права на труд, социальное обеспечение и т. д.);
- осуществление элитой руководства, а не властвования массами с их добровольного согласия, посредством свободных выборов.

Сторонники теории демократического элитизма исходят из предложенного Й. Шумпетером [161] понимания демократии как конкурентной борьбы между потенциальными руководителями за доверие избирателей. Как писал К. Мангейм [90], «демократия влечет за собой антиэлитистскую тенденцию, но не требует идти до конца к утопическому уравнению элиты и масс. Мы понимаем, что демократия характеризуется не отсутствием страты элиты, а скорее новым способом рекрутирования и новым самосознанием элиты».

Сторонники демократического элитизма, ссылаясь на результаты эмпирических исследований, утверждают, что реальная демократия нуждается как в элитах, так и в массовой политической апатии, поскольку слишком высокая политическая активность угрожает стабильности демократии. Элиты необходимы, прежде всего, как гарант высокого качественного состава руководителей, избранных населением. Сама социальная ценность демократии решающим образом зависит от качества элиты. Руководящий слой не только обладает необходимыми для управ-

ления свойствами, но служит защитником демократических ценностей и способен сдерживать часто присущий массам политический и идеологический иррационализм, эмоциональную неуравновешенность и радикализм.

В 1960—70-е гг. утверждения о сравнительном демократизме элиты и авторитаризме масс были в значительной мере опровергнуты конкретными исследованиями. Оказалось, что представители элит обычно превосходят низшие слои общества в принятии либерально-демократических ценностей (свободы личности, слова, конкуренции и т. д.), в политической толерантности, терпимости к чужому мнению, в осуждении диктатуры и т. п. Вместе с тем, они более консервативны в признании социально-экономических прав граждан: на труд, забастовку, организацию в профсоюз, социальное обеспечение и т. п. Кроме того, некоторые ученые (П. Бахрах, Ф. Нашольд [128, 140]) показали возможность повышать стабильность и эффективность политической системы с помощью расширения массового политического участия. Границы между элитой и обществом условны. Доступ в элиту открыт не только представителям крупного богатства, но и представителям других слоев общества, обладающим выдающимися способностями и знаниями.

11.2.4. Концепция плюрализма элит и функциональные теории элит

Установки ценностной теории о ценностно-рациональном характере отбора элит в современном демократическом обществе развиваются в концепциях множественности элит, являющихся, пожалуй, наиболее распространенными в сегодняшней элитарной мысли настоящего времени. Их нередко называют функциональными теориями элиты. Они не отрицают элитарную теорию в целом, хотя и требуют коренного пересмотра ряда ее основополагающих, классических установок. Среди авторов *концепции плюрализма элит* наиболее известны С. Келлер [133, 91], О. Штаммер [42, 124], Д. Рисмен [42, 124], утвердившие ряд ее основных позиций. В частности, то, что элита множественна. Ни одна входящая в нее группа не способна оказать решающего воздействия на все области жизни одновременно. В условиях демократии власть распределена между различными группами элит, которые оказывают влияние на принятие решений, отстаивая свои интересы. Элиты контролируются массами посредством выборов, референдумов, опросов, прессы, групп давления.

По определению А. Г. Грязновой, разработчики теории исходят из того, что конкуренция между элитами предотвращает формирование целостной элитарной группы и делает возможным контроль власти со стороны общества. Границы между элитой и обществом условны. Доступ в элиту открыт не только представителям крупного богатства, но и представителям других слоев общества, обладающим выдающимися способностями и знаниями [42, 125].

Своеобразное теоретическое развитие получили и взгляды Г. Моски. Так, французский исследователь Г. Дорсо [133, 90] обратился к учению о «политическом классе» и предложил рассматривать его как «технический инструмент» «господствующего класса», распадающийся в политическом процессе на «управляющий» и «оппозиционный» сегменты. В силу этого, как считает французский

ученый, смена у власти правящего и оппозиционного слоев совершенно не сказывается на интересах и статусе правящего класса.

М. А. Василик и М. С. Вершинин [29, 147] считают, что демократические установки ценностной теории элиты развивают и существенно обогащают концепции множественности, плюрализма элит. Они базируются на следующих постулатах:

- *отрицание элиты как единой* привилегированной, относительно сплоченной группы (существует множество элит; влияние каждой из них ограничено специфической для нее областью деятельности; ни одна из них не способна доминировать во всех областях жизни; плюрализм элит определяется сложным общественным разделением труда, многообразием социальной структуры; каждая из множества материнских, базисных групп — профессиональных, региональных, религиозных, демографических и других — имеет свою собственную элиту, которая выражает ее интересы, защищает ценности и в то же время активно влияет на ее развитие);
- *подконтрольность элиты* материнским группам (с помощью разнообразных демократических механизмов — выборов, референдумов, опросов, прессы, групп давления и т. д. — можно ограничить и заблокировать действие открытого Р. Михельсом «железного закона олигархических тенденций» и удержать элиты под давлением масс);
- *подотчетность элит* массам, ставшая возможной вследствие экономической и социальной конкуренции элит (это предотвращает складывание единой господствующей элитной группы; конкуренция разворачивается на основе признания всеми ее участниками «демократических правил игры» и требований закона);
- *распыленность власти* в современном демократическом обществе (многообразные общественные группы и институты с помощью прямого участия, давления, использования блоков и союзов могут налагать вето на неудобные решения, отстаивать свои интересы, находить взаимоприемлемые компромиссы; сами отношения власти изменчивы; они возникают для решения вполне определенных задач; это ослабляет концентрацию власти и предотвращает складывание стабильных господствующих социально-политических позиций и устойчивого властвующего слоя);
- *условность и размытость* различий между элитой и массой (в современном правовом социальном государстве граждане могут свободно входить в состав элиты, участвовать в принятии решений; главный субъект политической жизни не элиты, а группы интересов; различия между элитой и массой основаны, главным образом, на неодинаковой заинтересованности в принятии решений; доступ к лидерству открывают не только богатство и высокий социальный статус, но и личные способности, знания, активность и тому подобное).

Концепции плюрализма элит широко используются для теоретического обоснования современных западных демократий. Однако эти теории во многом идеализируют действительность. Многочисленные эмпирические исследования, по мнению В. П. Пугачева, свидетельствуют о явной неравномерности воздействия различных социальных слоев на политику, о преобладании влияния капитала, представителей военно-промышленного комплекса и некоторых других групп

[128, 142]. Учитывая это, некоторые сторонники плюралистического элитизма предлагают выделять наиболее влиятельные «стратегические» элиты, чьи «суждения, решения и действия имеют важные предопределяющие последствия для многих членов общества».

11.2.5. Левoliberalные концепции

Своего рода идейным антиподом плюралистического элитизма выступают леволиберальные теории элиты. Важнейшим представителем этого направления считается Р. Миллс. Его, к примеру, не удовлетворяет точка зрения, согласно которой элита перестала быть «единой властвующей». Большинство социологов считает, что для элиты характерно «распыление власти», происходит «саморазрушение» понятия элиты, поскольку насчитывается множество элит, представляющих собой своего рода баланс противоборствующих сил и т. д., то есть то, что совпадает с концепцией политического плюрализма.

По Р. Миллсу, пирамида власти включает три уровня:

- реальная власть, осуществляемая властвующей элитой (монополисты, правительственные лидеры, верхушка военщины);
- «средний уровень власти», выражающей групповые интересы (члены Конгресса);
- уровень «фактического бесправия» — масса, или политически инертное общество.

Р. Миллс показал, что реальную власть в США осуществляет узкий верхушечный слой (властвующая элита). Социальная мобильность в элите всегда была незначительной и имеет тенденцию к еще большему сокращению. При этом, по мнению Р. Миллса, наибольшим влиянием в треугольнике власти обладают лица (включая и часть неизбираемой, бюрократической элиты), находящиеся в неформальных отношениях друг с другом и оказывающие основное влияние на весь процесс принятия решений [99, 193].

Главный элитообразующий признак — не выдающиеся индивидуальные качества, а обладание командными позициями, руководящими должностями. Властвующая элита, пишет Р. Миллс, «состоит из людей, занимающих такие позиции, которые дают им возможности возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупные последствия <> Это обусловлено тем, что они командуют важнейшими иерархическими институтами и организациями современного общества <> Они занимают в социальной системе стратегические командные пункты, в которых сосредоточены действенные средства, обеспечивающие власть, богатство и известность, которыми они пользуются» [99, 24]. Именно занятие ключевых позиций в экономике, политике, военных и других институтах обеспечивает власть и тем самым конституирует элиту. Такое понимание элиты отличает леволиберальные концепции от макиавеллистских и других теорий, выводящих элитарность из особых качеств людей.

Левoliberalный элитизм, разделяя некоторые положения макиавеллистской школы, имеет и специфические, отличительные черты.

- *Групповая сплоченность* и разнообразие состава властвующей элиты, которая не ограничивается элитой политической, непосредственно принимающей государственные решения, а включает и руководителей корпораций, политиков, высших государственных служащих и высших офицеров. Их поддерживают интеллектуалы, хорошо устроившиеся в рамках существующей системы.

Сплачивающим фактором властвующей элиты является не только общая заинтересованность составляющих ее групп в сохранении своего привилегированного положения и обеспечивающего его общественного строя, но и близость социального статуса, образовательного и культурного уровня, круга интересов и духовных ценностей, стиля жизни, а также личные и родственные связи.

Внутри правящей элиты существуют сложные иерархические отношения. Хотя Р. Миллс остро критикует господствующую элиту США, раскрывает связь политиков с крупными собственниками, он все же не сторонник марксистского классового подхода, рассматривающего политическую элиту лишь как выразителей интересов монополистического капитала. Говоря о роли элиты в обществе, Р. Миллс подчеркивает следующие особенности.

- *Глубокое различие* между элитой и массой. Выходцы из народа могут войти в элиту, лишь заняв высокие посты в общественной иерархии. Однако реальных шансов на это у них немного. Возможности влияния масс на элиту посредством выборов и других демократических институтов весьма ограничены. С помощью денег, знаний, отработанного механизма манипулирования сознанием властвующая элита управляет массами фактически бесконтрольно.
- *Рекрутирование элиты* осуществляется преимущественно *из своей собственной среды* на основе принятия ее социально-политических ценностей. Важнейшими критериями отбора являются обладание ресурсами влияния, а также деловые качества и конформистская социальная позиция.
- *Первейшая функция* властвующей элиты в обществе — *обеспечение своего собственного господства*. Именно этой функции подчинено решение управленческих задач. Р. Миллс отрицает неизбежность элитарности общества, критикует ее с последовательно демократических позиций.

Сторонники леволиберальной теории элиты обычно отрицают прямую связь экономической элиты с политическими руководителями, действия которых, как считает, например, Р. Милибанд [128, 144], не определяются крупными собственниками. Однако политические руководители стран развитого капитализма согласны с основными принципами рыночной системы и видят в ней оптимальную для современного общества форму социальной организации. Поэтому в своей деятельности они стремятся гарантировать стабильность общественного строя, основанного на частной собственности и плюралистической демократии.

В западной политологии основные положения леволиберальной концепции элиты подвергаются острой критике, особенно утверждения о закрытости властвующей элиты, непосредственном вхождении в нее крупного бизнеса и др. В марксистской же литературе, напротив, это направление из-за его критического характера оценивалось весьма положительно.

Бурное развитие элитистских концепций и по сей день не привело к утверждению единых подходов к интерпретации самостоятельности элит, характеристики

их отношений с массами, к определению соотношения статусных и личных свойств элитарных кругов при изменении их состава, роли управляющих в развитии демократии. По сути дела, каждый исторический период серьезно изменял и обновлял такого рода оценки и идеи. Например, в своих первоначальных вариантах элитистские теории были весьма негативно расположены к демократии. Впоследствии ситуация радикально изменилась, и элитизм стал рассматриваться как элемент политики, полностью совместимый с механизмами представительной демократии. Как утверждал видный политический мыслитель XX в. Й. А. Шумпетер [161], элиты могут сделать для утверждения демократии значительно больше, чем самые широкие, заинтересованные в этих ценностях слои населения.

В то же время, по мнению А. И. Соловьева, подавляющее большинство представителей современного элитизма рассматривают деятельность высших управляющих структур в отрыве от обуславливающих их социальных и экономических факторов. В данном случае элиты нередко трактуются как самодостаточные группы, полностью контролирующие все политические процессы. В известной степени это предопределяет расширение некоторыми теоретиками (А. Стоун [133, 90]) функционально-ролевых нагрузок правящих групп, рассмотрение их в качестве единственных движителей исторического процесса, массам же при этом отводится роль его пассивных наблюдателей.

§ 3. ТИПОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ И РЕКРУТИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

11.3.1. Общее определение и причины существования элиты

Каждое из рассмотренных выше основных направлений элитарной теории отражает те или иные стороны действительности, ориентируется на определенные исторические эпохи и страны. Выделенные в них важнейшие черты и аспекты элиты позволяют дать общее определение. Исследователи расходятся в деталях, но единодушны в основном. В частности, В. П. Пугачев определяет *политическую элиту* как внутренне дифференцированную, неоднородную, но относительно интегрированную группу лиц (или совокупность групп), составляющую меньшинство общества, в большей или меньшей степени обладающую качествами лидерства и подготовленных к выполнению управленческих функций, занимающих руководящие позиции в общественных институтах и (или) непосредственно влияющих на принятие властных решений в обществе [128, 144]. Это относительно привилегированная, политически господствующая группа, претендующая на представительство народа, в той или иной мере подконтрольная массам и относительно открытая для вхождения в ее состав любых граждан, обладающих необходимой квалификацией и политической активностью.

Ю. В. Ирхин считает, что *политическая элита* — это специализированная социальная группа, концентрирующая в своих руках государственную власть и занимающая командные посты в управлении обществом. В политическую элиту общества входят профессиональные политики высокого ранга, наделенные властными

функциями и полномочиями. К политической элите он относит высших государственных служащих, профессионально подготовленных к участию в разработке и реализации политических программ, в выработке стратегии политического развития общества [67, 430]. Иными словами, это совокупность индивидов, определяющая и руководящая политическим процессом в стране и за ее пределами.

Из всех видов элит, подчеркивает Г. И. Козырев, политическая занимает особое место, так как она участвует в использовании государственной власти, обладает определенными властными полномочиями. Политическая элита — немногочисленная, относительно привилегированная, достаточно самостоятельная, высшая группа (или совокупность групп), в большей или меньшей степени обладающая определенными психологическими, социальными и политическими качествами, необходимыми для управления другими людьми и непосредственно участвующая в осуществлении государственной власти [73]. Люди, входящие в политическую элиту, как правило, занимаются политикой на профессиональной основе. В обществе выделяются духовная, экономическая, военная, интеллектуальная и бизнес-элита. Политическая элита среди них отличается тем, что концентрирует в своих руках политическую власть, управляет обществом, принимая стратегически важные решения.

Вместе с тем исследователи зачастую используют определения «политическая» и «правящая» как синонимы. По мнению автора, это не идентичные понятия и не равнозначные, можно являться представителем политической элиты, но не принадлежать к правящей. Они соотносятся как часть и целое. «Властвующая элита» включает в себя различные группы, непосредственно или опосредованно участвующие во властных процессах. Сюда входят политическая, экономическая, военная, идеологическая и другие виды элит.

В свою очередь, политическая элита — это лишь *определенная часть* широких элитарных слоев общества в целом, в которые входят наиболее видные и авторитетные представители экономических кругов, гуманитарной и технической интеллигенции, других профессиональных образований. Большинство ученых сходится на том, что те немногие люди, которые принадлежат к политически властвующему кругу, не являются типичными представителями общества, формируясь по преимуществу из представителей высших социально-экономических слоев. Практика не подтвердила тезис о том, что деятельность элит непосредственно определяется интересами населения. Эти круги вообще слабо подвержены влиянию со стороны основной части населения, строя свою деятельность согласно правилам и нормам по преимуществу внутриэлитарного характера.

Правящая элита проводит государственную политику, по мнению А. И. Соловьева, исходя не из требований масс, а из интересов господствующих элитарных слоев (впрочем, не отрывающихся абсолютно от потребностей широких социальных слоев). Перемены в политическом курсе в основном осуществляются изнутри этой управляющей подсистемы общества. Таким образом, в любом обществе могут складываться серьезные противоречия между составом и интересами элитарных и неэлитарных групп [133, 91].

В последние десятилетия термин «элита» прочно вошел в политологические словари, несмотря на энергичные возражения ряда специалистов — как марксистов, так и немарксистов. При этом следует иметь в виду бесплодность чисто тер-

минологического спора о том, какое понятие предпочтительнее — «правящая элита», «правящая верхушка» или «правящие круги». Важен, по мнению А. Н. Бороздина и др., сам вопрос о месте и роли элиты в социально-политической структуре общества, о том, является ли элита «внеклассовой» социальной группой, выражающей интересы общества в целом, как это доказывают многие политологи, или же это — верхушка господствующего класса, осуществляющая государственное руководство во имя поддержки социальной системы, которая ставит этот класс в привилегированное положение [24, 73].

Существование элиты — объективный процесс, естественное состояние общества и мира политических отношений. Ее существование обусловлено действием следующих основных факторов:

- психологическим и социальным неравенством людей, их неодинаковыми способностями, возможностями и желанием участвовать в политике;
- законом разделения труда, который требует профессионального занятия управленческим трудом как условия его эффективности;
- высокой общественной значимостью управленческого труда и его соответствующим стимулированием;
- широкими возможностями использования управленческой деятельности для получения социальных привилегий (поскольку политико-управленческий труд прямо связан с распределением ценностей);
- практической невозможностью осуществления всеобъемлющего контроля над политическими руководителями;
- политической пассивностью широких масс населения, главные интересы которых обычно лежат вне политики.

Политическая элита как наиболее активная, компетентная и влиятельная часть общества играет ключевую роль в политическом процессе. Она участвует в разработке и принятии стратегических решений и руководит их реализацией, определяет направления общественного развития, формирует оборонительную политику страны, представляет страну на международной арене. Элиты также играют основную роль в выработке той или иной идеологии или политического течения, в формировании общественного мнения и в мобилизации масс для участия в политических акциях и движениях.

Особенно велика роль и значение политических элит в переходные и кризисные для страны периоды. Неустойчивость общего положения, неуверенность людей в завтрашнем дне позволяют правящей элите концентрировать в своих руках большой объем политической власти, управлять судьбами многих миллионов людей и при этом не нести никакой ответственности, «списывая» свою некомпетентность и/или злоупотребления на «объективные обстоятельства».

Необходимо учитывать еще и тот факт, что кроме общественных интересов элиты имеют и свои личные (корпоративные) интересы. Объективно интересы правящей элиты совпадают с общественными интересами, так как устойчивость власти и ее перспективы зависят от роста благосостояния народа. Но соблазн обогатиться за счет общества (особенно если это общество не в состоянии себя защитить) нередко перевешивает объективную необходимость, и проблемы решаются в пользу элит. Наглядными примерами такой антинародной политики элит в совре-

менной России явились тотальная либерализация цен и антисоциальная приватизация собственности.

Пополнение или изменение состава политической элиты зависит не только от позиции населения или конкретной ситуации, при которой представители широких социальных слоев начинают принимать определенное участие в принятии решений, но в значительной степени и от позиции самих элитарных группировок. В этом смысле элита является скорее *саморегулирующейся* общностью, которая избирательно допускает в свою среду представителей массы. Представители как правящих, так и оппозиционных элит, как правило, едины в своих представлениях относительно властных предпочтений. И их скорее объединяют, чем разъединяют основополагающие подходы к действительности и социально-экономическим ценностям.

В то же время расхождения корпоративных интересов и амбиции отдельных лиц, по определению Э. Гидденса [37], неизбежно порождают внутригрупповую конкуренцию, от степени и форм проявления которой непосредственно зависит стабильность политических отношений в обществе. Поэтому стабильность политических порядков обуславливается постепенностью внутриэлитарных изменений и установлением сбалансированных внутригрупповых отношений. В зависимости от условий деятельности правящих кругов во власти формируются различные типы политических элит, обладающие большей или меньшей закрытостью или открытостью, наличием гегемонистских или демократических, авторитарных или олигархических черт, той или иной степенью внутригрупповой солидарности или конфронтационности и т. д. При этом в рамках отдельных политических систем могут действовать уникальные элитарные образования, например, «номенклатура» в бывшем СССР.

11.3.2. Типология элит

Политическая элита неоднородна, внутренне дифференцирована и существенно различается на разных исторических этапах и в разных странах. Это, а также специфика исследовательских подходов усложняют ее классификацию.

В зависимости от источников влияния элиты подразделяются на *наследственные*, например аристократия, *ценностные* — лица, занимающие высокопрестижные и влиятельные общественные и государственные позиции, *властные* — непосредственные обладатели власти и *функциональные* — профессионалы-управленцы, имеющие необходимую для занятия руководящих должностей квалификацию.

Среди элит различают *правящую*, непосредственно обладающую государственной властью, и *оппозиционную* (контрэлита); *открытую*, рекрутирующуюся из общества, и *закрытую*, воспроизводящуюся из собственной среды, например, дворянство.

Элита делится на *высшую и среднюю*. Высшая элита непосредственно влияет на принятие решений, значимых для всего государства. Принадлежность к ней может быть обусловлена репутацией (например, неофициальные советники президента, его «кухонный кабинет») или положением в структурах власти. В западных демократиях на каждый миллион жителей приходится примерно 50 представителей высшей элиты. Среди самой высшей элиты часто выделяют ядро, характеризующееся

особой интенсивностью коммуникаций, взаимодействия и насчитывающее обычно 200—400 человек.

К средней элите относят примерно 5 % населения, выделяющегося одновременно по трем признакам — доходу, профессиональному статусу и образованию. Лица, обладающие высшими показателями лишь по одному или двум из этих критериев, относятся к *маргинальной* элите. Как отмечает К. Дойч, «в целом люди, чей образовательный уровень гораздо выше, чем их доход, обычно более критичны к существующим отношениям, в своих политических убеждениях тяготеют к центризму или левому радикализму. Лица, чей доход заметно превышает уровень образования, также зачастую не удовлетворены своим положением, престижем и, как правило, занимают правые политические позиции. Таким образом, взгляды 5 % взрослого населения страны, составляющего элиту общества, определяемые соотношением доходов, профессионального статуса и образовательного уровня, могут многое поведать о том, что политически приемлемо и что не приемлемо для данной страны» [159, 92].

Многие политологи отмечают тенденцию возрастания роли средней элиты, особенно ее новых слоев, называемых «субэлитой», — высших служащих, менеджеров, ученых, инженеров и интеллектуалов — в подготовке, принятии и реализации политических решений. Эти слои обычно превосходят высшую элиту в информированности, организованности, энергичности и способности к единым действиям.

К политической элите, непосредственно участвующей в процессе принятия политических решений, примыкает элита *административная*, предназначенная для исполнительской деятельности, однако на деле обладающая большим влиянием на политику.

Одной из достаточно содержательных классификаций политической элиты в демократическом обществе является выделение в зависимости от степени развитости и соотношения вертикальных (социальная представительность) и горизонтальных (внутригрупповая сплоченность) связей элиты ее четырех основных типов:

- *стабильной демократической* элиты — высокая представительность и высокая групповая интеграция;
- *плюралистической* — высокая представительность и низкая групповая интеграция;
- *властной* — низкая представительность и высокая групповая интеграция;
- *дезинтегрированной* — низкие оба показателя.

Оптимальной для общества является стабильная демократическая элита, сочетающая тесную связь с населением с высокой степенью групповой кооперации, позволяющей понимать политических оппонентов и находить компромиссные решения.

11.3.3. Структура элиты

Строение элитарного слоя, осуществляющего в государстве и обществе функции власти и управления, чрезвычайно сложно. Для понимания механизма формирования государственной политики уже недостаточно использовать только ка-

тегории элиты и контрэлиты. Многие ученые указывают на наличие в правящих кругах общества ряда (научных, технических, идеологических), политических сегментов. Каждый из них выстраивает собственные отношения с массами, определяет место и роль в принятии решений, степень и характер влияния на власть.

По функциональному признаку внутри элиты выделяют несколько внутриэлитных групп: политическую, экономическую, культурно-информационную и др. Состав каждой из них определяется ее функциями. *Политическую элиту* составляют группы и политические лидеры, осуществляющие властные решения. На основе объема властных полномочий выделяются следующие виды политической элиты: высшая, средняя и административная. Высшая политическая элита включает руководителей, которые занимают стратегические позиции в системе принятия важнейших решений. К этому типу элиты относятся президент и его окружение, руководители правительства, члены высших судебных органов власти, лидеры наиболее влиятельных партий, спикер парламента и главы крупнейших парламентских фракций. К средней элите относятся те, кто занимает посты в выборных органах власти: депутаты, представители региональных элит (губернаторы, мэры), лидеры политических партий и движений. В состав административной элиты входят члены правительства, а также высший слой государственных служащих.

Экономическую элиту составляют наиболее богатые члены общества — крупные собственники, банкиры, руководители финансово-промышленных групп, главы ведущих корпораций, владельцы крупных капиталов. Интересы экономической элиты прямо или косвенно оказывают влияние на характер решений, принимаемых политической элитой.

Культурно-информационную элиту составляют выдающиеся деятели науки, культуры, видные журналисты, оказывающие влияние на формирование общественного мнения, высшие иерархи церкви. Главной функцией этой группы является формирование благоприятного для элиты общественного мнения, идеологическое обоснование факта господства данной элиты, а также принимаемых ею решений [157, 340].

Известный польский политолог В. Милановский [97] предложил рассматривать структуру элитарных кругов в зависимости от выполнения их внутренними группировками своеобразных функций в сфере политического управления обществом, учитывать особое место «*селектората*», включающего в себя тех лиц, которые потенциально готовы к выполнению профессиональных функций в политической сфере. В «селекторат» входят и те, кто оказывает влияние на выдвижение представителей населения, и те, кто сам готовится к исполнению этих ролей. Иными словами, «селекторат» — это широкий круг политических активистов, который еще не дифференцирован на различные, более специализированные сегменты.

Следующим элитарным образованием выступают «*потенциальные элиты*», представляющие собой разрозненные элитарные группировки, еще только стремящиеся к власти и соответственно проясняющие свои идеологические приоритеты и позиции, формирующие в связи с этим «команды» отдельных лидеров. В «потенциальных элитах» происходит относительное закрепление конкретных лиц на функциональных позициях (лидер, идеолог, аналитик, член штаба и т. п.), оформляются инструменты и механизмы межэлитарной конкуренции, налаживаются

первичные отношения между сторонниками различных (в том числе союзных) направлений.

После выборов судьбы элитарных группировок принципиально расходятся. Те из них, которые проиграли выборы, но при этом остались в поле публичной политики, составляют *«самодетельные элиты»*. Авторитетные в обществе представители этих кругов могут лишь косвенно влиять на принимаемые в государстве политические решения. В свою очередь, в этом сегменте формируются два основных элитарных образования: оппозиция и сторонники правительственных сил. Тех и других объединяет стремление укрепить свои позиции во власти, сформировать механизмы постоянного влияния на ее институты, осуществить целенаправленное воздействие на общественное мнение. Однако оппозиция нередко сопровождает свою деятельность попытками поставить под вопрос результаты выборов, посеять сомнения в правомерности проводимого правительством курса, высказать требования смены власти до очередных выборов, призвать население к выражению политического протеста.

Победившая на выборах элита приобретает статус *«правлящей политической элиты»*, которая непосредственно осуществляет процесс управления и руководства обществом и государством. В силу сложности данного крайне многогранного процесса и эта важнейшая в обществе группировка также разделяется на ряд составляющих. В нее входят представители центральной и региональной власти, представители высшей (по характеру полномочий), средней и низшей (местной) элиты. Наряду с избираемыми политиками непременным участником этого круга являются и определенные слои государственной бюрократии.

Тот факт, что в правящей политической элите всегда действует несколько функциональных группировок, позволяет отдельным теоретикам уточнить характер ее функционирования. Например, современные сторонники плюралистической концепции считают, что в правящей элите могут складываться строго иерархизированные отношения, когда одна группа четко контролирует деятельность других, а могут взаимодействовать несколько слабо связанных друг с другом группировок (например, контролирующих законодательную и исполнительную ветви власти и имеющих при этом различные интересы и направления деятельности). Такой *«фрагментарный элитизм»*, при котором реальная власть становится доступной не всем, неизбежно провоцирует появление *«группы вето»*, от которой зависит окончательное принятие решений. Например, Ч. Линдблом [85] считал, что такие группы оказывают решающее влияние на этот процесс за счет своего контроля над капиталом, а С. Файнер [133, 94] в качестве фактора влияния рассматривал ориентацию на поддержку профсоюзов и т. д.

Особым структурным элементом политической элиты являются *«элиты в политике»*, представляющие собой разновидность неизбираемой элиты, состоящей из наиболее авторитетных представителей технической и гуманитарной интеллигенции, которые за счет своего авторитета помогают укреплению позиций как правящих, так и самодетельных элит. Видные писатели, ученые, спортсмены, представители шоу-бизнеса могут помочь не только выиграть выборы тем или иным партиям, но и поддержать их политические требования в условиях кризисов или рутинного течения политических процессов.

Но самой мощной и одновременно таинственной элитарной группировкой в структуре политической элиты является, по мнению А. И. Соловьева, *«связанная группа»*, которая представляет собой неформальное объединение политиков, оказывающее решающее влияние на принятие решений. Это анонимное сообщество может включать и чиновников, и даже лиц, не обладающих никаким формальным статусом в системе власти. Однако ядро данной группы практически всегда составляют обладатели высших властных полномочий в государстве. Они-то и определяют те решения, которые впоследствии могут оформлять коллективные органы (правительство или парламент), изменять политику страны, существенно влиять на международные процессы. Иначе говоря, данная группировка действует в рамках полутеневого и теневого правления, зачастую перехватывая функции официальных органов власти [133, 95].

При анализе элиты, как уже упоминалось, исследователи используют два близких, но не идентичных термина: политическая элита и властвующая элита. Властвующая элита представляет собой совокупность всех групп, которые обладают реальным влиянием в обществе и контролируют основные социальные ресурсы. В ее состав, по Е. А. Шаталину [160, 47], входят следующие элементы:

- экономическая элита (или бизнес-элита) — крупные собственники, руководители крупнейших корпораций и банков, т. е. те, в чьих руках сосредоточены основные материальные ресурсы общества;
- военная элита — генералитет и высшее офицерство, контролирующие силовые ресурсы власти;
- бюрократическая элита — высшие чиновники государственного аппарата, в чью компетенцию входит подготовка и реализация политических решений;
- культурная и научная элита — наиболее авторитетные представители духовенства, творческой и научной интеллигенции, ответственные за производство идеологических и информационных ресурсов;
- собственно политическая элита, включающая в себя высших представителей всех ветвей государственной власти, руководителей крупнейших партий и общественно-политических организаций, т. е. всех тех, кто непосредственно принимает важнейшие политические решения.

Оригинальная классификация правящей элиты предложена американским политологом Р. Миллсом в его книге *«Властвующая элита»* [99, 382]. На примере американского общества он показал, что правящая элита США подразделяется на собственно политическую, государственно-бюрократическую, военную и корпоративно-управленческую. Исследуя элитное пространство, Р. Миллс выделял четыре статусных уровня власти и типов элит, соответствующих положению в системе иерархии:

- «господствующую элиту» — это продукт определенного способа производства материальных благ;
- «политическую элиту» — та часть господствующего класса, которая руководит обществом и является более активной;
- «правящую элиту», с одной стороны, представляющую собой элемент, а с другой — являющуюся порождением политической системы;

- властвующую элиту, в наши дни олицетворяющую собой сочетание экономического, военного и политического могущества.

Какова структура современной политической элиты? Индийский политолог П. Шаран [159] выделяет следующие группы в составе политической элиты:

- *высшую элиту* — это люди, занимающие стратегические политические посты в правительстве, партиях и профсоюзах. Они принимают наиболее важные политические решения;
- *среднюю элиту*, которая формируется из наиболее влиятельных выборных лиц: парламентариев, депутатов, губернаторов, мэров. Как правило, это 5 % верхушки законодательной, исполнительной и судебной властей в стране;
- *административную элиту*, состоящую из высшего слоя государственных служащих, занимающих ключевые позиции в административном аппарате.

11.3.4. Функции элиты

Социальное предназначение политической элиты отражается, прежде всего, в функциях, которые она выполняет. Они многообразны, сложны и ответственны. Учитывая ее роль в политической жизни государства, важно знать, чем регламентируются функции политической элиты. Формально содержание и границы функций, выполняемых политической элитой, определяются конституцией страны. Это справедливо для стран с легитимным существованием политической власти и стабильной политической ситуацией. Но даже там нередки случаи расхождения между конституциями и реальной властью. Это происходит в период радикальных перемен в стране, когда происходящие процессы не прописаны в Конституции. Или когда правящая элита относится к Конституции, как к инструменту момента, который меняется в зависимости от ситуации.

Отмеченные обстоятельства важно учитывать при изучении конкретных функций, выполняемых политической элитой. Этих функций достаточно много. К наиболее существенным относятся: *стратегическая, коммуникативная, организаторская и интегративная.*

Содержание *стратегической функции* заключается в разработке стратегии и тактики развития общества, определении политической программы действий. Она проявляется в генерировании новых идей, отражающих общественные потребности в радикальных переменах, в определении стратегического направления общественного развития, в выработке концепции назревших реформ. Эта функция в полной мере может быть реализована лишь на высшем уровне политической элиты — парламентариями, членами кабинета министров, экспертами, советниками, помощниками президента, с использованием специалистов научно-исследовательских институтов, аналитических центров, крупных ученых.

Выполнение политической элитой ее стратегической функции требует от нее высокого уровня компетентности и профессионализма, а также смелости и решительности, особенно тогда, когда большая часть господствующего слоя не согласна с ее стратегическим планом. История знает немало таких примеров. Классическим из них является поведение в критической ситуации администрации Ф. Рузвельта, которая решительно взяла курс («новый курс») на резкое усиление государственно-

го вмешательства в экономику, что не корреспондировалось с представлением о выходе из кризиса большей части представителей господствующего класса. История показала, что администрация Соединенных Штатов в тот период лучше поняла интерес общества и господствующего класса, чем подавляющее большинство их представителей. Тогда это столкновение окончилось благополучно. Иное произошло с другими американскими президентами А. Линкольном и Д. Кеннеди.

Таким образом, отношения между правящей элитой и господствующим классом сложны и неоднозначны. Осуществляя свои функции, элита не только играет особую роль в политической жизни общества, но и обретает определенную самостоятельность по отношению к своему классу. Для обеспечения политической стабильности и удержания власти господствующий класс должен представлять свой интерес как интерес всего общества. Выдвигаемая им элита, обретая определенную автономию по отношению к этому классу, воспринимается не как проводник узкоклассового интереса, а как представитель «всеобщего» интереса. Это, разумеется, не отменяет классовой природы элиты, но маскирует ее, что используется западными политологами для утверждений о «бесклассовости» элиты. В функцию элиты входит и субординация интересов, например, между монополистическими группировками ВПК и монополиями, производящими гражданскую продукцию.

Успешная реализация стратегической функции политической элитой определяется не только качественным кадровым составом «мозгового штаба», привлекаемого к выработке политического курса страны. Она зависит также от состояния общественного мнения в стране, его отражения в принимаемых политических решениях. Речь идет о следующей важнейшей функции политической элиты — *коммуникативной*. Она предусматривает эффективное представление, выражение и отражение в политических программах интересов и потребностей (политических, экономических, культурных, региональных, профессиональных и др.) различных социальных групп и слоев населения и реализацию их в практических действиях. Эта функция включает в себя умение видеть особенности настроений различных социальных общностей, быстро и точно реагировать на изменения в общественном мнении по различным животрепещущим вопросам. Коммуникативная функция предполагает также защиту социальных целей, идеалов и ценностей (мир, безопасность, всеобщая занятость).

В целях налаживания тесных контактов с различными социальными группами в каждом государстве политическое руководство использует регулярные личные встречи с людьми, поездки по стране и т. д. Существуют разнообразные каналы поступления информации — сообщения средств массовой информации, выяснение общественного мнения, почтовая переписка и многое другое. Выполнение данной функции требует от представителей политической элиты умения общаться с людьми, способности четко и интересно отвечать на задаваемые вопросы, обладать авторитетом, способности так излагать программу развития общества, чтобы она вызвала одобрение и энтузиазм людей.

Политическая элита во все времена решает задачу *организовывать общество*. Среди потенциальных политических элит (групп, претендующих на власть) наиболее эффективными будут те, которые в большей мере способны обеспечить поддержку своих программ народом. Организаторская функция политической элиты предусматривает, по мнению Т. В. Семькиной [131–115,119], осуществление на

практике выработанного курса, проведение политических решений в жизнь. Выработанный стратегический курс воплощается в следующей системе политических мероприятий:

- *законодательные* (принятие законов и других законодательных актов парламентом, президентом, правительством);
- *мобилизующие* (различные формы воздействия на общественное сознание, формирование настроений, ценностных ориентаций людей);
- *регулирующие* (распределение и перераспределение ресурсов — материальных, людских, финансовых);
- *координирующие* (координация центральных и региональных действий);
- *контролирующие*;
- *корректирующие* и др.

Интегративная функция политической элиты одна из наиболее важных. Ее сущность состоит в укреплении *стабильности общества*, устойчивости его политической и экономической систем, в недопущении конфликтов, острых противоречий, деформации политических структур. Важными содержательными элементами этой функции являются: *сплочение* различных слоев населения, *гармонизация* их социальных интересов, достижение *консенсуса*, сотрудничества и тесного политического взаимодействия всех сил в обществе. В функции интеграции выражаются искусство политиков, гибкость, дипломатичность, связь и взаимодействие со всеми слоями общества. Главная задача интегративной функции — создание устойчивого равновесия политических сил, развертывание интеграционного процесса. Неспособность политической элиты выполнять данную функцию может привести к катастрофическим последствиям. Примером могут служить все «революционные революции».

Функциональность элиты — процесс сложный, комплексный и противоречивый. Его анализ, в зависимости от угла зрения, позволяет выявить иные или дополнительные функции уже рассмотренного феномена. В частности, В. А. Дейшле и др. [55, 179] к функциям политической элиты относят:

- изучение, анализ и отражение в политических установках интересов различных социальных групп: классов, слоев, наций и т. п.;
- выработка политической идеологии: программ, доктрин, конституции, законов и пр.;
- субординацию интересов различных групп господствующего класса, учет потребностей других социальных образований;
- создание механизма воплощения политических замыслов;
- назначение аппарата органов управления;
- выдвижение политических лидеров;
- обеспечение политической стабильности и прогресса общества.

Говоря о функциях элиты, А. И. Соловьев, указывает на необходимость *продуцирования* элитой разнообразных *политических ценностей*, способных превращать население в активных участников перераспределительных процессов в сфере власти. Формируя различные идеологии, мифы или социальные проекты, политическая элита пытается мобилизовать граждан, взять под контроль их энергию для ре-

шения необходимых общественных задач. Как свидетельствует опыт, без активного обновления элитами этих средств своего духовного господства, руководящие идеи обращаются в догмы, а политическая власть начинает испытывать стагнацию.

Главным условием эффективного осуществления политической элитой ее главных функций является обладание ею всеми возможными в конкретном обществе способами управления и власти. В этом отношении особое значение имеют ее способность и умение использовать принудительные методы, оперативно, в зависимости от меняющейся обстановки, переходить к применению силовых ресурсов. Показателем безусловной крепости положения политической элиты служит и ее способность к *манипулированию* общественным мнением, такому использованию идеологических и иных духовных инструментов, которые могут обеспечить требуемый уровень легитимности власти, вызвать расположение и поддержку ее со стороны общественного мнения [133, 92].

В то же время история продемонстрировала и ряд факторов, *препятствующих* укреплению положения и подрывающих позиции элитарных группировок во власти:

- нарастание информационной открытости в работе институтов власти и управления;
- право критики общественностью в отношении злоупотреблений должностных лиц;
- растущая способность общества к контролю над властью предрержащими, неразрывно связанная с целенаправленной деятельностью общественных объединений и СМИ, активизацией контрэлит;
- дифференциация элит, ведущая к росту внутриэлитной конкуренции;
- профессионализация аппарата управления государством (партией).

Благодаря своим функциям, политическая элита является ведущим звеном, направляющим развитие общества. Все попытки принизить ее статус и возможности и даже, как это нередко случалось в российской истории, уничтожить, принизить ее общественный авторитет, в конечном счете, наносят ущерб самому обществу. Накопленный обществом опыт убеждает в том, что элитарные механизмы, скорее всего, навсегда останутся в структуре общества, сохранив свою лидирующую роль. С течением времени, очевидно, будет меняться лишь степень и характер их соотношения с механизмами самоорганизации общественной жизни. В то же время наиболее продуктивное поведение элитарных слоев, включение их в процесс демократизации общества возможно только при условии снятия всех искусственных границ на пути обновления ее рядов, предотвращения ее загнивания вследствие олигархизации и закостенелости.

11.3.5. Результативность и интеграция элиты

Элитарность современного общества вполне доказанный факт. Всякие попытки ее устранения и политической нивелировки населения, приводили лишь к господству деспотических, нерезультативных элит, что в конечном счете наносило ущерб всему народу. Целесообразно держать под контролем отрицательные качества политической элиты, но обеспечить это можно лишь за счет общественного

самоуправления. Однако на нынешнем этапе развития человеческой цивилизации самоуправление народа скорее привлекательный идеал, чем реальность. Для демократического государства имеет первостепенную значимость не борьба с элитарностью, а формирование наиболее результативной, полезной для общества элиты, обеспечение ее социальной представительности, своевременное качественное обновление, предотвращение тенденции олигархизации, превращения в замкнутую господствующую привилегированную касту.

Социальная результативность элиты, характеризующая эффективность выполнения ею функций руководства обществом, складывается из многих показателей. К числу важнейших из них относятся *оптимальное сочетание горизонтальной и вертикальной интеграции и эффективная система рекрутирования*, обеспечивающая высокую профессиональную компетентность и необходимые для руководящих кадров ценностные ориентации: честность, уважение законов и прав человека, заботу об общем благе и т. п.

Горизонтальная интеграция — это кооперация различных представителей элиты, ее групповая сплоченность. Удерживаемая в определенных пределах, она выступает необходимым условием принятия коллективных решений, предохранения общества от политической поляризации и радикализации, повышения способности руководителей находить компромиссные решения и достигать консенсуса, предотвращать и разрешать конфликты. Однако внутригрупповая интеграция способствует социальной результативности элиты лишь тогда, когда она происходит не за счет ослабления ее *социальной представительности*, характеризующей выражение элитой интересов всего общества. Как отмечал Е. Хоффманн-Ланге [128, 148], современные «элиты имеют тенденцию эмансипироваться от своего собственного базиса, требования которого они воспринимают как ограничение их свободы принятия решений».

Критерием эффективной деятельности политической элиты является не количество затраченного времени и труда, на что чаще всего ссылаются политические лидеры и государственные чиновники, а достигнутый уровень прогресса, благосостояния своего народа, обеспечения политической стабильности и национальной безопасности.

11.3.6. Социальная представительность элиты

Другим важным вопросом является соотношение понятий «правлящая элита» и «правлящий класс». В политической структуре господствующего класса можно выделить определенные элементы (двигаясь от целого к частному с учетом активности и степени его воздействия на целое): господствующий класс — политически активная часть класса, его авангард — организация класса — политические лидеры.

К политической элите можно отнести наиболее влиятельных и политически активных членов господствующего класса, включая слой функционеров политических организаций этого класса, интеллектуалов, вырабатывающих идеологию этого класса, лидеров этих организаций, т. е. людей, непосредственно принимающих политические решения, которые выражают совокупную волю класса. Элита не совпадает по объему с правящим классом. Она в функциональном плане оказывается как бы управленческим исполнительным комитетом последнего. Оба эти

понятия и явления не совпадают полностью и по содержанию. К управленческой деятельности правящий класс обычно привлекает и наиболее способных представителей других классов и слоев населения, но прежде всего — близких к правящему классу. Как отмечают А. Н. Бороздин и др., подобное положение вдвойне выгодно элите: во-первых, это обеспечивает ей приток «свежих умов»; во-вторых, создает иллюзию социальной представительности элиты [24, 197]. В действительности же вошедшие в элиту выходцы из «социальных низов», по существу, интегрируются господствующим классом.

Выражение правящей элитой запросов и мнений населения зависит от многих причин. Одна из них — *социальное происхождение* ее представителей. Оно в значительной степени влияет на политические ориентации. Выходцам из среды крестьян, рабочих, определенных этнических и других групп легче понять специфические запросы соответствующих слоев, найти с ними общий язык. Однако совсем не обязательно, чтобы интересы рабочих защищали рабочие, фермеров — фермеры, молодежи — молодежь и т. п. Часто это могут лучше делать политики-профессионалы, выходцы из других групп общества.

В современных государствах *непропорциональность* представления в элите населения довольно велика. Так, элиты стран Запада намного шире, чем другими группами, представлены выпускниками университетов. А это, в свою очередь, обычно связано с высоким социальным статусом родителей. В целом же непропорциональность представительства различных слоев в политической элите обычно растет по мере повышения статуса занимаемой должности. На первых этажах политико-управленческой пирамиды низшие слои населения представлены значительно шире, чем в высших эшелонах власти. Непропорциональность в социальных показателях политических элит и всего населения еще не означает неадекватности политических ориентаций руководителей.

Более важной, по сравнению с формальным отображением элитой социальной структуры, гарантией социальной представительности элиты выступает ее *организационная* (партийная, профсоюзная и т. п.) *принадлежность*. Она прямо связана с ценностными ориентациями людей. Кроме того, партии и другие организации обычно имеют достаточные возможности для воздействия на своих членов в нужном направлении.

В современном демократическом обществе партийные механизмы контроля над элитами дополняются государственными и общественными институтами. К таким институтам относятся выборы, СМИ, опросы общественного мнения, группы давления и т. д.

С точки зрения социального представительства большое значение имеет и численность правящей элиты, вернее, ее доля в общей численности населения страны. Несмотря на обилие теоретических схем и нередко кажущуюся простоту задачи, определение состава правящих политических кругов представляет собой весьма непростую проблему. И она может быть решена только при условии применения соответствующих методик. В целом состав группы лиц, контролирующей процесс принятия решений, может определяться с помощью трех основных методов. *Статусный* метод предполагает, что в состав правящей элиты входят только обладатели и носители высших властных полномочий в различных сферах государственного управления: экономической, оборонной, научной и др. Иными слова-

ми, к элите могут быть отнесены лишь те, кто, как считал Т. Дай [44], обладает формальной властью в политических организациях и институтах. Такой метод дает возможность выделить наиболее важные сегменты власти и управления в конкретном обществе, относя к элите вполне конкретных военных, ученых, представителей бизнеса и т. д., т. е. тех, кто обладает необходимыми официальными прерогативами. В то же время само определение этого статусного ряда представляет собой произвольный и субъективный процесс, меняющий свои очертания в зависимости от ситуации в той или иной стране.

Весьма распространенным является *репутационный* метод, позволяющий отнести к правящим кругам лиц, обладающих наиболее высоким авторитетом и престижем в глазах общественного мнения. Такая методика помогает выделить в сфере государственного управления наиболее популярных политиков, вычленять те связи государства и общества, которые легитимизируют правящий режим. Однако при всех положительных качествах данного метода следует признать, что в круг власть предержащих могут попасть и те, кто хотя и имеет авторитет, но не обладает должностными и другими возможностями влияния на институты политической власти.

Потенциально самым надежным и точным методом отбора правящих кругов является *децизиональный* (от англ. *decision* — решение) метод. Его применение позволяет отнести к правящим элитам те лица и группы, которые реально участвуют в принятии конкретных управленческих решений. Но камнем преткновения здесь является часто возникающий информационный дефицит, недостаточность сведений о том, кто же действительно принимал участие в решении вопроса. Следует также иметь в виду и то, что такого рода информация в государственных структурах нередко относится к строго охраняемой, что еще более увеличивает трудности в использовании данного метода при решении поставленной задачи.

На практике, как правило, используются одновременно все указанные методы в их совокупности, позволяющие более или менее точно определить состав правящей политической элиты. В то же время следует иметь в виду, что на изменение состава элиты существенно влияют и процессы качественного перерождения ее отдельных групп. Г. Моска [103] и Р. Михельс [101] одними из первых указали на возможность вырождения и олигархизации правящих структур. Как показывает практика, пишет А. И. Соловьев, закостенелость, усиление закрытости элит, их кастовость влекут за собой прекращение осуществления ими многих социальных функций. В этом случае их роль становится по преимуществу негативной, что стимулирует распад общественных связей, падение авторитета власти и т. д. [133, 96] Преодолеть такого рода явления можно путем активного формирования контрэлитарных образований.

В наше время (особенно в России) в условиях значительного стирания классовых различий и многопартийности, политическая элита формируется из различных социальных слоев, политических партий и группировок. Ее персональный состав ныне не отражает социально-политическую структуру общества. Чтобы получать поддержку народа, она должна отражать в своей деятельности его общие интересы, выступающие как интересы национально-государственные. В прошлые времена политическая ориентация высших руководителей государства определялась, как правило, их социально-классовой или сословной принадлежностью. В современных условиях социальное происхождение человека не играет роли для

прохождения его во власть. Все большее значение стали приобретать личностные качества претендента на государственные должности.

11.3.7. Системы рекрутирования элит

Большое влияние на социальную представительность, качественный состав, профессиональную компетентность и результативность элиты в целом оказывают системы ее рекрутирования (отбора). Такие системы определяют: кто, как и из кого осуществляет отбор, каковы его порядок и критерии, круг селектората (лиц, осуществляющих отбор) и побудительные мотивы его действий.

В формировании элиты, по мнению А. С. Панарина и И. А. Василенко, обычно выделяют три принципа отбора:

- *по крови* (аристократия рождения и ранга);
- *по принципу владения* (имущественная и денежная аристократия);
- *по достигнутому успеху* (аристократия ума и таланта) [111, 141].

Элиты могут быть открытыми и закрытыми, при этом имеется в виду прежде всего процесс притока в элитные ряды выходцев из других социальных слоев. Однако прямой зависимости между типом политического режима и системой открытости политической элиты не существует. В 1930-е гг. СССР был тоталитарным государством, но процесс рекрутирования элиты носил открытый характер — рабоче-крестьянское происхождение особенно ценилось в среде советских комиссаров, которые гордились тем, что пришли во власть «от сохи» или «от станка». Напротив, изучение элитообразования в США показало, что, несмотря на демократический политический режим, система рекрутирования американской политической элиты «является незначительно открытой для тех, кто имеет низкий социальный статус».

Практически во всех странах мира система образования является важным каналом продвижения к вершинам политической карьеры. Во Франции поступление в Национальную школу администрации является гарантией успешной политической или государственной карьеры. В Великобритании так называемые «публичные школы» — Итон, Винчестер, Регби, Харроу — являются основными центрами подготовки политической элиты. Известно, что из стен одного только Итона вышло 18 премьер-министров!

Во многих исламских странах церковь является важным институтом, влияющим на формирование карьеры политических лидеров. Религиозные лидеры исламских стран часто становятся влиятельными политиками. Всему миру известно имя бывшего религиозного лидера Ирана Аятоллы Хомейни. В странах Латинской Америки достаточно часто началом успешной политической карьеры становится служба в армии. В Бразилии, Перу, Аргентине именно военные составляют основу политической элиты общества. Работа в системе государственного управления имеет серьезное значение для начала политической карьеры в Германии, Японии и России. Для нашей страны и в дореволюционный период, и сегодня работа на государственной службе является важным рычагом вхождения в политическую элиту общества.

В. Парето создал теорию *циркуляции* (движения) элит. Под циркуляцией он понимал процесс перехода людей из политической элиты в неэлиту и обратно. Про-

цесс циркуляции элит имеет большое значение для равновесия всего общества. Например, страна, всегда жившая в мире, не нуждается, чтобы в правящий класс (элиту) входило большое число военных. Но если эта страна подвергается военному нападению, вступает в длительную войну, политическая элита испытывает потребность в притоке большого числа военных специалистов. Если этого не происходит, общество может погибнуть, так как элита не справится с управлением в условиях военных действий.

В. Парето был убежден, что политическая элита должна заботиться о поддержании равновесия в обществе. Правящий класс должен восстанавливаться не только численно, но, что более важно, и качественно: благодаря энергии лучших выходцев из низших классов и с помощью освобождения от наиболее деградировавших собственных слоев. Если один из этих процессов циркуляции элит прекратится, общество придет в упадок. Это мощная причина нарушения равновесия: накопление высших элементов в низших массах и, напротив, низших элементов в высших классах [112].

Г. Моска в книге «Правящий класс» также отмечал, что главная опасность для элиты — ее стремление превратиться в наследственную, закрытую группу, что непременно ведет к ее вырождению. Он утверждал, что идеалом является формирование элиты на основе не богатства и родовитости, а на основе способностей, образования и заслуг [105, 128].

Эту точку зрения разделял и известный русский философ И. А. Ильин, который подчеркивал, что демократия заслуживает поддержки только тогда, когда выдвигает наверх — в политическую элиту — лучших людей: искренних патриотов, государственно мыслящих людей чести и ответственности, умных, волевых, организационно даровитых, дальновзорких и образованных [63].

По определению В. П. Пугачева [128, 149], существуют две основные системы рекрутирования элит: *гильдийская* и *антрепренерская* (предпринимательская). В чистом виде они встречаются довольно редко. Антрепренерская система преобладает в демократических государствах, система гильдий — в странах административного социализма, хотя ее элементы широко распространены и на Западе, особенно в экономике и государственно-административной сфере.

Каждая из этих систем имеет свои специфические черты. Так, для системы *гильдий* (закрытая система) характерны:

- закрытость, отбор претендентов на более высокие посты главным образом из нижестоящих слоев самой элиты, медленный, постепенный путь наверх. Примером здесь служит сложная чиновничья лестница, предполагающая постепенное продвижение по многочисленным ступенькам служебной иерархии;
- высокая степень институционализации процесса отбора, наличие многочисленных институциональных фильтров — формальных требований для занятия должностей. Это могут быть партийность, возраст, стаж работы, образование, характеристика руководства и т. д.;
- небольшой, относительно закрытый круг селектората. Как правило, в него входят лишь члены вышестоящего руководящего органа или один первый руководитель — глава правительства, фирмы и т. п.;
- подбор и назначение кадров узким кругом руководителей, отсутствие открытой конкуренции;

- тенденция к воспроизводству существующего типа элиты. По существу, эта черта вытекает из предыдущих — наличия многочисленных формальных требований, назначения на должность высшим руководством, а также длительно-го пребывания претендента в рядах данной организации.

Антрепренерская (открытая) система рекрутирования элит во многом противоположна системе гильдий. Ее отличают:

- открытость, широкие возможности для представителей любых общественных групп претендовать на занятие лидирующих позиций;
- небольшое число формальных требований, институциональных фильтров;
- широкий круг селектората, который может включать всех избирателей страны;
- высокая конкурентность отбора, острота соперничества за занятие руководящих постов;
- изменчивость состава элиты, первостепенная значимость для этого личностных качеств, индивидуальной активности, умения найти поддержку широкой аудитории, увлечь ее привлекательными идеями и программами.

Эта система больше ценит выдающихся людей. Она открыта для молодых лидеров и нововведений. В то же время определенными недостатками ее использования являются относительно большая вероятность риска и непрофессионализма в политике, сравнительно слабая предсказуемость политики, склонность лидеров к чрезмерному увлечению внешним эффектом. В целом же, как показывает практика, антрепренерская система рекрутирования элит хорошо приспособлена к динамизму современной жизни.

Система гильдий также имеет свои плюсы и минусы. К числу ее сильных сторон относятся уравновешенность решений, меньшая степень риска при их принятии и меньшая вероятность внутренних конфликтов, большая предсказуемость политики. Главные ценности этой системы — консенсус, гармония и преемственность. В то же время система гильдий склонна к бюрократизации, организационной рутине, консерватизму, произволу селектората и подмене формальных критериев отбора неформальными. Она порождает массовый конформизм и затрудняет исправление ошибок и устранение недостатков по инициативе снизу. Без дополнения конкурентными механизмами эта система ведет к постепенной дегенерации элиты, ее отрыву от общества и превращению в привилегированную касту.

Современные исследователи выделяют такое понятие как «*механизм циркуляции элит*» [157, 340]. Он расширяет классические формы рекрутирования элиты и приближает его к практике современной политической жизни.

Классическая циркуляция — это тип циркуляции, который Г. Моска и В. Парето связывали с устойчивым и эффективным правлением элиты. Уровень циркуляции обширен и социально глубок. Этот тип характеризуется эволюционным характером обновления элиты. Он приводит к появлению и существованию консенсусной элиты. Функционирование этого типа циркуляции достаточно для замещения негибких политических лидеров личностями, менее склонными к конфликтам, посредством их исключения или подчинения политикам, более ориентированным на сотрудничество. В основе постепенного и мирного характера обновления элиты — переговоры и кооперация между восходящими и нисходящими группами. Иными словами, классическая циркуляция — это процесс постепенных изменений в элите.

Замещающая циркуляция, как и классическая циркуляция, характеризуется широтой и глубиной, но более динамична и осуществляется принудительным образом. Типичный случай — это свержение предыдущей элиты и формирование новой в результате революции. В этом случае циркуляция определяется борьбой между элитой старого режима и контрэлитой, захватывающей власть и отстраняющей от нее всех, кто ранее доминировал. Этот способ циркуляции порождает идеологическую элиту и тоталитарный режим.

Репродуктивная циркуляция — ограниченная, поверхностная и эволюционная. Элитная группа отказывается от старых доктринальных положений или значительно изменяет их для того, чтобы остаться у власти. Благодаря этим маневрам большинству представителей элиты удается сохранять власть и статус. Возможна некоторая фрагментация элиты. Подобный тип циркуляции элиты характерен для некоторых бывших республик СССР (ныне членов СНГ): Белоруссии, Таджикистана, Азербайджана и др. Репродукционная циркуляция чаще всего формируется тогда, когда происходит дезинтеграция идеологической элиты и ее члены образуют «партию власти», занимая ключевые посты в экономике и других отдельных от государства сферах общественной жизни.

Квазизамещающая циркуляция характеризуется наименьшей ограниченностью изменений в элите, но их внезапным и принудительным характером. Происходит разделение элит, следствием чего могут быть дворцовые перевороты, в которых политические клики меняются местами. Их действия, несмотря на разнообразие лидерских стилей, не приводят к кардинальным переменам в характере политики. Так что разделение элиты не приводит к серьезным изменениям.

Принципиальным вопросом для обеспечения жизнедеятельности любой системы власти является вопрос отбора и формирования состава правящих элит и лидеров. Причем даже закрытые элиты так или иначе обновляются под влиянием социально-экономических сдвигов, формирования новых групп влияния, перемещения богатства из одних рук в другие и т. д. Приход к власти тех или иных людей может изменить характер самой власти, в корне изменить деятельность государственных органов, отношения государства и общества.

Отбор элитарных кругов и лидеров обычно проходит в острой конкурентной борьбе представителей различных сил, стремящихся завоевать поддержку населения. Сбои в этом важнейшем для общества процессе приводят к отбору нерепрезентативных (неадекватно представляющих интересы населения) лиц, временщиков, не подготовленных к осуществлению должных функций и ориентирующихся лишь на узкокорыстные цели в сфере власти.

Рекрутирование политической элиты осуществляется через ряд каналов, которые универсальны для всех современных обществ: это политические партии, бюрократический аппарат, профсоюзы, сфера бизнеса, армия, религиозные организации. Роль своеобразного социального фильтра в процессе рекрутирования элиты играет система образования. Привилегированные учебные заведения (Оксфорд и Кембридж в Англии, Эколь нормаль во Франции и т. д.) обеспечивают их выпускникам дополнительные шансы стать членами правящего класса.

Наряду с этими методами отбора в каждой стране могут складываться и *национальные*, присущие только ей и соответствующие особым политическим условиям механизмы отбора и выдвижения людей в структуры власти.

Особую разновидность системы гильдии представляет *номенклатурная система*. Первоначально она сложилась в СССР, а затем получила распространение в других социалистических странах. Ее главная особенность заключается в том, что назначение руководителей практически любого уровня осуществлялось только с согласия соответствующих партийных органов. Кандидат последовательно поднимался со ступеньки на ступеньку. При такой системе были исключены конфликты внутри элиты, обеспечивалась преемственность политического курса. Вместе с тем, по мнению исследователя П. В. Григорьева, эта система культивировала угодничество кандидата руководству, показной активизм и т. д. Поэтому со временем закрытый характер номенклатурной системы обусловил деградацию политической элиты.

В СССР, например, негативные социальные последствия функционирования этой системы усиливались ее всеобъемлющим характером, полным устранением конкурентных механизмов в экономике и политике, а также идеологизацией, политизацией и непотизацией (доминированием родственных связей) критериев отбора. Такими критериями стали полнейший идеологический и политический конформизм («политическая зрелость»), партийность, личная преданность вышестоящему руководству, угодничество, родственные связи, показной активизм и т. п. Эти и другие подобные нормы-фильтры отсеивали наиболее честных и способных людей, уродовали личность, порождали массовый тип серого, идеологически закомплексованного, не способного на подлинную инициативу работника, видящего в занятии руководящих постов лишь личную выгоду.

Долголетнее разрушительное воздействие номенклатурной системы, а также уничтожение в войнах и лагерях цвета народа, его лучших представителей привело к вырождению советской политической элиты. Положение не изменилось и после ликвидации власти КПСС, поскольку в России, в отличие от многих стран Восточной Европы, не сформировалось сколько-нибудь влиятельной, подлинно демократической контрэлиты, способной к эффективному руководству обществом.

Номенклатурное прошлое, усугубляемое почти полным отсутствием социального контроля и нравами легализовавшихся дельцов теневой экономики, ярко проявилось у посткоммунистической российской элиты. Ее низкие деловые и нравственные качества во многом объясняют перманентность и глубину кризиса российского общества в последнее десятилетие, массовое распространение коррупции и безответственности.

По мнению А. И. Соловьева [133, 102], в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в России рекрутирование правящей элиты осуществлялось на основе разных механизмов: одни обеспечивали так называемую «смену волн» партийно-хозяйственной номенклатуры у рычагов власти; другие характеризовали процесс «конвертации» многочисленными носителями партийно-комсомольских статусов в обладателей собственности, что позволило бывшим партийцам занять ключевые места в правящем классе; третьи раскрывали особенности действий региональных элит, делегировавших на федеральный уровень своих представителей, и т. д.

Выход из сложившейся ситуации, успешное реформирование общества возможны лишь на пути создания новой системы рекрутирования элит, основанной на конкурентных началах и институционализации требований к деловым и нравственным качествам политических и административных руководителей. Весьма слабая политическая активность граждан, низкая результативность российской элиты, незавершенность процесса рекрутирования нового руководящего слоя и в

то же время его первостепенная значимость для преобразования страны — все это делает проблему политической элиты особенно актуальной для российского общества. Социальные механизмы ее рекрутирования непосредственно влияют не только на общественную роль и облик этой группы в целом, но и определяют типичные черты ее отдельных представителей — политических лидеров.

11.3.8. Государственная бюрократия как составная часть политической элиты

Часть государственной бюрократии неизбежно входит в состав правящей политической элиты. Это определяется той ролью, которую играет высшее и частично среднее чиновничество в управлении государством и обществом. Исторически бюрократия формировалась как управленческий аппарат государства индустриального типа.

11.3.8.1. Модели бюрократии

Для реализации принятых решений требуются особые институты. Таким институтом является администрация или чиновники. В исследовательской литературе и прессе их называют бюрократами. Сформировавшаяся в XIX в. буржуазная государственность дала основание Г. Гегелю [34] и М. Веберу [30] назвать бюрократию основным *носителем рациональных форм организации власти*.

Понятие бюрократии было введено в политическую науку М. Вебером. С точки зрения немецкого политолога, бюрократия — наиболее эффективный аппарат государственного управления. М. Вебер выделил основные черты бюрократии:

- члены бюрократического аппарата лично свободны и подчиняются безличным официальным нормам;
- бюрократический аппарат строится на основе иерархического принципа;
- должностные функции внутри бюрократического аппарата четко определены;
- должностные лица исполняют свои функции на контрактной основе;
- главным критерием отбора должностных лиц является их квалификация;
- основным и единственным источником дохода должностных лиц является их зарплата, величина которой зависит от места в должностной иерархии;
- основным занятием чиновника является выполнение должностных обязанностей;
- повышение в должности чиновника осуществляется на основе его должностных заслуг;
- чиновник или должностное лицо не может присвоить занимаемую должность или извлекать доходы, связанные с ней;
- бюрократический аппарат и чиновники подчиняются строгой дисциплине и контролю за исполнением должностных обязанностей.

Совокупность этих черт образуют, по М. Веберу, идеальный и рациональный тип бюрократии. Функционирование такого аппарата управления отличается высокой эффективностью. «Монократический вариант бюрократии, — отмечает М. Вебер, — с чисто технической точки зрения способен достигать высшей степе-

ни эффективности и в этом смысле формально является наиболее известным рациональным средством осуществления контроля над человеческими существами. Она превосходит любую другую форму по точности, стабильности, строгости своей дисциплины, по своей надежности. Она, таким образом, делает возможной особо высокую степень измеримости результатов для руководства организации и для тех, кто имеет с ней дело по работе. Она, наконец, превосходит как по интенсивной производительности, так и по объему своих операций...». По М. Веберу, существуют четыре причины формирования бюрократического аппарата:

- развитие рыночной экономики (именно развитие товарно-денежных отношений и оплата труда чиновников в денежной форме, как и возможность их карьеры, способствуют стандартизации делопроизводства и управления);
- пространственный рост государств и развитие налоговых систем стимулировали рост численности бюрократии;
- увеличение числа административных задач, обусловленное формированием большого государства и партий, способствовало росту численности чиновничества и формированию бюрократического аппарата;
- усложнение административных задач и соответствующее увеличение требований к администрации.

Исследования М. Вебера, как пишет А. Е. Хренов, положили начало целому направлению в политической науке, связанному с изучением бюрократии. Уже в середине XX в. многие ученые отмечали, что «идеальный тип» бюрократии, описанный М. Вебером, далек от эффективности. Поэтому внимание стало концентрироваться не только на функциях, но и на дисфункциях бюрократии [155, 242].

Французский социолог и политолог М. Крозье [78] анализировал феномен бюрократии с позиций структурного функционализма. По его мнению, бюрократия — это не только проявление рациональности, но и причина стандартизации как чиновников, так и самого общества. М. Крозье акцентировал внимание не столько на функциях бюрократии, сколько на ее дисфункциях. Усложнение бюрократического аппарата порождает запутанность в системе принятия решений. Выход из этого состояния мыслится за счет роста регламентации и правил, которые только усугубляют сложность процесса принятия решений.

Оригинальность подхода М. Крозье к анализу бюрократии заключается в том, что дисфункции бюрократии он возвел в ранг конституционного свойства бюрократического аппарата. Согласно мнению французского социолога, они стали главным элементом равновесия бюрократической системы организации.

Проанализировав французскую бюрократическую модель, М. Крозье пришел к выводу, что она базируется на двух типах власти:

- первый тип, основанный на регламентациях, формальных правилах и предписаниях поведения в различных ситуациях, обозначается им как официальная власть;
- второй тип, основанный на ситуации неопределенности, он называет «параллельной властью».

Вторая власть противопоставляется первой как антитеза, отрицание последней. Следствием укрепления «параллельной власти» становится увеличение растраченных общественных ресурсов.

Характеристиками бюрократии М. Крозье считает безличность, централизацию, стратификацию и осуществление параллельной власти. Безличность бюрок-

ратической организации заключается в выработке стандартных правил для ликвидации ситуации «неопределенности». В бюрократических системах роль руководителя сводится к контролю над применением правил подчиненными. Таким образом, руководство теряет власть над подчиненными, а последние оказываются лишенными возможности влиять на руководство (так как функции руководства ограничены формальными нормами и правилами). Централизация власти по принятию решений предполагает удаление руководства от тех страт бюрократической иерархии, в которых осуществляется воплощение принятых решений в жизнь. Стратификация бюрократических структур означает изоляцию бюрократических слоев друг от друга. Такая изоляция, как полагает французский социолог, становится одной из причин формирования «корпоративного духа». Осуществление параллельной власти способствует развитию неформальных структур власти.

М. Крозье отметил тенденцию, которую называл «порочным кругом»: формирование параллельной власти укрепляет бюрократическую модель, а укрепление последней способствует усилению бюрократизации.

Падение эффективности бюрократии М. Крозье связывает с нарушением коммуникации между различными слоями общества. В то же самое время бюрократия оказывается заинтересованной в задержке обмена информацией и искажении ее содержания для сохранения собственного «поля власти».

Несмотря на фиксируемые «дисфункции» бюрократии, М. Крозье отметил, что ее существование оправдано двумя причинами. Во-первых, формальными правилами, на основе которых функционирует бюрократия: они обеспечивают защиту индивида от посягательства других. Во-вторых, верой людей в необходимость вмешательства в общественные дела универсальной власти, каковой и является бюрократия.

11.3.8.2. Бюрократия и политика

В политической науке дискуссионным остается вопрос об отношении бюрократии к политике. В идеальной модели, созданной Вебером, бюрократический аппарат лишь исполнитель принятых политических решений. Однако моделей взаимоотношений может быть несколько. Б. Ги и Г. Питере выделили пять моделей.

- Государственный чиновник является лишь послушным исполнителем воли своего начальника.
- Бюрократия и политическая элита имеют общий интерес, который заключается в сохранении и упрочении власти.
- Внимание акцентируется на функциональном единстве административной и политической элит.
- Между бюрократией и политической элитой предполагается конкуренция и даже враждебность в отношении контроля над политикой и осуществления власти.
- Над принятием политических решений довлеет бюрократия (получая ресурсы для реализации принятых решений, бюрократия получает в свое распоряжение и рычаги влияния на избирателей и институты, представляющие их интересы).

Это возможно потому, что для реализации политических интересов и достижения поставленных целей требуется определенное профессиональное мастерство, которым монопольно владеет бюрократия.

Такая постановка вопроса развеивает миф о политической нейтральности бюрократии. Бюрократия в этой модели превращается в действующего актора, который участвует в процессе артикуляции интересов и их передаче представительным органам власти. Таким образом, границы между ролями политика и чиновника оказываются размытыми.

Основой такого подхода стали представления о том, что бюрократия обладает собственными интересами. Одним из первых обратил на это внимание Э. Даунс. В работе «Бюрократия изнутри» (1964) [29, 201] он отмечал две группы рациональных мотивов поведения чиновника: личную и альтруистическую. Рациональность выступает как стремление к оптимизации издержек и прибыли.

К личным интересам Э. Даунс отнес:

- власть внутри административного аппарата и вне его;
- денежные доходы;
- престиж;
- минимизацию личных усилий;
- безопасность как уменьшение угрозы утраты власти, доходов, престижа и комфорта.

В альтруистическую мотивацию американский политолог включил:

- лояльность министерству, ведомству, коллективу или сообществу в целом;
- самоидентификацию с реализуемыми решениями;
- гордость за собственные профессионализм, мастерство и достижения;
- стремление к реализации общественных интересов.

На основе комбинации указанных мотивов Э. Даунс выделил пять типов личности бюрократа.

- Первый тип бюрократа — это карьерист, стремящийся исключительно к увеличению власти, богатства и престижа. Для него характерно проведение реформ, укрепляющих личную власть и обеспечивающих сохранение привилегий.
- Второй тип бюрократа он называет «активистом». Активист — это лицо, стремящееся повысить свой социальный статус.
- Третий тип бюрократа — консерватор, желающий стабильности и сохранения статус-кво. Стремление к комфорту и спокойствию перевешивает у него стремление к увеличению власти, престижа.
- Четвертый тип бюрократа — фанатик — связывается Э. Даунсом со стремлением к неукоснительной реализации программ, в которых он заинтересован и которые считает необходимыми для общества.
- Пятый тип бюрократа — адвокат — ориентирован на увеличение власти своего ведомства ради исполнения основной своей функции — долга перед клиентами. Чиновники, относящиеся к этому типу, связывают свои успехи с лояльностью к клиенту.

Как пишет А. И. Соловьев, само положение высших и части средних чиновников в системе исполнительной власти объективно придает их должностям политический масштаб, увеличивает их роль и значение в системе принятия решений [133, 96]. Не случайно в ряде государств после выборов практически весь контингент высших чиновников подлежит замене в соответствии с политическими пристра-

тиями вновь избранного президента или главы правительства. В США существует практика, в соответствии с которой каждый вновь избранный президент назначает на ключевые посты в правительстве из своих сторонников приблизительно 1 200 чиновников. Это является условием обеспечения политической целостности исполнительной власти, призванной решать совершенно определенные задачи.

Усиление политических функций бюрократии связано и с повышением роли профессиональных знаний чиновников, что дает им известное преимущество перед избираемыми на определенный срок политиками. Причем чиновничество имеет преимущество перед расколотым, конкурентным миром политиков и в силу того, что является более сплоченным социальным слоем, обладающим своей корпоративной этикой и традициями. Несомненным фактором, повышающим политический вес и значение государственной бюрократии, являются и ее тесные связи с различными лоббистскими группировками, представляющими сегодня одну из наиболее мощных структур политического представительства интересов. Нередко происходящее сращивание бюрократических и лоббистских структур становится мощным каналом трансляции групповых интересов и влияния на центры политической власти.

Отмеченные тенденции в эволюции государственной бюрократии характеризуют ее высших и часть средних представителей как вполне определившегося в своем статусе относительно самостоятельного субъекта (актора) политической власти. Эта часть неизбираемой правящей политической элиты неизменно повышает свою роль в современном государстве, оказывая все возрастающее влияние на процесс выработки, принятия, а нередко и реализации политических решений.

11.3.8.3. Коррупция

Под коррупцией чаще всего понимается злоупотребление государственной властью с целью получения личных выгод. Д. Бейли [102] определяет коррупцию как злоупотребление властью в личных (не обязательно материальных) целях. Дж. Ни рассматривает коррупцию как отклоняющееся от публичной роли поведение под воздействием личных или клановых интересов. Он связывает коррупцию с частным влиянием, нарушающим официальные правила.

Исследователи отмечают негативное влияние коррупции на общественное развитие. Так, увеличение коррупции на 0,78 пункта (по шкале от 1 до 10) сопровождается сокращением доходов бедных слоев населения на 7,8 %, в то время как снижение коррупции на 2,5 пункта сопровождается ростом среднедушевого дохода на 4 % и увеличением расходов на образование примерно на 0,5 %.

Коррупция существовала практически везде и во все времена. Менялись лишь ее уровень и характер. Клептократия возникает в том случае, если глава государства таким образом организует политическую систему, чтобы максимизировать ренту из своей должности. Примерами подобного государственного устройства выступают диктатуры президентов Мобуту Сесе Секо в Заире (1965—1997) или Альфредо Стресснера в Парагвае (1954—1989). Политические лидеры таких стран рассматривают государство как источник личного обогащения, которое действует как частный монополист, незаинтересованный в экономическом росте, поскольку извлекает прибыль из разницы между себестоимостью и отпускной ценой.

С. Роуз-Аккерман [129] различает четыре типа коррупции и коррумпированных государственных систем.

1. Политика государственного вмешательства в экономику не является стимулом экономического развития, поскольку она есть стимул личного обогащения. Глава государства будет поддерживать такую политику, которая позволяет обогащаться ему и конкретным лицам за счет цены снижения общественного богатства. В конечном итоге весь бюрократический аппарат сверху донизу оказывается пораженным коррупцией. В результате эффективность государственного аппарата многократно снижается.
2. В том случае, если власть жестко централизована и имеет дело с ограниченным числом крупных собственников, возникает двусторонняя монополия, в которой взятокодатели и руководитель распределяют возможные прибыли между собой. В дезорганизованном государстве, где чиновники ведут друг с другом борьбу исходя из личных интересов, частные корпорации вынуждены платить за предоставление услуг различным бюрократическим группам. В результате издержки производства частных компаний многократно возрастают, а их эффективность стремительно снижается. Административный и политический произвол ограничивает конкуренцию в экономическом секторе и ведет к снижению эффективности и стагнации всей экономики.
3. В ситуации, когда верховная власть открывает доступ к обеспечению безопасности частным преступным группам и делит с ними «охранный бизнес», формируется мафиозное государство. Оно отличается высоким уровнем организованной преступности и контролем преступных группировок за наиболее прибыльными видами экономической деятельности (как правило, распродажей активов и экспортом сырья).
4. Конкурентная коррупция возникает, прежде всего, в низших слоях чиновничества. По мере увеличения числа взятокодателей начинает раскручиваться спираль коррупции снизу вверх, захватывая более высокие этажи государственной службы. Происходит процесс «самоусиления»: рост числа взятокодателей стимулирует увеличение численности коррумпированных чиновников; в свою очередь, расширение коррумпированности бюрократии обуславливает увеличение взятокодателей.

Российские политологи М. Краснов, Г. Сатаров и М. Федотов [142] описали «национальные» модели коррупции:

- *европейская* — характеризуется невысоким уровнем развития коррупции и почти полным ее отсутствием в низших структурах административного аппарата (такая модель — результат преобладания формальных норм в политической жизни и достаточно острой политической конкуренции);
- *азиатская* — отличается существованием коррупции на всех уровнях государственных структур (она выступает условием функционирования экономических и политических структур; причиной ее существования является сохранение монополии на власть в политической сфере);
- *африканская* — связана с «приватизацией» государственной власти группой экономических кланов (в результате формируется олигархический консенсус между определенными сегментами экономической и политической элиты; формируется монополия олигархических групп, как в экономической, так и в политической сфере);

- *латиноамериканская* — характеризуется сращиванием бизнеса и власти, формированием мафиозных структур (как и в африканской модели, возникает монополизация в экономической и политической сферах).

Сравнительные исследования выявили устойчивую обратную зависимость между уровнем экономического развития (измеряемого показателями ВВП) и уровнем коррупции. Уровень коррупции заметно снижается в богатых странах и возрастает в странах с низким уровнем экономического развития.

Влияние уровня развития экономики на степень распространенности коррупции опосредовано также культурными и институциональными факторами. В тех обществах, где сильна значимость личного успеха, а равные возможности у граждан отсутствуют и низок уровень институционализации, коррупция достигает значительных масштабов. И, наоборот, там, где личный успех не является самоценностью, а у граждан существуют равные возможности, и существует высокий уровень институционализации, коррупция минимальна. Показателем же равенства возможностей и доступности экономических ресурсов является среднедушевой доход.

В традиционных обществах причиной высокого уровня коррупции является партикуляризм. Партикуляризм, по мнению Э. Банфила [155, 248], характеризуется культурой, отличительной чертой которой является недостаток коммунитарных ценностей и ориентация на узкогрупповые, клановые или семейные ценности.

На распространенность коррупции влияет и тип политического режима. Результаты показывают, что в демократических странах уровень коррупции ниже, чем в авторитарных государствах. Снижению уровня коррупции при демократии способствуют высокий уровень институционализации политической жизни, политическая конкуренция и политическое участие граждан.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Объясните происхождение термина «элита».
2. Поясните сущность теории «политического класса» Г. Моски.
3. Охарактеризуйте теорию «круговорота элит» В. Парето.
4. В чем идея теории «железного закона олигархии» Р. Михельса?
5. Охарактеризуйте макиавеллизм и теоретические интерпретации элитизма.
6. На чем основываются ценностные теории элитарности общества?
7. Чем отличаются теории демократического элитизма от своих предшественников?
8. Охарактеризуйте концепции плюрализма элит и функциональные теории элит.
9. В чем сущность леволиберальных концепций элиты?
10. Дайте общее определение и объясните причины существования элиты.
11. Приведите примеры типологии элит.
12. Приведите примеры структурного деления элиты.
13. Назовите основные функции элит.
14. Как взаимно обусловлены результативность и интеграция элиты?
15. В какой степени элита представляет общество?
16. Какие системы рекрутирования элит вы знаете?
17. Приведите модели бюрократии.
18. Какова степень влияния бюрократии на политическую жизнь страны?
19. Охарактеризуйте коррупцию как политическое явление.
20. Опасна ли коррупция для политической судьбы государства и общества?
21. Назовите основные направления современной элитарной теории.

Глава 12

ПЕРВИЧНЫЕ СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИКИ

Политология рассматривает не только содержание деятельности политических институтов, таких как государство, партии, организации, но и исследует также социальные условия, в которых эта институциональная деятельность осуществляется, ее зависимость от этих условий. Кроме того, политическая жизнь общества не может быть понята без учета места и роли в ней различных социальных групп, национальных общностей, классов, региональных и профессиональных групп, а также отдельных личностей. Именно интересы социальных групп и отдельных личностей придают политике характер властных отношений, тот или иной национальный, классовый, региональный, а иногда и личностный характер, которые определяют цели и способы ее осуществления.

Политика представляет собой совокупность различного рода действий (акций) и взаимодействий (интеракций) субъектов политической жизни в сфере их конкретной борьбы за власть. И потому *субъектами политики* являются *отдельные индивиды и общественные группы, принимающие непосредственное участие в политической деятельности.*

Субъект политики представляет собой ее активное начало и осознанно оказывает влияние на выработку и осуществление политических решений. И потому он *является носителем сознания и действия в политике.*

Группы как субъекты политики представлены различными общностями и коллективами, социальными слоями и классами, действующими как на региональном, так и национальном и транснациональном уровнях. Действия групповых и индивидуальных субъектов политики создают обширное политическое поле, на котором разворачивается деятельность институциональных субъектов политики, таких как государство, политические партии и движения, лобби, международные организации и т. п.

Под субъектами политики понимаются люди и организации, обладающие политической (государственной) властью или стремящиеся к ней. Исходя из этого, следует различать понятия «субъект политики» и «политический субъект». К политическим субъектам могут быть отнесены те люди и организации, политическая деятельность для которых не является основной и главной, но которые в той или иной степени участвуют в политической жизни и влияют на нее. Однако в определенных условиях они могут выполнять функции субъектов политики и даже активно на нее влиять. Русская православная церковь не является субъектом политики, но у нее есть определенные политические ориентации.

К числу индивидуальных субъектов некоторые ученые, например, Д. Розенау [133, 223], причисляют три вида акторов:

- *рядового гражданина*, чье участие в политике обусловлено групповыми интересами;
- *профессионального деятеля*, выполняющего в государстве функции управления и контроля;
- так называемого *частного индивида*, действующего независимо от групповых целей и не выполняющего при этом каких-либо профессиональных обязанностей.

Многомерность политической жизни выражается и в том, что она имеет не только классовое, национальное, социально-групповое, но и личностное измерение. По мнению В. В. Желтова, исследование взаимоотношений личности и государства, личности и власти становится все более значимым в политической науке [58, 267]. В современной политической теории и практике личность все чаще рассматривается как первичный и главный субъект политики.

§ 1. ИНДИВИД КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИКИ

12.1.1. Особенности индивида как субъекта политики

Вопрос о субъектах политики связан с вопросом о субъективном и объективном. Если речь идет о субъекте, то всегда имеется в виду познающий, обладающий сознанием и волей, активно действующий индивид или социальная группа, а понятие «объект» определяет то, на что направлена деятельность субъекта. Таким образом, в качестве субъектов политики выступают носители целенаправленной политической деятельности в определенном политическом пространстве.

Первичным и основным носителем политических и властных отношений в обществе является человек. Его интересы, цели, стремления, интегрированные в различные социальные и экономические структуры, определяют, в конечном счете, направление политического развития общества. И потому индивид (личность) символизирует смысл и ценность любой коллективной деятельности и, конечно же, политической деятельности.

Признавая гражданина субъектом права, государство определяет его правовой статус, характеризующий его положение по отношению к государству, государственным органам, другим лицам. Поскольку политология имеет дело с политическими отношениями, она рассматривает специфику и проблемы политического статуса личности или социальных групп. Субъекты политики имеют свои особые функции, не сводимые к правовым, хотя действия этих субъектов и регулируются правовыми отношениями и нормами.

Личность является основным субъектом политики, поскольку все политические силы, субъекты суть человеческие объединения. Субъектность в политике проистекает из способности, возможности и потребности личности участвовать в политической жизни общества и государства в соответствии со своими интересами. Но в отличие от других сфер общественной жизни, в которых личность может реализовать свои интересы абсолютно, в политике она осуществляет свои интересы как элемент каких-то общих, то есть политических интересов. Даже не понимая данного положения, например, голосуя на выборах, индивид, опуская бюлле-

ть в урну, совершает индивидуальный акт коллективно-политической значимости.

Личность в политике участвует в решении общих дел, что вызывает у нее ощущение причастности к человеческому роду, его институциональным образованиям. Через самостоятельную сознательную причастность к общему делу личность обретает способность осознать свою уникальность, значимость, неповторимость, ответственность за свои поступки. Поэтому можно отметить, что участие личности в политике есть один из наиболее значимых видов ее деятельности.

Участие личности в политике проявляется во множестве форм и видов: митинг, демонстрация, манифестация, выборы представительных органов власти, участие в различных кампаниях, проводимых партиями и общественно-политическими движениями, членство и активная деятельность в политических организациях и т. п. Высшей формой участия личности в политике является профессиональная политическая деятельность.

Роль индивида в политике крайне специфична. Конечно, он не может затмить значение групповых объединений для формирования политического пространства в целом. Однако он может повлиять на характер развития абсолютно любой политической системы. Поэтому недостаточно рассматривать индивида лишь в качестве одного из специфических субъектов политической сферы.

Будучи исходными социальными элементами, из совокупности действий и отношений которых складывается общество, индивиды выступают *особой целью* деятельности любой системы правления и власти. По сути дела, олицетворяя статус человека как относительно самостоятельного и свободного существа, чьи интересы и возможности так или иначе противостоят обществу и государству, индивид (личность) символизирует смысл и ценность любой коллективной деятельности. В этом плане отношения государства и индивида выражают отношения власти и человека — этих двух противоположных начал социальной жизни и двух *самостоятельных источников общественной власти*.

Организуя совместную жизнь людей, государство тем не менее всегда выступает как начало подавления и принуждения людей к поддержанию определенных политических порядков и форм поведения. Государство — это символ повиновения и принуждения человека к обязательному для него поведению и в этом смысле является агентом неизбежного ограничения его свободы и прав. Со своей стороны, индивид выступает как начало свободного и естественного волеизъявления. Имея определенные притязания к государству, связывая с ним возможности реализации своих интересов и перспективы, человек все же остается тем существом, которое обладает собственной программой жизнеутверждения и самовыражения. И если государство способно избрать любой путь своей эволюции, то человек всегда будет стремиться к защите собственного достоинства и свободы, счастья и жизни.

Иными словами, государство и индивид взаимодействуют между собой как два взаимосвязанных и в известной степени взаимоотношающихся начала социальной жизни. Каждый из них не только обладает различными правами и возможностями, но и олицетворяет два различных источника и принципа организации власти в обществе. Конечно, человек и власть меняются, меняются и их интересы, а главное — возможности в преобразовании социума. И все же сложившаяся прак-

тика говорит о том, что принципиальные отношения между государством и индивидом сохраняются. Государство остается внешней для индивидуальной жизни силой, обладающей по отношению к личности важнейшими принудительными прерогативами, правами и полномочиями. Однако и человек в ряде демократических стран становится высшей социальной ценностью политических отношений, направляя государственную политику.

Реальное превращение личности в активного субъекта политики и властных отношений определяется современными социально-политическими условиями и развитием самой личности, в том числе ее психологическими и идеологическими качествами. Исследование мотивов участия людей в политической деятельности — одна из основных проблем политологии.

К *индивидуально-личностным качествам*, определяющим степень политической активности отдельного человека, относят:

- социальный статус личности, наличие у нее материальных возможностей и свободного времени для участия в политической деятельности;
- уровень политического сознания и политической культуры личности, проявляющийся прежде всего в ее устойчивых представлениях об основных сторонах политической жизни общества;
- наличие у личности определенных политических установок и стандартов политического поведения, учений и навыков политической деятельности, а также соответствующих волевых качеств.

Уровень политической активности граждан независимо от индивидуально-личностных качеств во многом определяется властью, теми условиями, которые ею создаются для политической деятельности. Последняя строится на установленной законодательной базе, при помощи которой регулируется весь комплекс прав и свобод человека, включая и право избирать и быть избранным. Не меньшее значение имеет и уровень благосостояния населения.

В предыдущих главах книги писалось, что субъектный подход к проблеме роли личности в политике не является единственным. В 50—60-е гг. XX в. многие западные политологи ввели в оборот термин «политический актор». Интересную по замыслу концепцию преодоления противоречия в существовании субъектов и объектов в политике разработал отошедший от классического структурализма французский конструктивист П. Бурдьё [27]. Вместо терминов «субъект» и «объект» он ввел понятия «агент», его «позиция» и «диспозиция».

В то же время, рассуждая об «агентах политики», или ее «актерах» и преодолевая, на первый взгляд, дихотомию субъекта-объекта, многие постмодернисты, по мнению Н. А. Дегтярева, довольно далеко ушли от изучения самой политической материи. В том числе, от выяснения иерархии политических субъектов, отношений между политическими институтами, социальными группами, а также ролями отдельных индивидов в политической динамике [54, 106]. В этом плане очевидно различие между ролью отдельного избирателя, рядового обывателя в текущей избирательной кампании, отдающего свой единственный голос, и функциями в процессе этих же выборов таких специализированных и агрегированных субъектов. А к ним относятся политические партии, могучие профессиональные коллективы и электоральные команды, борющиеся за места в парламенте, получить которые можно, лишь завоевав тысячи, а порой и миллионы голосов избирателей.

Категории политического субъекта и объекта, вне сомнения, носят соотносительный характер, поскольку политические тела, выступающие в одном отношении как объект, в другом измерении могут выступать уже в роли субъекта или даже моментально меняться своими местами в ходе изменения политической ситуации. М. Вебер классифицировал политику по трем видам [30]. В зависимости от участия в каждом из них выделяют три типа личности-политика:

- политика «по случаю» есть один из видов политического участия, при котором личность эпизодически совершает волеизъявление, порой не задумываясь о содержании, характере и направленности политических акций;
- политика «по совместительству» осуществляется человеком в случае необходимости и потребности, параллельно с другими видами его деятельности; для политиков «по совместительству» политическая деятельность не является основной;
- политика профессиональная есть профессия личности. Профессионал-политик — это прежде всего аналитик, специалист по технологии власти, способный дать политические консультации, советы и рекомендации по эффективной политической деятельности.

В зависимости от участия личности в одном из перечисленных видов роль политики может быть более или менее значимой. Очевидно, что от политики по случаю к политике профессиональной роль личности существенно возрастает, свидетельствуя о ее переходе от эпизодического участия к профессиональному.

Профессиональное занятие личности политикой имеет еще один важный аспект. Поскольку политика распространяет свои решения на большой круг общественно-политических проблем, то отсюда следует вывод: чем меньше в политике дилетантов, тем лучше для самой политики. Предпочтительнее не заниматься ею вообще, чем участвовать в ней непрофессионально, с использованием любых средств и методов.

12.1.2. Модели взаимоотношений государства и индивида

В истории политической мысли представлен целый ряд моделей взаимоотношений государства, власти и личности. Древнее происхождение имеет *патерналистская* трактовка роли личности в политической жизни. Основы такой трактовки встречаются уже в учении древнекитайского мыслителя и государственного деятеля Конфуция [76, 77], отдельные моменты — в философии государства древнегреческого философа Платона [116], в работах средневековых схоластов, в учениях Нового времени. Российская многовековая традиция политической и социальной мысли также насквозь пронизана патерналистскими взглядами.

Согласно патерналистской теории, все общество представляется в качестве одной большой патриархальной семьи, во главе которой стоит государь-отец. Само общество делится на старших (аристократия, высший слой управленцев) и простой народ. Народ обязан подчиняться старшим (сословиям) и государю, которые, в свою очередь, должны заботиться о благе простых людей. Таким образом, рядовому члену общества отводится роль исполнителя, который лишен самостоятель-

ного выбора в своем политическом поведении. Он обязан во всем следовать воле государя, власть которого, как правило, освящается именем божества.

В этой конструкции *индивид не является самостоятельным участником политического процесса*. Он — пассивный участник, не осознающий своего места и значения в политической жизни общества. Он не принимает политических решений, вся ответственность за которые возлагается на государя, отца своего народа, покровителя и т. д.

В рамках патерналистской трактовки личности в политике роль политического лидера (государя) и политической элиты освящается как религиозными обрядами и установлениями, так и многовековой традицией отношений власти. Традиционная система властных отношений в обществе, четко распределяющая экономические, политические, общекультурные характеристики каждого социального строя или сословия, гарантирует каждому человеку стабильное существование в определенных социальных рамках и в условиях психической гармонии, культурного постоянства. Это определяет тот факт, что патерналистская трактовка роли личности сохраняет свое значение и в наши дни.

Тоталитарная трактовка роли личности в политической жизни общества получила свое в значительной мере завершённое оформление в трудах Платона [116]. Разрабатывая проект идеального государства, он исходил из того, что каждый его член в своей политической деятельности подчинен интересам целого, т. е. интересам всего государства.

В таком государстве мудрые правители-философы, обладая верховным знанием и добродетелью, подробно регламентируют всю жизнедеятельность граждан, тщательно распределяя права и обязанности каждого гражданина. Регламентированию подвергается в таком государстве любая активность личности, в том числе и политическая. В итоге сама личность, будучи лишённой возможности воздействовать на процесс принятия и осуществления политических решений, *деполитизируется*.

Тоталитарный подход к роли личности в политике в определенных исторических условиях оказывается весьма эффективным, ибо дает возможность осуществлять быструю мобилизацию всех материальных и духовных ресурсов общества для решения не только неотложных, но и крупномасштабных задач. Тоталитарные и авторитарные политические режимы, как показывает исторический опыт, оказываются особенно эффективными в период кризисов, экономических и политических потрясений.

В отличие от Платона, другой выдающийся мыслитель Древней Греции Аристотель [6а] описывал политику, отталкиваясь от природы человека. Он, в частности, утверждал, что проживание человека в обществе — естественная предопределенность человека. Общение с другими людьми отвечает самой природе человека. И это общение имеет три уровня: семью, селение и государство как высшую форму человеческого общежития.

Государственная форма общения, по Аристотелю, строится на основе взаимодействия свободных и равных граждан в процессе принятия политических решений. Именно в государственной жизни реализуется высшее назначение человека. С его помощью организуется гармоничное взаимодействие людей как членов единого организма, и тем самым создаются условия для счастливой жизни всех.

Аристотель в отличие от Платона не разделял идеи тотальной регламентации политического поведения индивида. Он признавал право индивида на известную автономию, на обладание частной собственностью и т. д. Признавая право индивида на участие в политической жизни, Аристотель не отделял личность от государства. И потому индивид рассматривался им как субъект и объект политики, что характерно для античной демократии.

Трактовка Аристотелем роли личности в политике получила наименование *антропологической*. В этом подходе человек выступает как первичный носитель политической жизни общества.

Качественно новое понимание роли личности в политической жизни общества возникло в рамках либеральной политической мысли. Либеральные мыслители объявляли человека высшей социальной ценностью, на основе потребностей которой и должна строиться вся государственная система власти. Согласно либерализму, личность отделяется от государства. Она наделяется неотъемлемыми правами, что приобретает принципиально важное, фундаментальное значение для человеческого общежития. Именно человек провозглашается изначальным элементом политической системы общества и политических решений. Индивид, согласно либеральным воззрениям, *становится источником власти и ее легитимности*.

Либеральные мыслители объявляли государство результатом соглашения свободных индивидуумов (граждан), в значительной мере исключая его из сферы личной жизни человека. Ограничивались права государства по отношению к гражданскому обществу, где формируются основные запросы личности. В силу этого государство исполняет строго определенные обязанности по отношению к индивиду:

- поддержание социального мира;
- обеспечение свободной реализации человеком экономических, культурных, религиозных и других потребностей;
- защита прав и свобод человека.

Такая модель взаимоотношений государства и личности установилась в различных модификациях в ряде современных стран Запада. И хотя до идеальной модели демократии там далеко, эти государства показали, что личность может реально стать источником и целью государственной политики.

Немалый интерес представляет христианско-демократическая трактовка роли личности в политике. Для этой концепции характерно стремление соединить, с одной стороны, важность государства и его деятельности для общества и человека, а с другой — подчеркнуть уникальную ценность личности и ее интересов в политике. Данная теория исходит из того, что жизнь человека как творения Божия уникальна. А это предполагает внимательное и осторожное отношение к сфере личной жизни человека как со стороны государства, так и со стороны общества в целом. Человек сам вправе определять свое поведение в экономической, политической, культурной и национальной жизни.

Государство в таком подходе рассматривается не столько как источник приращения, сколько как орган, действующий в интересах всеобщего блага, сглаживания социальных контрастов, поддержания слабых. Оно является средством совершенствования совместной жизни, согласования интересов и упрочения справедливости.

В силу этого государство и индивид должны действовать в соответствии с принципами *солидарности и субсидарности*. Первый принцип заключается в том, что каждый член общества должен заботиться обо всех, а все, в свою очередь, — о каждом. Принцип солидарности призван гуманизировать общество, придать ему большую социальную стабильность.

Принцип *субсидарности* вносит в общественную жизнь здоровую часть рационализма. Он базируется на том, что каждый член общества обязан сам заботиться о своем благосостоянии. Государственная помощь должна направляться только тем, кто не в состоянии обеспечить себя самостоятельно, а значит, должна носить избирательный и адресный характер, не вырождаясь в поддержку социального иждивенчества.

По мнению В. В. Желтова [58, 370], сторонники такого подхода, не отвергая приоритета индивида и его прав, настаивают на сохранении серьезных социальных функций государства.

§ 2. ПОНЯТИЕ ЛИДЕРСТВА

Важнейшим элементом правящей элиты является политический лидер. Лидерство является универсальным и неотъемлемым механизмом функционирования любой человеческой общности. Что касается политического лидерства, то в нем наиболее полно проявляется интегративная функция политики — способность согласовать и объединить различные группы интересов на основе общей программы действий.

В широком плане лидерство — это механизм влияния на массы людей, руководства ими со стороны отдельной личности (лидера) или группы лиц для достижения тех или иных целей в процессе социальной деятельности. Лидерство существует и функционирует во всех сферах и на всех уровнях общественной организации: в экономических отношениях, в идеологии, культуре, нравственных, семейно-бытовых и других отношениях. Среди массы людей всегда выделяются наиболее опытные, умные, энергичные личности, которые получают признание, доверие остальных участников какого-то деятельного процесса. Эти личности становятся во главе массы, выражают ее интересы и руководят ею. Среди множества форм лидерства особое место занимает политическое лидерство. Оно представляет собой механизм руководства социальными общностями в сфере политики, в системе власти и властных отношений.

12.2.1. Понятие политического лидера

Понятие «лидер» широкое, емкое, включает множество характеристик. О лидере говорят как о человеке:

- за которым идут без принуждения;
- авангарде группы, который благодаря своей энергии и активности пользуется доверием и поддержкой;
- управляющем другими людьми, добровольно следующими за ним;
- решающем за других, определяющем программу действия группы.

Политический лидер — это не просто человек, который руководит политическими процессами, осуществляет функции по управлению обществом, политической организацией или движением. *Политический лидер — это тот, кто способен изменять ход событий и направленность политических процессов.* Поэтому очевидно, что не каждый премьер-министр, монарх, руководитель политической партии, а тем более парламентарий становится политическим лидером. Политические лидеры активизируют политические процессы в обществе, выдвигая программы, определяющие ход исторического развития общества. Реальная политика никогда не вершилась без участия политических лидеров, выступающих главными действующими лицами в политических процессах, их основными стимуляторами.

В этой связи важно отметить, что к *политическим лидерам* не относятся многочисленные депутаты законодательных органов, члены руководства политических партий и движений, руководители местных органов власти и т. д. Их называют *политическими деятелями*.

Как показывает история, яркие политические лидеры крупного масштаба появляются, как правило, в кризисные, переломные периоды общественного развития. Они становятся инициаторами и организаторами политических и экономических программ, которые помогают обществу преодолеть огромные трудности. Политическим лидером такого масштаба, лидером «американской перестройки» был американский президент Ф. Рузвельт. Один из ведущих западных политологов Р. Такер [140] характеризует его как политического лидера, обладавшего феноменальной проницательностью и умением прислушиваться к мнению других людей. Ф. Рузвельт организовал «команду» выдающихся специалистов, своеобразный «мозговой трест». Вместе с ними он создал и претворил в жизнь программу выхода страны из самого глубокого в истории капитализма экономического кризиса. Ф. Рузвельт относится к числу политических лидеров мирового уровня. В свое время он выступил с концепцией создания ООН.

Когда речь идет о политических лидерах, то имеются в виду деятели, которые трансформируют общественную жизнь, перестраивают политические условия. Таков главный критерий отличия политического лидера от просто должностных лиц, менеджеров, руководителей различного уровня. Канцлер ФРГ Г. Коль вошел в историю как политический лидер, усилия которого в немалой степени способствовали историческому событию — восстановлению национального единства немецкого народа, имеющего общую культуру, традиции, историю на протяжении многих веков.

Политический лидер — личность, влияющая на общественные процессы и обновляющая свое влияние на осознании исторической необходимости определенных изменений. Например, трудно представить Британию 1980-х гг. без М. Тэтчер. Ее имя дало название политической доктрине и политическому стилю (тэтчеризм), которые изменили лицо национальной политики этой страны. Выступив с критикой широкого государственного вмешательства в экономическую жизнь, против громоздких систем социального обеспечения и ограничения индивидуальных возможностей, она выдвинула программу всемерного содействия развитию среднего класса, утверждения индивидуализма и опоры на собственные силы, приоритета конкуренции, свободы рынка. Ее программа предполагала сведение роли государства к обеспечению необходимых условий для свободной игры

рыночных сил. Государственный сектор подлежал значительному сокращению. «Народный капитализм» был объявлен идеальным типом общественного устройства.

12.2.2. Идеи лидерства в истории

Проблема лидерства привлекала к себе внимание обществоведов на протяжении многих веков. Еще древнегреческий историк Геродот [36] ставил в центр своих исторических повествований действия, стремления, порывы выдающихся лидеров — монархов, полководцев. Подобный подход характерен и для других историков античности — Плутарха [117], Светония [130], Тита Ливия [84]. Средневековые теологи, например Ф. Аквинский [2], обосновывали власть государя «Божьей волей».

В ранних буржуазных взглядах можно заметить шаг вперед в рассмотрении проблемы лидерства. Значительный вклад в исследование политического лидерства внес Н. Макиавелли [89]. В его трактовке политический лидер — это государь, который сплачивает и представляет все общество и использует любые средства для поддержания общественного порядка и сохранения своего господства. Выступая против феодальной раздробленности, Н. Макиавелли связывал надежды на объединение Италии с лидером, обладающим политическими способностями и военным талантом. Личность политического вождя в центре внимания Н. Макиавелли, но при этом философ не сводит историю только к деяниям героев, политический процесс у него более многогранен: мы видим целую гамму интересов различных политических группировок. Он ищет оптимальное соотношение между правителем и народом.

Разработанные Н. Макиавелли практические советы для правителей, предполагающие искусное сочетание хитрости и силы, высоко ценили Кромвель, Наполеон и многие другие выдающиеся политики. Яркими представителями волюнтаристской теории лидерства, рассматривающей историю как результат творчества выдающихся личностей, явились Т. Карлейль [70] (1795—1881) и Р. У. Эмерсон [128, 152] (1803—1882). Первый из них считал основную массу населения «убогой во всех отношениях», не способной нормально существовать без направляющего воздействия лидеров. Именно в «пестрой одежде» выдающихся личностей проявляется божественное провидение и творческое начало в истории. Подобные взгляды на политическое лидерство выражал и Р. У. Эмерсон. «Все глубокие прозрения, — писал он, — удел выдающихся индивидов».

Глубокие мысли о роли выдающихся личностей высказаны немецким исследователем Г. Гегелем [34]. Он писал, что историческими личностями являются те люди, в целях которых содержится «всеобщее». По его мнению, великие люди творят историю не по своему произволу, а будучи выразителями потребностей общественного развития.

Концепцию лидерства, оказавшую заметное влияние на последующую политическую мысль и практику, разработал Фридрих Ницше (1844—1900). Он пытался обосновать необходимость формирования высшего биологического типа — человека-лидера, сверхчеловека. «Цель человечества, — писал Ницше, — лежит в его высших представителях <...> Человечество должно неустанно работать, чтобы рождал великих людей — в этом, и ни в чем ином, состоит его задача» [109, 286].

Сверхчеловек не ограничен нормами существующей морали, он стоит по ту сторону добра и зла. Он может быть жестоким к обычным людям и снисходительным, сдержанным, нежным, дружелюбным в отношениях с равными себе, со сверхчеловеками. Его отличают высокие жизненные силы и воля к власти. Это сильная, волевая, развитая и красивая личность, превосходящая простого человека так же, как тот превосходит обезьяну. В представлениях Ф. Ницше о сверхчеловеке отразилась дарвинистская идея об эволюции биологических видов.

Непосредственное воздействие на современные концепции лидерства оказал Г. Тард (1843—1904), один из основоположников теории социализации. Г. Тард [141] пытался доказать, что основным законом социальной жизни является подражание последователей лидеру. Большинство населения не способно к самостоятельному социальному творчеству. Единственный источник прогресса общества — открытия, сделанные инициативными и оригинальными личностями.

Русские народники, в частности Н. К. Михайловский [100], объясняли взаимоотношение лидера и последователей подражанием. С их точки зрения, ставить исторического деятеля в зависимость от необходимости исторического процесса — значит умалять его личную деятельность (что, как они утверждали, делает марксизм).

Критикуя Н. К. Михайловского, В. И. Ленин [83] показал, что марксизм не умаляет роль личности в истории, а ограничивает произвол субъективистов в истолковании этой роли, раскрывает социально-экономическую основу деятельности народных масс, классов, партий, лидеров. На самом деле марксизм принципиально расходится с многовековой традицией, рассматривающей лидеров как локомотив истории. Он ограничивает возможность активности политических лидеров исторической необходимостью и классовыми интересами. Политический лидер выступает здесь наиболее последовательным, сознательным и умелым выразителем воли класса, т. е. играет по отношению к классу, в общем-то, вспомогательную, служебную роль.

И если К. Маркс [92] и Ф. Энгельс [162] отмечали возможность обособления политических лидеров от представляемого ими класса и предупреждали рабочих о необходимости обезопасить себя от собственных чиновников, то у В. И. Ленина и особенно у И. В. Сталина возобладали еще более упрощенные представления о соотношении масс и политических лидеров. «Массы, — писал В. И. Ленин, — делятся на классы <...> классами руководят обычно <...> политические партии <...> политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями» [82, 24].

Свойственная ленинизму классовая одномерность общественного развития и жесткий экономический детерминизм в объяснении политики не позволяют в полной мере учесть общечеловеческие начала лидерства, активность политических руководителей, в том числе и их способность навязывать массам (используя их иллюзии и доверчивость) тупиковые варианты общественных изменений, противоречащие интересам классов и всего народа.

Отрицание исторической роли лидеров свойственно и некоторым немарксистским исследователям. Они (в частности, Б. Мацлих [128, 154]) утверждают, что «лидеры не имеют никакого значения». Массы и окружающая среда в целом дик-

туют поведение лидеров, влияют на их ценности и цели, определяют средства достижения целей, контролируют их действия с помощью конституций, партий и других институциональных механизмов.

Наибольшее влияние на западные политологические теории лидерства оказал З. Фрейд [146]. Цивилизация, по Фрейду, — сублимация влечений человека, особенно подсознательных, прежде всего сексуальных. Инстинкты подавляются социокультурной средой; импульсом, порожденным инстинктами, преграждается вход в сознание, но заряд психической энергии не снимается, он ищет обходные пути для своей реализации, оборачиваясь неврозами. Такими невротиками, зачастую невропатами, оказываются великие люди, лидеры; среди их влечений преобладает стремление господствовать над другими людьми. З. Фрейд и его ученики составляли длинный список политических лидеров, оказавшихся параноиками, маньяками, невротиками. Подавленное либидо сублимируется, прежде всего в стремлении к власти, к лидерству.

Влиятельные западные социологи и политологи XX в. Г. Лассуэлл [80], Э. Эриксон [128, 319], Р. Холмс повторяют концепции З. Фрейда, считая лидерство определенным видом помешательства, следствием невроза. Действительно, по свидетельствам историков и биографов, ряд политических лидеров были невротиками (Наполеон, Линкольн, Робеспьер, Рузвельт, Пуанкаре, Гитлер, Сталин). Последователи З. Фрейда делят общество на психически нормальных людей, не способных к творчеству, и на лидеров, являющихся, по их мнению, маньяками, психопатами. Исследователи объясняют, что ориентированными на лидерство людьми движет чувство вины, и они ищут облегчения посредством таких механизмов, как обличение других; они пережили в детстве крушение многих надежд и компенсируют комплекс неполноценности тем, что ведут ожесточенную борьбу за власть, за самоутверждение [24, 200].

Подавляющее большинство современных исследователей лидерства, по мнению В. П. Пугачева [128, 154], не разделяют подобные точки зрения, недооценивающие автономию и активность политических лидеров, их многообразное воздействие на общество. Богатство феномена лидерства отражается в его определениях.

12.2.3. Определение лидерства

С понятием «политический лидер» связано понятие *«политическое лидерство»*. Это механизм и конкретные способы реализации политической власти. Политическое лидерство представляет собой высший уровень лидерства, поскольку оно отражает политические процессы и отношения в высших структурах власти, фиксирует властные отношения между субъектом и объектом политики на вершине политической пирамиды. Для политического лидерства характерно личностное влияние лидера на умы, волю, энергию, политическую активность граждан.

Специфика политического лидерства определяется, прежде всего, масштабом намеченных целей: оно, в отличие от группового или корпоративного лидерства, осуществляет свои функции в масштабах всего общества.

Лидерство (от англ. *leadership*) — это

- руководство, инициативность, ведущее, руководящее положение отдельной личности, социальной группы, класса, партии, государства, нации, цивилиза-

ции, обусловленное более эффективными результатами их деятельности и воздействия на развитие общества в целом или его различных составляющих и сфер (экономической, научной, социальной, политической и др.);

- процессы внутренней самоорганизации социальной группы, обусловленные индивидуальной инициативой ее членов;
- способности, качества и поведение, связанные с ролью группового лидера, которые могут присваиваться индивидуумам на основе личных качеств и опыта либо посредством традиции и (или) занимаемой позиции.

Лидерство существует с момента возникновения человеческого общества, распространяется на любые организации и объединения людей. Наличие феномена лидерства во всех сферах общества определяется объективными потребностями организации социальной жизни. Понятие «лидерство» включает взаимосвязь лидера с соответствующей социальной (этнической) большой или малой группой; охватывает разновидности социальных связей и взаимодействий: «лидер — группа», «лидер — коллектив», «лидер — массы», «лидер — толпа», «лидер — элита» и др. Не потерял своего значения, по мнению Ю. В. Ирхина, и алгоритм политического лидерства: «вожди — партии — классы — массы» (по В. И. Ленину) [67, 413].

Исследователи выделяют следующие основные подходы к его трактовке:

1. Лидерство — это разновидность власти, спецификой которой является направленность сверху вниз, а также то, что ее носителем выступает не большинство, а один человек или группа лиц. Политическое лидерство, пишет Ж. Блондель, — это «власть, осуществляемая одним или несколькими индивидами, с тем, чтобы побудить членов нации к действиям» [22, 10].
2. Лидерство — это управленческий статус, социальная позиция, связанная с принятием решений, это руководящая должность. Такая интерпретация лидерства вытекает из структурно-функционального подхода, предполагающего рассмотрение общества как сложной, иерархически организованной системы социальных позиций и ролей. Занятие в этой системе позиций, связанных с выполнением управленческих функций (ролей), и дает человеку статус лидера. Иными словами, как отмечает Даунтон [128, 155], лидерство — это «положение в обществе, которое характеризуется способностью занимающего его лица направлять и организовывать коллективное поведение некоторых или всех его членов».
3. Лидерство — это влияние на других людей (В. Кац, Л. Эдингер [128, 155] и др.). Однако это не любое влияние, а такое, для которого характерны четыре особенности:
  - необходимо, чтобы влияние было *постоянным* (к политическим лидерам нельзя причислять людей, оказавших, возможно, большое, но разовое воздействие на политический процесс, историю страны; например, Ли Освальд, официально признанный убийцей американского президента Д. Кеннеди, своим поступком оказал существенное влияние на последующее политическое развитие Америки, да и мира в целом, однако было бы нелепо вследствие этого считать его политическим лидером);
  - руководящее воздействие лидера должно осуществляться *на всю группу*, организацию, общество (известно, что внутри любого крупного объедине-

ния существует несколько или даже множество центров локального влияния, причем постоянному влиянию со стороны членов группы подвергается и сам лидер; особенностью политического лидера является широта влияния, распространение его на все общество или крупные группы);

- политического лидера отличает явный *приоритет во влиянии* (отношения лидера и ведомых им характеризует асимметричность, неравенство во взаимодействии, однозначная направленность воздействия — от лидера к членам группы);
  - влияние лидера опирается не на прямое применение силы, а на *авторитет или хотя бы признание правомерности руководства* (диктатор, силой удерживающий группу в подчинении, — это не лидер, как не является лидером, например, террорист, захвативший заложников, или тюремный надзиратель; следует отметить, что не все авторы считают несовместимым лидерство и постоянное насилие; отдельные ученые, например Ж. Блондель [22], допускают использование принуждения).
4. Политическое лидерство — это особого рода предпринимательство, осуществляемое на специфическом рынке, при котором политические предприниматели в конкурентной борьбе обменивают свои программы решения общественных задач и предполагаемые способы их реализации на руководящие должности (Дж. Оппенгеймер, Н. Фролих [128, 156] и др.). При этом специфика политического предпринимательства состоит в персонализации «политического товара», его отождествлении с личностью потенциального лидера, а также в рекламировании этого «товара» как общего блага. Такая интерпретация политического лидерства вполне возможна. Однако она применима главным образом лишь к демократическим организациям: государствам, партиям и т. п.
5. Лидер — это символ общности и образец политического поведения группы. Он выдвигается снизу, преимущественно стихийно, и принимается последователями. Политическое лидерство отличается от политического руководства, которое, «в отличие от лидерства, предполагает достаточно жесткую и формализованную систему отношений господства—подчинения» [63, 138].

Эта точка зрения, по мнению А. Д. Бырышева и др., до сих пор достаточно широко распространена в российском обществоведении и связана с его длительной оторванностью от мировой науки и, в частности, с узким, преимущественно психологическим пониманием лидерства как главенствующего положения личности, возникающего стихийно в ходе межличностных отношений в малой группе. Применительно к социологии и политологии с такой трактовкой лидерства никак нельзя согласиться из-за ее односторонности, отказа от учета объективной, антропологической и социальной основы этого феномена, недооценки ведущей роли властного статуса в выполнении функций политического лидерства, связанного с воздействием на большие массы людей [121, 151].

Несмотря на то, что феномен лидерства мы наблюдаем повсюду, политическое лидерство отличается от лидерства других типов. Эти отличия кроются в причинах возникновения лидерства, его характере, функциях, средствах влияния и т. п. Политическое лидерство, как правило, отличается опосредованным характером. Это «дистанционное» лидерство, при котором отношения между лидером и массами складываются как опосредованные, то есть с помощью средств массовой комму-

никации, различных общественно-политических организаций, людей, обслуживающих органы государственного управления и т. д.

Не менее важной особенностью является многоролевой характер политического лидерства, основанный на необходимости соответствия различным ролевым ожиданиям (например, ожидания его ближайшего окружения, политической партии, административно-управленческого аппарата, населения страны в целом или отдельной его группы и т. п.).

Политическое лидерство в большей или меньшей степени отличается корпоративным характером. Это, как считает авторский коллектив под руководством Е. Ю. Мелешкиной, связано не только с его групповой природой, но прежде всего с тем, что многочисленные роли политического лидера выполняет не он сам, а другие люди, например, его ближайшее окружение, административный аппарат и т. д. Функциональная и социально-групповая природа политического лидерства обуславливает то, что политическим лидером может быть и группа лиц, которая становится лидером в силу занятия определенных политических позиций [120]. В этой связи следует отметить, что для советской России было характерно коллективное лидерство.

С учетом такого рода функций ряд исследователей [133, 101] определяет политическое лидерство как особый *институт власти, позволяющий отдельному лицу (группе лиц) за счет обладания решающими полномочиями в процессе принятия решений в масштабах государства (партии, движения, региона) и наличия авторитета проводить определенную политическую линию.*

12.2.4. Объективная и субъективная стороны лидерства

Феномен лидерства коренится в самой природе человека и общества. Явления, во многом схожие с лидерством и называемые «протолитерством», встречаются в среде животных, ведущих коллективный, стадный образ жизни, например у обезьян, в волчьих стаях, в стадах оленей т. д. Здесь всегда выделяется наиболее сильная, умная, упорная и решительная особь — вожак, руководящий стадом (стаей) в соответствии с его неписанными, но биологически запрограммированными законами, продиктованными взаимоотношениями со средой.

Рост разнообразия потребностей, появление новых видов деятельности вследствие разделения труда (выделения земледелия, скотоводства, ремесел, торговли, умственного и физического труда) существенно усложнили социальные отношения. Сложно организованная система, какой становилось общество, все больше нуждалась в упорядочении поведения индивидов, гармонизации и согласования человеческих потребностей и действий. Потребовался политический лидер, то есть человек, способный определять общие цели, способы их достижения, организовывать процесс распределения ролей и функций внутри общества.

Лидерство основывается на определенных потребностях сложно организованных систем. К ним относится, прежде всего, потребность в самоорганизации, упорядочении поведения отдельных элементов системы в целях обеспечения ее жизненной и функциональной способности. Такая упорядоченность осуществляется через вертикальное (управление—подчинение) и горизонтальное (коррелятивные одноуровневые связи, например, разделение труда и кооперация) распределение

функций и ролей и прежде всего, через выделение управленческой функции и осуществляющих ее структур, которые для своей эффективности требуют, как правило, иерархической, пирамидальной организации. Вершиной такой управленческой пирамиды и выступает лидер (протолидер).

Четкость выделения лидирующих позиций зависит от типа общности, составляющей систему, и ее взаимоотношений с окружающей средой. В системах с низкой групповой интеграцией и высокой степенью автономии и свободы различных элементов и уровней организации функции лидера выражены слабо. По мере же усиления потребностей системы и самих людей в сложно организованных коллективных действиях и осознания этих потребностей в форме коллективных целей — спецификация функций лидера и его структурное, институциональное обособление повышаются.

В малых группах, основанных на непосредственных контактах их членов, институционализация лидирующих позиций может не происходить. Здесь на первый план выдвигаются индивидуальные качества личности, ее способность объединить и повести за собой группу. В крупных же объединениях, эффективность коллективных действий которых требует четкой функционально-ролевой дифференциации и специализации, а также оперативности управления и жесткости подчинения (например, в армии), институционализация и формализация (официальное закрепление) лидирующих позиций, придание им сравнительно больших властных полномочий обязательны.

Именно к такому типу объединений относится политика. В ней действуют огромные массы людей, ставящие перед собой вполне определенные, ясно осознанные цели и испытывающие непрерывное противодействие со стороны политических оппонентов. В силу этого институционализация лидирующих позиций проявляется в политике особенно отчетливо.

Институционализация руководящих функций отражается в понятии *формального лидерства*. Оно представляет собой приоритетное влияние определенного лица на членов организации, закрепленное в ее нормах и правилах и основывающееся на положении в общественной иерархии, месте в ролевых структурах, обладании ресурсами влияния. В противоположность формальному *неформальное лидерство* характеризует субъективную способность, готовность и умение выполнять роль лидера, а также признание за ним права на руководство со стороны членов группы (общества). Оно основывается на авторитете, приобретенном в результате обладания определенными личными качествами.

Оба этих аспекта — формальный и неформальный — характеризуют политическое лидерство. Причем формальный, институциональный аспект в политике является ведущим, поскольку здесь реализация потребностей в самоорганизации и упорядочении деятельности огромного количества людей зависит не столько от индивидуальных качеств (хотя это тоже очень важно), сколько от силы и влияния организации. В современном обществе даже личность, обладающая выдающимися способностями, не сможет стать политическим лидером, не опираясь на организацию, на СМИ. Как писал в «Лженероне» Л. Фейхтвангер [145], «власть даже пустого человека наполняет содержанием». И в этом смысле такие советские руководители, как Л. И. Брежнев и К. У. Черненко, даже находясь в не совсем адекватном состоянии, объективно исполняли роль политических лидеров. Именно от них непосредственно зависело принятие важнейших государственных решений.

Таким образом, понятие политического лидерства включает два аспекта: формально-должностной статус, связанный с обладанием властью, и субъективную деятельность по выполнению возложенной социальной роли. Причем первый аспект, предполагая хотя бы минимальную личностную активность, имеет ключевое значение для оценки индивида как политического лидера. Второй же аспект — личностные качества и реальное поведение на занимаемом посту — определяет главным образом лишь сохранение властной должности, а также служит для оценки лидера как результативного или нерезультативного, великого или ординарного, как «хорошего» или «плохого» руководителя. Учитывая все это, отделение политического лидерства от его институционально закрепленной руководящей позиции, которой приданы властные полномочия, представляется неправомерным.

Целесообразно отделять собственно политическое лидерство от функций должностных лиц в государственном или партийном аппарате. Известный американский политолог Р. Такер обращал внимание на то, что лидеры — это либо «реальные лидеры», либо должностные лица или менеджеры. Он полагал, что только истинные лидеры выполняют функции по «постановке политического диагноза и прогнозированию», «определению тактики политических действий» и «мобилизации» тех, кто будет вовлечен в конкретную политическую деятельность. «Лидерство, — писал Р. Такер, — есть указание направления, которое, в конечном счете, нацелено на политическое действие» [140]. Лидерство — это всегда нечто большее, чем анализ и принятие политических решений. Оно также состоит в воздействии на умы и энергию тех людей, которым предстоит сыграть свою роль в политической деятельности.

Из всех определений политического лидерства, рассмотренных выше, характеристика лидерства как особого рода влияния представляется наиболее плодотворной. Данная характеристика, в отличие, например, от властной трактовки лидерства, охватывает не только властные, но и более «мягкие», опирающиеся лишь на авторитет и убеждение виды руководящего влияния, предполагающие не столь жесткое, однонаправленное воздействие, как власть.

Лидерство относится к числу широких, комплексных понятий. С одной стороны, оно предполагает генерирование лидером новых идей, активное и действенное влияние на людей, управление ими; с другой стороны, оно основывается на вере в лидера, подчинении ему, на готовности людей следовать за ним, участвовать в выполнении поставленных им задач.

В структуре лидерства обычно выделяют три главных компонента:

- индивидуальные черты лидера;
- ресурсы или инструменты, которыми он располагает;
- ситуацию, в которой он действует и которая оказывает на него влияние.

Все эти компоненты прямо влияют на эффективность лидерства.

Если властные позиции и роли — объективная основа политического лидерства — относительно стабильны, если они с трудом и достаточно редко подвергаются радикальным изменениям, то личностный, персональный состав лидерства более текуч и подвижен.

Учитывая социальную природу процесса, лидер наряду со своими статусными характеристиками отражает и наличие особых нравственно-этических отношений с населением, которые могут свидетельствовать о том или ином уровне авторитет-

ности правления. Иными словами, деятельность любого руководящего лица неизбежно опосредована моральными оценками населения, которые отражают тот или иной уровень неформальной поддержки его господствующего положения.

Таким образом, политическое лидерство как *институт* власти обладает *двоякой* сущностью, включающей как институциональный, так и моральный аспекты. Со своей статусной стороны политическое лидерство выступает как высший сегмент власти, достраивающий пирамиду управления, как центр принятия решений, который определяет стиль и характер деятельности всех других основных управленческих структур и организаций. В то же время, как пишет А. И. Соловьев, наличие морально-этических связей лидера с населением придает организации власти дополнительные ресурсы для решения политических задач [133].

§ 3. ПРИРОДА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Политическое лидерство — одна из самых загадочных форм лидерства. Проникнуть в тайны этого явления, объяснить условия его возникновения стремились многие мыслители с древних времен. Разрабатывались разные теории политического лидерства, предлагались различные советы государственным деятелям по практике управления подданными. Людей всегда занимал вопрос — почему один человек становится лидером, а другие, похожие на него, такого социального статуса не добиваются, остаются исполнителями воли лидера.

На протяжении веков фигуры вождей, полководцев, героев, монархов, законодателей не только привлекали к себе пристальное внимание мыслителей, но и служили живым воплощением власти. Независимо от того, поклонялись, боялись или ненавидели люди того или иного правителя, в глазах населения именно он олицетворял сложившуюся систему власти. В XIX в. французский социолог Э. Дюркгейм, как, впрочем, и ряд других ученых, выдвинул идею о том, что со временем роль личностных компонентов власти будет уменьшаться, уступая место структурам и институтам. Прогноз, как пишет А. И. Соловьев, не оправдался. Оказалось, что и в сложноорганизованном государстве граждане легче доверяют находящимся во власти людям, чем анонимным структурам [133, 97].

По мнению Е. А. Шаталина, природа лидерства может быть лучше понята, если сравнить его с собственно управлением (администрированием, менеджментом) [160]. В отличие от управления, лидерство предполагает наличие последователей, а не подчиненных. Соответственно, отношения «начальник — подчиненный» заменяются отношениями «лидер — последователи». Управленец (менеджер) — это человек, который направляет работу других и несет персональную ответственность за ее результаты. Лидер воодушевляет людей и вселяет в них энтузиазм, передавая им свое видение будущего. Управленцы ориентируются в своих действиях на кем-то установленные цели, лидеры, напротив, сами их формулируют. Менеджеры принимают решение, как правило, на основе прежнего опыта, лидеры берут на себя риск и бремя выявления новых проблем и поиска нестандартных способов их разрешений.

Среди наиболее распространенных и общепризнанных теорий лидерства можно выделить *теорию черт, теорию ситуативного анализа, ситуативно-личностную теорию, интегративную теорию лидерства*.

12.3.1. Теория черт

Феномен лидерства пытаются объяснить многие теории. Старейшей из них, но не утратившей и сегодня своей актуальности, является *теория черт*. В теории черт (К. Бирд, Э. Богардус, Ю. Дженнигс и др.) лидер рассматривается как совокупность определенных психологических черт, наличие которых способствует его выдвижению на лидирующие позиции и наделяет его способностью принимать властные решения в отношении других людей.

Теория создавалась на основе выявления качеств, присущих идеальным лидерам — героям. Как писал один из основателей этой теории Э. Богардус, «превосходящие интеллектуальные дарования доставляют личности выдающееся положение, рано или поздно приводящее к лидерству».

Представляет интерес концепция нашего соотечественника, выдающегося ученого Л. Н. Гумилева [43], который утверждал, что лидерами рождаются. Это люди, которых природа наделяет избыточной биохимической энергией. Известно, что они составляют не более 5 % населения. Однако рожденные лидерами не обязательно станут ими. Необходим большой опыт. Поэтому правы те, кто утверждает, что лидерами становятся. В этом отношении показателен пример экс-президента США Р. Рейгана. Когда он был избран президентом, то в советской печати подчеркивалось, что президентом стал актер. Однако дело обстояло не совсем так: между последней ролью в кино и первым днем в Белом доме лежал почти двадцатилетний период работы Р. Рейгана в политической жизни США.

Теория черт представляет собой важное направление западной эмпирической социологии 30—50-х гг. XX в., стремившейся выразить феномен лидерства конкретно и осязаемо. Данная теория возникла в начале XX в. под влиянием исследований английского антрополога Ф. Гальтона, объяснявшего природу лидерства с позиций наследственности. С этой точки зрения были изучены царские династии, последствия династических браков. Основная идея такого подхода — утверждение о том, что если лидер обладает особыми качествами, отличающими его от сторонников, то эти качества можно выделить. Данные качества передаются по наследству. В 1940 г. американский психолог К. Бирд составил список из 79 черт, упоминаемых различными исследователями как лидерские. Среди них были названы инициативность, общительность, чувство юмора, энтузиазм, уверенность, дружелюбие, острый ум, компетентность и т. д. Но при анализе личностей выдающихся деятелей ни одна из характеристик не занимала прочного места в перечнях: 65 % названных черт были упомянуты лишь однажды, 16—20 % — дважды, 4—5 % — трижды и лишь 5 % названы четыре раза. В последующих исследованиях было установлено, что индивидуальные качества лидеров почти ничем не отличаются от набора психологических и социальных черт личности вообще [55, 183]. Кроме того, в некоторых сферах деятельности, например, в области предпринимательства, высокие интеллектуальные и моральные качества являются скорее препятствием для занятия лидирующих позиций, чем условием успеха. К тому же часто выдающиеся способности людей на протяжении многих лет, а порой и всей жизни, оказываются невостребованными, не находят применения.

Все это вовсе не означает полного отрицания теории черт. Очевидно, что для занятия лидирующих позиций в условиях конкуренции действительно нужны определенные психологические и социальные качества. Однако их набор значитель-

но меняется в зависимости от исторических эпох, отдельных государств и конкретных ситуаций. Даже в наши дни личностные качества, дающие шансы на политический успех, существенно различаются, например, в Швеции, Афганистане, Корее и Сомали. К тому же во многих, главным образом недемократических, государствах политическими лидерами часто становятся заурядные, серые личности, не обладающие яркой индивидуальностью.

Учет всего этого породил вторую волну развития теории черт, или ее **факторно-аналитическую концепцию**. Она различает 1) индивидуальные качества лидера и 2) характерные для него черты, стиль поведения, связанные с достижением определенных политических целей. Между этими двумя группами свойств лидера могут быть существенные различия. Это можно проиллюстрировать на примере Ленина. Его индивидуальные черты, проявляющиеся в отношениях с близкими, не предвещали перерождения в деспота, жаждущего насилия и равнодушного к страданиям людей. Однако его упорство и даже одержимость в стремлении к гуманной, но утопической цели построения коммунизма сделали из него диктатора, отрицающего общечеловеческие нормы морали, который ради удержания власти не останавливался перед преступлениями. Что, в частности, проявилось в его приказах о расстрелах заложников, жестоких расправах над священниками, в требованиях «придать террору массовидный характер» и т. д.

Факторно-аналитическая концепция вводит в теорию лидерства понятие целей и задач, связанных с определенной ситуацией. В результате взаимодействия индивидуальных качеств лидера, стоящих перед ним целей и условий их осуществления вырабатывается стиль его поведения, составляющий его «вторую природу». Стиль поведения и целевая ориентация лидера несут на себе отпечаток определенных социальных условий.

По мнению А. Н. Бороздина и др., лидеры рекрутируются из нервных, возбудимых, полусумасшедших людей. Превосходный ум совсем не обязателен для лидерства, особенно в бюрократических организациях, где карьеру делают не самые умные, а самые изворотливые, беспринципные, умеющие приспособливаться к вкусам власть имущих. Теория черт метафизична в своей основе. Она рассматривает лидерство как изолированный феномен [24 –203]. Однако разные социальные классы и социальные группы требуют лидеров, обладающих различными качествами. Одни качества требуются для капитана футбольной команды, другие — для руководителя научного коллектива и третьи — для руководителя политической организации. В действительности черты лидера необходимо рассматривать не изолированно от социальных условий, а в тесной связи с ними.

12.3.2. Психологические концепции и интерактивный анализ

Природа политического лидерства достаточно сложна и не поддается однозначной интерпретации. Прояснить его субъективные механизмы помогают психологические теории, в частности — психоаналитическое объяснение лидерства. Как считал основоположник психоанализа З. Фрейд [25], в основе лидерства лежит подавленное либидо — преимущественно бессознательное влечение сексуаль-

ного характера. В процессе сублимации оно проявляется в стремлении к творчеству, в том числе и к лидерству.

Обладание руководящими позициями у многих людей выполняет субъективно-компенсаторские функции, позволяет подавлять или преодолевать различного рода комплексы, чувство неполноценности и т. п. Подчинение лидеру также отражает определенные психологические потребности. Субъективное принятие лидерства закладывается еще в детстве, когда ребенок нуждается в покровительстве и авторитете родителей. По З. Фрейду, потребность в авторитете живет в «массовом» человеке как выражение тоски по отцу. И в этом смысле авторитет руководителя государства подобен авторитету отца семейства. Великие лидеры стараются использовать эту потребность, чтобы вести за собой массы. Механизм принятия ведомыми сильного лидера таков: ребенок, живущий под гнетом отца-тирана, защищает себя, развив механизм повиновения. Жизнь взрослого человека продолжает определяться защитным механизмом, человек получает удовлетворение, подчиняясь начальнику, политическому лидеру, становясь конформистом, винтиком бюрократической машины. З. Фрейд заложил основы метода психобиографий, написав в 1932 г. совместно с дипломатом У. Буллитом психобиографию американского президента В. Вильсона.

Психологическое обоснование лидерству стремился дать и Ф. Ницше [109], представлявший различные процессы общественной жизни в виде модификаций действия воли к власти и могуществу. Однако он полагал, что роли лидера в наибольшей степени соответствует волевая и сильная личность, «сверхчеловек», который пренебрегает духовными и моральными ценностями и возвышается над «обычным» человеком так же, как тот превосходит обезьяну. «Цель человечества, — утверждал Ф. Ницше, — лежит в его высших представителях. Человечество должно неустанно работать, чтобы рождать великих людей — в этом и ни в чем ином состоит его задача».

Заметный вклад в развитие психоанализа внесли ученые франкфуртской школы Э. Фромм [147, 148, 149], Т. Адорно [1] и др. Они выявили тип личности, предрасположенной к авторитаризму и стремящейся к власти. Такая личность формируется в нездоровых общественных условиях, порождающих массовые фрустрации и неврозы и стремление человека убежать от всего этого в сферу господства и подчинения. Для авторитарной личности власть является психологической потребностью, позволяющей избавиться от собственных комплексов путем навязывания своей воли другим людям.

Обладание безграничной властью над другими, их полное подчинение доставляет такому человеку особое наслаждение. Оно является формой своеобразного садизма. Одновременно авторитарная личность имеет и мазохистские черты — при столкновении с превосходящей силой такая личность восхищается ею и поклоняется ей. Слабость же других вызывает у индивидов авторитарного типа презрение и желание унижить их.

Такой тип поведения в психологическом смысле служит проявлением не силы, а слабости. Авторитарная личность, не имея подлинной внутренней силы, пытается убедить себя в обладании ею с помощью господства над другими. Эта личность иррациональна, склонна к мистике, руководствуется в первую очередь эмоциями и не терпит равенства и демократии. Она воспринимает других людей и мир в целом сквозь призму отношений силы-слабости, садомазохизма.

Эмпирические исследования, проведенные Т. Адорно и другими учеными, подтвердили реальное существование авторитарного типа личности, выявили ее некоторые новые черты. В целом же это направление психоанализа значительно расширило представления о внутренних мотивациях стремления к лидерству, хотя, конечно же, не исчерпывает всех типов таких мотиваций. Как уже отмечалось, существуют и некоторые другие типы психологического отношения к лидерству, например игровой, инструментальный и др.

В ряде случаев вопрос о становлении лидера объясняется сугубо психологическими аспектами взаимодействия лидера и групп, например, участие женщин с их тонкой внутренней организацией в политике. Зачастую политический взгляд и соответственно проводимый курс обуславливается темпераментом, складом характера человека и другими субъективными моментами. Так, считается, что холерики склонны к авторитарному способу управления, сангвиники — к оппортунизму, флегматики преисполнены уважения к демократическим свободам и индифферентны к политической борьбе, и т. д. [124–157].

В работах американского психолога Г. Лассуэлла [80] доказывается, что психологической основой политической деятельности является бессознательное вытеснение «частных конфликтов» личности в сферу общественных объектов и последующая их рационализация в понятиях общественных интересов. По мнению автора, проявляющаяся во все более сильной форме потребность во власти имеет компенсаторное происхождение: обладание властью психологически компенсирует ущербность, фрустрацию, испытываемую личностью.

Психологические концепции лидерства можно условно разделить на два основных направления. Согласно первому, в «массовом» человеке живет потребность в авторитете и покровителе. Отсутствие лидера-героя для многих людей становится едва ли не трагедией. И такие люди усиленно ищут себе кумиров и порой создают героев даже из посредственных людей (З. Фрейд [146]).

Второе направление психологической концепции объясняет феномен лидерства существованием определенного типа личностей, предрасположенных к авторитаризму и постоянно стремящихся к власти. Нередко эти люди имеют определенные комплексы неполноценности и, чтобы их компенсировать, стремятся проявить себя, возвышаясь над другими (Э. Фромм [149]).

М. Херманн [153] выделяет три комбинации мотива власти и потребности в любви и одобрении, в зависимости от характера которых формируются соответствующие модели поведения лидера.

В первом случае, когда оба мотива почти одинаково выражены, модель поведения лидера определяется как «модель мотивации очных анклавов». В соответствии с ней выделяется стремление к установлению контроля, с одной стороны, и установлению дружественных связей со своими приверженцами — с другой. Такие лидеры как бы создают вокруг себя анклав из тех, кто их поддерживает и защищает. Мир за границами такого анклава воспринимается как враждебный, и если лидер считает, что анклав угрожают внешние силы, он может прибегнуть к силовым методам, выражая при этом свою агрессивность.

Во втором случае, когда мотив власти выражен несколько сильнее, нежели аффиляция (потребность в общении с единомышленниками), речь идет о «модели имперской мотивации», для которой характерно подчинение лидера воле выдви-

нувшей его группы. Себя он рассматривает только как выразителя интересов и воли группы, жертвуя личными интересами во имя групповых. Лидеров подобного типа отличает высокая работоспособность, чувство ответственности и продуктивность. Они стремятся к сплочению своей группы на основе взаимного доверия и, не заводя себе фаворитов, дают всем ясно понять, что последует за нарушением групповых норм.

Третья комбинация — «модель мотивации конкистадора» — присуща лидерам, чьи потребности во власти значительно превосходят аффилятивные. Политических деятелей с такой комбинацией мотивов отличает частое применение насилия при захвате и осуществлении власти. Они считают, что лучше других знают, что хорошо для государства, нации, социальной группы. Их отличает неспособность к установлению тесных личных контактов с окружением, ибо лица, окружающие лидера, существуют только для того, чтобы проводить в жизнь его волю, реализовывать и воплощать его замыслы. Политики этого склада привержены к установлению своих «правил», которые могут меняться в зависимости от ситуации. В глазах своих последователей они могут обладать харизматическими чертами, которые в дальнейшем могут утрачиваться в силу неэффективности действий и излишней жестокости.

Компенсаторная концепция политического лидерства сейчас довольно широко распространена в политико-психологической науке. В частности, А. Джордж [66, 29] выделил пять типов эйфории, возникающих при компенсации низкой самооценки властью и лидерством:

- чувство незначительности компенсируется чувством уникальности;
- чувство моральной неполноценности — чувством превосходства;
- чувство непосредственности — чувством высочайших способностей;
- чувство слабости — чувством обладания высшей силой;
- чувство неадекватности — чувством компетентности.

Эмпирические исследования политического лидерства в России во многом подтверждают компенсаторную теорию лидерства.

Совокупность различных интерпретаций позволяет увидеть разнообразные стороны политического лидерства, однако еще не дает его целостной картины. *Интерактивный анализ* представляет собой попытку решить эту задачу, осуществить комплексное исследование лидерства. Анализ учитывает четыре главных момента лидерства:

- черты лидера;
- задачи, которые он призван выполнять;
- его последователей и конститuentов (избирателей, приверженцев, всех взаимодействующих с ним субъектов);
- систему их взаимодействия, механизм взаимоотношений лидера и его конститuentов.

И все же создать единую, универсальную концепцию лидерства, по всей вероятности, невозможно, поскольку само это явление чрезвычайно многообразно по своим проявлениям и функциям, зависит от исторических эпох, типов политических систем, особенностей лидеров и их конститuentов и других факторов.

12.3.3. Ситуационная концепция

С природными задатками политического лидера рождается, видимо, значительно больше людей, чем тех, кто лидером становится. Это зависит от того, будет ли востребован сложившейся политической ситуацией тот или иной лидер. Идею зависимости лидерства от определенных социальных условий обосновывает и развивает *ситуационная концепция* (Р. Стогдилл, Т. Хилтон, А. Голдиер [128, 160] и др.). Она исходит из относительности и множественности лидерства. Лидерство рассматривается как функция ситуации. Сущность лидера заключается не в индивидуиде, а в той роли, в которой нуждается определенная группа. Как писал Р. Стогдилл, «лидерство есть связь, которая существует между людьми в какой-то социальной ситуации, и люди, являющиеся лидерами в одной ситуации, не обязательно будут ими в других ситуациях». Именно сложившиеся конкретные обстоятельства определяют отбор политического лидера и детерминируют его поведение. Так, например, ситуация в исламском Иране неизбежно отвергнет политиков европейского или американского типа. Точно так же и религиозный лидер-пророк не сумеет проявить себя на политической арене Запада. Очевидно, что требования к лидеру значительно различаются и в зависимости от того, находится данное государство в состоянии кризиса или развивается стабильно.

С точки зрения ситуационного подхода лидерские качества подвижны и относительны. Один человек может проявить черты лидера на митинге, другой — в повседневной политико-организационной работе, третий — в межличностном общении и т. п. В целом же лидеров отличают главным образом целеустремленность, готовность взять на себя ответственность за решение той или иной задачи, а также компетентность.

Ситуационная теория не отрицает важную роль индивидуальных качеств личности, однако не абсолютизирует их, отдает приоритет в объяснении природы политического лидерства обстоятельствам. На основе этой концепции, подтверждаемой эмпирическими исследованиями, ряд ученых (Э. Фромм [147], Д. Рисмэн [128, 161] и др.) пришли к выводу, что в современном западном обществе большие шансы на успех имеет беспринципный человек, ориентирующийся на политическую конъюнктуру и не задумывающийся о нравственной значимости своих действий.

Однако такие выводы, как и ситуационная теория в целом, подтверждаются далеко не полностью. Ограниченность этой концепции состоит в том, что она недостаточно отражает активность лидера, его способность правильно и своевременно оценить и изменить ситуацию, найти решение острых проблем.

Поэтому многие считают, что нельзя снимать момент активности лидера по отношению к ситуации. Г. К. Ашин [10] приводит в своей работе примечательные слова американского социолога Ю. Дженнингса: «Нет сомнения, что если ситуация созрела для Наполеона, то Наполеон созрел для ситуации. Великие события всегда свадьба между человеком и временем. Великий лидер «чувствует ситуацию и знает ... когда он ее может использовать ... обратить в свой актив».

Чтобы стать лидером, надо познать социальные условия, в которых приходится действовать, познать настроения, психологию, интересы тех людей, которыми надо руководить, вести за собой. И чем сложнее политическая и социальная

жизнь, чем больше функционирует в обществе моделей образов и стилей жизни, тем труднее выйти в лидеры, тем глубже надо знать обстановку.

12.3.4. Теория конститuentов

В политической теории сложилось и *лично-ситуативное* направление в оценке политического лидерства. Сторонники данного направления пытаются найти компромисс в признании роли внешних и внутренних факторов, детерминирующих деятельность лидера (Г. Гертц, Е. Уэсбур, К. Кейс [133, 231], Дж. Браун [25] и др.). Наиболее характерной концепцией такого типа является «теория конститuentов», гласящая, что лидер — это человек, который имеет последователей. Он не кто иной, как выразитель ожиданий внешней по отношению к нему группы последователей. Группа сама выбирает лидера, который удовлетворяет ее интересам (лидер, в сущности, не более чем инструмент группы). «Тайна лидера» состоит не в нем самом, а в психологии и запросах его последователей. Прежде всего, для становления лидера имеют значение ожидания группы. Политологи, принимающие эту теорию, считают влияние ведомых на лидера негативным. Последователи превращают лидеров в марионеток, действующих на «потребу толпы» и живущих по ее критериям.

Лидер стремится удовлетворить стремления толпы, чтобы удержаться у власти. В силу преобладающего внешнего влияния лидер превращается в своеобразную «марионетку», «куклу» поддерживающих его кругов, утрачивая необходимые ему как лидеру самостоятельность и инициативу. Такие подходы широко распространены в реальной политике. В США огромным влиянием пользуются кланы Моргана и Рокфеллера, во Франции — наиболее богатые «двести семей». Широко известно высказывание Крупина в 1932 г.: «Мы наняли г-на Гитлера» [133, 98]. Таким образом, соответствие лидера своему статусу определяется не столько его личными качествами, сколько его способностью удовлетворить интересы тех, кто содействовал его возвышению.

«Именно последователь, — утверждает Ф. Стэнфорд [128, 161], — воспринимает лидера, воспринимает ситуацию и в конечном счете принимает или отвергает лидерство».

Достоинством такого подхода является рассмотрение лидерства как особого рода отношений, выступающих в виде звеньев цепи: конститuentы — последователи — активисты — лидер. Лидер и его конститuentы составляют единую систему. В современной науке круг конститuentов лидера понимается достаточно широко. В него включаются не только политические активисты и все более или менее определившиеся приверженцы (последователи) лидера, но и его избиратели, а также все те, кто взаимодействует с ним, оказывает на него влияние. Анализ конститuentов во многом позволяет понять и предсказать политическое поведение лидера, зачастую действующего вопреки своим собственным политическим привычкам, симпатиям и антипатиям.

Настоящий лидер не может стать просто инструментом соответствующей социальной группы и превратиться в марионетку. В этом случае он останется выразителем лишь сиюминутных потребностей массы. Это будет просто вожак или, как в «Оптимистической трагедии» В. Вишневского, — «вожачок». Он не сможет вы-

вести массы за пределы их обыденных требований, на дорогу борьбы за ликвидацию причин их неудовлетворительного положения. Он останется послушным рупором «низов». Но потакание «низам» столь же разрушительно для политика, как и пресмыкательство перед «верхами». Русские мыслители прошлого говорили, что пресмыкательство политика перед «Его Величеством пролетариатом» столь же унижительно, как и перед любым другим «Величеством».

Анализ характеристик последователей, по мнению М. А. Василика и М. С. Вершинина [29, 157], включает в себя рассмотрение их

- потребностно-мотивационной сферы;
- эмоциональной сферы;
- процессов познания и восприятия;
- типологических особенностей последователей, т. е. национального характера, архетипов, ориентации, установок;
- социально-психологических особенностей;
- представлений, ценностей, идеологии, самооценки общества, прототипов политического лидера, системы убеждений;
- структурных особенностей, существующих в среде последователей, включающих их организацию;
- поведение последователей, включающее обратную связь и самостоятельную активность.

В формировании и функционировании отношений «лидер — конституенты» особенно велика роль активистов. Именно они достаточно компетентно оценивают личные качества и возможности лидера, организуют кампании в его поддержку, выступают «приводным ремнем», связывающим его с массами, т. е. «делают» лидера.

Через конституентов проявляется воздействие на политику господствующей политической культуры и прежде всего ценностных ориентаций и ожиданий избирателей. В демократическом государстве претенденты на роль политических лидеров могут рассчитывать на успех лишь в случае совпадения их имиджа с ожиданиями большинства народа. Имея немалые достоинства, трактовка лидера как выразителя интересов и представлений конституентов, подобно его ситуационной интерпретации, плохо работает при объяснении инноваций, самостоятельности и активности лидера. История свидетельствует, что некоторые весьма важные действия руководителей идут вразрез с интересами и ожиданиями приведших их к власти социальных слоев и сторонников. Яркий пример тому — политическая деятельность Сталина, который за полтора десятилетия своего господства почти полностью уничтожил большевиков, ранее приведших его к власти, а заодно и более половины членов собственной партии.

Взаимодействие лидера и его конституентов — обоюдонаправленное, двустороннее движение. Причем лидеры могут в значительной мере менять свою социальную опору. Самостоятельность лидера по отношению к конституентам прямо зависит от характера политического строя, от степени концентрации власти в руках руководителя и от политической культуры общества в целом. Наибольшие возможности для субъективистской и волюнтаристской политики имеют лидеры в авторитарных и тоталитарных системах, где они могут порою поставить под угрозу само существование всей нации, как это пытался сделать, например, Гитлер накануне поражения нацистской Германии.

Наиболее удачные результаты дают теории, базирующиеся на анализе различных факторов. Известный американский исследователь М. Херманн [120] отмечает следующие группы факторов:

- исторический контекст (или ситуация);
- психологические характеристики лидера;
- последователи или сторонники лидера;
- отношения между лидером и его последователями;
- поведение лидера.

Особое внимание она обращает на психологические характеристики. Среди них она выделяет:

- «базовые» политические убеждения лидера;
- его политический стиль (например, склонность к работе в группе или в одиночку);
- способность к детальному изучению проблем или получению лишь обобщенной информации и т. д.);
- мотивацию достижения лидирующих позиций;
- реакции лидера на стрессы и давление;
- способ, которым он достиг своего положения;
- предшествующий политический опыт лидера;
- политический климат, в котором происходило становление лидера.

Таким образом, от одностороннего психологизма в анализе лидерства политическая наука перешла к более целостному исследованию данного феномена с использованием социологических подходов. Социальная природа лидерства указывала на то, что оно является результатом взаимодействия лидера и его сторонников, т. е. двустороннего влияния.

12.3.5. Интегративные теории

Каждая из рассмотренных выше теорий имеет свои сильные и слабые стороны. Поэтому поиск универсальной теории, раскрывающей природу политического лидерства, продолжается.

Еще в 1952 г. Г. Герт и С. Милз описали четыре фактора, которые необходимо учитывать при исследовании политического лидерства:

- черты и мотивы лидера как человека;
- образы лидера и мотивы, существующие в сознании его последователей, побуждающие их следовать за ним;
- характеристики роли лидера;
- институциональный контекст, то есть официальные и правовые параметры, в которых работает лидер и в которые он и его последователи вовлечены.

Комплексное (интегративное) понимание политического лидерства подразумевает анализ всей совокупности переменных, влияющих на характер и содержание лидерства, в том числе:

- 1) изучение личности лидера, его происхождения, процесса социализации и способа выдвижения;

- 2) анализ окружения лидера, его последователей и оппонентов;
- 3) рассмотрение отношений между лидером и сторонниками;
- 4) исследование социальных условий выдвижения в лидеры;
- 5) анализ результатов взаимодействия лидера и его сторонников в конкретных ситуациях.

Социологическая трактовка природы лидерства больше сосредоточивает внимание на анализе взаимодействия лидера и его последователей. Она позволяет выявить технологию эффективного лидерства, понять логику политического поведения лидера. В рамках интегративного подхода в последнее время доминируют мотивационные концепции лидерства и теории, акцентирующие внимание на специфике политических стилей. Последнее направление, с точки зрения В. А. Дейшле и др., позволяет выявить предсказуемость действий политического лидера и их возможную эффективность [55, 185].

Одна из наиболее показательных современных трактовок политического лидерства — «рыночная теория» (Н. Фролих, Дж. Оппенгеймер [128, 156], О. Янг [133, 98] и др.). С точки зрения этой теории лидер выступает как своеобразный торговец особым родом благами (безопасностью, правосудием и т. п.), а его целью является получение дохода от разницы между мобилизуемыми и реально затраченными на решение определенной задачи ресурсами. Поэтому лидеры должны заботиться, в первую очередь, об экономии средств налогоплательщиков, разумном расходовании государственных запасов, минимизации хозяйственных и политических рисков и т. д.

К влиятельным современным доктринам, объясняющим природу и назначение лидерства, относится и *реляционная теория* (Дж. Шеннон, Л. Селигмен [133, 98]), в которой доводы и аргументы строятся на основе комплексного, системного учета факторов, относящихся к внешней среде, к индивидуальным и личностным качествам властвующего лица, а также к особенностям ситуации и иным обстоятельствам, определяющим поведение лидера. В рамках данной теории создаются многочисленные методики эффективного отбора и подготовки лидеров.

§ 4. КЛАССИФИКАЦИЯ, ФУНКЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЛИДЕРСТВА

Лидер наделяется особыми, порой неограниченными полномочиями. Но с него, как правило, и особый спрос. Если лидер не оправдывает возложенных на него надежд, то он может не только потерять свое лидерство, но и понести более суровое наказание. Количество и содержание функций политического лидера зависит от целого ряда факторов: от типа политической системы и политического режима, политической культуры, от конкретных задач, стоящих перед страной, до расстановки политических сил.

12.4.1. Функции политического лидерства

Существование лидеров и лидерства, в том числе политического, функционально обусловлено. При характеристике основных этапов деятельности лидеров, В. П. Пугачев [128, 166] выделяет три их *общие функции*:

- политический диагноз, предполагающий анализ и оценку ситуации;

- определение направления и программы деятельности, служащей решению общественной проблемы;
- мобилизация исполнителей (должностных лиц, бюрократии и масс) на реализацию целей.

Более конкретная, содержательная характеристика лидера предусматривает выполнение следующих функций:

1. Интеграция общества, объединение масс. Лидер призван воплощать в себе и представлять во взаимоотношениях с другими государствами национальное единство, объединять граждан вокруг общих целей и ценностей, подавать пример служения народу, отечеству. Задача поддержания консенсуса в обществе, по мнению Р. Т. Мухаева, — это ключевая функция политического лидера. Поддержание социальной целостности общества невозможно без целенаправленных усилий в русле сплочения всех социальных слоев общества. Именно преодоление кризисных явлений и своевременное разрешение противоречий способствуют развитию интегративных общественных процессов и поддержанию целостности социальной системы. Невнимание к обострившимся социальным вопросам способно вызвать не только социальную напряженность, но и политическую нестабильность [106, 144]. Поэтому значение интегративной функции поистине трудно переоценить.
2. Нахождение и принятие оптимальных политических решений. И хотя лидеры не застрахованы от ошибок и часто действуют не лучшим образом, все же их пребывание в руководстве обычно оправдывается именно способностью найти наиболее приемлемые пути решения общественных задач.
3. Социальный арбитраж и патронаж, защита граждан от беззакония, самоуправства бюрократии, различного рода нижестоящих руководителей, поддержание порядка и законности с помощью контроля, поощрения и наказания. Социальный патронаж на деле реализуется далеко не всегда, но вера в «хорошего царя», «отца народов», «народного президента» и т. п. до сих пор широко распространена не только в массовом сознании народов с преимущественно патриархальной политической культурой, но и в странах с вековыми демократическими традициями.
4. Коммуникация власти и масс, упрочение каналов политической и, особенно, эмоциональной связи и тем самым предотвращение отчуждения граждан от власти. В условиях сложной, многоступенчатой иерархии государственных органов и их бюрократизации личностное восприятие власти особенно значимо для преодоления недоверия к ней, формирования у населения гражданского сознания, патриотизма. С помощью телевидения и других СМИ, в ходе встреч с избирателями и других мероприятий политические лидеры имеют достаточно широкие возможности непосредственного общения с народом.
5. Инициирование обновления, генерирование оптимизма и социальной энергии, мобилизация масс на реализацию политических целей. Лидер призван охранять народные традиции, обеспечивать прогресс общества, вселять в массы веру в социальные идеалы и ценности. В большей мере выполнение этих функций присуще харизматичным лидерам, но не только им. Например, американский президент Р. Рейган довольно успешно справился с задачей преодоле-

ния «вьетнамского синдрома», национального пессимизма и апатии, распространившихся в США после поражения в войне с Северным Вьетнамом.

Новаторская функция означает, что политический лидер вносит новые, конструктивные идеи социального устройства общества. Для этого разрабатываются новые политические программы и стратегические планы общественного развития, осуществляются обновление, реорганизация политических структур. Аккумулируя и генерируя новые идеи и концепции, политический лидер формулирует новые социальные цели и задачи, обосновывает стратегические приоритеты и тактические способы и методы их достижения. При этом каждое политическое решение должно быть глубоко продумано, тщательно проанализировано на многовариантной основе, поскольку сфера политики — вид рискованной деятельности, затрагивающей судьбы миллионов людей. Выдвижение общенациональных целей и программ требует всестороннего анализа социальных, материальных, финансовых и политических ресурсов их реализации.

6. Легитимация строя. Эта функция присуща главным образом лидерам в тоталитарных и авторитарных государствах. Когда политический режим не может найти своего оправдания в исторических традициях, национализме и демократических процедурах, он вынужден искать его в особых качествах харизматических лидеров, которые наделяются необыкновенными, пророческими способностями и в большей или меньшей мере обожествляются. Так было в нашей стране, когда большевистская власть, безжалостно разрушая многовековые традиции, узаконивала свои действия гипертрофированным авторитетом Маркса, Ленина и Сталина, наделяя их чертами земных божеств и усиленно насаждая культ их личностей.

Даже простое перечисление функций политического лидерства показывает, что без лидерства и лидеров общественная и особенно политическая жизнь невозможна. Этот институт дает идейное и организационное начало любым практическим действиям людей, осуществляет руководство ими в процессе реализации их целей и задач. В центре политического лидерства как социального института и механизма воздействия на массы людей стоит политический лидер. От его личностных качеств зависит успех их действий.

Наиболее полно функциональные особенности политического лидерства проявляются на общегосударственном уровне. Главная задача этого политического института состоит в осуществлении широкого круга *организационно-управленческих* функций, предполагающих многочисленные действия по выработке, подготовке, принятию и реализации решений; координации действий участвующих в этом процессе структур; согласовании интересов тех или иных звеньев и т. д.

Функции политического лидерства, как подчеркивает В. И. Чугунов, варьируются в зависимости от его типологических особенностей и от сущностных характеристик политических режимов, в которых они реализуются [158, 171].

При тоталитарном режиме политическое лидерство функционально обеспечивает абсолютную власть, полное господство идеологической и социально-политической системы над гражданами, государства — над обществом. Функция вождя — центральная при тоталитаризме. Все остальные лидеры лишь подражают ему в организации функционирования системы: каждый под контролем выполняет свою работу, вольнодумцев изолируют, возмущающихся — уничтожают.

При авторитарном режиме среди функций политических лидеров меньшее их количество связано с насилием и принуждением, хотя они и занимают центральное место. Поддержание авторитета первого, ведущего политического функционера — важнейшая задача правящей группировки, всех средств массовой информации и элементов авторитарной системы. Все лидеры стремятся осуществлять свои функции в формально легальном поле с рудиментами парламентаризма.

При демократическом режиме политические лидеры выполняют свои функциональные обязанности в правовом государстве на основе принципов плюрализма, открытости и гласности, с обязательным соблюдением прав человека и гражданина. В этих условиях ведущую роль играют инициативные лидеры, умеющие самостоятельно определять политические цели и указывать важнейшие направления действий своим сторонникам, давать им обоснованную программу и увлекать за собой. При этом лидеры должны быть красноречивыми, способными привлекать к себе внимание, уметь нравиться избирателям и всем политически активным гражданам, обладать чувством юмора и тактом, быть интеллигентными и эрудированными, постоянно подчеркивать свою лидирующую роль в решении политических задач.

12.4.2. Уровни лидерства

В современном обществе политическое лидерство, как подчеркивает К. А. Воробьев [33, 324], существует на трех социальных уровнях, выполняя на каждом из них различные функции.

Первый уровень — лидерство в малой социальной группе, члены которой объединены общими политическими интересами (например, группа сотрудников, составляющих какой-то орган власти). В этом случае лидерство представляет собой механизм организации деятельности данной группы людей, направленности ее на решение определенных задач. Лидер должен обладать способностью принимать правильные компетентные решения, брать на себя ответственность за результаты их выполнения. Действия лидера должны отвечать групповым интересам людей. Лидерство на этом уровне может осуществляться также и в небольшой общественной организации. Здесь оно будет иметь, скорее всего, форму неформального лидерства. И чем менее легитимизирован механизм власти данного лидера над людьми этой организации, тем большее значение приобретают личные качества лидера и стиль его деятельности.

Второй уровень политического лидерства — это руководство политическими партиями и общественно-политическими движениями, имеющими целью пройти во власть, получить хотя бы часть ее. За этими партиями и движениями, как правило, стоят конкретные социальные слои и организации, члены которых связаны общими политическими интересами. На этом уровне лидерства особую значимость приобретает способность лидера адекватно выражать интересы ведомых им людей, более того — формировать эти интересы, если они недостаточно развиты у них, формулировать требования к властям и организовывать действия масс по их реализации. Поскольку власть лидера в данном случае, особенно в общественно-политических движениях, чаще всего нелегитимна и не имеет под собой объективных оснований, постольку лидерство здесь базируется в основном на авторитете

лидера, на его «образе», который должен соответствовать ожиданиям ведомых, их надеждам. Из такого лидера при определенных условиях может вырасти диктатор.

Третий уровень политического лидерства связан с государственной властью и властными отношениями. Он представляет собой способ организации власти по управлению обществом в условиях демократического политического режима, когда борьба за лидерство во властных структурах ведется легальными, цивилизованными методами, а не путем заговоров и интриг. Особенно ответственна миссия политического лидера на уровне высшего эшелона государственной власти. От его деятельности зависит судьба миллионов людей, а нередко и положение государства в системе международных отношений. Он должен обладать поистине универсальными качествами, чтобы соответствовать своему социальному статусу. Жизнь показывает, что не все высшие государственные руководители обладают такими качествами.

На всех уровнях политического лидерства лидеры, как индивиды, естественно, различаются по своим личностным качествам, способностям, природным склонностям. Соответственно различны и стили их деятельности, их понимание ситуации, отношение к объективной действительности. По этим характеристикам выделяются различные типы политических лидеров.

12.4.3. Типы лидерства

Лидерство как механизм воздействия на массы людей различно по своему внутреннему содержанию и социальной природе. Это обусловлено как объективными факторами, внешней средой лидерства, так и качествами его субъекта (лидера). В современной политологической литературе существуют различные системы типологии политического лидерства, оценки личностных свойств и стилей деятельности лидеров.

Одной из наиболее общих типологий является деление всех лидеров на *обычных* (реальных) и *великих* (как великих героев, так и великих злодеев). Первые, реальные лидеры, не оставляют заметного личного следа в истории, не изменяют обычного хода событий. Вторые, лидеры-герои (злодеи), имеют собственное видение политики и пытаются осуществить в ней свои замыслы, влекущие большие социальные и политические перемены.

В зависимости от отношения руководителя и подчиненных широко распространено деление лидерства на *авторитарное и демократическое*. Авторитарное лидерство предполагает единоличное направляющее воздействие, основанное на угрозе санкций и применении силы. Демократическое лидерство выражается в учете руководителем интересов и мнений всех членов группы или организации, в их привлечении к управлению.

Многие исследования лидерства опираются на типологию, разработанную немецким философом и социологом М. Вебером [30, 646]. Он выделял три типа лидерства:

- традиционное лидерство — право на лидерство, принадлежность к элите, вера в святость традиций (характерно для «доиндустриального» общества);
- харизматическое лидерство — вера в способности вождя, его исключительность, культ личности;

- рационально-легальное лидерство — вера в законность существующего порядка.

Данная классификация лидерства проста и удобна, но, как и любая другая классификация, ограничена в применении. В основе первого типа лидерства лежит привычка, второго — разум, третьего — вера и эмоции. М. Вебер особое внимание уделял анализу харизматического лидерства. Он оценивал лидера этого типа как важнейший движитель, генератор обновления общества в кризисные периоды, поскольку харизматический вождь и его авторитет не связаны с прошлым, способны мобилизовать массы на решение задач социального обновления. В относительно спокойные периоды развития для общества предпочтительнее рационально-легальное лидерство, оберегающее исторические традиции и осуществляющее необходимые реформы. В целом в истории многих государств наблюдается определенная последовательность в смене типов политического лидерства. Вождь-основатель (харизматик) сменяется традиционным лидером-охранителем, который, в свою очередь, уступает место реформатору-законодателю.

Харизма складывается из реальных способностей лидера и тех качеств, которыми его наделяют последователи. При этом индивидуальные качества лидера нередко играют второстепенную роль в формировании его харизмы. Харизматическими лидерами были, например, Ленин, Сталин, Ким Ир Сен, Фидель Кастро.

Крайняя, максимально завышенная оценка роли лидера, его личностных качеств, нередко приписываемых ему, а не реальных, рождает культ личности лидера. Происходит его как бы обожествление. Любое сомнение в правильности действий такого лидера осуждается обществом, а иногда и наказывается.

А. М. Гантер (США) [29, 158] выделяет шесть основных характеристик, присущих харизматическому лидеру:

- «обмен энергией», или умение воздействовать на людей эмоционально, способность заряжать энергией окружающих;
- «завораживающая внешность», или образ, вызывающий симпатию у масс;
- «хорошие риторические способности и некоторый артистизм», или выдающиеся коммуникативные способности, искусство и дар увлекать своими выступлениями большие скопления людей;
- «положительное восприятие восхищения своей персоной», или состояние психологического комфорта при повышенном внимании и восхищении со стороны общества;
- «независимость характера», проявляющаяся в способности полагаться только на себя;
- «достойная и уверенная манера держаться», или имидж сильного человека, способного добиваться великих целей.

Разнообразие типов лидеров во многом объясняется богатством направлений их деятельности, широким кругом решаемых задач, которые, в свою очередь, зависят от конкретной ситуации. Они возникают на базе определенных потребностей общества, социальных групп и организаций. Р. Зиллер (США) [127] предлагает типологию личности политических лидеров на основе исследования самооценки и сложности *Я-концепции* (аспекты *Я-концепции*: образ *Я*, самооценка и социальная ориентация лидера):

- «аполитичные» политики — деятели с высокой самооценкой и высокой сложностью *Я-концепции*, которые ассимилируют новую информацию, касающуюся

ся их, без угрозы для их *Я-концепции*, но при этом для их реактивности существуют серьезные ограничения; они чувствуют себя оторванными от других и поэтому с трудом реагируют на поведение своих последователей или населения государства в целом; «прагматики»;

- лидеры с низкой самооценкой и высокой сложностью *Я-концепции*, отвечающие на широкий круг социальных стимулов; они прислушиваются к мнениям других людей и модифицируют свое политическое поведение на основе обратной связи; «идеологи»;
- лидеры с высокой самооценкой и низкой сложностью *Я-концепции*, не реагирующие на мнения других; их познавательные процессы и поведение очень жестки, а самооценка чрезвычайно стабильна; «недетерминированные»;
- деятели с низкой самооценкой и низкой сложностью *Я-концепции*, которые интенсивно реагируют на узкий круг социальных стимулов.

М. Херманн (США) [153] выделила четыре подхода в определении лидерства и дала свою типологию лидеров. Она различает типы лидеров:

- «*знаменосца*» (у «знаменосца» есть идеал, ради которого он стремится изменить политическую систему; лидер определяет цели и указывает направление деятельности своим последователям, дает им обещания и увлекает за собой; яркими представителями такого типа лидерства были В. И. Ленин, Мартин Лютер Кинг, Хомеини);
- «*коммивояжера*» (характерной чертой лидера-«коммивояжера» является способность убеждать, благодаря которой он «продает» последователям своим идеи и вовлекает их в осуществление этих идей; данный тип лидерства предполагает тщательное отслеживание потребностей людей и помощь в их удовлетворении);
- «*марионетку*» (в лидере-«марионетке» видят служителя, выразителя интересов своих приверженцев; таким лидером руководят и придают ему силу его сторонники; лидер — агент группы, отражающий ее цели и работающий от ее имени);
- «*пожарника*» (лидер-«пожарник» ориентируется на самые актуальные, жгучие общественные проблемы, насущные требования момента; действительность создает спрос — лидер дает ответ).

В реальной политической практике большинство лидеров выступают и в роли «знаменосцев», и в ролях «коммивояжера», «марионетки» и «пожарника».

В зависимости от характера цели и воздействия, оказываемого лидером на общество, американский политолог Р. Такер [140] выделяет три типа политических лидеров:

- *консерваторы* (позиция консерваторов состоит в сохранении статус-кво общества; соответственно вся активность политического лидера, его программа и все его действия направлены на обоснование необходимости сохранения общества в его современном виде; это не самый многочисленный тип политических лидеров);
- *реформаторы* (реформаторы стремятся к радикальному преобразованию общественного устройства посредством проведения широкомасштабного реформирования, прежде всего властных структур; к реформаторам, например,

относился Мартин Лютер Кинг, известный организатор реформаторских движений);

- *революционеры* (революционеры ставят целью переход к принципиально иной общественной системе; история показывает, что мирный путь в этом случае — большая редкость; «Архитипичным» революционным политическим лидером он называет К. Маркса).

К. А. Воробьев [33, 326] приводит следующую типологию:

- *лидер-теоретик* обладает фундаментальными теоретическими знаниями и воздействует на массы силой своего интеллекта и теоретического обоснования происходящего политического процесса, в котором он лидирует (эта форма воздействия на ведомых рассчитана на теоретически подготовленных людей);
- *лидер-аналитик* — это человек с гибким мышлением, широким кругозором, прогностическими способностями; он просчитывает последствия своих действий и действий идущих за ним людей, не поддается их сиюминутным требованиям и настроениям, готов идти на непопулярные меры ради конечных целей);
- *лидер-реалист* всегда исходит из объективной обстановки, как бы она ни складывалась; в соответствии с ней он действует, корректирует свои планы, ставит перед исполнителями промежуточные задачи, имея в виду и конечные цели движения масс;
- *лидер-организатор* отдает предпочтение организаторской работе; его меньше интересует теоретическая сторона дела, а больше кропотливая повседневная работа по расстановке кадров, сплочению людей, разъяснению им последовательности действий по решению конкретных задач (лидеры с организаторскими способностями добиваются очень многого, выходят победителями из сложных ситуаций).

В основе другой типологии политического лидерства лежат различия в механизме воздействия лидера на массы. По этому основанию выделяются следующие типы лидерства:

- *формальное лидерство* связано с деятельностью назначаемого руководителя; между лидером и ведомой им общностью людей, трудовым коллективом устанавливаются предписанные законом, правилами функциональные отношения;
- *неформальное лидерство* возникает на основе личных отношений с членами группы или организации и признания за одним из членов коллектива морального авторитета, таких его качеств, которые способны сделать данного человека лидером в этой группе.

Идеальным для лидерства является эффективное сочетание обеих основ власти. Особенно оно распространено в малых социальных группах, где оба этих вида лидера могут дополнять друг друга, действовать согласованно, иногда даже могут сочетаться в одном лице, но могут вступать в конфликт, и тогда эффективность деятельности данного коллектива падает.

Лидерство бывает личное и групповое. Примером группового лидерства может служить правящая политическая партия, создаваемые в ходе революционных пот-

рясений различные революционные, военные комитеты и т. д. В прошлом в нашей стране главным и единственным политическим лидером была Коммунистическая партия, а вернее — Политбюро ЦК КПСС.

Сегодня политологию больше интересует проблема личного политического лидерства. Это связано с тем, что в современных условиях заметно падает престиж политических партий. Люди иногда не видят, кто же конкретно ответственен за дела в стране, особенно за провалы в экономике, за ухудшение материального положения народа, за преступность. Представители политических партий дают много обещаний, провозглашают программы, а когда обещания не выполняются — спросить не с кого. Поэтому народ больше обращает внимание на конкретных людей в руководящих государственных и партийных структурах и хочет иметь дело с конкретными политическими лидерами. Избиратели отдают за них голоса на выборах и требуют от них конструктивной деятельности. В этом, по мнению К. А. Воробьева, заключается социально-психологическая основа президентства как политического института [33, 324].

Среди отечественных ученых распространена типология лидерства, основанная на принципах

- *историзма* (тип лидерства зависит от характера эпохи как продукт социальной среды);
- *масштабности* (общенациональные, лидеры определенного класса, лидеры тех или иных социальных групп);
- *классовости*;
- *корреляции* по отношению к существующей социальной структуре (принцип «функциональный», стабилизирующий, способствующий ее развитию, и «дисфункциональный», стремящийся ее разрушить; «рутинный» и «кризисный»);
- *способности*, т. е. личных качеств или обстоятельств, позволивших лидеру выдвинуться;
- *роли* (лидеры-инициаторы (вдохновители) или продолжатели начатого (исполнители) [9]).

Возможности и роль лидера оппозиционной партии, который отражает групповые интересы, отличаются от функции общенационального лидера, призванного выразить и интегрировать общие интересы нации. Не случайно современный французский политолог Ж.-Л. Кермонн [67, 420] различает следующие типы лидеров:

- *государственный деятель* — это человек, причастный к управлению страной, но не связанный с конкретной партией; его способности позволяют вывести власть и вместе с ней государство из сложной ситуации.
- *нотабль* — человек, собравший в определенном округе наибольшее число голосов избирателей, что позволяет ему выдвигаться в первые ряды «политического класса».
- *собственно лидер* — личность, обладающая способностью решающим образом влиять на партийный аппарат и одновременно успешно выполнять важные правительственные обязанности.

На основе эмоционального отношения к лидеру его последователей С. Джибб [124, 193] сформулировал три типа лидеров:

- «патриарх», по отношению к которому члены общества испытывают одновременно чувство любви и страха;
- «тиран», в отношении к которому доминирует чувство страха;
- «идеальный» тип, который характеризуется чувством симпатии к нему со стороны большинства социальных групп.

В современной западной политологии широко распространен функционально-ролевой подход к изучению лидерства. Э. де Боно [23] предложил следующую типологию лидеров:

- «генератор идей»;
- «синтезатор»;
- «коммуникатор»;
- «организатор»;
- «дипломат».

Интересный подход к проблеме классификации политического лидерства предложил Ж. Блондель [22], Он попытался выработать два измерения политики лидеров на основе того, стремятся ли они *изменить* или *сохранить* существующее положение и каковы масштабы проблем, с которыми они имеют дело.

Богатая политическая практика способствует постоянному возникновению в разных странах новых типов политического лидерства. Особенно заметны новые очертания типов лидерства в переходных обществах, где еще только выкристаллизовываются новые связи и отношения в сфере власти.

12.4.4. Стили лидерства

Факторно-аналитическая концепция вводит в теорию лидерства понятие целей и задач, связанных с определенной ситуацией. В результате взаимодействия индивидуальных качеств лидера и стоящих перед ним целей и условий их осуществления вырабатывается стиль поведения, составляющий его «вторую природу». *Политический стиль* — емкое понятие, содержание которого включает совокупность стандартных процедур выработки и принятия решений, определения политического курса и методов его осуществления, различные способы взаимодействия лидера с последователями, типы реагирования на возникающие проблемы и требования различных групп населения.

Американский политолог Р. Барбер понимает под политическим стилем «набор образцов привычных действий личности в ответ на ролевые требования» [124, 195]. Е. А. Шаталин определяет политический стиль как «характер взаимодействия лидера с окружением, способ реагирования на возникающие проблемы, методы осуществления политического курса» [160, 51].

Возрастание роли психологических факторов в процессе лидерства привело к переносу в политическую науку терминов психологии, в которых описывается политический стиль. Они более полно отражают мотивацию политического поведения, совокупность устойчивых психологических реакций лидера на события и процессы, в том числе стрессовые; позволяют учитывать значение бессознательных факторов. Наиболее характерные черты политического стиля позволяют определить тип лидера, его эффективность для конкретных условий, предсказу-

мость его действий. В последние годы в политико-психологических исследованиях получает распространение классификация лидеров по стилю поведения.

Параноидальному стилю поведения соответствует тип политического лидера, которому свойственны недоверие к окружающим, подозрительность, сверхчувствительность к скрытым угрозам и мотивам, постоянная жажда власти и контроля над другими людьми. Его поведение и действия часто непредсказуемы. Политик параноидального стиля обычно не приемлет другой точки зрения, кроме собственной, отвергает любую информацию, не подтверждающую его теории, установки и суждения. Мышление подобного политика инверсионное, разделяющее реальность на крайности по типу «белое» — «черное», «друзья» — «враги» и т. д. Стремление к безграничной власти обеспечивается постоянным манипулированием своими подчиненными, интригами и сталкиванием подчиненных друг с другом в собственных интересах. Подобный стиль часто сопровождается желанием во что бы то ни стало подавить или унижить другого политика, даже вопреки элементарной логике. Опасность такого лидера состоит в том, что его стиль может совпадать с политическим поведением широких масс в обществах, в которых отсутствуют устойчивые демократические традиции, зрелая культура. Ненависть к другим, подозрительность и озлобленность индивидов формируют обстановку всеобщего страха, доноительства, поиска «врагов», что является благоприятным для установления тоталитарных режимов. Подобный политический стиль внешне не столь эффектен. Политик такого стиля может обладать значительным ресурсом мобилизации населения, способен решать стратегически важные задачи в исторически ограниченные сроки, последовательно осуществлять свой курс. Но «хозяин» может эффективно лидировать, только опираясь на развитую карательную систему, на политический террор.

Демонстративный стиль характерен для политических лидеров, которых условно можно назвать «артистами». Они любят внешние эффекты, хотят нравиться публике, привлекать к себе внимание. Такой лидер «играет на публику». Его отличают любовь к внешним эффектам и демонстрациям, страстное желание нравиться, постоянно привлекать к себе внимание. Во многом его поведение, политические действия зависят от того, нравится ли он другим, любим ли ими. Поэтому «артист» в меру управляем, предсказуем; он может потерять бдительность из-за лести, может лишиться самообладания, столкнувшись с критикой в свой адрес. Реализация лидером с таким политическим стилем продуманного политического курса оказывается невозможной в силу изменчивости мотивации политического поведения «артиста». Ориентация на стимулы, в основе которых лежит желание любой ценой получить одобрение масс и политическое признание, вынуждает лидера приносить в жертву не только общественно значимые интересы, но даже свои собственные политические убеждения. Представители демонстративного стиля менее всего предрасположены к упорной и созидательной работе, рассчитанной на длительное время. Они хороши в переломные моменты (в ситуациях недовольства, разочарования), когда надо возбудить и повести за собой толпу. Однако надолго их энергии не хватает, вследствие чего им редко удается завершить начатое дело.

Компульсивный стиль поведения политического лидера отличается стремлением делать все наилучшим образом независимо от обстоятельств. Такой лидер пос-

тоянно озабочен, мелочен, чересчур пунктуален, педантично соблюдает все инструкции и правила. Комппульсивный политический стиль характеризует лидера, собирательный образ которого можно обозначить термином «отличник». Ему свойственно почти навязчивое желание все сделать наилучшим образом, независимо от возможностей. Стиль его поведения характеризуют напряженность, отсутствие легкости, гибкости, маневра. Это фактор постоянных конфликтов во властных структурах. Но зато «отличник» чувствует себя комфортно в экстремальных условиях, когда необходимо быстро принимать решения, использовать стандартные методы. Любые отклонения от запланированного вида деятельности для него болезненны, а опасность совершить ошибку способна ввергнуть его в панику. Поэтому «отличник» строго следует избранному политическому курсу, даже если он и не отражает реальности, стремится не поступаться принципами, на основе данных позиций объединяться с другими «отличниками». Постоянно изменяющиеся условия способствуют потере социальных ориентиров, чувства времени у «отличника». Он иногда рискует завести общество в тупик, обречь на застой и кризис, вопреки своим искренним намерениям обеспечить процветание государства.

Депрессивный политический стиль олицетворяет «соратник». Лидер этого типа не способен играть ведущую роль и поэтому пытается объединиться с теми, кто реально может «делать политику». «Соратник» часто идеализирует других политиков и политические движения, а сам тянется в хвосте событий. Он не имеет четкого политического курса, устойчивых подходов к решению возникающих проблем. Политическую реальность воспринимает настороженно и пессимистически, постоянно обнаруживая слабость и политическое безволие.

Шизоидальный политический стиль тесно связан с депрессивным. Его представляет лидер «одиночка». Самоизоляция и самоустранение от участия в конкретных событиях у него имеют более отчетливый характер. «Одиночка» не желает присоединяться ни к какому конкретному движению и предпочитает позицию стороннего наблюдателя. Политическая ответственность в подобных случаях практически отсутствует. Естественно, стремление к лидерству не позволяет долго удерживаться на позициях стороннего наблюдателя, заставляя либо присоединяться к какому-либо движению, партии, либо создавать собственную партию. Шизоидальный стиль поведения исторически преходящ и неэффективен. «Одиночка» по мере участия в политической жизни и расширения властных полномочий, как правило, трансформирует свой стиль, дополняя его играми параноидального и демонстративного стиля.

Для определения политического стиля используют и политологические термины. Для *авторитарного стиля* лидерства характерен упор на жесткие распоряжения, угрозы, директивы. Лидер четко обозначает цель, намечает комплекс мер по ее достижению, распределяет роли и требует безусловного повиновения и исполнения поставленной цели. Позиция члена группы, его мнение и инициативы в случае расхождения с установками лидера жестко подавляются. Основной метод воздействия на подчиненных — санкции или угроза их применения, поощрения и вознаграждения — крайне редки. Оценки результатов предельно субъективны. С точки зрения социального пространства, лидер занимает позицию над группой.

Демократическому стилю соответствует иной подход лидера к организации взаимодействия внутри группы. Для успешного достижения целей поощряется ак-

тивность и инициативность членов группы. Усилия лидеров сосредоточены на координации ролевого поведения, а также межгруппового взаимодействия. В арсенале методов доминируют поощрения, вознаграждения, похвала, поддержка. Лидер с демократическим стилем охотнее использует методы манипулирования, нежели методы прямого насилия и давления. Принимая решение, лидер стремится взвесить и учесть все точки зрения, в том числе и те, которые противоречат его собственным установкам. Демократическое лидерство предполагает, что члены ведомой социальной общности участвуют в выработке решений и механизма их реализации, тем или иным образом воздействуют на лидера или лидирующую группу и даже принимают участие в формировании этой группы (например, через выборы органов власти, партийных органов и т. п.).

Лица, придерживающиеся *стиля невмешательства*, редко проявляют стремление к какой-либо деятельности. Их позиция — положение стороннего наблюдателя, внимательно следящего за происходящим, но не выражающего своего отношения к событиям или мнениям. «Невмешивающиеся» лидеры всячески стараются избегать роли арбитра, судьи, некоего посредника в урегулировании конфликтов. При малейшей возможности они охотно уступают или передают функции по разрешению конфликтов своим заместителям.

Американский политолог Р. Барбер [124, 195] типологизацию стилей лидерства основывает на измерении меры активности личности в исполнении президентских функций и ее отношения к выполняемым обязанностям. Обе меры измеряются при помощи шкал: *активность—пассивность* (в выполнении возложенных функций) и *позитивное — негативное* (отношение к своим обязанностям). Совмещая различным образом эти шкалы, он получил четыре типа стилей:

- активно-позитивный, ориентирующий на достижение;
- активно-негативный, направленный на удовлетворение личного самолюбия;
- пассивно-позитивный, характеризующийся как привязанность к занимаемой должности;
- пассивно-негативный, отличающийся минимальным исполнением долга.

Описанные выше идеальные (теоретически сконструированные) типы политических стилей в реальной политической практике встречаются крайне редко, если встречаются вообще; они скорее выступают как тенденции. Обычно политический стиль обусловлен ментальностью и культурой общества, включающими устойчивые представления о желаемой модели общества и роли лидера в ней, о предпочтительных способах решения возникающих проблем. Стили политики заметно различаются в силу самобытности национальных культур различных стран. Тип доминирующей культуры определяет и характер политических ориентаций, свойственных лидерам. Наконец, многое в политическом стиле диктуется конкретными обстоятельствами и в судьбе самого лидера, его окружения, и в жизни страны, мира. Но, даже учитывая все указанные моменты, замечает Р. Т. Мухав [106, 149], нельзя забывать, что в разное время у одного и того же человека, в том числе политического лидера, реакции на одни и те же события могут быть совершенно разными, вплоть до противоположных.

12.4.5. Качества лидера

Под факторами эффективного лидерства понимается совокупность особых личностно-психологических качеств лидеров, а также методов, условий и средств их функционирования и деятельности, обеспечивающих им высокую результативность. Проблемы обеспечения эффективности лидерства и руководства актуальны с момента возникновения организованного общества. Ранние подходы к анализу рассматриваемой проблемы содержатся в трудах древних восточных и греческих мыслителей.

В фундаментальном древнеиндийском исследовании «Артхашастра» (в переводе с санскрита — «наука о полезном или эффективном управлении») правителю рекомендуется руководить, «не нарушая закона и пользы». Особое внимание обращается на его психологические качества, характер поведения и методы руководства. В «Артхашастре» для выявления способностей чиновников к руководству и управлению используется восьмичастная матрица-схема [8]. Она включает в себя оценку качеств руководителей по следующим критериям:

- уровень способности к руководству;
- достижения в искусстве ремесла и научном знании;
- качество ума, ловкости и памяти;
- достижения в красноречии, искусстве ответов и самообладании (самоуверенности);
- уровень предприимчивости, храбрости, выносливости;
- наличие честности, доброты, устойчивости в преданности;
- обладание добродетелью, силой, здоровьем и стойкостью, отсутствие упрямства и легкомыслия;
- наличие приветливого характера и неспособность вызывать раздоры.

В западной политологии давно уделяется большое внимание личностным чертам характера, человеческим качествам, в целом биографии политических лидеров. Эпизоды из частной жизни лидеров часто становятся достоянием прессы, телевидения. Копание в чужой жизни не очень нравственно, но изучение и огласка биографических данных политических лидеров, черт их личного характера, взглядов, склонностей, физического здоровья — все это не праздные вопросы. Личностные качества лидера, как показывает практика, накладывают заметный отпечаток на его деятельность, а значит — на положение людей, которыми он руководит.

Среди основных факторов, от которых существенно зависит политическое руководство и характер лидерства, многие зарубежные и отечественные исследователи [67, 423] выделяют:

- основные политические убеждения лидера;
- его политический стиль;
- мотивы, которыми он руководствуется, стремясь добиться положения политического руководителя;
- его реакцию на психологическое давление и стрессы;
- биографические данные лидера, включающие, прежде всего, сведения о политическом опыте;
- талант сочувствия (эмпатия).

Вместе с тем Ю. В. Ирхин отмечает, что указанные факторы преломляются, прежде всего, через отношения лидера с его «командой», ближайшим окружением и помощниками, которые могут как усиливать позиции руководителя, так и ослаблять их. Об этом писал еще Н. Макиавелли, отмечая, что «об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает» [89, 69].

В отечественном обществоведении, в СМИ до недавнего времени было не принято говорить и писать о частной жизни политических лидеров страны. Широкая общественность не знала о личной жизни, наклонностях, чертах характера, скажем, Сталина, Молотова, Калинина и других лидеров. Сейчас о современных политических лидерах мы знаем несколько больше: демократизм проник и эту сферу.

Чтобы стать политическим лидером (на любом уровне), человек должен обладать определенными качествами. К личности политического лидера общество предъявляет некие общие требования, в частности:

1. Лидер должен выражать и уметь отстаивать интересы людей, которые выдвинули его в лидеры и которыми он руководит. Это главное качество лидера. Без социальной базы не может быть лидера, каким бы гениальным он ни был. Он должен кого-то представлять, на кого-то работать, от кого-то получать помощь и доверие. В определенной мере лидер должен быть похожим на своих ведомых, быть «одним из них». Каждый гражданин, избиратель должен найти в лидере (в кандидате в лидеры) частичку самого себя. Умение (и желание) защищать интересы людей, которым лидер давал обещания в предвыборной кампании, должно постоянно сопровождать его деятельность (нередко мы наблюдаем иную картину: обещания кандидата в депутаты сделать в своем округе что-либо остаются лишь средством получения депутатского мандата. А после выборов он об этом забывает). Лидер в этом плане должен быть обязательным и порядочным человеком.
2. Лидер должен быть способным выдвигать реалистичные, обоснованные программы своей деятельности, не быть прожектером. Его программа должна отвечать некоторым требованиям:
  - во-первых, в ней не должен превалировать негативизм по отношению к прежней власти или к своим оппонентам и конкурентам — это может вызвать противостояние, спровоцировать появление врагов; программа должна быть конструктивной;
  - во-вторых, она должна содержать главную, рельефно обозначенную и четко сформулированную цель, способную объединить интересы людей и обеспечить их целенаправленную деятельность. Суевливость в политической деятельности недопустима;
  - в-третьих, в программе должен быть глубоко разработан механизм достижения поставленной цели. Реализация цели должна быть разнесена по срокам, объектам. Программа политического лидера должна давать четкий ответ избирателю, какие преимущества, материальные блага получит он, его семья, если данный проект будет выполнен.
3. Важным качеством политического лидера является умение организовать выполнение своей программы. История знает немало примеров, когда даже тщательно разработанные программы, планы, решения единоличного или коллек-

тивного лидера оставались нереализованными в силу его неспособности организовать их выполнение. Слово и дело лидера не должны расходиться. Организация выполнения программы должна быть разработана в деталях — по срокам, задачам, с учетом наличия материальных средств и людских ресурсов.

4. Политический лидер должен постоянно генерировать (рождать) новые идеи, либо видоизменять, комбинировать, развивать и совершенствовать старые (в политологии это называется «инновационность» лидера). Каждое выступление лидера перед аудиторией должно содержать что-то новое, необычное, новый поворот, новый взгляд на политику в данных условиях. Особенно лидер должен избегать повторов в своих речах, штампованных фраз, вроде: «Мы стоим перед принятием важных решений», «Мы переживаем новый этап» и т. д. (Этим нередко изобилуют выступления некоторых лидеров. А речи произносятся очень часто.) Каждое выступление должно быть рубежным, значительным, после которого должны обязательно начинаться новые дела. Нелишне отметить один парадоксальный момент. Еще в прошлом веке некоторые политические мыслители заметили, что значимость любого субъекта политики обратно пропорциональна степени усвоения и распространенности выдвинутых им идей в народных массах. Это означает, что если массы уже восприняли в полной мере идеи лидера, то он становится для них ненужным. Он должен тогда либо уйти со сцены лидерства, либо выдвинуть новую идею, предложить новый механизм ее реализации. Таким образом лидер должен постоянно подтверждать свое право на ведущую роль.
5. Политическому лидеру должна быть свойственна высокая политическая культура, а также коммуникабельность, умение вести себя перед широкой аудиторией, личное обаяние. Немаловажное значение имеют ораторские способности лидера: в начале лидерского пути они нередко играют решающую роль в поддержке лидера народом.
6. Имеет значение личная скромность лидера, отсутствие стремления к личной роскоши и семейственности в назначении руководящих кадров. Людям не imponируют также популистские приемы лидера, работа на публику, завоевание дешевого авторитета.

Таковы те личностные качества политического лидера, которыми он должен обладать, претендуя на лидерство. Список этих черт можно, вероятно, продолжить; по мнению К. А. Воробьева [33, 329], указаны только основные. Разные авторы называют различное число этих черт. Один американский социолог перечислил 124 свойства лидера. Это не значит, что у каждого лидера должны быть непременно все черты, о которых говорится в теории лидерства. Одни черты должны быть присущи лидеру в одной ситуации, другие — в другой.

Важным является вопрос о том, как выработать в себе необходимые лидеру качества и реализовать их на практике. Видимо, главным условием формирования качеств лидера (если у него есть к этому природные задатки) является глубокое овладение политическими знаниями. Не случайно многие руководители государств, крупных политических партий имеют ученые степени и звания в области политической науки. Свои знания они пополняют, совершенствуют всю жизнь.

В экстремальных условиях политический лидер национального масштаба должен обладать особыми качествами. Для этого периода необходим особый ситуатив-

ный тип руководителя, порождаемый периодами катастроф. Лидера должна отличать способность выходить за рамки стандартных бюрократических процедур и формулировать новые творческие цели, новые эвристические программы, новые креативные идеологии в условиях, когда утрачены старые ориентиры, когда социальные группы и общество в целом расколоты, когда царят апатия и растерянность.

Но и этого мало. В этот период лидер — это тот, кто лично осознает, что создаст принципиально новую модель политического поведения и политического мышления, которая будет тиражироваться и распространяться от малой социальной группы (элиты) до общества в целом. Более того, общенациональный лидер — это тот, кто персонифицирует национальные фундаментальные ценности именно для данного, конкретного исторического периода. Причем речь идет о базисных интересах, которые не только ощущаются всей нацией и ее элитой, но и связаны с предыдущими историческими поколениями. Отказ от своей истории — какой бы она ни была с точки зрения различных этических систем — немислим для зрелой нации, для действительно национальной элиты, для общенационального лидера.

Истинные политические лидеры формируются в политической борьбе. Но в недавнем прошлом в России не было настоящей политической борьбы и не было спроса на политических лидеров. Наши дни подтверждают, что не исчезли собственно политические проблемы, связанные с представительством различных классов и социальных групп в политической власти и реализацией их интересов. Это привело к резкому росту спроса на политических лидеров. И в силу тех же условий прошлого, в роли лидеров оказываются часто «политкустари» с невысоким уровнем политической и социальной зрелости.

Отличительные черты политического лидера определяются и его масштабностью, органической связью с интересами социальных групп, взаимодействием с таким социальным институтом, как *государство*. Учитывая это, на деятельность любого политического лидера нельзя механически переносить те особенности поведения, мотивации или иные черты деятельности лидера, которые проявляются в малых группах. Например, рассматривать его только как фокус групповых отношений или оценивать с точки зрения его умения вызывать согласие, занимать особую ролевую позицию, оказывать постоянное влияние на власть и т. п.

Политический лидер, особенно лидер общенационального масштаба, обладает и особым характером общения с населением, опосредуя этот процесс деятельностью особых структур — аппарата управления, специализированных политических организаций: партий, СМИ и др., которые создают особые социальные коммуникации власти и общества. Такие «дистанционные» информационные связи порой исключают непосредственные контакты лидеров с населением, побуждая население фетишизировать их фигуры, создавая неадекватный образ верховной власти.

Выражая интересы крупных социальных групп, политический лидер в процессе осуществления власти неизбежно решает различные социальные задачи, играя множественные роли, выполняя многообразные функции. Причем в политическом пространстве многофункциональный характер деятельности лидера, сориентированный на сбалансированность различных интересов, как правило, придает его поведению корпоративно-групповой характер.

Наряду с этими общеполитическими характеристиками политические лидеры обладают также особыми чертами и качествами, которые дают им возможность не только контролировать деятельность аппарата, конкурировать с другими предста-

вителями правящего класса, но и завоевывать авторитет у населения. С нормативной точки зрения эти персональные качества должны иметь *демонстрационный* характер, т. е. показывать гражданам те социальные благодеяния, которые он оценивает положительно. Еще Н. Макиавелли писал, что для государя главное — создавать «видимость наличия» тех качеств, которые нравятся его подданным [89]. Только так можно обеспечить власть и «духовное княжение» над народом. Поэтому, по мнению А. И. Соловьева [133, 100], лукавство, обман населения для политиков такого уровня являются необходимыми качествами: они позволяют контролировать политические процессы.

12.4.6. Имидж лидера

Каждый публичный политик имеет свой имидж. Формирование облика происходит за счет политических мифов на базе национальной ментальности. Имидж представляет собой сформировавшийся у окружающих устойчивый, преимущественно эмоциональный образ, имеющий характер стереотипа. Он формируется как сплав представлений о внешности, личных качествах, должности, профессии и программе кандидата, его биографии, убеждениях и т. д. *Политический имидж* — всегда упрощенное, символически-героическое (или отталкивающее), метафорическое отражение, в котором часть реальных качеств (характеристик) представлена в гиперболически преувеличенном масштабе, а часть (нежелательная) скрыта, отсутствует.

Политический имидж — это идеальное воплощение той или иной социальной роли (идеи), конкретизированное применительно к ситуации и времени, определенной личности (организации), симпатиям (или антипатиям) части населения, реакция, которая значима для политика (организации), Создаваемый образ необязательно адекватен тому, который в итоге формируется в массовом сознании. Имидж политический отражает как политические черты (взгляды, симпатии и антипатии и др.), организаторские и управленческие умения (компетентность и др.), так и личностные качества. Особый акцент делается на чертах, сближающих политика с заинтересованными группами (происхождение, образ жизни и др.).

Сложившийся у избирателей имидж лидера прямо влияет на их электоральный выбор и тем самым определяет его политическую карьеру. Созданием образа занимаются специалисты по формированию общественного мнения — имиджмейкеры. Опыт России и ряда стран Запада свидетельствует о том, что, обладая большими финансовыми и информационными ресурсами, современные организаторы избирательных кампаний могут создавать у избирателей далекие от реальности образы лидеров, предопределяя успех одних и поражение других. Как показали выборы 1990-х гг., в России большие деньги «олигархов» сравнительно легко «конвертировались» в депутатские и губернаторские места.

В условиях, когда государство не способно поставить преграды манипулированию массовым сознанием и, в частности, «грязным» технологиям, не может (или не желает) обеспечить примерное равенство финансовых и информационных ресурсов кандидатов, избирательные кампании превращаются в дорогостоящие шоу, своего рода театрализованные спектакли с четко распределенными ролями всех их исполнителей. Главными аргументами в такого рода спектаклях являются не прог-

раммы и личные качества политических лидеров, а большие деньги и поддержка СМИ, по передачам и статьям которых избиратели судят о тех или иных политиках. Растущая зависимость карьеры лидеров от финансовых и информационных ресурсов наглядно проявлялась в СНГ в 1990-е гг.: не только многие депутаты и губернаторы, но и президенты обязаны своим избранием на высокие посты в государстве в первую очередь поддержке крупного капитала и электронных СМИ.

Конечно, данная тенденция рекрутирования политического лидерства идет в разрез с требованиями демократии. Поэтому «очищение» и демократизация механизма рекрутирования политических элит и лидеров — одно из первейших условий становления в России реальной демократии.

Набор атрибутов политического имиджа и значимость каждого из них не является жестко детерминированной как для политического лидера (у депутата — один, у президента — другой), так и организации. Для России характерна высокая степень отождествления в массовом сознании лидера и организации, основных характеристик их образа. В российских условиях имидж включает в себя несколько базовых характеристик, мало изменяемых во времени: политический лидер должен быть сильным, обладать чертами «отца», победителя, быть доступным и др.

Формирование политического имиджа предполагает создание целостного, непротиворечивого образа политика (организации), органично сочетающего концептуальные идеи, положенные в его основу, технологии их реализации с ожиданиями социальной среды и базовыми характеристиками российского менталитета. Формирование политического имиджа требует ресурсов, усилий, времени и проводится обычно в форме целевой кампании.

Политический имидж формируют сам лидер, его соратники, родственники и друзья, а так же СМИ, специалисты по PR (связи с общественностью), коммуникациям, имиджмейкеры. Последние являются идеологами и технологами формирования политического имиджа, планируют и координируют работу остальных участников. Реализация проекта по формированию политического имиджа обычно имеет три этапа:

- аналитический (диагностика ожиданий и установок ключевых социальных групп, контент-анализ материалов СМИ и т. д.);
- этап стратегического планирования и разработки технологии кампании (определение ключевых характеристик, «символов» кампании, стратегии первых контактов с населением, выбор средств и каналов воздействия на общественное мнение и др.);
- этап продвижения (подготовка и продвижение рекламных материалов, сценариев встреч с населением, элитными кругами, редакциями СМИ; работа по информационному сопровождению акции и действий и др.).

Политический имидж формируется для решения определенного круга задач. Эффективный имидж политика должен быть

- целостным и непротиворечивым;
- подкрепленным рекламой и разнообразными целевыми PR-акциями;
- прагматичным, ориентированным на решение конкретной задачи;
- имеющим свойство вариативности, подстройки под изменяющуюся ситуацию; вызывающим сильный положительный эмоциональный отклик.

Формирование соответствующего политического имиджа было и остается в России одной из главных задач политического лидера, организации. С этой целью в политической практике (особенно во время выборов) широко использовались (и используются) манипулятивные технологии, особенно с использованием СМИ. Представление об их всесильности, возможности продвинуть в массовое сознание любой политической имидж не всегда соответствует действительности. Иногда в ответ на агрессивную политическую рекламу избиратели не идут на выборы.

Политический лидер в современной России обладает широким спектром социальных образов (масок): борец, новатор, «отец нации», рутинер, справедливый защитник «униженных и оскорбленных», «рубаха-парень».

По мнению Р. Т. Мухаева, исходящего из классификации М. Вебера, история России знала два типа лидерства: традиционное и харизматическое [106, 155]. Традиционное лидерство (власть монархов) было основано на вере в святость передачи власти по наследству, на верности ритуалу и привычке подчиняться. Традиционное господство в России имело форму абсолютной монархии. Воля императора до 1905 г. не ограничивалась какими-либо юридическими нормами. Небольшой исторический период до Февральской буржуазно-демократической революции не внес принципиальных изменений в политическую ментальность жителей империи.

Советский период породил особую разновидность лидерства — вождизм. Харизматический лидер, к числу которых можно отнести В. И. Ленина и И. В. Сталина, наиболее точно определяется словом «вождь». Такая разновидность лидерства широко распространилась с возникновением и развитием в России революционного движения. Власть харизматического вождя опиралась не только на его собственный авторитет, но и на монополю властвующую партию, разветвленные структуры насилия, идеологическую обработку масс. И все-таки самым существенным элементом власти таких вождей была харизма, которую М. Вебер определял как «необычно высоко ценимое качество некой личности, благодаря которому она превозносится как наделенная сверхъестественной, или сверхчеловеческой, или, по меньшей мере, необычной, специфической, не достижимой ни для кого другого силой или особенностью, или же как посланная Богом, или как достойная подражания и в силу этого — «вождь». Следовательно, в основе власти вождя может лежать политический миф о его исключительности, который поддерживается в массовом сознании. Личность вождя обожествляют, ей поклоняются. Харизма вождя опирается на наличие «единой коллективной воли народа», которую он представляет. На этом основано отождествление вождя и народа. Культ вождя, ритуалы его почитания со временем стали элементом политической культуры советского типа, разновидностью своеобразной политической религии.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. мифологичность как важнейший компонент лидерства в Советском Союзе пережила острейший кризис, ибо задача создания и поддержания мифов об исключительности Л. И. Брежнева и К. У. Черненко оказалась практически неосуществимой. Что касается М. С. Горбачева, то на первом этапе своей деятельности он, несомненно, обладал харизмой. Это объясняется тем, что поначалу он формировал свой образ мудрого политика, опираясь на тезис о «верности социалистическому выбору» и идею «очищения социализма» от разного рода извращений. Он часто выступал по телевидению, произносил много

ярких и для большинства населения весьма убедительных речей. Почти с первых же дней М. С. Горбачев начал создавать новый облик лидера политической власти, опирающегося на интеллектуальную элиту, которая ориентировалась на общечеловеческие ценности.

После разрушения коммунистических идеалов и мифов массовое сознание обнаружило потребность в новых идеалах. Однако формирование нового облика лидера — современного, аристократичного, духовно раскрепощенного, который надеялся предложить народу М. С. Горбачев на втором этапе своей деятельности, явно отставало от процессов, инициированных им самим. С распадом советской системы и СССР, вызвавшим острое ощущение дискомфорта у большей части населения страны, этот новый облик вождя совсем утратил свою привлекательность, поскольку произошло рассогласование между имиджем М. С. Горбачева — Президента СССР и ожиданиями, надеждами и требованиями населения к нему как главной фигуре в политической элите страны. Не удивительно, что новое время, которое подготовили М. С. Горбачев и его команда, потребовало новых мифов, поскольку общественные настроения изменились, массовое сознание в основном уже перешло от коммунистических идеалов к либеральным.

После своего (с 1987 г.) прихода во власть Б. Н. Ельцин выступал как вождь популистского типа, вызывавший восторг собиравшихся на площадях масс людей и умевший добиваться их безоговорочной поддержки. На этом этапе народ в основном воспринимал его как борца против коррупции и привилегий чиновников, как лидера, выражавшего реальные нужды широких народных масс, которые активно втягивались тогда в политическую жизнь. Лидерство Б. Н. Ельцина в тот период основывалось на его харизме, на популистском мифе.

Его приход к власти в качестве президента России потребовал поиска новых идей, созвучных настроениям масс. Сохраняя многое из прежних методов политического руководства (по существу авторитарного), Б. Н. Ельцин обратился к традиционным ценностям российского национального самосознания — справедливости, честности, национальному суверенитету, государственному интересу. На идеологической основе складывался образ лидера новой политической элиты — красивого и могучего россиянина, чья размеренная речь, своеобразная жестикуляция и добрая с хитринкой улыбка производили впечатление его близости и доступности простому народу и вместе с тем — особой значимости его как политической фигуры высочайшей ответственности и мудрости.

Как и при М. С. Горбачеве, творцом и носителем популистского мифа выступила интеллигенция. Именно она — автор и главный пропагандист нового мифа о целостности, сплоченности российского общества, где нет места конфликту интересов. Олицетворением этого единства, по ее замыслу, должен был стать Б. Н. Ельцин. С учетом роли и значения иррационального в сознании российских граждан (мифы, символы, стереотипы, привычки, традиции), их специфического психологического настроения в весьма трудное для страны время (потребность в прочной опоре и надежной защите) была проведена избирательная кампания 1996 г. по выборам в президенты, главным лозунгом которой было: «Голосуй сердцем!».

Однако российское общество уже перестало быть единым, социально и политически однородным; оно раскололось по многим показателям: уровню жизни и доходов, отношению к собственности и др. В этих условиях потребовалась замена

очередного мифа, поскольку доверие к прежнему облику российского политического лидера оказалось в известной мере подорвано. Этому в немалой мере способствовало несоответствие предлагавшихся от его лица существующими институтами власти проектов и программ реальной обстановке в стране.

Велика была роль Б. Н. Ельцина в разрушении тоталитарной системы, однако его созидательный потенциал оказался слишком мал. Именно во время его президентства коррупция и преступность достигли небывалых размеров, происходило обнищание большинства населения, и резко упал международный престиж страны. В этих условиях Б. Н. Ельцин досрочно сложил президентские полномочия, назначив своим преемником В. В. Путина.

Следует отметить привлекательный имидж Президента России В. В. Путина, который является сильным аргументом в пользу его кандидатуры как во время выборов, так и в поствыборный период. При этом выяснилось, что многие оппоненты центральной власти оказались не готовы не только к жесткому противостоянию в средствах массовой информации во время избирательной кампании, но и к выработке собственного, достаточно привлекательного и авторитетного политического курса. Высокий интерес к личности В. В. Путина, его политике и имиджу дважды определили хорошую явку избирателей на выборы и создали необходимую основу для его дальнейшей психологической и политической легитимации.

12.4.7. Политическое лидерство в России

В конкретной исторической обстановке при изменении существенных характеристик политической ситуации меняются и функции политических лидеров, их способности и качества, а также реструктурируется и преобразуется вся элита. Анализ российских элитарных слоев отражает динамику их радикальных изменений в переходный посткоммунистический период. Многие из них изменили свою партийную принадлежность, а некоторые ушли из политики вместе с устраненными партийно-государственными структурами СССР. Связанный с КПРФ элитарный слой отделился от рычагов власти на значительное расстояние. Теперь эта часть элиты непосредственно влияет только на те решения, которые принимаются на федеральном уровне в законодательной ветви власти (Государственная Дума, Совет Федерации) и на региональном — в ряде законодательных и исполнительных органов. Политических лидеров коммунистического направления (Зюганов, Купцов, Лукьянов, Куваев и др.) поддерживают 20—25 % избирателей современной России.

Развитие демократии и утверждение политического плюрализма создало в стране благоприятные условия для формирования российской многопартийной системы. С ее помощью стала открыто и гласно рекрутироваться большая часть политической элиты, в том числе и на самом высшем ее уровне. Сотни российских лидеров прошли через международно признанные избирательные процедуры в элитарный слой, представители которого принимают самые важные государственные решения.

В политических элитах Российской Федерации, по мнению В. И. Чугунова, господствует идеологический плюрализм. Каждый имеет возможность идентифицировать себя с любой доктриной, учением или религиозной традицией. Угроза

свободе слова и, в частности, введение политической цензуры практически нереальны. Рисковать этим не станет ни одна элитарная группа из-за боязни потерять голоса избирателей и поддержку широких народных масс [158, 173]. Некоторые элитарные слои, поддерживаемые в первую очередь средним классом, подчеркивают свою деидеологизированность. Они сосредотачивают усилия на создании экономической базы демократической России — социально ориентированного рыночного хозяйства, основанного на равноправии всех типов собственности с преобладанием ускоренного процесса развития предпринимательских и средних по достатку социальных страт.

В регионе в настоящее время ключевой политической фигурой является губернатор. Он лично отвечает за поддержание жизнедеятельности региона, социальную и экономическую стабильность в нем. Для решения поставленных задач в его распоряжении имеются большие ресурсы власти: контроль над местным бюджетом и расходованием финансовых средств, установление или отмена местных налогов, предоставление льгот, лицензий, дотаций. Губернатору также принадлежит право регулировать цены и ограничивать уровень рентабельности предприятий. Он ответственен за проведение приватизации в регионе, организацию конкурсов и аукционов. В ряде регионов уставы закрепили за администрацией право единолично распоряжаться региональной государственной собственностью.

Вокруг губернатора, как пишет Е. Ю. Зяблова, формируется команда, состоящая из близких ему людей, единомышленников. Члены команды подбираются по принципу личной преданности. Руководитель региона и его ближайшее окружение (команда) составляют ядро власти. К нему примыкает верхушка местной бюрократической элиты — руководители исполнительной власти [61, 57].

Исполнительная власть в регионах организована по-разному. В большинстве российских областей существует областная (губернская) администрация. В других субъектах Федерации администрация преобразована в правительство. Руководители исполнительных региональных структур власти выполняют не столько политические, сколько административные и организационные функции. Только заручившись поддержкой этой части местной бюрократии, губернатор может осуществлять свои полномочия в широком масштабе. Руководители департаментов областной администрации назначаются на высокие посты губернатором и, как правило, демонстрируют преданность своему руководителю. Что же касается всего аппарата областной администрации, то его преданность губернатору имеет свои пределы: бюрократия политически нейтральна, а следовательно, при смене руководства она будет поддерживать того, кто придет к власти. Исполнительная власть пользуется в регионах достаточно высоким авторитетом.

Прошедшие в 90-е гг. XX в. и начале XXI в. в России парламентские и президентские выборы в России позволили выявить некоторые тенденции развития политического лидерства.

Во-первых, политический рынок (рынок лидеров и новых идей) оказался довольно скудным. Новых лидеров в политической элите России за прошедшие годы почти не прибавилось. Об этом свидетельствует тенденция возврата многих политиков, которые относятся к номенклатурной элите. Достаточно указать на неожиданное возвращение в большую политику М. Е. Фрадкова, некогда занимавшего пост заместителя министра внешней торговли СССР и ставшего премь-

ер-министром во второй президентский срок В. В. Путина. Сменивший его на этом посту В. А. Зубков также в номенклатурной обойме еще с советских времен. С другой стороны, на оппозиционном политическом небосводе вновь возник и бывший первый банкир страны В. В. Геращенко.

Во-вторых, время лидеров-теоретиков, как и лидеров-романтиков, выдвигавших интересные, но, как оказалось, трудно осуществимые проекты, фактически закончилось. Ушли или уходят из активной политической жизни страны М. Горбачев, А. Яковлев, Г. Попов, Е. Гайдар, Ю. Афанасьев и многие другие. Ограниченно востребованными оказались и лидеры-прагматики, подобные Б. Немцову, А. Чубайсу, В. Черномырдину, чрезмерно акцентирующие внимание на стремлении к достижению личного успеха, материального благосостояния.

В-третьих, чем дальше общество погружалось в состояние всеобщего кризиса, тем быстрее росло в общественном сознании понимание необходимости выхода на политическую сцену нового поколения лидеров-радикалов, сторонников решительных мер, рассчитанных на немедленный результат (Д. Рогозин, С. Глазьев).

В-четвертых, несмотря на существенные изменения в политической жизни, в стране остался по существу прежний тип лидерства. Традиция авторитарного, вождистского типа лидерства сохранилась. А вождизм, как известно, основан на харизме лидера и личной преданности лидеру — персоне, олицетворяющей верховную власть. Переход к рационально-легальному типу лидерства, опирающемуся на легитимные регуляторы, осложняется рядом причин, прежде всего типом российского национального самосознания, в котором власть вождя-царя занимает особое место в организации жизни общества.

Президентские выборы 2004 г. показали, что избирательные стереотипы и предпочтения остаются консервативными. В массовом сознании российского населения сохраняется отношение к лидеру скорее как к некоей мистической фигуре, чем как к целеустремленному преобразователю. Отчасти этим можно объяснить поражение в проведении избирательной кампании лидера новой генерации И. М. Хакамады.

Изменение харизматических представлений о лидерстве возможно, по мнению Р. Т. Мухаева [106, 158], лишь с выходом на политическую сцену новой генерации политических лидеров, которые должны проходить специальную подготовку и отбор и политическая деятельность которых должна стать их профессией. Им придется действовать в рамках определенных демократических норм и процедур принятия политических решений, в рамках взаимодействия различных видов власти. Лидеры новой генерации должны не только предложить обществу мечту, проект будущего желаемого большинством граждан, но и убедить их в том, что пути продвижения вперед известны.

Вместе с тем, жизнь показала, что недальновидно сбрасывать либеральные идеи с политических весов страны. Об этом свидетельствуют успехи правых во главе с новым лидером Н. Белых. Растет авторитет Г. Каспарова, М. Ходарковского и др.

12.4.8. Тенденции развития политического лидерства

Для многих людей масштабные стрессовые ситуации, которые принес с собой XX в. и начало нынешнего, а также коренные изменения, вызванные научно-техническим прогрессом, породили глобальные проблемы, создающие угрозу челове-

ческой цивилизации. Данные обстоятельства предъявили новые, повышенные требования к политическим лидерам. Резко возросла их ответственность за судьбы людей, за настоящее и будущее народов и государств, которыми они управляют. Это — первая масштабная тенденция, которую следует подчеркнуть. Современные политические лидеры уже не могут выдвигать программы развития своих государств без учета глобальных проблем человечества. Они должны рассматривать свою внутреннюю политику как часть общемирового, глобального процесса. Политиков высокого уровня отличает понимание этой новой тенденции и ее учет в проводимом курсе.

Другая важная тенденция в развитии политического лидерства — возрастание роли и влияния неформальных политических лидеров. В свое время (30-е годы XX в.) в США был весьма популярен Ф. Туансхэнд. Известно, что в настоящее время в США государственные и частные пенсионные фонды являются неотъемлемой частью системы социальной защиты населения. Это экономически мощный институт в американской экономике. Финансовые средства, которыми они располагают, приближаются к активам американских коммерческих банков. А впервые идею создания общенационального пенсионного фонда для людей старше 60 лет выдвинул именно американец Ф. Таунсхэнд. Он не просто разработал план создания такого фонда, но и приложил огромные усилия для его пропаганды, возглавил целое движение в поддержку данного плана, стал его лидером. Это движение реально помогло президенту страны Франклину Рузвельту в осуществлении программы социального страхования.

Можно назвать и другие имена неформальных лидеров. Выдающимся неформальным лидером XX в. был наш соотечественник А. Сахаров. Р. Такер назвал его политическим лидером нового типа. Выдающийся ученый с мировым именем, академик А. Сахаров, осознав масштабы катастрофы, грозящей человечеству в случае атомной войны, выступил с меморандумом, обращенным к правительствам и народам мира. Он известен во многих странах мира как борец за права человека, поднял эту проблему на уровень глобальной задачи. Пример академика А. Сахарова показывает, что неформальный политический лидер, не имея возможности контролировать государственную политику, может играть весьма значительную роль в развитии политических процессов.

Третьей новой важной тенденцией в развитии политического лидерства в последние десятилетия является концентрация активности лидеров на экономических и социальных проблемах. Особенно это отличает политических лидеров демократических государств. Развитие данной тенденции обусловлено многими обстоятельствами. Главное из них заключается в том, что рост благосостояния нации, связанный с активностью того или иного политического лидера, — наиболее зримый показатель для признания политического деятеля как политического лидера. Другое обстоятельство связано с ограниченными временными рамками политической активности (большинство президентов избирается на четыре года). Высокий экономический результат, рост благосостояния нации — самый прочный фундамент для надежды быть избранным еще на один срок.

Четвертая тенденция, которую отмечает американский политолог Р. Такер, — это уменьшение вероятности в современных условиях появления политических лидеров-героев, таких, например, как Наполеон. Причин очень много. Среди них так называемые «пределы политического лидерства», которые резко ограничивают

«свободу деятельности политика»; разделение властей, сравнительно короткие сроки пребывания у власти (конституционные и правовые нормы) и др. Кроме того, как уже подчеркивалось, крупные политические лидеры появляются, главным образом, в периоды глубоких кризисов. «Свое время» необходимо было и для де Голля, и для Черчилля. Кризисные периоды — это война и связанная с ней разруха, это глубочайшие спады производства в связи с циклическим характером развития экономики. Если иметь в виду типичные для прошлого кризисные ситуации, то их вероятность в настоящее время по известным причинам существенно снижена: новая мировая война грозит самому существованию человечества вследствие возможного использования ядерного оружия. Что касается экономических кризисов, подобных кризису 1930-х гг., то современные государства научились их прогнозировать и не допускать. Именно по этим причинам для современности типичны не лидеры-герои, а такие политические лидеры, которые в конкретных условиях обеспечивают своим странам три высочайшие ценности: национальную безопасность, рост благосостояния народа и права человека.

По мере сокращения количества в мире недемократических режимов и, соответственно, становления новых демократических государств, обнаруживает свое самостоятельное действие пятая тенденция — сокращение границ власти политического лидера. Уменьшаются сроки пребывания у власти. Но дело не только в этом. Развитию данной тенденции способствует совершенствование системы разделения властей. Пример современной России в этом отношении весьма показателен — и в части сокращения сроков пребывания на вершине пирамиды политической власти, и в части ограниченности властных функций. Хотя президент страны и наделен очень большими полномочиями, становлению авторитаризма существенно препятствуют другие ветви власти (Федеральное собрание, Конституционный суд).

Ряд исследователей выделяет три главные тенденции, во многом изменяющих традиционные, преимущественно харизматические представления о лидерстве. Это профессионализация, институционализация и повышение ресурсной зависимости лидерства.

По мере усложнения общества и управления им все более отчетливо проявляется тенденция *профессионализации* политического лидерства. Еще в 1919 г. М. Вебер в своей известной работе «Политика как призвание и профессия» отмечал растущее «превращение политики в «предприятие», которому требуются навыки в борьбе за власть и знание ее методов, созданных современной партийной системой» [30, 660]. В современных условиях (усложнение общественной организации и взаимодействие государственных органов с партиями, группами интересов, СМИ и широкой общественностью) важнейшими функциями политики и политиков становятся не применение насилия и даже не борьба за власть, а «преобразование общественных ожиданий и проблем в политические решения».

Политик фактически превратился в специалиста в области общественных коммуникаций, главными задачами которого являются: обеспечение четкой формулировки требований населения; налаживание необходимых контактов с парламентскими и правительственными органами, СМИ, общественными организациями и отдельными людьми для принятия коллективных решений и их реализации; разрешение конфликтов и нахождение согласия. Сегодня невозможно эффективное выполнение этих функций людьми, не обладающими специальной квалификацией, знаниями, навыками и опытом.

Политический труд постепенно становится профессией, аналогичной профессии врача, конструктора или адвоката. Он становится главным и постоянным источником дохода. Хотя профессиональные политики занимают выборные должности, большинство деятелей из верхнего эшелона обычно сохраняет свой род занятий даже после смены правящей партии. Этому способствует аккумуляция ими ряда политических должностей в парламенте, партии, органах местного самоуправления и некоторых других учреждениях.

В ряде стран (Японии, Франции, США и др.) учет профессионализации политической деятельности проявляется в отборе будущих политических лидеров еще в детском или подростковом возрасте и их подготовке в специальных школах и университетах. Такие меры, сочетаемые с развитием политического участия граждан и укреплением контроля за властью имущими, способствуют повышению эффективности политического лидерства, его подчинению интересам всего общества.

Профессионализация лидерства тесно связана с его *институционализацией*. Эта тенденция в развитии лидерства сегодня проявляется, прежде всего, в том, что процесс рекрутирования, подготовки, движения к власти и самой деятельности политических руководителей осуществляется в рамках определенных институтов — норм и организаций. Функции лидеров ограничены разделением законодательной, исполнительной, судебной и информационной властей, конституциями и другими законодательными актами. Кроме того, лидеры отбираются и поддерживаются собственными политическими партиями, контролируются ими, оппозицией и общественностью. Все это значительно ограничивает их власть и возможности маневра, повышает влияние среды на принятие решений. В силу этого, а также из-за отсутствия разного рода революционных ситуаций в современных индустриально развитых государствах практически не появляются политики, которые оставляли бы такой же глубокий след в истории, как, например, Наполеон, Бисмарк, Петр Первый и т. п., а также Гитлер или Сталин. Деятельность современных лидеров, больше, чем прежде, подчинена решению обыденных, повседневных созидательных задач.

Институционализация политического лидерства не отменяет тенденции его растущей *зависимости от финансовых и научно-информационных ресурсов*. В ряде западных демократий, особенно в США, карьера общенациональных политических лидеров во многом определяется финансовыми (деньги), человеческими (специалисты по организации избирательной кампании, сборщики подписей, распространители листовок и т. п.) и информационными (телевидение и другие СМИ) ресурсами. Сегодня многих политиков делают лидерами национального масштаба, прежде всего, умелые организаторы избирательных кампаний, имиджмейкеры и другие специалисты по политическим технологиям.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. В чем заключаются особенности индивида как субъекта политики?
2. Назовите модели взаимоотношений государства и индивида.
3. Приведите наиболее распространенные определения политического лидера.
4. Как развивались идеи лидерства в исторической ретроспективе?
5. Дайте несколько определений лидерства.
6. Назовите объективную и субъективную стороны лидерства.
7. Как объясняет феномен лидерства «теория черт»?

8. В чем смысл психологических концепций лидерства?
9. В каком виде предстает политическое лидерство в зеркале интерактивного анализа?
10. Посредством чего объясняет лидерство ситуационная концепция?
11. Как вы понимаете теорию конституентов с точки зрения политического лидерства?
12. В чем особенность интегративных теорий политического лидерства?
13. Назовите функции политического лидерства.
14. Охарактеризуйте уровни политического лидерства.
15. Приведите примеры типологий политического лидерства.
16. Как вы понимаете термин «стиль политического лидерства»?
17. Приведите примеры стилей политических лидеров.
18. Какие качества, на ваш взгляд, необходимы политическому лидеру?
19. Что такое имидж политического лидера?
20. Какие распространенные имиджи политических лидеров вы знаете?
21. Назовите традиционные для России типы политических лидеров.
22. Назовите типы современных российских политических лидеров и охарактеризуйте стили их общественного поведения.
23. Назовите господствующие тенденции развития политического лидерства.
24. Кого называют первичными субъектами политики?
25. Охарактеризуйте природу политического лидерства.
26. Назовите ведущих политических лидеров современной России.
27. Назовите политических лидеров Иркутской области.
28. Представляется ли вам возможным в отдаленной перспективе исключение инсти тута политического лидерства из общественной и государственной практики?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК К РАЗДЕЛУ 4

1. Адорно Т. Исследование тоталитарной личности / Т. Адорно. — М., 2001.
2. Аквинский Ф. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе. — М., 1990.
3. Алмонд Г. Гражданская культура: политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. — М., 1997. — Т. 2.
4. Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. — М., 1999. — С. 69–106.
5. Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / Г. Алмонд [и др.]. — М., 2002.
6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон : пер. с англ. В. Г. Николаева. — М. : Канон-Пресс, 2001. — 288 с.
- 6а. Аристотель. Политика. Афинская полиция / Аристотель. — М., 1997.
7. Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Р. Арон. — М., 1993.
8. Артахаштра, или Наука политики : пер. с санскрита. — М., 1993.
9. Афанасьев В. Г. Человек в правлении обществом / В. Г. Афанасьев. — М., 1997.
10. Ашин Г. К. Современные теории элиты / Г. К. Ашин. — М., 1995.
11. Ашин Г. К. Курс элитологии / Г. К. Ашин, Е. В. Охотский. — М., 1999.
12. Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. — М., 1972.
13. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы / Ф. Барт. — М. : Новое издательство, 2006. — 200 с.

14. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., 1999.
15. Белл Д. Конец идеологии // Новое время. – 1990. – № 27.
16. Белл Д. Постиндустриальное общество // Американская модель: с будущим в конфликте. – М., 1984.
17. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.
18. Белл Д. Мятеж против современности // Социс. – 1989. – № 5.
19. Бентам И. Введение в основания нравственного законодательства / И. Бентам. – М., 1998.
20. Бентам И. Политические опыты. Тактика законодательных собраний / И. Бентам : пер. с англ. – Репр. издание. – СПб., 1907.
21. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. – М., 1990.
22. Блондель Ж. Политическое лидерство: путь к всеобъемлющему анализу / Ж. Блондель : пер. с англ. – М., 1992.
23. Боно Э. де. Серьезное творческое мышление / Э. де Боно : пер. с англ. – М. : Попурри, 2005.
24. Бороздин А. Н. Политология / А. Н. Бороздин, Н. Н. Гусев, А. А. Беляев. – 2-е изд. – М. : Моск. ун-т МВД России, 2003.
25. Браун Дж. Психология Фрейда и постфрейдисты / Дж. Браун ; пер. с англ. ; послесл. А. М. Руткевича. – М.: REFL-book ; Киев : Ваклер, 1997.
26. Бро Ф. Политология / Ф. Бро. – М., 1992.
27. Бурдые П. Начала / П. Бурдые. – М., 1994.
28. Бурдые П. Социология политики / П. Бурдые. – М., 1993.
29. Василик М. А. Политология: Элементарный курс / М. А. Василик, М. С. Вершинин : учеб. пособие. – М. : Гардарики, 2001.
30. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990.
31. Вебер М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избр. произведения. – М., 1990.
32. Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм» // Нации и национализм. – М., 2002.
33. Воробьев К.А. Политология / К. А. Воробьев. – М. : Академический проект, 2003.
34. Гегель Г. В. Ф. Политические произведения / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1978.
35. Гелнер Э. Нации и национализм / Э. Гелнер. – М., 1991.
36. Геродот. История / Геродот. – М. : АСТ, 2006.
37. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. – М., 1999.
38. Гоббс Т. Левиафан // Соч. : в 2 т. – М., 1990. – Т. 2.
39. Гоббс Т. О гражданине // Соч. : в 2 т. – М., 1989. – Т. 1.
40. Гобино Ж. А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас / Ж. А. де Гобино. – М. : Одиссей ; ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
41. Государственная политика и управление : учебник : в 2 ч. / под ред. Л. В. Сморгунова. – М. : РОССПЭН, 2006. – Ч. 1 : Концепции и проблемы государственной политики и управления.
42. Грязнова А. Г. Курс политологии : учебник / А. Г. Грязнова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2003.
43. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. – М. : Айрис-пресс, 2004
44. Дай Т. Демократия для элиты. Введение в американскую политику / Т. Дай, Х. Зиглер. – М., 1985.
45. Дай Т. Введение в американскую демократию / Т. Дай, Х. Зиглер. – М., 1984.
46. Даль Р. Демократия и ее критики / Р. Даль. – М., 2003.
47. Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 2.

48. Даль Р. Современный политический анализ: Политология (70–80-е гг.) / Р. Даль. – М., 1993.
49. Дарендорф Р. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением // Полис. – 1997. – № 6.
50. Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному сообществу. // Полис. – 1993. – № 5.
51. Дарендорф Р. Тропы из утопии / Р. Дарендорф. – М., 2002.
52. Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. – 1990. – № 9.
53. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: эссе о политике свободы // Социальный конфликт: современные исследования. – М., 1991.
54. Дегтярев А. А. Основы политической теории / А. А. Дегтярев. – М. : Высш. школа, 1998. – 252 с.
55. Дейшле В. А. Политология / В. А. Дейшле, А. М. Сологян, Н. Н. Федорова, А. М. Сологян : учеб. пособие. – М. : МАДИИ (ГТУ), 2003.
56. Дойч К. Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы) // Политология : хрестоматия / под ред. М. А. Василика. – М. : Гардарики, 1999. – С. 713–721.
57. Дэвис Дж. К. Демократия и классическая Греция / Дж. К. Дэвис : пер. с англ. Н. Н. Трубниковой. – М. : РОССПЭН, 2004. – 295 с.
58. Желтов В. В. Основы политологии / В. В. Желтов. – Ростов н/Д : Феникс, 2004. – Серия «Высшее образование».
59. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта / А. Г. Здравомыслов : пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 1994.
60. Здравомыслов Е. А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. – 1990. – № 7.
61. Зяблова Е. Ю. Политология / Е. Ю. Здравомыслов. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2003.
62. Ильин И. А. Кое-что об основных законах будущей России // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Б. Н. Бессонов. – М., 1997. – Т. 4.
63. Ильин И. А. О воспитании национальной элиты / И. А. Ильин. – М., 2001.
64. Ильин И. А. О грядущей России / И. А. Ильин. – М., 1993.
65. Ильин М. В. Личность в политике: «Кто играет короля?» / М. В. Ильин, Б. И. Коваль // Полис. – 1991. – № 6.
66. Имидж лидера. – М., 1994.
67. Ирхин Ю. В. Политология : учебник / Ю. В. Ирхин. – М. : Экзамен, 2006.
68. Каленский В. Г. Политическая наука в США / В. Г. Каленский. – М., 1969.
69. Капустин Б. Г. Идеология и политика в посткоммунистической России / Б. Г. Капустин. – М. : Эдиториал УРСС, 2000.
70. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории // Теперь и прежде. – М., 1994.
71. Касьянова К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – М., 1994.
72. Ковалев А. Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства / А. Г. Ковалев. – М., 1978.
73. Козырев Г. И. Введение в политологию / Г. И. Козырев. – М. : Академический проспект, 2003.
74. Кондильяк Э. Б. О языке и методе / Э. Б. Кондильяк : пер. с франц. – Изд. 2-е. – М. : КомКнига, 2006. – 184 с.
75. Кондильяк Э. Б. Сочинения. – М., 1980–1982. – Т. 1–2.
76. Конфуций. Лунь юй. Древнекитайская философия : собр. текстов : в 2 т. – М., 1972. – Т. 1.
77. Конфуций. Уроки мудрости : Соч. : пер. с древнекит. / сост., вступ. ст. и коммент. М. А. Блюменкранца. – М. : ЭКСМО-пресс; Харьков : Фолио, 2000.

78. Крозье М. Основные тенденции современных сложных обществ // Социально-политический журнал. – 1992. – № 6, 7.
79. Крозье М. Современное государство – скромное государство: другая стратегия изменения // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2.
80. Лассуэлл Г. Психопатология и политика / Г. Лассуэлл : монография. – М. : РАГС, 2005. – 352 с.
81. Лассуэлл Г. Д. Власть, коррупция и честность / Г. Д. Лассуэлл, А. А. Рогоу.: пер. с англ. – М. : РАГС, 2005.
82. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М., 1958. – Т. 41. – С. 1–104.
83. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. – М., 1958. – Т. 1. – С. 125–346.
84. Ливий Т. История Рима от основания города : в 3 т. / Т. Ливий ; пер. Г. С. Кнабе, А. И. Солопов, Э. Г. Юнц. – М. : Ладомир, 2005.
85. Линдблом Ч. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира / Ч. Линдблом : пер. с англ. – М. : Ин-т комплексных стратегических исследований, 2005.
86. Липсет С. Американская демократия в сравнительной перспективе // Сравнительная социология / ред. И. Орлова. – М., 1995.
87. Липсет С. Политическая социология // Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы / ред. Н. Смелзер. – М., 1972. – С. 203–219.
88. Липсет С. М. Третьего пути не существует: перспективы левых движений. // Политические исследования. – 1991. – № 5. – С. 15–32; № 6. – С. 19–39.
89. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Н. Макиавелли; предисл., комментарий Е. И. Темнова. – М., 1996.
90. Мангейм Д. Б. Диагноз нашего времени / Д. Б. Мангейм. – М. : Юрист, 1995.
91. Мангейм Д. Б. Политология. Методы исследования / Д. Б. Мангейм, Р. К. Рич : пер. с англ. – М., 1999.
92. Маркс К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» // Соч. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 18.
93. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Соч. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 4.
94. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Соч. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 8.
95. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. – 1992. – № 2–4.
96. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. – 1992. – № 2, 3, 4.
97. Милановский В. Политические действия как элемент системы общественной практики / В. Милановский, М. Карват // Элементы теории политики / под ред. В. П. Макаренко. – Ростов н/Д, 1991.
98. Милза П. Что такое фашизм? // Полис. – 1995. – № 2. – С. 156–163.
99. Миллс Р. Властвующая элита / Р. Миллс. – М., 1959.
100. Михайловский Н. К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии : в 2 т. / Н. К. Михайловский. – СПб., 1998.
101. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2. – С. 186–197.
102. Мишин Г. К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения / Г. К. Мишин. – М., 1991. – С. 12.
103. Моска Г. Метод в политической науке : пер. // Личность. Культура. Общество : научно-практический журнал. – 2001. – Т. 3. – Вып. 3. – С. 149–155.
104. Социс. – 1995. – № 2.

105. Моска Г. Правящий класс // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2. – С. 118–134.
106. Мухаев Р. Т. Политология : учебник для студентов вузов / Р. Т. Мухаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
107. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. – М., 2002.
108. Нечкина М. В. В. О. Ключевский. История жизни и творчества / М. В. Нечкина. – М., 1974.
109. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – М., 1990.
110. Ортега-и-Гассет Х. Веласкес. Гойя / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 1997.
111. Панарин А. С. Политология. Общий курс / А. С. Панарин, И. А. Василенко. – М. : ТК Велби, 2003.
112. Парето В. Социалистические системы // Теоретическая социология : антология : в 2 ч. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковская. – М. : Университет, 2002. – Ч. 1.
113. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М. : Аспект-Пресс, 1997.
114. Парсонс Т. О структуре социального действия : пер. с англ. / Т. Парсонс / под общ. ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. – М., 2000.
115. Перегудов С. П. Группы интересов и российское государство / С. П. Перегудов, Н. Ю. Лапина, И. С. Семенов. – М., 1999.
116. Платон. Государство. Законы. Политик / предисл. Е. И. Темнова. – М., 1998.
117. Плутарх. Наставления о государственных делах / Плутарх // Сравнительные жизнеописания. Трактаты и диалоги. – М., 1998.
118. Политическая социология / отв. ред. : В. Н. Иванов, Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 2000.
119. Политический имидж: «секреты» манипуляции массовым сознанием. – СПб., 2000.
120. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа : сб. учебных материалов / под ред. Е. Ю. Мелешкиной. – М. : ИНФРА-М; Весь Мир, 2001.
121. Политология : курс лекций : учеб. пособие для вузов / А. Д. Бырышева, О. Г. Овчинникова, Е. Ю. Титова, А. С. Торгашева, Н. К. Стрельцова. – М. : Экзамен, 2005.
122. Политология : учеб. пособие для сл. ф-тов заоч. обуч. юрид. вузов / под общ. ред. проф. В. П. Сальникова. – СПб. : Фонд «Университет», 2000.
123. Политология : учеб. пособие / под ред. проф. А. А. Радугина. – 2-е изд. – М., Центр, 2002.
124. Политология : учебник / под ред. М. А. Василика. – М. : Гардарики, 2004.
125. Политология : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. В. И. Власова. – Ростов н/Д : МарТ, 2002.
126. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер. – М. : Ника-Центр, 2005.
127. Психология господства и подчинения : хрестоматия / сост. А. Г. Чернявская. – Минск : Харвест, 1998.
128. Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию : учебник для студентов вузов / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2003.
129. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство: Причины, следствия, реформы / С. Роуз-Аккерман ; пер с англ. О. А. Алякринского. – М. : Логос, 2003.
130. Светоний Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей / Г. Т. Светоний. – М. : ЭКСМО, 2007.
131. Семькина Т. В. Политическая элита // Курс политологии : учебник / под ред. А. Г. Грязновой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2003. – С. 115–119.
132. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М., 1993.

133. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии : учебник для студентов вузов / А. И. Соловьев. – М. : Аспект Пресс, 2003.
134. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М., 1992.
135. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – СПб., 2000.
136. Сороковой А. Г. Социально-психологические проблемы руководства / А. Г. Сороковой. – М., 1971.
137. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер. – Мн., 1999.
138. Спенсер Г. Основания социологии. Социология как предмет изучения // Западноевропейская социология XIX века. – М., 1996.
139. Спенсер Г. Синтетическая философия / Г. Спенсер. – Киев, 1997.
140. Такер Р. Политическая культура и лидерство в Советской России. От Ленина до Горбачева (главы из книги) // США : экономика, идеология, политика. – 1990. – № 1, 2, 6, 9.
141. Тард Г. Общественное мнение и толпа / Г. Тард. – Репр. копия. – М., 1902.
142. Тенденции развития федерализма в Российской Федерации / М. А. Краснов, Г. А. Сатаров, М. А. Федотов и др. – М. : ООЛИТА, 2002.
143. Токвиль А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль ; пер. с франц. – М., 2000.
144. Токвиль А. де. Старый порядок и революция / А. де Токвиль. – М., 1997.
145. Фейхтвангер Л. Лже-Нерон : роман. Рассказы / Л. Фейхтвангер ; пер. с нем. – М. : Правда, 1990.
146. Фрейд З. Труды разных лет /З. Фрейд. – Тбилиси, 1991.
147. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М., 1990.
148. Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм. – М., 1992.
149. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М., 1990.
150. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб., 2001.
151. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М., 1995.
152. Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т. А. Алексеева. – М., 1997. – Т. 2.
153. Херманн М. Г. Составные части лидерства // Мир политики: суждения и оценки западных политологов. – М., 1992.
154. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 / Э. Хобсбаум – СПб. : Алетейя, 1998.
155. Хренов А. Е. Административные институты власти. // Политология : учеб. пособие / под ред. А. С. Тургаева, А. Е. Хренова. – СПб. : Питер, 2005. – 241–250.
156. Хренов А. Е. Политическое лидерство // Политология : учеб. пособие / под ред. А. С. Тургаева, А. Е. Хренова. – СПб. : Питер, 2005. – С. 357–367.
157. Хренов А. Е. Социальные общности как политические акторы // Политология : учеб. пособие / под ред. А. С. Тургаева, А. Е. Хренова. – СПб. : Питер, 2005. – С. 338–357.
158. Чугунов В. И. Человек в политическом процессе // Политология : учебник / под ред. В. И. Буренко, В. В. Журавлева. – М. : Экзамен, 2005.
159. Шаран П. Сравнительная политология / П. Шаран ; пер. с англ. – М., 1992. – Ч. 2. – С. 92.
160. Шаталин Е. А. Политология / Е. А. Шаталин. – Омск : Омск. гос. ин-т сервиса, 2003.
161. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер. – М., 1995.
162. Энгельс Ф. Партия рабочих // Соч. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 19.
163. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Соч. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 19.
164. Энгельс Ф. Германская кампания за имперскую конституцию // Соч. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 7.

Путеводитель по пособию

ВВЕДЕНИЕ	6
Часть первая. ВВЕДЕНИЕ В УЧЕБНУЮ ДИСЦИПЛИНУ	9
Раздел 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТОЛОГИИ	9
Глава 1. Политика как социальный феномен	10
§ 1. Объект и предмет политической науки	10
1.1.1. Политика как планетарное явление	10
1.1.2. Предмет политической науки	14
1.1.3. Понятие политики	16
§ 2. Структура, функции и границы политики	19
1.2.1. Форма, содержание и процесс политики	20
1.2.2. Элементы политики	20
1.2.3. Первичные и основные действующие начала политики	21
1.2.4. Уровни политики	22
1.2.5. Виды политики	23
1.2.6. Функции политики	23
1.2.7. Подвижность границ политики	25
1.2.7.1. Тоталитарная трактовка политики	26
1.2.7.2. Авторитарная трактовка политики	27
1.2.7.3. Либеральная и нелиберальная трактовка политики	27
1.2.7.4. Социал-демократическая трактовка политики	27
1.2.7.5. Анархистская трактовка политики	27
1.2.8. Ценности и интересы в политике	28
§ 3. Свойства политики	29
1.3.1. Структура свойств политики	29
1.3.2. Свойство проникновения	31
1.3.3. Пространственные свойства политики	32
1.3.4. Темпоральные свойства политики	34
1.3.5. Морфологические свойства политики	35
1.3.6. Процессуальные свойства политики	37
1.3.7. Стихийные и сознательные начала в политической деятельности	38
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	40
Глава 2. Возникновение и становление политологии	42
§ 1. Период накопления политических знаний	42
2.1.1. Предыстория политической науки	42
2.1.2. Политические учения Востока	43
2.1.3. Европейская античная традиция	43
2.1.4. Средневековый этап	46
2.1.5. Политические учения эпохи Возрождения и Просвещения	47
2.1.6. Период буржуазных революций	49
§ 2. Время «первой институционализации» политической науки	51
2.2.1. Естественно-научный фундамент политической науки	51
2.2.2. Концепции первой половины XIX в.	52
2.2.3. Теории середины XIX в.	52
2.2.4. Становление политической науки (конец XIX– начало XX вв.)	53
2.2.5. Создание национальных политологических школ	54
2.2.5.1. Германская школа	54
2.2.5.2. Французская школа	55
2.2.5.3. Американская школа	56
2.2.5.4. Английская школа	57
2.2.5.5. Итальянская школа	57
2.2.5.6. Российская школа	57

2.2.6. Две тенденции в развитии политической науки	60
§ 3. Этап «второй институционализации» политической науки	64
2.3.1. Оформление политики как самостоятельной научной дисциплины	64
2.3.2. Развитие национальных политологических школ	65
2.3.2.1. Французская политологическая школа	65
2.3.2.2. Германская политологическая школа	66
2.3.2.3. Английская политологическая школа	67
2.3.2.4. Американская политологическая школа	67
2.3.2.5. Политическая наука в России	69
2.3.3. Поиск новой парадигмы в политологии	70
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	71
Глава 3. Политология как наука и учебная дисциплина	72
§ 1. Структура политологии и ее место в системе наук	72
3.1.1. Определение политологии	72
3.1.2. Структура наук и место политологии среди научного комплекса	73
3.1.2.1. Место политологии в системе наук	73
3.1.2.2. Место политологии в системе социальных наук	74
3.1.3. Структура политической науки	77
3.1.3.1. Ядро политологического комплекса	77
3.1.3.2. Пограничные политологические дисциплины	79
§ 2. Методология политической науки	80
3.2.1. Понятие методологии	80
3.2.2. Парадигмы политической мысли	81
3.2.3. Инструментарий политологического исследования	82
3.2.3.1. Типологии методов	82
3.2.3.2. Общенаучные, или общелогические методы	83
3.2.3.3. Социально-гуманитарные методы	83
3.2.3.4. Эмпирические методы	87
§ 3. Итоги развития методологии современной политической науки	92
3.3.1. Этапы эволюции методов изучения политики	92
3.3.2. Проблема законов в политологии	94
3.3.3. Особенности современного периода	97
§ 4. Политология как учебная дисциплина	100
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	105
<i>Библиографический список к разделу 1</i>	105
Часть вторая. ФОРМА ПОЛИТИКИ	113
Раздел 2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ	113
Глава 4. Сущность, структура и функции политической системы	114
§ 1. Понятие и структура политической системы	114
4.1.1. Понятие политической системы	114
4.1.1.1. Появление термина	114
4.1.1.2. Характеристика	114
4.1.1.3. Сравнение политической системы с политическим режимом	119
4.1.1.4. Два значения термина	120
4.1.1.5. Определения политической системы	120
4.1.2. Структура политической системы	121
§ 2. Функции и типы политических систем	125
4.2.1. Функции политических систем	125
4.2.2. Типология политических систем	126
§ 3. Политические режимы и тенденции развития политических систем	132
4.3.1. Понятие и особенности политического режима	132

4.3.2. Типология политических режимов	135
4.3.3. Тенденции развития современных политических систем	139
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	142
Глава 5. Авторитарные и тоталитарные политические системы	144
§ 1. Авторитаризм	144
5.1.1. Исторический аспект авторитаризма	144
5.1.2. Отличительные черты авторитаризма	145
5.1.3. Отличие авторитарных политсистем от тоталитарных	147
5.1.4. Причины сохранения и воспроизводства авторитаризма	148
5.1.5. Типология авторитарных систем	148
5.1.6. Авторитарная система правления и развивающиеся страны	151
5.1.7. Реформаторские возможности авторитаризма	152
§ 2. Понятие тоталитарных систем	154
5.2.1. Истоки и сущность тоталитаризма	154
5.2.1.1. Определение тоталитаризма	154
5.2.1.2. Предпосылки возникновения тоталитаризма	155
5.2.1.3. Сущность тоталитаризма	156
5.2.2. Типология тоталитаризма	157
5.2.3. Характерные черты политического тоталитаризма	158
5.2.3.1. Сфера сознания	159
5.2.3.2. Политические черты	162
5.2.3.3. Институциональные и нормативные свойства тоталитаризма	163
5.2.3.4. Социальные и экономические признаки	166
5.2.3.5. Разновидности политического тоталитаризма	167
§ 3. Неототалитарные тенденции в современном обществе	169
5.3.1. Основные тенденции современного тоталитаризма	169
5.3.2. Рост рационализма и организованности в общественном сознании и организации	171
5.3.3. Средства контроля	171
5.3.4. Методы контроля	172
5.3.5. Программирование сознания	174
5.3.6. Экономическая и политическая власть	175
5.3.7. Иллюзорная демократия	176
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	177
Глава 6. Демократия: история и современность	178
§ 1. Понятие и измерение демократии	178
6.1.1. Различия между древнегреческим и современным типами демократии	178
6.1.2. Этимологические определения демократии	179
6.1.3. Ценностный подход к демократии	180
6.1.4. Эмпирический подход к демократии	182
6.1.5. Конституирующие признаки демократии	185
6.1.6. Всеобщая и социально ограниченная демократия	186
6.1.7. Индивидуалистическая, плюралистическая и коллективистская демократии	187
6.1.8. Прямая, плебисцитарная и представительная демократии	189
6.1.9. Формы демократического государства	191
6.1.10. Деспотическая, тоталитарная и конституционная демократии	191
6.1.11. Принцип разделения властей	193
§ 2. Современная демократия	194
6.2.1. Демократия классического либерализма	195
6.2.1.1. Либерализм как идейная основа государственного устройства	195
6.2.1.2. Отличительные черты либеральной демократии	196

6.2.1.3. Слабости либеральной демократии	199
6.2.2. Коллективистская демократия	200
6.2.2.1. Концепция демократии Руссо	201
6.2.2.2. Социалистическая демократия	202
6.2.2.3. Плебисцитарная партийная демократия	203
6.2.2.4. Отличительные черты коллективистской демократии	204
6.2.2.5. Уроки коллективистских экспериментов	205
6.2.3. Место и роль элиты и лидера в политической демократии	206
§ 3. Плюралистическая демократия и способы перехода к ней	209
6.3.1. Современная модель демократии	209
6.3.1.1. Особенности современной демократии	209
6.3.1.2. Плюралистическая теория демократии	210
6.3.1.3. Общие черты плюралистических теорий демократии	211
6.3.1.4. Слабости теории и практики плюралистической демократии	212
6.3.2. Современные теории демократии	212
6.3.2.1. Теория партиципаторной демократии	212
6.3.2.2. Модель демократии Липсета – Лернера	213
6.3.2.3. Теория корпоративной демократии	214
6.3.2.4. Модель консоциальной демократии	215
6.3.2.5. Экономическая модель демократии Э. Даунса	216
6.3.2.6. Концепции теледемократии	217
6.3.2.7. Теория рефлексирующей (размышляющей) демократии	218
6.3.2.8. Демократические модели «прав человека»	218
6.3.2.8.1. Концепция Л. Дайамонда	218
6.3.2.8.2. Институциональная модель «интегративной демократии	219
6.3.3. Пути и способы перехода общества к демократии	220
6.3.3.1. «Волны» демократизации	221
6.3.3.2. Экономические предпосылки демократии	222
6.3.3.3. Социальные предпосылки демократии	223
6.3.3.4. Политическая культура как предпосылка демократии	224
6.3.3.5. Влияние религии	225
6.3.3.6. Внешнеполитические предпосылки демократии	226
6.3.3.7. Стадии перехода к демократии	226
6.3.3.8. Общие модели демократизации	228
6.3.3.9. Закономерности демократизации	229
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	229
<i>Библиографический список к разделу 2</i>	230
Раздел 3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ	235
Глава 7. Государство	236
§ 1. Сущность государства	237
7.1.1. Характеристики государства	237
7.1.2. Широкое и узкое значение термина «государство»	238
7.1.3. Общие признаки государства	239
7.1.4. Причины возникновения государства	240
7.1.5. Функции государства	241
7.1.6. Исторические рубежи в развитии государства	244
7.1.7. Правовой фундамент государства	245
§ 2. Правовое и социальное государства	247
7.2.1. Правовое государство	247
7.2.1.1. Понятие правового государства	247

7.2.1.2. Исторический очерк	248
7.2.1.3. Отличительные черты правового государства	249
7.2.1.4. Пути формирования правового государства	251
7.2.2. Гражданское общество	252
7.2.2.1. Понятие и определение	252
7.2.2.2. Исторические формы и теории гражданского общества	254
7.2.2.2.1. История гражданского общества	254
7.2.2.2.2. Научное развитие термина	255
7.2.2.3. Сущность современного гражданского общества	256
7.2.2.4. Характеристика гражданского общества	258
7.2.2.5. Функции гражданского общества	260
7.2.2.6. Структура гражданского общества	260
7.2.2.7. Направления формирования гражданского общества в России	261
7.2.3. Социальное государство	263
7.2.3.1. Причина и история создания социального государства	263
7.2.3.2. Определение и сущность социального государства	264
7.2.3.3. Процесс создания социального государства	265
7.2.3.4. Принципы и функции социального государства	267
7.2.3.5. Типология социальных государств	268
7.2.3.6. Соотношение социального и правового принципов	273
7.2.3.7. Проблемы социального государства	274
7.2.3.8. Природа современного российского государства	277
§ 3. Устройство современного государства	282
7.3.1. Формы правления	282
7.3.1.1. Монархия	283
7.3.1.1.1. Определение и сущность современной абсолютной монархии	284
7.3.1.1.2. Разновидности конституционных монархий	285
7.3.1.2. Республика	289
7.3.1.2.1. Парламентская республика	289
7.3.1.2.2. Президентская республика	291
7.3.1.2.3. Полупрезидентская республика	292
7.3.1.2.4. Особенности республиканской формы правления	294
7.3.2. Территориально-политическое устройство государств	294
7.3.2.1. Понятие территориально-политического устройства и его разновидности	294
7.3.2.2. Унитарное государство	297
7.3.2.2.1. Определение и сущность унитарного государства	297
7.3.2.2.2. Разновидности унитарного государства	298
7.3.2.3. Федеративное государство	299
7.3.2.3.1. Определение и сущность федеративного государства	299
7.3.2.3.2. Разновидности федеративного государства	303
7.3.2.4. Конфедерация	306
7.3.2.5. Империя	308
7.3.2.6. Территориальная и национально-культурная автономия	309
7.3.2.6.1. Определение и сущность территориальной и национально-культурной автономии	309
7.3.2.6.2. Формы территориальной и национально-культурной автономии	310
7.3.2.6.3. Политическая автономия	311
7.3.2.6.4. Административная автономия	312
7.3.2.7. Государственное устройство современной России	313

<i>Вопросы для самоконтроля</i>	314
Глава 8. Группы интересов, политические движения и партии	316
§ 1. Группы интересов и политические движения	316
8.1.1. Группы интересов	316
8.1.1.1. Понятие групп интересов	316
8.1.1.2. Особенности групп интересов	317
8.1.1.3. Функции групп интересов	320
8.1.1.4. Типология групп интересов	322
8.1.2. Общественно-политические движения	323
8.1.2.1. Понятие и определение движений	323
8.1.2.2. Создание и эволюция политических движений	324
8.1.2.3. Особенности общественно-политических движений	325
8.1.2.4. Функции политических движений	326
8.1.2.5. Типология общественно-политических движений	328
8.1.3. Общественно-политические движения и группы интересов в России	328
§ 2. Политические партии	330
8.2.1. Определение, происхождение и эволюция политических партий	330
8.2.1.1. Определение понятия политическая партия	330
8.2.1.2. Происхождение и эволюция политических партий	332
8.2.2. Сущность, статус и образ действия современных партий	338
8.2.2.1. Отражение интересов определенной социальной группы (представительство)	338
8.2.2.2. Характер и сущность организации партии	341
8.2.2.3. Институционализация политических партий	343
8.2.2.4. Партия как опора демократической системы	346
8.2.3. Структура, состав и средства партий	346
8.2.3.1. Принцип построения партии	347
8.2.3.2. Структура партии (основные звенья)	348
8.2.3.3. Внутрипартийные коммуникации	350
8.2.3.4. Источники финансирования партии	351
8.2.4. Функции политических партий	352
8.2.4.1. Завоевание политической власти	352
8.2.4.2. Руководство и контроль над институтами государственной власти	354
8.2.4.3. Внутригосударственная коммуникация	355
8.2.4.4. Отбор и рекрутирование политических лидеров и элит	356
8.2.4.5. Выражение интересов определенных социальных групп	357
8.2.4.6. Политическая социализация граждан	357
8.2.4.7. Зависимость функций партии от политической системы	358
§ 3. Типы партий и партийных систем	359
8.3.1. Типология партий	359
8.3.1.1. Типология по социально-политическим функциям	360
8.3.1.1.1. По месту и роли партии в политической системе	360
8.3.1.1.2. Профильные партии	361
8.3.1.1.3. По средствам завоевания власти	363
8.3.1.1.4. Характер связи партии с государством	364
8.3.1.2. Типологизация по организационным особенностям	365
8.3.1.2.1. Классификация Дюверже	365
8.3.1.2.2. По принципу территориальной и организационной структуры	367
8.3.2. Понятие и сущность партийных систем	368
8.3.2.1. Понятие партийной системы	368

8.3.2.2. Сущность и характеристики партийных систем	369
8.3.2.2.1. Роль и значение партийной системы в жизни страны	369
8.3.2.2.2. Обстоятельства, определяющие тип партийной системы	370
8.3.2.2.3. Характеристики и особенности партийных систем	371
8.3.2.3. Классификация партийных систем	374
8.3.2.3.1. Количественные дефиниции	374
8.3.2.3.2. Комбинированная типология	376
8.3.2.3.3. Политический спектр	378
8.3.3. Российское партийное строительство	379
8.3.3.1. История российской партийной системы	379
8.3.3.2. Восстановление многопартийной системы	382
8.3.3.3. Юридическое закрепление принципа многопартийности	384
8.3.3.4. Особенности формирования российской политической системы	386
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	389
Глава 9. Тенденции развития политических институтов	390
§ 1. Тенденции развития государства	390
9.1.1. Изменение роли территориального фактора	390
9.1.2. Рост экологичности государства	390
9.1.3. Борьба децентрализаторских и централизаторских тенденций	391
9.1.4. Сокращение практики использования силового ресурса	392
9.1.5. Ослабление совокупной конкурентоспособности социальных государств	393
9.1.6. Государство и бюрократизм	393
§ 2. Основные тенденции в развитии партий	396
9.2.1. Последовательность появления партий	396
9.2.2. Превращение в электоральные партии	397
9.2.3. Изменение мотивации электората	398
9.2.4. Протестное голосование	400
9.2.5. Недоверие населения к политическим партиям и снижение роли последних как инструмента политической социализации граждан	400
9.2.6. Рост роли групп интересов	401
§ 3. Международные межправительственные политические и общественно-политические объединения	402
9.3.1. История создания международных межправительственных организаций	403
9.3.1.1. Предшественники ММПО	403
9.3.1.2. Лига наций	403
9.3.1.3. Учреждение Организации Объединенных Наций	405
9.3.2. Особенности и функции ММПО	406
9.3.2.1. Роль ММПО, их особенности и возможности	407
9.3.2.2. Функции и структура ММПО	408
9.3.3. Разновидности ММПО	409
9.3.3.1. Характеристика и тенденция развития международной системы	409
9.3.3.2. Конфедерации	413
9.3.3.3. Содружество	413
9.3.3.4. Союзы	414
9.3.3.5. Пределы международных организаций	416
9.3.3.6. Негосударственные организации	419
9.3.4. Тенденции развития ММПО	420

9.3.4.1. Сценарии организации глобального регулирования	420
9.3.4.2. Демократическое или авторитарное глобальное управление?	422
9.3.4.3. Глобальная бюрократия и юстиция	423
9.3.4.4. Глобальное управление и глобальное общество?	425
9.3.4.5. Уровни наднационального управления	425
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	426
<i>Библиографический список к разделу 3</i>	427
Раздел 4. АГЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	431
Глава 10. Социальные группы как субъекты политики	432
§ 1. Понятие агента политических отношений	432
10.1.1. Понятие субъекта и объекта в политике	432
10.1.2. Понятие политического актора	433
10.1.3. Институты как субъекты политики	434
10.1.4. Группы как субъекты политики	435
10.1.5. Человек как субъект политики	437
10.1.6. Виды политических агентов	438
10.1.6.1. Проблема классификации политических агентов	439
10.1.6.2. Агенты макро- и микрополитики	439
§ 2. Социальная стратификация	440
10.2.1. Понятие социальной стратификации	440
10.2.2. Система социального представительства	444
10.2.3. Виды социальной стратификации	445
10.2.4. Социальная мобильность	448
10.2.5. Социальные источники напряженности политических отношений в России	451
§ 3. Место и роль классов и социальных групп в политике	453
10.3.1. Особенности социальной структуры	453
10.3.2. Марксистская трактовка политической роли классов	456
10.3.3. Антагонистические классы и современность	457
10.3.4. Трактовка классов М. Вебером	459
10.3.5. Функциональный подход к классам	460
10.3.6. Разновидности концепции среднего класса	461
10.3.7. Нации в политическом измерении	463
10.3.7.1. Основные подходы в трактовке наций	463
10.3.7.2. Конструктивистское понимание нации	464
10.3.7.3. Примордиалистские трактовки нации	465
§ 4. Функции социальной структуры и ее динамика в современном мире	468
10.4.1. Процесс артикуляции групповых интересов	468
10.4.2. Процесс агрегирования групповых интересов	470
10.4.3. Формирование представительных структур	471
10.4.4. Тенденции развития социальной структуры в странах Запада	472
10.4.5. Социальные факторы политических изменений в переходных обществах	474
10.4.6. Особенности социальной стратификации в современном российском обществе	475
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	478
Глава 11. Политические элиты	479
§ 1. Возникновение понятия и теории элит	479
11.1.1. Происхождение понятия «политическая элита»	479
11.1.2. Теория «политического класса» Г. Моски	481
11.1.3. Теория «круговорота элит» В. Парето	483

11.1.4. Теория «железного закона олигархии» Р. Михельса	486
§ 2. Основные направления современной элитарной теории	488
11.2.1. Макиавеллизм и теоретические интерпретации элитизма	488
11.2.2. Ценностные теории	489
11.2.3. Теории демократического элитизма	492
11.2.4. Концепции плюрализма элит и функциональные теории элит	493
11.2.5. Левoliberalные концепции	495
§ 3. Типология, социальная результативность и рекрутирование политической элиты	497
11.3.1. Общее определение и причины существования элиты	497
11.3.2. Типология элит	500
11.3.3. Структура элиты	501
11.3.4. Функции элиты	505
11.3.5. Результативность и интеграция элиты	508
11.3.6. Социальная представительность элиты	509
11.3.7. Системы рекрутирования элит	512
11.3.8. Государственная бюрократия как составная часть политической элиты	517
11.3.8.1. Модели бюрократии	517
11.3.8.2. Бюрократия и политика	519
11.3.8.3. Коррупция	521
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	523
Глава 12. Первичные субъекты политики	524
§ 1. Индивид как субъект политики	525
12.1.1. Особенности индивида как субъекта политики	525
12.1.2. Модели взаимоотношений государства и индивида	528
§ 2. Понятие лидерства	531
12.2.1. Понятие политического лидера	531
12.2.2. Идеи лидерства в истории	533
12.2.3. Определения лидерства	535
12.2.4. Объективная и субъективная стороны лидерства	538
§ 3. Природа политического лидерства	541
12.3.1. Теория черт	542
12.3.2. Психологические концепции и интерактивный анализ	543
12.3.3. Ситуационная концепция	547
12.3.4. Теория конститuentов	548
12.3.5. Интегративные теории	550
§ 4. Классификация, функции и тенденции развития лидерства	551
12.4.1. Функции политического лидерства	551
12.4.2. Уровни лидерства	554
12.4.3. Типы лидерства	555
12.4.4. Стили лидерства	560
12.4.5. Качества лидера	564
12.4.6. Имидж лидера	568
12.4.7. Политическое лидерство в России	572
12.4.8. Тенденции развития политического лидерства	574
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	577
<i>Библиографический список к разделу 4</i>	578
Путеводитель по пособию	584